

ISSN 2071-2405

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

PHILOLOGICAL CLASS

SCIENTIFIC & METHODOICAL JOURNAL

1 (55) / 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЦЕЛЬ ЖУРНАЛА «Филологический класс» – обеспечивать высокий уровень научных исследований в области лингвистики и литературоведения; способствовать воздействию академической науки на методику преподавания филологических дисциплин в вузе и школе. Насущным для журнала является расширение географии контактов с научно-методическими центрами в России и за рубежом.

Журнал «Филологический класс» публикует исследования по трем группам научных специальностей: литературоведение, лингвистика, педагогические науки.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА

«**Концепции. Программы. Гипотезы**». В разделе публикуются исследовательские статьи теоретико-концептуальной направленности; авторские программы преподавания филологических дисциплин в вузе и школе; материалы, содержащие плодотворные научные и научно-методические гипотезы, которые призваны обеспечить дискуссионное поле журнала. Раздел делится на две рубрики: в первой печатаются статьи литературоведческого цикла и соответственно – преподавания литературы в вузе и школе; во второй – материалы по проблемам лингвистики и преподавания языковых дисциплин.

«**Проблемы современной лингвистики**». В разделе публикуются статьи по актуальным вопросам современного языкознания, а именно: теория и история языка, психолингвистика и лингвокогнитология, коммуникативистика и корпусная лингвистика. Особое внимание уделяется концептуальным работам, представляющим результаты фундаментальных исследований, развивающих теорию и методологию актуальных направлений лингвистики.

«**Траектории литературного процесса XX – начала XXI веков**». Публикуются материалы, исследующие русскую и зарубежную классику XX века, представляющие новое прочтение «этапных» и анализ современных произведений. Приветствуются статьи, посвященные специфике бытования модернизма и постмодернизма в мировой литературе.

«**Теория и методика преподавания филологических дисциплин в вузе и школе**». Рубрика предполагает освещение основных проблемных полей современной методики преподавания языка и литературы и выступает площадкой для дискуссий в связи со спорными вопросами преподавания предметов филологического цикла в вузе и школе.

«**Теория и практика современного урока**». Публикуются материалы, которые содержат исследование учебного процесса в школе с акцентом на уроке как его единицы. Предлагаемые материалы должны содержать не только конспект урока (технологическую карту), но и его развернутое научно-методическое обоснование, связанное с узловыми вопросами организации и проведения урока литературы и языка.

«**Перечитывая русскую и зарубежную классику**». Основной для рубрики является новое прочтение классических произведений, осуществленное на основе современных аналитических стратегий, неожиданные интерпретации знакомых текстов в контексте рецептивной эстетики.

«**Русский язык в мультикультурном взаимодействии**». Рубрика представляет научные статьи, посвященные вопросам изучения русского языка в сопоставлении с другими языками, а также проблемам мультикультурной коммуникации. Внимание уделяется работам, направленным на изучение социокультурного статуса русского языка в межкультурном пространстве и усилению влияния русского языка в мире.

«**Из методического наследия**». В рубрике публикуются статьи, демонстрирующие эвристический потенциал работ ярких отечественных филологов и педагогов прошлого (XIX–XX вв.) в связи с вызовами современности, востребованность их научных результатов и методических идей сегодня.

«**Медленное чтение**». Цель настоящей рубрики – публикация исследований художественного текста, выполненного с опорой на современные теоретические идеи и оригинальную методику анализа. Подобные «разборы», демонстрирующие высший «класс», могут служить одним из ориентиров для филологического совершенствования, а также быть привлеченными к практике преподавания в школе.

«**С рабочего стола ученого / молодого ученого**». Публикуются материалы исследований, отличающиеся новизной методологических подходов и гипотетической направленностью, представляющие актуальные направления лингвистики и литературоведения.

«**Региональный компонент вузовского и школьного образования**». Публикуются статьи, освещающие специфику духовной культуры Урала и других регионов, богатство художественных традиций, своеобразие развития языковых процессов, а также рассматривающие конкретные приемы работы в вузе и школе по изучению региональной культуры.

«**Обзоры. Рецензии**». Публикуются аналитические обзоры конференций; рецензии на научные и научно-методические исследования.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-53411 от 29.03.2013

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ с 2017 года

Включен в базу данных European Reference Index
for the Humanities (ERIH PLUS), ID 486932

Включен в базу данных Web of Science Core Collections
Emerging Sources Citation Index (ESCI)

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс 84587

Главный редактор:	профессор Хрящева Н. П. (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)
Ответственные редакторы:	по истории древнерусской литературы, литературы XVIII и XIX вв.: профессор С. И. Ермоленко (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории и истории литературы XX — начала XXI вв.: профессор Н. В. Барковская (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории и истории зарубежной литературы: профессор Н. В. Пестова (независимый исследователь), профессор Е. Г. Доценко (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по методике литературы в вузе и школе: доцент Л. Д. Гутрина (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по лингвистике: профессор Е. В. Дзюба (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по методике преподавания языка в вузе и школе: доцент С. А. Еремина (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)
Ответственный секретарь:	доцент О. А. Скрипова (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алексеева М. А.	Уральский федеральный университет, Специализированный учебно-научный центр, Екатеринбург, Россия
Бутакова Л. О.	Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия
Ворожцова И. Б.	Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
Дырдин А. А.	Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия
Егоров Б. Ф.	Санкт-Петербургский исследовательский институт РАН, Санкт-Петербург, Россия
Клинг О. А.	Московский государственный университет, Москва, Россия
Когут К. С.	Уральский федеральный университет, Специализированный учебно-научный центр, Екатеринбург, Россия
Костюхина М. С.	Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
Кукулин И. В.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Кусова М. Л.	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Литовская М. А.	Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
Малыгина Н. М.	Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
Московская Д. С.	Институт мировой литературы РАН, Россия
Мухин М. Ю.	Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Пестова Н. В.	независимый исследователь, Екатеринбург, Россия
Плотникова А. М.	Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Подшивалова Е. А.	Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
Проскурина Е. Н.	Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Рут М. Э.	Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Снигирева Т. А.	Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
Соболева Л. С.	Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Тагильцев А. В.	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Терентьева Н. П.	Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск, Россия
Трубина Л. А.	Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Тюпа В. И.	Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Черняк М. А.	Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург, Россия
Щербинина Ю. В.	Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Чони П.	Итальянский Институт Культуры, Россия

Вайскопф М. Я.	Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль
Галло Я.	Университет им. Константина Философа в Нитре, Словакия
Добренко Е. А.	Университет Шеффилда, Великобритания
Дооге Б.	Университет Гента, Бельгия
Карданова Н. Б.	Генуэзский университет, Генуя, Италия
Кеснер Й.	Университет Градец Кралове, Чехия
Липовецкий М. Н.	Университет штата Колорадо, США
Михайлова Г. П.	Вильнюсский университет, Литва
Нефагина Г. Л.	Поморская Академия, Польша
Петкова Г.	Софийский университет Св. Климента Орхидского, Болгария
Поспишил И.	Университет им. Масарика, Чехия
Сабо Т.	Печский университет, Венгрия
Фаст П.	Силезский университет, Польша
Фортель де Ля А.	Лозаннский университет, Швейцария
Херльт Й.	Фрибурский университет, Швейцария

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, кафедра литературы и методики ее преподавания (к. 279).
Тел.: (343) 235-76-66; (343) 235-76-41; электронный адрес: olga-skripova@mail.ru

Редактор О. А. Адясова
Дизайн и вёрстка А. Ю. Тюменцева

Цена свободная

16+

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС
2019. № 1 (55)

Дата выхода в свет 28.03.2019. Формат 60×84/8. Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 27,97. Тираж 500 экз. Заказ 5031

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники Уральского государственного педагогического университета.
620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26

The goal of Philological Class is to ensure high level scientific research in the field of linguistics and literature studies; to facilitate the impact of academic research upon the methods of teaching philological disciplines in higher and secondary school. Widening geographical contacts with scientific-methodological centers in Russia and abroad is an important constituent of the policy of the journal.

Philological Class publishes papers in three groups of scientific specialties: literature studies, linguistics and pedagogy.

THE MAIN SECTIONS OF THE JOURNAL

Conceptions. Programs. Hypotheses. This section publishes research articles in theory and concepts of education; authored programs of teaching philological disciplines in higher and secondary school; materials containing promising scientific and scientific-methodological hypotheses called upon to create the journal field of argument. The section is divided into two sub-sections: the first one publishes papers in literary studies and, correspondingly, teaching literature in higher and secondary school; the second one carries articles on the issues of linguistics and teaching linguistic disciplines.

Problems of Modern Linguistics. The section publishes articles on urgent issues of modern linguistics, and specifically: theory and history of the language, psycholinguistics and linguocognitology, and communicative studies and corpus linguistics. Special focus is given to conceptual works presenting the results of fundamental research developing the theory and methodology of urgent areas in linguistics.

Trajectories of the Literary Process of the 20th – early 21st Centuries. The published materials explore the Russian and foreign classics of the 20th century offering new interpretations and analysis of “landmark” and contemporary works of literature. The papers dedicated to the specificity of existence of modernism and postmodernism in world literature are welcome.

Theory and Methods of Teaching Philological Disciplines in Higher and Secondary School. The section presupposes exploration of the main problem areas of modern methods of teaching language and literature, and functions as a forum for discussion with relation to controversial issues of teaching philological subjects in higher and secondary school.

Theory and Practice of the Modern Lesson. The section publishes materials containing the study of the secondary school learning process with emphasis on the lesson as its unit. The submitted materials should not only present the notes of the lesson (a technological chart) but also provide its extended scientific-methodological substantiation connected with the

pivotal questions of organization and conduct of the lesson of literature and language.

Rereading Russian and Foreign Classics. The section focuses on new interpretations of works of classics undertaken on the basis of modern analytical strategies and new approaches to well-known texts in the context of perceptive esthetics.

Russian in Multicultural Interaction. The section presents scientific papers dealing with the issues of the study of the Russian language in comparison with other world languages and with the problems of multicultural communication. Attention is also paid to the works focusing on the study of the socio-cultural status of the Russian language in intercultural space and to enhancing the impact of the Russian language abroad.

Methodological Heritage. The section publishes articles demonstrating the heuristic potential of the works of outstanding Russian philologists and pedagogues of the past (19th–20th centuries) in connection with the modern challenges, and the relevance of their scientific findings and methodological ideas today.

Slow Reading. The aim of the given section is to publish literary text research based on the modern theoretical ideas and original methods of analysis. Such analyses demonstrating top quality skills of text interpretation may serve as benchmarks of philological proficiency, and may be used in practical teaching at school.

From the Writing Table of a Scholar / a Young Scholar. The section covers research materials distinguished by the novelty of methodological approaches and hypothetical orientation, and representing urgent areas of linguistics and literary studies.

Regional Component of Higher and Secondary Education. Articles on the specificity of the spiritual culture of the Urals and other regions, the wealth of artistic traditions, the specificity of language processes development and concrete pedagogical techniques used in higher and secondary school to study regional culture are included in this section.

Reviews. The section carries analytical reviews of conferences and scientific and scientific-methodological research works.

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media and Cultural Heritage Protection.
Registration certificate ПИ № ФС 7753411 of 29.03.2013

Included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of sciences should be published, by the Decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 2017

Included in European Reference Index
for the Humanities (ERIH PLUS), ID 486932

Included in Web of Science Core Collections
Emerging Sources Citation Index (ESCI)

The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ). ID 32349

Included in the United Catalog «Russian Press», Index 84587.

Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 2071-2405

Editor-in-Chief:	Professor N. P. Khriashcheva (Russia, Ekaterinburg, USPU)
Editorial Board:	history of ancient Russian literature, literature of the XVIII and XIX centuries: prof. S. I. Ermolenko (Russia, Ekaterinburg, USPU); theory and history of literature of the XX – beginning of the XXI centuries: prof. N. V. Barkovskaya (Russia, Ekaterinburg, USPU); theory and history of foreign literature: prof. N. V. Pestova (independent researcher); prof. E. G. Dotsenko (Russia, Ekaterinburg, USPU); methodology of literature in high school and school: assoc. L. D. Gutrina (Russia, Ekaterinburg, USPU); linguistics: prof. E. V. Dzyuba (Russia, Ekaterinburg, USPU); Theory and Methods of Teaching Philological Disciplines: assoc. S. A. Yeryomina (Russia, Ekaterinburg, USPU)
Executive Editor:	assoc. O. A. Skripova (Russia, Ekaterinburg, USPU)

EDITORIAL COUNCIL

Alekseeva M. A.	Specialized Educational Scientific Center of the Ural Federal University Ekaterinburg, Russia
Butakova L. O.	Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia
Vorozhtsova I. B.	Udmurt State University, Izhevsk, Russia
Dyrdin A. A.	Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia
Yegorov B. F.	St. Petersburg Research Institute of RAS, Saint-Petersburg, Russia
Kling O. A.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Kogut K. S.	Specialized Educational Scientific Center of the Ural Federal University Ekaterinburg, Russia
Kostyukhina M. S.	Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia)
Kukulin I. V.	National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia
Kusova M. L.	Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
Litovskaya M. A.	Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Institute of History and Archaeology, Ekaterinburg, Russia
Malygina N. M.	Moscow City Pedagogical University Moscow, Russia
Moskovskaya D. S.	Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Mukhin M. Yu.	Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
Pestova N. V.	Independent researcher, Ekaterinburg, Russia
Plotnikova A. M.	Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
Podshivalova E. A.	Udmurt State University, Izhevsk, Russia
Proskurina E. N.	Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
Rut M. E.	Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
Snigiryova T. A.	Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Institute of History and Archaeology, Ekaterinburg, Russia
Soboleva L. S.	Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
Tagiltsev A. V.	Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
Terentyeva N. P.	Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
Trubina L. A.	Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
Tiupa V. I.	Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Chernyak M. A.	Herzen State Pedagogical University Saint-Petersburg, Russia
Chony P.	Italian Institute of Culture, Russia
Shcherbinina Yu. V.	Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
Waiskopf M. J.	Hebrew University of Jerusalem, Israel
Gallo J.	Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovak Republic
Dobrenko E. A.	University of Sheffield, Great Britain
Dooge B.	University of Ghent, Belgium
Kardanova N. B.	University of Genoa, Italy
Kesner Y.	University Hradec Kralove, Czech Republic
Lipovetskiy M. N.	University of Colorado, USA
Mikhaylova G. P.	Vilnius University, Lithuania
Nefagina G. L.	Pomeranian Academy, Poland
Petkova G.	University of Sofia St. Clement of Ohrid, Bulgaria
Pospishil I.	University named after the Masaryk, Czech Republic
Sabo T.	Pecs University, Hungary
Fast P.	Silesian University, Poland
Fortel de la A.	University of Lausanne, Switzerland
Herlth Y.	University of Fribourg, Switzerland

Editorial address: 620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave, Department of Literature and Methods of its Teaching (Room 279).
Phone: (343) 235-76-66; (343) 235-76-41; e-mail address: olga-skripova@mail.ru

Редактор О. А. Адысова
Верстка А. Ю. Тюменцева

Цена свободная

16+

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС
2019. № 1 (55)

Дата выхода в свет 28.03.2019. Формат 60×84/8. Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 27,97. Тираж 500 экз. Заказ 5031

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники Уральского государственного педагогического университета.
620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

- 8 Зырянов О. В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики
- 16 Жеребин А. И. Franz Kafka's „Das Urteil“ und Petersburger Text der russischen Literatur

ЭМИГРАЦИЯ. ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ. ССЫЛКА
(из материалов Международной конференции,
27–30 сентября 2018 г., Тюмень)

- 23 Борисова В. В. Эпистолярный Ф. М. Достоевского периода каторги и ссылки: код спасения
- 28 Григоровская А. В. Саморефлексия эмигранта в художественном творчестве Айн Рэнд
- 34 Закс Л. А. Преодоление внутренней эмиграции в поэзии О. Мандельштама
- 44 Мегрелишвили Т. Функционирование библейских метафор изгнания/исхода в мемуарном дискурсе (на материале мемуарных текстов русской эмиграции «первой волны»)
- 51 Никулина Н. А., Темплинг В. Я. Интенция служения «истине чрезвычайной» в опыте мыслителя-одиночки Вольдемара Шмидта

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

- 58 Бабенко Л. Г., Цуй Янь. Лексико-семантическое поле добра: общее и национально-специфическое (на материале русского и китайского языков)
- 67 Руженцева Н. Б., Нахимова Е. А. Субъектная организация текста как проявление этнической идентичности носителей китайского и русского языка (на материале портретных очерков)

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО
ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

- 75 Дзюба Е. В. Когнитивные стратегии презентации образа России в зарубежных учебниках по русскому языку как иностранному для носителей славянских языков
- 83 Веснина Л. Е., Кирилова И. В. Образ России в китайских учебных материалах по русскому языку как иностранному: аксиологический аспект
- 89 Куприна Т. В., Петрикова А., Мишенкова М. Языковые и социокультурные проблемы учебной миграции в России и Словакии (на примере школ г. Екатеринбурга и г. Прешова)

УЧЕБНАЯ КНИГА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

- 97 Бочкарева Н. С. К проблеме изучения западноевропейского романтизма в вузовском курсе (учебные пособия Р. Ф. Яшенькиной)
- 102 Налегач Н. В. Принципы составления гимназических учебников по «Истории русской словесности»: к вопросу об отечественных педагогических традициях

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ: ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ
В СТАРШИХ КЛАССАХ

- 108 Когут К. С. Духовные оды Г. Р. Державина на уроках литературы в 9 классе
- 114 Кучина Т. Г. Методы и приемы аналитической работы с произведениями современной русской поэзии в старших классах

CONCEPTIONS. PROGRAMS. HYPOTHESES

- 8 Zyryanov O. V. Problems and Methods of Modern Ethnopoetics
- 16 Zherebin A. I. Franz Kafka's "The Judgement" and the Petersburg Text of Russian Literature

EMIGRATION. DOMESTIC EMIGRATION. EXILE
(from the materials of the International Conference,
September 27–30, 2018, Tyumen)

- 23 Borisova V. V. Epistolary of F. M. Dostoevsky During the Period of Katorga and Exile: Salvation Code
- 28 Grigorovskaya A. V. The Self-Reflection of Emigrant in Ayn Rand's Art Works
- 34 Zaks L. A. Resolving Inner Emigration in O. Mandelstam Poetry
- 44 Megrelishvili T. The functioning of biblical metaphor of exile/exodus in a memoir discourse (on the material of memoir texts Russian emigration "first wave")
- 51 Nikulina N. A., Templing V. Ya. Intention to Serve "The Sacrosanct Truth" in the Experience of the Thinker Lone Woldemar Schmidt

ISSUES OF MODERN LINGUISTICS

- 58 Babenko L. G., Cui Yan. Lexical-semantic Field of Goodness: Common and National-specific (with Reference to Russian and Chinese Languages)
- 67 Ruzhentseva N. B., Nakhimova E. A. Text's Subjective Organization as Manifestation of Chinese Speakers' Ethnic Identity (on the Basis of Portrait Essay)

THEORY AND METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL
DISCIPLINES AT SECONDARY AND HIGHER SCHOOL

TOPICAL ISSUES OF TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE

- 75 Dziuba E. V. Cognitive Strategies of Russia's Image Presentation in Foreign Textbooks in Russian as a Foreign Language for Slavic Languages Speakers
- 83 Vesnina L. E., Kirilova I. V. Image of Russia in Chinese Textbook in Russian as a Foreign Language: Axiological Aspect
- 89 Kuprina T. V., Petrikova A., Mishenkova M. Linguistic and Socio-Cultural Problems of Educational Migration in Russia and Slovakia (on Example of Schools in Ekaterinburg and Preshov)

STUDY BOOK YESTERDAY AND TODAY

- 97 Bochkareva N. S. To the Issue of Teaching West European Romanticism at University (using teaching guides by R. F. Yashen'kina)
- 102 Nalegach N. V. Principles of Compiling Gymnasium Textbooks on the "History of Russian Literature": on the Issue of Domestic Pedagogical Traditions

GETTING READY FOR A LESSON:
TEACHING LITERATURE IN HIGH SCHOOL

- 108 Kogut K. S. G. R. Derzhavin's Spiritual Odes in Literature Lessons in the 9th Grade
- 114 Kuchina T. G. Methods and Ways Used for the Analysis of Contemporary Russian Poetry in Senior School

ГОЛОСА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

- 119 Брюханова Ю. М. Форма и содержание: сущность красоты в творчестве Бориса Пастернака
- 125 Пестова Н. В. Oskar Kokoschka's „Die träumenden Knaben“: ein expressionistisches Meisterwerk im Spannungsfeld zwischen dem Fremden und dem Eigenen
- 130 Андреева В. Г. Проблема соотношения точек зрения в повести М. Горького «Фома Гордеев»
- 136 Ушакова О. М. Invitation to the Dance: Intermedial Allusions in T. S. Eliot's early poetry (“The Death of Saint Narcissus”, “Suppressed Complex”)

ТРАЕКТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

- 144 Казакова Е. В., Шарыпина Т. А. Image de renart dans la littérature enfance et jeunesse en d'Allemagne, en France et au Luxembourg (deuxième moitié du XXe – début du XXIe siècle)
- 152 Кучумова Г. В. Die Figur des Sammlers als künstlerisches Subjekt im russisch- und deutschsprachigen Roman nach 1980
- 158 Сидорова О. Г., Кузнецова Т. С. National literary canon under translation

С РАБОЧЕГО СТОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- 165 Харламова С. А. Transformation of English Victorian nonsense in the 20th Century: Lewis Carroll and John Lennon
- 170 Сафонова Е. А. Образ ребенка в лирике Ирины Кнорринг

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

- 175 Барковская Н. В., Джулиано Д., Люцканов Й. Эмиграция, внутренняя эмиграция, ссылка, лагерь: общее и различное в самосознании литератора (Международная научная конференция «Ссылка, изгнание, эмиграция: самосознание, ответственность и сочувствие в зеркале эго-документов и фикциональной литературы». 27–30 сентября 2018 г. Тюмень, Тюменский государственный университет, Институт литературы Болгарской Академии наук, Департамент гуманитарных наук Университета Салерно, Институт специальной и межкультурной коммуникации Варшавского университета)
- 180 Алейников О. Ю. Андрей Платонов и литературная Москва 1920–1940 годов: разыскания и реконструкции (Рецензия на книгу Н. М. Малыгиной «Андрей Платонов и литературная Москва». М.; СПб.: Нестор – История, 2018. 592 с.: ил.)
- 184 Доценко Е. Г. Шекспир и эквивокация (Рецензия: Егорова Л. В. «Эквивокация в „Макбете“: речевая природа трагедии»: монография. Вологда: ВоГУ, 2018. 164 с.)
- 188 Егорова Л. В. Русский сонетный Шекспир (Рецензия на книгу в серии «Литературные памятники»: Уильям Шекспир. Сонеты / подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; [отв. ред. А. Н. Горбунов]. М.: Наука, 2016. 884 с.)
- 193 Зверева Т. В. «Империя экфрасиса», или разговор об интермедальности (Рецензия на сборник: Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce, 2018. 703 с.)

VOICES OF THE SILVER AGE

- 119 Bryukhanova Yu. M. Form and Content: the Essence of Beauty in the Works of Boris Pasternak
- 125 Pestova N. V. The Poem “The Dreaming Boys” by Oscar Kokoschka as a Little Masterpiece of Expressionism: Own and Alien
- 130 Andreeva V. G. Problem of a Ratio of the Points of View in the Novel “Foma Gordeyev” by Maxim Gorky
- 136 Ushakova O. M. Invitation to the Dance: Intermedial Allusions in T. S. Eliot's Early Poetry (“The Death of Saint Narcissus”, “Suppressed Complex”)

TRAJECTORIES OF MODERN LITERARY PROCESS

- 144 Kazakova E. V., Sharypina T. A. The Character of Reynard the Fox in the Children's Literature of France, Germany and Luxemburg (second half of the 20th – beginning of the 21st centuries)
- 152 Kuchumova G. V. The Character of the Collector as a Creative Subject in the German and Russian Novels after 1980
- 158 Sidorova O. G., Kuznetsova T. S. National Literary Canon under Translation

FROM A YOUNG SCHOLAR'S DESK

- 165 Kharlamova S. A. Transformation of English Victorian Nonsense in the 20th Century: Lewis Carroll and John Lennon
- 170 Safonova E. A. The Image of a Child in the Lyrics of Irina Knorring

REVIEWS

- 175 Barkovskaya N. V., Giuliano G., Ljuckanov J. Emigration, Inner Emigration, Exile, Camp: the Common and the Specific in the Writer's Self-consciousness (International scientific conference “Exile, Expulsion, Emigration: Self-consciousness, Responsibility and Sympathy in the Mirror of Ego-documents and Functional Literature”. September 27–30, 2018, Tumen, Tumen State University, Institute of Literature of Bulgarian Academy of Sciences, the Humanities Department of Salerno University, Institute of Special and Inter-cultural Communication of Warsaw University)
- 180 Aleynikov O. Yu. Andrey Platonov and Literary Moscow of the 1920s–1940s: Research and Reconstruction (A Review of the Book by N. M. Malygina “Andrey Platonov and Literary Moscow”. Moscow, St. Petersburg: Nestor – Istoriya, 2018. 592 p. with illustrations)
- 184 Dotsenko E. G. Shakespeare and Equivocation (A review on the monograph: Egorova L. V. Equivocation in “Macbeth”: The Nature of Speech in the Tragedy. Vologda: Vologda State University, 2018. 164 p.)
- 188 Egorova L. V. Shakespeare's Sonnets in Russian (A review of the book in the series «Literaturnye pamyatniki» (Literary monuments): William Shakespeare. Sonnets / prepared by A. N. Gorbunov, V. S. Makarov, E. A. Pervushina, V. S. Florova, E. V. Khaltrin-Khalturina; ed. by A. N. Gorbunov. M.: Nauka Publ., 2016. 884 p.)
- 193 Zvereva T. V. “Empire of the Ekphrasis”, or Conversation about Intermedial (The Review of the collection: the Theory and history of the ecphrasis: results and studying prospects. Siedlce, 2018. 703 p.)

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

Зырянов О. В.
Екатеринбург, Россия

ORCID ID: –
E-mail: o.v.zyrianov@urfu.ru

УДК 821.161.1
DOI 10.26170/FK19-01-01
ББК Ш33(2РОС=РУС)
ГСНТИ 17.07.21
КОД ВАК 10.01.08

ПРОБЛЕМНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЭТИКИ

Аннотация. Рассматриваются основные этапы формирования этнопоэтики как научного направления, выясняется роль этнологических исследований в сфере философии культуры, посвященных проблемам русского национального характера, русского мировоззрения, национальной картины мира. Проблема «литературной трансплантации» (термин Д. С. Лихачева) прослеживается на материале полемики П. Катенина с Жуковским по поводу русского варианта жанра баллады. Вскрываются адаптивные механизмы в сфере наследования русской культурой (как стороной принимающей) некоторых идейно-эстетических комплексов, привносимых с Запада. С опорой на работы В. А. Захарова дается обоснование термина «этнопоэтика», в котором подчеркивается органическая связь сразу двух начал, одно из которых сводится к базовым категориям этнокультурного порядка (в нашем случае – аксиологическим основам национальной духовно-религиозной традиции), а другое оперирует уже собственно филологическими категориями, напрямую выводящими в сферу исторической и онтологической поэтики. Выявляются существенные параметры и границы современной области этнопоэтики, устанавливаются ее связи с внутренними подразделениями (имагология, религиозная филология) и смежными дисциплинами (регионалистика, геопозитика).

Ключевые слова: этнопоэтика; национальная картина мира; литературные трансплантации; контактология; имагология; религиозная филология; этноконфессиональные исследования.

Этнологические аспекты этнопоэтики рассматриваются на примере творчества двух русских писателей, которые по-разному осмыслили символическое пространство России, возводя его то к образу бескрайней степи (Н. В. Гоголь), то к образу громадных, полноводных рек (Д. Н. Мамин-Сибиряк), но в то же время напрямую увязывая его с богатырским характером русского народа, широтой и необъятностью русской души. В аспекте национальной типологии определяется круг системно-категориальных оснований этноконфессионального порядка, характеризующих русскую классическую словесность: соборность, пасхальность, христоцентризм, эстетика юродства и исихазма, славянский феномен дарения и нищелюбия, вера в чудо, установка на сотериологическую вертикаль (или идею духовного спасения). На примере фрагмента романа «Война и мир» Л. Н. Толстого и очерка «Томленья духа» Н. С. Лескова фиксируется отношение писателей к имагологическим образам и стереотипам. Доказывается, что рецепция и репрезентация образов «другого» (прежде всего представителя немецкой нации) в произведениях указанных авторов приобретает аксиологическую окраску, оборачиваясь имагологической рефлексией по поводу сущности русского национального характера.

Zyryanov O. V.
Ekaterinburg, Russia

PROBLEMS AND METHODS OF MODERN ETHNOPOETICS

Abstract. The article deals with the main stages of formation of ethnopoetics as an area of scientific investigation, the role of ethnological research in the field of cultural philosophy devoted to the problems of the Russian national character, the Russian world outlook, and the national worldview. The problem of “literary transplantation” (D. Likhachev) is examined on the material of P. Katenin’s controversy with Zhukovsky about the Russian version of the genre of ballad. The article reveals the adaptive mechanisms in the sphere of the Russian culture inheritance (as a target domain) of some ideological and aesthetic complexes borrowed from the West. Drawing on the works by V. A. Zakharov, the author defines the term “ethnopoetics”, which emphasizes the organic connection of two principles at once, one of which boils down to the basic ethnocultural categories (in our case, the axiological foundations of the national spiritual and religious traditions), and the other operates its own philological categories directly leading into the sphere of historical and ontological poetics. The author demonstrates the essential parameters and boundaries of the modern field of ethnopoetics and its links with internal subdivisions (imagology, religious philology) and related disciplines (regional studies, geopoetics, etc.).

Keywords: ethno-poetics; national picture of the world; literary transplantations; contactology; imagology; religious philology; ethno-confessional study.

The ethnological aspects of ethnopoetics are considered on the example of the works of two Russian writers, who interpreted the symbolic space of Russia in different ways, comparing it either with the image of the vast steppe (N. Gogol), or with the image of huge, full-flowing rivers (D. Mamin-Sibiryak), but at the same time directly linking it with the heroic character of the Russian people, and the depth and immensity of the Russian soul. In terms of national typology, the article defines the systemic categorial foundations of ethnoconfessional characterization of Russian classical literature: collegiality, Easter traditions, Christocentrism, aesthetics of foolishness and hesychasm, Slavic phenomenon of giving and sympathy for the poor, faith in miracles, and belief in the soteriological vertical (or idea of spiritual salvation). The author reveals the writer’s attitude to imagological images and stereotypes on the example of the frag-

ments of the novel "War and Peace" by L. Tolstoy and the essay "The Languor of the Spirit" by N. Leskov. The article argues that the reception and representation of the images of the "other" (first of all, a representative of the German nation) in the works of these authors acquires an axiological coloring, turning into an imagological reflection on the essence of the Russian national character.

Для цитирования: Зырянов, О. В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики / О. В. Зырянов // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 8–15. DOI: 10.26170/fk19-01-01.

For citation: Zyryanov, O. V. Problems and Methods of Modern Ethnopoetics / O. V. Zyryanov // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 8–15. DOI: 10.26170/fk19-01-01.

Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на Пленарном заседании XIII Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения – 2018: Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики» (Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Указанная конференция, традиционно связанная с магистральным направлением научных исследований проф. И. А. Дергачева (1911–1991), очень рано, еще с начала 90-х годов, получила свой емкий и достаточно адекватный подзаголовок: «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности». Введение термина «этнопоэтика», уточняющего и модернизирующего устоявшуюся формулировку заглавия «Дергачевских чтений», призвано не только задать новый извод уже известной темы, но, прежде всего, сообщить самому исследовательскому поиску более концептуальный и, что особенно важно, *инструментальный* характер – за счет привлечения возможностей новейшей научно-теоретической парадигмы. Хочется верить, что в таком случае мы имеем дело не просто с формально-терминологическим, но именно с *методологическим переводом*, который позволит серьезно продвинуть научные исследования по исторической поэтике, истории русской и других национальных литератур.

Главная цель предлагаемой статьи – выявить основные этапы формирования и сущностные параметры этнопоэтики как научного направления, а также осуществить разметку проблемно-методологического поля современной этнопоэтики, проследив ее взаимосвязь как с внутренними подразделами, так и с некоторыми смежными отраслями научного знания.

Этнологические исследования в сфере культурной антропологии и философии культуры имеют давнюю традицию. Не претендуя на полноту перечисления всех персоналий и проблемных направлений этнологических исследований, отметим лишь самые важные в плане становления этнопоэтики как специальной научной дисциплины.

В сфере философии культуры отметим прежде всего работы, посвященные проблеме русского национального характера, русского мировоззрения, национальной картины мира. Так, в монографическом исследовании Н. О. Лосского «Характер русского народа» (1957) предпринят подход к самому феномену русского народа как к симфонической личности высшего порядка с позиции «метафизики иерархического персонализма» [Лосский 1991: 238]. В статье «Русское мировоззрение» С. Л. Франка (1926), написанной на немецком языке и адресованной по большей части европейскому читателю, отмечены ведущие черты национальной ментальности русского человека (к ним нам еще предстоит обратиться при рассмотрении этнокон-

фессиональных особенностей русской литературы). «Сущность и своеобразие русской культуры» – так назывался цикл лекций (на немецком языке), прочитанный И. А. Ильиным в Швейцарии (конец 1930 – начало 1940-х гг.). Также заслуживает внимания капитальное исследование протоиерея Г. Флоровского «Пути русского богословия» (Париж, 1937). В 1980–90-е гг. о природе российской цивилизации и евразийской концепции русского пути плодотворно писал известный историк и филолог В. В. Кожин [Кожин 2002].

Для своего времени этапной стала монография Г. Гачева «Национальные образы мира», в которой вынесенная в заглавие категория была представлена как органическое совмещение природно-материальных и духовных факторов: триединство природы (Космоса), склада души народа (Психеи) и логики его ума (Логоса) [Гачев 1988]. Примечательно, что открывающий книгу первый раздел, посвященный образу русского мира, носил название «О национальной образности русской поэзии (45 натурфилософских романсов на стихи Тютчева)»¹. Развивая идеи предшественника, С. В. Шешунова в рамках своей докторской диссертации определяет национальный образ мира как «многоуровневую художественную структуру, комплекс взаимодействующих компонентов литературного текста, обладающих этнокультурной спецификой» [Шешунова 2006: 36].

В связи с ускоренным развитием отечественной литературы Нового времени особую актуальность в историко-литературных исследованиях получила проблема *литературной трансплантации* (термин Д. С. Лихачева). Укажем ее наиболее существенные проявления – как в некоторых общих законах жанровой эволюции, так и в сфере наследования русской культурой (как стороной принимающей) влиятельных комплексов философско-эстетических идей, привносимых с Запада.

Как показывает литературная практика, в различных национальных культурах в определенные моменты исторического развития ведущей задачей становится *борьба за национальный вариант жанра*. Может показаться, что практически вся русская поэзия Нового времени (от Тредиаковского и Ломоносова вплоть до Жуковского и Пушкина) озабочена переносом на отечественную почву уже готовых, освоенных европейскими поэтами жанрово-эстетических моделей. Так обстояло дело с «Сельским кладбищем» Т. Грея, оссианическими мотивами, ночными размышлениями Юнга, бюрге-

¹ Для репрезентации русской (славянской) картины мира исследователь поступил, можно сказать, парадоксально, выбрав поэта с достаточно странной генеалогией, если вспомнить, например, пристрастие Тютчева к форме гейневского фрагмента (Ю. Н. Тынянов), к комплексу идей Шеллинга (Л. В. Пумпянский) или философов «милетской школы» (Б. М. Козырев).

ровской балладой «Ленора». Но суть даже не в самой трансплантации отдельных жанров и образно-мотивных комплексов, а в настоящей попытке их *русификации*, придания им национально специфичных черт и (что, пожалуй, еще важнее) в реализации особого запроса на национальный извод жанра, выступающего всякий раз не извне, а *изнутри* мотивационной системы самой национальной культуры.

Позволим себе лишь одну иллюстрацию. Если обратиться к мотивам известного спора П. Катенина с Жуковским по поводу балладного жанра 1815–1816 гг., то становится понятно, что он далеко не сводился лишь к удовлетворению честолюбивых амбиций участников спора. Причина его, по всей видимости, залегала гораздо глубже. Ю. Н. Тынянов отвечал на этот вопрос так: «В неисторическом плане легко, конечно, говорить о том, что „переводы Жуковского – самостоятельные его произведения“ и что ценность их не уменьшается от того, что они переводы, но если мы учтем огромное значение *жанров* для современников, то станет ясно, что привнесение готовых жанров с Запада могло удовлетворить только на известный момент; новые жанры складываются в результате тенденций и стремлений национальной литературы и привнесение готовых западных жанров не всегда целиком разрешает эволюционную задачу внутри национальных жанров. <...> Это отчасти объясняет и борьбу за русскую балладу, которую ведет Катенин против баллады Жуковского с иностранным материалом. <...> Его [Жуковского] переводы не удовлетворяли не тем, что это были переводы, а тем, что они ощущались как жанровая стилизация, перенесение готовых вещей» [Тынянов 1969: 39–40]. Таким образом, искомый национальный вариант баллады, и прежде всего опыт балладного жанра Катенина, создавался в отталкивании от готовых жанровых «стилизаций» баллад Жуковского. Проявленная при этом жанровая установка на художественные возможности детективной новеллы, как, например, в «Убийце» Катенина, стала одним из важнейших факторов развития русской балладной традиции, вплоть до пушкинского «Утопленника» и некрасовского «Извозчика»¹.

Действие механизма культурной избирательности и его адаптивные возможности на примере рецепции идей байронизма русским сознанием блестяще продемонстрировал Вяч. Иванов в статье «Байронизм как событие в жизни русского духа» (1916). По мнению исследователя, в «Байроновой проблеме свободы» Лермонтовым (а еще ранее Пушкиным, как автором «Цыган») был дан «русский ответ» на загадку новейшей западной гражданственности, а именно «ответ русского духа» [Иванов 1994: 271]. Во многом продолжая своего предшественника, С. С. Аверинцев к статье о «Сельском кладбище» Грея–Жуковского подберет достаточно красноречивый заголовок: «Британское зеркало для русского самосознания». И здесь мы опять сталкиваемся с влиянием на русских авторов специфического

комплекса идей английской культуры и осознанием ее особой важности для «рождающегося русского самосознания» [Аверинцев 2005: 263].

Еще одно важнейшая проблема в перспективе развития будущей этнопоэтики – вопрос о *национальной типологии*. Среди исследований собственно историко-литературного плана, обосновывающих данное понятие, отметим книгу Е. Н. Купреяновой и Г. П. Макогоненко «Национальное своеобразие русской литературы» (Л., 1976) и, конечно же, монографию Н. Я. Берковского «О мировом значении русской литературы» (Л., 1975). На самом деле последнее монографическое исследование датируется 1945-м годом, его авторское название также звучало иначе: «Русское национальное своеобразие в литературе».

Обоснование термина «этнопоэтика». При всей отмеченной богатой традиции этнологических исследований необходимо, однако, признать, что сам термин «этнопоэтика» в нашем отечественном литературоведении закрепляется сравнительно поздно, лишь в начале 1990-х годов. Обоснование данного термина принадлежит В. Н. Захарову, профессору Петрозаводского университета (ныне Президенту Международного общества Достоевского). По его мнению, этнопоэтика возникает параллельно уже имеющемуся направлению в языкознании – т. н. этнолингвистике, обоснованной Э. Сепиром и Б. Уорфом: «Среди различных дисциплин, которые начинаются словом *этно-*, явно не хватает еще одной – *этнопоэтики*, которая должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур, их место в мировом художественном процессе. Она должна дать ответ, что делает данную литературу национальной, в нашем случае – что делает русскую литературу *русской*» [Захаров 1994: 9].

С нашей точки зрения, удобство рассматриваемого термина «этнопоэтика» продиктовано тем, что в нем подчеркивается органическая связь сразу же двух начал: одно из них сводится к базовым категориям этнокультурного порядка (в нашем случае – аксиологическим основам национальной духовно-религиозной традиции), а другое оперирует уже собственно филологическими категориями, напрямую выводящими в сферу исторической и онтологической поэтики. Осуществляемый в литературе Нового времени диалог отечественных писателей с христианско-религиозной традицией находит свое объяснение в контексте универсальных методов и приемов (жанровая аксиология, мотивный и концепт-анализ, интертекстуальный подход), выработанных классическим литературоведением. Иными словами, этнопоэтика может и должна рассматриваться как частный случай исторической поэтики – в ее глубинных, онтологических основаниях.

Как закономерная и полноправная часть исторической поэтики, этнопоэтика берет на себя задачу проследить этнокультурный компонент в самой художественной структуре, эстетическом строе произведений, в организации поэтического мира художника, его аксиологической системе. В аннотации к книге В. Н. Захарова «Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты» фиксируется национальный акцент в трактовке таких категорий исторической поэтики, как фабула, сюжет, жанр, хронотоп, образ, символ,

¹ В рассматриваемую эпоху набирающего силы романтического движения в России наблюдается заметный запрос на русификацию отдельных лирических жанров, что сказывается в устойчивых жанровых номинациях: «простонародная сказка», «русская идиллия», «русская песня». О варианте «русского сонета» см. специальное исследование: [Зырянов 2012].

фантастика, условность, текст [Захаров 2012]. Как выясняется, практически все элементы поэтологической системы могут брать на себя специфическую этнокультурную нагрузку.

Таким образом, этнопоэтика выступает одновременно и как предмет исследования (этнокультурный компонент поэтики, национальный образ мира), и как сама методология исследования, соответствующий язык научного описания, увязывающий воедино анализ, с одной стороны, фольклорных и национально-архетипических начал, а с другой – духовно-религиозных основ, православного кода русской классической словесности.

Этнопоэтика – это целая система взаимосвязанных методологических подходов. В первую очередь, в эту систему следует ввести традиционную компаративистику с ее подразделами – *контактологией* и *константологией*. В первом случае речь идет о уже знакомом нам механизме литературной трансплантации. Во втором случае – о ключевых понятиях или универсалиях, концептах национальных культур [Степанов 1997]. Здесь наиболее тесным оказывается сотрудничество этнопоэтики с этнолингвистикой и фольклористикой.

В плане разметки проблемно-методологического поля современной этнопоэтики особо важное значение, на наш взгляд, приобретают взаимные отношения, с одной стороны, этнопоэтики и *имагологии* (иначе, рецепции и репрезентации образов «чужого» в национальной культуре), а с другой – этнопоэтики и религиозной филологии, или онтологической поэтики в ее этноконфессиональном измерении. Необходимо также иметь в виду взаимосвязь этнопоэтики с такими смежными для нее дисциплинами, как *регионалистика* и *геопоэтика*. В дальнейшем тексте статьи основное внимание будет сосредоточено именно на этих, как нам представляется, особо перспективных линиях соотношений.

Этнологические аспекты геопоэтики. Систематизируя базовые факторы, или исходные формообразующие основания, русского национального характера, философ В. И. Копалов предложил расположить их в следующем порядке:

- 1) природа и климат,
- 2) этнические истоки,
- 3) историческое бытие народа, геополитическое положение России,
- 4) социальные факторы (монархия, община, полиэтничность),
- 5) русский язык и русская культура,
- 6) Православие [Копалов 2008].

В самой последовательности звеньев данной многофакторной цепочки просматривается одна существенная закономерность. Заметим, что в аспекте филогенеза (или общей, многовековой истории народа) природа и климат не случайно выходят на первый план, а язык и культура, в свою очередь, предстают результатом эволюционного развития целого ряда обуславливающих факторов (прежде всего природно-климатического или пространственно-географического). Именно эти факторы находятся в ведении так называемой геопоэтики¹.

Попытаемся проиллюстрировать этнологические аспекты геопоэтики, ограничившись лишь одним, но достаточно красноречивым сравнительно-сопоставительным примером. В новейшем исследовании Инги Видугирите «Географическое воображение Гоголя» делается вывод об особой роли образа степи в творческом сознании Гоголя, причем сам этот образ, как он предстает и разыгрывается в географическом воображении писателя, воспринимается «как историко-географический образ Украины» [Видугирите 2015: 159]. Однако, с опорой на концепцию Д. Н. Овсянико-Куликовского, следует помнить, что Гоголь «был общерус на малорусской основе» [Овсянико-Куликовский 1989: 339]. Согласно указанному исследователю, можно говорить об образовании и развитии – наряду с великорусом, малорусом и белорусом – четвертой русской национальности, а именно – *общерусской*. Так, по мнению Овсянико-Куликовского, «„Хохол“ (прозвище Гоголя, принятое в пушкинском кругу. – О. З.) был гений *общерусский*. Он созерцал Русь из прекрасного далека как общерус, и дело моральной проповеди на Руси было предпринято им как общерусом» [Овсянико-Куликовский 1989: 345]. Поэтому-то и образ степи Гоголь распространяет на бескрайние просторы России: символизирующее ее пространство – по преимуществу степное (если и упоминается море, то в качестве некоей границы равнинно-континентального пространства):

«Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? <...> Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» [Гоголь 1994: 201–202].

В противовес Гоголю другой русский писатель-классик Д. Н. Мамин-Сибиряк (писатель не областного, узко-регионального значения, а именно общероссийского масштаба) при обобщении подобного рода исходил уже из иной природно-душевной и культурно-психологической интуиции. Оригинальность Мамин-Сибиряка проявилась в том, что он попытался увязать широту русского характера, сам склад русской души, в том числе и приверженность русского человека проголосьной песне, с определенным географическим и природным фактором, а именно – с водной (речной) стихией. Показательны в этом отношении размышления главного героя романа «Без названия», Василия Тимофеевича Окоёмова, по поводу сразу же двух великих рек – Волги и Камы (ведущих водных артерий европейской России):

«Кроме исторического и экономического значения, эти две громадные реки несли с собой целое народное мирозерцание, сложившееся на их берегах, – оно

метом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или свертхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» [Абашев 2012: 18].

¹ По мнению авторитетного исследователя В. В. Абашева, геопоэтика – это «специфический раздел поэтики, имеющий своим пред-

вылилось в песне, в обрядовой стороне, в характере и во всем укладе народной жизни. <...> На этих струях развернулась во всю ширь народная удаля, у которой тоже берега уходили из глаз. Да и вообще в душе каждого русского человека много общего с характером этих рек: те же весенние разливы, те же мели и перекаты и та же неисчерпаемая сила, которая, как сказочный богатырь, дремлет до поры, до времени. И зимний крепкий сон, и весенний разгул, и бури, и ленивое затишье...» [Мамин-Сибиряк 1981: 304–305].

Как видим, два русских писателя-классика по-разному осмыслили символическое пространство России, привязывая его то к образу бескрайней степи, то к образу громадных, полноводных рек. Но в том и в другом случае они напрямую соотносили образ географического пространства с богатырским характером русского народа, широтой и необъятностью русской души.

Этнопоэтика в зеркале религиозной филологии.

Классическая словесность – наиболее совершенная и аутентичная форма репрезентации души народа, или национальной Психеи. Но каковы же базовые факторы, или исходные формообразующие основания, неповторимого склада русской души?

Отталкиваясь от рассмотренной выше многофакторной схемы В. И. Копалова, следует признать, что на этапе *онтогенеза* (или позднейшего развития нации – в рамках уже Нового и Новейшего времени) не столько материально-географические и социально-экономические факторы, сколько именно *культурно-конфессиональное начало* (культура Православия, поставленная современным философом только на шестую позицию) является определяющим и поворотным моментом в идейно-эстетическом самоопределении отечественных писателей-классиков¹. Поэтому обозначенную шестиуровневую схему-пирамиду целесообразно было бы перевернуть, сделав в ней последнюю позицию, наоборот, первой. Отсюда вытекает идея должного сопряжения этнокультурного и собственно конфессионального подходов в рамках единой методологии *этноконфессионального исследования* [см. об этом подробнее: Зырянов 2014].

Для доказательства необходимости заявляемого нами методологического синтеза позволим себе следующую аргументацию. Напомним, что известный итальянский славист Рикардо Пиккио, которого вообще трудно заподозрить в этноконфессиональной пристрастности, отстаивал идею особой литературной цивилизации, т. н. *Slavia orthodoxa*, или Православной славянской литературы, охватывающей целый субрегион – Болгарию, Россию и Сербию. Эта духовная общность славян, находящаяся в сфере влияния Кон-

стантинопольской церкви, существует, по его мнению, как самостоятельный феномен – вплоть до того момента, когда западные влияния на Руси – поначалу через польскую традицию и «рутенскую» культуру в XVII в., а потом и через немецко-французское господство в XVIII в. – знаменуют конец *Slavia orthodoxa* и, в конечном счете, конец Древней Руси [Пиккио 2003].

Но, как показано в работе Ю. М. Лотмана «Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция», секуляризация русской культуры не затронула глубинных структурных основ национальной модели [Лотман 1993]. В исследовании о. Ионна Мейендорфа «Возрождение», в котором речь идет о «втором византийском влиянии» на Русь и его последствиях для классического XIX века, специально подчеркивается, что Православие Достоевского, Гоголя, К. Леонтьева, И. Киреевского и др. уходит своими корнями в церковное сознание и сознание народа, в духовный опыт Оптиной Пустыни, в котором великие творцы культуры находили «свое главное, единое на потребу» [Мейендорф http]. В соответствии именно с этноконфессиональными различиями А. М. Панченко выделял, например, два этапа русского барокко: барокко московского периода и протестантское барокко петербургского периода [Панченко 1977]. М. М. Дунаев предложил в свое время оригинальную типологию европейского романтизма, основываясь на вариантах протестантского мироощущения, ориентированного, соответственно, на лютеранскую или кальвинистскую сотериологию [Дунаев 1996: 140–141]. По мысли философа А. Позова, автора замечательной монографии «Метафизика Пушкина» (Мадрид, 1967; Москва, 1998), русский национальный гений – это «Сократ христианской эпохи», в котором «впервые, после многих столетий, произошла... консолидация русского духа, как в Сократе – древнегреческого духа...» [Позов 1998: 90]; «Пушкин впитал в себя Ренессанс и гуманизм, чтобы критически и органически их изжить. <...> В нем – не только изжитие, но и религиозно-метафизическое преодоление западного ренессансного гуманизма. Пушкин – пророк нового ренессанса, ренессанса христианского» [Там же: 86].

Рассмотрение русской классической словесности в аспекте национальной типологии определенно выводит к универсальным категориям этноконфессионального порядка, во многом объясняющим своеобразие отечественной литературной классики.

Постараемся свести все эти специфические черты в некое системное единство:

- *соборность* (или «мы-философия», по С. Франку),
- *пасхальность* (в противоположность рождественскому характеру западной культуры),
- *христоцентризм* как ведущая черта художественной антропологии русской литературной классики,
- эстетика *юрдства* и *исихазма*, своего рода духовного трезвения (в противовес западнической культуре карнавальности и мистической одержимости),
- славянский феномен *дарения* и *нищелюбия* (этот этнографически-паллиативный термин для обозначения примата милости и благодати над духом законничества и юридизма),

¹ Примечательный факт: в монографии Б. А. Успенского «Крестное знамение и сакральное пространство» ставится, казалось бы, далекий от литературы вопрос: «Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо?». Но и здесь речь заходит, по сути, о некоем коллективном бессознательном, определяющем, причем далеко не в последнюю очередь, сами формы национальной идентичности. Как показал Б. Успенский, католикам присуща субъектная точка зрения, или движение от человека к Богу. Православным же, напротив, свойственна объектная модальность: приобщенность к благу и Творцу дает ограждение от нечистого, дьявольского, человек в этом случае является лишь «объектом действия крестной силы» [Успенский 2004: 30].

- вера в чудо, своего рода теофания, или доверие к «фантастическому чудесному» (в противоположность «фантастическому необычному», т. н. «материальной фантастике»), что находит воплощение в концепции «реализма в высшем смысле» Ф. М. Достоевского,
- установка на *сотериологическую* вертикаль (или идею духовного спасения) по контрасту с эвдемонической горизонталью (или философией земного счастья и преуспевания).

Указанные особенности русской литературной классики (как можно предположить, по преимуществу философско-культурологического свойства) обретают и собственно *поэтологический статус*, находя структурно-эстетическое претворение в художественной форме конкретных литературных произведений. Именно они обуславливают национальную специфику русской классической словесности, существенным образом определяя национально-самобытный строй ее художественного сознания.

Имагологические аспекты этнопоэтики. Сущность национального образа мира, как известно, познается в сравнении. Отсюда вполне закономерным представляется выход в сферу *имагологии*, или в область рецепции и репрезентации образов «другого» – иностранцев и инородцев, представителей иных этнокультурных и этноконфессиональных миров.

В арсенале имагологии следует выделять *национальные образы, имиджи и стереотипы*. Следует также помнить о сугубо аксиологической, ценностно окрашенной природе рецепции и репрезентации образов «своего» и «чужого». Вот что пишет по этому вопросу известный специалист В. Б. Земсков:

«Каждая культура любого уровня развития по-своему воспринимает, воссоздает и закрепляет в памяти образы других/чужих, такие образы, которые характеризуют либо отдельные стороны, черты и свойства этих „других“, либо в целом их „сущность“, их идентичность, на фоне собственных представлений о норме и ценностях. Аксиологичность рецепции и репрезентации является универсальным свойством имагологических операций» [Земсков <http>].

В подтверждение мысли об аксиологической природе художественной имагологии обратимся к характерному пассажи из романа Л. Н. Толстого «Война и мир», в котором образ типичного немца-теоретика, генерала Пфуля, подается откровенно иронически как национальный стереотип. Воспроизведем лишь заключительную обобщающую часть авторской имагологической рефлексии, вобравшей стереотипы основных европейских наций (французской, английской, итальянской, немецкой и русской), но в своем идейно-концептуальном виде сводящейся именно к противопоставлению русского и немецкого начал как прямо противоположных, контрастно-полярных сущностей:

«Француз бывает самоуверен потому, что он почти себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо-обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего в мире государства, и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что все, что он делает как

англичанин, несомненно хорошо. Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя и других. Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина» [Толстой 1980: 52–53].

В приведенном фрагменте имагологические образы представителей основных европейских наций выдержаны в откровенно утрированном виде, замещаясь, по сути, жестко заданными национальными стереотипами. При этом заметим, что центральный образ русского (автостереотип) подается в окружении разнообразных гетеростереотипов, или образов чужой культуры. Занимающие сильную позицию образы русского и немца неслучайно выступают в отношении «контра» друг к другу. По мысли автора, самоуверенность немца «хуже всех, и тверже всех, и противнее всех» (негативность оценки достигает здесь своего апогея), потому что в своей настойчивой приверженности исключительно рационально-логическому (дискурсивному) способу мышления вступает в принципиальное противоречие с созерцательной установкой русского, его безоговорочной верой в божественное провидение. Абсолютный негативизм изображенного гетеростереотипа немца объясняется, таким образом, аксиологической установкой самого Л. Толстого, в основе своей солидаризирующегося с внутренне позитивным смыслом автостереотипа русского.

Иной вариант игры с подобными этностереотипами, заканчивающийся преодолением устойчивых национально-культурных предубеждений, демонстрирует очерк Н. С. Лескова «Томление духа (Из отроческих воспоминаний)». В центре очерка образ праведного учителя – тощего немца Ивана Яковлевича, по прозванию Коза, и процесс духовных изменений, происходящий с группой жадно внимающих ему русских учеников-отроков. «Он будто метнул в нас что-то острое и вместе с тем радостное до восторга» [Лесков 1989: 398], – признается рассказчик.

Особенно примечателен эпизод расставания учеников со своим учителем, напрямую смыкающийся с евангельским сюжетом Преображения Господня [Евангелие от Матфея 17: 1–6]. Напомним продолжение этой сцены, выдержанное от лица героя-повествователя: «...С тех пор ушло очень много лет. И Козы долго, очень долго не было передо мною, но потом вдруг он совершенно неожиданно явился раз, и два, и еще третье, и стал так близко, как будто он и не отходил, а между тем... все бежит и бежит вперед...» [Лесков 1989: 399]. В связи с этим опять-таки напрашивается параллель с евангельским текстом: «Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своём из мертвых» [Евангелие от Иоанна 21: 14]. Как можно судить, исходя из данного контекста, смысл авторской установки применительно к образу немца-учителя сводится в очерке Лескова к преодолению узконациональных стереотипов, в проекции причудливого характера героя, являющегося, по сути, в ореоле личной святости, на аксиологические основы русского мира.

Выводы. Еще В. Г. Белинский в статье «Общее значение слова литература» указывал на то что «литература есть последнее и высшее выражение мысли народа, проявляющейся в слове» [Белинский 1981: 496]. Действительно, «образование субстанции народа» – это тот важнейший этнокультурный фактор, который обуславливает своеобразие любой национальной литературы. Поиск ответа на традиционный вопрос: что определяет национальную специфику русской литературной классики? – выводит нас к такой области литературоведческого знания,

как этнопоэтика. Будучи далеко не сводима к набору универсальных категорий абстрактно-философского и культурологического содержания (соборность, пасхальность, христоцентризм, литургичность и т. п.), этнопоэтика на современном этапе ее развития, а именно – в содружестве с имагологией, геопоэтикой и религиозной филологией, может вполне закономерно рассматриваться как полноценный раздел исторической поэтики, надежный и незаменимый инструмент историко-литературных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. – Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. – 140 с.
- Аверинцев С. Британское зеркало для русского самосознания или еще раз о «Сельском кладбище» Грея-Жуковского // Аверинцев С. Собрание сочинений: Связь времен. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – С. 260–267.
- Белинский В. Г. <Общее значение слова литература> // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 6. – С. 493–524.
- Видуگیرите И. Географическое воображение Гоголя. – Vilnius: Vilniaus universitetas, 2015. – 296 p.
- Гачев Г. Национальные образы мира: общие вопросы, русский, болгарский, грузинский, армянский. – М.: Сов. писатель, 1988. – 396 с.
- Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 5. – 608 с.
- Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. – М.: Христианская литература, 1996. – Ч. 1. – 320 с.
- Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. – С. 5–11.
- Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. – М.: Индрик, 2012. – 264 с.
- Земсков В. Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nrgumis.ru/articles/81> (дата обращения: 20.01.2019).
- Зырянов О. В. Русская классическая словесность в этноконфессиональной перспективе: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 216 с.
- Зырянов О. В. Существует ли русский сонет? Судьба лирического жанра сквозь призму этнопоэтики // Вопросы литературы. – 2012. – № 3. – С. 300–325.
- Иванов Вяч. И. Байронизм как событие в жизни русского духа // Иванов В. И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 269–272.
- Кожин В. В. О русском национальном сознании. – М.: Алгоритм, 2002. – 384 с.
- Копалов В. И. Русский национальный характер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2009/09/16/russkij_nacional_nyj_harakter (дата обращения: 20.01.2019).
- Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 12. – 448 с.
- Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – С. 238–360.
- Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1993. – Т. 3. – С. 127–137.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. Без названия // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 5. – С. 235–506.
- Мейендорф Иоанн, прот. Духовное и культурное возрождение в XIV веке и судьбы Восточной Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/%2Bminsk_Lekt.doc (дата обращения: 20.01.2019).
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. Н. В. Гоголь // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 1. – С. 190–376.

REFERENCES

- Abashev V. V. Russian literature of the Urals. Geopoetics problems: study guide. – Perm: Perm State National Research University, 2012. – 140 p.
- Averinchev S. British mirror for Russian self-consciousness or once again about the “Village Cemetery” by Gray-Zhukovsky // Averinchev S. Collected Works: The Link of Times. – Kiev: DUH I LITERA, 2005. – P. 260–267.
- Belinsky V. G. < General meaning of the word literature > // Belinsky V. G. Collected Works: in 9 v. – M.: Imaginative Literature, 1981. – V. 6. – P. 493–524.
- Vidugirite I. Gogol's geographical imagination. – Vilnius: Vilniaus universitetas, 2015. – 296 p.
- Gachev G. National Images of the World: Common Issues, Russian, Bulgarian, Georgian, Armenian. – M.: Soviet Writer, 1988. – 396 p.
- Gogol N. V. Collected Works: in 9 v. – M.: Russian book, 1994. – V. 5. – 608 p.
- Dunaev M. M. Orthodoxy and Russian literature: in 6 p. – M.: Christian literature, 1996. – P. 1. – 320 p.
- Zaharov V. N. Russian literature and Christianity // Gospel text in Russian literature XVIII–XX centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre: collection of scientific papers. – Petrozavodsk: Publishing house of PetrSU, 1994. – P. 5–11.
- Zaharov V. N. Problems of historical poetics. Ethnological aspects. – M.: Indrik, 2012. – 264 p.
- Zemskov V. B. The image of Russia “at the turning point” of the times (Theoretical aspect: reception and representation of the “other” culture) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nrgumis.ru/articles/81> (date of access: 20.01.2019).
- Zyryanov O. V. Russian classical literature in ethnic and religious perspective: study guide. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2014. – 216 p.
- Zyryanov O. V. Is there a Russian sonnet? The fate of the lyrical genre through the prism of ethno-poetics // Literature questions. – 2012. – № 3. – P. 300–325.
- Ivanov Vyach. I. Byronism as an event in the life of the Russian spirit // Ivanov V. I. Native and universal. – M.: Republic, 1994. – P. 269–272.
- Kozhinov V. V. About Russian national consciousness. – Moscow: Algorithm, 2002. – 384 p.
- Kopalov V. I. Russian national character [Electronic resource]. – Mode of access: http://ruskline.ru/analitika/2009/09/16/russkij_nacional_nyj_harakter (date of access: 20.01.2019).
- Leskov N. S. Collected Works: in 12 v. – M.: Pravda, 1989. – V. 12. – 448 p.
- Lossky N. O. The character of the Russian people // Lossky N. O. Terms of absolute good. – M.: Politizdat, 1991. – P. 238–360.
- Lotman Yu. M. Russian literature after the Petrine era and the Christian tradition // Lotman Yu. M. Featured Articles: in 3 v. – Tallinn: Alexandra, 1993. – V. 3. – P. 127–137.
- Mamin-Sibiryak D. N. Untitled // Collected Works: in 6 v. – M.: Imaginative Literature, 1981. – V. 5. – P. 235–506.
- Meyendorff J., priest. The spiritual and cultural revival in the XIV century and the fate of Eastern Europe [Electronic resource]. – Mode of access: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/%2Bminsk_Lekt.doc (date of access: 20.01.2019).
- Ovsyaniko-Kulikovsky D. N. N. V. Gogol // Ovsyaniko-Kulikovsky D. N. Literary critical work: in 2 v. – M.: Imaginative Literature, 1989. – V. 1. – P. 190–376.

- Панченко А. М. Два этапа русского барокко // Труды отдела русской литературы. – Л.: Наука, 1977. – Т. XXXII. – С. 100–106.
- Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. – М.: Знак, 2003. – 720 с. – (Studia Philologica).
- Позов А. *Метафизика Пушкина*. – М.: Наследие, 1998. – 320 с. – (Сер. «Пушкин в XX веке», вып. V).
- Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
- Толстой Л. Н. *Собр. соч.: в 22 т.* – М.: Худож. лит., 1980. – Т. 6. – 447 с.
- Тынянов Ю. Н. *Пушкин и его современники*. – М.: Наука, 1969. – 424 с.
- Флоровский Г., прот. *Пути русского богословия*. – Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. – 600 с. – (Репринт издания Paris: YMCA-PRESS, 1983).
- Шешунова С. В. *Национальный образ мира в русской литературе: дис. ... д-ра филол. наук*. – Дубна, 2006. – 368 с.
- Успенский Б. А. *Крестное знамение и сакральное пространство: почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо?* – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 160 с.
- Panchenko A. M. Two stages of Russian baroque // Proceedings of the department of Russian literature. – L.: Science, 1977. – V. XXXII. – P. 100–106.
- Picchio R. *Slavia Orthodoxa: Literature and language*. – M.: Znak, 2003. – 720 p. – (Studia Philologica).
- Pozov A. *Pushkin's metaphysics*. – M.: Nasledie, 1998. – 320 c. – (Series "Pushkin in the XX century", vol. V).
- Stepanov Ju. S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. – M.: Russian culture languages, 1997. – 824 p.
- Tolstoy L. N. *Collected Works: in 22 v.* – M.: Imaginative Literature, 1980. – V. 6. – 447 p.
- Tynyanov Yu. N. *Pushkin and his contemporaries*. – M.: Nauka, 1969. – 424 p.
- Florovsky G., priest. *Ways of Russian Theology*. – Kiev: Christian Wayfare Association "Path to Truth", 1991. – 600 p. – (Reprint edition Paris: YMCA-PRESS, 1983).
- Sheshunova S. V. *National image of the world in Russian literature: dis. ... Doctor of Philology*. – Dubna, 2006. – 368 p.
- Uspensky B. A. *The sign of the cross and sacred space: why are Orthodox baptized from right to left, and Catholics – from left to right?* – M.: Languages of Slavic culture, 2004. – 160 p.

Данные об авторе

Зырянов Олег Васильевич – доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).
 Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
 E-mail: o.v.zyryanov@urfu.ru.

Author's information

Zyryanov Oleg Vasilyevich – Doctor of Philology, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

НОВЕЛЛА ФРАНЦА КАФКИ «ПРИГОВОР» И ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Статья представляет собой опыт анализа одного из ключевых текстов немецкоязычной литературы в контексте «Петербургского текста русской литературы». Методика его изучения, хорошо разработанная в русском литературоведении, служит своего рода инокультурной интерпретационной рамой, фокусирующей внимание на тех смысловых аспектах рассказа, которые не привлекают, как правило, внимания немецких исследователей. Под «интерпретационной рамой» (понятие, производное от англ. „reader formation“ или „reference frame“; в немецкой традиции „Deutungsrahmen“) современная герменевтика подразумевает культурно-исторические предпосылки, определяющие подход к тексту и характер его осмысления. Инокультурной рама является в том случае, если применяется к текстам, принадлежащим иному культурному пространству, историческому или национальному. Рама и в этом случае служит механизмом смыслообразования, регулирующим акт чтения и направляющим поиски смыслов, воплощенных в структурных особенностях произведения, но как роль читателя-исследователя, так и семантическая ориентация текста меняется довольно существенно: интерпретатор начинает выступать в роли культурного посредника, перекодирующего текст по коду своей культуры и актуализирующего его скрытые потенциальные значения. Рассказ Кафки «Приговор» – предмет принятого в данной статье экспериментального анализа – является примером многозначного, «открытого» текста, допускающего разнообразные толкования и провоцирующего читательское сотворчество. Право читателя на интерактивное формирование смысла на своей территории, в сфере своего восприятия, провозглашенное «рецептивной эстетикой», подтверждается, с одной стороны, «катахретической логикой» авангардистских текстов (И. П. Смирнов), с другой – рядом прямых высказываний писателя, содержащихся в его дневниках и письмах. Таково, прежде всего, прямое указание Кафки на присутствие в «Приговоре» психоаналитического кода, который рассматривается в статье как связующее звено между сюжетной коллизией немецкого рассказа и сюжетом петербургского мифа в его русских трактовках. Задача статьи заключается в том, чтобы, не вступая в противоречие ни с текстом Кафки, ни с его более традиционными толкованиями в немецком литературоведении, доказать возможность интерпретации «Приговора» в качестве своего рода «петербургской повести», допускающей интеграцию в сложную систему взаимосвязанных произведений, известную под именем «петербургского текста».

Ключевые слова: авангард; герменевтика; катахрезы; петербургский текст; психоанализ; экспрессионизм; австрийская литература; австрийские писатели; литературное творчество; новеллы; русская литература.

Zherebin A. I.
Saint-Petersburg, Russia

FRANZ KAFKA'S "THE JUDGEMENT" AND THE PETERSBURG TEXT OF RUSSIAN LITERATURE

Abstract. The article inserts Kafka's short story "The Judgement" (1912) into the context of the "Petersburg text of Russian literature" and offers an example for the analysis of one of the most famous texts of German literature using the other "reference frame". By "reference frame" or "reading formation" modern hermeneutics mean historical and cultural suppositions, that manage the act of reading. A formation can be designated as other cultural formation if these suppositions (models of self-description, statements of questions, concepts, approaches to research) belong to foreign cultural space with its own cultural tradition. Reading formation's function remains unchanged: as control mechanism for the searches of sense it must define how a text can be read, which sense is possible and convincing in this context. What changes when you change the reading formation, is the role of the interpreter and semantic orientation of piece of art. The interpreter accepts the role of cultural mediator, his interpretation becomes a way of cultural transfer and the piece of art gets semantic dynamics. The story of Kafka with its open structure and "catachretic logic" provokes the reader to the formation of meaning on its territory, in the sphere of its perception. This right, proclaimed by receptive aesthetics, is also confirmed by the statements of the writer himself in his diaries and letters. Such, above all, is his indication to the presence in the narrative of the psychoanalytic code. He is the link between the German story and the Petersburg myth in his Russian interpretations. Including of "The Judgement" into the complex system of relations that describes "Petersburg text of Russian literature", grounds the possibility to read this story as the variant of the "Petersburg tale" ("петербургская повесть") and enrich his semantic potential with new meanings.

Keywords: avant-garde; hermeneutics; catachresis; expressionism; reading formation; Petersburg text; psychoanalysis; Austrian literature; Austrian writers; literary creativity; novels; Russian literature.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 16-24-49005-ОГН

Acknowledgments: The publication was prepared as part of a research project supported by the Russian Foundation for Basic Research 16-24-49005-OGN.

Для цитирования: Жеребин, А. И. Новелла Франца Кафки «Приговор» и петербургский текст русской литературы / А. И. Жеребин // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 16–22. DOI: 10.26170/fk19-01-02.

For citation: Zherebin, A. I. Franz Kafka's "The Judgement" and the Petersburg Text of Russian Literature / A. I. Zherebin // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 16–22. DOI: 10.26170/fk19-01-02.

Fast jede Kafka-Analyse beginnt mit der Feststellung, seine Texte seien verschlüsselt und widersprüchlich oder, nach der Formulierung von Adorno in seinen „Aufzeichnungen zu Kafka“, „Jeder Satz spricht: Deute mich und keiner will es dulden“ [Adorno 1977: 25]. Igor Smirnov hat am Beispiel der russischen Avantgarde-Dichtung zeigen können, dass ihr das Gestaltungsprinzip der semantischen Katachrese zugrunde liegt. Ihre verschiedenen Varianten hätten gemeinsam, dass sie Heterogenität und Widersprüchlichkeit der Elemente eines Ganzen sichtbar machten. Daher sei sie besonders geeignet, automatisierte Welt- und Sprachstrukturen in Bewegung zu bringen, eine herrschende symbolische Ordnung zu sprengen [Smirnov 2000: 99–169; Vgl. Smirnov 1989: 299–307]. Dies gilt auch für Kafka, dessen Texte durch Gegensätze strukturiert sind und die Welt „unter dem Vorzeichen einer negativen Hermeneutik“ als „mundus absconditus“ erscheinen lassen [Kemper 2010: 202–214].

Als eine Art Dekonstruktion stellt zugleich die Katachrese ein ambivalentes Verfahren dar, das sich im Bereich dessen bewegt, was es subversiv unterminiert [vgl. Vietta 1992: 193 f.]. Das spezifisch Moderne äußert sich in Kafkas narrativen Texten gerade darin, dass ein destruktiver Diskurs, je unerbittlicher er ist, desto deutlicher impliziert er eine Herausforderung, die aufgenommen und durch eine neue, wenn auch vage, unsichere und unvollendete Konstruktion beantwortet wird. Eine überkommene falsche Logik wird von Kafka offengelegt, um den Weg zu einer anderen paradoxen Logik und Wahrheit zu bahnen. So unternimmt er einen verwegenen und verzweifelten Versuch, Gegenbegriffe wie Gesetz und Freiheit, Gewalt und Erlösung in ihrem Zusammenhang neu zu definieren: Das geheime grausame Gesetz, an das man nicht glaubt, deutet eine Erlösung an, indem man sich ihm doch – unwillig und unbewusst – unterwirft.

Wie die Logik der Katachrese auf der erzählerischen Ebene funktioniert, kann im „Urteil“ am Freund-Motiv gezeigt werden: Zuerst wird die Existenz des Freundes, der in Petersburg leben sollte, vom Vater bestätigt, dann in Frage gestellt, und schließlich geleugnet; zuletzt jedoch wird der Freund wiederum in einer neuen Bedeutung und gestärkten Position hervorgerufen [Kafka 1994: 52–56]¹. Im Kontext folgender Sätze verschiebt sich die Bedeutung des Satzes „Du hast keinen Freund in Petersburg“. Er besagt eben nicht, dass es keinen Menschen gebe, den der Sohn für seinen Freund halte, sondern dass der Mensch, der in Petersburg lebe, kein Freund des Sohnes, sondern sein Feind und der Verbündete des Vaters sei.

Es geht nicht um eine grundsätzliche Verweigerung von Sinnstiftung und Interpretation. Die semantische Katachrese kann hermeneutisch überwunden, die verborgene Kohärenz des Textes durch das Auffinden von internen Beziehungen und Äquivalenzen ausgewiesen werden. Dies ist auch auf der Ebene der Geschichte zu erkennen: Zu Beginn der Erzählung wird der Brief geschrieben, am Schluss das Urteil ausgesprochen, und das Spannungsverhältnis zwischen ihnen scheint nur solange unmotiviert zu sein,

bis man begreift, auf welche Weise sie miteinander zusammenhängen und warum das Urteil den Brief widerlegt. Kafkas Text setzt eine behutsame Subtilität der Schriftauslegung nach dem Modell der sakralen Texte voraus. So fragt Kafka in einem Brief vom 2. Juni 1913 an seine Verlobte Felice Bauer, der er die Erzählung gewidmet hat: „Findest du im ‚Urteil‘ irgendeinen Sinn, ich meine irgendeinen geraden, zusammenhängenden Sinn. Ich finde ihn nicht und kann auch nichts darin erklären. Aber es ist vieles Merkwürdige daran“ [Kafka 1976: 394; vgl. Kafka 1976: 396].

Kafka scheint zwischen dem geraden und ungeraden Sinn zu unterscheiden. Indem er behauptet, der Text hätte keinen geraden Sinn, treibt er gerade die Suche nach dem anderen, dem ungeraden Sinn besonders drastisch hervor. Ich gehe davon aus, dass auf der Suche nach diesem ungeraden Sinn eine Möglichkeit besteht, „Das Urteil“ als eine „Petersburger Geschichte“ («петербургская повесть») zu lesen. Es geht dabei um den Versuch, einen mehrdeutigen Text von Kafka gewissermaßen ohne Rücksicht auf seine kulturelle Herkunft mit Hilfe eines fremdkulturellen Deutungsrahmens zu interpretieren – im Kontext des „Petersburger Textes der russischen Literatur“ (zu dessen Bestandteil u.a. Puškins „Der eherne Reiter“ mit dem Untertitel „Eine Petersburger Erzählung“ und die Novellensammlung „Petersburger Erzählungen“ von Gogol gehören), und mit bewusster Anwendung methodischer Ansätze, die für ihn in der Slavistik herausgearbeitet wurden [Markovič / Schmid 2005; Typa 2006: 252–272].

Petersburg – eine Revolutionsstadt

Was hat die Erzählung von Kafka mit dem Petersburg-Text zu tun? Zu Beginn der Erzählung wird berichtet, dass ein junger Kaufmann, Georg Bendemann, gerade einen Brief an einen sich im Ausland befindenden Jugendfreund beendet hat. Über den Freund heißt es, er sei „mit seinem Fortkommen zu Hause unzufrieden“ [Kafka 1994: 43] gewesen, habe sich „förmlich nach Russland geflüchtet“ [Kafka 1994: 43] und betreibe ein Geschäft in Petersburg, das jedoch entgegen der Erwartung nicht gut gehe, wofür der Grund, „die Unsicherheit der politischen Verhältnisse in Russland“ [Kafka 1994: 45] sei. Bei einem seiner seltenen Besuche der Heimatstadt habe er „unglaubliche Geschichten von der russischen Revolution erzählt“ – wie z. B. ein Geistlicher „sich ein breites Blutkreuz in die flache Hand schnitt, die Hand erhob und die Menge anrief“ [Kafka 1994: 58]. Auf dem Foto hat das Gesicht des Freundes „eine gelbe Hautfarbe, die auf eine sich entwickelnde Krankheit hinzudeuten scheint“ [Kafka 1994: 44]. Er fühle sich in der Fremde einsam und verlassen, und wie es in der Tagebucheintragung Kafkas heißt, komme es daher, dass er den „russischen Revolutionen schutzlos ausgesetzt ist“ [Kafka 1990: 217].

Dieser Jugendfreund ist keine Nebenfigur. In Kafkas Brief an Felice ist zu lesen, er sei „kaum eine wirkliche Person“, „vielleicht eher das, was dem Vater und Georg gemeinsam ist“ [Kafka 1976: 396]. Auch im Tagebuch ist zu lesen: „Der Freund ist die Verbindung zwischen Vater und Sohn“ [Kafka 1990: 217]. Er verbindet sie katachretisch, wie etwa Priester und Opfer sich in einem erlösenden Ritual verbinden, auf solche Weise, dass der Vater am Schluss den Sohn verurteilt: „Ich verurteile dich jetzt zum Tode des Ertrinkens!“ [Kafka 1994: 60]. Die Reaktion des Sohnes ver-

¹ Vgl. die Aussagen: „Hast Du wirklich einen Freund in Petersburg?“, „Du hast keinen Freund in Petersburg!“, „Wohl kenne ich deinen Freund. Er wäre der Sohn nach meinem Herzen“, „Ich war sein Vertreter hier am Ort“, „Deine Briefe zerknüllt er ungelesen in der linken Hand, während er in der Rechten meine Briefe zum Lesen sich vorhält“.

blüfft, weil sie seiner Kampfposition im Streitgespräch mit dem Vater widerspricht. Er läuft davon und vollstreckt das väterliche Urteil, stürzt sich von der Brücke ins Wasser hinunter – das Absturzmotiv gehört zu den zentralen textkonstitutiven Bildern der Moderne seitdem der Glaube an die alles vermessende und berechnende Vernunft immer mehr an Boden verliert [Vietta 1992: 174 f.]. Zwischen dem „Urteil am Schluss“ und dem „Brief am Anfang“ entspannt sich als eine durchgängige Achse das Gespräch zwischen Vater und Sohn über den Freund in Petersburg. Der Freund bildet „das Haupt- und Kronrätsel des Textes“ [Matt 1997: 251].

Petersburg als Wohnort des Freundes steht für die Fremde, wo man fälschlicherweise nach Glück und Selbstbehauptung gesucht hat und wo man stattdessen alles verliert, Sicherheit und selbst das Leben. Warum gerade Petersburg? Könnte an seiner Stelle ein anderer abgelegener Ort genannt werden, etwa Äthiopien, wo der französische Dichter Arthur Rimbaud tödlich erkrankte, nachdem er – einer der Europamüden – sich als Geschäftsmann zu bewähren versucht hatte? Als Ursache der Erkrankung und Depression des Freundes werden Heimatlosigkeit und Isolation genannt, vor allem aber der geschäftliche Misserfolg, der auf die russische Revolution zurückzuführen ist. Petersburg wird damit als eine Revolutionsstadt konnotiert, als die es auch wirklich zu bezeichnen wäre und häufig bezeichnet wurde. Genau genommen, ist Petersburg die Stadt zweier Revolutionen, was seiner Doppelkodierung im Petersburger Text der russischen Literatur entspricht.

Die erste Revolution war die Revolution von oben: Petrinische Reformen, die den Triumph der Aufklärung und ein Paradies auf Erden versprochen. Es war dieses Versprechen, das eine große Anziehungskraft auf Einwanderer aus Europa hatte. Allerdings fühlten sie sich meistens betrogen und dem russischen Despotismus ausgeliefert, der sich mit den Ideen der Aufklärung nur maskierte¹. Das Ergebnis der Revolution von oben – ein quasi aufgeklärtes russisches

Reich und Petersburg als Hochburg der russischen Aufklärung – wurde von Anfang an ambivalent eingeschätzt. Neben dem stolzen „Werk Peters“ („Петра творенье“) bildete sich, zuerst am Rande des affirmativen Diskurses, ein gegensätzlicher Vorstellungskomplex, in dem Petersburg als Hure Babylon und ein Blendwerk des Antichristen, d.h. als gotteswidriges und russlandfeindliches Phantasma der überheblichen menschlichen Vernunft bezeichnet wird.

Dieser Vorstellungskomplex oder Mythos, der schon seit dem 18. Jahrhundert in Umlauf gewesen sein sollte, wird durch pathologische Motive der Krankheit, des Wahnsinns und des Todes durchzogen. „So, also hierher kommen die Leute, um zu leben: ich würde eher meinen, es stürbe sich hier“ – dies zeichnet Rilkes Malte Laurids Brigge auf und meint damit Paris [Rilke 1997: 7]. Umso mehr trifft dies für Petersburg zu. Es war die zweite Petersburger Revolution – die Revolution von unten – die das Bild des imperialen Petersburg als einer verzauberten und verwünschten Gegenwelt von Russland legitimierte und die zweihundertjährige Geschichte seiner Herrschaft zur Geschichte der Selbstkolonisierung des russischen Volkes erklärte.

Die Revolution von unten verstand sich als eine Vergeltung, die mit Petersburg und der Petersburger Periode der russischen Geschichte Schluss zu machen hatte. 1918, nachdem sie gesiegt hatte, wurde die Hauptstadt wieder nach Moskau verlegt. Nichtsdestoweniger stellte auch die Revolution von unten ein typisches Petersburger Phänomen dar: Den Akt seiner Selbstverurteilung und Selbstaufhebung. Im Prozess des Heranreifens und der Entwicklung dieser zweiten Revolution – und sie reifte in verschiedenen Schichten und Kreisen der russischen Gesellschaft seit Mitte des 19. Jahrhunderts heran – wird Petersburg immer häufiger zum Psychoraum der Krankheit zum Tode stilisiert. Einer der berühmtesten Texte, die dies belegen, ist das Gedicht von Ossip Mandelštam, aus dem Gedichtband „Tristia“ (1916), verfasst am Vorabend der siegreichen bolschewistischen Revolution. Paul Celan hat es später übersetzt:

Petropolis, diaphan: hier gehen wir zugrunde, /
hier herrscht sie über uns: Proserpina. /
Sooft die Uhr schlägt, schlägt die Todesstunde, /
wir trinken Tod aus jedem Lufthauch da [Celan 1963: 49]².

Die Revolution von oben und die Revolution von unten greifen zu unterschiedlichen Metaphern, um ihre Bedeutung zum Ausdruck zu bringen. Für die erstere stehen prachtvolle klassisch-harmonische Ensembles und Veduten, die sämtliche europäische Hauptstädte zitieren und in denen – wie Boris Groys bemerkt hat – die westlerische Intelligenzija ihren Habitus erkannt hat [Groys 1995: 171]. Diesem „paysage de la culture“ stellt die Revolution von unten das romantische „paysage de la nature“ entgegen – die Bilder einer künftigen, prophezeiten Naturkatastrophe, einer vernichtenden apokalyptischen Überschwemmung, in der das sündige Petersburg-Babel mit all seiner Pracht versinken wird. Der falsche Kosmos – das Ergebnis der ersten Revolution – soll vom Chaos der zweiten zurückgenommen

¹ Ein gut bekanntes Beispiel ist J. M. R. Lenz, Goethes Jugendfreund. Sein wahnsinniger Versuch, Goethes Weimarer Karriere in Russland nachzuahmen, ist ruhmlos gescheitert; er starb in Armut und Einsamkeit und wurde in einer dunklen Straße tot aufgefunden. Als gegensätzliches Beispiel wird ein anderer Jugendfreund Goethes genannt – Friedrich Maximilian Klinger, der auch nach Russland ging und es zum General und Leiter des Kadettenkorps brachte. Auch er hinterließ trotzdem bittere Zeilen über russische Verhältnisse, darüber, wie fahl das Licht der russischen Aufklärung ist. Verstorben ist Klinger in hohen Würden, und doch erinnert sein Ende an die Beschreibung aus Nikolaj Leskovs Erzählung „Das Gespenst im Ingenieurspalast. Aus den Erinnerungen der Kadetten“ (1882): „General Lamnovskij starb im Spätherbst, im November. Um diese Zeit zeigt Petersburg sein menschenfeindliches Gesicht: Kälte, durchdringende Feuchtigkeit und Schmutz; besonders schwer legt sich das trübe neblige Licht auf Nerven und durch sie auf das Hirn und die Phantasie. Das alles bewirkte eine krankhafte seelische Unruhe und Erregung. Der Physiker Moleschott könnte bei uns in dieser Jahreszeit hochinteressante Daten für seine wissenschaftlichen Schlussfolgerungen über den Einfluss des Lichts auf das Leben bekommen“ [Kluge 1976: 80]. General Lamnovski ist kein General Klinger, der Ingenieurspalast jedoch, in dem sein Gespenst (laut Leskovs Erzählung) weiterlebt, ist der andere Name für Michaelsburg, einst die Residenz des germanophilen Kaisers Paul I., dem Klinger seinen Aufstieg verdankte und der in dieser Residenz 1801 mit stillem Einverständnis seines Sohnes, Alexander, dem Thronfolger, von Verschwörern aus Kreisen des hohen Adels ermordet wurde. Die Frage, ob Lenz und Klinger in einer weitläufigeren Verwandtschaft mit der Figur des Jugendfreundes in der Erzählung von Kafka gesehen werden darf, scheint nicht so abwegig zu sein, wenn man den Artikel von Lothar Blum berücksichtigt, demnach der Verfasser des „Urteils“ an Goethe als eine riesenhaft herrschende Vaterfigur der deutschen Kulturgeschichte gedacht haben sollte [Blum 2002: 176-196]. Lenz und Klinger passen dazu als Figuren, die dieses Motiv mit Petersburg verbinden.

² «В Петрополе прозрачном мы умрем, / Где властвует над нами Прозерпина. / Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем, / И каждый час нам смертная година. //» [Mandelštam 1990: 112].

werden, deren Metaphern das rebellische Meer und die Gewässer der Stadt sind. Wie insgesamt in der Romantik, ist das Chaos aber auch als schaffendes, zukunftsträchtiges Element gedacht [Vgl. Bolz 1992: 46 f.].

Vater-Sohn-Konflikt

Sollte man nach einem „Tertium comparationis“ suchen, dem Dritten des Vergleiches, das Kafkas Erzählung mit dem Petersburg-Text verbinden ließe, so würde man am ehesten an die Freudsche Theorie des ödipalen Konfliktes, des Vater-Sohn-Konfliktes zu denken. Kafkas Tagebucheintrag vom 23. September 1912, dem Tag nach der Nacht, in der „Das Urteil“ geschrieben wurde, dokumentiert: „Während des Schreibens Gedanken an Freud natürlich“ [Kafka 1990: 460] Gedanken an Freud hatten später auch zahllose Kafka-Interpreten [Vgl. Anz 2002: 126–127].

Das ödipale Drama ist im Kafka-Text leicht zu entdecken. Ein Sohn, Georg Bendemann, schickt sich an, die mächtige Position des Vaters einzunehmen, nicht nur in der Firma, sondern auch im Privatleben. Er, der Sohn, fühlt sich stark, dem Vater überlegen. Er will sich überreden, dass er sein Leben im Griff habe, dass er sich im Gegensatz zu seinem nach Petersburg ausgewanderten Freund bewährt hat. Das Zeichen dafür ist neben dem florierenden Geschäft, dass er eine Braut hat – „Fräulein Friede Brandenfeld, ein Mädchen aus wohlhabender Familie“ [Kafka 1994: 41], mit der er verlobt ist. Der alte Vater ist dagegen machtlos geworden und seine Ohnmacht wird durch die Einsamkeit und den Verlust seiner Frau symbolisiert, die unlängst verstorben ist.

Zu den Entstellungsmechanismen, mit denen die Psychoanalyse arbeitet, gehören bekannterweise auch die Aufspaltungen einer Person in mehrere, in Doppelgänger. So lassen sich die Verlobte und die verstorbene Mutter des Sohnes als Aufspaltungen einer Figur auffassen. In der Chronologie des Geschehens taucht die eine auf, wenn die andere verschwindet. Assoziiert sind sie miteinander durch den Kontrast, aber auch durch die gemeinsame Funktion – die Macht der jeweiligen männlichen Person zu belegen. Aus der Perspektive des Vaters war die Mutter, seine Ehefrau, eine Heilige, während die Verlobte des Sohnes eine Hure ist, durch die der Sohn „unserer Mutter Andenken geschändet“ [Kafka 1994: 57] habe. Genauso legt der Text die Assoziation nahe, Georg Bendemann habe seinen Doppelgänger in der Person des Jugendfreundes. So schreibt die Erzählung dem Vater die Sätze zu: „Wohl kenne ich deinen Freund. Er wäre ein Sohn nach meinen Herzen“ [Kafka 1994: 56]. Alles das sind psychoanalytische Motive, die Kafkas Erzählung als eine Variation des Ödipus-Dramas erscheinen lässt (wenn man will auch des Hamlet-Dramas oder des Brüder Karamasoff-Dramas, die Freud selbst in dieser Hinsicht analysiert hat).

Gleich dem Freudschen Ödipus-Konflikt weist die Geschichte von Kafka eine soziale und darüber hinaus eine religiöse Dimension auf. In Bezug auf die katachretische Weltauffassung der Avantgarde schreibt Smirnov Folgendes: «Для катахретического мировидения характерно обращение к таким актантным парам, которые образуются за счет противопоставления двух исключительных социальных позиций (типа: царь / раб), потому пе-

рестройка социума мыслится авангардом в виде захвата власти отверженным» [Smirnov 2000: 109]¹.

Das Machtergreifen des Sohnes ist auf dieser Ebene mit einer sozial-politischen bzw. metaphysischen Revolution gleichbedeutend. Das isomorphe Modell – der Vater in der Familie, der Kaiser im Staat, Gott im Weltall – spiegelt damit drei Stufen unbedingtes Ausgeliefertseins des Menschen. Die Erweiterung des Vatermordmotivs auf das Väterliche schlechthin, auf die despotische Ordnung und auf den biblischen Vatergott ist bekanntermaßen eines der symptomatischen Themen des Expressionismus. Das Thema der Rebellion gegen den Vater, der riesenhaft in der Welt herrscht, gegen die väterliche Macht und Autorität findet sich bei Walter Hasenclever im Drama „Der Sohn“ (1914), bei Arnolt Bronnen in „Vatermord“ (1915), bei Franz Werfel in der Erzählung „Nicht der Mörder, der Ermordete ist schuld“ (1920).

Freud selbst hat 1920 in „Totem und Tabu“ diese Ausdehnung des Ödipus-Konfliktes auf die Gesellschaft und Geschichte am Beispiel einer sog. „Urhorde“ thematisiert. In den frühesten Anfängen der Menschheit herrschte, so Freud, der Vater über die Urhorde und alle Frauen gehörten ihm allein. Später tun sich die benachteiligten Söhne zusammen, töten den despotischen Vater und verzehren ihn in der Totemmahlzeit. Dies sei die Grundstruktur der Erbsünde, verschiedener religiöser Rituale und das paradigmatische Sujet der Weltgeschichte, die immer dasselbe ödipale Beziehungsmuster wiederholt: Der Aufstand gegen den despotischen Vater und Vatermord, Machtusurpation durch rebellische Söhne und ihre gesetzlose, ausgelassene anarchische Freiheit, die gleichzeitig mit Schuldbewusstsein, Reue, Buße und Sakralisierung des ermordeten Vaters einhergeht. „Liebe Eltern, ich habe euch doch immer geliebt!“ – das sind die letzten Worte Georgs, bevor er sich von der Brücke „hinabfallen lässt“, um das väterliche Urteil an sich zu vollstrecken [Kafka 1994: 61].

Auf die Revolution, darauf, dass sich hinter dem Familiendrama das Drama der Weltgeschichte verbirgt, verweist andeutungsweise Kafkas ursprüngliche Intention, die sich dann während des Schreibens gewandelt hat. Er habe, so in einem Brief an Felice, eigentlich einen Krieg beschreiben wollen: „ein junger Mann sollte an seinem Fenster eine Menschenmenge über die Brücke herankommen sehen“ [Kafka 1976: 44]. In der letzten Fassung wird die todbringende Brücke bis auf das ferne Petersburg verlängert, so dass Krieg und Tod zuerst, am Anfang der Erzählung, sehr weit zu sein scheinen.

Am Fenster sitzend, betrachtet Georg Bendemann eine friedliche Landschaft mit Fluss und Brücke und denkt darüber nach, ob er seinen Brief, in dem er über seine geschäftlichen Erfolge und seine glückliche Verlobung berichtet, abschicken darf. Es ist eine ethische Frage – sein Brief werde den fernen Freund noch stärker fühlen lassen, wie unglücklich er in seinem Petersburg, in der Fremde und Einsamkeit und unter dem Druck der Revolution sei. Zum Entschluss bringt Georg seine Braut, die vorbeikommt und eine merkwürdige Bemerkung macht: „Wenn

¹ „Für die katachretische Weltauffassung ist die Hinwendung zu oppositionellen Aktantenpaaren bezeichnend, die gegensätzliche soziale Positionen vertreten (etwa „Herr/Knecht“); daher wird die gesellschaftliche Umgestaltung in Form der Machtergreifung durch die Ausgestoßenen dargestellt“ [Smirnov 2000: 109].

du solche Freunde hast, Georg, hättest du dich überhaupt nicht verloben sollen“ [Kafka 1994: 48]. Das scheint sehr übertrieben zu sein, deutet aber an, dass die Verlobung, die Georgs, des Sohnes, Selbständigkeit ausweisen soll, als eine Revolution gegen den Vater aufzufassen ist, dass sie mit der russischen Revolution in Petersburg durchaus vergleichbar, ja identisch ist. Wenn der Freund sich auf die Verlobung nicht freuen könne, wenn er unter dieser Revolution leide und sich als Verlierer sehe, so sei er kein Freund, sondern ein Feind; er sei Vendée, Weißgarde, Gegenrevolution, der Verbündete des Vaters. Dieser spricht es direkt aus: Nicht Georg, sondern sein Petersburger Freund wäre für ihn ein richtiger Sohn, er stehe mit dem Freund im geheimen Briefwechsel und er, der Vater, sei der Vertreter des Freundes hier im deutschen Haus. Damit wird die konterrevolutionäre Verschwörung eingestanden. Friede, die Braut, weiß es sehr genau und ihre Worte (“Wenn du solche Freunde hast, Georg, hättest du dich überhaupt nicht verloben sollen“) sind zu übersetzen: Entweder wir, die Revolution – oder dein Vater und dein Freund, ihre alte Macht, die vor der Revolution zittert und sie hasst. Georgs Zögern mit der Absendung des Briefes bezeichnet dann moralische Skrupel eines Revolutionärs am Vorabend des Tyrannenmordes, einer von denen, dem der sterbende Tyrann sagen kann, wie Caesar seinem Mörder Brutus: „Auch du, Sohn?“. Georg ist im Begriff, die bestehende symbolische Ordnung zu zerstören und die väterliche Macht zu usurpieren.

Nach dem Gespräch mit Friede geht er zum Vater in dessen Hälfte des Hauses und lügt: „Ich wollte dir eigentlich nur sagen, dass ich nun doch nach Petersburg meine Verlobung angezeigt habe“ [Kafka 1994: 51]. Gekommen ist er aber, weil er immer noch auf die friedliche Machtübergabe hofft: Der Vater solle Georgs Erfolg bestätigen, seine und des Petersburger Freundes Niederlage eingestehen, solle zustimmen, dass ab jetzt nicht er, sondern Georg die Vollmacht besitze. Diese friedliche Revolution scheitert daran, dass der Vater sich nicht ergeben will. So beginnt zwischen dem Sohn und dem Vater ein Bürgerkrieg auf Tod und Leben. Seine Beschreibung füllt den größten Teil des Textes aus, der auf das väterliche Urteil hinausläuft.

Erlösung durch Gewalt

Der Schluss der Erzählung ist von besonderer Bedeutung, weil er die Grundstruktur des Petersburger Erlösungsmythos aufweist¹. Nachdem das väterliche Urteil den

¹ Der Petersburg-Mythos (auch: „Petersburger Idee“ und „außertextuelles Substrat“ des „Petersburger Textes“) wird von Toporov als soteriologischer Erlösungsmythos gedeutet: «Петербург – центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Петербург – бездна, иное царство, смерть, но Петербург и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни» [„Petersburg bedeutet Abgrund und Tod, ist der Mittelpunkt des Bösen und des Verbrechens, wo das Leid übermäßig geworden ist. Gleichzeitig ist es aber jener Ort, wo die russische Kultur die Talsohle des Abstiegs erreicht hat und jene Grenze, von der aus sich der Horizont eines höheren Lebens auftut“] [Toporov 2003: 8]. Petersburg vertritt demnach einen liminalen Zustand an der Schwelle zwischen dem symbolischen Sterben und der Auferstehung. Das ganze Leben gestaltet sich hier nach dem Modell eines „rites de passage“ im Sinne von Arnold van Gennep und Viktor Turner. Der „innere Sinn“ des Petersburger Textes ergibt sich, so Toporov, daraus, dass «сама смерть кладется в основу новой жизни, понимаемой как ответ смерти и как ее искупление, как достижение более высокого уровня духовности» [„Der Tod selbst fundiert das neue Leben, das als die Antwort auf die Herausforderung des Todes und dessen Ent-

Inhalt und den Sinn des Briefes nicht bestätigt, sondern aufgehoben hat, fügt sich Georg sofort diesem Urteil und begeht den Freitod mit den Worten: „Liebe Eltern, ich habe euch doch immer geliebt“. Er geht in den Tod mit Liebesworten auf den Lippen und überschreitet damit die Grenze zwischen Immanenz und Transzendenz, verwandelt dadurch den Machtkampf ins Liebeswerk, das den Tod besiegt. Als er an der Dienerin vorbeirast, um das Urteil an sich selbst zu vollstrecken, ruft sie den Namen „Jesus“ aus [Kafka 1994: 61]. Sie erkennt ihn, erkennt in ihm Jesus.

Das Jesus-Motiv bildet eine thematische Äquivalenz zur „revolutionären“ Erinnerung an den Geistlichen mit dem blutenden Kreuz auf der Handfläche und beide Motive laufen auf das Thema der russischen Revolution hinaus, von der sich Kafka im späteren Gespräch mit Gustav Janouch als von einer „religiösen Angelegenheit“ äußert [Janouch 1968: 164]. In einem wichtigen Satz des letzten Textsegments heißt es von Georg Bendemann, dass es ihn „zum Wasser trieb“ [Kafka 1994: 61]. Im Mittelalter wurden Besessene und Hexen zum Ertrinken verurteilt. Im Wasser wird auch die verteufelte Stadt Petersburg versinken, wie der Petersburg-Mythos prophezeit, wobei das rebellische Meer als Metapher für eine Revolution mitspielt. In Mythen wie in Träumen wird jedoch durch das Versinken ins Wasser nicht der Tod, sondern die Geburt symbolisiert, (was der katachretischen Denkfigur „Leben-im-Tod“ entspricht) [Smirnov 2000: 103-104]. In der 10. „Vorlesung zur Einführung in die Psychoanalyse“ ist zu lesen: „In den Mythen von der Geburt des Helden spielt die Aussetzung ins Wasser eine überwiegende Rolle“ [Freud 1924: 163]. Dass das Denkmodell einer zweiten Geburt aus der christlichen Hagiographie mitgemeint wird, versteht sich von selbst und folgt auch daraus, dass Freud sich an dieser Stelle auf die Arbeiten seines Schülers Otto Rank beruft, dem theologische Gedankengänge geläufiger als Freud selbst gewesen sind.

Bereits auf der ersten Seite der Erzählung erinnert sich Georg, (der auf seine Erfolge stolze Briefschreiber), dass es eine Zeit gab, als weder er, noch sein Jugendfreund ahnten, wer von ihnen sein Leben meistern können würde und wer nicht, wer gewinnen und wer verlieren würde – der in der deutschen Provinz gebliebene Georg oder sein nach Petersburg ausgewanderte Jugendfreund. Damals, gleich nach seiner Auswanderung hatte der Freund auch Georg dazu überreden wollen und jetzt, d.h. auf der zweiten Textseite, freut sich Georg, sich daran erinnernd, dass er der Versuchung so weise standgehalten hat. Doch am Schluss der Erzählung werden die Rollen getauscht: Nach dem verlorenen Kampf mit dem Vater und dessen Urteil stellt es sich heraus, wie stark Georg sich täuschte, als er meinte, dass nicht er, sondern sein leistungsschwacher und in der Fremde lei-

sühnung verstanden wird, als das Emporsteigen zu einer höheren Geistigkeit“ [Ebda]. Es geht also um die Erlösung, um die Zweite Geburt und Wiederauferstehung aus dem Tod. Der Tod wird als Heilmittel zu seiner eigenen Überwindung gedacht, wie im Johannes-Evangelium geschrieben steht: „Wahrlich, wahrlich, ich sage euch: Wenn das Weizenkorn nicht in die Erde fällt und erstirbt, bleibt es allein; wenn es aber erstirbt, bringt es viel Frucht“. Dieses Bildwort – das Gleichnis Jesu – wurde von Dostojewskij, einem der wichtigsten Gestalten des Petersburg-Textes als Motto den *Brüdern Karamasov* vorangestellt und bald darauf von seinen Verwandten und Verehrern auf seinen Grabstein gesetzt – auf dem Friedhof des Alexander-Neviski-Klosters in Petersburg. In der Folgezeit beherrschen Motive der Erlösung durch Gewalt und des Lebens im Tod das Weltbild der Avantgarde [Smirnov 2000: 69-169].

dender Freund Verlierer sei. Wenn also Georg das väterliche Urteil befolgt und sich ins Wasser stürzt, lässt sich dies als eine verspätete aber nie zu spät kommende Entscheidung für eine symbolische Auswanderung nach Sankt-Petersburg begreifen – in eine Stadt, wo man hinkommt, um zu sterben, wobei gerade dieses leidvolle Sterben den Gottesbezug herstellen kann.

Die Anwendung des Freudschen Szenariums an die sogenannte „Petersburger Periode der russischen Geschichte“ lässt sich auch in manchen russischen Texten, in erster Linie in Andrej Belyjs Roman „Petersburg feststellen“. Der Plot besteht darin, dass der Sohn eines Senators zu den Revolutionären hinüberwechselt und durch das Los dazu bestimmt wird, die Bombe der Terroristen in das Schlafzimmer seines Vaters zu schaffen. Das Wesentliche sind dabei nicht so sehr die Ereignisse und Gestalten, um die sich diese Fabel dreht, sondern es ist das Stadtphantom Petersburg, eine im Wahnsinn erstarrte Stadt der Väter, die durch die ebenfalls wahnsinnige Energie der rebellischen Söhne in eine rasende Bewegung versetzt wird. [Vgl. Stepun 1936/37: 200–215]. Der Roman erschien 1913, im selben Jahr, wie „Das Urteil“.

An diesen Roman dachte wohl Georgij Fedotov, als er in seinem bekannten Aufsatz „Drei Hauptstädte“ [«Три столицы»] (1926) schrieb: «При покорном безмолвии Руси, что заполняет трагическим содержанием петербургский период? Борьба Империи с Революцией. Это борьба отца с сыном – и не трудно узнать фамильные черты <...> Ужасный город, бесчеловечный город! Природа и культура соединились здесь для того, чтобы подвергнуть неслыханным пыткам человеческие души и тела, выжимая, под таким давлением прессов, эссенцию духа. Для пришельцев из вольной России этот город казался адом. Он требовал отречения – от солнца, от земли, от радости. Умереть для счастья,

чтобы родиться для творчества» (Zit. nach: Toporov 2003: 55)¹.

Auch der letztere Gedanke ist bei Kafka anzutreffen, am deutlichsten nicht im „Urteil“, sondern in der kleinen Skizze „Das Stadtwappen“, in dem er die Babel-Geschichte eigenwillig umdeutet [Vgl. Mihaly 2017: 359–370]. Obwohl das Zurückfinden zu Gott, das ursprüngliche Ziel des Himmelsturmbaus, in dieser Form nicht in Erfüllung gehen kann, entsteht innerhalb der menschlichen Welt eine andere Möglichkeit, den Gottesbezug herzustellen, auf eine konträre Weise, indem die Glaubensgemeinschaft, die sich im Prozess des Turmbaus herausgebildet hat, sich einheitlich die Vernichtung durch Gott wünscht und diesen Wunsch in ihren „Sagen und Liedern“ zum Ausdruck bringt: „Alles, was in dieser Stadt an Sagen und Liedern entstanden ist, ist erfüllt von der Sehnsucht nach einem prophezeiten Tag, an welchem die Stadt von einer Riesenfaust in fünf kurzen Schlägen zerschmettert werden wird. Deshalb hat auch die Stadt die Faust im Wappen“ [Kafka 2001: 365].

Es ist dieselbe Vorstellung, die Fedotov vertritt, wenn er Petersburg als eine Stadt begreift, in der man „für das Glück sterben, um für das Schaffen aufzuerstehen“ soll, die auch ein Jahrhundert vor ihm in Hölderlins Gedicht „Andenken“ erkennbar ist: „Was bleibt aber, stiften die Dichter“.

¹ „Unter dem demütigen Schweigen Russlands – was erfüllt die Petersburger Periode mit tragischem Inhalt? Der Kampf zwischen dem Reich und der Revolution. Dies ist der Kampf zwischen dem Vater und dem Sohn – die Familienzüge sind gleich erkennbar <...>. Eine unheimliche, menschenfeindliche Stadt! Natur und Kultur haben sich hier vereinigt, um menschliche Seelen und Körper zu foltern und sie solange und so stark unter Druck zu setzen, bis das Mark des Geistes hervorspritzt, die geistige Essenz. Den Ankömmlingen, die von dem freien Russland herkamen, schien diese Stadt eine Hölle zu sein. Sie zwang zur Entsagung – von der Sonne, von der Erde, von der Freude. Sie verlangte: Stirb für das Glück und werde als Schaffender“ [Zit. nach: Toporov 2003: 55].

LITERATURA

Мандельштам О. Сочинения: в 2-х т. / сост., подготовка текста и коммент. П. М. Нерлера; вступ. статья С. С. Аверинцева. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 1. – 638 с.

Смирнов И. П. Исторический авангард как подсистема пост-символистской культуры // Мегаистория. К исторической типологии культуры. – М.: Аграф, 2000. – С. 99–169.

Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. – СПб.: Искусство, 2003. – С. 7–118.

Тюпа В. И. Анализ художественного текста. – М.: Академия, 2006. – 336 с.

Существует ли Петербургский текст? / под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. – 402 с. – (Петербургский сборник. Вып. 4).

Adorno Th. Aufzeichnungen zu Kafka // Adorno Th. W. Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft. Gesammelte Schriften, Bd. 10.1. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1977. – S. 22–41.

Anz Th. Praktiken und Probleme psychoanalytischer Literaturinterpretation – am Beispiel von Kafkas Erzählung „Das Urteil“ // Kafkas „Urteil“ und die Literaturtheorie. Zehn Modellanalysen. Hrsg. von Oliver Jahraus und Stefan Neuhaus. – Stuttgart: Reclam, 2002. – S. 126–151.

Blum L. „Ein Sohn nach meinem Herzen“: Kafkas Das Urteil im Diskursfeld der zeitgenössischen Goethe-Nachfolge // Kafkas Urteil und die Literaturtheorie. Zehn Modellanalysen. Hrsg. von Oliver Jahraus und Stefan Neuhaus. – Stuttgart: Reclam, 2002. – S. 176–196.

Bolz N. Die Welt als Chaos und als Simulation. – München: Wilhelm Fink, 1996.

REFERENCES

Mandelstam O. Writings: in 2 v. / compilation, preparation of the text and the comments of P. M. Nerler; entry article by S. S. Averintsev. – M.: imaginative literature, 1990. – V. 1. – 638 p.

Smirnov I. P. The historical avant-garde as a subsystem of post-symbolistic culture // Megahistory. To the historical typology of culture. – M.: Agraph, 2000. – P. 99–169.

Toporov V. N. Petersburg and Petersburg text of Russian literature // Petersburg text of Russian literature. Selected Works. – SPb.: Iskusstvo, 2003. – P. 7–118.

Tyupa V. I. Artistic text analysis. – M.: Academy, 2006. – 336 p.

Is there a Petersburg text? / by ed. V. M. Markovich, V. Shmid. – SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, 2005. – 402 p. – (Petersburg collection. Issue 4).

Adorno Th. Aufzeichnungen zu Kafka // Adorno Th. W. Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft. Gesammelte Schriften, Bd. 10.1. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1977. – S. 22–41.

Anz Th. Praktiken und Probleme psychoanalytischer Literaturinterpretation – am Beispiel von Kafkas Erzählung „Das Urteil“ // Kafkas „Urteil“ und die Literaturtheorie. Zehn Modellanalysen. Hrsg. von Oliver Jahraus und Stefan Neuhaus. – Stuttgart: Reclam, 2002. – S. 126–151.

Blum L. „Ein Sohn nach meinem Herzen“: Kafkas Das Urteil im Diskursfeld der zeitgenössischen Goethe-Nachfolge // Kafkas Urteil und die Literaturtheorie. Zehn Modellanalysen. Hrsg. von Oliver Jahraus und Stefan Neuhaus. – Stuttgart: Reclam, 2002. – S. 176–196.

Bolz N. Die Welt als Chaos und als Simulation. – München: Wilhelm Fink, 1996.

Celan P. Drei russische Dichter: Alexander Blok, Ossip Mandelštam, Sergej Jessenin. – Frankfurt a. M., Hamburg: Fischer, 1963. – S. 49.

Freud S. Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, in: Freud. S. Gesammelte Schriften. 9 Bde. – Leipzig; Zürich; Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924. – Bd. VII. – S. 158–171.

Groys B. Petersburg-Petrograd-Leningrad // Ders.: Die Erfindung Russlands. – München: Carl Hanser, 1995. – S. 167–179.

Janouch G. Gespräche mit Kafka. Aufzeichnungen und Erinnerungen. – Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1968.

Kafka F. Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit. Hrsg. von Erich Heller und Jürgen Born. – Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1976.

Kafka F. Tagebücher. Textband. Hrsg. von Hans-Gerd Koch, Michel Müller und Malcolm Pasley. Kritische Ausgabe. Hrsg. von Jürgen Born, Gerhard Naumann, Malcolm Pasley und Jost Schillemeit. Unter Beratung von Nahum Glatzer, Rainer Gruenter, Paul Raab und Marte Robert. – Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1990.

Kafka F. Das Urteil. In: Drucke zu Lebzeiten. Hrsg. von Wolf Kittler, Hans-Gerd Koch und Gerhard Neumann // Kafka F. Schriften. Tagebücher. Briefe. Kritische Ausgabe. Hrsg. von Jürgen Born, Gerhard Naumann, Malcolm Pasley und Jost Schillemeit. Unter Beratung von Nahum Glatzer, Rainer Gruenter, Paul Raab und Marte Robert. – Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1994. – S. 43–61.

Kafka F. Das Stadtwappen // Die Erzählungen. Hg. von Roger Hermes. – Frankfurt a. M.: Fischer, 2001. – S. 304–305.

Kemper D. Mundus absconditus. Kafkas Der Verschollene und der deutsche Bildungsroman // Festschrift zum 75. Geburtstag von Vladimir Sedel'nik. – Moskau: IMLI RAN, 2010. – S. 202–214.

Kluge M. (Hg.). Nikolaj Leskov. Ein Gespenst im Ingenieurspalast. Aus Erinnerungen eines Kadetten // Die besten Gespenstergeschichten aus aller Welt. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1976. – S. 80–96.

Matt P. von. Verkommene Söhne, missratene Töchter. Familien-desaster in der Literatur. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997.

Mihály Cs. Kafkas Stadtwappen vor dem Hintergrund der Transkulturalität. In: Grenzenlosigkeit // Transkulturalität und kreative Schreibweisen in der deutschsprachigen Literatur. Internationale Tagung des Germanistischen Instituts der Universität Pécs vom 21. Und 23. April 2016. Hrsg. von Edina Sándorfi u. Lehel Sata [Pécsér Studien zur Germanistik 8. Herausgeber der Reihe: Katharina Wild u. Zoltan Szendi]. – Wien: Praesens-Verlag, 2016. – S. 359–370.

Rilke R. M. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge. Hg. und kommentiert von Manfred Engel. – Stuttgart: Metzler, 2007.

Smirnov I. Katachrese // Glossarium der russischen Avantgarde. Hrsg. von Aleksander Flaker. – Graz: Verlag Droschl, 1989. – S. 299–307.

Stepun F. Dem Andenken Andrey Belyjs // Hochland, Monats-schrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. Jg. 34, Bd. 2 (April 1936 – Sept. 1937). – 1936. – S. 200–215.

Vietta S. Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard. – Stuttgart: Metzler, 1992.

Данные об авторе

Жеребин Алексей Иосифович – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48.

E-mail: zerebin@mail.ru.

Celan P. Drei russische Dichter: Alexander Blok, Ossip Mandelštam, Sergej Jessenin. – Frankfurt a. M., Hamburg: Fischer, 1963. – S. 49.

Freud S. Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, in: Freud. S. Gesammelte Schriften. 9 Bde. – Leipzig; Zürich; Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924. – Bd. VII. – S. 158–171.

Groys B. Petersburg-Petrograd-Leningrad // Ders.: Die Erfindung Russlands. – München: Carl Hanser, 1995. – S. 167–179.

Janouch G. Gespräche mit Kafka. Aufzeichnungen und Erinnerungen. – Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1968.

Kafka F. Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit. Hrsg. von Erich Heller und Jürgen Born. – Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1976.

Kafka F. Tagebücher. Textband. Hrsg. von Hans-Gerd Koch, Michel Müller und Malcolm Pasley. Kritische Ausgabe. Hrsg. von Jürgen Born, Gerhard Naumann, Malcolm Pasley und Jost Schillemeit. Unter Beratung von Nahum Glatzer, Rainer Gruenter, Paul Raab und Marte Robert. – Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1990.

Kafka F. Das Urteil. In: Drucke zu Lebzeiten. Hrsg. von Wolf Kittler, Hans-Gerd Koch und Gerhard Neumann // Kafka F. Schriften. Tagebücher. Briefe. Kritische Ausgabe. Hrsg. von Jürgen Born, Gerhard Naumann, Malcolm Pasley und Jost Schillemeit. Unter Beratung von Nahum Glatzer, Rainer Gruenter, Paul Raab und Marte Robert. – Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1994. – S. 43–61.

Kafka F. Das Stadtwappen // Die Erzählungen. Hg. von Roger Hermes. – Frankfurt a. M.: Fischer, 2001. – S. 304–305.

Kemper D. Mundus absconditus. Kafkas Der Verschollene und der deutsche Bildungsroman // Festschrift zum 75. Geburtstag von Vladimir Sedel'nik. – Moskau: IMLI RAN, 2010. – S. 202–214.

Kluge M. (Hg.). Nikolaj Leskov. Ein Gespenst im Ingenieurspalast. Aus Erinnerungen eines Kadetten // Die besten Gespenstergeschichten aus aller Welt. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1976. – S. 80–96.

Matt P. von. Verkommene Söhne, missratene Töchter. Familien-desaster in der Literatur. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997.

Mihály Cs. Kafkas Stadtwappen vor dem Hintergrund der Transkulturalität. In: Grenzenlosigkeit // Transkulturalität und kreative Schreibweisen in der deutschsprachigen Literatur. Internationale Tagung des Germanistischen Instituts der Universität Pécs vom 21. Und 23. April 2016. Hrsg. von Edina Sándorfi u. Lehel Sata [Pécsér Studien zur Germanistik 8. Herausgeber der Reihe: Katharina Wild u. Zoltan Szendi]. – Wien: Praesens-Verlag, 2016. – S. 359–370.

Rilke R. M. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge. Hg. und kommentiert von Manfred Engel. – Stuttgart: Metzler, 2007.

Smirnov I. Katachrese // Glossarium der russischen Avantgarde. Hrsg. von Aleksander Flaker. – Graz: Verlag Droschl, 1989. – S. 299–307.

Stepun F. Dem Andenken Andrey Belyjs // Hochland, Monats-schrift für alle Gebiete des Wissens, der Literatur und Kunst. Jg. 34, Bd. 2 (April 1936 – Sept. 1937). – 1936. – S. 200–215.

Vietta S. Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard. – Stuttgart: Metzler, 1992.

Author's information

Zherebin Alexey Iosifovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg).

ЭМИГРАЦИЯ. ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ. ССЫЛКА (из материалов Международной конференции, 27–30 сентября 2018 г., Тюмень)

Борисова В. В.
Уфа, Россия

ORCID ID: –
E-mail: borisova@ufacom.ru

УДК 821.161.1-6(Достоевский Ф.М.)
DOI 10.26170/FK19-01-03
БК ШЗЗ(2Рос=Рус) 5-8,444
ГСНТИ 17.07.51
КОД ВАК 10.01.01

ЭПИСТОЛЯРИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ПЕРИОДА КАТОРГИ И ССЫЛКИ: КОД СПАСЕНИЯ

Аннотация. Предметом исследования, проведенного в рамках данной статьи, является обширный эпистолярный Ф. М. Достоевского периода сибирской каторги и ссылки. Цель его изучения – реконструкция христианского сюжета «спасения» в жизни писателя, знаковыми атрибутами которого стали Евангелие и деньги от «добрых людей». Их, как и первое письмо на каторге, Достоевский получил от жены декабриста Н. Д. Фонвизиной, которая затем передала эстафету добра другим декабристам и их друзьям – барону А. Е. Врангелю, генералу К. И. Иванову и другим лицам. Как видно из эпистолярного писателя, «добрых людей» на его каторжном пути оказалось немало. Они укрепляли в нем христианский дух и поддерживали материально. Также письма Достоевского данного периода, рассмотренные как важнейший биографический источник, показывают, что его «изгнание» в Сибирь имело свои особенности: исходом пребывания в «гиблом месте», вызвавшего напряженную саморефлексию, поиск ответов на вопросы: «за что наказан / в чем виноват?», стало «перерождение убеждений», которое началось на Семеновском плацу и завершилось на каторге обретением русского Христа. Одним из результатов исследования является выявленный в эпистолярном писателя код «спасения», им самим воспринятый в христианском свете. В заключение делаются выводы о том, что сибирская каторга и семипалатинская ссылка Достоевского могут быть представлены как характерный для русских литераторов XIX–XX веков типологический вариант ситуации недобровольной «инонаходимости» (о чем свидетельствует прямая переключка судеб декабристов и петрашевцев), имеющий однако специфические исторические, личные и художественные особенности.

Ключевые слова:
Ф. М. Достоевский,
каторга; ссылка; письмо;
Евангелие; деньги;
«добрые люди»;
«спасение».

Borisova V. V.
Ufa, Russia

EPISTOLARY OF F. M. DOSTOEVSKY DURING THE PERIOD OF KATORGA AND EXILE: SALVATION CODE

Abstract. This article features the vast epistolary production of F. M. Dostoevsky from his period of incarceration in penal labour camp (*katorga*) and exile in Siberia. The purpose of the study is to reconstruct the Christian plot of “salvation” in writer’s life, whose significant attributes had become the Gospels and money from “good people”. Dostoevsky had received such money as well as the first letter in his exile from Decembrist’s wife N. D. Fonvizina, who later passed the torch of goodness on to other Decembrists and their friends such as Baron A. E. Vranghel, General K. I. Ivanov and other people. As it can be seen from the writer’s epistolary, there were a lot of “good people” in his life in exile. They strengthened his Christian spirit and supported him with money. Moreover, Dostoevsky’s letters of this period, considered as the most important biographical source, show that his “banishment” to Siberia had its own peculiarities: the result of being in “sinister place” which caused tensed self-reflection, *search for answers* to questions: «*what I was punished for / what I am to blame for?*», was a “rebirth of convictions” which had started on the Semenov Square and had ended during the *katorga* by accepting ‘the Russian Christ’. One of the research results has been to identify, in writer’s epistolary, the code of “salvation” which he accepted in accordance with Christian faith. The article concludes that his labour camp imprisonment in Omsk and his exile in Semipalatinsk can be represented as typological variant of the situation of involuntary “somewhere-else-ness”, typical among Russian writers of XIX–XX centuries (as evidenced by direct similarity of destinies between the Decembrists and the Petrashevsky Circle), which, however, has its specific historical, personal and artistic features.

Keywords:
katorga; exile; letters;
Russian writers; literary
creativity; literary
genres.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90013 Достоевский.

Acknowledgments: The research was carried out with financial support from Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 18-012-90013 Dostoevsky.

Для цитирования: Борисова, В. В. Эпистолярный Ф. М. Достоевского периода каторги и ссылки: код спасения / В. В. Борисова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 23–27. DOI: 10.26170/fk19-01-03.

For citation: Borisova, V. V. Epistolary of F. M. Dostoevsky During the Period of *Katorga* and Exile: Salvation Code / V. V. Borisova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 23–27. DOI: 10.26170/fk19-01-03.

Заключение писателя в омском остроге и семипалатинских казармах нашло отражение в зеркале его эпистолярия, имеющего значение важнейшего биографического и литературно-художественного материала: «...письма Достоевского остаются для современного читателя и наиболее полным выражением его личности, и самым полным рассказом о его жизни» [Достоевский 1985: 7].

Большое биографическое и творческое значение писем Достоевского освещено в исследованиях А. С. Долинина, И. С. Зильберштейна, С. В. Белова, В. А. Туниманова и др. [Достоевский, Достоевская 1979: 353–388; Долинин 1928–1959; Зильберштейн 1973: 114–152; Летопись 1993].

Методология исследования предполагает наряду с контекстуальным анализом эпистолярных фактов реконструкцию на их основе биографического сюжета из жизни писателя.

Цель исследования – выявить в эпистолярном Достоевского отражение его физической и ментальной «инициации», которая привела к изменениям его социального статуса, творческого самосознания, идеологической позиции, всей художественной практики писателя.

Письма Достоевского показывают, оказавшегося в экзистенциальной ситуации Иова, что его каторжный опыт оказался пропущенным через призму напряженной саморефлексии, основным содержанием которой стал поиск ответов на вопросы: «за что наказан / в чем виноват?». В этом духовном процессе выразилась эволюция авторского самосознания. Уже пережив каторгу, из Семипалатинска Достоевский писал брату: «Я не ропщу; это мой крест, и я его заслужил <...> каторга много вывела из меня и много привила ко мне <...> Впрочем, всё от бога и у бога» [Достоевский 1985: 180].

В достоевковедении этот комплекс изменений традиционно определяется как произошедший в Сибири мировоззренческий и творческий перелом, как «перерождение убеждений», которое началось на Семеновском плацу и завершилось на каторге. Оправдалось предвидение самого писателя: 22 декабря 1849 года, когда закончились все приготовления к казни осужденных, он, ожидая своей очереди, сказал, что «будет со Христом». Смысл этой фразы несомненно связан с идеей обретения Христа. Не случайно во многих исследованиях, посвященных Достоевскому, подчеркивается значение его «встречи» на каторге с русским «черным народом», с его верой [Захаров 2013: 163–164].

На наш взгляд, каторга и ссылка как важнейший и самый трагический этап в биографии писателя нуждаются в более глубоком осмыслении с учетом такой авторской интенции как «спасение», самим Достоевским воспринятым в христианском свете. Этим обстоятельством объясняются постоянные отсылки в письмах 1849–1859 гг. к евангельским текстам, которые стали для автора «пятикнижия» важнейшей

жизнетворческой парадигмой. «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в блаженный восторг», – позже признавался он Анне Григорьевне [Достоевский 1986: 43]. Судя по всему, личностное преломление получил и начальный стих из 129 Псалма: «Из глубины взываю к тебе, Господи!». Достоевский отметил его в своем каторжном Евангелии.

Показательна и библейская реминисценция в письме к Н. Д. Фонвизиной [Достоевский 1985: 176]: «...скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как „трава иссохшая“, веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастье яснее истина» (Псалтырь, пс. 101, ст. 5, 12; Книга пророка Исаяи, гл. 42, ст. 15).

В 1874 году писатель поразил своего молодого друга Всеволода Соловьева парадоксальным признанием о значении каторги для собственного духовного развития: «...Мне тогда судьба помогла, меня *спасла* каторга... совсем новым человеком сделался... Я там себя понял... Христа понял... русского человека понял... Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно. Ах, если бы вас на каторгу!..» [Достоевский 1964: 199–200. Выделено нами. – В. Б.].

Если прочитать сибирские письма Достоевского в хронологическом порядке, выстраивается определенный биографический сюжет, поражающий удивительными перипетиями. Первое письмо осужденный писатель отправил брату Михаилу 22 декабря 1849 г., после приговора и инсценировки смертной казни [Достоевский 1985: 9]. Комментаторы назвали его эпистолярным шедевром [Достоевский 1985: 10]. Вот лейтмотив этого письма: «...я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. *Подле меня будут люди...*» [Достоевский 1985: 162. Выделено нами. – В. Б.].

После Семеновского плаца в переписке Достоевского следует долгий перерыв, отсутствие писем от родных его мучило. Переписка Достоевского с ними возобновилась лишь четыре года спустя. 22 февраля 1854 г., выйдя с каторги, он пишет старшему брату: «...скажи ты мне ради господина бога, почему ты мне до сих пор не написал ни одной строчки» [Достоевский 1985: 166].

Но за время жизни в Омске, Семипалатинске и Твери (1854–1859) у Достоевского возник новый круг корреспондентов – это жена декабриста Н. Д. Фонвизина, А. Е. Врангель, Е. И. Якушкин, М. Д. Исаева-Достоевская, отец ее Д. С. и сестра В. Д. Констант, Ч. Ч. Валиханов, Э. И. Тотлебен, А. И. Гейбович и др.

Среди них выделяются прежде всего люди из декабристского окружения писателя в Сибири, что не случайно, поскольку именно петрашевцы приняли эстафету от декабристов, повторив во многом их судьбу и путь по Владимирскому тракту. Вслед за ними Достоевский пережил сибирскую каторгу и ссылку, которой предшествовало одиночное заключение в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. После Се-

меновского плаца он также перестал быть дворянином и поручиком, как государственный преступник, оказавшись на самой низшей социальной ступени.

Брату Михаилу 22 февраля 1854 года он писал: «Жили мы в куче, все вместе в одной казарме... Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать... Затопят шестью поленами печку, тепла нет, а угар нестерпимый, и вот вся зима. Тут же в казарме арестанты моют белье и всю маленькую казарму заплескают водой... Выйти за нуждой уже нельзя с сумерек до рассвета, ибо казармы запираются, и ставится в сенях ушат, и потому духота нестерпимая... Блох, вшей и тараканов четвериками... В пост капуста с водой и больше ничего. Я расстроил желудок нестерпимо и был несколько раз болен... и *если бы не было денег*, я бы непременно помер, и никто, никакой арестант, такой жизни не вынес бы... Прибавь ко всем этим неприятностям почти невозможность иметь *книгу*... вечную вражду и ссору кругом себя, брань, крики, шум, гам, всегда под конвоем, никогда один, и это четыре года без перемен...» [Достоевский 1985: 170. Выделено нами. – В. Б.].

«Книга» и «деньги» фигурируют здесь как знаки «спасения». В письмах Достоевского к брату Михаилу Михайловичу это постоянный лейтмотив: «Мне нужно книг и денег. Присылай ради Христа» [Достоевский 1985: 171, 172]. К сожалению, родственники, в том числе и Куманины («дядя» и «тетушка») начали присылать деньги только в конце ссылки писателя. Так, в феврале 1857 года Федор Михайлович получил от Куманиных 600 рублей и 200 рублей от сестры В. М. Карепиной, что помогло ему расплатиться с долгами и устроить свадьбу с М. Д. Исаевой.

Но первые деньги и самую нужную «книгу» писатель получил от жены декабриста Н. Д. Фонвизиной. И первое письмо во время пребывания Достоевского на каторге было от нее. Как вспоминает ее младшая подруга Мария Францева, «Наталья Дмитриевна <...> была замечательно умна, образована, необыкновенно красноречива и в высшей степени духовно-религиозно развита <...>. Религиозность ее проявлялась не в одних внешних формах обрядового исполнения, но в глубоком развитии ведения духовного; она в полном смысле жила внутренней, духовной жизнью. Читала всевозможные духовные книги, не говоря уже о Библии, которую знала почти наизусть, читала творения Св. Отцов нашей православной Церкви, писателей католической и протестантской церкви, знала немецкую философию, к тому же обладала еще необыкновенно ясным и глубоким взглядом на жизнь. С ней редко кто мог выдержать какой-нибудь спор, духовный ли, философский или политический. Как бывало мудро и глубоко умела она соединить мировые события с библейскими пророческими предсказаниями» [Францева 1888: 392–393].

Н. Д. Фонвизина посещала Достоевского и С. Ф. Дурова в Тобольском остроге, «принимала в них горячее участие и, находясь в родственных отношениях с князем Горчаковым, генерал-губернатором Западной Сибири, просила его оказать...<им> покровительство, что и было исполнено» [Францева 1888: 394]. На петрашевцев, к которым принадлежал и ее старший сын, она смотрела как на продолжателей дела декабристов.

Достоевский по своим взглядам оказался ей особенно близок.

Узнав о дне отправления Достоевского и Дурова на каторгу, «Наталья Дмитриевна выехала проводить их по дороге, ведущей в Омск, за Иртыш, верст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный <...>. Наконец, мы услышали отдаленные звуки колокольчиков. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармом и седоком, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поравнялись с нами, махнули жандармам остановиться, о чем уговорились с ними заранее. Из кошевых (сибирский зимний экипаж) выскочили Достоевский и Дуров <...>. тяжелые кандалы гремели <у них> на ногах. Мы наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из проезжающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтоб они не теряли бодрости духа, *что о них и там будут заботиться добрые люди*» [Францева 1888: 396. Курсив наш. – В. Б.].

О Наталье Дмитриевне Достоевский писал трижды: в письме к брату [Достоевский 1985: 169], в «Записках из Мертвого дома» («Есть в Сибири, и почти всегда не переводится, несколько лиц, которые, кажется, назначением жизни своей поставляют себе братский уход за „несчастными“, сострадание и соболезнование о них, точно о родных детях, совершенно бескорыстное, святое» [Достоевский 1972: 67]), в «Дневнике писателя» за 1873 год: «...В Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов <...> умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами <...> Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием...» [Достоевский 1980: 12].

В его переплете Наталья Дмитриевна спрятала деньги. Так Евангелие стало единственной книгой в остроге, а 10 рублей – единственными деньгами, которые дали Достоевскому возможность выжить в первый год каторги: «На эти деньги отец смог купить немного белья, мыло и табак, несколько улучшить свою грубую пищу и раздобыть белый хлеб. За все годы, проведенные на каторге, у него не было других денег» [Достоевская Л. Ф. 1992: 57].

По словам писателя, «ссылные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились об нас, как об родне» [Достоевский 1985: 169]. Они передали эстафету христианской любви и милосердия другим «добрым людям». Среди них был сын декабриста Евгений Иванович Якушкин. По делам службы он был командирован в Сибирь и в 1853 г., приехав в Омск, добился встречи с Достоевским: «Помню, что на меня страшно грустное впечатление произвел вид вошедшего в комнату Достоевского в арестантском платье, в оковах, с исхудалым лицом, носившим следы сильной болезни» [Любимова-Дороватовская 1946: 27–28]. Якушкин оказывал Достоевскому не только материальную помощь, однажды переслав в Семипалатинск 100 рублей серебром, но и взял на себя хлопоты о печатании его сочинений, надеясь после их продажи выручить для писателя значительную сумму. Он помогал Достоевскому и после его возвращения из Сибири. Ответные письма Федора Михайловича к Якушкину полны самой горячей благодарности.

С декабристами И. И. Пушиным, М. И. Муравьевым, Н. В. Басаргиным, И. А. Анненковым, П. Н. Свищуновым и их женами был знаком и другой сибирский друг Достоевского, барон Александр Егорович Врангель. Он принадлежал к окружению сибирского генерал-губернатора князя Горчакова, родственника и до определенного времени друга Фонвизиных, служил прокурором в Семипалатинске, где находился в это время на солдатской службе Достоевский. Врангель с юности почитал его талант, присутствовал на Семеновском плацу, когда была разыграна жестокая сцена казни петрашевцев. М. М. Достоевский, с которым Врангель был знаком, узнав, что он едет в Семипалатинск, попросил его передать брату письмо, некоторые вещи и деньги. 20 ноября 1854 года Врангель добрался до Семипалатинска и на следующий день вызвал к себе Федора Михайловича, чтобы передать ему посылку и привет от родных. С этого момента началась их дружба. Врангель очень много сделал для облегчения участи Достоевского, помогал ему материально, был свидетелем его душевных терзаний, вызванных страстной любовью к М. Д. Исаевой. Через Врангеля шли письма от писателя к брату Михаилу, к Аполлону Майкову, тетке Куманиной и молодому Якушкину. Достоевский полагал, что Бог послал его в награду за все перенесенные невзгоды. 18 января 1856 года он писал А. Н. Майкову: «...барон Врангель, человек <...> с прекрасными качествами души и сердца <...> мы с ним сошлись, и я любил его очень. Добра он мне сделал множество» [Достоевский 1985: 207].

Еще одно лицо из «декабристского» окружения Достоевского – генерал Константин Иванович Иванов, зять декабриста И. А. Анненкова. «Весною 1854 года, по освобождении из каторги, Достоевский, как известно, был переведен солдатом без выслуги в Семипалатинск, куда и был доставлен по этапу вместе с другими. Первое время, очень недолго, он жил вместе с солдатами в казарме, но вскоре, по просьбе генерала Иванова ему разрешили жить особо, близ казарм» [Достоевский 1990: 347]. В доме Иванова Достоевский встречался с Е. И. Якушкиным и П. Е. Анненковой, через Иванова шла и неофициальная переписка писателя. Об Иванове Достоевский писал брату из Омска 30 января – 22 февраля 1854 г.: он «был мне как брат родной. Он сделал для меня все, что мог...» [Достоевский 1985: 171].

В свое время Иванов учился вместе с Достоевским в Главном инженерном училище в Петербурге. В 1844 г. он закончил нижний офицерский класс (на год позже Достоевского) с чином прапорщика и был направлен в полевые инженеры, в Тобольске познакомился со многими декабристами. В конце 1854 г. Иванов переехал в Петербург, но еще из Омска ходатайствовал о том, чтобы Достоевскому разрешили в Семипалатинске жить в частном доме, и когда Врангель приехал в Семипалатинск, он застал Достоевского уже на частной квартире. Связь с писателем у Иванова не прерывалась и позже: они продолжали переписываться. Именно Ивановы прислали Достоевскому приказ о производстве его в прапорщики в октябре 1856 г.

Этот долгожданный и буквально вымоленный приказ Достоевский получил благодаря братьям Тотлебенам, Эдуарду Ивановичу, «настоящему герою Севасто-

польскому», и Адольфу-Густаву Ивановичу, товарищу Достоевского по Инженерному училищу. Участь в офицерских классах Инженерного училища, Достоевский и Тотлебен жили в одной квартире на Караванной улице. Как вспоминает А. Е. Врангель, в начале апреля 1856 г., «немедленно по приезде моем я побывал у Эдуарда И<вановича>, напомнил ему о Достоевском, рассказал о его тяжелом положении и просил его сделать для Ф<едора> М<ихайловича> все возможное. Посетил и брата графа, Адольфа. Оба приняли горячее участие в Достоевском и пообещали сделать все, что в силах будет» [Врангель 1912: 193]. Действительно, Тотлебен ходатайствовал за Достоевского, и 1 октября 1856 г. был отдан приказ о его производстве в прапорщики. В письме к А. Е. Врангелю Достоевский замечает: «Всю жизнь буду помнить о благородном поступке его со мною» [Достоевский 1985: 241].

4 октября 1859 г. Достоевский вновь обращается к Тотлебену с просьбой о помощи в переезде из Твери в Петербург: «...С тех пор как Вы, приняв участие в судьбе моей, сделали для меня столько добра и дали мне возможность начать новую жизнь, – с тех пор я смотрю на Вас как на моего избавителя в тяжелом положении моем, которое и до сих пор еще не кончилось <...>» [Достоевский 1985: 342]. Тотлебен опять помог. 29 октября 1859 г. он отвечал Достоевскому: «...я имел случай говорить с князем Долгоруким и с г. Ал. Е. Тимашевым, оба изъявили полное свое согласие на постоянное Ваше проживание в С.-Петербурге...» [Достоевский 1985: 506].

Итак, «добрых людей», в ряду которых первой стояла Н. Д. Фонвизина, на каторжном пути писателя оказалось немало. М. М. Достоевскому он писал: «Вообще, скажу тебе, друг мой, что не <...> один человек, а многие... принимали во мне искреннее участие» [Достоевский 1985: 274]. Они укрепляли в писателе христианский дух, поддерживали материально. Это видно по сибирскому эпистолярию, который, с одной стороны, является свидетельством христианского смирения, с другой – подтверждением спасительной роли денег в жизни Достоевского, всегда крайне нуждавшегося в них. Не случайно, после смерти брата, взяв на себя бремя его долгов, работая как каторжник, он вспомнил о сибирском остроге: «Охотно опять пошел бы на каторгу, чтобы только оплатить долги и ощутить себя снова свободным» [Достоевский 1985: 119]. Здесь непомерные долги ассоциируются в сознании Достоевского с каторгой, а деньги – со свободой, о чем в «Записках из Мертвого дома» сказано: «Деньги есть чеканная свобода» [Достоевский 1972: 17].

Выводы. В конечном счете, сибирская каторга и семипалатинская ссылка в жизни и творчестве Достоевского могут быть представлены как характерный для русских писателей XIX–XX веков типологический вариант пребывания в «гиблом месте»: об этом свидетельствует, например, прямая перекличка судеб декабристов и петрашевцев. Вместе с тем, как показывает эпистолярный писателя, его «изгнание» в Сибирь имело свои особенности: Евангелие и деньги от «добрых людей», братьев и сестер во Христе, стали для автора великого «пятикнижия» атрибутами «спасения» и «знаками судьбы».

ЛИТЕРАТУРА

- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972. – Т. 4.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1980. – Т. 21.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1985. – Т. 28, книга 1.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1986. – Т. 29, книга 2.
- Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка / изд. подг. С. В. Белов и В. А. Туниманов. – М.: Наука, 1979. – С. 353–388.
- Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 1.
- Достоевская А. Г. Отрывки и черновые наброски «Воспоминаний» // НИОР РГБ. – Фонд 93. III. 5.15. – С. 16–17.
- Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / пер. с нем. Е. С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992. – 245 с.
- Долинин А. С. Предисловие // Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. – М.; Л., 1928–1959.
- Врангель А. Е. Воспоминания о Достоевском в Сибири. 1856 гг. – СПб., 1912.
- Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. – М.: Индрик, 2013.
- Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года? // Неизвестный Достоевский. – 2015. – № 2. – С. 44–53.
- Зильберштейн И. С. Новонайденные и забытые письма Достоевского. – Литературное наследство. – М.: Наука, 1973. – Т. 86. – С. 114–152.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. – СПб., 1993. – Т. 1. 1821–1864.
- Любимова-Дороватовская В. С. Достоевский в Сибири // Огонек. – 1946. – № 46–47. – С. 27–28.
- Францева М. Д. Воспоминания // Исторический вестник. – 1888. – Т. 32. – № 4. – С. 381–412.

Данные об авторе

Борисова Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа).

Адрес: 450008, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3/а.
E-mail: borisova@ufacom.ru.

REFERENCES

- Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 v. – Leningrad: Nauka, 1972. – V. 4.
- Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 v. – Leningrad: Nauka, 1980. – V. 21.
- Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 v. – Leningrad: Nauka, 1985. – V. 28, book 1.
- Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 v. – Leningrad: Nauka, 1986. – V. 29, book 2.
- Dostoevsky F. M., Dostoevskaya A. G. Correspondence / the edition is prepared by S. V. Belov and V. A. Tunimanov. – M.: Nauka, 1979. – P. 353–388.
- F. M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries: in 2 v. – M.: imaginative literature, 1990. – V. 1.
- Dostoevskaya A. G. Excerpts and draft sketches of “Memories” // NIOR RGB. – Fond 93. III. 5.15. – P. 16–17.
- Dostoevskaya L. F. Dostoevsky in the image of his daughter / translation from German by E. S. Kibardina; introductory article, preparation of the text and notes by S. V. Belov. – Saint Petersburg: Andreev and sons, 1992. – 245 p.
- Dolinin A. S. Foreword // Dostoevsky F. M. correspondence: in 4 v. – M.; Leningrad, 1928–1959.
- Wrangel A. E. Memories of Dostoevsky in Siberia. 1856. – Saint Petersburg, 1912.
- Zaharov V. N. Author's name – Dostoevsky. – M.: Indrik, 2013.
- Zaharov V. N. Who gave Dostoevsky the Gospel in January 1850? // Unknown Dostoevsky. – 2015. – № 2. – P. 44–53.
- Zilberstein I. S. Newly found and forgotten letters of Dostoevsky. – Literary heritage. – M.: Nauka, 1973. – V. 86. – P. 114–152.
- Chronicle of the life and work of F. M. Dostoevsky: in 3 v. – Saint Petersburg, 1993. – V. 1. 1821–1864.
- Lyubimova-Dorovatovskaya V. S. Dostoevsky in Siberia // Ogonek. – 1946. – № 46–47. – P. 27–28.
- Frantseva M. D. Memories // Historical Herald. – 1888. – V. 32. – № 4. – P. 381–412.

Author's information

Borisova Valentina Vasil'evna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (Ufa).

САМОРЕФЛЕКСИЯ ЭМИГРАНТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ АЙН РЭНД

Аннотация. Статья посвящена исследованию эмигрантской составляющей в художественном творчестве американской писательницы и философа родом из России Айн Рэнд (Алисы Розенбаум). Гипотеза исследования заключается в том, что Айн Рэнд в текстах осуществляет саморефлексию себя как эмигранта. Автор выделяет две стадии саморефлексии Айн Рэнд как эмигранта в художественных текстах. Первый этап относится к периоду, когда Алиса Розенбаум только эмигрировала в США и для нее все еще были актуальны переживания, которые она и ее семья испытали после Октябрьской революции в России. Как отражение этих переживаний она пишет роман «Мы живые» (*We The Living*, 1936), который, как последовательно демонстрирует автор статьи, органично вписывается в эмигрантскую прозу так называемой «первой волны» (М. Алданов, И. Шмелев). Автор останавливается на более детальном сопоставительном анализе первого романа Айн Рэнд и романа другого русского писателя-эмигранта И. Шмелева «Солнце мертвых» (1923), обнаруживая схожесть художественных образов этих текстов, отразивших боль и переживания двух писателей-эмигрантов. Обладая разными идеологическими установками, Рэнд и Шмелев, тем не менее, очевидно сближаются в своем проживании травматического опыта Октябрьской революции. Второй этап эмигрантской саморефлексии Айн Рэнд – это период так называемых «американских романов», которые, как принято считать, не имеют ничего общего с русской действительностью. Однако в романах «Источник» (*The Fountainhead*, 1943) и «Атлант расправил плечи» (*Atlas Shrugged*, 1957) обнаруживается пласт «эмигрантского» субтекста, включающего в себя аллюзию на советскую реальность, осмысленную писательницей в духе предупреждения американскому капитализму. В результате анализа автор приходит к выводу о том, что художественные произведения Айн Рэнд – это сложное сочетание двух ментальностей, русской и американской, которое порождает новую художественную модель и перспективно в русле изучения в том числе и эмигрантской прозы. Результаты исследования могут применяться в практике преподавания высшей школы, в спецкурсах по литературе русского зарубежья. Методы исследования определяются его задачами и включают в себя традиционные в литературоведении биографический, культурно-исторический, социологический, сравнительно-исторический методы.

Ключевые слова: романы; саморефлексия; американская литература; американские писательницы; литературное творчество; писатели-эмигранты; русская литература.

Grigorovskaya A. V.
Tyumen, Russia

THE SELF-REFLECTION OF EMIGRANT IN AYN RAND'S ART WORKS

Abstract. The article is devoted to the research of exile elements in Ayn Rand's art works (the American writer and philosopher from Russia Alissa Rozenbaum). The hypothesis of the survey is in the fact that Ayn Rand in the texts takes the self-reflection as an emigrant. The author formulated two stages of Ayn Rand's reflection as an emigrant in the art works. The first stage encompasses the period when Ayn Rand freshly emigrated in the USA and the trauma of the October revolution was actual. As a reflection of this emotions she wrote the novel *We The Living* (1936) that (as the author of the article demonstrates gradually) fits organically in the exile literature of the first wave (M. Aldanov, I. Shmelev). The author concentrated on the more detail comparative analysis of Ayn Rand's first novel and the novel *The Sun of Deads* (1923) by another Russian emigrant writer I. Shmelev. The author discovered the familiarity of the art images in these texts that reflected the pain of both emigrants. Having different ideological opinions, Rand and Shmelev nevertheless are close to each other in the traumatic experience of the October revolution. The second stage of Ayn Rand's emigrant self-reflection is the period of "American novels" that (as it is believed) have no common with Russian reality. But in the novels *The Fountainhead* (1943) and *Atlas Shrugged* (1957) the layer of exile subtext is evolved. It contains the allusion on the Soviet reality comprehended by the writer as the warning to the American capitalism. As the result the author made the conclusion that Ayn Rand's art texts ate the complicated mix of two mentalities (Russian and American ones) that generates a new art model and is perspective for the research as an exile literature too. The results of the research can be used in the practice of teaching at higher school education, on the special courses about the literature of Russian abroad. The methods of the research are caused by its tasks and contains such traditional for the literary studies methods as biographical, cultural-historical, sociological, comparative-historical.

Keywords: novels; self-reflection; American literature; American writers; literary creativity; immigrant writers; Russian literature.

Для цитирования: Григоровская, А. В. Саморефлексия эмигранта в художественном творчестве Айн Рэнд / А. В. Григоровская // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 28–33. DOI: 10.26170/fk19-01-04.

For citation: Grigorovskaya, A. V. The Self-Reflection of Emigrant in Ayn Rand's Art Works / A. V. Grigorovskaya // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 28–33. DOI: 10.26170/fk19-01-04.

Айн Рэнд (1905–1982) – американская писательница и философ родом из России. Актуальность темы связана с тем, что творчество Айн Рэнд рассматривается в большинстве русских и зарубежных исследований как американский «продукт» [Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged 2009]. Однако Алиса Розенбаум (настоящее имя писательницы) родилась и обучалась в России, что является основанием для изучения ее текстов в русле «литературы русского зарубежья». Такие попытки предпринимались в США в ряде исследований [Rosental 2004; Sciabarra 2013], однако в России это поле недостаточно освоено.

Как отмечает В. Прищепа, у писателей первой волны русской эмиграции было три основные задачи: «1. Сохранить память о дореволюционной России и ее национальном самосознании, цивилизации и духовных ценностях. 2. Стремление влиять на общественную жизнь в Советской России, добиваясь политических перемен. 3. Осмысление трагического для человеческого опыта социалистической революции в России» [Прищепа <http>]. Айн Рэнд по праву можно отнести к первой волне русской эмиграции. Не приняв Октябрьскую революцию, она уехала в США в 1926 году, получив американское гражданство в 1931 году. Из названных выше задач литературы русского зарубежья она реализует в своем творчестве третью, а также косвенно – вторую.

Как отмечает В. В. Агеносов, писатели первой волны русской эмиграции стремились сохранить национальную идентичность и не были поборниками индивидуализма: «Русская идея соборности, слиянности человека с миром, обществом, природой, космосом в той или иной мере неизбежно присутствовала в их произведениях <...> Капитализм и западное общество с его бездуховностью и деячеством...не только не вызывали у них восторга, но напротив, воспринимались резко негативно» [Агеносов 1998: 6]. Айн Рэнд в этом смысле была и остается неким «космополитом», так как она проповедует индивидуализм, формулирует новую концепцию капитализма, но вместе с тем, как мы увидим далее, продолжает оставаться русской по своей ментальности.

При этом Айн Рэнд не относят к писателям-эмигрантам, так как она приняла американское гражданство и не разделяла так называемых «дореволюционных» ценностей: она была неким «космополитом», так как проповедовала индивидуализм, сформулировав новую концепцию капитализма, но вместе с тем, как мы увидим далее, продолжала оставаться русской по своей ментальности. Айн Рэнд не меньше, чем все остальные писатели-эмигранты, переживала свой опыт, связанный с Октябрьской революцией и косвенно, но повлияла на политическую ситуацию в России: сейчас, после распада СССР, формируется мнение, что Айн Рэнд даже предвидела современные события в России.

Алиса Розенбаум прожила часть своей жизни в России, большую из этой части – в городе Санкт-Петербурге (Петрограде). С 1918 по 1921 гг. семья Розенбаумов проживала на Украине и в Крыму (Евпатория). Об этом периоде ее жизни известно очень мало: она сожгла свой дневник той поры, а переехав в США, старалась не упоминать о жизни в России и Крыму (вероятно, опа-

салась за оставшуюся в России семью). Однако сейчас появляются работы, основанные на изучении архивных материалов [Никифорова, Кизилова 2012], проясняющие многое в этом вопросе, который до сих пор был освещен лишь в американской биографии писательницы авторства В. Branden [Branden 1986]. Именно крымский период, период «изгнания», по мнению Л. Никифоровой и М. Кизиловой, оказал огромное влияние на становление Алисы Розенбаум. С этим трудно не согласиться, ведь писательница получила там главную «прививку» против социализма, столкнувшись лицом к лицу с несправедливостью большевистской власти: «Два с половиной года жизни здесь дали будущей писательнице ярчайшие и нагляднейшие картины того, как в Крыму реализовывался главный догмат коммунистической доктрины – отрицание частной собственности: того, как повсеместно и беспощадно граждан ее лишали» [Никифорова, Кизилова 2012: 296].

В целом, творчество Айн Рэнд – случай реализации политической экономии «самооправдания», с интенциями «автотерапии» и «адаптации». Процесс осмысления Айн Рэнд своего «Я» как эмигранта можно разделить на два этапа.

Этап первый. Айн Рэнд выражает свой опыт Октябрьской революции в романе «Мы живые», которому предшествует киносценарий «Красная пешка» (*Red Pawn*, 1930). Оба произведения имеют схожий сюжет, однако в киносценарии действие происходит в тюрьме. В романе же, как отмечает Е. Merrill, вся Россия представлена как тюрьма [Merrill 1991: 30]. Автобиографические схождения между Айн Рэнд и ее героиней Киры Аргуновой неоднократно отмечались исследователями. Scott M. C. Connell, например, называет Айн Рэнд и Киру Аргунову «духовными близнецами» [McConnell 2004]. Обе ненавидели коммунизм, стремились покинуть Россию. Их общей формой эскапизма было голливудское кино, из которого Айн Рэнд, как и героиня, почерпнули материал для создания своей идеальной страны, образ которой обе проецировали на Соединенные Штаты Америки. При этом намерение Киры эмигрировать именно в США вообще не упоминается в романе прямо: в нем присутствуют лишь косвенные намеки на американскую культуру. Так, над кроватью Киры висит «изображение американского небоскреба» [Рэнд 2011: 43], а в кино показывают «ночной Нью-Йорк с его огнями, небоскребами, витринами» [Рэнд 2011: 140].

В. Branden, написавшая книгу об Айн Рэнд, вспоминает, что написание этого романа было для писательницы своеобразным «лечением» от тяжелых воспоминаний о России [Branden 1986: 5]. Воссоздавая один из самых трагических моментов российской истории, Октябрьскую революцию, она брала на себя большую ответственность, ведь на западе в те годы была сформирована идеалистическая картина Советского Союза. Большую роль в этом сыграл, например, Теодор Драйзер, написавший после поездки в Россию книгу «Драйзер смотрит на Россию» (и параллельно – другую, с говорящим названием «Трагическая Америка»).

Нужно заметить, что мало какой роман о жизни в России после Октябрьской революции, написанный эмигрантом, вызвал столько жарких споров. Многие

американские критики (в частности, газета *Cincinnati Times-Star*) написали, что Рэнд преувеличивает картины запустения, смерти, нищеты на страницах своего романа. При этом те писатели-эмигранты, которые так же, как и Айн Рэнд, выразили свою боль в романах об Октябрьской революции, «рисовали» портрет послереволюционной России точно такими же красками, используя те же самые метафоры и сравнения.

Так, в романах **М. Алданова** Россия представлена как умирающая страна. В своих поздних романах (трилогии «Ключ», «Бегство», «Пещера», 1929–1932; «Самое убийство», 1956) он рисует масштабную панораму событий революционного периода. Отличительной чертой «революционных» романов Алданова является целостная историософская концепция, которую формулирует писатель. Его интересует феномен революции сам по себе, как явление национальное и историческое (которую излагает, в частности, в книге диалогов «Армагеддон», 1917–1918).

Безусловно, понимание революции как историософского феномена у Алданова и Рэнд принципиально разное. Первый формулирует «философию случая», вторая – отрицает роль случая в истории. Однако поэтика их романов очень похожа, как и указание на причины, ее вызвавшие (чувство зависти). Метафора самоубийства России в огне революции присутствует и у Алданова, и у Рэнд. Тема смерти объединяет тексты обоих писателей-эмигрантов, выступая общим фактором осмысления феномена революции. Лучшие герои Алданова предпочитают покончить с собой, а героиня Рэнд борется до последнего, но все равно погибает. Неминуемая гибель всего живого – вот общая мысль двух писателей-эмигрантов.

Другой русский писатель, эмигрировавший вскоре после Октябрьской революции и воссоздавший свою картину событий той поры, – **Иван Шмелев**. В отличие от Айн Рэнд и Марка Алданова, Шмелев интересуется русской деревней, причем он сосредоточен в своих романах не только на человеке, но и на природе, на живых существах, что живут рядом с человеком. Восприняв Октябрьскую революцию весьма скептически, Шмелев в одном из своих писем скажет: «Из сложной и чудесной идеи социализма, идеи всеобщего братства и равенства... возможного лишь при новом совершенно культурном и материальном укладе жизни, очень отдаленном, сделали заманку – игрушку-мечту сегодняшнего дня – для одних, для массы, и пугало для имущих и вообще буржуазных классов» [Цит. по: Михайлов 1995: 241]. Одно из самых сильных произведений писателя о тяжелых революционных годах, – это роман «Солнце мертвых» (1923). Текст написан на основе крымских воспоминаний автора и представляет собой, по определению Шмелева, «эпопею». Айн Рэнд, как мы уже заметили, тоже имела опыт проживания в Крыму в годы революции, что также нашло отражение в ее первом романе.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность сопоставления двух столь идеологически различных авторов, как Айн Рэнд и И. Шмелев (первая отрицала христианство и относилась крайне скептически к «дореволюционным» ценностям, второй был верующим христианином и скорбел по утраченной царской Рос-

сии), два романа этих авторов на поэтическом уровне еще ближе между собой, чем романы Айн Рэнд и М. Алданова, которые сходятся между собой, скорее, в идеологическом смысле (у обоих сильна тема индивидуальности, частной собственности, «старая» Россия показана как капиталистическая страна).

Безусловно, роман Шмелева показывает более масштабную картину происходящего в пореволюционной России, чем роман Айн Рэнд (она, как и Алданов, сосредоточена в большей степени на жизни бывших предпринимателей, после 1917 года лишившихся своей собственности). Не зря сам Шмелев определяет жанр своей книги как «эпопея». Мы видим судьбы совершенно разных социальных сословий: это и печальная судьба интеллигентов Ивана Михайловича и Михаила Васильевича Игнатъева, и трагедия поэта Бориса Шишкина, и тяжелая участь простых людей – кровельщика Кулеша и рыбака Николая, и позорный конец предателей своего народа столяра и мародера Гришки Одарюка и др.

Перед читателем возникают органически взаимосвязанные между собой природа и человек, которые одинаково хотят жить и одинаково гибнут. Это органическое начало, безусловно, объединяет Рэнд с русской философской и литературной традицией. Смерть как состояние мира – так можно определить общее настроение всего романа Шмелева. «Образ гибнущего „живого“, который является одним из концептуально важных у И. С. Шмелева, складывается из трагического единства того, что создано *человеком* [курсив автора. – А. Г.] и что является основной его субъектной определенности, и природно-космических начал так называемого „божьего мира“» [Норина 2011: 121].

В произведениях Шмелева и Рэнд мертво все – даже неодушевленные предметы: «Смотрят в *пустой песок выбитыми глазами* дачи» [Шмелев 2005: 27]; «Словно *мертвые*, они [окна. – А. Г.] смотрели на *пустынную* улицу» [Рэнд 2011: 124]. Холод, смерть, разложение, пустота – всеми этими образами полны описания советского Ленинграда и умирающей крымской деревни у Рэнд и Шмелева. Закатное солнце, символизирующее Советскую Россию, описывается зловещим и холодным, «как *мертвая кровь*» [Рэнд 2011: 96]. У Шмелева «солнце как будто светит, но это *не наше солнце*... – подводный какой-то свет, бледной жести» [Шмелев 2005: 6]. Дома, словно «*мертвые*... смотрели на *пустынную* улицу» [Рэнд 2011: 124]; «Смотрит на нас *калека-дача* на пустыре, с *дохлой* клячей под сенью *вонючих* „уксусных“ деревьев» [Шмелев 2005: 104]. Улицы напоминали «*длинный серый тоннель*, в котором стояла *мертвая* тишина» [Рэнд 2011: 157]; «В парадном подъезде царил *мертвый сырой холод мавзолея*» [Рэнд 2011: 364].

Образ вши объединяет художественные структуры романов Шмелева и Рэнд. У обоих авторов он ассоциируется с Советской Россией. Доктор Михаила Васильич («Солнце мертвых») восклицает: «Всякая вошь дерзай смело и безоглядно. Вот оно, Великое Воскресение... вши! Нет, какова кривая-то?! победная-то кривая?! От обезьяны, от крови, от помойки – к высотам, к Богу-Духу... нисхождение, как с горы на салазках, ко вши, кровью кормящейся и на все с дерзновением ползущей!» [Шмелев 2005: 102]. Бывший революционер Тимошен-

ко («Мы живые») говорит о деградации России: «Было бы не так обидно, если бы нас победил могучий воин в стальных латах, огнедышащий дракон в человеческом обличье. Но победу над нами одержала вошь. Большая, толстая, медлительная белая вошь <...> Когда-то людьми правили ниспосылаемые Богом с небес гром и молния. Затем ими стал править меч. Сегодня людьми правит примус» [Рэнд 2011: 10]. Вошь – символ униженной и затравленной России. В романе Рэнд изображение «огромной белой вши» на плакате, призывающей к борьбе с тифом, встречает людей на вокзале Петрограда, знаменуя собой в образной форме постоктябрьскую Россию. Как отмечает В. В. Агеносов, образ вши является традиционным для русской литературы и имеет корни в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» («вошь я или человек?») [Агеносов 1998].

Как отмечает Н. В. Норина, Шмелев «по сути, создает трагическую модель мира, в котором все живущее Словом и свидетельствующее о нем подвергается бессмысленному уничтожению» [Норина 2011: 124]. Доктор в отчаянье восклицает: «Мы... распадаемся на глазах...и не сознаем! Да вы взгляните, взгляните... Умремте, скорей умремте... ведь ужасно теперь... теперь! сойти с ума! Ведь тогда мы не сумеем уйти... может не прийти в голову уйти! Будем живыми лежать в могиле, как теперь Прокофий!» [Шмелев 2005: 106]. Айн Рэнд называет свой роман «Мы живые», чтобы показать разницу между «извивающимися ничтожествами», «мертвенно-бледными, замерзшими тенями», как она называет тех, кто продался революции и «живыми», теми, кто, как ее главная героиня, всеми силами стремится остаться Человеком. Есть этот мотив и у Шмелева: автор-рассказчик на фоне всеобщей вакханалии, когда не то что животных не жалеют – даже людей едят – не трогает своих друзей: курочек, павлина и старую лошадь Лявру: «– Доктор, чем бы мне... кур поддержать? – Ку-ур? Как под-держать? Зачем – поддержать? Сжарить и съесть! со-жрать! У вас есть даже индюшка?! Почему ее еще никто не убил! Это живой нонсенс! Надо все сожрать – и уйти» [Шмелев 2005: 106–107]. «Сожрать и уйти» – это философия тех, кто затеял это массовое самоубийство. Понимание же Человека (в отличие от «нелюдей», которые устроили революцию) у Шмелева тесно связано с темой святости и жертвенности: каждый из героев мученически умирает в еще вчера живой России.

Причину человеческих страданий Шмелев «видит в отступлении от Бога» [Агеносов 1998: 96], в отличие от Айн Рэнд, которая причину революции усматривала, конечно, в потере русским обществом понятия «личность». Революция в романе «Солнце мертвых» описана с помощью характерной метафоры болезни: революционеры сравниваются с бациллами в теле еще живой России: «Ужас в том, – рассуждает доктор, – что они-то никакого ужаса не ощущают! Ну какой ужас у бациллы, когда она в человеческой крови плавает? Одно блаженство!.. И двоятся, и четвертятся, ядом отравляет и в яде своем плодится! А прекрасное тело юного существа бьется в последних муках от какого-то подлого менингита!» [Шмелев 2005: 281]. В «Солнце мертвых» (1923) также упоминается «эксперимент» и отношение к нему Запада (А. Солженицын

называет это место в романе Шмелева «декламацией, хоть и верно по своей разоблачительности» [Солженицын 1998]): «Невысока колокольня ваша: с нее не видно. Покиньте свои почтенные кабинеты... Ступайте и досмотрите сами. Увидите не бумагу, засыпанную словами: увидите затекшие кровью живые души, брошенные в сор» [Шмелев 2005: 151]. Так и Кира Аргунова в романе «Мы живые», стоя в толпе на демонстрации в честь делегации британских профсоюзов, отчаянно хочет перебить главу Британского Профсоюзного Движения и сообщить ей и всем правду о «величайшем эксперименте», которым Англия так восхищается.

М. Алданов, И. Шмелев и Айн Рэнд равно скорбят по умирающей России. Если романы Алданова и Рэнд сосредоточены на жизни так называемых «лишенцев», интеллигенции, то Шмелев показывает жизнь разных слоев России – от простого мужика до врача. Если в «эмигрантских» романах Алданова и Шмелева остро чувствуется тоска по «ушедшей» России, их герои умирают на родине, то Кира Аргунова – альтер-эго Рэнд – стремится во что бы то ни стало покинуть «тюрьму» Советской России, что заканчивается также ее смертью от случайного выстрела пограничника на границе. Айн Рэнд так объясняла финал своего романа: «В России гражданин не может рассчитывать на отъезд или бегство. Отдельные беглецы – исключение...» [Рэнд 2012: 221].

Этап второй. «Американские» романы Айн Рэнд традиционно считаются «гимном» американскому капитализму, свободному предпринимательству, ничего общего с русской литературой не имеющим. Однако достаточно вспомнить тот факт, что ранняя «американская» повесть Рэнд «Гимн» (*Anthem*, 1938), воспевающая индивидуализм, написана Рэнд не без влияния романа Евгения Замятина «Мы». Как отмечает E. Merrill, сходства двух текстов очевидны (нарративная структура в форме дневника, главный герой имеет цифры в имени, отрицание тоталитаризма), однако текст Рэнд содержит важный элемент американской ментальности – качество лидера: «Her hero assigned as a street-sweeper, makes himself into a scientist. He is a leader, not a follower, in his rebellion...» [Merrill 1991: 57].

Создавая новую модель капитализма в США, Рэнд постоянно возвращается к критике уже знакомой ей системы социализма. В первом крупном «американском» романе «Источник» (*Fountainhead*, 1943) она персонифицирует образ социалиста в образе архитектурного критика Элсворта Тухи. Он является приверженцем идеалов коллективизма и альтруизма. В его книге «Проповедь в камне» очевидно узнаются агитки большевиков о «народности искусства»: «В предисловии автор подчеркивал, что книга является попыткой поставить архитектуру на то почетное место, которое ей принадлежит по праву, то есть в самую гущу народных масс» [Рэнд 2010: 84]. Подобные рассуждения можно найти в любой книге по теории искусства советского периода. Простой пример: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс» [Щеткин 1959: 11].

В романе также пародируется Союз архитекторов СССР. В том, что это именно идеологически «санкци-

онированная» организация, сомневаться не приходится. Историк архитектуры М. Г. Меерович отмечает относительно взглядов советского правительства на архитектуру как искусство: «Власть рассматривает архитектуру как систему деятельности, обслуживающую реализацию общегосударственных программ и „планов развития народного хозяйства“, а не как сообщество „творцов“, воплощающих собственные профессиональные фантазии <...> Партия убеждена, что художники, писатели, композиторы, архитекторы по сути своего труда ничем не отличаются от сталеваров, шахтеров, лесорубов, только продукт и средства труда у них иные. Поэтому их следует объединять в точно такие же производственные коллективы, как и железнодорожников, и металлургов – с такой же управленческой иерархией...» [Меерович 2017]. Эллсворт Тухи произносит на открытии «организации молодых архитекторов» слова об ответственности архитектора перед обществом в духе сталинских «пятилеток»: «Именно вы даёте человечеству прибежище. Запомните это, а затем взгляните на наши города. На наши трущобы, чтобы оценить гигантские задачи, стоящие перед вами» [Рэнд 2010: 280].

Всему этому противопоставляется непримиримый индивидуализм архитектора Говарда Рорка, который избегал разного рода сообществ и даже покинул архитектурный университет по причине нежелания идти на компромисс с современными архитектурными тенденциями, основанными на подражании. Думается, что в образе Говарда Рорка Рэнд воплотила один из этапов своего «идеального» человека, а популярность в США ему обеспечил именно непримиримый индивидуализм.

Второй «американский» роман Рэнд и вовсе может рассматриваться как зашифрованный текст о Советской России. «Атлант расправил плечи» – повествование о США, однако в американском тексте читается «русский субтекст». Более подробно этот вопрос исследует В. Rosenthal, которая указывает на советские аллюзии в последнем романе Рэнд [Rosenthal 2004]. Кризис производства, охвативший всю страну в романе, действительно, имеет много общего с экономическим коллапсом 1914–1917 гг. в России. Образы закрытых магазинов, всеобщее запустение то и дело упоминаются в тексте: «Главную улицу Маршвилла окаймляли черные окна магазинов. Все магазины дорогих вещей закрылись. Дагни содрогнулась, осознав, что те вещи, которые она сейчас назвала про себя дорогими и роскошными, прежде были доступны даже бедным. Закрылись магазины бытовых электроприборов, автозаправочные станции, закулочные, „центовки“. Работали лишь бакалейные лавки да питейные заведения» [Рэнд 2009: 220]. Описание улиц США поразительно напоминает панораму Советской России в первом романе писательницы. Подобно И. Шмелеву, описывающему в романе «Солнце мертвых» здания как живые существа, лишенные глаз, Рэнд рисует страшные картины запустения: «Здание казалось невредимым, как мерт-

вое тело в первые часы, когда невольно ждешь, что неживые глаза вот-вот откроются снова» [Рэнд 2009: 5]. Описание паники, толп перепуганного народа, переполненные поезда – все эти картины вновь отсылают нас к дебюту писательницы, ее роману «Мы живые».

При этом именно в последнем своем тексте Рэнд находит некий выход из своей «системы». Это Атлантида, загадочная страна, которая находится в так называемом ущелье Джона Голта. Если обратиться к истокам этого образа, то выясняется, что Атлантида ассоциируется с Америкой у Фрэнсиса Бэкона («Новая Атлантида»). «Эмигранты» Бэкона – это ученые, изобретатели, интеллектуалы, которые попали в Бенсалем как «лучшие из лучших».

Феномен идеализации Америки как страны равных возможностей подробно рассматривается в монографии А. Арустамовой. В частности, она отмечает относительно еврейской эмиграции в США в конце XIX – начале XX вв.: «Массовое переселение в США воспринимается как исход, стремление евреев в землю обетованную» [Арустамова 2008: 467]. Тут, конечно, следует вспомнить, что Рэнд родилась в еврейской семье, поэтому феномен еврейской эмиграции имеет к нашей теме прямое отношение. Арустамова упоминает еврейские тексты указанного периода, в которых Америка становится мифологемой «рая на земле».

Можно сказать, что творчество Айн Рэнд – это случай, когда интеграция «русского» в «американское» продуцирует новую модель художественного мира. Как видим, рефлексия эмигрантской темы в ее творчестве отнюдь не исчерпывается первым романом о Советской России. В ее «американских романах» имплицитно «сквозят» образы советского прошлого. Однако этот художественный процесс осуществляется ею на «американской» почве индивидуализма и капиталистических интенций. В результате мы имеем дело с совершенно новым художественным явлением, которое по происхождению является русским, однако испытало значительное влияние американской ментальности. При этом Америка в текстах Рэнд идеализируется, становясь вариантом Атлантиды в ее художественной системе. По сути, мы можем говорить о некоей форме условно-метафорической прозы: внешне американские, ее романы наполнены «русским» субтекстом.

Место Айн Рэнд в ряду русских писателей-эмигрантов до сих пор не определено, но можно понять, что художественная структура ее первого романа во многом близка эмигрантским романам, посвященным событиям Октябрьской революции. Ее «американские» романы во многом продолжают тему, заявленную в дебютном романе – критику социализма, отвлечение к которому сформировалось у писательницы именно после событий Октября, свидетельницей которых она была. Изучение творчества Айн Рэнд, безусловно, перспективно с точки зрения ее вклада в эмигрантскую литературу, поскольку позволяет показать новый вариант развития русского эмигрантского романа.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеносов В. Литература русского зарубежья (1918–1996). – М.: Terra Спорт, 1998. – 543 с.
- Арустамова А. А. Русско-американский диалог XIX века: историко-литературный аспект: монография. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008. – 395 с.
- Меерович М. Г. Союз советских архитекторов СССР. Предыстория создания и начальный период существования // Архитектон: известия вузов. – 2017. – № 2. – С. 1–24.
- Михайлов О. Литература русского зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – 432 с.
- Никифорова Л., Кизилова М. Крымский период в жизни американской писательницы Айн Рэнд (Алисы Розенбаум) // Judaica Ukrainica. – 2012. – № 1. – С. 287–313.
- Норина Н. В. Трагическое состояние мира в «Солнце мертвых» И. С. Шмелева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25. – С. 119–125.
- Прищепа В. П. Литература русского зарубежья [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – Режим доступа: http://www.russofile.ru/articles/article_90.php.
- Рэнд А. Атлант расправил плечи: в 3 ч. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2009. – Ч. 2. – 424 с.
- Рэнд А. Источник: в 2 кн. – М.: Альпина Паблишерз, 2010. – Кн. 1. – 453 с.
- Рэнд А. Мы живые. – М.: Альпина Паблишерз, 2011. – 473 с.
- Рэнд А. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике / под ред. Р. Мэйю. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 282 с.
- Солженицын А. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых». Из «Литературной коллекции» [Электронный ресурс] // Новый мир. – 1998. – № 7. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/7/dnpisat-pr.html.
- Цеткин К. Воспоминания о Ленине. – М.: Госполитиздат, 1955. – 72 с.
- Шмелев И. С. Солнце мертвых. – М.: ДАРЪ, 2005. – 352 с.
- Branden B. The Passion of Ayn Rand. – N.-Y.: Doubleday&Company, 1986. – 442 p.
- Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged / edited by R. Mayhew. – N.-Y.: Lexington Books. – 516 p.
- McConnell S. Parallel Lives: Models and Inspirations for Characters in We The Living // The Essays on Ayn Rand's We The Living / edited by R. Mayhew. – N.-Y.: Lexington Books, 2012. – P. 45–64.
- Merrill R. E. The Ideas of Ayn Rand. – N.-Y.: Carus Publishing Company, 1991. – 212 p.
- Rosenthal B. G. The Russian Subtext of «Atlas Shrugged» and «The Fountainhead» // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2004. – № 1. – Vol. 6. – P. 195–225.
- Sciabarra C. M. Ayn Rand. The Russian Radical. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2013. – 477 p.

Данные об авторе

Григоровская Анастасия Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (Тюмень).
Адрес: 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: a.v.grigorovskaya@utmn.ru.

REFERENCES

- Agenosov V. Russian literature abroad (1918–1996). – M.: Terra Sport, 1998. – 543 p.
- Arustamova A. A. Russian-American dialogue of the XIX century: the historical and literary aspect: monograph. – Perm: Perm State University, 2008. – 395 p.
- Meerovich M. G. Union of Soviet Architects of the USSR. The history of creation and the initial period of existence // Architecton: university news. – 2017. – № 2. – P. 1–24.
- Mikhailov O. Russian literature abroad. – M.: Prosveshcheniye, 1995. – 432 p.
- Nikiforova L., Kizilov M. Crimean period in the life of American writer Ayn Rand (Alice Rosenbaum) // Judaica Ukrainica. – 2012. – № 1. – P. 287–313.
- Norina N. V. The tragic state of the world in the “Sun of the Dead” I. S. Shmeleva // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2011. – № 25. – P. 119–125.
- Prishchepa V. P. Russian literature abroad [Electronic resource]: study guide. – Mode of access: http://www.russofile.ru/articles/article_90.php.
- Rand A. Atlas Shrugged: in 3 p. – M.: Alpina Business Book, 2009. – P. 2. – 424 p.
- Rand A. The Fountainhead: in 2 books. – M.: Alpina Publishers, 2010. – Book 1. – 453 p.
- Rand A. We The Living. – M.: Alpina Publishers, 2011. – 473 p.
- Rand A. Answers: On Ethics, Art, Politics and Economics / edited by R. Meyu. – M.: Alpina Publishers, 2012. – 282 p.
- Solzhenitsyn A. Ivan Shmelev and his “Sun of the Dead”. From the Literary Collection [Electronic resource] // New World. – 1998. – № 7. – Mode of access: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/7/dnpisat-pr.html.
- Zetkin K. Memories of Lenin. – M.: Gospolitizdat, 1955. – 72 p.
- Shmelev I. S. Sun of the Dead. – M.: DAR, 2005. – 352 p.
- Branden B. The Passion of Ayn Rand. – N.-Y.: Doubleday&Company, 1986. – 442 p.
- Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged / edited by R. Mayhew. – N.-Y.: Lexington Books. – 516 p.
- McConnell S. Parallel Lives: Models and Inspirations for Characters in We The Living // The Essays on Ayn Rand's We The Living / edited by R. Mayhew. – N.-Y.: Lexington Books, 2012. – P. 45–64.
- Merrill R. E. The Ideas of Ayn Rand. – N.-Y.: Carus Publishing Company, 1991. – 212 p.
- Rosenthal B. G. The Russian Subtext of “Atlas Shrugged” and “The Fountainhead” // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2004. – № 1. – Vol. 6. – P. 195–225.
- Sciabarra C. M. Ayn Rand. The Russian Radical. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2013. – 477 p.

Author's information

Grigorovskaya Anastasiya Vasilievna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Tyumen State University (Tyumen).

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ЭМИГРАЦИИ В ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Аннотация. Внутренняя эмиграция, в которой оказались после Октябрьской революции такие крупнейшие русские поэты, как Ахматова, Мандельштам (далее – О. М.) и др., стала для них тяжелейшим, мучительным испытанием. В статье показан состав этого в советских условиях фатального социопсихического состояния, выражающего социальное отчуждение и изгойство поэтов. Реальной проблемой стало выживание уже не только художника, но просто человека.

Состояние отчужденности и изгойства необходимо было изжить. В статье делается попытка ответить на вопрос: каким образом преодолевается деструктивная роль практически безвыходной ситуации внутренней эмиграции? Гипотеза автора: функцию духовного одоления-преодоления, а также компенсации разрушительной для хрупкой субъективности поэтов социальной реальности «советского» берет на себя поэзия.

Отвечая на вопрос «как решается эта проблема в поэзии О. М.?», автор исходит из понимания искусства как продолжения, удвоения и реализации потенциала культуры. «Духовно-психическое убежище» поэтов – внутренних эмигрантов создается по общей логике и в общих структурах / матрицах культуры как процесса и результата освоения мира людьми. У культуры два «базовых» предметных направления освоения. Первое: преобразование-очеловечивание природы. Второе: организация совместной жизни людей, или производство социума. Поскольку поэт как человек – существо социальное, для своей нормальной жизни нуждающееся в общности, общении и идентификации, постольку альтернативой социальному отчуждению, изгойству и одиночеству выступает поэтически конструируемое виртуальное общество, ценностно близкое поэту. Анализируя этот «социум О. М.», автор, помимо культурологического подхода, опирается на теорию общества и общности Ф. Тённиса, идеи социального конструктивизма, социокультурной антропологии, герменевтики. В статье показаны основные составляющие «идеального» социума поэзии О. М., взятые из социокультурного прошлого и настоящего, и его духовно-психологические «эффекты»: обретение общности с другими людьми и реализация своей социокультурной идентичности. Отмечается, однако, что поэтическая «социальная реальность», помогая О. М., не устраняет драматизма и трагизма его существования.

Ключевые слова: внутренняя эмиграция; социальное отчуждение; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; социальная реальность; социальная изоляция; социокультурная идентичность.

Zaks L. A.
Ekaterinburg, Russia

RESOLVING INNER EMIGRATION IN O. MANDELSTAM POETRY

Abstract. Inner emigration in which such greatest poets as Akhmatova, Mandelstam (further O. M.) and others found themselves after the October revolution became a devastating and agonizing ordeal. The article shows this fatal under the Soviet system socio-psychic state which reflects social alienation and pariahhood of the poets. The real problem was survival of not just an artist but a human being.

What was needed was a breakdown of the state of alienation and pariahhood. The article addresses the question: How can the destructive role of a virtually no-win situation of inner emigration be dealt with? The author's hypothesis: poetry assumes the function of spiritual surmounting-overcoming as well as compensation for a social reality of "the Soviet" deeply corrosive to the poets' fragile subjectivity.

Responding to a question on "how this problem is resolved in O. M. poetry" the author recognizes understanding of art as a continuation, duplication and realization of culture's potential. "Spiritually-psychic" shelter of poets-inner émigrés is created according to common logic and general structures / matrixes of culture as a process and the result of human cultural familiarization with the world. Culture has two "basic" substantive lines of mastering. The first one: transformation-humanization of nature; the second one is the provision of organized living, or the production of socium. Since a poet as a human is a social being in need of community, communication and identification, then a poetically constructed virtual society with values close to these of the poet acts as an alternative to social pariahhood, alienation and loneliness. Analyzing this "O. M. socium" the author, in addition to the cultural approach, rests on F. Tönnies community-society theory, ideas of social construction, socio-cultural anthropology, and hermeneutics. The article presents principal elements of an "ideal socium" in the poetry of O. M. (elements taken from its socio-cultural past and present) and spiritual-psychological "effects" of this "socium": acquisition of togetherness and mutual bonds, and realization of socio-cultural identity. It is noted, however, that this poetical social reality, while being helpful to O. M., fails to remove the drama and tragedy from his existence.

Keywords: inner emigration; social alienation; Russian poetry; Russian poets; poetic creativity; social reality; social isolation; socio-cultural identity.

Для цитирования: Закс, Л. А. Преодоление внутренней эмиграции в поэзии О. Мандельштама / Л. А. Закс // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 34–43. DOI: 10.26170/fk19-01-05.

For citation: Zaks, L. A. Resolving Inner Emigration in O. Mandelstam Poetry / L. A. Zaks // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 34–43. DOI: 10.26170/fk19-01-05.

Внутренняя эмиграция, в которой оказались после Октябрьской революции такие крупнейшие русские поэты, как Ахматова, Мандельштам (далее – О. М.) и др., стала для них тяжелейшим, мучительным испытанием. Реальной проблемой стало *выживание* уже не только художника, но просто человека.

Состав *внутренней эмиграции* как социопсихического состояния включает: *несогласие* с установившимся политическим режимом, *неприятие* и *непереносимость* установленных им социальных и литературно-культурных порядков, общественной атмосферы. Бессилие перед лицом *status quo* порождало целый букет негативных и, в конце концов, разрушительных для духовной субъективности и психического здоровья эмоциональных состояний и умонастроений, *трагическое мироощущение* (о нем как особом культурно-психологическом феномене вообще и черте личностной психологии О. М. см.: [Закс 1990: 146–182; Закс 2009: 7–39]). Отсюда вытекало рождаемое на встречном движении (режим против поэта – поэт против режима) *социальное отчуждение* поэта, его *изоляция* от профессиональной и социальной среды, от всегда необходимых ему читателей. Итог: состояние тотального *изгойства* поэта, лишенного даже материальных источников существования, его *вынужденного изгнанничества* и *одиночества*.

Этот духовно-психологический комплекс как следствие условий жизни О. М. и как важнейшая черта его художественного сознания и «его смятенной лирики тех лет» [Герштейн 1990: 352] стал предметом многочисленных мемуаристов, начиная с «Воспоминаний» его вдовы ([Мандельштам Н. 1970, 1983, 1990, 1999]), а также [Ахматова 1990; Герштейн 1998; Липкин 1995; Штемпель 2008] и исследований мандельштамоведов ([Аверинцев 1990; Аверинцев 2001; Гаспаров 1995, 1996; Городецкий 2018; Иванов 2009; Лахути 2008; Лекманов 2004; Нерлер 2014; Сарнов 1990; Струве 1992; Сурат 2005; Тарановский 2000] и др.).

Картина социальной и духовно-психологической жизни О. М. в советских условиях предстает в этих текстах весьма разноречивой. Так, стихотворение «Мы живем под собою не чуя страны...» Л. Р. Городецкий интерпретирует как акт «боевой гражданственности», «русского джихада» О. М., последнего террориста боевой организации партии эсеров [Городецкий 2018]. Противоположным образом интерпретирует и оценивает советскую жизнь О. М. хорошо знавшая и его, и его творчество Э. Г. Герштейн: «Не стоит делать из него последовательного борца за права личности и свободу мысли. Его нервная конституция не была создана для планомерной политической борьбы» [Герштейн 1990: 353]. Еще пример. В стихах О. М. с первых лет советской власти звучат трагические мотивы обреченности, часто окрашенные вполне понятным в его ситуации страхом. А. А. Ахматова вспоминала: «Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 г.)... и Осип сказал: „Я к смерти готов“» [Ахматова 1990: 211]. Но вот С. С. Аверинцев увидел в страхе О. М. высокий символический (даже «символистский») смысл, выводимый им из еще дореволюционных стихов поэта: «острое и опасное переживание мистериальной инициации» [Аверинцев 2001: 18]. По-моему, нужно очень отвлечься от действительно ужасающих особенностей «эффектов давления совет-

ского режима» [Аверинцев 2001: 20], как и от изменений в личном сознании послереволюционного, уже во многом советского («Я человек эпохи Москвошвея») О. М.¹, чтобы вычитать в поэтически выраженных им трагических переживаниях осознанное осуществление символистской «мистериальной инициации».

Но остается вопрос, составляющий тему моей статьи: как же можно было жить и выживать, витально, духовно и в особенности *социально* в социопатологических условиях тоталитарного порядка? Каким образом преодолевалась деструктивная роль практически безвыходной ситуации внутренней эмиграции? Ясно, что состояние отчужденности, одиночества и изгойства, как и страха и отчаяния, необходимо было избыть: иначе сама жизнь поэта стала бы невозможной. Сам О. М., в стихотворении «Возьми на радость из моих ладоней» (1920) признавший «Не превозмочь в дремучей жизни страха» (вполне реального, витального, а отнюдь не «мистериального»), спасительной альтернативой ему называет чувственную любовь: «Нам остаются только поцелуи». Детально проанализировавший это стихотворение К. Тарановский приводит фрагмент воспоминаний Ахматовой об ужасающей социальной атмосфере тех лет и присоединяется к выводу О. М.: «В этой тяжелой атмосфере единственным спасением, единственным убежищем была любовь» [Тарановский 2000: 144]. Но при всей силе плотской «древнегреческой» любви, как и поэтической влюбленности, к чему был склонен О. М., их, как показали его жизнь и творчество, было недостаточно. Тут и возникает моя идея-гипотеза.

Первый ее тезис: *функцию духовного одоления-преодоления, а также компенсации разрушительной для хрупкой субъективности поэтов социально-политической реальности «советского» берет на себя поэзия*. Но каким образом происходит обретение если не победы над враждебной реальностью, то хотя бы некоторого баланса-компромисса с ней? Искусство – продолжение, удвоение и реализация потенциала культуры в ее общем осваивающем подходе к миру. «Психическое (точнее духовно-психическое – Л. З.) убежище» [Стайнер 2013] поэтов – внутренних эмигрантов создается по общей логике и в общих матрицах культуры как процесса и результата освоения мира людьми. У культуры как присущего людям специфического *способа существования* и «*мира человека*» два «базовых» предметных направления освоения. Первое: преобразование-очеловечивание природы. Состояние внутренней эмиграции превращает очеловеченную природу в спасительную альтернативу отчужденной социальности поэта. Так и в поэзии О. М. Но для темы статьи важна вторая составляющая работы культуры: организация мира человеческих отношений, совместной деятельности и общения людей. Здесь автор опирается на концепцию соотношения социального и культурного Л. Закса [Закс 2013а] и вытекающую из нее теорию социально-организующей подсистемы

¹ Как вспоминал С. Липкин, «он нуждался в молодежи, хотел связи с временем, он чувствовал, он знал, что он в новом времени, а не в том, которое ушло. Он не любил тех, кто любил его ранние стихи... Он ощущал себя не в прошлом, даже не в настоящем, а в будущем» [Липкин 1995: 68]. Это видно и из многих стихов «позднего» О. М., о которых речь впереди.

культуры, обеспечивающую производство социума ([Закс 2012; Закс 2013в]). Она создает, например, институты, социальные статусы и роли, нормы и ценности и, конечно, субъектов общества – его граждан. Я предполагаю, что *поскольку поэт как человек – существо социальное, для своей нормальной жизни нуждающееся в других людях, в формах общности, общения и идентификации, постольку альтернативой социальному отчуждению, изгойству и одиночеству выступает поэтически конструируемое виртуальное общество, лишенное негативных черт советской социальной реальности (преодолено социальное отчуждение автора, обретена гармония с другими людьми и его социокультурная идентичность)*. Если это так, то мы можем зафиксировать в поэтической реальности поэта-изгоя присутствие такого «желанного» социума. Тут культурологический подход к поэзии дополняется социальной теорией Ф. Тённиса [Тённис 2002] и концепцией социального конструктивизма ([Андерсон 2001; Бергер, Лукман 1995; Searle 1995]). В более углубленной работе по теме будут актуальны идеи и подходы социальной феноменологии и герменевтики социальности ([Шютц 2003]), этнометодологии ([Гарфинкель 2007]) и теории практик ([Волков, Хархордин 2008]), социокультурной антропологии и психологии ([Агамбен 2011; Беньямин 2015; Benjamin 2009]).

Размер статьи не позволяет дать развернутого анализа всего корпуса послереволюционных стихов О. М.¹ и показать мандельштамовское «конструирование социальной реальности» во всех его нюансах. Ограничусь выделением самых общих черт и объектов, образующих искомый способ преодоления социального изгойства. В то же время никак не обойтись без хотя бы краткого анализа репрезентации О. М. собственного негативного социального опыта, рождающего его отчуждение и духовное отталкивание от неприемлемых для поэта сторон советской действительности.

Одно методологическое соображение, связанное как раз с характером этой работы. Важно понимать, что есть «общество» для репрезентирующего и конструирующего его поэта. Тут помогает уже упоминавшаяся теория Ф. Тённиса, различившего в целостности социума «общество» (формальную организованность совместного существования людей, *Gesellschaft*) и «общность» (их неформальное, внутреннее единство, *Gemeinschaft*). Нетрудно предположить, что лирическому поэту, как и испытывающему дефицит позитивной социальности человеку, необходима, прежде всего, реальность общности. То есть потребны не сверхличные «формы жизни», не навязывающие человеку правила и порядки институты, тем более, что они в реальной советской жизни служили инструментами узаконенного насилия. Важны сами люди, близкие поэту ценностями, устремлениями и образом жизни, общение с ними. В современной «теории практик» разделяют техническую и экзистенциальную самоотдачу, или преданность (*commitment*) [Волков, Хархордин 2008: 98]. Первая технологична и утилитарна, предполагает коллективное принуждение к соблюдению «правил», что чуждо духовной природе поэта, особенно в ситуа-

ции противостояния власти. «Экзистенциальная самоотдача предполагает некоторое стояние, позицию, сойти с которой значило бы отказаться от себя» [там же: 99] – это именно то, что необходимо и суверенной личности, и самоценной поэтической индивидуальности. К тому же именно «по ту сторону» правил и муштры входит в социальную практику важный для самосознания ее «внутренний этический компонент» [там же].

Начну, однако, не с «желаемого» и «должного», а с того, от чего отталкивается сознание О. М., что толкает его к поиску-созиданию своего социального мира. Критическое отношение к советской власти как политическому режиму у О. М. определилось практически сразу после революции и не менялось до трагического финала его жизни. Художественное же ее видение со временем как раз претерпевало заметную эволюцию. Во-первых, это было движение от обобщенно-эмоционального восприятия и отторжения от политической реальности (сам объект негативного отношения предметно не конкретизирован, но репрезентирован посредством символической метафоры) к все большей предметной конкретизации и контекстуализации критических реакций. Переходя от первоначальной негативной вменяемости к критической вовлеченности в советскую жизнь, О. М. начинает воссоздавать и осмыслять неприемлемые для него социально-политические и бытовые реалии – то, что каждый день ставило его в положение изгоя, внутреннего эмигранта. Во-вторых, со временем видение советской политической реальности у О. М. стало дополняться и осложняться другими сторонами развивавшейся советской жизни, причастностью и даже увлеченностью О. М. ее новизной, динамикой, демократизмом, живой творческой энергией. Что способствовало новой потребности поэта в сопричастности этой жизни и этим людям, дало стимул и материал для продуцирования «родной» виртуальной социальной реальности (не может быть плодотворным творчество без «подпитки» жизнью и без надежды на родственного, отзывчивого адресата). Речь уже шла не только о решении личных проблем, но и о жизни, свободе, достоинстве современников = *сограждан* О. М. Выделяю это слово, потому что отношение О. М. к происходящему в этот период начинает приобретать черты осознанной гражданственности. А. А. Ахматова: «Я очень запомнила один из тогдашних разговоров о поэзии. Осип Эмильевич, который очень болезненно переносил то, что сейчас называют культом личности, сказал мне: „Стихи сейчас должны быть гражданскими“ – и прочел „Под собой мы не чуем...“» [Ахматова 1990: 213]. Работа преодоления внутренней эмиграции оборачивается творческим противостоянием политическому режиму и борьбой поэта и его поэзии (пусть и обреченной и до поры безвестной) за жизнь и права других, уже советских, людей.

В первые годы после Октябрьского переворота обобщенно-эмоциональное восприятие группируется, преимущественно, вокруг трех устойчивых смыслопереживательных состояний. Это видение-переживание: 1) смерти своего родного мира, своей цивилизации (образы «умирающего Петрополя», «всемирной пустоты» и особенно пронзительно – в символических метафорах музыки («Концерт на вокзале» (1921), «Век» (1922),

¹ Стихотворения О. М. анализируются и цитируются по первому тому издания [Мандельштам 2009].

«1 января 1924»); 2) враждебности к не принимаемой новой реальности, воплощаемой в образах «советской ночи» и «черни» и ассоциирующейся с разгулом насилия, террором («Кассандре» (1917), «Когда в теплой ночи замирает» (1918), «В Петербурге мы сойдемся снова» (1920) и др.), что и рождает ответную позицию отрицания, отталкивания; 3) нарастающего душевного хаоса и дискомфорта, губительной судьбы, отчуждения («Декабрист» (1917), «Нашедшему подкову» (1923): «время срезает меня как монету» и многие др.). Со временем первое состояние уходит, второе приобретает более реальные («конкретно-исторические») предметные черты. Третье же остается неизменным субъективным центром мировосприятия и мироощущения О. М. Трагедия одиночества и обездоленности, изгойства, разбитой жизни, неотвратимо грозящей гибели. «Я все отдам за жизнь – мне так нужна забота, – / И спичка серная меня б согреть могла» («Кому зима – арак и пунш голубоглазый» (1922)). Это отчаянный зов о помощи – и почти предел, почти нижний, минимальный уровень витальности, заставляющий вспомнить «голую жизнь» Дж. Агамбена [Агамбен 2011] (О. М. еще не знает, что это не предел страданий). И «некуда бежать от века-властелина»: «1 января 1924» – пронзительное откровение трагической безысходности, страха и обреченности: «Я знаю, с каждым днем слабеет жизни выдох, / Еще немного – оборвут / Простую песенку о глиняных обидах / И губы оловом зальют».

Вот оно, изгойство! Но не только. Рухнула иллюзия личной свободы, и – что не менее страшно для художника – рухнувшей иллюзией оказалась и автономия творчества, суверенность поэтического бытия: «Какая боль... для племени чужого / Ночные травы собирать» (курсив мой – Л. З.). От страшной правды не уйдешь. Отсюда фаталистическое «Куда как страшно нам с тобой...» (1930) и отчаянный зов «Петербург, я еще не хочу умирать!» («Я вернулся в мой город» (1930)), и чувство подполья, преследования («Мы с тобой на кухне посидим» и «После полуночи сердце ворует» (1931)). Социальный опыт, все более принуждавший быть реалистом («Чужа грядущие казни, от рева событий мятежных», как заметит О. М. в стихотворении «С миром державным» (1931)), подводит О. М. к осознанию, что «башни» творчества, как и мира духовной культуры, которая сама стала объектом насилия, недостаточно для самосохранения и спасения. Из мучительного опыта вырастает в нем осознанная потребность в социальной адаптации, в нравственно принимаемом социальном мире и идентификации с ним, в поиске формы интеграции в него. Думаю, именно эта потребность в родственной социальности как спасении от одиночества и изгойства возродила в О. М. участливую память о его давно лично одобренных «социальных корнях», пробудила и активизировала интерес к «миру людей», к ценностной перерождения в отношении еще не так давно воспринимавшимся как «чернь» народным массам. С силой внутренней необходимости в трагическом «1 января 1924», вопреки отчаянию, страху, отчужденности и негативизму автора, он «прорывается» к подсознательной «родной» социальности, поэтически актуализированной социокультурной идентичности:

Ужели я предам позорному злословью –
Вновь пахнет яблоком мороз –
Присягу чудную четвертому сословью
И клятвы крупные до слез?

С точки зрения моей темы особенно важна, кажется, выпадающая из общего возвышенно риторического строя строфы ее вторая строка. В стихотворении, пронизанном духом и воздухом умирания (и века, и человека, «который потерял себя»), где вся чувственная ткань стиха передает телесность тяжелой болезни (особенно образ «известки в крови» – предзнаменование неизбежной скорой смерти), появляется свежая, полная здоровья, энергии, вкуса и аппетита к жизни, одним словом, мажорная строчка «Вновь пахнет яблоком мороз!» Таков был целительный эффект общения к почти забытым социальным корням, подтверждения своей добровольной и убежденной связи-идентификации с «четвертым сословьем». А в цикле «Армения» О. М. уже признается в любви целому народу: «Как люб мне натугой живущий, / Столетьем считающий год, / Рожаящий, спящий, орущий, / К земле пригвожденный народ».

Между тем, повторяюсь, «современность», реальная жизнь делают свое дело. Сознание О. М. меняется, в том числе и в его критической ипостаси. Переживание своей безысходной социальной ситуации теперь опосредовано гораздо более конкретными жизненными реалиями. И выражаются они не столь возвышенно-трагической лексикой. Советская действительность становится «великой murой», а Москва – «курвой» («Нет, не спрятаться мне от великой стены» (1931)). Рождаются образы, связанные с атмосферой репрессий: «запрещенная тишь», «кандалы цепочек дверных», «наушнички», «пайковые книги», «учить щебетать палачей», «нары» и «острог», «конвойный» и даже «конвойное время», «в шинелях с наганами племя пушкинovedов». Это, конечно, не просто «констатации» – это точное понимание существа политической системы. И к ней у О. М. свой суровый счет, связанный не только с собственной «загнанностью». «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым» (1933) – немногословная, но ужасающая, душераздирающая картина массового голода, спровоцированного насильственной коллективизацией («И тени страшные Украины и Кубани»). Апофеоз этого «счета к власти» и, фактически, нравственный вызов системе, героический и оказавшийся губительным, – вскоре написанное «Мы живем, под собою не чуя страны» (1933). В трагическом противостоянии диктатуре происходит идентификация поэта с народом. О. М. говорит от его лица: «Мы» (говорит не в первый и не в последний раз; в «уничтоженных стихах» (1931) то же чувство единения и общности, личное достоинство, умноженное на сознание своего права быть голосом *своего* социума: «Я говорю за всех с такою силой, / Чтоб небо стало небом, чтобы губы / Потрескались как розовая глина»).

Так мы входим в «собственное» пространство темы статьи. Не могу не прореагировать на ее интерпретацию В. Есиповым. «Внешние обстоятельства были таковы: выжить можно было, только преодолев былую отстраненность от советской действительности, став активным участником происходящего... Чтобы вы-

жить, поэту необходимо было не только войти в „мир“, но и в советскую литературу, обретая новое лицо. Отсюда любование „шинелью красноармейской складки“...» [Есипов 2016: 119]. И далее Есипов отмечает появление в лексике О. М. «совершенно чуждых ему прежде» слов советского агитпропа [Есипов 2016: 120]. Для Есипова это «приспособление» О. М. к «внешним обстоятельствам». Именно поэтому он не может скрыть удивления от «красоты и мощи» (Ахматова) этих, как он уверен, вынужденных «советских» стихов О. М.

Интерпретация Есипова, на мой взгляд, строится на ряде неточностей, противоречит хорошо известным фактам, а «парадокс качества» вынужденных, будто бы, стихов О. М. объяснить не может. Неточности: все не сводится к «внешним обстоятельствам», к потребностям «трудоустройства», политической легитимации и биологического выживания (только на самом пределе ситуации они становятся у О. М. доминирующими, заставив его написать хвалебные стихи о Сталине). Как отчасти уже показано, у О. М. была глубокая бескорыстная потребность в обществе и общности с ним. Потому и его «советские» стихи не были результатом внешнего насилия и даже самопринуждения: талант О. М. был внутренне свободен, что объясняет художественность его творений. Приводимая В. Есиповым советская лексика отнюдь не была только языком агитпропа: она была частью массового советского дискурса и, значит, условием желанного для О. М. общения и общности с советским социумом. Но при этом он не «лез» в институциональную советскую литературу; официальные статусы, вроде членства в ССП, его не интересовали, и «советские» его стихи адресованы не властным структурам, а «неформальной» социальной общности. Его тексты – о советской реальности и частично уже на ее языке, но не носят «идеологического» характера. Поэтому они лишены приспособленческого цинизма, конформизма и сервильности, внутренне правдивы = искренни. И другие существенные факты: «просоветские» и «антисоветские» стихи писались практически одновременно, и О. М. называл последние «гражданскими», с риском для жизни читал их людям. Значит, он ясно различал в советском обществе «чужих» и «своих», не отождествлял обычных людей и власть с ее приспешниками.

Этим и определялась логика художественного «конструирования» (а лучше бы сказать – творения) О. М. «своей», желанной социальной реальности. Осмысляя ее источники и характер, я понял, что мое первоначальное представление о разделении (в этой работе О. М.) социально-реального и социально-идеального неверно. У О. М. действительно разные «источники» его «социального мира», но он в своем отношении к ним органичен и целостен, и они для него – разные ипостаси единого – именно его, родственного его сознанию, этически приемлемого для него – мира. Будь О. М. романтиком, он бы резко противопоставил идеальное и реальное и отказал последнему в праве быть представленным в «его социуме». Но можно ли было в этом случае рассчитывать на отклик советских (такова реальность!) современников?! К счастью, О. М. обладал поистине гениальной способностью понимающе чувствовать живую жизнь, ее внутренние силы и фено-

менологическое богатство. И диалектику: игру единств и противоречий, бесконечных и бесчисленных метаморфоз. К тому же О. М. был органически присущ демократизм, культурное «разночинство», и жизнь «простых людей», народной массы не пугала, а, наоборот, привлекала его. Более того, именно в народной массе он видел источник богатства культуры. Эта дорогая для О. М. культурфилософская идея как «закон» и ценность выражена в одном из «Восьмистиший» (1933):

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме,
И Гёте, свищущий по вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Внимали пульс толпы и верили толпе.

На свете раньше губ уже родился шепот,
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

О. М. раньше многих гуманитаров связал в своем сознании общество и культуру, культуру специальную («высокую») – и культуру народных масс. Поэтому конструируемый им социум изначально «социокультурный»: соединяет «людскую», так сказать, событийность и содержательность социального мира с созданной и обжитой людьми материально-вещной, бытовой и духовно-ценностной средой, человеческую смыслонаполненность, теплоту и уют которых О. М. ценил с молодых лет и в окружающем мире (Петербург, Москва), и в воображаемых/знаемых мирах далеких пространств и времен (классика архитектуры, живописи, музыки, поэзии, истории, религии).

Об источниках и основных предметно-ценностных сферах «виртуального» социального мира О. М. говорят его наиболее значительные стихотворения 1930-х гг. Об «интимной» (любовной и дружеской) сфере можно только упомянуть: без этого самого близкого микромира никто не может обойтись, тем более изгой, бедняк, странник и, как сам себя называл О. М., «отщепенец» («Мы с тобой на кухне посидим» (1931), «Еще не умер ты...» (1937), «К сырой земле неволью припадая...» (1937).

«За гремучую доблесть грядущих веков, за высокое племя людей» (1931). Даже этих первых слов достаточно, чтобы понять, что тут О. М. идентифицирует себя со всем человечеством и его светлым будущим. В образе века-волкодава легко узнаются законы того социально-политического мира, в котором живет поэт. Но поэт-«лишеница» утверждает свое духовное превосходство над волчьими императивами века: «век-волкодав» не может убить поэта, который не-волк: поэт выше («меня только равный убьет»). Однако, несмотря на эту высокую декларацию, отсылающую к законам не этого мира, тут же рождается и противоположный образ счастливого бегства, я бы сказал, «пренатального» социального эскапизма: «запирай меня лучше, как шапку в рукав, / Жаркой шубы сибирских степей». Природа тут сильнее и надежнее абстрактных социальных связей с человечеством «вообще».

«Сохрани мою речь» (1931). Можно согласиться с И. Сурач [Сурач 2005: 59]: адресат стихотворения – народ. По сути, это трагический, осложненный мрачными историческими ассоциациями манифест причастности к нему, реальному. И своего желанья и готов-

ности «служить» ему – за его, пусть жестокою, любовь («лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи») и за возможность, став «народным достоянием», дойти до будущих поколений (только народу дано сохранять культуру). Поэт ради этого готов не только на духовную, но и на вполне реальную жертву, готов даже содействовать страшной петровской казни. Какая принципиальная разница с предыдущим стихотворением: там сопротивление смерти как насилию, здесь ее добровольное принятие, готовность к самопожертвованию. И не славы в веках ради, а для сохранения ценностей, что в трагическое время объединяли людей, давали им духовные силы: «за привкус несчастья и дыма, / За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда». И вдруг, словно извне, чужой «остраивающий» голос: «Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье». Путь к общности драматичен, драматична и «виртуальная» общность поэта.

«Полночь в Москве, роскошно буддийское лето» (1931) – особо значимый для моей темы текст. Весьма «протяженный», он сопрягает разные по оптике, настроению, предметному наполнению и идейному смыслу фрагменты. Но благодаря этой сложной, многоплановой и эстетически многооттеночной «панораме», через ее мастерски «вытканную» образную ткань происходит дружеский диалог с реальностью и с читателем и совершается работа по созиданию своей и потому спасительной для О. М. социальной реальности и идентификации с ней. Начало: белый стих, современная городская и уже вполне советская лексика, неторопливая, распевная, с оттенком ностальгии интонация обхода-обозревания, успевающего быть и воспоминанием о дорогой с давних лет, но уже другой Москве. «Вдруг» от воспоминаний, от рефлексии времени резкий переход: без объяснений, «скачком» – умный поймет – к своей, не названной, трудной ситуации, к экспрессивной реакции на социальное «сейчас»: «Чур! Не просить, не жаловаться, цыц! Не хныкать!». Зато называется – в качестве духовной опоры, образца-ориентира, источника-законодателя нравственной ответственности – референтная социокультурная группа, утверждается солидарность и идентификация с ней: «для того ли разночинцы / Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?». И сразу решительное, почти в ораторских тонах выражение сути, смысловой и поведенческой основы этой идентификации: этические ценности и мужество их осуществления, практической верности им: «Мы умрем, как пехотинцы, но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи». Характерный, надо сказать, для советского О. М. «перебой» интимно-домашней «ткани» (интонации, лексики) лирического монолога тканью гражданской, публицистической, этически напряженной, «пафосной», открыто социальной. Так актуализируется родной для О. М. виртуальный «идеальный социум», важнейшая для О. М. его предметно-ценностная «зона». После чего обратный скачок к интиму семьи, дома, любовных отношений: маленький и, возможно, временный, но, безусловно, родной социум: «Выпьем, дружок, за наше ячменное горе, / Выпьем до дна!». И еще одна перебивка – перефокусировка оптики – образ выходящих из кино толп. Огромная, мощная, житейски единая –

и нуждающаяся масса: трудно живущая, несвободная, часто не ведающая, что творит – но сочувственно понимаемая, экзистенциально и нравственно принимаемая О. М.: «И до чего им нужен кислород!». И он, поэт, со своей культурной памятью и представлениями об идеальной социальности, со своими ценностями и идентичностями, чувствами и стремлениями – собственным волевым усилием! – несмотря на внутреннее, навязанное ему извне «отщепенец в народной семье» – принимает духовно-душевым существом и сливается с трудным и странным, во многом еще чужим и пугающим, но из живых, реальных и «невиноватых» людей состоящим современным советским (!) социумом. Резко, уверенно, бесстрашно и с полным сознанием взятой на себя ответственности: «Пора вам знать: я тоже современник, / Я человек эпохи Москвошвея...». И заявление о собственной социальной силе, превосходящей репрессивные возможности власти: «Попробуйте меня от века оторвать, / Ручаюсь вам – себе свернете шею». Когда О. М. произносит «Я говорю с эпохой», сама эпоха реабилитируется: в ней, далекой от идеала, тоже есть то, что есть в «идеальном обществе». О. М. поэтически присваивает современность – отрывает ее от чужого и чуждого, официального и репрессивного, антигуманного: «...разве / Душа у ней пеньковая и разве / Она у нас постыдно прижилась, / Как сморщенный зверек в буддийском храме...»? Она – это люди и для людей. Не мертвый ритуал, тем более не загнанный и «сморщенный зверек в буддийском храме». Она – близкий и родной для О. М. трудовой социум: «есть блуд труда, и он у нас в крови».

Это поразительный лирический монолог, где идентификация с «городом и миром», с социумом идеальным и реальным, прошлым и современным завершается «реификацией»: приданием качества живой реальности культурной памяти – другой важнейшей опоре поэта-изгоя: его любимые художники – жители любимого города, современники, живые «составляющие» не только «теоретического», но и «обыкновенного»: бытового, частного и общественного ландшафта. Часть «жизненного мира» общества, которому принадлежит и автор: «К Рембрандту входит в гости Рафаэль, Он с Моцартом в Москве души не чаёт». И чудесный финал: почти шестидесятническая кинооптика. Живая, световоздушная, пульсирующая, естественная, свободная – как у Пилихиной или молодого Петра Тодоровского:

И словно пневматическую почту
Иль студенец медузы черноморской,
Передают с квартиры на квартиру
Конвейером воздушным сквозняки,
Как майские студенты-шелапуты...

«Еще далеко мне до патриарха» (1931) продолжает созидательную работу предыдущего текста. Родство, согласие, идентификация, эмоционально данные как любовное и нежное приятие опредмеченной социальной реальности, легкость и детскость, теплота и радостная праздничность отношений (не зря тут неоднократное «люблю»). Нечастый для О. М., но органичный и сильный, уверенный, но и милый, трогательный мажор. О. М., кажется, все больше любит «мир людей» – своих современников; уже живущий по-но-

вому, по-новому оснащенный мир современного города – с его машинами, новостройками, кинотеатрами, трамваями, фотографиями, но и давними улицами, переулками, музеями, а главное по-прежнему – «просто» человеческий. И финал: прямая демонстрация интимизированной социальности, утепленной приятием и любовью:

И до чего хочу я разыграться –
Разговориться – выговорить правду –
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду, –
Взять за руку кого-нибудь: будь ласков, –
Сказать ему – нам по пути с тобой...

И та же эмоциональная волна в «Сегодня можно снять декалькомани» (1931), тот же радостный порыв приятия-идентификации с молодым рабочим людом: «Какое лето! Молодых рабочих / Татарские сверкающие спины / С девической полоской на хребтах, / И детские ключицы... / Здравствуй, здравствуй, / Могучий некрещеный позвоночник, / С которым проживем не век, не два!». Согласитесь: изгойства и отчуждения тут нет и в помине!

«К немецкой речи» (1932) – очень важный для нашей темы текст. Он о другом дорогом для О. М. «хронотопе» его виртуального социума. Культура и люди культуры – вот без чего О. М. не мог существовать. И тут у него идентификация с немецкой культурой XVIII в. Причем не с «музеем культуры», а именно с живым «обществом культуры». Там, в компании молодых немецких поэтов, находит О. М. желанную и в самом деле идеальную социальность: культурное братство (его символ – бог Нахтигаль, соловей). Стихотворение пульсирует веселой энергией молодой творческой жизни, идеальной формой существования которой является дружба: «Я дружбой был, как выстрелом, разбужен». И сколько еще раз «в минуту жизни трудную» О. М. будет спасаться общением и общностью с возрожденной его влюбленной фантазией культурой и главной для него ее сферой: искусством, их всегда живыми для О. М. творцами (как раз в это же время рождаются «Стихи о русской поэзии», «Импрессионизм», глубочайшие философские «Восьмистишия» и др.).

«Стансы» (1935). Еще одна попытка О. М. соединить идеальное и реальное, желаемое и действительное. Желание бытийной гармонизации рождает идеализацию, но оправданную не только «нуждой», но и большой степенью искренности автора. Нотки «официоза» не портят стихотворения: оно насквозь мандельштамовское, особенно интонационно: одомашнивающая интонация, где и мера пафосности типичная для О. М., легко соединяющая высокое и бытовое, личное и «все-народное»/«эпохальное». Как всегда у О. М., особую роль играет живая чувственность (= отелесненность) и органическая прочувствованность образности. Не только внутренний телесный опыт самого человека («и перед смертью хорошея»), но и опыт вещных ощущений. Через них и выраженное в них отношение к вещам О. М. и интимизирует, и тем присваивает/адаптирует суровую и часто враждебно относящуюся к поэту действительность (как ту же «шинель красноармейской складки», которой О. М. не просто признавался в любви, но прочувствовал всю ее, новую для него, материальность, весомость, полезность). Это и призна-

ние в любви, и согласие на дружбу и родство, и готовность к единению в общей советской жизни. И все это по-мандельштамовски очеловечено бытовой, домашней предметностью, проникновенной интонацией, согрето дыханием. «Я должен жить, дыша и большевея, / И перед смертью, хорошея, / Еще побыть и поиграть с людьми» – обществом остаются для О. М. люди, народ (он – «народник»). Но образ социума совпадает у О. М. не только с народом, но и со страной: «Моя страна со мною говорила, мирволила, журила, не прочла...». Последнее – предмет огорчения О. М., ведь он так часто адресовал стихи (значит, и себя) именно Ей, Стране (ср. в «Не мучнистой бабочкою белой» (1935–36): «Я хочу, чтоб мыслящее тело / Превратилось в улицу, страну»). Но О. М. подразумевает и сохранение своей суверенности (всякая иная социальность враждебна, не нужна): «Я должен жить, дыша и большевея, / Работать речь, не слушаясь, сам-друг». И обобщающий, позитивный и по тону, и по предметно-ценностному основанию-мотивировке финал. Финал-приятие, примирение, согласие – не с Gesellschaft, а с Gemeinschaft. И образ звучащей земли – основания всего витального существования и мироощущения О. М., симптома *выздоровления* в этом удостоверяет:

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как Слово о полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие –
Сухая влажность черноземных га!

Создание «собственного» социума, соединяющего идеальное и приемлемое для О. М., реальное социальное не могло устранить и не устраняло тягот и угроз социально-бытового и драматизма внутреннего существования О. М. В сознание властно вторгались, создавая предельное, мучительное напряжение, те стороны советской социальности, что О. М. никаким образом принять не мог. И все же художественно-образный «родной социум» работал, сопротивлялся реальности насилия и страха, помогая поэту сохранять себя. Как это происходит, видно на примере образа Чапаева – героя триумфально принятого в СССР и самим О. М. фильма. Чему способствовали колоритность, героизм и идеализм «кино-Чапаева», народная влюбленность, сделавшая его героическим мифом, и жажда совместности и общности с советскими людьми у О. М., его «народничество». Чапаев тем самым объединял его с ними, становился «кодом» их общения. Отсюда, появление Чапаева в нескольких стихотворениях. Образ героя здесь как раз и репрезентирует то «социально позитивное», что «со- и противопоставляется» (Ю. М. Лотман) социальности, враждебной в равной мере и сознанию О. М., и интересам обычных людей. Так, он появляется в тягостном «конвойном» мире стихотворения «День стоял о пяти головах» (1935), где «герои» – «трое славных ребят из железных ворот ГПУ». Тут нечем дышать и нельзя жить, возможна только, если не смерть, окончательная эмиграция в себя. И вдруг скачущий на коне Чапаев: «Поезд шел на Урал. В раскрытые рты нам / Говорящий Чапаев с картины скакал звуковой... / За бревенчатым тылом, на ленте простынной / Утонуть и вскочить на коня своего!».

Чапаев – это «настоящее»: и по силе художественных впечатлений, и по питаемым «великой утопией» энтузиазму и одержимости героя – свободного человека. Парадоксальная горькая ирония стихотворения в том, что, внося в жизнь «конвоируемого» народа глоток свободы и исторического воодушевления, «Чапаев» и его герой сами оказываются «под конвоем». Мне кажется, именно жажда освободить сам фильм из политического плена, позволить ему прозвучать в своем аутентичном масштабе и значении – без оглядки на «ребят из ГПУ» – и самому поэту приобщиться к катарсической силе живущей в фильме стихии свободы и исторического творчества определили рождение другого «Чапаевского» текста: «От сырой простыни говорящая» (1935). К социальному воодушевлению по поводу «Чапаева» у О. М. добавляется чувство восторга по поводу огромной силы воздействия совсем нового тогда звукового кино. Для О. М. его впечатляющая новизна – это грань общей, грандиозной и грозной социальной новизны, также объединяющая людей: «Надвигалась картина звучащая / На меня, и на всех, и на вас...». В предыдущем стихотворении торжество героической правоты Чапаева утверждалось простой отрицающей гибель инверсией в последней строке: «Утонуть и вскочить на коня своего». Здесь она передается и пульсирует энергией воодушевления захваченных ею и готовых отдать себя преобразовательному порыву людей, среди которых и О. М.:

Измеряй меня, край, перекраивай –
Чуден жар прикрепленной земли!
Захлебнулась винтовка Чапаева –
Помоги, развяжи, раздели!..

Не хочу подробно останавливаться на попытках О. М. включить в свой социум даже не героя – бога советской действительности, а с ним и приметы советского официоза (вроде боя кремлевских курантов и вещающего на весь мир советского радио в вызывающем неловкость «Обороняет сон мою донскую соль» (1937)). Но «из песни слова не выкинешь». Об этом много и хорошо написано. Не раз цитировалось признание самого О. М. Ахматовой «это была болезнь». Но, думаю, дело не только в фактически спровоцированной преследованиями и допросами болезни и даже не только в уже полубезумной боязни пыток [Есипов 2016: 122] и страхе за жизнь. Хотя, кажется, чем же иным, кроме этого животного страха, можно объяснить появление совершенно не вытекающей из предыдущего текста последней «покаянной» строфы в замечательном, во всем остальном, «Средь народного шума и спеха» (1937), как раз передающем гармоничное и радостное единство сознания О. М. с принимаемым им, включаемым в «свой социум» социально реальным: единым друг с другом («Я узнал, он узнал, ты узнала») и страной, совместным творчеством делающих историю («смотрит века могучая вежа») людей. Откуда и зачем здесь эта ломающая вдохновенное оптимистическое целое стихотворения «явка с повинной» в Кремль в финале? Перед своим социумом: разночинцами, художниками, Чапаевым, студентами и рабочими, перед «товарищами реками и чащами, товарищами городами» поэту не в чем каяться. Кается он перед вождем-тираном за свои «богоборческие» стихи. Но та-

кого «впопыхах» покаяния было мало, потребовалось воспеть, а, значит, идеализировать Сталина, впустить его в свой сокровенный социум. Шаг вынужденный, противоестественный для О. М. – и, одновременно, вполне искренний. Тут, кроме болезни и страха, думаю, у О. М. был еще один, оправдывающий его перед собственной совестью мотив. Мотив, объясняющий искренность О. М. в «просталинских» стихах и вместе с ней те блестящие таланты и художественности, которых общая фальшь «Оды» и «Если б меня наши враги взяли...» зачеркнуть не может. Этот мотив внушен О. М. и многим другим, конечно, «свыше», идеологически – но поддержан культурно-психологическим контекстом эпохи, той жизнью, которой жила страна и люди и к которой О. М. уже не был «внеаходим». То, что нам сегодня в тогдашней жизни понять труднее всего. Впрочем, и тогда это было не просто. Левый интеллигент А. Кёстлер в романе «Слепящая тьма» с изумлением описывал, как его арестованного героя следователи убеждают (и тот соглашается), что его признание во «вредительстве» поможет Партии и Революции. Эта извращенная логика убеждала и многих других. О. М., думаю, убеждала не столько пропагандистская казуистика, сколько сама реальность: в стране происходили грандиозные вещи, поверившие в социализм люди трудились с огромным напряжением сил, и О. М. принимал эту реальность, считал себя ее законной частью. К тому же О. М., как и его «собратья», жил и творил с сознанием действительно всемирно-исторического масштаба и значения советского эксперимента. И во главе этой гигантской работы, что ни говори, стоял Сталин. А окружающий мир вовсе не был сочувственно настроен, а в Италии и Германии уже победил фашизм (О. М. заметил и это, отсюда «немецких братьев шей» и «садовник и палач» – Гитлер в «Стансах»). «Пафосу объективности» (= поддержке СССР несмотря на массовые репрессии) отдали тогда дань многие видные таланты и у нас, и на Западе.

О. М. его покаянные жесты и восхваления не помогли. Ни практически, ни духовно и душевно. В последних своих 1937 года стихах он опять, в основном, спасается родным миром культуры, диалогом с природой и интимным социумом любимой жены и немногих верных друзей. Но и более широкий «мир людей», народной жизни вовсе не исчезает. Интересная особенность последних стихов («Как по улицам Киева-Вия», «Клейкой клятвой пахнут почки», «На откосы Волга хлынь», «Пароходик с петухами»): в них появляются фольклорные мотивы, что есть косвенная компенсаторная идентификация с «корневым», «родовым» социальным целым.

Время все расставило по местам: для нынешних читателей О. М. его вынужденная частичная капитуляция и ее всемогущий адресат остались за порогом поэтически созданного им социума. Но в нем продолжают жить и совершать свою мироосваивающую, созидательную общность людей, духовно сплывающую и утверждающую гуманистические ценности работу декабристы и разночинцы-народники, художники и мудрецы всех времен и народов и их творения, герои, труженики, полная энергии жизни и творчества молодежь советского времени – его, О. М., времени.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2-х т. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Стихотворения. – С. 5–65.

Аверинцев С. С. Страх как инициация: одна тематическая константа поэзии Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта: материалы науч. конф. – М.: РГГУ, 2001. – С. 17–23.

Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 2011. – 256 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.

Ахматова А. А. Листки из дневника <О Мандельштаме>. Сочинения: в 2 т. – М.: Панорама, 1990. – Т. 2: Проза и переводы. – С. 198–221. Комментарий: С. 434–454.

Беньямин В. Бодлер. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 224 с.

Бергер П., Лукман. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.

Гаспаров М. Л. Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. – М.: НЛЮ, 1995. – С. 327–370.

Гаспаров М. Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. – М.: РГГУ, 1996. – 128 с.

Герштейн Э. Г. О гражданской поэзии Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. – С. 346–355.

Герштейн Э. Г. Мемуары. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 537 с.

Городецкий Л. Р. Пуляса ди-нура Осипа Мандельштама: последний террорист БО. – М.: Таргум, 2018. – 160 с.

Есипов В. «Нет, не спрятаться мне от великой муры...»: просоветские и антисоветские мотивы в поэзии Осипа Мандельштама 1930-х годов // Осип Мандельштам и XXI век: материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. – М.: АРМПО-ЛИГРАФ, 2016. – С. 116–123.

Закс Л. А. Художественное сознание. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 212 с.

Закс Л. А. Лицо субъективности: мироощущение как означаемое стиля // Лицо и стиль. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 7–39.

Закс Л. А. Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Социология: современность и перспективы. – Екатеринбург, 2013а. – С. 145–156.

Закс Л. А. Социально-организующая культура и ее роль в историко-культурных исследованиях // Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ. – 2012. – № 3. – С. 215–227.

Закс Л. А. Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности // Институциональная культурология. – СПб.: Эйдос, 2013в. – С. 6–23.

Иванов Вяч. Вс. Мандельштам и наше будущее // Мандельштам, Осип Эмильевич (1891–1938). Полное собрание сочинений и писем: в 3-х т. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – Т. 1. Стихотворения. – С. 3–40.

Лахути Д. Г. Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама: Попытка внимательного чтения (с картинками). – М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2008. – 245 с.

Лекманов О. А. Осип Мандельштам. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 255 с.

Липкин С. Угль, пылающий огнем // Липкин С. Вторая дорога. Зарисовки и соображения. – М.: Олимп, 1995. – С. 65–84.

Мандельштам, Осип Эмильевич (1891–1938). Полное собрание сочинений и писем: в 3-х т. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – Т. 1. Стихотворения. – 808 с.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – Н.-Й.: Изд-во им. Чехова, 1970. – 434 с.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга: Воспоминания. – Изд. 3-е. – Париж: YMCA-PRESS, 1983. – 723 с.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга: Воспоминания. – М.: Московский рабочий, 1990. – 560 с.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – М.: Согласие, 1999. – 576 с.

REFERENCES

Averintsev S. S. Fate and News of Osip Mandelstam // Mandelstam O. E. Writings: in 2 v. – M.: Imaginative Literature, 1990. – V. 1. Poems. – P. 5–65.

Averintsev S. S. Fear as initiation: one thematic constant of Mandelstam's poetry // Death and immortality of the poet: materials of a scientific conference. – M.: RSUH, 2001. – P. 17–23.

Agamben D. Homo sacer. Sovereign power and bare life. – M.: Europe, 2011. – 256 p.

Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. – M.: CANON-press-C; Kuchkovo pole, 2001. – 288 p.

Akhmatova A. A. Diary sheets <About Mandelstam>. Writings: in 2 v. – M.: Panorama, 1990. – V. 2: Prose and translations. – P. 198–221. Comments: P. 434–454.

Benyamin V. Boder. – M.: Ad Marginem Press, 2015. – 224 p.

Berger P., Luckman. Social construction of reality. – M.: Medium, 1995. – 323 p.

Volkov V. V., Kharkhordin O. V. Theory of practice. – SPb.: European University Publishing in Saint Petersburg, 2008. – 298 p.

Garfinkel G. Research on ethnomethodology. – SPb.: Piter, 2007. – 335 p.

Gasparov M. L. Poet and culture (three poetiks of Osip Mandelstam) // Gasparov M. L. Featured Articles. – M.: NLO, 1995. – P. 327–370.

Gasparov M. L. O. Mandelstam. Civil lyrics of 1937. – M.: RSUH, 1996. – 128 p.

Gerstein E. G. About the civil poetry of Mandelstam // The life and work of O. E. Mandelstam: Memories. Materials for the biography. "New Poems". Comments Research. – Voronezh: Publishing Voronezh State University, 1990. – P. 346–355.

Gerstein E. G. Memoirs. – SPb.: INAPRESS, 1998. – 537 p.

Gorodetsky L. R. Pulse di-nur Osip Mandelstam: the last terrorist BO. – M.: Targum, 2018. – 160 p.

Esipov V. "No, do not hide me from the great mora...": pro-Soviet and anti-Soviet motifs in the poetry of Osip Mandelstam of the 1930s // Osip Mandelstam and the XXI century: materials of the international symposium. Moscow, 1–3 November 2016. – M.: ARMPOLIGRAF, 2016. – P. 116–123.

Zaks L. A. Artistic consciousness. – Sverdlovsk: Publishing house of the Ural University, 1990. – 212 p.

Zaks L. A. The face of subjectivity: attitude as the signified style // Face and style. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2009. – P. 7–39.

Zaks L. A. Society in the culturological discourse: the problem of "cultural vs social", or cultural science vs sociology // Sociology: modernity and prospects. – Ekaterinburg, 2013a. – P. 145–156.

Zaks L. A. Social-organizing culture and its role in historical and cultural research // Almanac of the Department of Aesthetics and Philosophy of Culture, St. Petersburg State University. – 2012. – № 3. – P. 215–227.

Zaks L. A. Society for creativity: social-organizing culture as the basis of creativity // Institutional Cultural Studies. – SPb.: Eidos, 2013b. – P. 6–23.

Ivanov Vyach. Vs. Mandelstam and our future // Mandelstam, Osip Emilievich (1891–1938). Complete Works and Letters: in 3 v. – M.: Progress-Pleyada, 2009. – V. 1. Poems. – P. 3–40.

Lahuti D. G. The image of Stalin in verses and prose of Mandelstam: an attempt to attentive reading (with pictures). – M.: Russian State University for the Humanities, 2008. – 245 p.

Lekmanov O. A. Osip Mandelstam. – M.: Young guard, 2004. – 255 p.

Lipkin S. Coal burning with fire // Lipkin S. The second road. Sketches and considerations. – M.: Olimp, 1995. – P. 65–84.

Mandelstam, Osip Emilievich (1891–1938). Complete Works and Letters: in 3 v. – M.: Progress-Pleyada, 2009. – V. 1. Poems. – 808 p.

Mandelstam N. Ya. Memories. – N. Y.: Chekhov Publishing House, 1970. – 434 p.

Mandelstam N. Ya. Second book: Memories. – Ed. 3rd. – Paris: YMCA-PRESS, 1983. – 723 p.

Mandelstam N. Ya. Second book: Memories. – M.: Moscow worker, 1990. – 560 p.

Mandelstam N. Ya. Memories. – M.: Soglasie, 1999. – 576 p.

Nerler P. Con amore: Studies about Mandelstam. – M.: New Literary Review, 2014. – 856 p.

- Нерлер П. *Con amore: Этюды о Мандельштаме*. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 856 с.
- Сарнов Б. М. *Заложник вечности. Случай Мандельштама*. – М.: Кн. палата, 1990. – 216 с.
- Стайнер Дж. *Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов*. – М.: Когито-центр, 2013. – 239 с.
- Струве Н. А. *Осип Мандельштам*. – Томск: Водолей, 1992. – 272 с.
- Сурат И. З. *Опыты о Мандельштаме*. – М.: Intrada, 2005. – 128 с.
- Тарановский К. *Очерки о поэзии О. Мандельштама // Тарановский К. О поэзии и поэтике*. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 13–208.
- Тённис Ф. *Общество и общность*. – СПб.: Владимир Дал, 2002. – 381 с.
- Штемпель Н. *Воспоминания // «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель*. – М.; Воронеж: Кварт, 2008. – С. 21–102.
- Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
- Benjamin W. *Paris, capitale du XIXe siècle*. – P.: Edition Allia, 2009. – 51 p.
- Searle J. R. *The Construction of Social Reality*. – N. Y.: Allen Lane, 1995. – 241 p.
- Sarnov B. M. *Hostage of eternity. Mandelstam case*. – M.: Book Chamber, 1990. – 216 p.
- Steiner J. *Mental asylum. Pathological organizations in psychotic, neurotic and borderline patients*. – M.: Kogito-center, 2013. – 239 p.
- Struve N. A. *Osip Mandelstam*. – Tomsk: Vodoley, 1992. – 272 p.
- Surat I. Z. *Experiments about Mandelstam*. – M.: Intrada, 2005. – 128 p.
- Taranovsky K. *Essays about the poetry of O. Mandelstam // Taranovsky K. About poetry and poetics*. – M.: Languages of Slavic Culture, 2000. – P. 13–208.
- Tonnis F. *Society and community*. – SPb.: Vladimir Dal, 2002. – 381 p.
- Stempel N. *Memories // “Clear Natasha”. Osip Mandelstam and Natalya Stempel. On the 100th anniversary of the birth of N. E. Stempel*. – M.; Voronezh: Kvara, 2008. – P. 21–102.
- Schutz A. *The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*. – M.: Institute of Foundation “Public Opinion”, 2003. – 336 p.
- Benjamin W. *Paris, capitale du XIXe siècle*. – P.: Edition Allia, 2009. – 51 p.
- Searle J. R. *The Construction of Social Reality*. – N. Y.: Allen Lane, 1995. – 241 p.

Данные об авторе

Закс Лев Абрамович – доктор философских наук, профессор, ректор АНО ВО «Гуманитарный университет», заведующий кафедрой истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Департамент философии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).
 Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
 E-mail: rectorgu@r66.ru.

Author's information

Zaks Lev Abramovich – Doctor of Philosophy, Professor, Rector of Liberal Arts University, Head of the Chair of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИБЛЕЙСКИХ МЕТАФОР ИЗГНАНИЯ/ИСХОДА В МЕМУАРНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»)

Аннотация. Библейские метафоры изгнания/исхода как компонент тропики в мемуарном дискурсе русской эмиграции «первой волны» не становились предметом специального исследования. Однако именно эти метафоры часто реализуют авторские интенции. Целью данного исследования является анализ метафорического воплощения интенций на материале библейских метафор изгнания/исхода. В статье очерчена теоретическая база изучения тропики мемуарного дискурса, актуализирован вопрос изучения данного явления на материале русской эмиграции «первой волны»; рассмотрены взаимосвязи интенции и ее метафорического воплощения в мемуарном тексте, предложена методика исследования интенций с помощью метафор, описаны интенционные группы библейских метафор изгнания/исхода в текстах мемуаров, обозначена их роль в текстах мемуаров. Объектом исследования служат тексты мемуарных произведений русской эмиграции «первой волны». Избранный ракурс исследования позволил углубить представление о природе коммуникативного акта в мемуарах, чему способствовало выделение языковых средств выражения целевого назначения. Учитывая, что интенция обычно не выражается в тексте вербально, выделение указанных средств выражения как когнитивно-стилистических приемов автора позволило раскрыть литературные значения, порождаемые исторически сложившимся, социально определенным комплексом культуры – в данном случае, эпохи Серебряного века, а также культуры русского Зарубежья. Применение указанной методологии способствует дальнейшему изучению картины мира автора-эмигранта и способствует углублению понимания творческого сознания художника, жившего в эпоху исторического перелома.

Ключевые слова:
русская эмиграция;
писатели-эмигранты;
мемуары; библейские
метафоры, русская
литература; русские
писатели; литературное
творчество.

Megrelishvili T.
Tbilisi, Georgia

THE FUNCTIONING OF BIBLICAL METAPHOR OF EXILE/EXODUS IN A MEMOIR DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF MEMOIR TEXTS RUSSIAN EMIGRATION “FIRST WAVE”)

Abstract. The biblical metaphor of exile/exodus as a component of the tropics in the memoir discourse of the Russian emigration of the “first wave” did not become the subject of a special study. Meanwhile, an analysis of the literary memoirs of the Russian Diaspora shows that often the metaphor, including the biblical metaphor of exile/exodus, becomes a way of implementing author's intentions. Thus, the purpose of this study is to analyze the metaphorical embodiment of intentions as one of the directions of their study on the material of the biblical metaphor of exile / exodus. In the work, a general philological method of interpreting memoirs was used, which implies the literary and linguistic methods of authorial intentions. The article outlines the theoretical basis for studying the tropics of memoir discourse, actualizes the issue of studying this phenomenon on the material of the Russian emigration of the “first wave”; considered the relationship of the intention and its metaphorical embodiment in the memoir text, proposed a method of investigation of intentions using metaphor, describes the intentional groups of biblical metaphors of exile / exodus in the texts of memoirs as a set of intentions combined to reflect on a wide range of events that influenced historical processes and marked them role in the texts of memoirs.

Keywords:
Russian emigration;
immigrant writers;
memoirs; biblical met-
aphors, Russian liter-
ature; Russian writers;
literary creativity.

The object of the research is the texts of memoirs of the Russian emigration of the “first wave”. The chosen perspective of the study allowed deepening the understanding of the nature of the communicative act in the memoirs, which was facilitated by the allocation of linguistic means of expression of the intended purpose. Considering that the intention is usually not verbally expressed in the text, the allocation of these means of expression as cognitive-stylistic techniques allowed the author to reveal literary meanings generated by the historically established, socially defined complex of culture – in this case, the era of the Silver Age, as well as the culture of Russian Abroad. The use of this methodology contributes to the further study of the picture of the world of the emigrant and contributes to the deepening of the understanding of the creative consciousness of the artist who lived in the era of historical change.

Для цитирования: Мегрелишвили, Т. Функционирование библейских метафор изгнания/исхода в мемуарном дискурсе (на материале мемуарных текстов русской эмиграции «первой волны») / Т. Мегрелишвили // Филологический класс. – 2019. – № 1. – С. 44–50. DOI 10.26170/fk19-01-06.

For citation: Megrelishvili, T. The functioning of biblical metaphor of *exile/exodus* in a memoir discourse (on the material of memoir texts Russian emigration “first wave”) / T. Megrelishvili // Philological Class. – 2019. – № 1. – P. 44–50. DOI 10.26170/fk19-01-06.

Изгнание – в Ветхом Завете повествование о насильственном переселении народа Израиля в Египет (или в Ассирию – т. н. второе изгнание). Исход – одно из важнейших событий, описанных в Ветхом Завете, включающее несколько тем.

Тема *изгнания/исхода* встречается во многих ветхозаветных книгах. Упоминание об изгнании/исходе обнаруживается в межзаветной литературе и в литературе эллинистического иудаизма.

В Новом Завете аллюзии на *изгнание/исход* содержатся уже в первых главах. Символикой Исхода наполнен и рассказ о преображении на горе Фавор, и многие другие эпизоды Евангелий. Древние христианские авторы уделяли повышенное внимание истолкованию событий Исхода. Тексты Книги Исхода получили широкое распространение в Православии.

Очевидно, библейское повествование об изгнании народа Израиля имеет пратекст – изгнание первых людей из Рая вследствие их непослушания Богу. С древности повествование об изгнании постепенно наполнялось метафорическим смыслом, демонстрируя движение в сторону метафоризации – превращения в смысловое целое, наполнение которого раскрывается в переносном смысле на основе аналогии, сходства, сравнения. Так становится понятным, как тема *изгнания/исхода* оказалась построена по метафорической модели.

Изгнание и изгнанник – «сквозной» образ и «вечная» тема мировой литературы, поднявшаяся на авансцену литературного процесса в эпоху романтизма. Русская литература XIX столетия демонстрирует разные вариации образа изгнанника и темы изгнания, наполняя ее особым, «русским» элементом: это странствующий герой, чья жизнь протекает в дороге (мотив дороги как компонент темы изгнания и один из ее маркеров).

Несмотря на серьезные изменения ведущих эстетических манифестаций в русской литературе на рубеже XIX–XX вв., указанные образ и мотив фиксируются в произведениях авторов Серебряного века. К этому времени оба компонента поэтики стали органичными для русской литературы, наполнились особой этноментальной спецификой и сформировали специфическую повествовательную модель с метафорическим основанием в виде метафор *изгнания/исхода*.

В период 1917–1922 гг. доселе единое русло русской литературы разделилось на два потока – «материковую», развивавшуюся в Советской России, а затем в СССР, и «островную», литературу эмиграции. Внутренне созвучная эмигрантской душе указанная повествовательная модель нашла свое неожиданное воплощение в мемуарах эмиграции.

Став предметом научного осмысления сравнительно недавно, мемуарная литература русской эмиграции «первой волны» на начальном этапе изучения рассматривалась исследователями в рамках проблем определения/уточнения характеристик мемуарного жанра, вопросов жанровых границ мемуарной прозы.

Интересные наблюдения над мемуарной прозой были сделаны Т. М. Колядич [Колядич 1998]. Очевидно, однако, что указанное исследование, равно как и исследование Е. Г. Местергази [Местергази 2008], опирает-

ся и развивает положения монографии Л. Я. Гинзбург «О психологической прозе» [Гинзбург 1977], в которой концептуально были обоснованы не только особенности мемуарного жанра и его разновидностей, но и доказано дискутируемое на момент выхода монографии в свет положение о присутствии художественности в мемуарных текстах, равно как и рассмотрены многие другие фундаментальные вопросы осмысления мемуарных произведений.

Ряд диссертационных и монографических исследований творчества писателей-эмигрантов, в том числе и мемуаров, появившийся на рубеже XX–XXI вв., затрагивает обширный круг вопросов, связанных с жанровой типологией и с вопросами поэтики.

Роль библейских метафор в воплощении интенций в картине мира мемуариста-эмигранта не становилась предметом особого научного осмысления. А между тем анализ литературных мемуаров русского зарубежья показывает: часто способом реализации авторских интенций становится метафора, в том числе библейские метафоры *изгнания/исхода*. Таким образом, целью данного исследования является анализ метафорического воплощения авторских интенций на материале анализа библейских метафор *изгнания/исхода*.

Цель исследования диктует соответствующий методологический подход.

В работе применен общелингвистический метод интерпретации мемуарных текстов, подразумевающий использование методик литературоведческого и лингвистического осмысления авторских интенций. Правомочность подобного подхода опирается на концепцию А. Компаньона.

Существенное влияние на выбор опорных подходов при определении методологии исследования оказали фундаментальные литературоведческие работы Д. С. Лихачева, Л. Я. Гинзбург, А. Тартаковского, а также работы в области лингвистической теории А. П. Чудинова и Ю. С. Степанова.

Ф. М. Достоевский, в чьем творчестве не раз отмечались провидческие интонации, в январе 1881 года, рассуждая о взаимоотношениях между Россией и Европой, писал «*об исходе нашем из Египта*» и указывал, что из Европы «*мы сами сделали для себя как бы духовный Египет*». Спустя сорок лет после смерти великого прозаика колесо истории повернулось в противоположном направлении: новым «*духовным Египтом*» для многих деятелей русской культуры стало собственное отечество, в котором они оказались лишними, а порой и опасными гражданами. Те, кто понял, что им «*не уцелеть*», как пишет Н. Берберова, в этой новой реальности, предпочли превратиться в апатридов и уехать в ту самую Европу, об «*исходе*» из которой размышлял автор «*Бесов*».

Переместившиеся в Европу (и не только!) представители русской культуры унесли с собой в изгнание культурные традиции Петербургской империи и русского Серебряного века. За пределами собственной страны они образовали некое культурное целое со столицей в Париже.

Афоризм «*Мы не в изгнании, мы – в послании*», приписываемый как З. Гиппиус, так и Д. Мережковскому или Н. Берберовой, стал своеобразным смыслообра-

зующим центром русского культурного «острова». И не случайно в нем декларативно присутствует лексема «изгнание». Метафора *исхода* фиксируется у «евразийцев», издавших в 1921 году сборник с красноречивым названием – «Исход к Востоку». Так *изгнанничество/исход* становятся частью актуальной лексики эмиграции и обрастают дополнительными семантическими коннотациями.

После событий 1917 года литература – как развивавшаяся в границах «материковой» культуры, так и литература русской эмиграции – стала одной из форм русского мифа [Демидова 2003: 65-135; Мегрелишвили 2010; Мегрелишвили 2007]. Анализ проблематики большого корпуса литературных мемуаров эмиграции [Мегрелишвили 2005], позволивший вписать их в систему поэтики русской литературы, дает основания утверждать: одной из доминант эмигрантского сознания была склонность к мифологизации реальности. Мифологемы русской эмиграции отражаются в авторских интенциях на уровне мемуарного текста, а в свою очередь интенции реализуются путем метафоризации, в том числе и на метафорически осмысливаемом изгнаничестве, странничестве, исходе.

Мифологема *Дом* в творческой картине мира русского творца-эмигранта задает особые лирические/повествовательные сюжеты, тесно связанные с переживанием комплекса бездомья и бесприютности (коннотативно соотносясь с блужданием в течение 40 лет в пустыне народа Израиля), которые включают в себя:

- блуждание по дорогам чужбины без обретения дома (художественное и мемуарное наследие Г. Иванова, к примеру),
- утрата Дома (метафоризация мифологемы изгнания/изгнания из Рая воплощается, к примеру, в мемуарах Вл. Набокова).

Существование в пространстве съемных квартир, часто неблагоустроенных, пребывание в неродных местах – размышления об этом можно обнаружить практически у каждого мемуариста: «*Это первое наше пребывание в Париже, в 1924 году, перед тем, как вернуться еще на одну зиму в Сорренто к Горькому, оставило во мне чувство бездомности*: <...>» [Берберова 1996: 136].

Актуализация российской темы как темы утраченного Дома, даже в виде лирической памяти (наиболее распространенное в среде старшего поколения авторов-эмигрантов явление):

«*Квартира, которую она (мать Набокова – Т. М.) делала с внуком и Евгенией Константиновной Г., самым близким ее другом, была донельзя убогой. <...> Около ее кушетки, ночью служившей постелью, ящик, поставленный вверх дном и покрытый зеленой материей, заменял столик, и на нем стояли маленькие мутные фотографии в разваливающихся рамках. <...> Как бродячая трупна всюду возит с собой, поскольку не забыты реплики, и дюны под бурей, и замок в тумане, и очарованный остров, – так носила она в себе все, что душа отложила про этот серый день» [Набоков 1998: 19].*

В мемуарном дискурсе осмысление трагедии утраты родины, метафорически воспринятое как трагедия исхода, разделяется как бы на две части:

- осознание собственной вины за произошедшее (интерпретация библейского мифа о грехопадении и изгнании из Рая);

- освобождение от рабства/обретение духовной свободы (интерпретация библейского сюжета книги Исхода).

В последнем случае наблюдается некий «категорический императив» эмигрантской картины мира – только путем утраты родины и Дома можно избежать рабства и сохранить духовную свободу. Описывая парижское бытие супругов Мережковских, Н. Берберова, в частности, приводит такой диалог:

«– *Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России?*

Она думала минуту.

– *Свобода без России, – отвечала она, – и потому я здесь, а не там»* [Берберова 1996: 151].

Анализ поэтики мемуаров эмиграции позволяет предположить, что библейская метафора *изгнание/исход* является концептуальной. Концептуальная природа выражается в актуализации на уровне текста авторских интенций, описывающих события хода истории. В сущности, можно говорить о воплощении метафорической повествовательной модели с исходной понятийной сферой «*дорога/пространство*», что актуализирует смыслы, привычные русскому сознанию (*дорога/путь* – один из маркеров русской национальной картины мира) [Жидков 2001], и одновременно раскрывает глубинные пласты осмысления понятий «эмигрант» и «эмиграция».

Рассмотрение библейских метафор *изгнание/исход* как концептуальных переинтерпретирует философскую антиномичность модели. Речь об изменении хромотопных приоритетов: обычно антитетичные, в эмигрантском сознании *прошлое* как часть *вечного* и *настоящее*, сиюминутное сосуществуют в сложном, взаимопроникающем единстве.

Модифицированная модель влияет на семантику повествования в большинстве мемуаров (см., к примеру: «*К этому же времени относится также первое мое ощущение связи времен*», «*это признание шва, признание самой себя швом особенно плодотворно: оно дает ответ на жизнь моего поколения, существующего в двух мирах: одном, идущем к концу, и другом едва начинающемся, оно дает покой и полноту существования в раздробленном, искаженном и беспокойном мире. На стыке старого и нового – умирания одной эпохи и рождения другой, которое продолжается уже лет пятьдесят, мы сливаем обе, и в некотором смысле даже чувствуем себя привилегированным сословием благодаря тому, что одинаково вольно дышим и в старом, и в новом, то есть способны к такому дыханию. В плане природном мы суть некие феномены этой гармонии. В плане же символическом мы, вероятно, будем впоследствии значить, как знак моста или звена (выделено мной – Т. М.)» [Берберова 1996: 65]; описание общения с А. Ахматовой в «*Петербургских зимах*» Г. Иванова и др.). Сама популярность мемуарного жанра в творчестве эмигрантов иллюстрирует стремление сохранить прошлое в настоящем, без чего личность эмигранта не может ощутить собственную экзистенцию. Поэтому в основу типичной композиции литературных мемуаров положен принцип единства *прошлого* как *вечного* и *настоящего*.*

Будем считать, что модель метафоры с исходной понятийной сферой «*дорога/путь*» может быть признана в интенциях авторов-эмигрантов одной из ведущих.

Она характеризуется рядом важных свойств, к числу которых, следуя А. П. Чудинову, следует относить иерархическое устройство, открытость, способность к более детальному развертыванию [Чудинов 2001: 38–43, 172–176]. Это обнаруживается на уровне текста путем выделения смысловых групп с метафорическим наполнением благодаря авторским интенциям.

Смысловая группа «*Перемещение в пространстве и транспортное средство*» представлена лексемами с нейтральным наполнением, авторские интенции придают ей метафорическое наполнение. К примеру, лексема *поезд* обладает вполне нейтральной окраской, когда речь идет о детской поездке в гости к родственникам отца в «Курсиве» Н. Берберовой. Но уже переезд на поезде к родственникам отца из революционного Петрограда, возвращение в Петроград, отъезд в Москву с Ходасевичем за визами, отъезд в Берлин у Н. Берберовой модифицируют нейтральную окраску лексемы *поезд* вследствие включения когнитивного механизма, благодаря которому устанавливается связь между поездом как средством передвижения и изгнанием. То же наблюдается у И. Одоевцевой в «*На берегах Невы*» при описании поездки за визами в Москву, отъезде из России.

Лексема *побег* изначально используется в мемуарах для сгущения смысла при описании и объяснении авторами отъезда из Петрограда. Так, побег из революционного Петрограда за границу по льду Финского залива супругов Мережковских, кроме описания реалий, в процессе авторских интенций приобретает глубокий метафорический смысл – бегство из места несвободы, что напрямую соотносится с глубинным наполнением библейской метафоры *исхода*.

Корабль в мемуарном дискурсе, кроме смыслового наполнения средства передвижения, при включении метафорического смысла исхода обретает дополнительные коннотации, соотносясь с библейским Ноевым ковчегом (см. к примеру, отплытие из Крыма семьи Вл. Набокова в произведении «*Другие берега*»).

Повествование о переселении – переселение из Берлина на виллу М. Горького, затем в Париж, переселение внутри Парижа в «Курсиве» Н. Берберовой, переселение евреев после оккупации Парижа фашистскими войсками в концлагерь – несет двойное наполнение. Во-первых, оно коннотативно соотносится с блужданием народа Израиля в течение 40 лет в пустыне, что актуализирует в коммуникативном модусе «автор-читатель» глубинные коннотации с библейскими событиями; во-вторых – обозначает утрату свободы (перемещение в концлагерь), то есть в рамках эмигрантского сознания означает худшее, что может произойти с личностью.

Смысловая группа «*Участники перемещения*» и входящие в нее метафоры являются отражением метафорического переосмысления понятия «эмигрант» и характеризуют его в соответствии с целью перемещения. Мемуаристы для образного представления эмиграции в основном используют поэтическую лексику: *скитальцы; странники*.

Вторая модель функционирования библейских метафор *изгнания/исхода* может быть названа «*свой-чужой*», потому что в ее основу положены представления авторов-эмигрантов о культурной идентичности в модусе

«*свой-чужой*». Правомочность выделения подобной модели объясняется тем, что, как известно, концептуальные маркеры «*свой*» и «*чужой*» являются константными для культурного сознания в целом [Степанов 2001: 480].

В мемуарном дискурсе русской эмиграции понятие «*свой*» осознается не только в этническом плане. В первую очередь речь идет о принадлежности к свободным людям, противостоящим «*чужим*», соглашающимся жить в условиях несвободы, то есть, в соответствии с древнейшей коннотацией, рабам [Степанов 2001: 135–136]. Именно принадлежность к свободным людям оправдывает и объясняет выбор эмигранта в пользу изгнания: «*Эмиграция, и в этом ее очарование, ее притяжение, всегда тянет человека (если это человек, а не обывательский пень) – своей свободой. И вот я, прожив в эмиграции без малого шестьдесят пять лет, разве я бы хотел быть не эмигрантом! Нет. Бывали, конечно, слабые минуты в эмигрантской жизни, в самом начале, когда мне хотелось опять „прилепить свои подошвы“ к родной земле. Но они были очень редки и слабы. И всегда это чувство родины во мне подавлялось – чувством свободы. Что я люблю больше всего в мире? Свою свободу. Какую свободу? Очень простую. Физическую свободу передвижения, которой на родине нет. Духовную свободу – „мыслить и страдать“, которой на родине нет. И, наконец, свободу демократического государства <...>*» [Гуль http].

Поскольку все типы концептуальной метафоризации основаны на ассоциативных связях в пределах человеческого опыта, концептуальная метафора соизмеряет разные сущности, формируя на их основе новый гносеологический образ. Именно такой путь проходит в сознании эмигранта собственно эмиграция, описываемая метафорически как *изгнание* [Берберова 1996: 40, 170 и др.]: изгнание/исход есть способ обретения свободы. Так в эмигрантском сознании библейские метафоры слились, сформировав новый смысл: эмиграция – добровольное изгнание во имя сохранения свободы: «*Теперь я хорошо знаю, что не все решительные и бесповоротные действия мои на протяжении шестидесяти лет были результатом сознательного решения: отъезд из России в 1922 году <...>, этот выбор давал мне сознание силы жизни и свободы, острое ощущение „электрического счастья“ <...> И ощущение „электрического счастья“ не уменьшалось от того, что выбор мой был частично обусловлен законами времени, то есть законами биологическими и социальными»* (выделено мной – Т. М.) [Берберова 1996: 41]. Примеры формирования нового образа во множестве присутствуют в мемуарах и даже порой вынесены в заглавие (см., к примеру: Г. Адамович «*Одиночество и свобода*»).

Изгнание и страдание в Библии слиты воедино. В 1926 г. Д. Мережковский писал: «*Что такое эмиграция? Только ли путь с родины, изгнание? Нет и возвращение, путь на родину. Наша эмиграция – наш путь в Россию. Emigrate значит „выселяться“. Слово это для нас неточно. Мы не выселенцы, а переселенцы из бывшей России в будущую. Два пути переселения: один – там, в бывшей России, через страшную родную пустыню, другой – здесь, через пустыню мира: два крестных пути, и мы не знаем какой их них более крестный...»* [Вестник РХД 2006: 244]. Мережковский чувствовал, что эмиграция будет длиться долго, может быть, Россия окажется утраченной для него навсегда: «*сорок лет, может быть, будем блуждать в пустыне*

не, и кости наши в нее падут, но мы должны идти через нее в **Обетованную землю**» (выделено мной – Т. М.) [Вестник РХД 2006: 244]. В этом высказывании Мережковского библейские концептуальные метафоры *изгнания/исхода* представлены в развернутом виде: составляющими концептуальных метафор явились *пустыня* (родная и пустыня мира), *сорок лет блуждания по пустыне*, **Обетованная земля**.

Таким образом, выделяемая модель «свой-чужой» может иметь следующую структуру.

Смысловая группа «*Эмигрант – представитель русского культурного гнезда за пределами родины*». Здесь имеются в виду пристрастия эмиграции к таким формам творческого общения, как литературный салон, клуб, литературное общество, журнал и газета. Именно исход из пространства несвободы позволяет сохранить культурные ценности, по мысли авторов эмиграции (см. опять-таки знаковую формулу «*Мы не в изгнании, мы – в послании*»). Подробное описание этих форм общения творческих личностей в эмиграции находим у Ю. Терапиано [Терапиано 1987], Н. Берберовой («*Курсив мой*»), И. Одоевцевой («*На берегах Сены*»).

В эмиграции воскресает образ русской культурной жизни, свойственный дореволюционному периоду, что и обнаруживается у Г. Иванова («*Петербургские зимы*», «*Китайские тени*», «*Воспоминания*»). Кроме того, образ *гнезда* (коннотативно соотносимый не только с родительским домом (Н. Берберова), но и с жизнью до революции) в мемуарах наполняется метафорическим смыслом и встречается в указанный период не только в мемуаристике русской эмиграции, но и в текстах «материковой» литературы.

Смысловая группа «*Отношение эмигранта к проблеме возвращения на родину*». Здесь речь идет о непростом выборе, связанном со сложным комплексом чувств автора-эмигранта, в основе которого лежит ностальгия. Метафорически это выражается в актуализации таких глубинных смыслов библейских метафор *изгнания/исхода*, как блуждание 40 лет по пустыне и достижение Земли Обетованной.

Пребывание в эмиграции, как уже было показано на примере высказывания Д. Мережковского, соотносится с блужданием в пустыне, а образ Земли Обетованной закрепляется за далекой Россией. В соответствии с библейской метафорой, достичь Земли Обетованной многим не дано. Но в этом плане благодаря авторским интенциям метафора разворачивается, создавая новый образ: достижение Земли Обетованной невозможно по причине нежелания ее достигнуть. Если мы вспомним, что ключевым понятием эмигрантского сознания является свобода, а утраченная родина (она же Земля Обетованная) мыслится территорией несвободы, то образ окрашивается в цвета высокой трагедии. Свободная личность добровольно обрекает себя на существование вдали от родины (блуждание в пустыне) без всякой надежды на возвращение (достижение Земли Обетованной) домой.

Проведенный анализ привел к следующим выводам:

- Мемуарный текст как одна из форм коммуникации автора-писателя с читателем функционирует с учетом авторских интенций, анализ которых

углубляет представление об авторском замысле. Для мемуарного дискурса русской эмиграции характерно метафорическое воплощение интенций, восходящее к одной из доминант авторского сознания первой половины XX столетия – мифологизации реальности. В эмиграции внутренне близкой стала метафоризация с использованием метафор *изгнания/исхода*, имевших давнюю традицию литературных воплощений и игравших важную роль в культуре.

- Указанные метафоры должны рассматриваться как способ воплощения в мемуарном тексте процессов осмысления трагедии эмиграции и как продолжение эсхатологических аспектов русской литературы рубежа XIX–XX веков.
- В ходе исследования благодаря определению концептуальной природы библейских метафор *изгнания/исхода*, а также выделению и изучению функционирования смысловых групп, представленных определенными лексемами, появилась возможность говорить о воплощении метафорических повествовательных моделей двух типов: с исходной понятийной сферой «*дорога/пространство*» и с базовыми компонентами в модусе «*свой-чужой*», в которой в авторском сознании мемуариста-эмигранта категории «*свой*» и «*чужой*» соотносятся с категориями *свободы/несвободы*.
- Проведенный анализ продемонстрировал, что трагедия утраты родины разделяется в авторском сознании на две части – осознание собственной вины за произошедшее (интерпретация библейского мифа об изгнании и коннотативно соотносимого с ним пратекста – мифа о грехопадении и изгнании из Рая) и освобождение от рабства/обретение духовной свободы (интерпретация библейского сюжета книги Исхода), а также выявил характерные особенности авторских интенций.

Избранный ракурс исследования позволил углубить представление о природе коммуникативного акта в мемуарах, чему способствовало выделение языковых средств выражения целевого назначения. Учитывая, что интенция обычно не выражается в тексте вербально, выделение указанных средств выражения как когнитивно-стилистических приемов автора позволило раскрыть литературные значения, порождаемые исторически сложившимся, социально определенным комплексом культуры – в данном случае, эпохи Серебряного века, а также культуры русского Зарубежья.

Применение указанной методологии может помочь в дальнейшем изучении картины мира автора-эмигранта и способствовать более точному пониманию творческого сознания художника, жившего в эпоху исторического перелома, в ситуации, символизирующей разрушение прежнего образа жизни и описывающего пережитое и переосмысленное сквозь временную перспективу и новый человеческий и творческий опыт, полученный при соприкосновении с иными формами и типами культуры.

Для эмигрантов литература была практически единственной незыблемой основой культурного и национально-исторического единства, оказавшись в тот

момент, по замечанию М. Арцыбашева, «по преимуществу литературой мемуаров и человеческих документов». Рассмотрение этих «человеческих докумен-

тов» в указанном направлении – таким, в том числе, представляется дальнейшее постижение мемуарного наследия русской эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

- Берберова Н. Курсив мой. – М.: Сoglasie, 1996. – 734 с.
Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – 2013. – 1225 с.
Бочаров С. Г. «Европейская ночь» как русская метафора: Хода-севиц, Муратов, Вейдле [Электронный ресурс] // Филологические сюжеты. – Режим доступа: <https://librolife.ru/g4290326> (дата обращения: 20.08.2018).
Вестник РХД. – 2006. – № 191.
Гаранин Л. Я. Мемуарный жанр советской литературы: Историо-теоретический очерк. – Мн.: Наука и техника, 1986.
Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Художеств. лит., 1977.
Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Glaz/01.php (дата обращения: 29.04.2018).
Громова А. В. Жанровая система творчества Б. К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Орел: Орлов. гос. ун-т, 2009.
Гуль Р. Я унес Россию. Апология русской эмиграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dk1868.ru/history/gul3_1.htm (дата обращения: 20.09.2018).
Демидова О. Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. – СПб.: Гиперион, 2003. – 296 с.
Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. Январь. Глава вторая. IV. Вопросы и ответы // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 томах. – СПб.: Наука, 1995. – Т. 14. – С. 508–513.
Жидков В. С. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – СПб.: Алетейя, 2001.
Каверзина А. В., Журавлева А. М., Чернышов М. Ю. Смысловая структура метафоры и логические принципы ее формирования // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 11. – С. 28–32.
Колядич Т. М. Воспоминания писателей, проблемы поэтики жанра. – М., 1998.
Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html/072009/demon.html> (дата обращения: 15.01.2019).
Кузнецова А. А. Идеологическое и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции (Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 126–170.
Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. – М., 1970.
Мегрелишвили Т. Нарратология русской романтической поэмы // Современные проблемы литературоведения. II. – Тбилиси: Институт грузинской литературы им. Шота Руставели, 2008. – С. 132–140.
Мегрелишвили Т. Мемуарная проза русской эмиграции (1920–1960): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. университета, 2005. – 75 с.
Мегрелишвили Т. Тоталитаризм сквозь призму остранения: мифологизация русского сознания как черта времени в эмигрантском мемуарном тексте «первой волны» // Тоталитаризм и литературный дискурс: материалы международной конференции. – Тбилиси: Институт грузинской литературы им. Шота Руставели, 2010. – С. 119–129.
Мегрелишвили Т. Мифотворчество как элемент литературного быта русского Парижа (1920–1940) // Мир русского слова и русское слово в мире. МАПРЯЛ. Общество русистов Болгарии. Материалы Всемирного XI Конгресса МАПРЯЛ. В 11-ти т. – София: Heros Press, 2007. – Т. 7. Русская литература: история и современность. – С. 309–315.
Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века):

REFERENCES

- Berberova N. Italics is mine. – M.: Soglasie, 1996. – 734 p.
Bible Scripture Books of the Old and New Testaments. – 2013. – 1225 p.
Bocharov S. G. “European Night” as a Russian metaphor: Khodasevich, Muratov, Veidle [Electronic resource] // Philological plots. – Mode of access: <https://librolife.ru/g4290326> (date of access: 20.08.2018).
Bulletin RHD. – 2006. – № 191.
Garantin L. Ya. Memoir genre of Soviet literature: Historical and theoretical essay. – Mn.: Science and technology, 1986.
Ginzburg L. Ya. About psychological prose. – L.: Imaginative Literature, 1977.
Glazunova O. I. The logic of metaphorical transformations [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Glaz/01.php (date of access: 29.04.2018).
Gromova A. V. The genre system of creativity B. K. Zaitsev: literary-critical and artistic and documentary works: thesis abstract ... Doctor of Philology. – Orel: Orel State University, 2009.
Gul R. I took Russia. Apology of Russian emigration [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.dk1868.ru/history/gul3_1.htm (date of access: 20.09.2018).
Demidova O. R. Metamorphosis in Exile: The Literary Life of the Russian Abroad. – SPb.: Giperion, 2003. – 296 p.
Dolinin K. A. Text interpretation. – M.: Prosveshenie, 1985. – 288 p.
Dostoevsky F. M. Diary of a writer. 1881. January. Chapter two. IV. Questions and answers // F. M. Dostoevsky. Collected Works: in 15 volumes. – SPb.: Nauka, 1995. – V. 14. – P. 508–513.
Zhidkov V. S. Ten centuries of the Russian mentality: a picture of the world and power / V. S. Zhidkov, K. B. Sokolov. – SPb.: Aletheia, 2001.
Kaverzina A. V., Zhuravleva A. M., Chernyshov M. Yu. The semantic structure of the metaphor and the logical principles of its formation // Bulletin of the Buryat State University. – 2013. – № 11. – P. 28–32.
Kolyadich T. M. Memories of writers, problems of poetics of the genre. – M., 1998.
Companion A. Demon theory. Literature and common sense [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.fedy-diary.ru/html/072009/demon.html> (date of access: 15.01.2019).
Kuznetsova A. A. The ideological and artistic originality of the memoir prose of the minor writers of Russian literary emigration (N. Berberova, I. Odoevtseva, V. Yanovsky): thesis abstract ... Candidate of Philology. – M., 2005.
Lakoff J., Johnson M. Metaphors we live by // Language and social interaction modeling. – M., 1987. – P. 126–170.
Likhachev D. S. The man in the literature of ancient Russia. – M., 1970.
Megrelishvili T. Narratology of the Russian romantic poem // Modern problems of literary criticism. II. – Tbilisi: Institute of Georgian Literature named after Shota Rustaveli, 2008. – P. 132–140.
Megrelishvili T. Memoir prose of Russian emigration (1920–1960): thesis abstract ... Dr. of Philology. – Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi State University, 2005. – 75 p.
Megrelishvili T. Totalitarianism through the prism of exclusion: the mythologization of the Russian consciousness as a feature of time in the émigré memoir text of the “first wave” // Totalitarianism and Literary Discourse: Proceedings of the International Conference. – Tbilisi: Institute of Georgian Literature named after Shota Rustaveli, 2010. – P. 119–129.
Megrelishvili T. Myth-making as an element of the literary life of the Russian Paris (1920–1940) // The world of the Russian word and the Russian word in the world. MAPRIAL. Russian Society of Bulgaria. Materials of the World XI Congress MAPRYAL. In 11 v. – Sofia: Heros Press, 2007. – V. 7. Russian literature: history and modernity. – P. 309–315.
Mestergazi E. G. Literature and reality (documentary beginning in Russian literature of the 20th century): thesis abstract ... Dr. of Philology. – M.: IMLI named after A.M. Gorky RAS, 2008.
Nabokov V. V. Other shores / entry article by V. Erofeev. – M., 1998.

автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2008.

Набоков В. В. Другие берега / вступ. статья В. Ерофеева. – М., 1998.

Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 464 с.

Новожилова А. М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Чёрная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2004.

Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. – 106 с.

Радзиевская Т. В. Текстовая коммуникация. Текстобразование // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 79–108.

Словарь библейских образов / под общей ред. Л. Райкена, Дж. Уиллохта, Т. Лонгмана. – СПб, 2005. – 1426 с. – («Библия для всех»).

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

Стойанова Т. Н. Книга А. М. Ремизова «Взвихренная Русь»: формирование поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: СПГУ, 2003.

Тартаковский А. Мемуары участников Отечественной войны 1812 г. – М., 1979.

Ткаченко О. С. Жанровое своеобразие прозы В. Ф. Ходасевича: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2001.

Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. – Р.; N. Y., 1987.

Трубецкой С. Е. Минувшее. – М.: ДЭМ, 1991.

Чернышов М. Ю. На пути к лингвистике XXI века: новый поворот. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008. – Ч. 2. Система артиклей английского языка. Т. 4. Анализ функций артиклей английского языка. – 239 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Шайтанов И. О. «Непроявленный жанр» или литературные заметки по мемуарной форме // Вопросы литературы. – 1979. – № 2. – С. 76.

Шайтанов И. О. Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза). – М.: Знание, 1981.

Nikolina N. A. Poetics of Russian autobiographical prose: tutorial. – М.: Flinta: Nauka, 2002. – 464 p.

Novozhilova A. M. The Petersburg Diaries of Zinaida Hippus (Blue Book, Black Notebooks, Black Book, Gray Notebook): Problems of the Poetics of the Genre: thesis abstract ... Candidate of Philology / Russian State Pedagogical University named after A. I. Gerchen. – SPb., 2004.

Pivoev V. M. Irony as a cultural phenomenon. – Petrozavodsk: Publishing House of the Petrozavodsk State University, 2000. – 106 p.

Radzievskaya T. V. Text communication. Text formation // Human factor in language: Communication, modality, deixis. – М.: Nauka, 1992. – P. 79–108.

Dictionary of Bible images / edited by L. Raikov, J. Wilhoit, T. Longman. – SPb, 2005. – 1426 p. – («Bible for all»).

Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian Culture. – 2nd edition, revised and enlarged. – М.: Academic project, 2001. – 990 p.

Stoyanova T. N. The book of A. M. Remizov “Swirling Rus”: the formation of poetics: thesis abstract ... Candidate of Philology. – SPb.: SPSU, 2003.

Tartakovsky A. Memoirs of the participants of the Patriotic War of 1812. – М., 1979.

Tkachenko O. S. Genre originality of the prose of V. F. Khodasevich: thesis abstract ... Candidate of Philology. – Tver, 2001.

Terapiano Yu. Literary life of Russian Paris for half a century. – Paris – N. Y., 1987.

Trubetskoy S. E. Past. – М.: DEM, 1991.

Chernyshov M. Yu. On the way to XXI century linguistics: a new twist. – Irkutsk: Publishing House of ISLU, 2008. – P. 2. English language article system. V. 4. Analysis of the functions of the articles of the English language. – 239 p.

Chudinov A. P. Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000): monograph. – Ekaterinburg, 2001. – 238 p.

Shaitanov I. O. “Unmanifested genre” or literary notes on the memoir form // Literature questions. – 1979. – № 2. – P. 76.

Shaitanov I. O. How it was and how it was recalled (Modern autobiographical and memoir prose). – М.: Znanie, 1981.

Данные об авторе

Мегрелишвили Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, департамент иностранных языков и литературы, Грузинский технический университет (Тбилиси, Грузия).

Адрес: 0136, Грузия, г. Тбилиси, ул. Костава, 77.

E-mail: tatamegre@gmail.com.

Author's information

Megrelishvili Tatiana Grigorievna – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Language and Literature, Georgian Technical University (Tbilisi, Georgia).

Никулина Н. А.
ORCID ID: –

Темплинг В. Я.
ORCID ID: –

Тюмень, Россия
E-mail: nadya-nika2006@yandex.ru

УДК 821.161.1-3
DOI 10.26170/FK19-01-07
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44
ГСНТИ 17.07.25
КОД ВАК 10.01.08

ИНТЕНЦИЯ СЛУЖЕНИЯ «ИСТИНЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ» В ОПЫТЕ МЫСЛИТЕЛЯ-ОДИНОЧКИ ВОЛЬДЕМАРА ШМИДТА

Аннотация. В центре исследования – творческое наследие Вольдемара Александровича Шмидта, оригинального мыслителя из сибирской глубинки. Его судьба – нередкий для времен СССР пример двойного изгнания на периферию социального пространства: сын врага революции, расстрелянного большевиками летом 1921 г., он пережил голод, коллективизацию, репрессии, Великую Отечественную войну с депортацией в Сибирь, принудительные работы в трудармии и долгие годы в местах вынужденного поселения, стал свидетелем распада СССР и смены идеологий, скончался в 2011 году в г. Ишиме Тюменской области. Особенное в его истории – архив эго-документов, содержащих сочинения с особой интенцией служения истине, которая превратила атеиста в верующего, строителя алюминиевого завода в писателя, мыслителя и даже поэта, явившись ему во сне. При этом В. Шмидт, не сомневаясь в справедливости советской формы социального устройства, считал ошибкой отказ людей от идеи божественного мироустройства. В исследовании предлагается результат осмысления факторов, оказавших влияние на личность человека, одержимого продвижением идеи спасения общества, через анализ социальной и культурной среды, механизмов выживания в условиях несвободы.

Ключевые слова: писательские стратегии; литературное творчество; эго-документы.

Nikulina N. A.
Templing V. Ya.
Tyumen, Russia

INTENTION TO SERVE “THE SACROSANCT TRUTH” IN THE EXPERIENCE OF THE THINKER LONE WOLDEMAR SCHMIDT

Abstract. The study focuses on the creative heritage of Woldemar Schmidt, an extraordinary thinker from Siberian province. He experienced a ‘double exile’ to the social periphery, a life-path not untypical for Soviet citizens: his father, being an enemy of the revolution, was executed by firing squad of the Bolsheviks in summer 1921, therefore, living in the back of beyond and isolation was in store for Woldemar. He managed to survive hunger and years of repression, lived through collectivization program, the World War Two, deportation to Siberia, forced labor in NKVD labor columns and years of living in a settlement of internally displaced persons. Woldemar witnessed the collapse of USSR and the change in political ideologies, and he passed away in 2011 in Ishim (Tyumen region). The main feature of his personal history, setting him apart from other Soviet citizens who got the same fate, is the archive of ego-documents. These ego-documents are notable for containing the particular intention to serve truth, which converted an atheist into a believer in God, an aluminum factory worker into a writer, a thinker and even a poet. And it is important to mention that, although Woldemar Schmidt advocated socialism as the most equitable form of social organization, a common renunciation of faith in God seemed to him as a grave mistake. The study defines the main factors have influenced a person, who devoted his life to the idea of salvation of society, through the analysis of social and cultural conditions, survival mechanisms in the terms of isolation and lack of freedom, and the writer's strategies and intentions.

Keywords: writer strategies; literary creativity; ego-documents.

Для цитирования: Никулина, Н. А. Интенция служения «истине чрезвычайной» в опыте мыслителя-одиночки Вольдемара Шмидта / Н. А. Никулина, В. Я. Темплинг // Филологический класс. – 2019. – № 1. – С. 51–57. DOI 10.26170/fk19-01-07.

For citation: Nikulina, N. A. Intention to Serve “The Sacrosanct Truth” in the Experience of the Thinker Lone Woldemar Schmidt / N. A. Nikulina, V. Ya. Templing // Philological Class. – 2019. – № 1. – P. 51–57. DOI 10.26170/fk19-01-07.

С позиции истории и этнографии практика удаления из общества элементов, чье пребывание в коллективе угрожает его стабильности, так же стара, как и само общество. Но если на ранних этапах общественного развития изгнание из группы означало гибель неслышного, то в цивилизованном мире у такого человека появились другие варианты развития сюжета, позволяющие ему выживать в условиях чуждого мира. На физическом уровне – арест, переселение или ссыл-

ка с возможностью оказаться в социуме себе подобных, эмиграция, а вот метафизические варианты преодоления изгнания вошли в повседневную практику и сохранили актуальность в настоящее время.

В новые времена для человека, попавшего в ситуацию прерывания привычного порядка жизни, утраты прежних социальных и семейных связей, наиболее значимой стала проблема – как остаться самим собой, сохранить свою сущность, т. е. выжить. И в этом смыс-

ле нельзя переоценить значение эго-документов, которые иллюстрируют различные варианты преодоления изгнанничества словом, делом, образом жизни. Так, для одних людей выходом была вера в бога, для других – труд, для третьих – вера в идеалы партии, для четвертых – искусство, в котором находили отражение воспоминания о нормальной человеческой жизни, где было место и любви, и шутке, и эротике [Орлов 2010: 84–85]. В этом направлении всякий индивидуальный опыт выживания обретал и обретает черты типичности, обрастает контекстом и атрибутируется в ряду продуктивных вариантов преодоления прессинга обстоятельств в поисках свободы, желанной формы существования и смысла.

В центре нашего внимания история Вольдемара Александровича Шмидта – мыслителя, немного писателя, поэта и даже композитора, волею судеб попавшего в молодом возрасте в сибирскую провинцию и закончившего земной путь в 2011 году в г. Ишиме. После себя В. А. Шмидт оставил обширный архив, доступная часть которого насчитывает почти сто дел и состоит из автобиографий, переписки, поэтических произведений и религиозно-философских сочинений¹. Часть этого архива была опубликована в 2015 году [Шмидт 2015] в комментированном издании с попыткой реконструкции биографии.

Родился В. А. Шмидт в апреле 1918 г. на Волге, в семье потомков немецких колонистов, уже основательно интегрированных в русское общество, но это обстоятельство не спасло семью от принудительного выселения в Сибирь в 1941 г. Но первое событие, связанное с ситуацией изгнания, относится к 1921 г. и связано с отцом, который хоть и происходил из крестьян, но принадлежал к достаточно обеспеченному слою специалистов, поскольку получил образование в объеме программы реального училища. После службы по контракту в российской армии отец семейства несколько лет трудился в конторе лесопереработчиков на Волге. Летом 1921 г., по приговору Саратовского губернского суда, его расстреляли как главу местного сельского самоуправления, принудительно сформированного властью белых. В силу обстоятельств он оказался вовлеченным во всеобщий конфликт противоборствующих сил, за что поплатился жизнью. Негативные последствия этого события были отчасти компенсированы новой семьей (мать вышла замуж во второй раз), имевшей статус бедняцкой, что позволило Вольдемару получить в сельсовете соответствующую справку, окончить школу, рабфак, некоторое время быть комсомольцем, поступить в медицинский институт. Насколько факт расстрела отца повлиял на судьбу сына, в полной мере судить сложно, но мотив утраты отца войдет во многие его сочинения. Сын расстрелянного врага революции, опираясь на воспоминания домочадцев, будет считать своего отца неким эталоном нравственности. В одной из биографий, созданной в необычном жанре автоинтервью, Шмидт пишет, что «превращает этико-педаго-

гический образ жизни своего отца себе во спасительный», познает сущность мира «на основе образа жизни и действий своих старших, более него нравственных родственников, и отца в первую очередь» [Шмидт 2015, 1: 225]. Но при этом он не доказывает кому-либо его невиновность, объясняя события прошлого рационально: пишет о вине белых, принудивших отца возглавить сельскую пятерку, обвиняет саратовских милиционеров в поспешности исполнения решений суда и т. д. В момент утраты отца Вольдемару было всего три года, но это событие станет частью истории об «истине чрезвычайной», источником переживаний. О типичности такой реакции на утрату пишет А. Эткинд, называя ее «мимическим горем», переживанием, характерным для детей жертв, которые проживают свою жизнь даже после реабилитации предков как потенциальные изгои [Эткинд 2016: 18–19].

В истории В. Шмидта появляются дополнительные обстоятельства, напоминающие ему о ситуации чужака: тяжелые материальные условия вынудили Вольдемара прекратить обучение в институте. Он вернулся на родину, в места, где историю его отца и семьи знали и, как оказалось, помнили. Работал учителем химии и биологии в школе села Диттель, затем директором школы соседнего села Ней-Денгоф, где ему и припомнили прошлое. Об обстоятельствах «припоминания» В. Шмидт сообщит кратко в одной из своих автобиографий: его обвинили в том, что он втесался в ряды комсомола, утаив факт службы отца у белогвардейцев [Шмидт 2015, 1: 230–231]. На этом его пребывание в рядах комсомола прекратилось, что в те времена являлось официальным подтверждением обособленности человека в пространстве активного строительства нового общества.

Осенью 1941 г. состоялся второй акт изгнания, который теперь был сопряжен не только с социально-правовыми ограничениями по этническому признаку, но и сопровождался ссылкой, прерыванием привычных связей, трудовой мобилизацией, переместившей людей, огульно обвиненных в пособничестве врагам, в разряд париев даже в заключении. Исторически предопределенное этническое и культурное родство с нацией страны-агрессора, имплицитно акцентированное официальным дискурсом и медийным пространством того времени, манифестировалось в обыденном сознании как безусловное родство с врагом. Непонимание своей вины и обида, неоправдавшиеся надежды на скорое возвращение к прежней жизни – устойчивые мотивы в нарративе депортированных немцев, которые дополнялись тяготами подневольного труда за колючей проволокой.

Прибыв на место выселения (с. Новотравное Ишимского района) в конце сентября 1941 г., Вольдемар Шмидт недолгое время работал учителем химии, биологии и немецкого языка в местной школе, а в январе 1942 г. был мобилизован в трудовую армию и трудился на печально знаменитом строительстве Богословского алюминиевого завода. В конце 1946 г. был комиссован по состоянию здоровья инвалидом 2 группы. Однако весь этот период пребывания в трудармии и работы в школе не нашел отражения в его воспоминаниях, не стал предметом рефлексии, источником творче-

¹ Архив хранится в семье О. В. Рейн, дочери В. А. Шмидта. Часть документов в настоящее время проходит процедуру передачи на государственное хранение, поэтому указать архивные шифры не представляется возможным.

ства, как это было с некоторыми его пишущими ровесниками.

Но именно с 1946 г. начинается новый этап в истории Вольдемара Шмидта. Условным началом этого этапа становится сон. К сожалению, о содержании сна в своих записках автор говорит очень мало. Сон для Вольдемара Александровича стал поворотным пунктом, разделившим его жизнь на две части. Автор записок постоянно акцентирует внимание на последствиях этого сна, точнее говоря, на одном, но фундаментальном выводе, который привел к перевороту в его мировоззрении. Во сне он приобрел «личное знание» о существовании потустороннего мира и о вмешательстве сил этого мира в «психическую жизнь» человека. Это знание он назвал «чрезвычайной истиной». К последствиям сна относится и установление непосредственного «слухоречевого» контакта визионера с силами потустороннего мира, который длился несколько десятилетий. Вхождение в «контакт» не было быстрым, добровольным и безболезненным. Прошло несколько нелегких лет, прежде чем Шмидт, по его словам, «признал себя пораженным», «сдался» и из атеиста с «сугубо земным мировоззрением» превратился в человека «верующего в Бога Всевышнего по-христиански». Годы эти были нелегкими во всех смыслах и отношениях. Сон приснился в 1945 году. В это время Вольдемар Александрович находился еще в трудармии, а результаты сотрудничества и напряженной внутренней работы появляются только во второй половине 1950-х гг. Самые же первые духовные опыты, скудные сведения о которых встречаются в воспоминаниях, были изъяты еще там, в лагере. Дома же нужно было заниматься обустройством быта, кормить семью, непрестанно прирастившую новыми членами.

Ошеломляющие впечатления от сновидения и последующих контактов привели к тому, что бывший атеист, получивший непосредственный опыт и знание о существовании потустороннего мира, становится убежденным верующим человеком. С тех пор Шмидт, как человек познавший истину, считал необходимым свидетельствовать об этом и добиваться от властей и научной общественности признания факта невозможности существования такого явления, как «научный атеизм». Против самого атеизма он не выступает, считая его точно таким же убеждением или верой, которые имеют право на существование.

Убеждение в ненаучности «научного атеизма» побуждает визионера открыто и публично заявлять об этом, обращаться в различные инстанции. Красноречивы адресаты его эпистолий: Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС, редакции газет «Правда», «Известия», «Neues Leben», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Аргументы и факты», «Ишимская правда», Президиум АН СССР, Академия медицинских наук. Есть письма, адресованные лично главам государств – Н. С. Хрущеву, Л. И. Брежневу и даже президенту США Дж. Картеру. На протяжении тридцати лет Шмидт пытался добиться от власти публичного признания неправомерности существования и пропаганды «научного атеизма».

Ни беседы с представителями «известных» компетентных органов, ни прессинг через прокуратуру, ни

встречи с медицинскими работниками не смогли повлиять на позицию В. А. Шмидта. Это удивительно, но механизм подавления и преследования противников государственной идеологии в отношении Шмидта не сработал. Он подвергался давлению, но сумел избежать преследований, всю жизнь проработал на должностях среднего руководящего состава – плановик-экономист, заместитель начальника планово-производственной части – и закончил трудовую деятельность в 1986 г. В должности старшего экономиста режимного учреждения. Не подвергался он и публичной травле, как это было, например, с руководителями нелегальных общин лютеран и меннонитов в Тюменской области в 60–70-е годы XX столетия [Эйхельберг 1999: 64–70]. Не привлекался к общественным судам – столь излюбленному в советское время методу воздействия на инакомыслящих. Причины такого мягкого отношения заключались, по-видимому, в том, что В. А. Шмидт не был противником коммунизма и советского государства, искренне полагал, что это идеальная в своем совершенстве форма социального устройства.

Под углом филологических интертекстуальных фантазий эта история могла бы стать своеобразным ремиксом на тему Достоевского [Темплинг, Никулина 2015: 11]. Но «смешной человек» советской формации видит чудесной сон не из ситуации подполья: его внутренний кризис обусловлен обстоятельствами, которые коренятся в ситуации изгнанничества, внешней и внутренней обособленности от общества, до которого автор рукописного архива пытается достучаться на протяжении всей жизни. Вместе с тем чудесный сон стал следствием множества причин, среди которых и психологический надрыв, и интеллектуальный склад человека, позволяющий ему сделать писательство формой выживания.

Вольдемар Шмидт не «человек подполья», он готов быть полезным обществу, не думает о собственной исключительности; живет с опорой на разумное, способен к рефлексии, но в этой рефлексии не сосредоточен на личном «я», а стремится объяснить окружающую жизнь, законы мироустройства. В одной из своих автобиографий он пишет, что стал атеистом в пятнадцать лет не потому, что его учителя были безбожниками, а потому, что обретенные знания из таких наук, как физика, химия и история «вышли победителями в конфликте с его религиозными воззрениями» [Шмидт 2015, 1: 95]. Соответственно, до пятнадцатилетнего возраста Вольдемар Шмидт воспитывался в среде, где важную роль играли религиозные ценности, поэтому и возвращение к ним впоследствии не противоречит сюжету духовного развития человека. При этом следует заметить, что, хотя атеистическое воспитание со стороны государства в 20–30-е гг. XX века осуществлялось системно и повсеместно, в особых случаях социальной изоляции (национальные меньшинства, эмигранты, ссыльные, глухая провинция и т. д.) воспитательный прессинг со стороны богоборческой идеологии был менее эффективным [Записка Отдела пропаганды и агитации... 1979; КПСС в резолюциях... 1971: 502–505].

Обратный переход произошел через восемь лет: «И был я убежденным атеистом до тех пор, пока не получил знания иного качества. Эти знания пришли

в конфликт с моим сугубо атеистическим мировоззрением, и вся стройная система аргументов в его пользу рухнула» [Шмидт 2015, 1: 99]. Таким образом, мы можем говорить о том, что чудесный сон был последовательно подготовлен образом мысли и образом жизни В. А. Шмидта, и не может быть назван случайным, внезапным и в некоторой степени даже чудесным, в той мере, как это представлено у Достоевского. Хотя параллель с героем классика уместна, и тому есть подтверждения. В частности, воспоминания Шмидта о том, как бывшие коллеги за глаза называют его «христосиком» и предлагают распять за излишне добросовестный труд.

На текущем уровне жизни В. А. Шмидт не рефлексировал ни по поводу своей социальной обделенности, ни по поводу несправедливых фактов биографии, ни в отношении возможных последствий своего служения. Он даже уверен в том, что его писательство не повлечет за собой наказание: «Нет, я никогда не был ни антисоветчиком, ни антикоммунистом. Наоборот, я считал и считаю коммунистическое мироустройство любого масштаба высоконравственным, а советскую власть по идее разумной формой государственного управления» [Шмидт 2015, 1: 71].

При этом Шмидт с редким спокойствием относится к возможности быть наказанным, отвергнутым, поскольку именно изгнание открывает перед ним возможность обретения истинного дома. Быть изгнанным – это неизбежность и это возможность приблизиться к дому настоящему. На уровне метафизическом он делает осознанный выбор, который неоднократно проговаривает. Именно осознанность выбора отличает его от многих людей в подобной ситуации. Для него это выбор нравственного порядка – между добром и злом, плюсом и минусом, с вечностью и истиной или без них. Он делает выбор, который в наибольшей степени соответствует его воспитанию и образу жизни. Знание и нравственность – два важных фактора, определившие сюжет В. В. Шмидта. Этот момент он подробно прописывает, пытаясь уберечь своих читателей от ложного выбора.

На первый взгляд, нет ничего удивительного в том, что человек спасается словом. Но слишком велика рефлексия в выборе нужного слова. Называние – это особое дело, которое входит в число основных. Так, несколько страниц рукописи посвящает обоснованию ключевых категорий своей миссии (на страницах 22–23 пишет о том, как сформировалось понятие «законодательство любви», на странице 64 комментирует историю появления значимого для него выражения «истина чрезвычайная»), сам переводит Фауста и Лютера, комментируя выбор слов. Примечательно, что порой история формирования понятия высвечивается как история поиска ответов на заветные вопросы. Слово – это инструмент. И ясность этой позиции – сквозной мотив всех его рукописей: «Но я еще примерно в июле 1946 года утвердился на точке зрения, что коль скоро словарный фонд языка отображает явления реальной действительности, то средствами лексики возможно познание сложных истин» [Шмидт 2015, 1: 70]. Этот аргумент снимает реплики о графоманстве Шмидта. Поскольку это явление иного ряда,

без претензий на литературную славу, в ситуации служения словом.

Знакомство с законами логики по учебным пособиям советской школы добавило В. А. Шмидту убежденности в том, что всякая идея должна быть доказательна и даже научна, а наука предполагает наличие метода. В. А. Шмидт осознанно творит и собственный стиль, и собственную методологию – «методику рассудительного познания словом», представленную в «словокартинах», которые складываются в результате осмысления сновидений, литературы, нравственных законов. В некотором смысле склонность к поиску научных оснований явившейся во сне идеи обусловлена кругом чтения В. Шмидта, на формирование которого оказали влияние и культурные корни (немецкая классика), и советское образование (философия, логика). А знакомство с трудами Лютера указывает на скрытую религиозность в семье ссыльных немцев, которые в условиях атеистического государства не афишировали свои идеалы, но в обыденной практике придерживались необходимых правил и традиций [Руденко 1993].

Главным сочинением В. А. Шмидта становится труд «Законодательство любви», «своеобразный программный документ, в свернутом виде содержащий основные принципы, руководствуясь которыми, как полагал автор, человечество в целом и каждый человек в отдельности смогли бы если и не построить идеальное общество на земле, то организовать жизнь таким образом, чтобы быть достойным перехода в иное бытие» [Барыкин 2015: 183]. Во-первых, труд носит итоговый характер, где обобщаются все основные положения и идеи в наиболее завершенной форме, во-вторых, пишется на протяжении долгого периода времени (более сорока лет), предварительно бытует в двух черновиках, в поэтических текстах и собственно в перечне основных законов, в-третьих, именно этот вариант письменного воплощения его дум и чаяний обретает формат «закона», «законодательства», и был самым автором презентован как некий результат мысли и жизни. В. А. Шмидт дает своему проекту следующее развернутое определение: «Законодательство любви – это в целом и в его деталях логико-лингвистическое отображение по природе вещей законов общечеловеческой жизни земной объективной реальности». За этим весьма замысловатым определением скрывается опыт открытия потустороннего мира и уверенность в личной миссии – убеждать мир в необходимости законов любви: «Люди! Спасайте свои души, поступая соответственно законодательству любви» – этими словами завершается первая часть рукописи, озаглавленной как «Законодательство любви» (окончательный вариант рукописи датирован августом 2005 г.). Соответственно, и главная установка на писательство обусловлена идеей служения и даже спасения общества. Кроме того, Шмидту важно донести «истину чрезвычайную» в наиболее адекватной для восприятия форме. Поэтому своеобразными продолжениями главной работы становятся лирические комментарии, методологические труды и письма.

Лирический комментарий к «Законодательству любви» (к каждому закону – стихотворение) – это отнюдь не претензия на славу поэта, поскольку автор считает поэзию не только самой убедительной формой

воплощения идей, но и в большей степени причастной к потустороннему миру. Неоднократно В. А. Шмидт в своих трудах признается в том, что поэтические строки возникали в его голове раньше идей, являясь толчком для размышления. Вместе с тем мы можем говорить об иллюстративном характере текстов, составивших поэтический комментарий к «Законодательству». Сомнительная литературная ценность стихотворений компенсируется контекстом их интерпретации: в них отражается жизнь, живой опыт людей, порой очень обычный и даже банальный, за которым подтверждение правоты каждого из положений. Возможно, именно так Шмидт пытается перевести на доступный читателю язык умозаключения, в важности которых может усомниться человек, воспитанный в атеизме, далекий от философствований о высоком.

Сообщая миру об открывшейся истине, В. А. Шмидт много и страстно рассказывает о собственной жизни и о жизни своей семьи. Писать о себе для мира – редкая установка для человека, свободного от жажды славы, от иллюзий личного величества. Именно с такой установкой пишет В. А. Шмидт сочинения, номинированные как автобиографии. В архиве семьи хранится несколько автобиографий. Примечательно, что одна из них написана от третьего лица, что придает ей особую завершенность, т. е. художественность.

Для понимания необычной жизни этого человека статьи и письма важны не меньше, чем трактаты или стихи. Примечательно, что письма он писал в течение всей жизни, адресуя их первым лицам государства, академикам, писателям, авторам газетных публикаций и издателям, бережно храня квитанции об отправке этих корреспонденций. Такая аккуратность и даже педантизм В. А. Шмидта в отношении писем и вообще всякого документа, что хранился в его личном архиве, – это не прихоть одиночки-мыслителя, не специфическая черта, отсылающая к национальным корням, а необходимость: он делал это будто бы для отчета перед тем, кто однажды спросит с него за всю жизнь и за главное его дело – помогать людям распознавать законы любви и строить добродетельную жизнь на земле.

Примерно в 1987 г. с В. А. Шмидта снимается обязанность служения чрезвычайной истине, но он продолжает работу над некоторыми рукописями, редактируя их. С чем связан отход от дел? Или с возвращением свободы вероисповедания (мы все помним масштабные мероприятия, связанные с 1000-летием Крещения Руси)? Или со сроком земной жизни... В конце жизни Вольдемар Александрович Шмидт продолжает писать по собственной воле и становится прихожанином Новоапостольской церкви в г. Ишиме. Некоторые поэтические произведения публикуются в лютеранском издании «Der Bote/Вестник».

Рукописный архив Вольдемара Шмидта – это опыт выхода из ситуации изгнанничества через творчество и одновременно служение. Вместе с тем в процессе актуализации и популяризации такие тексты требуют научной контекстуальной дефиниции. Синтетический характер работ Шмидта усложняет решение этой задачи. На первый взгляд, присущий им автобиографизм позволяет ограничиться наименованием «эго-документ», современная расплывчатость которого

не является препятствием для его многовариантного использования. Как известно, термин «эго-документ» впервые был введен в научный оборот профессором Амстердамского университета Жаком Прессером (Jacques Presser) в 1950-х гг. для объединения в одну группу документально-художественных произведений различных жанровых форм (автобиографии, мемуары, личные дневники и письма), изучением которых он занимался. Спустя тридцать лет термин начинают широко использовать во Франции, в Германии, Великобритании, Польше, России и др. странах. При этом уточнить понятие пытается каждый из исследователей, включающий его в свой инструментарий [Кравцов 2015: 5–19]. Однако чаще всего это понятие акцентирует исследовательское внимание на границе достоверности и вымысла, личного и общего, что в нашем случае характеризует рукописное наследие В. Шмидта сугубо в русле реконструкции биографического сюжета и не инструментально в отношении работ, презентующих «истину чрезвычайную».

Сформировать контекст изучения текстов, подобных сочинениям В. Шмидта, позволяют понятия, обусловленные определением «наивный» в отношении к литературе, творчеству, письму, дискурсу и т. д. Актуальность понятия не вызывает сомнений, поскольку объединяет явления многочисленные и малоизученные. По лаконичному определению С. Ю. Неклюдова, «наивная литература» – это «прозаические и поэтические опусы неумелых людей, подражающих образцам „высокой“ словесности» [Неклюдов 2001: 3]. Такая формулировка не покрывает специфичность сочинений В. Шмидта, но уточнения и примеры исследователей значительно расширяют семантику *наивного* в отношении к образцам нелитературного типа. Речь идет о текстах, созданных непрофессионалами, которые чаще всего и не претендуют на славу великих литераторов, считая свой опыт уникальным по содержанию. Кроме того, одним из значимых признаков «наивной литературы», по мнению С. Ю. Неклюдова, является «специфическая социально ориентированная позиция наивного писателя: эта позиция располагается не в производительной, но в моральной сфере. Он представляет себя в качестве посредника (иногда – медиума в прямом смысле слова) между той социальной группой, чье сознание и опыт он верифицирует, и адресатом (потомки, молодежь, вся мировая общественность и пр.), отношения к которому имеют для автора обязывающий характер» [Неклюдов 2001: 6]. По сути, под определение «наивного творчества» попадают многочисленные тексты, имеющие религиозную, миссионерскую направленность, в том числе и сочинения Шмидта, но полезность возможного контекста размывается под углом оговорок, отсылающих к специфичности письма конкретного пишущего человека. Так, например, основным критерием наивного письма, по мнению исследователей, является несовпадение с литературной нормой [Лурье 2001: 8], но такое несовпадение в случае высокого уровня речевой рефлексии непрофессионального автора может отсутствовать. Более того, В. Шмидт, одержимый идеей доказательства «истины чрезвычайной», не интересовался литературой, был далек от идеи называться писателем или поэтом.

Примечательно, что большинство исследователей, занимающихся анализом частных практик письма, стремятся к описанию специфики текстов и к поиску оригинальных терминов, подчеркивающих эту специфичность. Так, например, М. Ю. Немцев полагает возможным считать рукописное наследие В. Шмидта «образцом «предфилософского» творчества» [Немцев 2016: 67], акцентируя внимание не на различиях между литературой и предлитературой (недолитературой), а различными уровнями философского дискурса.

Определяя причастность конкретного опыта письма к какой-либо традиции, мы не можем довольствоваться самим фактом подбора нужных понятий, процессы типологизации и классификации должны иметь результат, позволяющий выйти к осмыслению глубинных свойств анализируемого текста, работать на цель исследования. А в нашем случае выбор продуктивного контекста может быть обусловлен именно интенцией служения истине через писательство. Но даже такой контекст, напоминая об опытах философского письма в стиле книг Д. Андреева, Л. Гумилёва, Е. Блаватской и др., не кажется исчерпывающим, поскольку писательство В. Шмидта находится не только за пределами литературы, но и философии.

В центре нашей истории – изгнание, а также два главных, сопутствующих ему события – сон и писательство, письмо как форма выживания в ситуации несвободы. И здесь важно напомнить, что изгнание стало толчком к превращению, которое обусловлено не столько специфическими качествами самой личности, сколько процессами внешнего порядка. О характере преобразований, происходящих в советской России, сказано и написано много интересного, напрямую не связанного с ситуацией превращения человека из атеиста в верующего, но мы понимаем, что порой процессы, лишённые внешней религиозности, способны сформировать оптимальные условия для служения, в том числе и служения духовного порядка. Октябрьская революция, как справедливо утверждали совет-

ские идеологи, открыла новую эру, была феноменом неизвестным в прошлом. Все признают, что впервые была совершена революция, ставившая целью не только захват власти, но и создание идеального общества. По сути, как пишет М. Геллер, «на протяжении веков мечта о Новом человеке была связана с Богом – принятие Бога, Божья Благодать делала человека Новорожденным, Совершенным. В девятнадцатом веке мечта трансформируется. Сохраняется желание стать Новым, Совершенным, но воплощая уже не Божий замысел, а Научный Проект» [Геллер 1994: 14]. Именно такой синтез религии и науки составил основу инструментария Вольдемара Шмидта, который оказался нарочито чувствительным к требованиям времени и к архетипичному ядру внешних обстоятельств. Возможно, поэтому писательство В. Шмидта продолжает традицию средневековых видений, с выходом за пределы литературы, с визионерами, контакт с которыми стал началом не устной проповеди, не безумия, а именно письма [Пигин 1997; Ярхо 1989]. Кроме того, идеологи нового государства активно культивировали писательство в среде обычных людей, далеких от профессиональной литературы. Такие примеры продвижения идеи писательства подробно описывает Й. Хелльбек, его интересуют документы, созданные обычными людьми, которых сама система пыталась сделать не только свидетелями грандиозных событий, но и писателями [Хелльбек 2017]. Другое дело, что вдали от громких событий, крупных строк и героев, у человека, живущего в сибирской провинции, материалом для письма становится или он сам, или чудесные видения. В условиях глухой советской провинции Вольдемар Шмидт мог бы стать алкоголиком или социопатом, просто приспособиться к условиям изгнания (обычная история для многих людей с похожей судьбой) и даже размышлять о переезде из зоны дискомфорта (близкие родственники семьи проживают в Германии и с ними ведется активная переписка), но он становится на путь сопротивления – становится человеком, верующим в Бога по-христиански.

ЛИТЕРАТУРА

- Барыкин А. В. Рецензия на книгу: Шмидт В. А. В свете личного знания чрезвычайной истины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 3 (30). – С. 182–185.
- Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: МИК, 1994.
- Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1971. – Т. 6. – С. 516–517.
- Кравцов А. Н. Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж, 1949–1974): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015.
- Лурье М. Л. О феномене наивного сочинительства [Электронный ресурс] // «Наивная литература»: Исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. – М., 2001. – Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm.
- Неклюдов С. Ю. Вступительная статья [Электронный ресурс] // «Наивная литература»: Исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. – М., 2001. – Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm.

REFERENCES

- Barykin A. V. Book Review: Schmidt V. A. In the Light of Personal Knowledge of Extreme Truth // Bulletin of archeology, anthropology and ethnography. – 2015. – № 3 (30). – P. 182–185.
- Geller M. Machine and screws. The history of the formation of the Soviet man. – M.: MIK, 1994.
- Note of the Propaganda and Agitation Department of the Central Committee of the CPSU in the Union Republics “On the shortcomings of scientific and atheistic propaganda” // CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. – M., 1971. – V. 6. – P. 516–517.
- Kravtsov A. N. Ego-documents of Russian emigration of the twentieth century: on the material of publications of the magazine “Renaissance” (Paris, 1949–1974): dis. ... Candidate of Philology. – M., 2015.
- Lurie M. L. About the phenomenon of naive writing [Electronic resource] // “Naive literature”: Studies and texts / compiled by S. Yu. Nekludov. – M., 2001. – Mode of access: www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm.
- Nekludov S. Yu. Introductory article [Electronic resource] // “Naive literature”: Studies and texts / compiled by S. Yu. Nekludov. – M., 2001. – Mode of access: www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm.

Немцев М. Ю. Антропологический смысл философской социализации. Статья вторая // *Идея и идеалы*. – 2016. – № 3 (29), т. 1. – С. 63–68.

Никулина Н. А., Темплинг В. Я. Писательство как служение «истине чрезвычайной»: (опыт конструирования творческой биографии писателя из Сибири) // *Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII / ред.-сост. М. С. Неклюдова, Е. П. Шумилова*. – М.: РГГУ, 2017. – С. 281–295.

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М.: Изд. дом Гос. ун-та. Высшая школа экономики, 2010. – С. 84–85.

Пигин А. В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв. // *ТОДРЛ*. – СПб., 1997. – Т. 50. – С. 551–557.

Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения // *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. – М., 1971. – Т. 6. – С. 502–505.

Руденко А. А. Евангельские христиане-баптисты и перестройка в СССР // *На пути к свободе совести*. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 350.

Темплинг В. Я., Никулина Н. А. Дон Кихот от религии Вальдемар Шмидт и его «личное знание чрезвычайной истины» // Шмидт В. А. В свете личного знания чрезвычайной истины: в двух книгах. – Тюмень, 2015. – Кн. I: *Идея. Метод. Жизнь в идее. Делание*. – С. 6–18.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / авторизов. пер. с англ. С. Чичко; науч. ред. А. Щербинок. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 424 с.

Шмидт В. А. В свете личного знания чрезвычайной истины: в двух книгах / Институт проблем освоения Севера СО РАН; сост., вступ. слово и коммент. В. Я. Темплинг и Н. А. Никулина. – Тюмень, 2015.

Эйхельберг Е. А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. – Тюмень: Вектор Бук, 1999.

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 328 с.

Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» // *Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – Вып. четвертый.

Nemtsev M. Yu. Anthropological meaning of philosophical socialization. Second Article // *Idea and Ideals*. – 2016. – № 3 (29), v. 1. – P. 63–68.

Nikulina N. A., Templing V. Ya. Writing as a service to “extraordinary truth”: (the experience of designing a creative biography of a writer from Siberia) // *Semiotics of behavior and literary strategies: Lotman readings – XXII / ed. and compiled by M. S. Neklyudova, E. P. Shumilova*. – M.: RSHU, 2017. – P. 281–295.

Orlov I. B. Soviet everyday life: the historical and sociological aspects of formation. – M.: Publishing House of the State University. High School of Economics, 2010. – P. 84–85.

Pigin A. V. Visions of the Otherworld in the Manuscript Tradition of the XVIII–XX centuries // *TODRL*. – SPb., 1997. – V. 50. – P. 551–557.

Resolution of the Central Committee of the CPSU of July 7, 1954 “On major shortcomings in scientific and atheistic propaganda and measures to improve it” // *CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*. – M., 1971. – V. 6. – P. 502–505.

Rudenko A. A. Evangelical Christians-Baptists and Perestroika in the USSR // *On the way to freedom of conscience*. – M., 1993. – Issue 2. – P. 350.

Templing V. Ya., Nikulina N. A. Don Quixote from the religion of Waldemar Schmidt and his “personal knowledge of extreme truth” // Shmidt V. A. In the light of personal knowledge of extreme truth: in two books. – Tyumen, 2015. – Book I: *Idea. Method. Life in the idea. Doing*. – P. 6–18.

Hellbeck Y. The revolution from the first person: the diaries of the Stalin era / authorized translation from English by S. Chichko; scientific edition by A. Shcherbinok. – M.: New Literary Review, 2017. – 424 p.

Shmidt V. A. In the light of personal knowledge of extreme truth: in two books / Institute of the Problems of Northern Development of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; compilation, foreword and commentary by V. Ya. Templing, N. A. Nikulina. – Tyumen, 2015.

Eyhelberg E. A. Germans in the Tyumen region: history and current situation. – Tyumen: Vector Buk, 1999.

Etkind A. *Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied*. – Stanford, California: Stanford University, 2013.

Yarkho B. I. From the book “Medieval Latin Visions” // *East – West. Research. Translations. Publications*. – M.: Nauka, Main edition of Oriental literature, 1989. – Issue 4.

Данные об авторах

Никулина Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурных коммуникаций, Тюменский индустриальный университет (Тюмень).

Адрес: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.
E-mail: nadya-nika2006@yandex.ru.

Темплинг Владимир Яковлевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора социальной антропологии, Тюменский научный центр СО РАН (Тюмень).

Адрес: 625026, Россия, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86.
E-mail: tmpl@mail.ru.

Author's information

Nikulina Nadezhda Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Intercultural Communications, Tyumen Industrial University (Tyumen).

Templing Vladimir Iakovlevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Social Anthropology, Tyumen Research Center SB RAS (Tyumen).

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Бабенко Л. Г.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: –

УДК 811.161.1'37:811.581'37
DOI 10.26170/FK19-01-08
ББК Ш141.12-31+Ш171.1-31
ГСНТИ 16.21.29
КОД ВАК 10.02.19

Цуй Янь
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: –
E-mail: lgbabenko@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ДОБРОТА: ОБЩЕЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к выявлению специфики национальных картин мира. Предмет данной статьи – лексико-семантическое поле ДОБРОТА в русском и китайском языках. Цель исследования – выявление общего и специфического в формировании структуры этого поля и состава его лексических репрезентаций. В статье приводятся результаты структурно-семантического исследования поля ДОБРОТА в лексико-семантическом пространстве русского и китайского языков. При решении конкретных задач исследования использован комплекс лингвистических методов: статистическое описание, компонентный анализ лексического значения слов данного множества, их дефиниционный и сопоставительный анализ. В статье выявлены и приведены общие и национально-специфические компоненты, присутствующие в семантических комплексах лексико-семантических групп этого поля в двух сопоставляемых языках. Это позволило обнаружить особенности семантизации смысла ДОБРОТА в лексике двух языков и обнаружить как общие, так и различные этнокультурные представления о его репрезентации. Результаты исследования могут быть применены в лингвокультурологических и когнитивных исследованиях, направленных на изучение языковой концептуализации и категоризации эмоций в национальных картинах мира, а также в практике составления двуязычного идеографического словаря.

Ключевые слова: доброта; лексико-семантические поля; компонентный анализ; типология сем; лексико-семантические группы; лексическая семантика; русский язык; китайский язык; сопоставительное языкознание.

Babenko L. G.
Cui Yan
Ekaterinburg, Russia

LEXICAL-SEMANTIC FIELD OF GOODNESS: COMMON AND NATIONAL-SPECIFIC (WITH REFERENCE TO RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)

Abstract. The research accords with the interest of modern linguistics in revealing the characteristics of national worldviews. The subject of this article is the lexical-semantic field of GOODNESS in Russian and Chinese languages. The aim of the study is to reveal similarities and differences in the structure of this field and the composition of its lexical representations. The article presents results of the structural-semantic study of the field GOODNESS in the lexical-semantic sphere of Russian and Chinese languages. The research uses a complex of linguistic methods: statistical description, component analysis of lexical meanings of words in this field, definitional and comparative analysis. The article identifies and summarizes common and national-specific components presented in the semantic complexes of the lexical-semantic groups of the field in two compared languages. The research allows us to discover peculiarities of the semantization of the meaning GOODNESS in the vocabulary of two languages and reveal the common and different ethnic-cultural ideas in its representation. The results of the research can be applied in linguistic-cultural and cognitive studies aimed at studying language conceptualization and categorization of emotions in national pictures of the world, as well as in the practice of compiling bilingual ideographic dictionaries.

Keywords: goodness; lexical-semantic fields; component analysis; typology of senses; lexical-semantic groups; lexical semantics; Russian language; Chinese; comparative linguistics.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005)

Acknowledgments: The study was carried out as part of a grant from the Russian Science Foundation (Project № 16-18-02005)

Для цитирования: Бабенко, Л. Г. Лексико-семантическое поле доброты: общее и национально-специфическое (на материале русского и китайского языков) / Л. Г. Бабенко, Цуй Янь // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 58–66. DOI 10.26170/fk19-01-08.

Проблемы, связанные с изучением механизма отображения мира действительности и закрепления результатов его познания в формах языковой картины мира (далее – ЯКМ), являются актуальными и дискуссионными в современной лингвистике до сих пор, хотя в различные годы актуализируются разные аспекты их изучения. В последнее время особую значимость приобрело изучение национальных языковых картин мира, их соотносительности между собой, а также углубленное исследование отдельных фрагментов в структуре национальных ЯКМ. К числу активно изучаемых относятся и проблемы, связанные с мировоззренческими, психологическими, этическими представлениями, такими как ИСТИНА, ПРАВДА, ЛОЖЬ, СУДЬБА. В подобном ряду общечеловеческих представлений находится и категория ДОБРО, которая рассматривается в свете самых разных научных подходов: культурологического [Кармин 2009], когнитивного [Апресян 1995], дискурсивного [Гагарина 2007], системно-парадигматического [Эпштейн 2007] и других [см. Тоан 2008; Маленкова 2004; Батуева 2008]. Эта категория является сложным когнитивным конструктом, включающим компоненты, относящиеся к разным частным категориями: аксиологическим, этическим, эмоциональным. Одним из значимых ее базовых компонентов является частная категория ДОБРОТА, которая входит в парадигму ключевых эмотивных представлений, отображающих и характеризующих внутренний мир человека как в русском, так и в китайском языках.

Цель исследования – выявление общих закономерностей и специфических особенностей репрезентации категории ДОБРОТА в русском и китайском языках, предмет исследования – структурно-семантическая организация лексико-семантического поля ДОБРОТА, которое рассматривается в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах.

Семантическое поле как категория лингвистики стало предметом активной научной разработки в русистике во второй трети XX в., при этом в центре внимания ученых были вопросы, связанные с определением статуса этой категории, ее структурной организации, природы составляющих ее единиц, границ этой категории и межкатегориальных семантических связей различных семантических полей (Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, Л. А. Новиков, Д. Н. Шмелев и др.). Плодотворными оказались исследования, связанные с выявлением в лексико-семантическом пространстве языка лексических парадигм разного объема и статуса: лексико-семантических полей (далее – ЛСП), лексико-семантических классов слов (далее – ЛСК), лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) и подгрупп. Были определены их семантическая и структурная организации, природа составляющих их единиц, границ этих множеств, их самостоятельности, отдельности, а также соотносительности и пересека-

For citation: Babenko, L. G. Lexical-semantic Field of Goodness: Common and National-specific (with Reference to Russian and Chinese Languages) / L. G. Babenko, Cui Yan // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 58–66. DOI 10.26170/fk19-01-08.

емости между собой. К настоящему времени сделано достаточно много как в сфере теоретической разработки лексикографического представления системной организации лексики в составе различных семантических полей, так и в сфере практического воплощения этих представлений в виде различных словарей: семантических, понятийных, идеографических, словарей-тезаурусов. Это в свою очередь активизировало изучение национальных языковых картин мира с опорой на данные подобных словарей, являющихся фундаментальной базой для контрастивных исследований.

Лексико-семантическое поле представляет собой структурно организованное множество слов одной денотативной отнесенности, что позволяет рассматривать его как компонент языковой картины мира, который представляет собой «лексико-семантические группировки, структуры конкретного языка с учётом его культурного и национального своеобразия» [Уфимцева 1988: 13]. Именно структурно-семантическое изучение лексики, получившее бурное развитие в семидесятые-восемидесятые годы двадцатого века, позволило перейти к лингвистически обоснованному исследованию национальных языковых картин мира, так как в процессе структурирования лексики выявляются связи между группировками слов разного ранга и отображаемой ими действительностью, обнаруживаются особенности языкового сознания и национально-специфические особенности в познании мира. Позднее в процессе изучения лексико-семантических пространств языка в русле антропологической лингвистики актуализировался человеческий фактор в осмыслении природы взаимодействия языка, действительности и сознания, что особенно подчеркивал В. Н. Солнцев, который заметил, что «язык не отражает мир, а выражает знания о мире» [Солнцев 1989: 60]. В приведенном высказывании отображена сущность когнитивного подхода к рассмотрению проблемы соотносительности действительности, языка и сознания человека, подчеркнута роль именно человеческого фактора в познании мира и закреплении полученных знаний в языке, что нашло дальнейшее развитие при изучении классов слов, основанном на когнитивном рассмотрении. Так, в концепции Фоконье также утверждается, что связь между языком и миром всегда опосредована человеческим мышлением, так как то, что мы привычно именуем «действительностью», на самом деле является мысленным представлением говорящего о действительности [Fauconnier 1994: 15].

Итак, задача выявления общих тенденций и специфических особенностей в формировании лексико-семантического поля ДОБРОТА в русском и китайском языках решается на основе принципа полипарадигмальности, характерного для современного этапа развития лингвистики, т. е. на комплексе методов и приемов, свойственных структурно-семантическому,

когнитивно-дискурсивному и лингвокультурологическому подходам к изучению языка и речи.

Особую значимость при этом имеют структурно-сематические методы исследования материала. Как известно, семантическое поле иерархически организовано, элементы в нем связаны между собой структурными отношениями. В зависимости от идентифицированных признаков в семантическом поле выделяются разные лексико-семантические группы, каждая из них имеет собственную лексическую семантику и соответственно характеризуется собственным семантическим комплексом, который «реконструируется на основе отвлечения, сопоставления и обобщения семантических признаков, входящих в этот класс слов, является исходным для восстановления семантической структуры слов данного класса...» [Копорская 1996: 113]. Семантический комплекс отдельной ЛСГ включает в свой состав совокупность, состоящую из категориально-лексической семы (далее – КЛС) и дифференциальных сем (ДС), свойственных всем лексемам данной ЛСГ слов. Эти фундаментальные положения определили в данной работе логику и модель анализа материала, которая включает следующие этапы: 1) выявление внешней структурной организации лексико-семантических полей ДОБРОТА в русском и китайском языках: лексико-семантических групп и связывающих их отношений; 2) описание лексического состава и внутренней структурной организации каждой ЛСГ; 3) анализ семной структуры лексем лексико-семантического поля ДОБРОТА в каждом языке; 4) выявление семантических комплексов, свойственных каждой ЛСГ в составе поля; 5) обнаружение общих тенденций и специфических особенностей в лексической репрезентации категории ДОБРОТА в двух языках.

В процессе исследования также использовался комплекс частных лингвистических методов исследования материала: статистическое описание, компонентный анализ, дефиниционный анализ, сопоставительный анализ и др.

Как показал анализ, в исследуемое поле в русском и китайском языках входят лексемы разных категориально-грамматических классов: существительные, прилагательные, глаголы, – которые объединяются на основе общего семантического компонента ‘доброта’, имеющегося в структуре их лексических значений. Материалом исследования стала русская и китайская лексика поля ДОБРОТА, выявленная из следующих словарей: Большой академический словарь русского языка [БАСРЯ 2006], Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова [БТСРЯ 2000], Большой толковый словарь русских существительных под ред. Л. Г. Бабенко [БТСРС 2008], Большой толковый словарь русских глаголов под ред. Л. Г. Бабенко [БТСРГ 2008], Словарь-тезаурус прилагательных русского языка под ред. Л. Г. Бабенко [СТПРЯ 2012]. При выделении лексики в китайском языке мы опирались на Большой словарь современного китайского языка под ред. Гун Сюэшэн [БССКЯ 2015], Современный словарь китайского языка под ред. Лю Шунхуань и Динь Шэньшун [ССКЯ 2012].

В результате исследования материала обнаружено, что в русском языке лексико-семантическое поле ДО-

БРОТА составляют 89 слов, а в китайском – 121 слово. Статистическое описание показывает, что лексическое воплощение доброты в китайском языке богаче, чем в русском. Как показало статистическое описание, количество лексических единиц различной грамматической природы: существительных, прилагательных, глаголов – различается по частотности в разных языках, что уже на этапе статистики обнаруживает определенные национальные приоритеты в отображении доброты. В китайском языке основные места занимают имена существительные, которые составляют 49 % от общего числа лексики доброты и намного превосходят количество прилагательных (30 %) и глаголов (21 %). В русском языке семантическое поле ДОБРОТА в основном состоит из совокупности имен существительных (45 %) и прилагательных (42 %), которые вместе намного превосходят число глаголов (13 %).

В результате структурно-семантического анализа установлено, что состав классов существительных, отображающих доброту, в двух языках характеризуется неполным совпадением. Наблюдается асимметрия в наборе лексико-семантических групп с семантикой доброты, разграничиваемых с учетом категориально-лексических сем (далее – КЛС): в русском языке 4 ЛСГ существительных, а в китайском языке – 7 ЛСГ существительных. Таким образом, только 4 ЛСГ являются общими для двух языков: ЛСГ качество доброты, ЛСГ доброжелательное отношение к окружающим, ЛСГ слов, обозначающих человека как носителя доброты, ЛСГ слов, обозначающих действие, характеризующееся добротой. С учетом частотности ЛСГ в составе существительных иерархия совпадающих типов ЛСГ выглядит следующим образом (см. табл.).

Таблица

ЛСГ существительных	Русский язык	Китайский язык
Качество доброты	38 %	24 %
Доброжелательное отношение к другим	32 %	8 %
Человек как носитель доброты	25 %	34 %
Действие, характеризующееся добротой	5 %	17 %

Как видим, эти четыре ЛСГ существительных с семантикой доброты совпадают в двух языках, но их количественная соотносительность различна. Для русского языка основными являются ЛСГ «Качество доброты» и «Доброжелательное отношение к другим», которые составляют 70 % от общего числа существительных, а в китайском языке основные места занимают ЛСГ «Человек как носитель доброты» и «Качество доброты», составляя 58 % от общего числа существительных. Для русского языка незначительной по составу является ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой», а для китайского языка количественное наполнение этой ЛСГ является достаточным, в три раза превышающей в процентном отношении аналогичную ЛСГ в русском языке. И, наоборот, малочисленной для китайского

языка является ЛСГ «Доброжелательное отношение к другим», которая имеет большую значимость в русском языке.

Исследование семантических комплексов отдельных ЛСГ, семных структур составляющих их слов и их лексических репрезентаций в словарных дефинициях позволило выявить лексико-семантические особенности репрезентации ДОБРОТЫ в разных языках. Так, ЛСГ русских существительных «Качество доброты» имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС «качество характера» и набора дифференциальных сем: «определяемость», «отсутствие злобы», «объект проявления доброго отношения», «поступок» и «причина», которые выражают определятельные, объектные и причинные значения. Качество доброты чаще всего проявляется в межличностных отношениях человека. Например, **мягкосердечие** «качество характера, проявляющееся в отзывчивости, душевной мягкости, в тёплом расположении к людям, отсутствии злобы и неприязни в отношениях» [БТСРС 2008: 198]. Анализ репрезентантов определятельной семы в семной структуре существительных позволил уточнить комплекс эмоциональных качеств, которые, по данным словарей, сопутствуют основному качеству доброты в семантике слов этой группы: отзывчивость, приветливость, мягкость, доброжелательность, искренность, снисхождение, щедрость, уступчивость, снисходительность. Кроме того, типичное поведение, в котором проявляется доброта, представляет собой «оказание помощи», что отражено в семантике слова **милосердие**. При наличии эмоционально-причинной дифференциальной семы в семной структуре лексики этой группы передаются причинно-следственные отношения в свернутом виде, например: **милосердие** «качество характера, проявляющееся в готовности оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия» [БТСРС 2008: 198]. В семантике этого слова фиксируется ситуация, когда доброе эмоциональное качество (сострадание, человеколюбие) является причиной проявления соответствующего отношения субъекта к другим (снисхождение).

В китайском языке качество доброты в субстантивной лексике также отличается комплексностью семантики, в которой совмещаются различные эмоциональные и этические качества, сопрягаемые по тональности с добротой: справедливость, честность, искренность, великодушие, кротость, сострадание, отзывчивость. Например, **善心** «доброе сердце, заключающееся в отзывчивости, в сострадательном отношении к кому-л.». При этом в китайском языке существительные ЛСГ «Качество доброты» включают в свою семантику специфические дифференциальные компоненты, обозначающие конкретный субъект, а также природность и степень узнаваемости этого качества. Например, **懿德** «кроткое, добродетельное и доброе качество женщины»; **天良** «доброе, сострадательное качество, данное от природы»; **阴德** «доброе качество, не узнаваемое людьми».

ЛСГ «Доброжелательное отношение к окружающим» включает в русском и китайском языках слова, обозначающие проявление доброты. В русском языке в ее семантический комплекс входят КЛС «отношение» и ДС: «определяемость», «объект», «поступок», «причина». Сема «определяемость» в словар-

ной дефиниции обычно репрезентируется формами эмотивных существительных и прилагательных и обозначает чувства, сопрягаемые с добротой: *расположение, тяготение, сердечность, сочувствие, любовь и великодушие*. Например, **симпатия** «благожелательное отношение к кому-л., чему-л., чувство влечения, внутреннего тяготения, расположения к кому-л., чему-л.» [БТСРС 2008: 207]. Объектом проявления отношения выступает неопределенное лицо или группа людей. Сема «поступок» в словарной дефиниции лексики данной группы репрезентируется глаголом «помочь». Например, **участие** «сердечное отношение, сочувствие к кому-л., находящемуся в трудных обстоятельствах, желание помочь кому-л.» [БТСРС 2008: 208].

В китайском языке при отображении доброго отношения к другим также выражаются комплексные эмоции: *доброжелательство, дружелюбие, кротость, великодушие, забота, отзывчивость, близость, почтительность*. Например, **好脸** «доброжелательное, дружелюбное, кроткое отношение к кому-л.». Китайские существительные данной группы при этом имеют в своем значении указание на конкретный субъект, обозначающий старшее поколение, и объект, конкретно называющий младшее поколение, родителей, старших родственников. Например, **慈爱** «великодушное, милосердное отношение старших к младшим, чувство любви, заботливости к ним»; **孝心** «почтительное отношение к родителям и старшим родственникам, склонность содержать и ухаживать за ними». Итак, в китайском языке в семантике слов ЛСГ «Доброжелательное отношение к другим» субъект проявления эмоций и объект, на который направлены эмоции, более конкретно репрезентируются с указанием представителей определенного поколения.

Слова, относящиеся к ЛСГ «Человек как носитель доброты», характеризуют человека как воплощение добра в 3 ипостасях: доброта как внутреннее качество человека, доброта в межличностных отношениях и в поведении человека. Например, **добряк** «бесхитрый человек, отличающийся большой добротой» [БТСРС 2008: 216]; **доброжелатель** «человек, проявляющий участие, расположение, желающий добра кому-л., чему-л.» [БТСРС 2008: 216]; **альтруист** «человек, стремящийся в своих действиях проявлять милосердие, доброту, бескорыстно заботящийся о благе других и готовый жертвовать для других своими личными интересами» [БТСРС 2008: 215]. Как видим, в данных дефинициях различаются лексические репрезентанты, характеризующие указанные выше аспекты: «человек, отличающийся добротой», человек, проявляющий участие, заботящийся о других и готовый жертвовать для других». В русском языке семантический комплекс данной группы включает в состав: КЛС «человек» и ДС «определяемость», «оценка», «интенсивность», «проявление эмоций», «объект», «поступок», «цель».

В китайском языке в семантике слов, называющих человека как носителя доброты, выявляются следующие качества, совмещенные с добротой: *честность, справедливость, преданность, великодушие, отзывчивость, сострадание, человеколюбие, кротость, почтительность, мудрость, талантливость, бесхитрость и нравственность*. При этом наблюдаются различные модели совмещения доброты с другими психолого-интеллектуальными качествами человека: 1) этические качества

характера, близкие по тональности к качеству доброты: *честность + справедливость + доброта* (好人); 2) сопутствующие эмоциональные качества: *сострадание + доброта* (善人); 3) интеллектуальные качества: *мудрость + добродетель* (贤良); 4) моральные качества: *мораль + доброта + великодушие + отзывчивость + честность + справедливость* (仁人志士). Данные модели не изолированы друг от друга, а тесно взаимодействуют, присутствуя в семной структуре анализируемой лексики. В китайском языке лексические репрезентанты семы «субъект» обычно не отличаются обобщенностью номинации человека, обозначая его с актуализацией конкретных признаков: возрастных, половых, родственных и пр.: женщина, сын, дочь, потомки, бедные и родители. Например, 闺秀 'добрая, великодушная, кроткая, талантливая, добродетельная женщина', 孝子 'сын, ухаживающий за родителями и с почтением относящийся к ним', 善类 'добрые люди', 慈善家 'человек, который занимается благотворительной деятельностью, сердечно оказывает помощь бедным'. Таким образом, ЛСГ «Человек как носитель доброты» в китайском языке отличается комплексностью семантики составляющих ее лексем, передающих это качество более содержательно, в сопряжении с другими эмоциональными, интеллектуальными и этическими качествами. Субъектная сема в словарных дефинициях лексем этой ЛСГ репрезентируется достаточно разнообразно, обозначая более конкретно человека с указанием на различительные признаки.

ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой» в русском языке является небольшой, занимает незначительное место в отображении доброты и включает слова, обозначающие поведение: **благотворительность** 'оказание безвозмездной помощи нуждающимся лицам' [БТСРС 2008: 673] и **альтруизм** 'самопожертвование для блага других' [БТСРС 2008: 720]. В ее семантический комплекс входят КЛС «поведение» и ДС «определительность», «объект» и «цель». В отличие от русского языка аналогичная группа в китайском языке имеет глубокую лексическую и семантическую разработанность, что проявляется и в семной структуре составляющих ее слов. Так, семантические признаки определительного аспекта наделяют поведение и поступки такими качествами, близкими по тональности к доброте, как *великодушный, милосердный, хороший, прекрасный, гуманный*. Например, 善事 'доброе дело', 善举 'милосердный поступок'. Доброта также отображается в поведении, проявляемом по отношению к нуждающимся людям: оказании помощи несчастным, уходе за родителями и проявлении почтения к ним. Например, 慈善事业 'деятельность по оказанию материальной помощи несчастным, руководствующаяся принципом милосердия', 孝行 'поведение, заключающееся в уходе за родителями и старшими родственниками'. Сходство лексем анализируемой ЛСГ в русском и китайском языках обнаруживается в осмыслении доброго действия как поведения, поступка, направленного на оказание материальной помощи нуждающимся лицам, при этом в русском языке оно отображается и интерпретируется как самопожертвование, а в китайском языке его типичным проявлением является уход за родителями, старшими, больными.

Кроме вышеуказанных ЛСГ, общих для структуры лексико-семантического поля ДОБРОТА обоих языков, в структуре этого поля в китайском языке еще имеются три специфические для его национальной языковой картины мира ЛСГ существительных:

1. ЛСГ «Речь, характеризующаяся добротой». Существительные этой группы характеризуют речь в 3 аспектах: совпадение содержания речи с нормами добра (良心话 'речь, соответствующая справедливости и этическим нормам добра и зла'), выражение доброжелательности в речи (好言好语 'слова, речь, выражающие доброжелательность, дружелюбие и кротость') и положительное воздействие речи (善言 'добрые и полезные слова').

2. ЛСГ «Воздействие добра». В значении слов этой группы передаются причинно-следственные отношения: добрые дела являются причиной получения хорошего результата (善果 'воздаяние за бывшие добрые поступки').

3. ЛСГ «Доброе выражение лица». Доброта в данной группе отображается как комплексное эмоциональное переживание в выражении лица (慈眉善目 'доброе выражение лица, выражающее приветливость, кротость, великодушие и любовь').

Итак, в субстантивной лексике двух языков доброта в основном изображается в 3 аспектах: как качество характера человека, как компонент межличностных отношений и как поведение человека. При этом доброта обычно в семантике слов выражается в комплексе с другими качествами и эмоциональными отношениями. В китайском языке доброта изображается в сопряжении с речевой деятельностью, социальной деятельностью и проявляется внешне в выражении лица. Кроме того, в семантике китайских существительных обычно имеется указание на субъект (женщина, сын, дочь, потомки и др.) и объект (родители, старшие родственники) доброго отношения. В семантике русских существительных доброта также совмещается с другими эмоциональными качествами, при этом преимущественно передаются эмотивно-причинные отношения.

Парадигматические группировки прилагательных с семантикой доброты, извлеченные из словаря, поражают неопределенностью, размытостью параметров обозначения признака доброты [Бабенко 1989: 67]. Адъективная лексика доброты фиксируется в словаре таким образом, что одно прилагательное может располагать комбинацией значений, передающих доброту по-разному: как эмоциональное качество, как отношение и как внешнее выражение эмоций. Например, **добросердечный** 1. 'обладающий добрым сердцем, отзывчивостью, мягким характером'; 2. 'выражающий добросердечие, исполненный добросердечия' [БАСРЯ 2006: 159]. Вследствие этого, одно и то же прилагательное может относиться к разным лексико-семантическим группам.

Классы прилагательных в лексико-семантическом поле ДОБРОТА в двух языках характеризуются однородностью состава: в обоих языках выделяются 3 лексико-семантические группы, которые при этом различаются в количественном отношении. Русская адъективная лексика доброты в основном состоит из ЛСГ прилагательных «Качество доброты» (54 %) и «Доброе отношение к другим» (46 %). В классе китайских прилагательных с семантикой доброты первое место так-

же занимает ЛСГ «Качество доброты» (70 %), она значительно превосходит в процентном отношении ЛСГ «Доброе отношение к другим» (30 %). По нашим данным, ЛСГ «Внешнее выражение доброты» по составу лексических репрезентаций пересекается с другими двумя группами и по количественной представленности примерно совпадает в обоих языках. Как видим, структура класса прилагательных, отображающих доброту, в двух языках совпадает, но иерархия ЛСГ в составе данного класса различна.

ЛСГ прилагательных «Качество доброты» включает слова, которые называют как доброе качество человека, так и признак объекта, связанный с добротой. Например, **милосердный** 'сострадающий, склонный к милосердию // совершенный из побуждений милосердия, вызванный милосердием' (милосердный человек, милосердный поступок) [ТСУ 2000: 213]. В русском языке ее семантический комплекс состоит из КЛС «обладающий качеством доброты» и ДС «определимость», «поступок», «образ действия», «объект». Большинство прилагательных данной группы имеют комплексную семантику с включенной эмотивно-определимой семой, в которой доброта сочетается с другими близкими по тональности дополнительными качествами. Например, **незловивый**: *кротость + простодушие + доброта*; **добродетельный**: *высоко нравственность + доброта*. В значении прилагательных также фиксируется типичное поведение, отображающее доброту, например, **добрый** 'делающий добро другим, готовый помочь людям' [ТСУ 2000: 727]; альтруистический 'заботящийся о благе других' [ТСУ 2000: 31].

В китайском языке семантический комплекс ЛСГ прилагательных «Качество доброты» включает специфический компонент «интенсивность», выражающий сильную степень определяемого признака, например, **至善** 'крайне добрый'. Прилагательное, содержащее данный компонент в семантике, не нуждается в конкретизации наречием при составлении высказывания. В комплексной семантике китайских прилагательных этой группы совмещаются качество доброты и такие противоположные по тональности признаки внешности, как *безжалостный, злобный, коварный*, например, **面恶心善** 'имеющий злобное лицо, но доброе сердце'. Анализ репрезентантов компонента «поступок» позволил выявить следующее типичное поведение, которое рассматривается как доброе носителями китайского языка – 'правильно, разумно говорящий и работающий' (贤惠), 'не обманывающий' (良实), 'прощающий других' (仁恕), 'не способный сердиться' (绵善).

ЛСГ «Доброе отношение к другим» включает прилагательные, обозначающие проявление добрых эмоций к окружающим. В русском языке в ней имеется следующий семантический комплекс: КЛС «проявляющий отношение» и ДС «определимость», «объект», «поступок», «субъект». Например, **доброжелательный** 'проявляющий доброе отношение, расположение к кому-л., чему-л., готовый содействовать благополучию кого-л.' [ТСУ 2000]. Анализ репрезентантов дифференциальных сем «определимость» и «поступок» позволил обнаружить при проявлении доброго отношения к другим сопутствующие эмоции (расположение, дружелюбие, милость, отзывчивость, приветливость, радушие, приязнь,

искренность) – и поступки: доброжелательный 'содействующий благополучию другого' [ОШ 2008: 169], участливый 'готовый оказать помощь' [ТСУ 2000: 1035]. Русское прилагательное **дружественный** также включает в значение указание на специфический субъект – государство, который репрезентируется специализированной формой в словарной дефиниции: «о + номинация субъекта в предложном падеже», заключающейся в скобки. Например, **дружественный** 'взаимно благожелательный, основанный на дружбе (преимущ. о государствах и отношениях между ними)' [ТСУ 2000: 804].

Китайское прилагательное, относящееся к ЛСГ «Доброе отношение к другим», включает в значение компонент «интенсивность», обозначающий сильную степень проявляемого отношения, например, **至孝** 'благоговейно-почтительный к родителям'. В семной структуре этих прилагательных есть указание на сопутствующие поступки при проявлении доброго отношения: **古道热肠** 'сердечно помогающий другим', 'с почтением ухаживающий за родителями и старшими родственниками' (孝顺 почтительный и послушный родителям).

ЛСГ «Внешнее выражение доброты» в большей степени пересекается с вышеуказанными двумя группами, и в ней прилагательные обозначают выражение добрых эмоций в речи, мимике и др. Например, **доброжелательный** 'выражающий участие, расположение' (доброжелательная улыбка) [БАС 2006: 157], **慈善** 'выражающий доброту и отзывчивость' (慈善的面容 добросердечное выражение лица).

Таким образом, в адъективной лексике двух языков доброта изображается как качество характера человека, как внутреннее эмоциональное состояние и как его внешнее выражение. В значении прилагательных с семантикой доброты отражается комплекс качеств, включающий в себя доброту и другие дополнительные близкие по тональности эмоциональные качества. В китайском языке такой комплекс качеств бывает более содержательным: наблюдается совмещение качества доброты с интеллектуальными качествами, противоположными по тональности признаками внешности. В семной структуре русских прилагательных участвует специальный компонент – субъект, а в китайских прилагательных участвует конкретизирующий компонент – интенсивность.

В отличие от существительных, глагол обозначает доброту как сложный процессуальный признак. Это обусловлено тем, что глагол ориентирован на отображение в большой степени комплексной ситуации и включают в значение указание на объект действия, образ, способ, следствие, цель и причину выполнения действия [Бабенко 1997: 30]. Глагол как семантически богатая категория располагает большими возможностями для изображения ДОБРОТЫ в разнообразных ракурсах. В зависимости от категориально-лексических сем глаголы в лексико-семантическом поле ДОБРОТА распределяются по 6 ЛСГ, среди них 5 ЛСГ являются общими для обоих языков:

- ЛСГ «Совершение добра»: *благотворить, 行善 'совершать добрые дела'*;
- ЛСГ «Становление качества доброты»: *добреть, 向善 'становиться добрым'*;

- ЛСГ «Проявление добрых чувств по отношению к другим»: жалеть, 善待 ‘добродушно относиться к кому-л.’;
- ЛСГ «Побуждение к добру»: мирить, 劝善 ‘убеждать других стать добрыми’;
- ЛСГ «Оказание помощи»: выручать, 济世 ‘спасать и помогать миру’.

В русском языке еще выделяется специфическая ЛСГ «Пребывание в добром эмоциональном состоянии» (благодушествовать), в китайском языке есть специфическая ЛСГ «Уход за родителями» (孝顺 ‘содержать и ухаживать за родителями’).

Семантический комплекс русских глаголов с семантикой доброты формируют 6 КЛС: «поступать», «становиться», «относиться», «побуждать», «помогать», «испытывать чувства» и 6 ДС: «собственно-определяющая», «объект действия», «образ действия», «причина», «способ действия», «следствие».

С учётом механизма репрезентации комплекса категориальных смыслов в семной структуре исследуемые глаголы распределяются по двум типам. Во-первых, это глаголы с совмещенной пропозицией, в семной структуре которых «соединяются позиционно равноправные и семантически различные категориально-лексические семы» [Бабенко 1997: 38]. Например, в значении глагола *добреть* имеется два совмещенных предиката: ‘становится добрым’ и ‘помочь’, они обозначают процессы, которые «происходят одновременно, взаимосвязаны отношениями дополнительности» [Бабенко 1997: 39]. Во-вторых, это глаголы с включенной пропозицией, в лексическом значении которых «основной предикат в статусе КЛС передается в форме инфинитива, а включенный дополнительный предикат в статусе ДС передается в форме деепричастия, причастия, инфинитива и различных предложно-падежных форм существительных, причём они связаны логическими отношениями цели, причины, следствия и образа действия» [Бабенко 1997: 42]. Например, в значении глагола *благодушествовать* основное действие – ‘находиться в добродушном настроении’ конкретизируется дополнительным действием ‘проводя время без дела и забот’ [БТСРГ 2008: 412].

Китайские глаголы с семантикой доброты тоже имеют комплексную семантику. Например, глагол 迁善 ‘исправляться и становиться добрым, великодушным, бесхитростным’, в значении которого имеются два совмещенных равноправных предиката (исправляться и становиться добрым), которые связаны отношениями логической и временной последовательности. Глаголы с включенной пропозицией представлены в китайском языке в большей степени. В семной структуре глагола включенный предикат в статусе ДС уточняет основной предикат в статусе КЛС в следующих аспектах: образ действия (‘отдавая все силы’ 尽孝), следствие (‘становиться добрым’ 劝善), способ (‘воздействовать словами и поведением’ 感化), причина (‘из-за милосердия’ 仁恕) и цель (‘чтобы накапливать добродетели’ 积德).

Для китайских глаголов также специфическим является включение в их значение следующих дифференциальных семантических признаков: ДС интенсивность, ДС количество, ДС частотность. Например, 尽孝 ‘всеми силами ухаживать за родителями’, 日行一善

‘каждый день совершать доброе дело по одному’, 积德 ‘часто, побольше совершать добрые дела, чтобы накапливать добродетели’. В китайских глаголах компонент «объект действия» богаче репрезентируется и обозначает различные группы лиц, такие как *слабые, бедные, родители, старшие родственники, братья*, на которых направлены добродушное отношение и помощь. Это могут быть также и *мир* в целом, и *родина*.

Итак, в глагольной лексике двух языков доброта отображается в разнообразных ракурсах, передается как действие, становление качества, так и проявление отношения. В русском языке доброта еще изображается как пребывание в добродушном настроении, а в китайском языке доброта может проявляться в уходе за родителями. Большинство глаголов с семантикой доброты ориентированы на отображение комплекса ситуаций, которые связаны отношениями одновременности и дополнительности. В китайском языке в комплексной семантике глаголов отображаются ситуации, связанные отношениями логической и временной последовательности. В нее тоже включаются специфические признаки, выражающие сильную степень и частотность выполнения доброго действия. Объектом действия в словарной дефиниции могут быть репрезентанты, которые обозначают не просто неопределенное лицо, но и конкретные номинации с указанием на родственные связи.

Выводы. Итак, согласно полученным количественным данным, лексическое воплощение доброты в китайском языке богаче, чем в русском языке. В китайском языке основное место в лексико-семантическом поле ДОБРОТА занимают имена существительные (49 %), которые намного превосходят количество прилагательных (30 %) и глаголов (21 %). В русском языке аналогичное поле состоит из совокупности имен существительных (45 %) и прилагательных (42 %), которые вместе намного превосходят число глаголов (13 %). Набор ЛСГ в составе различных частеречных множеств также характеризуется неполным совпадением, которое дополняется их различием в количественной представленности в разных языках. Например, в классе существительных наблюдается асимметрия в наборе ЛСГ с семантикой доброты: в русском языке 4 ЛСГ, а в китайском языке – 7 ЛСГ, только 4 ЛСГ являются общими для двух языков: ЛСГ качество доброты; ЛСГ доброжелательное отношение к окружающим; ЛСГ слов, обозначающих человека как носителя доброты; ЛСГ слов, обозначающих действие, характеризующееся добротой. В китайском языке еще имеются три специфические для его национальной языковой картины мира ЛСГ существительных: ЛСГ «Речь, характеризующаяся добротой», ЛСГ «Воздействие добра»; ЛСГ «Доброе выражение лица». Национально-культурные приоритеты обнаруживаются также в наборе ЛСГ доброты в классах глаголов и прилагательных.

В обоих языках большинство слов данного поля имеют комплексную семантику, выражающую различные сопрягаемые с добротой качества человека, сопутствующие эмоции и поступки. В китайской субстантивной и глагольной лексике ДОБРОТА изображается во взаимодействии с речевой деятельностью, проявляется в выражении лица, обнаруживается в социаль-

ной деятельности и уходе за родителями. В семантике китайских слов доброта совмещается не только с близкими по тональности качествами, но и с противоречащими ей признаками внешности: злобой, злостью, жестокостью (面恶心善). В русском языке ДОБРОТА чаще изображается как бытийное эмоциональное состояние и качество, сопрягаемое с эмоциями, близкими по тональности качеству доброты.

Китайские слова также включают в свое значение такие специфические конкретизирующие компоненты, как компонент «интенсивность», выражающий сильную степень определяемого признака, например, 至善 'крайне добрый'. 尽孝 'всеми силами ухаживать за родителями', а также дифференциальные семы «субъект» и «объект», которые в дефинициях китайских слов активно и разнообразно репрезентируются не только обобщенными и неопределенными номи-

нациями лиц, а указывают на пол, возраст, принадлежность определенному поколению, на родственные отношения и другие конкретные признаки лиц. В русском языке в семной структуре слов активно присутствует эмотивно-причинный компонент, с помощью которого основной смысл – доброта выступает причиной поведения, поступка или проявления определенного отношения к другим, что передается в свернутом виде одним словом. В русском и китайском языках обнаруживается осмысление доброты как действия, поведения, поступка, направленного на оказание материальной помощи нуждающимся лицам, при этом в русском языке оно отображается и интерпретируется как самопожертвование, а в китайском языке его типичным проявлением является уход за родителями, старшими, больными, бедными и другими нуждающимися.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1995. – № 1. – С. 37–67.
- Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Из-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
- Бабенко Л. Г. Лексико-семантическое пространство русского глагола // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1997. – С. 30–45.
- Батуева А. А. Мифологема добра и зла в индоевропейских языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Батуева Алёна Александровна. – М., 2008. – 178 с.
- Большой академический словарь русского языка. – СПб.: Наука, 2006.
- Большой словарь современного китайского языка / под ред. Гун Сюешэн. – Пекин, 2015. – 2012 с.
- Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 576 с.
- Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 864 с.
- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- Гагарина Н. Н. Композиты с начальным благо- и зло- в «Сказка» М. Е. Салтыкова-Щедрина: сопоставительная характеристика [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: www.relga.ru/Enviro/Objects/tguwww.woa/wa/Main?textid=2063&level1=main&level2=articles (дата обращения: 11.10.2017).
- Кармин А. С. Культурология. – М.: Лань, 2009. – 928 с.
- Копорская Е. С. «Семантический архетип» глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 112–120.
- Маленкова А. А. Система обозначений добра и зла в русском языке: структурно-смысловый анализ семантического поля: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Маленкова Аксиния Авенировна. – М., 2004. – 197 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2008.
- Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та, 2012. – 835 с.
- Современный словарь китайского языка / под ред. Лю Шун-хуань, Динь Шэньшун. – Пекин, 2012. – 1203 с.
- Солнцев В. Н. О лингвистических мирах // Знание языка и языкознание. – М., 1989. – С. 56–71.
- Тоан Х. В. Реализация концепта положительной оценки (слова добрый, добро) в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тоан Хоанг Ван. – М., 2008. – 180 с.
- Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель; АСТ, 2000.

REFERENCES

- Aprasyan Yu. D. The image of a person according to the language: an attempt to describe the system // Questions of linguistics. – M.: Nauka, 1995. – № 1. – P. 37–67.
- Babenko L. G. Lexical means of denoting emotions in Russian. – Sverdlovsk: Publishing house of the Ural State University, 1989. – 184 p.
- Babenko L. G. Lexico-semantic space of the Russian verb // Russian verbal vocabulary: intersectability of paradigms / ed. by L. G. Babenko. – Ekaterinburg, 1997. – P. 30–45.
- Batueva A. A. Mythologems of good and evil in Indo-European languages: dissertation ... Cand. of Philology: 10.02.20 / Batueva Al-yona Aleksandrovna. – M., 2008. – 178 p.
- Big Academic Dictionary of the Russian Language. – SPb.: Nauka, 2006.
- Big Dictionary of Modern Chinese / ed. by Gong Xuesheng. – Peking, 2015. – 2012 p.
- Great explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents / ed. by L. G. Babenko. – M.: AST-PRESS BOOK, 2008. – 576 p.
- Great explanatory dictionary of Russian nouns: Ideographic description. Synonyms. Antonyms / ed. by L. G. Babenko. – M.: AST-PRESS BOOK, 2008. – 864 p.
- Great Dictionary of Russian language / ed. by S. A. Kuznechov. – SPb.: Norint, 2000. – 1536 p.
- Gagarina N. N. Composites with the initial good and evil in The Fairy Tale M. E. Saltykov-Shchedrin: Comparative Characteristics [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access: www.relga.ru/Enviro/Objects/tguwww.woa/wa/Main?textid=2063&level1=main&level2=articles (date of access: 11.10.2017).
- Karmin A. S. Culturology. – M.: Lan', 2009. – 928 p.
- Koporskaya E. S. "Semantic archetype" of physical movement verbs in its relation to the structure of the verb class // Vocabulary. Grammar. Text. – M.: IRYa RAS, 1996. – P. 112–120.
- Malenkova A. A. The system of notation of good and evil in the Russian language: the structural-semantic analysis of the semantic field: dissertation ... Cand. of Philology: 10.02.01 / Malenkova Aksinia Avenirovna. – M., 2004. – 197 p.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. – M.: ITI Technologies, 2008.
- Thesaurus of the adjectives of the Russian language / ed. by L. G. Babenko. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural State University, 2012. – 835 p.
- Modern Chinese Dictionary / ed. by Liu Shunhian, Dinh Shenshun. – Peking, 2012. – 1203 p.
- Solntsev V. N. About linguistic worlds // Knowledge of language and linguistics. – M., 1989. – P. 56–71.
- Toan H. V. The implementation of the concept of a positive assessment (the words of kind, good) in Russian: dissertation ... Cand. of Philology: 10.02.01 / Toan Hoang Wang. – M., 2008. – 180 p.
- Explanatory dictionary of the Russian language / ed. by D. N. Ushakov. – M.: Astrel; AST, 2000.

Уфимцева А. А. Лексика как фактор формирования языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 122–136.

Эпштейн М. Н. Добро и зло в зеркале русского языка // Континент. – 2007. – № 132. – С. 369–382.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages. – 2nd ed. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

Ufimtseva A. A. Vocabulary as a factor in the formation of the linguistic picture of the world // The role of the human factor in the language: language and picture of the world. – M., 1988. – P. 122–136.

Epstein M. N. Good and evil in the mirror of the Russian language // Continent. – 2007. – № 132. – P. 369–382.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages. – 2nd ed. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

Данные об авторах

Бабенко Людмила Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: lgbabenko@yandex.ru.

Цуй Янь – аспирант, кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, младший научный сотрудник, Проблемная лаборатория компьютерной лексикографии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: cuixiaoyan1226@gmail.com.

Author's information

Babenko Lyudmila Grigoryevna – Doctor of Philology, Professor, Chief of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Science; Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Cui Yan – Post-graduate Student of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Science, Junior Researcher of the Laboratory of Computational Lexicography, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Руженцева Н. Б.
ORCID ID: –

УДК 811.161.1'42:811.581'38
DOI 10.26170/FK19-01-09
ББК Ш141.12-51+Ш171.1-55
ГСНТИ 16.21.27
КОД ВАК 10.02.19

Нахимова Е. А.
ORCID ID: 0000-0003-4908-632X

Екатеринбург, Россия
E-mail: verbalis@mail.ru

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОРТРЕТНЫХ ОЧЕРКОВ)

Аннотация. На материале портретных очерков, опубликованных в российских и китайских русскоязычных СМИ, в статье анализируется субъектная организация текстов (исследование портретных очерков в российских СМИ сделано Е. А. Нахимовой, а в китайских – Н. Б. Руженцевой). Авторы исходят из мысли о том, что иностранцы, достаточно свободно пишущие на русском языке, вносят в чужое коммуникативное пространство свои национальные элементы текстообразования, органичные для инофонов. Эти элементы в совокупности репрезентируют этническую идентичность, то есть корреляцию между личностью и определенным этносом. Этническая идентичность анализируется в статье на грамматическом и аксиологическом уровнях субъектной организации текста. Исследование грамматической представленности субъекта позволяет утверждать, что «свобода воли» личности, репрезентированная в русскоязычных китайских СМИ, проявляется на грамматическом уровне гораздо сильнее, чем «свобода воли» личности в российской публицистике. Субъект в очерках, написанных китайскими авторами, определен, конкретен и является активным производителем действия. Однако «свобода воли» субъекта ограничивается аксиологическим фактором – национальной, исторически сложившейся в Китае коллективной системой ценностей – китайским аксиологическим эталоном. Аксиологическая доминанта в китайских русскоязычных портретных очерках представлена как совокупность вариантов идеологической тональности, которые соотносятся с собственно прагматической, волевой и межличностной сферами, а также с креативностью, ответственностью, патриотизмом, благодарностью отдельным людям и обществу.

Ключевые слова:
российские СМИ;
китайские СМИ;
русский язык; СМИ;
средства массовой информации; медиатексты; медиадискурс; медиалингвистика; портретные очерки; организация текстов; этнолингвистика; этническая идентичность.

В свою очередь, как свидетельствует грамматический уровень текста, «свобода воли» субъекта в российских портретных очерках резко ограничена другими людьми, внешними обстоятельствами, судьбой, однако системой национальных ценностей она регулируется в гораздо меньшей степени, чем в китайской лингвокультуре и утверждается в полемике с антиценностями. Рассказы о человеке в российской прессе отражают не априорно заданный комплексный аксиологический эталон, а авторскую точку зрения на какой-то из аспектов этого эталона. Как следствие – регулятивную функцию текста в китайской публицистике можно считать коллективной, а в русской – индивидуально-авторской. В целом субъектная организация текста в российских и китайских лингвокультурах свидетельствует о специфике этнической идентичности его носителей, а наблюдения и выводы статьи могут быть использованы в методике преподавания русского языка как иностранного.

Ruzhentseva N. B.
Nakhimova E. A.
Ekaterinburg, Russia

TEXT'S SUBJECTIVE ORGANIZATION AS MANIFESTATION OF CHINESE SPEAKERS' ETHNIC IDENTITY (ON THE BASIS OF PORTRAIT ESSAY)

Abstract. Based on character sketches published in Russian and Chinese mass media, the article analyzes text structures (the analysis of sketches in Russian media is carried out by E. A. Nakhimova, the study of sketches in Chinese media is undertaken by N. B. Ruzhentseva). The authors believe that foreigners who know Russian well add elements of their native culture and principles of text production into communicative space of Russian speakers and, thus, make the text easy to comprehend for non-native speakers. These elements taken together represent ethnic identity, i. e. correlation between a person and a certain ethnic group. Ethnic identity is studied in this article on grammatical and axiological levels of text structure. The grammatical representation of the subject makes it possible to argue that in Chinese media published in the Russian language “free will” of a person reveals itself on grammatical level much stronger than “free will” of a person in Russian media. The subject in sketches written by Chinese authors is clear, explicit and acts as a doer of the action. However, “free will” of a person is limited by axiological factor – national system of collective values typical of China and serving as Chinese axiological standard.

Keywords:
Russian media; Chinese media; Russian language; media; media texts; media discourse; media linguistics; character sketches; text structure; ethno-linguistics; ethnic identity.

The axiological dominant in Chinese character sketches written in the Russian language is a unity of different variants of ideological coloring which correlate with pragmatic, volitional and interpersonal spheres, as well as with creativity, responsibility, patriotism and gratitude to some people and the society.

At the same time grammatical structure of a text shows that “free will” of a person in Russian character sketches is limited by the other people, circumstances, and the fate, while the system of national values has far less influence on it than in Chinese linguoculture and is often represented in contrast to antivalues. In Russian media stories about a person do not represent a set axiological standard, but rather the author's view on one of the aspects of this standard. As a result, the regulative function of a text in Chinese media is collective, while in Russian media it is individual and author-dependent. In general subject text structure in Russian and Chinese linguocultures shows the specificity of ethnic identity of native speakers. The results of this research may be useful in the sphere of methods of teaching Russian as a foreign language.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19-012-00465 А от 28.12.2018)

Acknowledgments: The study was carried out by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (Project 19-012-00465 A dated December 28, 2018)

Для цитирования: Руженцева, Н. Б. Субъектная организация текста как проявление этнической идентичности носителей китайского и русского языка (на материале портретных очерков) / Н. Б. Руженцева, Е. А. Нахимова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 68–74. DOI 10.26170/fk19-01-09.

For citation: Ruzhentseva, N. B. Text's Subjective Organization as Manifestation of Chinese Speakers' Ethnic Identity (on the Basis of Portrait Essay) / N. B. Ruzhentseva, E. A. Nakhimova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 68–74. DOI 10.26170/fk19-01-09.

ВВЕДЕНИЕ

Для успешной работы с китайскими, как и с любыми иностранными студентами, необходимо учитывать специфику национального менталитета учащихся, прогнозировать интерференцию родного языка и культуры, организовывать учебный процесс «с ориентацией на учебно-познавательный опыт учащихся, приобретенный в родной культуре» [Булыгина 2009: 94]. В связи с этим встает вопрос о типе родной культуры учащихся, который «определяет ценности, которыми руководствуются ее носители и особенности их поведения. Тип социокультурных отношений закреплен в языке и проявляется на разных его уровнях» [Ларина 2018: 58]. Целью данной статьи является сопоставительное исследование социокультурных отношений на уровне субъектной организации русскоязычного текста, созданного носителями русского и китайского языков, так как в тексте, как и в языке, имплицированы и эксплицированы ценности, регулирующие в конечном счете все виды общественного поведения и формирующие в совокупности этническую идентичность.

Материалом исследования послужили публикации, взятые из журнала «Партнеры», издаваемого в провинции Хэйлунцзян на русском языке (авторами публикаций являются носители китайского языка), и качественного российского издания – «Русский репортер». Нами был отобран ряд публикаций, близких к жанровой форме портретного очерка вследствие антропоцентричности и аксиологической ориентации последнего: «Предметом портретного очерка выступает личность. Цель журналиста – показать, каким ценностям служит этот герой, в чем он видит смысл своего существования... как он отстаивает эти ценности» [Тертычный 2000: 251]. Портретный очерк имеет инвариантную двухсубъектную организацию (субъект-автор и субъект-герой очерка). О центральной роли этих субъектов для текстообразования очерка исследователи писали неоднократно, ср., например: «Портретный очерк как художественно-публицистический жанр – это очерк о выдающемся человеке, с точки зрения автора: настоящем герое, деятеле науки, общественной жизни, искусства или литературы» [Антонова 2003: 29–30]. В свою очередь, мы считаем, что два указанных субъекта в этой очерковой форме неразделимы. С одной стороны, «в центре очерка – биография героя, творческий путь, художественный мир, воплощенный в тех или иных авторских произведениях» [Краснояро-

ва 2004: 54]. С другой стороны – все сказанное подается через авторское преломление: автор выбирает точку зрения на героя очерка, мотивирует эмоционально-оценочную окраску текста и тональность, «создаваемую выбором слов, синтаксисом, ритмом» [Майданова 1987: 46]. Кроме того, в портретных очерках присутствует и третий, коллективный субъект – группа лиц, которые находятся во взаимосвязи с главным героем очерка и во многом определяют его действия и поведение. В целом портретный очерк как публицистическая жанровая форма «строится на основании субъектного принципа. Данный принцип заключается в том, что человек сам выбирает объект познания и фокусирует свое внимание на определенных его качествах и характеристиках, осмысливая и закрепляя в языке определенные его аспекты, а также сам выбирает языковые средства его репрезентации» [Болдырев 2017: 10].

Тексты портретных очерков, опубликованных в журнале «Партнеры», написаны носителями китайского языка, в целом овладевшими русским языком и текстообразующими категориями. Однако мы исходим из мысли о том, что иностранцы, даже достаточно свободно пишущие на русском языке, вносят в чужое коммуникативное пространство свои национальные элементы текстообразования, которые органичны для авторов как носителей языка [см., например, Руженцева 2013]. Эти элементы в совокупности репрезентируют этническую идентичность, понимаемую нами вслед за Т. В. Лариной как «соотнесенность личности с определенным этносом и принятие его ценностей и норм» [Ларина 2018: 57]. Для того чтобы выявить указанную корреляцию, мы попытались сначала охарактеризовать грамматическую специфику субъектной организации текста и тем самым вскрыть особенности текстового представления лица в разных лингвокультурах, а затем обобщить аксиологическую специфику, представив систему ценностей, регулиющую поведение субъекта.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА

Методом сплошной выборки из публикаций (5 очерков из русскоязычного китайского журнала «Партнеры» и 5 очерков из российского журнала «Русский репортер») были извлечены односоставные сказуемые предложения, не имеющие грамматически выраженного подлежащего (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивные), а также номинативные пред-

ложения с отсутствующим сказуемым. Тем самым мы попытались сопоставить степень определенности высказывания и соотнесенности его с конкретным лицом (производителем действия), в различной степени присущую разным лингвокультурам. Приведем полученные данные.

Таким образом, в очерках, написанных носителями русского языка, количество предложений, не имеющих грамматического субъекта (подлежащего), значительно превышает их число в очерках, написанных носителями китайского языка. В текстах же, созданных носителями китайского языка, действия героя очерка и связанных с ним лиц в подавляющем большинстве случаев представлены с участием грамматического субъекта действия – подлежащего. Индивидуальный или коллективный субъект в китайской лингвокультуре – это определенный, активный производитель действия, поэтому предложения, которые употребляются автором очерка для повествования о герое и для его характеристики, являются в большинстве случаев двусоставными (или неполными, в которых подлежащее легко восстанавливается из контекста). Приведем фрагменты рассказов о героях, действия которых соотносимы с конкретным субъектом (грамматическое

подлежащее обозначает субъекта-индивидуума) или с коллективным субъектом:

* В то время ДЭН СЯОПИН непрерывно ПОЛУЧАЛ письма и телеграммы от товарищей, КОТОРЫЕ ОТПРАВЛЯЛИСЬ работать в разные районы Правой реки. ОНИ РАССКАЗЫВАЛИ о том, как СТАРАЯ ВЛАСТЬ жестоко УГНЕТАЛА НАРОД, как БЕСЧИНСТВОВАЛИ ТУХАО И ШЭНЬШИ (местные богатеи), как ПРОСТЫЕ ЛЮДИ горячо ПРИВЕТСТВОВАЛИ Красную армию. Всякий раз, когда СЕКРЕТАРЬ ПРИНОСИЛ Дэн Сяопину эти письма и телеграммы, ТОТ всегда ОБРАЩАЛ большое ВНИМАНИЕ на эти сведения. В период подготовки восстания ДЭН СЯОПИН РАБОТАЛ днем и ночью. Днем БЕСЕДОВАЛ с товарищами, ПРОВОДИЛ СОБРАНИЯ, ПЛАНИРОВАЛ РАБОТУ. А ночью вместе с Чжан Юньи и другими СОВЕЩАЛСЯ о текущих делах и СТРОИЛ ПЛАНЫ предстоящего восстания. Вскоре КРАСНАЯ АРМИЯ ЛИКВИДИРОВАЛА Третье отделение реакционного гарнизона. ПРЕДСТАВИТЕЛИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС ПРОНИКАЛИ в глубь вооруженных сил, продолжалось упорядочение и преобразование армии» (Истории о Дэн Сяопине).

* Сорокашестилетняя ВАН ИН в прошлом БЫЛА РАБОТНИЦЕЙ АТТУ... Поскольку, работая, ОНА многократно ПОЛУЧАЛА ЗВАНИЕ «Передовик производства», ВСЕ

Таблица 1

Русскоязычный китайский журнал «Партнеры»

НАЗВАНИЕ ОЧЕРКА	ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ	НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ	БЕЗЛИЧНЫЕ И ИНФИНИТИВНЫЕ	ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫЕ	НОМИНАТИВНЫЕ
«Бесконечное стремление (о заместителе директора ИИЯ, декане факультета русского языка Харбинского педагогического университета Чжао Цюе)»	0	2	2	2	0
«Ушедшая с работы создала „Лепешки передовика“»	0	1	7	0	0
Истории о Дэн Сяопине	0	5	6	0	0
«Дух лошади-дракона стимулировал творческие взлеты (о художнике китайской национальной живописи „гохуа“ Чжан Шинане и его работах)»	0	1	0	0	0
«Чудесное, удивительное искусство (о создателе особого вида тканевой аппликации Тэн Тэне и его художественных произведениях)»	0	0	6	0	0
Итого:	0	9	21	2	0

Таблица 2

Российский журнал «Русский репортер»

НАЗВАНИЕ ОЧЕРКА	ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ	НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ	БЕЗЛИЧНЫЕ И ИНФИНИТИВНЫЕ	ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫЕ	НОМИНАТИВНЫЕ
«Полковник спецназа»	6	38	36	1	11
«Пастырь добрый»	22	7	21	1	2
«Русские МЫ»	4	36	43	6	1
«Михаил Угаров: создать утопию из реальности»	2	7	36	1	1
«Андрей из донецкого анекдота»	0	12	37	2	6
Итого:	34	100	173	11	21

ее так и ЗВАЛИ «Передовичка». В 1994 году ОНА и ее МУЖ УШЛИ с этого места работы. Потом ОНИ ОТКРЫЛИ маленький магазинчик, но доходов от него едва хватало, чтобы прокормить семью. Самолюбивая ВАН ИН НЕ ПАЛА ДУХОМ. ОНА НАЧАЛА ПОДУМЫВАТЬ об использовании своего мастерства пекаря, чтобы начать зарабатывать деньги. В 1996 году ВАН ИН, используя последние имеющиеся в доме несколько сотен юаней, ВЗЯЛА В АРЕНДУ маленькое помещение в районе утреннего рынка на улице Ляюань (Ушедшая с работы создала «Лепешки передовика»).

Определенность и конкретность именования субъекта в китайских портретных очерках во многом определяется китайской лингвокультурной традицией точного и конкретного именования лица, что получило отражение, например, в терминах родства – в китайском языке их 274 [Крюков 1972]. В российских же портретных очерках, написанных в соответствии с русскими лингвокультурными традициями, субъект как производитель действия выражен с гораздо меньшей степенью определенности, о чем свидетельствует большое число односоставных предложений, которые представляют действия или состояния без участия грамматического субъекта – подлежащего. Это, прежде всего, неопределенно-личные и безличные предложения, манифестирующие действия, протекающие самопроизвольно или совершаемые «некими людьми». Поэтому герой русского портретного очерка представляется не свободным в своих действиях – его активность постоянно сдерживают внешние обстоятельства, они же могут быть виноваты и в неудачах, ср. фрагменты из очерков:

* А потом Ульман... попался. Мой вывод: налицо факт преступной халатности и безграмотности оперативного дежурного по РИАЦ, который отдавал разведгруппе противоречивые приказы. А ЕЩЕ ВИНОВАТ ХАОС ВОЙНЫ. НЕ ПОВЕЗЛО И УЛЬМАНУ, И УБИТЫМ ИМ ЛЮДЯМ. Никому НЕ НРАВИТСЯ УБИВАТЬ невинных людей. С ЭТИМ ЖЕ ПОТОМ ЖИТЬ (Полковник спецназа).

* К концу советской власти никто не хотел быть кержаком. Это обзывалка такая была: кержак или, ЕСЛИ СОВСЕМ ОБИДЕТЬ ХОТЕЛИ, чашечник. Ну тот, кто воду дает в другой чашке. Лет сорок назад их еще МОЖНО БЫЛО ЗДЕСЬ НАЙТИ, чашечников-то. Обособленно жить старались. Говорили по-своему, прижимистые были, все в дом. Много про них плохого ГОВОРИЛИ. Например, в баню они всей семьей ходили. У НАС-ТО СТРАННО, А У НИХ НОРМАЛЬНО. Ну так что с того? У них пьяных отродясь НЕ БЫЛО. ПИЛИ брагу на меду, но не допьяна. Нормальные зажиточные крестьяне, Все, что вы вокруг видите, все они построили. Они сюда пришли без всего, без хлеба, без лошадей. По-кержацки знаете как ГОВОРЯТ? Людишки, лошаденки, коровенки... Это чтоб не СПЛАЗИЛИ. Они свой достаток не вытячивали. Да их и ПОНЯТЬ МОЖНО. Все ДОСТАВАЛОСЬ огромным трудом (Русские МЫ).

Как следствие – можно утверждать, что «свобода воли» субъекта (производителя действия) у авторов (носителей китайского языка) отчетливо эксплицирована. В скобках заметим, что в китайском языке это отражается и в «отчетливой дифференциации для выражения понятия „Я“ в зависимости от того, идет ли речь о гордости, самоуважении или самоуничижении» [Гришаева, Цурикова 2003: 275]. Носителям же русского языка свойственно акцентирование несвободы отдель-

ного человека, его зависимости от решений и действий других людей, судьбы, обстоятельств и др.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

«Свобода воли» субъекта, репрезентированного в китайских текстах, гораздо в большей степени, чем в российских текстах, ограничена аксиологическими регулятивами – системой ценностей, сформировавшихся за долгое время и разделяемых обществом.

Регулятивная функция текста тесно связана с его прагматичностью, под которой вслед за Н. С. Болотновой мы понимаем «способность вызвать коммуникативный эффект, отражающий интенцию автора, его коммуникативную стратегию и концептуальную картину мира» [Болотнова 1999: 36]. Основной коммуникативной стратегией авторов портретных очерков в русскоязычном китайском дискурсе является, на наш взгляд, именно аксиологическая стратегия, посредством которой реализуются заданные автором ценностные доминанты. В свою очередь, выявить аксиологические доминанты можно с опорой на текстовую категорию тональности, ср., трактовку тональности как типа авторской эмоциональности в художественной литературе, предполагающую ее связь с ценностными ориентациями: «В художественных произведениях... имеют место обладающие устойчивостью „сплавы“ обобщений и эмоций, определенные типы освещения жизни. Это героика, трагизм, ирония, сентиментальность и ряд смежных им феноменов... Эти феномены человеческого сознания и бытия можно назвать мировоззренческими (или мирозерцательными) значимыми... Подобные эмоции сопряжены с ценностными ориентациями отдельных людей и их групп. Они порождаются этими ориентациями и их воплощают» [Хализев 1999: 68].

Тональность, понимаемая как тип авторской эмоциональности, имеет несколько терминологических обозначений, например «пафос» текста. Приведем типовые для китайского портретного очерка разновидности пафоса (речевые и стилистические особенности русскоязычных текстов, созданных китайцами, оставлены без изменений):

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПАФОС:

* В 2003 году ЮНЕСКО и ассоциация литераторов и художников КНР присвоили этому обладающему высокими деловыми и моральными качествами, смело творящему старому мастеру самое высокое почетное звание «Мастер декоративно-прикладного искусства Китая» (Чудесное удивительное искусство).

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ПАФОС:

* Он решил своими неустанными усилиями доказать то, что пообещал себе – всю жизнь прилагать силы к делу культурного обмена между Китаем и Японией. Не жаловаться на трудности и не раскаиваться за свое решение, не отказываться, даже если на работу отправят в самое глухое место в провинции Юньнань (Увлеченный Китаем господин Кадо Чогоу).

ЛИРИЧЕСКИЙ ПАФОС:

* Я посмотрела в окно, наступала вечерняя заря, мимо пролетела стайка ласточек. Они украсили вечернюю картину. Лучи заходящего солнца окрасили лицо Чжоу Сяюань в розовый цвет, отчего ее глаза стали ярче, и ее добродушие

стало очевиднее и привлекательнее (И осенью бывает весна).

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ПАФОС:

* Перед банкетом одноклассники выступали по очереди с речью. Очередь дошла до Цзена. Поздоровавшись, он сразу закрыл лицо руками и уронил голову на трибуну. Все удивились, так как не понимали, что с ним случилось. Вдруг раздалось рыдание. Оказалось, что Цзен громко заплакал. Через несколько минут Цзен поднял голову, вытер слезы и сказал: «В самом деле, в этот раз я пришел только для того, чтобы поплакать вволю перед товарищами от обиды. Может быть, вы считаете, что я добился большого успеха, но кто понимает горе и страдание, которые я пережил? Мне нельзя было обращаться с окружающими как с товарищами, нельзя было рассказывать о себе откровенно, надо было одному все брать на себя. Я тоже понимаю, что мы все выросли, надо воспринимать жизнь такой, какая она есть, и уже нет возможности оставаться в прошлом, в прекрасном воспоминании о школьной жизни и юношеской чистоте души. Я действительно скучаю по тем временам (Мы с вами навсегда одноклассники).

* Во время преподавания в Китае произошли ТРОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ, которые сохранились в его памяти... Выйдя из корпуса для специалистов он заметил, как один китайский студент, стоя под уличным фонарем, читает книгу. КАРТИНА НАСТОЛЬКО РАСТРОГАЛА ЕГО, что он, занимающийся преподаванием 30 с лишним лет, НЕ СМОГ СДЕРЖАТЬ ПОТОК СЛЕЗ. Он невольно почувствовал, какую большую ответственность он несет на своих плечах (Увлеченный Китаем господин Кадо Чогоу).

Для характеристики ценностных ориентиров наиболее релевантным является понятие коммуникативной тональности, предложенное В. И. Карасиком [Карасик 2009, 2016], который выделяет более 10-ти типов последней. Полагая, что понятие «коммуникативная тональность» в одинаковой степени можно использовать для анализа как устной, так и письменной речи, попытаемся с опорой на типологию В. И. Карасика представить ее текстовое воплощение в ряде портретных очерков из журнала «Партнеры»:

1. ИНФОРМАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ:

* 7 Февраля 2007 года на первом для крестьян-мигрантов всей страны торжественном вечере по случаю Праздника Весны Пи Цзиньцзюнь от имени 1 млн. крестьян-мигрантов города Циндао вручил вице-мэру Циндао Ван Шуцзяню кубок «10 самых любимых крестьянами-мигрантами городов». В ответ Ван Шуцзянь подарил Пи Цзянцзюню приглашенный билет на церемонию открытия олимпийской парусной регаты-2008 и выразил крестьянину-мигранту свое искреннее уважение (Заработки крестьянина-мигранта стали расти).

2. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ – «серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим» [Карасик 2016: 65].

Именно с этой тональностью наиболее полно связана система ценностных доминант, регулирующих поведение отдельной личности, причем понимание необходимости ценностных ориентиров демонстрируют и сами герои очерков, ср.:

* Ши Цинхуа еще специально разбил огород с тем, чтобы дети научились выращивать овощи, чтобы приучить их к НЕОБХОДИМЫМ В ЭТОЙ ЖИЗНИ ЦЕННОСТЯМ (Ради 103 детей).

Текстовый материал позволяет утверждать, что к ведущим ценностям в китайской культуре относятся такие.

1. Трудолюбие, стремление к профессиональному росту:

* Он действительно сделал сам себя, использовав для этого подручные материалы: ТИТАНИЧЕСКИЙ ТРУД, богатейшую фантазию и истинный актерский талант (Чан Лун: Жизнь, отданная кунфу).

* Его ТРУДОЛЮБИЕ И НАСТОЙЧИВОСТЬ ОЦЕНИЛИ РУКОВОДИТЕЛИ, и он наконец остался работать в порту Циндао постоянно (Заработки крестьянина-мигранта стали расти).

2. Воля, упорство, целеустремленность, настойчивость, твердость духа:

* Чжао Цюе... отличный руководитель научного предмета, ЧЕЛОВЕК, ОБЛАДАЮЩИЙ ДУХОМ ПОСТОЯННОГО СТРЕМЛЕНИЯ ВПЕРЕД, ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТИ И НОВАТОРСТВА (Бесконечное стремление).

* По характеру он человек скрытный, самолюбивый... но у него ТВЕРДАЯ ВОЛЯ и УПОРНЫЙ ХАРАКТЕР, что очень подходит для занятий бильярдом спортом (Молодежь с 80-х годов, берегите честь смолоду!).

* Хань Хань – не человек, а целое явление. Он – достойный представитель молодежи 80-х. ... Ничто не поменяет его ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТЬ, и даже если он будет идти против течения, то БУДЕТ ДЕЛАТЬ ЭТО НЕПОКОЛЕБИМО, отражая свои оригинальным стилем события этой эпохи (Молодежь с 80-х годов, берегите честь смолоду!).

* Благодаря своей НАСТОЙЧИВОСТИ И УПОРНОЙ УЧЕБЕ, она не только еще раз трудоустроилась сама, но и предложила рабочие места пяти покинувшим службу подругам (Ушедшая с работы создала «Лепешки передовика»).

* Несмотря на те препятствия, которые встречала Ян Липин все эти годы, она НИ РАЗУ НЕ ОТСТУПАЛА. Можно было выбрать много дорог в жизни и не танцевать, а она все танцует. Я восхищен (Танец – это мое кредо).

* Лю Сян является не только гордостью китайских спортсменов, но и гордостью молодежи с 80-х годов. Он не только прославил Родину своей НАСТОЙЧИВОЙ ВОЛЕЙ, не меркнувшей надеждой на победу и упорными тренировками, но и показал пример, по которому должны учиться многочисленные молодые люди в Китае (Молодежь с 80-х годов, берегите честь смолоду!).

3. Ответственность:

* В юном возрасте Хун Чжанхуэй нес за сестрой, такую ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, какую в его возрасте обычно никто не несет. Уход за сестрой и учеба в таком юном возрасте заслуживают УВАЖЕНИЯ, а его дух воодушевляет людей БЫСТРО ИДТИ ВПЕРЕД (Молодежь с 80-х годов, берегите честь смолоду!).

* Пройдя через многочисленные трудности, он, опираясь на собственные убеждения и ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ, НЕ БОЯСЬ ТРУДНОСТЕЙ, ТВЕРДО ВЫПОЛНЯЕТ ЭТУ ОСОБУЮ МИССИЮ ВО ИМЯ ОБЩЕГО БЛАГА (Молодежь с 80-х годов, берегите честь смолоду!).

4. Талантливость, стремление к высокому мастерству:

* Мастер Тэн – многогранный и разносторонний ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК... Художественное МАСТЕРСТВО,

непоколебимая твердость духа, всесторонняя поддержка семьи позволяют ему изо дня в день накапливать и совершенствовать знания в области создания тканеклеевых картин (Чудесное удивительное искусство).

* «МАСТЕР ЭФФЕКТИВНОСТИ Чжэньчао» – это звание, которое дают передовым работникам, трудящимся, как сам Сюй Чжэньчао (Заработки крестьянина-мигранта стали расти).

5. Патриотизм, чувство долга:

* Молодые танцоры улыбаются и рассказывают, что некоторые иностранные организаторы представлений, ошеломленные их выступлением, приглашают их присоединиться к ним, но они отказывают всем без исключения. По этому поводу У Чжэньдань говорит: «Я военная, и к тому же занимаюсь общественной работой. НАША ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРДИТСЯ МНОЙ. И ДЕНЬГИ НЕ ЗАМЕНИТ МНЕ ЭТОГО ПОЧЕТА. Я его очень ценю!.. Они считают, что если бы не было Китая и поддержки самостоятельности в военной части, то того, что они имеют сегодня, не было бы никогда: «гадкий утенок» не превратился бы в «белого лебедя» («Восточный лебедь», распахнув крылья, взмывает ввысь).

6. Благодарность (людям, обществу и учителям):

* Ши Цинхуа говорит, что с финансовой точки зрения им, скорее, тяжело... Зато они обладают ДУШЕВНЫМ БОГАТСТВОМ. Он желает, чтобы дети поняли, как надо БЛАГОДАРИТЬ ЗА ЗАБОТУ ЧУЖИХ ЛЮДЕЙ и КАК ОНИ ДОЛЖНЫ БУДУТ ОТБЛАГОДАРИТЬ ОБЩЕСТВО В ОТВЕТ (Ради 103 детей).

* И мой УЧИТЕЛЬ! Как и все остальные прыжки, этот стал возможным только БЛАГОДАРЯ ТЕБЕ. Не будь тебя, я никогда не стал бы Джеки Чаном. Я ненавижу тебя. Я боялся тебя. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, УЧИТЕЛЬ! Многие меняются. Но кое-что – никогда (Чан Лун: Жизнь, отданная кунфу).

7. Скромность, сочувствие, коллективизм:

* Добродушие, СКРОМНОСТЬ, СОЧУВСТВИЕ, КОЛЛЕКТИВИСТСКИЙ ДУХ – весь этикет китайской культуры при помощи Яо Мина передается американцам, которые познают ее (Китайские звезды в НБА).

8. Дружба, взаимопонимание:

* По случаю Года Китая в России она хочет отдать ему свой маленький цветок творчества, чтобы ВНЕСТИ ВКЛАД В ДЕЛО УКРЕПЛЕНИЯ ДРУЖБЫ между народами Китая и России (Концепция китайско-российского художественного творчества – о художнице Чжан Сюэин).

9. Добро:

* Танец «Тысячерукая Гуаньинь» объединил традиционную культуру с ИДЕЕЙ ДОБРА, Перед голубыми экранами зрители как будто погрузились в АУРУ ДОБРА, УМА И ПРЕЛЕСТИ (Танец «Тысячерукая Гуаньинь» растрогал весь Китай).

3. МЕНТОРСКАЯ (ДИДАКТИЧЕСКАЯ) ТОНАЛЬНОСТЬ

Посредством этой тональности делается акцент на регулирование поведения адресата текста с целью организовать или трансформировать его образ жизни и поведение в соответствии с нормами и традициями. Как следствие – в очерках, написанных китайскими авторами, наблюдается стремление к афористичности текста. Регулятивы, имеющие форму афоризмов, определяющих поведение человека, свидетельствуют об «антропоцентричности» выбора языковых единиц

в процессе коммуникации» [Брыкина 2017: 114] и выраженной дидактичности текста:

* БОРЬБА ИЗМЕНЯЕТ СУДЬБУ, А УСЕРДИЕ СОЗДАЕТ БУДУЩЕЕ. Эта фраза больше всего подходит для Дин Цзюньхуэя. По нему мы видели, как закалялся талант. Слезы и упрямство, наверное, подсказали молодому человеку, что КТО ОТДАЕТСЯ ТРУДУ, ТОТ ПОЖИНАЕТ ПЛОДЫ (Молодежь с 80-х годов, берегите честь смолоду!).

* Успех, наверное, связан с шансом, но ШАНС ЛЮБИТ ТЕХ, КТО УЖЕ ГОТОВ ЕГО ПРИНЯТЬ И ПРИЛОЖИЛ К ЭТОМУ УСИЛИЯ. Цзинминь один из них (Молодежь с 80-х годов, берегите честь смолоду!).

* ДЕЛО НАДО ДЕЛАТЬ СЕРЬЕЗНО. НА ВЫСОКОЙ СКОРОСТИ СОХРАНЯТЬ БДИТЕЛЬНОСТЬ И КОНТРОЛИРОВАТЬ СВОЮ СУДЬБУ – в этом нельзя только видеть причину в создании мифа о Ли Сяне, А ПРЕЖДЕ ВСЕГО НАДО ПРИНЯТЬ ЭТО КАК КАЧЕСТВО, КОТОРЫМ ДОЛЖНЫ ОВЛАДЕТЬ КОММЕРЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ 80-Х ГОДОВ (Молодежь с 80-х годов, берегите честь смолоду!).

* Что значит быть тронутым? МЫ НЕ МОЖЕМ быть тронуты им, МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИМ ТРОНУТЫ. На своих некрепких плечах он несет ответственность этой эпохи и упорно идет вперед, невзирая на горе и разные трудности (Молодежь 80-х годов, берегите честь смолоду!).

* Творчество означает, что надо высказать свою идею и не важно, если она оказалась ошибочной, и только ТАКИМ ОБРАЗОМ МОЖНО НАУЧИТЬСЯ ЕЩЕ БОЛЬШИМ И ПРАВИЛЬНЫМ ВЕЩАМ (Американские «Шрек» и его китайский «отец»).

* ЧЕЛОВЕК НЕ ДОЛЖЕН ЗАБЫВАТЬ СВОЕ ПРОШЛОЕ, этические принципы всегда важнее техники исполнения («Восточный лебедь», распахнув крылья, взмывает ввысь).

* УДАЧУ ВСЕГДА СОПРОВОЖДАЕТ ТРУДОВОЙ ПОТ (Бесконечное стремление).

4. ФАСЦИНАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ

«Фасцинативный дискурс представляет собой общение, системными признаками которого являются эмоциональная личностная привязанность к содержанию получаемой информации» [Карасик 2016: 65]:

* В это время я всегда думаю, будучи одним из сыновей этого города, я должен оставить ему свой след: или высказать свое восхищение о нем в письменном виде, или рассказать молодым друзьям о его истории, или спеть ему песню, наполненную глубоким чувством (Харбин в моей памяти).

Ценностные ориентиры у китайских авторов во многом определяются древней культурой Китая, его историей и литературой: «Китайские студенты факты для речей черпают из своего жизненного опыта, из китайской литературы, из китайской истории (пропитаны ею!). Они не любят абстрактных рассуждений, предпочитая конкретику» [Селезнева 2002: 5], ср., например:

* Прилежание Чжао Цюэ позволяет называть ее «не дорожающей жизнью Санлань» (главный герой древнего известного китайского произведения «Речные заводи» Ши Найан) (Бесконечное стремление).

Фасцинативная тональность реализуется также посредством конвергенции выразительных средств, и прежде всего – сравнений, восходящих к литературной традиции:

* Она (Чжао Сяоянь. – Н. Р.), как свеча, дарит свет другим, расходуя себя, она как прилежный садовник, который поли-

вает свои цветы потом и кровью, она как ласточка, которая извещает людей о наступлении весны (И осенью бывает весна).

Несмотря на достаточное разнообразие тональностей, мы считаем, что именно совокупность вариантов идеологической тональности можно считать аксиологической основой (доминантой), ценностным ядром китайских портретных очерков. Автор очерка отбирает и интерпретирует информацию о герое так, что субъект, о котором идет речь, становится аксиологическим эталоном, носителем указанной системы ценностей. Ценностные доминанты лежат в собственно прагматической (трудолюбие), волевой и межличностной областях и соотносятся также с креативом, ответственностью, патриотизмом, благодарностью отдельным людям и обществу. В целом составляющие аксиологического эталона априори заданы культурой и традициями Китая, сложившимися на протяжении тысячелетий.

В российских портретных очерках дело обстоит иначе. Если китайская система ценностей, транслируемая адресату, скорее, декларативна, априорна, то российская система насковзь полемична – ценности в каждом очерке утверждаются в оппозиции к антиценностям. Ограниченный объем статьи не позволяет нам представить иллюстрации ценностей и антиценностей в текстах российских очерков, поэтому кратко перечислим их:

1. «Полковник спецназа»

Антиценность – война.

Ценности – смелость, мужество, героизм во время военных действий.

2. «Михаил Уваров: создать утопию из реальности»

Антиценность: чиновничий произвол.

Ценности: креативность, творческая смелость, самоотдача, в том числе – в отношении к ученикам, искренность.

3. «Андрей из донецкого анекдота»

Антиценности: война, ложь, апатия (тоска), одиночество, власть, страх, несвобода.

Ценности: свобода, смелость, энергетика, оптимизм.

4. «Пастырь добрый»

Антиценности: ненависть, местная власть, воровство, ненормативное поведение.

Ценности: национальные традиции, образование, социальный статус.

5. «Русские МЫ»

Антиценности: алкоголизм, власть, жестокость.

Ценности: трудолюбие, терпение, материальный достаток, справедливость.

В дополнение к сказанному хотелось бы отметить неоднозначные оценки России, в связи с которой в российской публицистике имеет место аксиологическая полярность:

Россия как ценность:

* *Хотя мы числились как офицеры узбекской армии, но продолжали СЛУЖИТЬ РОССИИ* (Полковник спецназа).

* *Что я видел в этой жизни, кроме баранов? Нет, пусть (сын. – Н. Р.) учится, УЕЗЖАЕТ В РОССИЮ, ЧЕЛОВЕКОМ СТАНОВИТСЯ* (Пастырь добрый).

* *НАМ С РУССКИМИ ХОРОШО. РУССКИЕ УМЕЮТ РАБОТАТЬ, У НИХ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЕСТЬ. БЕЗ РУССКИХ МЫ ПРОПАДЕМ* (Русские МЫ).

Россия как антиценность:

* *Жители Украины, которые могли бы сохранить лояльность к России, видя, как та заботится об их близких в Републиках, БЛАГОДАРЯТ БОГА ЗА ТО, ЧТО РОССИЯ НЕ ПРИШЛА К НИМ. Единственный способ, которым Россия могла бы сохранить лояльность украинцев, – проявить внимание к людям в Републиках. НО РОССИЯ ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛА. Она не выдала людям российских паспортов и БРОСИЛА МНОГИХ ИЗ НИХ ДОЖИВАТЬ ПОД БЕСКОНЕЧЕЫМ ОБСТРЕЛОМ В СЕРЫХ ЗОНАХ* (Андрей из донецкого анекдота).

Таким образом, система ценностей, репрезентированная в российских портретных очерках, гораздо более разнообразна, чем китайская, она во многом релятивна, ситуативна и отражает современную тенденцию к авторизации и даже субъективизму дискурса СМИ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Свобода воли» субъекта в русскоязычных китайских СМИ проявляется на грамматическом уровне гораздо сильнее, чем «свобода воли» субъекта в российской публицистике. Однако она регулируется (ограничивается) аксиологическим фактором – национальной коллективной системой ценностей, сложившейся на протяжении веков, ср.: «Коммуникативная культура Китая опирается на конфуцианские и даосистские этические принципы, согласно которым мудрый человек должен жить по ритуалам и правилам, жить достойно... Эти этические принципы и по сей день играют значительную роль в жизни китайцев» [Селезнева 2002: 4]. Иными словами, субъект в русскоязычных китайских СМИ активен и действует в русле априорно заданной системы ценностей, а портретный очерк может рассматриваться как жанровая форма, создаваемая с целью сохранения и трансляции аксиологической доминанты, которая необходима для эффективного функционирования общества.

В свою очередь, «свобода воли» российского субъекта резко ограничена другими людьми, внешними обстоятельствами, судьбой. Системой национальных ценностей деятельность субъекта регулируется в гораздо меньшей степени, чем в китайской культуре, а ценности утверждаются в полемике с антиценностями. Каждый рассказ о человеке, опубликованный в «Русском репортере», отражает не априорно заданный комплексный аксиологический эталон, а авторскую точку зрения на какой-то из аспектов этого эталона. Субъект, ограниченный множеством внешних факторов, действует в русле индивидуальной, во многом ситуативной аксиологической сферы. Как следствие – регулятивную функцию текста в китайской публицистике можно считать коллективной, а в русской – индивидуально-авторской; субъектную же организацию текста в этих лингвокультурах можно расценивать как проявление этнической идентичности его носителей. Думается, что представленный материал не оставляет сомнений в самом факте влияния этнической идентичности инофонов на письменную русскоязычную коммуникацию. В свою очередь, учебно-методическая реализация представленных наблюдений и выводов является перспективным направлением нашей работы.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова В. И. Художественно-публицистические жанры в газетной периодике. – Саранск: Красный Октябрь, 2003. – 56 с.

Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 5–14.

Болотнова Н. С. Основы теории текста. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1999. – 100 с.

Брысина Е. В. Соматическая лексика в составе фразеологических единиц как свидетельство антропоцентричности диалекта // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст. – Тяньцзинь: Тяньцзиньск. ун-т иностр. языков, 2017. – С. 114–119.

Бulygina Л. Д. Реализация и развитие этнокультурного потенциала учащихся в полинациональных группах // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. – С. 93–96.

Гришаева Л. И., Чурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 369 с.

Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 56–77.

Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

Красноярцева О. В. Газетная художественная критика. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. – 212 с.

Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). – М., 1972. – 333 с.

Ларина Т. В. Язык как компонент этнической идентичности // Язык, культура и мягкая сила. – Гуанчжоу; Екатеринбург: УрГПУ; Гуанчжоу, 2018. – С. 56–62.

Майданова Л. М. Стилистические особенности газетных жанров. – Свердловск: УрГУ, 1987. – 64 с.

Руженцева Н. Б. Инонациональная специфика текста в чужом коммуникативном пространстве: методика анализа // Вестник ПГЛУ. – 2013. – № 1. – С. 114–120.

Селезнева Г. Я. Контрастивное описание китайского и русского вербального коммуникативного поведения // Русское и китайское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып. 1. – 76 с.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати. – М.: Аспект-пресс, 2000. – 310 с.

Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Высш. школа, 1999. – 398 с.

Данные об авторах

Руженцева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
E-mail: verbalis@mail.ru.

Нахимова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
E-mail: nakhimova@gmail.com.

REFERENCES

Antonova V. I. Artistic and publicistic genres in newspaper periodicals. – Saransk: Red October, 2003. – 56 p.

Boldyrev N. N. Problems of Verbal Communication in Cognitive Perspective // Questions of Cognitive Linguistics. – 2017. – № 2. – P. 5–14.

Bolotnova N. S. Fundamentals of Text Theory. – Tomsk: Publishing house of the Tomsk State Pedagogical University, 1999. – 100 p.

Brygina E. V. Somatic Vocabulary in the Composition of Phraseological Units as Evidence of the Anthropocentricity of the Dialect // Values in the Linguocultural Aspect: Linguistic Consciousness, Communication, Text. – Tianjin: Tianjin University Foreign Languages, 2017. – P. 114–119.

Bulygina L. D. Realization and Development of the Ethnocultural Potential of Students in Polynational Groups // Russian-Chinese Language Connections and Problems of Intercivilizational Communication in the Modern World. – Omsk: Publishing house of the Omsk State University, 2009. – P. 93–96.

Grishaeva L. I., Churikova L. V. Introduction to the Theory of Intercultural Communication. – Voronezh: VGU, 2003. – 369 p.

Karasik V. I. Discursive Personality Manifestation // Russian Journal of Linguistics. – 2016. – V. 20. – № 4. – P. 56–77.

Karasik V. I. Language keys. – M.: Gnozis, 2009. – 406 p.

Krasnoyarova O. V. Newspaper Art Criticism. – Irkutsk: Publishing house BSUEP, 2004. – 212 p.

Kryukov M. V. Chinese Kinship System (Evolution and Patterns). – M., 1972. – 333 p.

Larina T. V. Language as a Component of Ethnic Identity // Language, culture and soft power. – Guangzhou; Ekaterinburg: USPU; Guangzhou, 2018. – P. 56–62.

Maidanova L. M. Stylistic Features of Newspaper Genres. – Sverdlovsk: USU, 1987. – 64 p.

Ruzhentseva N. B. Inonational Specificity of the Text in Someone else's Communicative Space: an Analysis Technique // Bulletin of PSLU. – 2013. – № 1. – P. 114–120.

Selezneva G. Ya. Contrastive Description of the Chinese and Russian Verbal Communicative Behavior // Russian and Chinese Communicative Behavior. – Voronezh: Istoki, 2002. – Is. 1. – 76 p.

Tertychny A. A. Periodical Press Genres. – M.: Aspect Press, 2000. – 310 p.

Khalizev V. E. Literature Theory. – M.: Higher School, 1999. – 398 p.

Author's information

Ruzhentseva Natalia Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Nakhimova Elena Anatolievna – Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Дзюба Е. В.
Екатеринбург, Россия

ORCID ID: –
E-mail: ev_dziuba@uspu.me

УДК 378.016:811.161.1
DOI 10.26170/FK19-01-10
ББК Ш141.12-9-99
ГСНТИ 14.35.07;16.21.29
КОД ВАК 13.00.02

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу когнитивных стратегий, используемых авторами зарубежных учебников по русскому языку как иностранному для презентации образа России (ее истории, материальной и духовной культуры). Выделяется шесть стратегий представления образа России: стратегия отказа от освещения феноменов российской культуры в пользу чистой грамматики; стратегия тиражирования стереотипных представлений о русской культуре в ее отрыве от современного социокультурного контекста; стратегия отрыва языка от его культуры в пользу культуры той страны, в которой осваивается русский язык как иностранный; стратегия разумного сочетания языка, культуры страны изучаемого языка с феноменами культуры той местности, где осуществляется обучение; стратегия включения феноменов русской культуры в мировой культурный фонд; стратегия сочетания традиционного и актуального в освещении фактов современной действительности. Отмечается конструктивная сущность таких познавательных стратегий, которые отвечают требованиям социально-прагматической актуальности обучения иностранному языку (стратегия разумного сочетания языка, культуры страны изучаемого языка с феноменами культуры той местности, где осуществляется обучение; стратегия сочетания традиционного и актуального в освещении фактов современной действительности), а также принципам открытости межкультурному диалогу и учета факторов поликультурной среды при освоении иностранного языка (стратегия включения феноменов русской культуры в мировой культурный фонд). Подчеркивается, что конструктивный подход к отбору учебных материалов позволяет снизить долю негативной стереотипизации при знакомстве с историей и культурой страны изучаемого языка, а также нейтрализовать конфронтационные стратегии, проникающие в образовательный контент из международной политики и глобальных СМИ.

Ключевые слова: когнитивные стратегии; методика преподавания русского языка; русский язык как иностранный; лингвострановедение; лингвокультурология; русская культура; образ России.

Dziuba E. V.
Ekaterinburg, Russia

COGNITIVE STRATEGIES OF RUSSIA'S IMAGE PRESENTATION IN FOREIGN TEXTBOOKS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR SLAVIC LANGUAGES SPEAKERS

Abstract. The article studies cognitive strategies used by the authors of textbooks in Russian as a foreign language published abroad to present the image of Russia (its history, material and intellectual culture). Six strategies of Russia's image presentation are singled out: strategy of denial of cultural component and its replacement by pure grammar; strategy of distribution of stereotypes of the Russian culture disregard of contemporary sociocultural context; strategy of separation the language and culture with the emphasis on the native culture of students; strategy of well-balanced presentation of the Russian culture and the native culture of the students learning Russian as a foreign language; strategy of introduction of phenomena of Russian culture into the world cultural heritage; strategy of combination of traditional and latest information in description of the current situation. The article describes the essence of such cognitive strategies that meet the requirements of social and pragmatic tendency in teaching a foreign language (strategy of well-balanced combination of foreign culture and the native culture of the students learning the language; strategy of combination of traditional and latest information in description of the current situation), and the principles of readiness for intercultural dialogue and consideration of the factors of polycultural environment in learning a foreign language (strategy of introduction of Russian culture into the world cultural heritage). It is underlined that pragmatic approach to the choice of teaching aids helps reduce the negative effect of stereotypization that often appears when learning the history and culture of the foreign language, as well as to get rid of confrontational strategies that penetrate into the teaching aids form international political and mass media.

Keywords: cognitive strategies; methods of teaching Russian; Russian as a foreign language; linguistic and cultural studies; linguoculturology; Russian culture; image of Russia.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному»

Acknowledgments: The research is accomplished under financial support of Russian Foundation for Basic Research, project № 19-013-00895 “Learning to Understand Russia: Cognitive Strategies of Teaching Aids in Russian as a Foreign Language”

Для цитирования: Дзюба, Е. В. Когнитивные стратегии презентации образа России в зарубежных учебниках по русскому языку как иностранному для носителей славянских языков / Е. В. Дзюба // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 75–82. DOI 10.26170/fk19-01-10.

For citation: Dziuba, E. V. Cognitive Strategies of Russia's Image Presentations in Foreign Textbooks in Russian as a Foreign Language for Slavic Languages Speakers / E. V. Dziuba // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 75–82. DOI 10.26170/fk19-01-10.

Введение. В настоящее время за рубежом используется немалое количество учебников русского языка как иностранного (далее – РКИ), в которых Россия представлена как страна, лишенная какого-либо социального и научно-технического прогресса, как страна, в которой господствует чиновничий произвол, криминал и бездуховность, как страна дебоширов и пьяниц, которые гордятся лишь некоторыми завоеваниями прошлых лет (классическая музыка, русская литература, балет, космос) и интересы которых ограничиваются застольями и продуктами второсортной массовой культуры. В современном международном политическом контексте особенно важно выявить используемые зарубежными авторами когнитивные стратегии, обуславливающие концептуально-аксиологическое содержание учебников русского языка как иностранного. В одном из официальных документов – «Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом» – указано, что в современных условиях востребованность и распространенность языка за рубежом являются важнейшими показателями авторитета государства и его влияния в мире. В связи с этим русский язык необходимо рассматривать в качестве одного из основных инструментов продвижения и реализации стратегических внешнеполитических интересов Российской Федерации. Его распространение за рубежом способствует формированию положительного отношения к Российской Федерации в мировом сообществе, укреплению и расширению российского присутствия на международной арене. Таким образом, деятельность по поддержке и продвижению русского языка за рубежом является важной частью внешней политики Российской Федерации [см. подробнее: Концепция государственной поддержки...]. В цитируемом и некоторых других государственных актах [см. также: Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 годы; Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы; Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016-2020 годы] подчеркивается необходимость формирования положительного образа России в сознании представителей других народов. Однако поставленной задачи вряд ли можно достичь, если содействовать или не препятствовать поступлению негативной

и неоднозначной информации о прошлом, настоящем и будущем нашей страны из глобальных СМИ и политической коммуникации в международный образовательный контент. Одной из важнейших задач специалистов в области преподавания русского языка как иностранного, таким образом, является оценка учебников по русскому языку как иностранному с позиции выявления стратегий презентации в них образа России – позитивного или негативного.

Цель исследования. Данное исследование является частью объемного научного проекта, нацеленного на выявление когнитивных стратегий презентации образа России (ее истории, духовной и материальной культуры) в учебно-методических материалах по русскому языку как иностранному, созданных зарубежными авторами. В настоящей статье внимание сосредоточено на изучении стратегий презентации образа России в учебниках для носителей славянских языков. Заметим, однако, что авторская интенция вовсе не ограничивается стремлением сконцентрировать внимание лишь на имеющих место в зарубежных учебниках отрицательных примерах, рисующих негативный образ нашей страны; задача заключается вовсе не в том, чтобы собрать весь негатив и посетовать на несправедливое отношение к России. Научная проблема исследовательского проекта состоит в необходимости разработки когнитивных стратегий, определяющих концептуальное содержание учебных материалов по иностранным языкам (в том числе учебникам по русскому языку как иностранному) и устанавливающих специфику отбора и формирования лингвистического, страноведческого и культурологического материала учебников с целью формирования в мировом сообществе (в первую очередь у молодого поколения) позитивного образа России, а также в необходимости нейтрализации конфронтационной стратегии, которая продвигается некоторыми влиятельными политическими игроками в международной сфере и проникает в образовательный контент.

Материал исследования. Для анализа когнитивных стратегий презентации образа России (ее истории, духовной и материальной культуры) отобраны такие учебные материалы, которые оказались наиболее репрезентативными в реализации данного подхода, сре-

ди них следующие учебные пособия по русскому языку как иностранному:

1. Lenka Hrušková. Obecná ruština. České Budějovice, MU, 2012. – 75 с.
2. Войчех Павел Сосновски, Магда Дорота Тульская-Будзьяк. С Россией на «ты»! – М.: Русский язык. Курсы, 2014. – 224 с.
3. Татьяна Алексиева, Ольга Лазова, Виолетта Миланова. Я знаю на отлично русский язык: учебник для 11 классов с изучением РКИ как второго иностранного. София, 2014. – 124 с.
4. Татьяна Алексиева, Ольга Лазова, Виолетта Миланова. Я знаю на отлично русский язык: учебник для 12 классов с изучением РКИ как второго иностранного. София, 2015. – 128 с.
5. Русский язык как иностранный (начальный курс): учебник / Л. А. Меренкова и др. Мн.: Элайда, 2010. – 432 с.
6. Лебединский С. И., Гончар Г. Г. Русский язык как иностранный: учебник. Мн., 2011. – 402 с.
7. Сборник упражнений по грамматике русского языка / В. А. Загородный и др. Сумы: Сумский гос. ун-т, 2016. – 107 с.

Методология исследования. Изучение учебных материалов, эксплицитно или имплицитно представляющих лингвокультурную и страноведческую информацию о России, осуществляется посредством общелогических и общенаучных методов познания (методов наблюдения и описания, анализа и синтеза, объяснения и генерализации, индукции и сопоставления); методов теоретического исследования (выборочный и структурно-функциональный методы); а также собственно дисциплинарных – лингвистических – методов (методы контекстного, концептуального и лингвосомиотического анализа) [см. подробнее о специфике данных методов: Комарова 2012: 31–36, 2016: 218–492; Дзюба 2018: 76–102].

Обсуждения и результаты. Изучению учебно-познавательных стратегий посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных специалистов – философов, педагогов, психологов, филологов (Дж. Брунер [Брунер 1977], М. Н. Вятютнев [Вятютнев 1984], Т. Ван Дейка и В. Кинча [Ван Дейк, Кинч 1996]; А. А. Залевская [Залевская 1999], Р. П. Мильруд [Мильруд 2013] и др.¹). С учетом специфики познавательной деятельности и ментальных процедур ученые предлагают разноаспектные определения понятия когнитивной стратегии и выделяют различные типологии учебно-познавательных стратегий. Так, Дж. Брунер рассматривает стратегии образования понятий и принятия решений, при этом под стратегией исследователь понимает «некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определенных целей» [Брунер 1977: 135]. Цели стратегии, по мнению исследователя, сводятся к тому, чтобы «обеспечить: 1) образование данного понятия в результате столкновения с минимальным числом случаев, имеющих отношение к делу; 2) субъек-

тивную уверенность в факте возникновения понятия независимо от числа примеров, с которыми пришлось иметь дело субъекту на пути к образованию понятий; 3) надежное образование понятия при минимальной нагрузке памяти и логического мышления; 4) сведение к минимуму числа ошибочных отнесений к той или иной категории, предшествующее образованию понятия» [Брунер 1977: 136].

Обозначенные Дж. Брунером положения весьма актуальны при усвоении сведений об истории и культуре страны изучаемого иностранного языка, поскольку такое обучение (в т. ч. русскому как иностранному) осуществляется, как правило, в условиях минимизации коммуникативного контакта с носителями культуры изучаемого языка, вдали от реальных условий функционирования изучаемого языка и т. п. Актуальными при преподавании иностранного языка становятся и собственно методические факторы, обусловленные, во-первых, необходимостью дозирования предъявляемого учебного материала при освоении чужого языка и культуры (при этом фрагментарность часто не позволяет воссоздать полную и реальную картину действительности) и, во-вторых, субъективностью преподавателя, которая проявляется в отборе текстового и фактического материала с его концептуально-аксиологической спецификой.

Под *когнитивной стратегией* в данном исследовании понимается общий путь, или ментальный «маршрут», формирования концептуального содержания изучаемого лингвокультурного или лингвострановедческого феномена. При этом концептуальное содержание изучаемого феномена вбирает в себя когнитивные и аксиологические признаки, образные характеристики и прецедентные феномены, конвенциональные и иконические знаки и символы культуры.

Вслед за Р. Гротьяном заметим, что уровни презентации концептуальной информации могут быть различными. Исследователь отмечает три возможных уровня: «уровень наблюдаемого поведения и действия (явные стратегии или приемы; *manifeste Strategien oder Techniken*); уровень не наблюдаемых непосредственно когнитивных процессов (уровень ментальных, или когнитивных, стратегий; *mentale Strategien*); уровень ментальных (и тем самым не наблюдаемых непосредственно) репрезентаций в памяти (уровень стратегического знания; *Strategiewissen*)» [Grotjahn 1997: 52]. Таким образом, презентация концептуальной информации об истории, традициях и культуре России может быть представлена как эксплицитно, что реализуется в представленном проблемно-тематическом поле изучаемых текстов на русском языке как иностранном, так и имплицитно – на уровне собственно отбора оценочно маркированного текстового, иллюстративного и языкового материала для изучения. Те и другие формы презентации концептуального содержания имеют одну конечную цель – формирование целостного представления/знания об изучаемом феномене (лингвокультурном или лингвострановедческом).

Образ России в зарубежных учебниках по русскому языку как иностранному для носителей славянских языков формируется посредством отбора текстового материала (концептуально-содержательный аспект

¹ Подробнее обзор исследований по проблематике изучения когнитивных стратегий см. в работах Т. А. Лопаревой [Лопарева 2013], Д. Н. Павлова [Павлов 2006] и др.

анализа учебных материалов, который касается выбора тем и проблем текстов на русском языке для иностранной аудитории); выбора иллюстративного материала (знаки, символы русской культуры, русская живопись и архитектура, артефакты: *валенки, блины, матрешки*); отбора собственно языковых фактов (*выпивка, взятка, откат, могоарыч* – с одной стороны; *гостеприимство, русская душа, смелость и мужество* – с другой стороны).

Значительную долю концептуальной информации о стране изучаемого языка обучающиеся получают из предложенных преподавателем письменных и устных текстов, объединенных тематически (на этом аспекте сосредоточено основное внимание в данной статье). Так, учебник В. П. Сосновски, М. Д. Тульска-Будзак «С Россией на „ты“!» открывает студентам Россию в подборке материалов о безудержной страсти всех русских к алкоголю: изучаются жесты приглашения выпить, для просмотра предлагаются фрагменты из фильма «Особенности национальной охоты», сосредоточенного исключительно на алкогольной теме, для чтения «из материалов Интернета» выбран текст следующего содержания: **«Рассказ.** *В колокольню собора Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге попала молния, повредив фигуру Архангела с крестом на шпигеле. Император Николай I приказал найти человека, который смог бы взобраться на 120-метровую высоту и починить Ангела. Смельчаком оказался кровельщик Пётр Тёлушкин. При помощи верёвки он на руках вскарабкался на колокольню и смог починить символ города. А в награду рабочий попросил бумагу, которая позволит ему бесплатно выпивать в любом заведении. Вскоре он потерял царскую грамоту. Однако набрался наглости и потребовал новый документ. Вместо бумаги Николай I велел поставить наглицу клеймо на шею. Теперь Тёлушкин просто щёлкал пальцами по царскому знаку, когда приходил в заведение, и получал алкоголь бесплатно»* [Сосновски, Тульска-Будзак 2014: 14]. Описанный факт весьма занимателен, вероятно, он будет интересен обучающимся, но неужели с этих фактов необходимо начинать знакомство с русской историей и культурой, неужели это все, что можно сказать об истории России и исторических корнях великого города на Неве. Между тем, Петропавловская крепость положила начало строительству Санкт-Петербурга, стала символом эпохи Петра I и была неизменно связана с самыми знаменательными событиями истории России. Избранная авторами алкогольная тема нацелена лишь на трансляцию стародавних национальных стереотипов и ничего существенного в понимании русской ментальности не открывает.

Следующая тема, весьма востребованная в студенческой аудитории, тема сватовства. Выбор проблематики вполне отвечает принципам прагматической актуальности в обучении иностранному языку молодой аудитории. Однако отбор материала для презентации заявленной темы «Сватовство по-русски» – вызывает недоумение. Студентам предлагается рассмотреть картину Павла Федотова «Сватовство майора», обдумать и описать причину порывистого движения невесты в сторону от весьма немолодого и нелюбимого жениха-майора, ответить на вопрос, насколько рада такому сватовству невеста. Далее обучающимся предлагается рассмотреть картину Василия Пукирева

«Неравный брак», описать внешний вид, выражение лица и позу героев, предлагается предположить, какие чувства испытывают герои – жених весьма преклонных лет и юная невеста.

Трудно представить, какими мотивами были движимы авторы учебника в выборе весьма специфического исторического материала о русской свадьбе (в середине XIX века действительно стояла проблема неравных браков, инициаторами которых являлись разорившиеся дворяне, выбиравшие себе в жены богатых купеческих дочерей), но, какое отношение эти исторические факты имеют к русской свадьбе вообще и к современной русской свадьбе, остается неясным. Понятно, что авторы стремятся охватить широким взглядом одновременно и традиции, и русское классическое искусство, но вряд ли целесообразно представлять подобные примеры без исторического комментария и без указания на современный контекст. Вероятно, следовало бы также представить традиционные обряды русской свадьбы, которые вовсе не несут негативной оценки, но давно превратились почти в развлекательные действия: выкуп невесты перед бракосочетанием, встреча новобрачных с караваем, осыпание молодоженов мелкой монетой или рисом, что символизирует будущее богатство и благополучие молодой семьи, «кража» невесты во время свадебного застолья или подобное. Следующим шагом мог бы стать опрос обучающихся о свадебных традициях в их странах (что общего в свадебном обряде разных стран, что различного). Известно, например, что немецкие молодожены обязательно должны вместе распилить полено, что является символом будущего взаимопонимания и слаженности действий в любой работе; в некоторых областях Китая вся женская часть семьи невесты обливается слезами в течение целого месяца, вплоть до дня свадьбы и т. п.

Не менее удивительным для современного читателя кажется заостренность авторов зарубежных учебников на политической составляющей русской жизни. Так, тему знакомства предлагается освоить посредством диалогов, построенных по предлагаемой схеме, ср.: **«Задание 6.** Работайте в парах. Узнайте как можно больше о вашем партнёре. Используйте следующую схему: 1) узнайте семейное положение собеседника: женат / замужем, не женат / не замужем, имеет детей (сколько) / не имеет детей, разведён / не разведён...; 2) кто ваш собеседник по профессии, образованию; 3) какие у вашего собеседника политические взгляды: консерватор / либерал / сторонник левых сил / преданный коммунист – вот мой партийный билет!» [Сосновски, Тульска-Будзак 2014: 125]. Вряд ли в современной реальной жизни подобный диалог мог вообще состояться, а если и состоится, то, безусловно, мы подумаем, что собеседник, задающий подобные вопросы, бестактен и помешан на политике.

Выбор текстового и языкового материала в некоторых зарубежных учебниках определяется установкой авторов на трансляцию только стереотипных представлений о России, на тиражирование традиционных знаков и символов русской культуры. В ранее цитируемом учебнике «С Россией на „ты“!» представлена следующая подборка текстов (ср. заголовки: «Русский квас», «Матре-

на Ивановна Матрешка», «Город на Неве», «Офисное сердце Москвы», «Московский метрополитен», «Валенки, валенки, ой, да не подшиты стареньки», «Шапка-ушанка опять в моде», «Идите в баню», «Вкус детства» (о шоколаде «Аленка»), «Гастроном у Елисеева», «Твой друг Аэрофлот», «Красная Москва», «Жил да был Черный кот» (о приметах), «Ну, погоди!» [Сосновски, Тульская-Будзяк 2014]); в чешском учебнике «Obecná ruština» предлагаются тексты на такие темы: «Транссибирская магистраль», «Метрополитен Санкт-Петербурга» и др. [Hrušková 2012]. В указанных учебниках представлены темы, которые кочуют из одного учебника РКИ в другой, что создает впечатление некоего социально-культурного застоя, царившего в России. Искаженное представление о России складывается, с одной стороны, из-за отбора только знаковых культурных феноменов, с другой стороны, отсутствия проблемного характера в освещении этих фактов. Вряд ли можно увидеть проблемное содержание в устоявшихся веками формах. Современная российская действительность и жизнь обычных людей в этих учебниках не отражена. Описанные выше установки авторов учебников коррелируют с **когнитивной стратегией тиражирования традиционных (стереотипных) российских феноменов в отрыве от современного социокультурного контекста**.

Такого концептуального дисбаланса можно избежать посредством **конструктивной когнитивной стратегии сочетания традиционного и актуального** в освещении фактов современной действительности. В учебнике Л. Грушковой «Obecná ruština» предлагается текст об истории ГУМа, ср.: «Далеко не каждое предприятие имеет такую долгую и богатую историю, как Верхние торговые ряды, нынешний ГУМ, и лишь несколько торговых пассажей России вправе гордиться тем, что они созданы более века назад и успешно трудятся по сей день. ГУМ всегда был и остается крупнейшим универмагом страны. Планировка здания представляет собой три продольных трехэтажных пассажа с глубокими подвалами. Уникальность архитектуре здания придает стеклянная крыша работы инженера В. Шухова. Полуциркулярная по форме, диаметром 14 метров, с виду легкая и ажурная, она представляет собой солидное сооружение, на которое ушло более пятидесяти тысяч пудов металла. Протянувшись на четверть километра вдоль Кремлевской стены, здание ГУМа замыкает Красную площадь с востока, архитектурой фасадов, перекликаясь с Кремлем и Историческим музеем. ГУМ продолжает развиваться. Сегодня на месте образца постсоветской торговли формируется универсальный торгово-развлекательный комплекс, способный объединить прогрессивную современность и славную историю. ГУМ это не магазин „для богатых“ или „для бедных“. Это универмаг для людей, готовых жить в развивающемся обществе «потребления с человеческим лицом» (по материалам источника: <https://gum.ru/history>). Вероятно, добавив фрагмент о магазинах мировых торговых брендов, действительно можно говорить о заявленном автором сочетании традиции и современности в описании «главного магазина страны».

В этом смысле более злободневным является текст «Клара и магазин „Зара“», ср.: «Это Клара. А это магазин „Зара“. Это ее любимый магазин. Здесь большая распродажа. Скидки – 50 процентов. Клара уже 4 часа здесь. И вот результат. Вот новое красивое платье. Это другое платье.

Оно тоже красивое и очень дорогое. А это новая юбка. Очень красивая юбка. Это замечательный летний костюм. Это новая теплая шапка и новый теплый шарф. Это красивое пальто. А это новая шуба. Очень-очень дорогая! Это муж Клара. Он в шоке.

– Клара, это очень много!

– Дорогой, это немного! Твоя жена – молодая и красивая. Ты – богатый бизнесмен. А это твой новый галстук! Правда, красивый?

– Да, красивый... Но я уже не богатый, теперь я бедный» (из учебника отечественных авторов).

Очевидно, что второй текст более современный, юмористичный, несколько ироничный, однако сама проблематика текста близка многим. Вероятно, если и следует предлагать для чтения тексты исторического плана, то в качестве уравнивающего фактора нужно предложить и современный текст (ZARA – это мировой бренд, такой магазин есть во многих странах, что позволяет отметить общность реальной жизни людей разных стран).

Для некоторых учебников русского языка как иностранного, созданных за рубежом, характерна отраженная в них **когнитивная стратегия отрыва языка от его культуры**. Так, в учебнике белорусских авторов [Меренкова и др. 2010] все предлагаемые для чтения русскоязычные тексты посвящены феноменам исключительно белорусской культуры, ср. заголовки: *Перспектив Независимости в Минске, Белорусский государственный университет, Жизнь студента в Белоруссии*. В текстах описываются достопримечательности Минска и Белоруссии: старый город – *Троицкое предместье, Ботанический сад, Дворец Республики, Художественный музей; Озеро Нарочь на северо-западе Белоруссии*. Персоналии, обозначенные в учебниках, также связаны с Белоруссией (писатель Василь Быков, художник Марк Шагал). Очевидно, что учебные материалы, предлагаемые при освоении иностранного языка, должны соответствовать требованию социально-прагматической актуальности: обучающийся должен видеть неразрывную связь учебного материала и реальной действительности, в которую он погружен. Этот подход блестяще реализован в данном учебнике, но действительно ли справедливо игнорировать феномены русской культуры при предъявлении лексики и грамматики русского языка.

В этом смысле следует обратить внимание на другой учебник белорусских авторов, который презентует когнитивную стратегию **разумного сочетания языка, культуры страны изучаемого языка с феноменами культуры той местности, где осуществляется обучение**. В учебнике русского языка как иностранного С. И. Лебединского, Г. Г. Гончара [Лебединский, Гончар 2011] тексты о Белоруссии (*Система образования в Белоруссии, Республика Беларусь на карте мира, Об истории Белорусского края, Происхождение названия «Белая Русь», Евфросинья полоцкая*) соседствуют с широко представленными текстами о русской культуре и литературе. В учебник включены фрагменты художественных произведений Ф. М. Достоевского (портретное описание из романа «Братья Карамазовы»), В. Распутина («Уроки французского»), Б. Гуреева («Девушка моей мечты»), И. Хургина («Рыжая»), Е. Евтушенко («Человек»... Людей неинтересных в мире нет), Е. Ауэрбаха («Лебединая верность»),

Б. Окуджавы («Давайте восклицать»); представлены фрагменты из русской публицистики (Д. С. Лихачев «Жизненные цели и их самооценка», «Берегите молодость») и научно-популярной литературы (В. Леви «Сон человека и его характер»). Подкупает не только выбор текстов, направленных на отражение общегуманистических и национальных ценностей культуры, но также сама методологическая база, на основе которой подготовлены учебные материалы. Исследователи указывают, что «в качестве базовых принципов при построении учебника были избраны три основных лингвометодических положения: 1) коммуникативная направленность обучения и ее реализации на основе лингвострановедческой осведомленности учащихся с учетом актуальных сфер общения; 2) учет системности в изучении лексических единиц, их семантической взаимосвязанности и стилистической обусловленности функционирования в различных контекстах и ситуациях; 3) формирование системы языковых, речевых и коммуникативных заданий с ориентацией на учебно-профессиональные потребности учащихся, обучающихся в вузах Республики Беларусь» [Лебединский, Гончар 2011: 3].

Нельзя не подчеркнуть, что существует немалое количество зарубежных учебников по РКИ, которые также нацелены на становление не только собственно языковой и коммуникативной компетенций, но также на формирование лингвострановедческих знаний. В учебниках по русскому языку как второму иностранному для 11 и 12 классов болгарских школ «Я знаю на отлично русский язык» велико внимание к лингвокультурной составляющей [Алексиева и др. 2014; 2015]. Значительное число тем текстов связано с самыми разными областями культуры и естественной человеческой жизни. Например, в разделе «Проблемы современного города» предлагаются тексты о городах Европы, Китая и одновременно о Москве и Туле; в разделе «Музыкальная мозаика» речь идет о разных направлениях современной музыки и странах, где они появились (РНБ, брейк, хип-хоп и др.), здесь же встречаются тексты о классической музыке (В. А. Моцарт), есть текст о великолепной японской скрипачке Ванессе-Мэй, о вдохновленной музыкой российской певице Алсу и о молодом отечественном даровании Алексее Воробьеве, который сделал ошеломительную музыкальную карьеру, выиграв гран-при в разных музыкальных конкурсах в России, Америке и других странах. В разделе «Как мы общаемся» предлагается два текста, повествующих о большой любви всемирно известных и очень талантливых людей. Обучающиеся знакомятся с двумя историями любви: Владимир Высоцкий и Марина Влади – с одной стороны, Джон Леннон и Йоко Оно – с другой стороны. Эти тексты не просто раскрывают две истории знакомства и развития отношений представителей творческой среды, эмоциональная тональность этих текстов заставляет вызвать у читателя уважение к высоким отношениям влюбленных, понять, сколь ценны и значимы эти светлые чувства в жизни человека. Вероятно, именно об этих общегуманистических ценностях следует говорить на уроках русского языка как иностранного, вряд ли более продуктивно в плане развития межкультурного диалога транслировать сте-

реотипные представления о несовершенстве русского характера и о неоднозначных страницах русской истории.

Такой подход в освещении лингвокультурных фактов, предпринятый болгарскими специалистами, отвечает **стратегии включения феноменов русской культуры в мировой культурный фонд**. Описание национальной культуры в контексте культуры мировой, стремление показать Россию сохраняющей традиции и движущейся вперед вызывает у носителей русской культуры глубокое уважение к иностранцам-носителям русского языка. Эта тенденция в освещении лингвокультурных феноменов позволяет реализовать и стратегию презентации положительного, современного, неархаичного образа России в учебниках для иностранцев, и реализовать принцип отражения в учебных пособиях межкультурного взаимодействия.

Существуют и такие учебники русского языка как иностранного, которые реализуют противоположную представленную стратегию – **отказа от освещения феноменов российской культуры в пользу чистой грамматики**. Среди отобранных для анализа учебников таковым является «Сборник упражнений по грамматике русского языка», изданный в Сумском государственном университете [Загородный и др. 2016]. Удивительным кажется тот факт, что в учебнике по иностранному языку (даже с учетом грамматического подхода) не нашлось места ни одному связному тексту из художественной литературы, современной публицистики и под. Встает важный методологический вопрос, с какой целью необходимо изучать иностранный язык (в том числе – РКИ), если главная задача лишь усвоить грамматическое правило, отказавшись от усвоения коммуникативной и лингвокультурной/лингвострановедческой компетенций.

Выводы. Отобранные для анализа учебники русского языка как иностранного, составленные зарубежными исследователями для носителей славянских языков, наиболее отчетливо реализуют следующие когнитивные стратегии формирования концептуального содержания изучаемого феномена (в данном случае – страны изучаемого языка, т. е. России, ее истории и культуры):

- 1) стратегия отказа от освещения феноменов российской культуры в пользу чистой грамматики;
- 2) стратегия тиражирования стереотипных представлений о русской культуре в ее отрыве от современного социокультурного контекста;
- 3) стратегия отрыва языка от его культуры в пользу культуры той страны, в которой осваивается русский язык как иностранный;
- 4) стратегия разумного сочетания языка, культуры страны изучаемого языка с феноменами культуры той местности, где осуществляется обучение;
- 5) стратегия включения феноменов русской культуры в мировой культурный фонд;
- 6) стратегия сочетания традиционного и актуального в освещении фактов современной действительности.

Несомненно, конструктивными и наиболее продуктивными представляются такие познавательные стратегии, которые отвечают требованиям социально-прагматической актуальности обучения иностранному языку

(стратегия разумного сочетания языка, культуры страны изучаемого языка с феноменами культуры той местности, где осуществляется обучение; стратегия сочетания традиционного и актуального в освещении фактов современной действительности), а также принципам открытости межкультурному диалогу и учета факторов поликультурной среды при освоении иностранного языка (стратегия «вписывания» феноменов русской культуры в мировой культурный фонд). Вероятно, такой подход к отбору учебных материалов позволяет снизить долю негативной стереотипизации при знакомстве с историей и культурой страны изучаемого языка, а также по возможности нейтрализовать конфронтационные стратегии, проникающие в образовательный контент из международной политики и глобальных СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексиева Т., Лазова О., Миланова В. Я знаю на отлично русский язык: учебник для 11 классов с изучением русского языка как второго иностранного. – София, 2014. – 124 с.
- Алексиева Т., Лазова О., Миланова В. Я знаю на отлично русский язык: учебник для 12 классов с изучением русского языка как второго иностранного. – София, 2015. – 128 с.
- Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977. – 413 с. – (Общественные науки за рубежом. Философия и социология).
- Ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1996. – С. 153–211.
- Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). – М.: Русский язык, 1984. – 144 с.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999.
- Загородный В. А. и др. Сборник упражнений по грамматике русского языка. – Сумы: Сумский гос. ун-т, 2016. – 107 с.
- Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
- Комарова З. И. Технология научных исследований в системной методологии современной лингвистики: учебное пособие. – Екатеринбург: УрГПУ, 2016. – 209 с.
- Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 3 ноября 2015 года № Пр-2283 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kremlin.ru/acts/news/50644.
- Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: static.government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf.
- Концепция Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2014 г. № 2647-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: static.government.ru/media/files/1EiDSUiCWxw.pdf.
- Лебединский С. И., Гончар Г. Г. Русский язык как иностранный: учебник. – Мн., 2011. – 402 с.
- Лопарева Т. А. Познавательные стратегии и их роль в процессе обучения грамматической стороне говорения // Теория и практика образования в современном мире. – СПб.: Реноме, 2013. – С. 144–146.
- Меренкова Л. А. и др. Русский язык как иностранный (начальный курс): учебник. – Мн.: Элайда, 2010. – 432 с.
- Мильруд Р. П. Учение как управляемая и самоуправляемая познавательная деятельность // Научный диалог. – 2013. – № 2. – С. 33–48.
- Павлов Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 62–64.
- Сосновски В. П., Тульска-Будзьяк М. Д. С Россией на «ты!» – М.: Русский язык. Курсы, 2014. – 224 с.

Заключение. Выявленные когнитивные стратегии презентации образа России (ее культуры – материальной и духовной) позволяют обозначить важную для теории и методики преподавания русского языка как иностранного проблему установления унифицированных критериев оценки концептуального содержания учебных материалов и создания комплекса единых рекомендаций к отбору лингвистического, страноведческого и культурологического материала для обозначенных учебников. При этом русская культура должна быть представлена не только как система традиционных ценностей, уходящих корнями в далекое прошлое; важно подчеркивать и современный контекст, отмечая завоевания и мировые достижения наших соотечественников.

REFERENCES

- Aleksieva T., Lazova O., Milanova V. I know Russian perfectly: textbook for 11 classes with the study of Russian as a second foreign language. – Sofia, 2014. – 124 p.
- Aleksieva T., Lazova O., Milanova V. I know Russian perfectly: textbook for 12 classes with the study of Russian as a second foreign language. – Sofia, 2015. – 128 p.
- Bruner J. Psychology of knowledge. Outside immediate information: translation from English. – M.: Progress, 1977. – 413 p. – (Social sciences abroad. Philosophy and Sociology).
- Van Dyke T. A., Kinch V. Strategies for understanding connected text // New in foreign linguistics. Issue 13. Cognitive aspects of language. – M.: Progress, 1996. – P. 153–211.
- Vyatutnev M. N. Theory of the textbook of Russian as a foreign language (methodological foundations). – M.: Russian language, 1984. – 144 p.
- Zallevskaya A. A. Introduction to Psycholinguistics. – M.: Russian State University for the Humanities, 1999.
- Zagorodny V. A. et al. Collection of exercises on the grammar of the Russian language. – Sumy: Sumy State University, 2016. – 107 p.
- Komarova Z. I. Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics: tutorial. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural Federal University, 2012. – 818 p.
- Komarova Z. I. Technology research in the system methodology of modern linguistics: tutorial. – Ekaterinburg: USPU, 2016. – 209 p.
- The concept of state support and promotion of the Russian language abroad, approved by President of the Russian Federation V.V. Putin November 3, 2015 № Pr-2283 [Electronic resource]. – Mode of access: kremlin.ru/acts/news/50644.
- The concept of the Federal target program for the development of education for 2016–2020, approved by the decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2014 № 2765-p [Electronic resource]. – Mode of access: static.government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf.
- The concept of the federal target program “Russian language” for 2016–2020, approved by the decree of the Government of the Russian Federation of December 20, 2014 № 2647-p [Electronic resource]. – Mode of access: static.government.ru/media/files/1EiDSUiCWxw.pdf.
- Lebedinsky S. I., Gonchar G. G. Russian as a foreign language: textbook. – Mn., 2011. – 402 p.
- Lopareva T. A. Cognitive strategies and their role in the process of learning the grammatical side of speaking // Theory and practice of education in the modern world. – SPb.: Renome, 2013. – P. 144–146.
- Merenkova L. A. et al. Russian as a foreign language (initial course): textbook. – Mn.: Elaida, 2010. – 432 p.
- Milrud R. P. Teaching as a managed and self-managed cognitive activity // Scientific dialogue. – 2013. – № 2. – P. 33–48.
- Pavlov D. N. On some problems in the definition of the term “cognitive strategy” // Questions of cognitive linguistics. – 2006. – № 2. – P. 62–64.
- Sosnovska V. P., Tulska-Budzyak M. D. With Russia on “you!” – M.: Russian language. Courses, 2014. – 224 p.
- Federal target program “Russian language” for 2016–2020, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation

Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2015 г. № 481 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: static.government.ru/media/files/UdArRuNmgzHdm3MwRUwmdE9N3ohepzpQ.pdf.

Grotjahn R. Strategiewissen und Strategiegebrauch. Das Informationsverarbeitungsparadigma als Metatheorie der L2 – Strategieforschung // Strategien und Techniken beim Erwerb fremder Sprachen / Rampillon U., Zimmermann G. (Hrsg.). – Ismaning: Max Hueber Verlag, 1997. – S. 33–76.

Hrušková L. Obecná ruština. – České Budějovice, MU, 2012. – 75 с.

of May 20, 2015 № 481 [Electronic resource]. – Mode of access: static.government.ru/media/files/UdArRuNmgzHdm3MwRUwmdE9N3ohepzpQ.pdf.

Grotjahn R. Strategiewissen und Strategiegebrauch. Das Informationsverarbeitungsparadigma als Metatheorie der L2 – Strategieforschung // Strategien und Techniken beim Erwerb fremder Sprachen / Rampillon U., Zimmermann G. (Hrsg.). – Ismaning: Max Hueber Verlag, 1997. – S. 33–76.

Hrušková L. Obecná ruština. – České Budějovice, MU, 2012. – 75 с.

Данные об авторе

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ev_dziuba@uspu.me, elenacz@mail.ru.

Author's information

Dziuba Elena Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Веснина Л. Е.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: –

УДК 378.016:811.161.1
DOI 10.26170/FK19-01-11
ББК Ш141.12-9-99
ГСНТИ 14.35.07
КОД ВАК 13.00.02

Кирилова И. В.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: –
E-mail: levesna@yandex.ru

ОБРАЗ РОССИИ В КИТАЙСКИХ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвокультурной и лингвострановедческой составляющей учебных материалов по русскому языку как иностранному, включенных в пособие для китайских студентов (Ши Течан, У Суцзюань. Чтение на русском языке. Пекин: Высшее образование, 2006). В статье учебник русского языка как иностранного анализируется как лингвокультурный феномен, при этом делается акцент на аксиологическом аспекте. Целью исследования является определение специфики образа России и русских, который формируется содержанием учебника. Как правило, авторы-составители учебников по иностранным языкам уделяют большое внимание структуре и методическим аспектам учебных материалов, не обращая внимание на концептуально-аксиологическую сторону содержания, тогда как отбор языкового материала имеет существенное значение не только с точки зрения формирования языковой и коммуникативно-речевой компетенций, но и трансляции объективных лингвострановедческих знаний о стране изучаемого языка. Особенно это касается учебных материалов, формируемых в других странах. Учебники по русскому языку как иностранному, которые издаются не на территории России, являются не только основным средством обучения языку, но и зачастую становятся едва ли не единственным источником информации о стране, поэтому столь важным оказывается отбор материала с точки зрения его проблемно-тематического своеобразия. Так, результаты анализа обозначенных учебных материалов показали, что в предлагаемых для чтения текстах отсутствуют такие, которые носили бы объективный лингвострановедческий характер. В учебнике не представлены тексты, посвященные русской литературе, музыке, науке, истории, спорту и другим важнейшим сферам российской современной жизни, однако учебник весьма насыщен информацией о социальном и экономическом благополучии страны. Высказанные положения позволяют сделать вывод о том, что в учебных материалах, официально рекомендованных к использованию в вузах Китая при преподавании русского языка как иностранного, представлен искаженный и односторонний образ России.

Ключевые слова:
русский язык как
иностраный; мето-
дика преподавания
русского языка;
учебные материалы;
образ России, лингво-
культурологический
анализ; средства обу-
чения.

Vesnina L. E.
Kirilova I. V.
Ekaterinburg, Russia

IMAGE OF RUSSIA IN CHINESE TEXTBOOK IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: AXIOLOGICAL ASPECT

Abstract. The article analyzes linguo-cultural and culture-oriented study materials in Russian as a foreign language in the textbook for Chinese students (Shi Techan, U Suczyuan, Reading in Russian. Beijing: Higher education, 2006). The article treats the textbook as linguo-cultural phenomenon with the emphasis on axiological aspect. The goal of this research is to determine specific features of the images of Russia and the Russians which are constructed by the textbook. As a rule the authors of textbooks in foreign languages pay much attention to the structure and methodological aspect of study materials taking no notice of conceptual and axiological components of the textbook. However, the choice of language to be included in a textbook plays a great role not only from the point of view of language and communicative competence formation, but it is also important for elimination of stereotypes and presentation of true facts about the country. It is especially urgent for the texts written outside Russia. Textbooks in Russian as a foreign language published abroad are often the main materials used in Russian as a foreign language classes; they are often the only source of information about the country that is why the selection of topics for the textbooks is especially important. Thus, the analysis of the textbook mentioned above shows that texts included in the book do not give any objective information about the Russian culture and traditions. There are no texts about Russian literature, music, science, history, sport and other spheres of contemporary life in Russia. At the same time the textbook gives a lot of information about social and economic instability in Russia. All the facts revealed in this research make it possible to conclude that study materials in Russian as a foreign language approved by the government to be used in Chinese universities provide a one-sided and often distorted view of Russia.

Keywords:
Russian as a foreign
language; Russian
language teaching
methods; educational
materials; image of
Russia, linguo-culturo-
logical analysis, means
of education.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному»

Acknowledgments: The research is accomplished under financial support of Russian Foundation for Basic Research, project № 19-013-00895 "Learning to Understand Russia: Cognitive Strategies of Teaching Aids in Russian as a Foreign Language"

Для цитирования: Веснина, Л. Е. Образ России в китайских учебных материалах по русскому языку как иностранному: аксиологический аспект / Л. Е. Веснина, И. В. Кирилова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 83–88. DOI 10.26170/fk19-01-11.

For citation: Vesnina, L. E. Image of Russia in Chinese Textbook in Russian as a Foreign Language: Axiological Aspect / L. E. Vesnina, I. V. Kirilova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 83–88. DOI 10.26170/fk19-01-11.

В практике преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) применяются самые разнообразные средства обучения, но ведущим по-прежнему остается учебник. Существует немалое количество работ, посвященных описанию требований, которые должны предъявляться к учебнику по русскому языку как иностранному и его методической организации (ср.: Л. С. Крючкова, С. П. Розанова, М. П. Чеснокова, Н. Л. Шибко, А. Н. Шукин и др.). Однако в данной статье внимание сосредоточено не на характеристике методических аспектов построения учебника по русскому языку как иностранному, поскольку задача авторов заключается в осуществлении лингвокультуроведческого анализа учебника с целью выявления аксиологических особенностей образа России и русских, который формируется посредством проблемно-тематического содержания учебника.

Сегодня необходимость изучения иностранного языка во взаимосвязи с культурой признается всеми, ученые уделяют особое внимание комплексному изучению языка и культуры (ср.: И. Л. Бим, В. А. Маслова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, С. Г. Тер-Минасова и др.). В этой связи следует сконцентрироваться на наполнении главного средства обучения – учебника, поскольку именно его контент определяет ценностные векторы всего процесса языкового образования. Лингвострановедческая информация, отбираемая для учебных материалов, должна достоверно и полно отражать историческую и современную действительность страны изучаемого языка. Это всецело относится и к учебным материалам по русскому языку как иностранному. Актуальность содержания особенно значима, когда речь идет об учебниках по русскому языку как иностранному, изданных не на территории России, поскольку в таком случае учебник является не только базовым средством обучения языку, но и основным источником информации о стране.

Материалом данного исследования послужил учебник Ши Течан, У Суцзюань «Чтение по русскому языку» (Часть 4), входящий в комплекс учебных материалов по русскому языку как иностранному, который был опубликован в Пекине издательством «Высшее образование» (2006 г.). Внимание авторов привлекла часть комплекса, посвященная такому виду речевой деятельности, как чтение, поскольку именно чтение текстов на иностранном языке является не только средством обучения (именно на основе чтения формируются прочие виды речевой деятельности), но и источником знаний о стране изучаемого языка, ее культуре и образе жизни населения.

Указанный учебник широко используется в высших учебных заведениях Китая, он предназначен для студентов, обучающихся по направлению «Филология». Отметим, что учебник не в полной мере соответствует требованиям Государственного стандарта Российской

Федерации по русскому языку как иностранному, он направлен на подготовку к тестированию по русскому языку VIII сертификационного уровня в Китае. Система тестирования, определяющего уровень владения русским языком, в Китае разделяется на две части: тестирование для нефилологов (общее владение) и тестирование для филологов. Система тестирования по русскому языку в Китае включает в себя пять сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным. В рамках тестирования по русскому языку как иностранному для филологов входят IV и VIII уровни, в соответствии с тестированием по другим иностранным языкам. Государственное тестирование по русскому языку как иностранному организуется и проводится Центром тестирования по русскому языку при Министерстве образования КНР. Экзамен по русскому языку является государственным и сдается китайскими обучающимися два раза в год: в последнюю субботу мая (в конце второго курса) – тест по русскому языку IV уровня и в последнюю субботу марта (в середине четвертого курса) – тест по русскому языку VIII уровня. Обязательной для получения диплома специалиста по русскому языку является успешная сдача единого государственного экзамена IV уровня, тогда как от итогов тестирования VIII уровня зависит успех трудоустройства выпускников вузов Китая. Более подробно об отличиях в организации и содержании тестирования по русскому языку как иностранному в России и Китае можно прочесть в статье М. В. Трубочаниновой и В. В. Вязовской «Требования к уровню владения русским языком русистами – выпускниками китайских вузов в сопоставлении с системой ТРКИ» (Тамбов 2017).

Рассмотрим общую организацию учебника «Чтение на русском языке». Если говорить о структуре учебника, а также о типах упражнений и заданий, то анализируемый учебник представляет собой хрестоматию для домашнего и аудиторного чтения с заданиями. Он состоит из 16 уроков, каждый из которых в свою очередь содержит 4 текста (всего в учебнике 64 текста). Тексты публицистического стиля, как монологические, так и с элементами диалога, взяты преимущественно из Интернет-ресурсов. Справедливости ради стоит отметить, что основной источник информации для текстов учебника – это материалы российских Интернет-сайтов без ссылок на источники.

После каждого текста представлено 4 блока однотипных для каждого урока заданий, призванных оценить глубину понимания прочитанного текста: первый блок тестового типа (от 2 до 5 вопросов); во втором блоке вопросы открытого типа, направленные на проверку знания содержания текста; в заданиях третьего блока предлагается вставить пропущенные слова, используя лексику из текста; задания четвертого блока посвящены работе с лексикой – предлагается подобрать синонимы к словам, использованным в тексте. Факультет

тативным является пятый блок заданий: перевод с русского языка на китайский (проверка этого задания представляет сложность для преподавателя, не владеющего китайским языком). Задания составлены по типу вопросов, предлагаемых на экзамене по русскому языку как иностранному. Однако их однотипность из урока в урок является серьезным препятствием на пути к действительно вдумчивому и заинтересованному чтению, поскольку реализует прием «натаскивания» на выполнение заданий и развивает лишь навыки поверхностного чтения, а не способностей адекватного интерпретирования прочитанного текста. Кроме того, в конце учебника есть так называемые «ключи» ко всем заданиям учебника, что, безусловно, облегчает подготовку и самоконтроль обучающихся, однако ставит под сомнение степень их самостоятельности. Опыт работы с китайскими студентами по данному учебнику в части выполнения предлагаемых заданий показывает, что для развития навыков вдумчивого чтения необходимо предлагать и задания других типов: определение темы и идеи текста, составление плана прочитанного текста, работа с антонимами, фразеологическими оборотами, именами собственными, составление предложений и словосочетаний, ответы на вопросы открытого типа не только по самому тексту, но и по проблеме, поднимаемой автором текста и т. п.

В качестве особого достоинства учебника можно отметить наличие словаря к каждому тексту с переводом на китайский язык. Также словарь с некоторыми новыми словами из текстов размещен в конце учебника.

Анализируя лингвокультуроведческую составляющую учебника, отметим следующее. Тексты уроков условно объединены общей темой (условно, так как сами авторы не формулируют тему каждого занятия): например, тексты первого урока посвящены вопросам семьи («Молодая семья», «Семейные проблемы», «Семейный кризис» части I и II; с. 2–14); в рамках четвертого урока предлагаются тексты об алкоголе («Пора бросать пить» 2 части, «Пиво с водкой – здоровье на ветер» (также 2 части); с. 44–58); на четырнадцатом уроке читаются тексты о таких болезнях, как бессонница и депрессия; с. 196–210). Однако не всегда предлагаемые на уроке тексты объединены тематически. Так, в рамках седьмого урока предлагаются тексты «Всё о телефонах», «Как ломбард дает займы?» и «Любите ли вы мороженое?» (с. 90–104); а на восьмом уроке читаются тексты о «телесериальной эпидемии», влиянии телевидения на младенцев, а также о таком жанре, как презентация, четвертый текст посвящен теме зависти – «Зависть черная, зависть белая» (с. 106–120). На наш взгляд, такая тематическая неорганизованность текстов в учебнике значительно усложняет освоение новой лексики. Методически грамотнее было бы объединять тексты уроков общей темой.

Кроме того, в учебнике почти отсутствуют тексты, посвященные русской культуре и истории (нет ни одного текста о писателях, поэтах, художниках, архитекторах, ученых, исторических личностях, объектах культуры и т. п.), т. е. ни о какой культуроведческой составляющей учебника речи не идет. Исключения составляют тексты о российских космонавтах (хотя сами тексты посвящены типам темпераментов – «Темпера-

ментов и работоспособность космонавтов», с. 132–133) и спортсменке Елене Исинбаевой («Пять – отлично!», с. 138–139). Таким образом, по отношению к отбору текстового материала о России учебник можно определить как социально ориентированный, но не культуроцентричный. Однако тексты, предлагаемые на экзамене по русскому языку как иностранному VIII уровня, всегда носят в первую очередь объективно лингвострановедческий характер.

Конечно, авторам учебника хотелось представить текстовый материал, в котором затрагиваются общечеловеческие проблемы современного мира: отношения в семье, образование, техника и ее влияние на жизнь человека, болезни и т. п. Но, на наш взгляд, тексты носят больше развлекательный, нежели действительно лингвострановедческий и коммуникативно значимый характер. К сожалению, зачастую тексты нельзя оценить как нейтральные с точки зрения оценочного потенциала в отношении российской действительности. Как уже отмечалось выше, тематическая характеристика учебника условна, но если все же попытаться определить круг тем, то из содержания представленных текстов можно реконструировать следующий образ современной России (на момент издания учебника – 2006 год).

Например, после прочтения текстов первого урока («Молодая семья», «Семейные проблемы» и «Семейный кризис», с. 2–14) читатели узнают, что *в России популярны ранние браки, за которые потом расплачиваются родители «молодых», а «одна из самых важных» проблем современной семьи – это муж-трудоголик, который редко бывает дома, или деспот, запрещающий жене после свадьбы работать.*

Тексты второго урока посвящены вопросам образования, в частности, два текста «Где и как готовят управленцев?» (с. 16–20) затрагивают проблему подготовки управленческих кадров в разных странах, в том числе в России. В текстах говорится о разумном подходе к отбору абитуриентов в вузы Европы и Америки, а также о полной несостоятельности системы поступления в вузы в России: описывается отсутствие грантовых программ для одаренных детей и системы пожертвования выпускников вузам, наличие практики протекции при устройстве на работу, утечке кадров за границу, ср.: *«Даже если ребенку удастся пробиться сквозь преграды в престижный вуз и закончить его, после окончания его ждет „открытое плавание“. Без протекции на приличную чиновничью должность ему не попасть, да и кому нужен студент без опыта работы? На Западе лучшие выпускники вузов получают сразу несколько предложений на работу. И самое выгодное из них всегда исходит от государства. <...> У нас же лучшие специалисты уходят в частные фирмы»* (с. 19–20).

Наверное, редкий учебник по русскому языку как иностранному обходится без текстов об алкоголе. Анализируемые нами материалы не стали исключением. Отдельный урок – 4 текста – посвящен исключительно алкоголю и проблемам алкоголизма в России («Пора бросать пить» (2 части), «Пиво с водкой – здоровье на ветер» (2 части); с. 43–58): *«особенно быстро вымирают русские»* (с. 44), *«и рожать русские бабы не хотят»* (с. 44), *«просто сильно любит простой русский мужик выпить»* (с. 49). Здесь же и «обвал здравоохранения», и описание причин высокого уровня смертности в России. При

этом высокий уровень смертности трудоспособного мужского населения России объясняется именно злоупотреблением алкоголем: «И всю их раннюю смертность дают всего две причины. Первая – это самые разнообразные насильственные смерти: бытовые разборки, суицид, отравление алкоголем, автоаварии и всевозможные травмы. Почти все автоаварии – пьяные. Вероятность умереть по этим причинам для мужчин в 4,5 раза выше аналогичных показателей в развитых странах. Вторая причина – ранние сердечно-сосудистые заболевания, где тоже далеко не последнюю роль играет та же водка» (с. 48–49). Как отмечалось выше, тексты взяты преимущественно из российских Интернет-ресурсов, но это не должно оправдывать составителей учебников, которые из всех текстов об алкоголе и культуре распития алкогольных напитков выбирают материалы о беспробудном пьянстве в России. В таких текстах Россия вновь по контрасту с «развитыми странами» (с. 49) представляется дикой страной, в которой «сильно любит простой русский мужик выпить. А когда выпьет, любит поехать на машине или побаловаться разными режущими и колющими предметами, не особенно задумываясь о последствиях» (с. 49).

Весьма неуместными для учебных целей представляются тексты под названием «Пиво с водкой – здоровье на ветер» (с. 51–58), в которых, например, представлены комментарии доктора медицинских наук Владимира Нужного относительно некоторых народных алкогольных поверий: «У россиян особенный набор генов и многовековая тренировка, что позволяет им пить больше, чем другим народам» (с. 51), «Если градус не понижать, то похмелья не будет» (с. 51), «Мешать напитки – дело последнее» (с. 51), «Водка – самый безопасный для здоровья напиток, потому что она чище всяких коньяков или виски» (с. 55), «Алкоголь полезен, а мы не пьем, а лечимся» (с. 55), «Лучший способ опохмелиться – 50 граммов с утра» (с. 55). Сложно спорить с тем фактом, что студенты, не посещавшие Россию, убеждены в том, что русский человек пьет много и постоянно. Например, на наших занятиях по курсу «Туризм» в одном из вузов Китая при выполнении задания о культурных различиях в поведении русских и китайцев несколько китайских студентов смело заявили, что «русский мужчина всегда пьет, а китайский нет». Такая оценка всех российских мужчин не удивляет, если даже в учебниках одного из ведущих издательств Китая транслируются подобные идеи.

Есть в учебнике тексты, направленные на формирование положительного образа Китая (напомним, что в учебнике преимущественно представлены тексты с русскоязычных сайтов), однако формируется этот образ за счет дискредитации образа России, в которой живут ленивые, пьющие, равнодушные к близким люди, и в которой орудует мафия («Секрет китайских успехов», с. 60–65). Два текста из пятого урока «Секрет китайских успехов» – это частное мнение какого-то человека (авторство не указано) о том, как процветает Китай и что мешает добиться экономического роста России. Показательны некоторые вопросы из послетекстовых заданий (с. 64–65):

Задание I. Выберите вариант, который считаете самым правильным.

1. Почему иностранные инвесторы выбирают Китай, а не Россию?

А. Китайцы способнее и активнее, чем русские.

В. Китайцы много работают и не пьют, а русские нет.

С. В Китае среда инвестиций лучше, чем в России.

Д. В Китае вообще нет мафии, а в России много.

Задание IV. Объясните следующие выделенные слова и выражения:

1. У китайцев алкоголики *редкость*.

2. Я *ни разу* не видел, чтобы пьяные валялись на улицах, как в Москве.

3. Когда я улетал из КНР, с меня взяли *налог* на «модернизацию аэропорта».

4. Сам аэропорт, *в отличие от* убогого и тесного «Шереметьево – 2», действительно выглядел весьма модернизированным.

5. Единственное, в чем мы сравнялись с КНР, это по количеству *мобильников*.

В текстах и заданиях к ним пьянство и мафия обозначены как основные причины отсутствия экономического роста в России. В структуре этого же урока представлены еще два текста, посвященные несправедливой и непрозрачной системе налогообложения в России («Кто живет на мои налоги?», с. 66–72): «Но все равно живет власть на наши налоги!» (с. 70). Конечно, в учебнике представлено большое количество текстов нейтрального характера, т. е. без положительной или отрицательной оценки российской действительности (см. темы «Всё о телефонах» (с. 90–97); «Любите ли вы мороженое?» (с. 102–104); «Современное телевидение» (с. 106–109); «Телевидение и младенцы» (с. 110–113); «История микроволновой печи» (с. 172–174); «Депрессия и бессонница» (с. 196–210) и др.). Есть целый урок (№ 9, с. 121–136), тексты которого посвящены трагически закончившейся на фронте истории любви Клавдии Архиповой и Павла Мельника. Однако если представить в грубом процентном соотношении тексты, в которых транслируется негативный образ России, то они составляют почти 30 % от общего количества материалов, представленных в учебнике. Оставшиеся тексты затрагивают общечеловеческие ценности (зависть, доброта и др.) и общие социальные вопросы (вред телевидения, проблемы лишнего веса, продолжительность жизни), а также касаются различных изобретений: книгопечатания, микроволновой печи, Интернет-коммуникации и прочего.

Некоторые лексические единицы, использующиеся в текстах учебника, находятся за пределами лексического минимума по русскому языку как иностранному, рекомендованного Государственным стандартом РФ по русскому языку как иностранному, и вообще за пределами современного русского литературного языка, ср.: «разрулил» *ситуацию* (с. 2); *бубнёж* (с. 54); *содрать дополнительные деньги* (с. 63); *голубушка* (с. 215); *запорник* (с. 235) и др.

Таким образом, следует констатировать тот факт, что все тексты, в которых речь идет непосредственно о российской действительности, имеют ярко выраженный негативный характер, совершенно не обладают объективным лингвострановедческим потенциалом. Образ России в этих материалах выглядит «энциклопедически карикатурным»: в России царит пьянство, коррупция, кумовство, мафия, живут ленивые и пьяные россияне. В текстах о России, представленных

в учебнике подчеркиваются социальная несправедливость и экономическая неустроенность в стране. При этом параллельно и совершенно отчетливо в учебнике создается положительный образ США и Европы, для которых характерны высокий уровень экономического развития, продуманная и эффективная система образования. В этих странах талантливые актеры, гениальные изобретатели, выдающиеся спортсмены, в них господствует настоящая демократия. Вероятнее всего, авторы-составители учебника не преследовали цели создать подобный образ России и русских, однако позволим себе еще раз обратить внимание на отсутствие в материалах действительно ценной лингво-

страноведческой информации, которая позволила бы реализовать такой принцип составления учебника по иностранному языку как культуроцентричность, руководствуясь которым авторы не могли бы оставить в стороне и другие сферы жизни в России: искусство, науку, технику, спорт.

В целом, количество языкового материала, представленное в учебнике, позволяет преподавателю отбирать тексты, однако данный учебник нуждается в серьезном обновлении как в части содержания (пока культуроведческая составляющая материалов ограничена), так и в части заданий, направленных на формирование навыков вдумчивого чтения.

ЛИТЕРАТУРА

- Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие для преподавателей и студентов. – М.: Издательство РУДН, 2007. – 185 с.
- Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. – М.: Русский язык, 1977. – 288 с.
- Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Рус. яз, 1990. – 246 с.
- Кожевникова Е. В., Федосова Н. М. Чему и как учат в Китае (из опыта работы на факультете русского языка и языков Средней Азии университета Миньзу) // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. – Воронеж, 2012. – Вып. 16. – С. 19–39.
- Крючкова Л. С., Мощинская Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 480 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Мендубаева З. А. Понятие учебника как информационной модели педагогической системы // Педагогическое мастерство: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, апрель 2012 г.). – М.: Буки-Веди, 2012. – С. 286–288.
- Розанова С. П. Преподавателям РКИ: Сто сорок семь полезных советов: учебно-методическое пособие. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 240 с.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
- Токарева Н. Д. Россия и русские: учебное пособие по страноведению для изучающих русский язык. – Дубна: Феникс+, 2004. – 376 с.
- Трубчанинова М. В., Вязовская В. В. Требования к уровню владения русским языком русистами – выпускниками китайских вузов в сопоставлении с системой ТРКИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 207–212.
- Хуан Шицзэн. Система стандартизованных тестов по русскому языку в неязыковых вузах Китая // Русский язык за рубежом. – 2002. – № 4. – С. 52–55.
- Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. – 2 изд., перераб. – М.: МАДИ, 2015. – 132 с.
- Шибко Н. Л. Общие вопросы методики преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для иностранных студентов филологических специальностей. – СПб.: Златоуст, 2014. – 336 с.
- Ши Течан, У Суцзюань. Чтение по русскому языку (Часть 4). – Пекин: Высшее образование, 2006. – 280 с.
- Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Высшая школа, 2010. – 334 с.

REFERENCES

- Balykhina T. M. Methods of teaching Russian as a non-native (new): study guide for teachers and students. – M.: Publishing house of the RUDN, 2007. – 185 p.
- Bim I. L. Methods of teaching foreign languages as a science and problems of a school textbook. – M.: Russian language, 1977. – 288 p.
- Vereshchagin E. M. Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language / E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. – M.: Russian language, 1990. – 246 p.
- Kozhevnikova E. V., Fedosova N. M. What and how to learn in China (from work experience at the faculty of Russian and languages of Central Asia at Minzu University) // Search. Experience. Mastery Current issues of teaching foreign students. – Voronezh, 2012. – Issue 16. – P. 19–39.
- Kryuchkova L. S., Moshchinskaya N. V. Practical methods of teaching Russian as a foreign language: study guide for a novice teacher, for students of philology and linguists specializing in Russian as a foreign language. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 480 p.
- Maslova V. A. Linguoculturology: textbook for university students. – M.: Academy, 2001. – 208 p.
- Mendubaeva Z. A. The concept of a textbook as an information model of the pedagogical system // Pedagogical skills: materials of the International scientific conference (Moscow, April 2012). – M.: Buki-Vedi, 2012. – P. 286–288.
- Rozanova S. P. To teachers Russian as a foreign language: One hundred and forty seven helpful tips: study guide. – M.: Flinta: Nauka, 2015. – 240 p.
- Ter-Minasova S. G. Language and Intercultural Communication. – M.: Slovo, 2000. – 624 p.
- Tokareva N. D. Russia and Russians: study guide for country studies for Russian language learners. – Dubna: Fenix+, 2004. – 376 p.
- Trubchaninov M. V., Vyazovskaya V. V. Requirements for the level of proficiency in Russian language Russianists – graduates of Chinese universities in comparison with the system TRKI // Philology. Theory and practice. – 2017. – № 9 (75): in 2 p. P. 2. – P. 207–212.
- Huang Shitzen. The system of standardized tests in the Russian language in non-linguistic universities of China // Russian language abroad. – 2002. – № 4. – P. 52–55.
- Chesnokova M. P. Methods of teaching Russian as a foreign language: study guide. – 2nd edition. – M.: MAD1, 2015. – 132 p.
- Shibko N. L. General questions of teaching Russian as a foreign language: study guide for foreign students of philological specialties. – SPb.: Zlatoust, 2014. – 336 p.
- Shi Techan, Wu Sujuan. Reading in Russian (Part 4). – Pekin: Higher education, 2006. – 280 p.
- Schukin A. N. Methods of teaching Russian as a foreign language. – M.: High school, 2010. – 334 p.

Данные об авторах

Веснина Людмила Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики, межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, каб. 285.

E-mail: levesna@yandex.ru.

Кирилова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, каб. 281.

E-mail: irishakuz@yandex.ru.

Author's information

Vesnina Ludmila Evgenevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Kirilova Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Куприна Т. В.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: –

УДК 376.68
DOI 10.26170/FK19-01-12
ББК С561.9+Ч424.49
ГСНТИ 14.25.01
КОД ВАК 13.00.02

Петрикова А.
Прешов, Словакия
ORCID ID: 0000-0003-0949-7167

Мишенкова М.
Прешов, Словакия
ORCID ID: –

E-mail: tvkuprina@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ И СЛОВАКИИ (НА ПРИМЕРЕ ШКОЛ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА И Г. ПРЕШОВА)

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена все возрастающими миграционными потоками, включающими и учебную миграцию, которая связана с перемещением не только взрослого контингента, но и детей мигрантов. Однако независимо от возраста миграционные потоки требуют адаптации в новой межкультурной среде, что часто связано с решением ряда проблем. Целью настоящего исследования является выявление языковых и социокультурных проблем детей мигрантов, их родителей и учителей, работающих с ними. Для реализации поставленной цели нами было проведено анкетирование учителей школ г. Екатеринбурга и г. Прешов в Словакии. Затем осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ полученных результатов, обозначивших ключевые языковые и социокультурные проблемы. В частности, по российским данным наиболее значимой проблемой является незнание детьми и их родителями русского языка и традиций принимающего общества, что влечет за собой проблемы поведенческого характера. По данным опроса словацких учителей наибольшей проблемой является конфликтность в образовательной среде, значение языка и традиций представлено больше на интуитивном уровне. Однако обе стороны согласны в том, что указанные проблемы необходимо решать не только на уровне школ, но и государства. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке программ обучения детей мигрантов, а также на курсах повышения квалификации педагогических работников. В частности, авторами статьи предлагаются учебно-методические комплексы и учебные пособия как для учащихся, так и для подготовки и переподготовки педагогов, способных работать в межкультурной среде.

Ключевые слова:
учебная миграция;
анкетирование
школьников; язы-
ковые проблемы;
социокультурные
проблемы; межнаци-
ональные конфликты;
адаптация школьни-
ков; социальная адап-
тация; школьники.

Kuprina T. V.
Ekaterinburg, Russia
Petrikova A.
Preshov, Slovak Republic
Mishenkova M.
Preshov, Slovak Republic

LINGUISTIC AND SOCIO-CULTURAL PROBLEMS OF EDUCATIONAL MIGRATION IN RUSSIA AND SLOVAKIA (ON EXAMPLE OF SCHOOLS IN EKATERINBURG AND PRESHOV)

Abstract. The relevance of the research topic is due to the increasing migration flows including educational migration which is associated with the movement of both the adult contingent and children of migrants. However, regardless of age, migration flows require adaptation in a new intercultural space which is often associated with solving of a number of problems. The aim of the research is to identify the linguistic and socio-cultural problems of migrant children, their parents and teachers working with them. To achieve the aim we have conducted a survey of school teachers in Ekaterinburg and Presov in Slovakia. Then a comparative analysis of the results obtained is carried out identifying key linguistic and socio-cultural problems. In particular, according to the Russian data the most significant problem is the lack of children and their parents' knowledge of the Russian language and traditions of the host society which entail behavioral problems. According to the survey of Slovak teachers, the greatest problem is the conflict potential in the educational space, the meaning of language and traditions is represented more on an intuitive level. However, both parties agree that these problems need to be addressed not only to the school level but also the government. The results can be used in the preparation of training programs for children of migrants as well as in retraining courses for teachers. In particular, the authors of the article offer educational-methodical complexes and teaching tutorials both for students and for training and retraining of teachers who are able to work in an intercultural space.

Keywords:
educational migration;
survey of schoolchild-
ren; linguistic prob-
lems; socio-cultural
problems; ethnic con-
flicts; schoolchildren's
adaptation; social ad-
aptation; students.

Для цитирования: Куприна, Т. В. Языковые и социокультурные проблемы учебной миграции в России и Словакии (на примере школ г. Екатеринбурга и г. Прешова) / Т. В. Куприна, А. Петрикова, М. Мишенкова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 89–96. DOI 10.26170/fk19-01-12.

For citation: Kuprina, T. V. Linguistic and Socio-Cultural Problems of Educational Migration in Russia and Slovakia (on Example of Schools in Ekaterinburg and Preshov) / T. V. Kuprina, A. Petrikova, M. Mishenkova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 81–96. DOI 10.26170/fk19-01-12.

Современные миграционные потоки сложны и многообразны. Причем, в миграционный процесс включается все больше и больше стран, которые ранее находились на его периферии.

Кроме того, «на миграционную политику влияют различные экономические, культурные, демографические и политические интересы целевых стран... Предполагается, что такие общества, которые во время своего формирования встречались с постоянной иммиграцией, будут относиться к иммигрантам более благожелательно, чем народы без опыта взаимодействия с миграционными потоками» [Štefančík 2011: 10–13].

Поток мигрантов в Свердловскую область с января по август 2017 года увеличился на 20 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (76 тыс. человек на январь – август 2016 года). На данный момент в регион въехало около 91 тысячи человек, 84 % которых приехали из стран с безвизовым порядком въезда. Причем, появилась тенденция к увеличению мигрантов с семьями [Поток мигрантов...].

Миграция в Европе имеет три аспекта: между государствами-членами ЕС; между государствами-членами ЕС средней и восточной Европы; между государствами, граничащими с расширенным ЕС [Rozšířená Európa...]. В 2017 году в Словакии насчитывалось 104 451 мигрант. Украинцы составляют большинство мигрантов из стран вне ЕС: 15,4 % [Migračné informačné ...]. А в связи с визовой либерализацией и актуальными условиями на рынке труда, в Словакии ожидается увеличение количества мигрантов [International Organization...]. Что касается обучения, то в 2016 году в Словакию въехало почти 3 000 студентов, половина из которых из стран ЕС, 22 % из Украины, 9 % из Сербии, 5 % из Норвегии [Житникова 2018]. Причем, Словакия предлагает украинцам зачисление в университеты без экзаменов для бесплатного обучения.

Еще одним преимуществом для украинцев является чрезвычайная близость украинского и словацкого языков (оба принадлежат к славянской языковой группе). Украинцы, которые едут на обучение в Словакию, могут приехать в страну без знания словацкого языка и параллельно с началом учебы посещать трехмесячные языковые курсы. Постоянное пребывание в языковой среде наряду с курсами помогает быстро адаптироваться к пониманию словацкого языка и свободному общению. Словацкий язык очень похож на русский и украинский, и освоить его несложно. Как правило, полгода пребывания в языковой среде достаточно для полной адаптации [Бесплатное образование...].

Что касается учебной миграции в России, в частности в Свердловской области, то здесь имеются свои сложности с изучением русского языка, т. к. учащиеся прибывают из стран, говорящих на языках других групп, таких как тюркская (казахский, киргизский, узбекский); фарси (таджикский); сино-тибетская (китайский).

Следовательно, возникает ряд проблем, связанных, прежде всего, с социо-культурной адаптацией как самих мигрантов, так и граждан принимающих стран. Уже в течение нескольких лет эксперты отмечают рост миграции несовершеннолетних детей, что требует адаптации их обучения и проживания в принимающем обществе [Куприна 2015: 91–98].

Однако до сих пор точных данных по детско-юношеской миграции как в российской, так и в зарубежной литературе нет, уровень разработанности данной проблематики, внедрения и реализации адаптационных проектов невысокий. Отдельные проекты реализовывались в центральных российских городах: Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге. За рубежом, например, в ряде проектов Международного института миграционных и гендерных исследований в Брюсселе в связи с изучением женской миграции [Kuprina, Sandler 2015: 194–207].

Г. Е. Зборовский и Е. А. Щуклина среди наиболее актуальных проблем выделяют языковой и социокультурный барьеры. Сложность включения в иную культурную среду, тяжело дающееся многим освоение русского языка, отсутствие представлений о нормах и базовых ценностях культуры российского (принимающего – прим. авторов) общества, незнание особенностей повседневного быта и норм межличностного общения, трудности коммуникации в учебном коллективе и с педагогическим персоналом, нелегко решаемые вопросы освоения учебного материала... усиление социального неравенства в сфере образования, поскольку дети мигрантов имеют более низкие шансы доступа к качественному образованию, обостряющиеся противоречия между мигрантами, их детьми и коренным (местным) населением (взрослым и детским) стран на трудовой, этнической, религиозной и иной почве, и др. – основные проблемы, с которыми сталкиваются дети мигрантов [Зборовский, Щуклина 2013: 80–91].

Большую роль в сложившейся ситуации играют образовательные учреждения, стремящиеся создать определенную ситуацию успеха для всех детей, посещающих их. Учитывая географическое разнообразие стран исхода мигрантов, речь может идти о глобальном образовании, охватывающем все большее количество представителей различных культур.

Как отмечают L. Zajas и A. Návojský, «глобальное образование – это творческий процесс, целью которого является изменение подхода к решению актуальных социальных проблем. Оно основано на универсальных ценностях – толерантности, справедливости, сотрудничестве и уважении прав человека. Глобальное образование начинается с упоминания таких проблем, как нищета, бизнес-правила, военные конфликты, окружающая среда и нарушения прав человека. У обучающихся развивается более глубокое понимание этих тем и их взаимосвязи с нашим повседневным поведением. Глобальное образование направлено на изменение установок и осознание собственной роли в современном мире. Таким образом, его цель состоит в том, чтобы мотивировать учащихся стать ответственными гражданами мира.

В результате учащиеся понимают, что могут влиять на решение глобальных проблем, таких как толерантность к меньшинствам и инаковость, ответственность при охране окружающей среды. Глобальное образование привносит в школу методы, которые развивают критическое мышление, групповую работу, эффективное общение и в то же время в игровой форме показывает, с какими проблемами ежедневно сталкиваются люди в разных уголках мира» [Zajas – Návojský 2009: 7].

В России значительная часть иноэтнических школьников является мигрантами второго поколения. «Доля детей, переехавших в Россию уже в среднем школьном возрасте, в целом невелика – порядка 10 %. Именно эти дети считаются группой риска из-за недостаточного владения русским языком и сложности его освоения в подростковом возрасте. Но и они «очень ориентированы на интеграцию». 72 % «иностранных» школьников планируют получить в нашей стране высшее образование. «У них очень сильное постсоветское наследие, при котором русский язык, даже если они его не очень хорошо знают, часто играет такую же роль, как английский в Индии» [Житенев 2018].

В своем исследовании Г. Е. Зборовский и Е. А. Щуклина предлагают рассматривать детей мигрантов как особую социальную общность, находящуюся во взаимодействии, в первую очередь, с родителями, родственниками, общностями сверстников (соучеников), учителей. Характеристика детей мигрантов опирается на одну из теорий социальной общности, в которой в качестве образующих ее признаков рассматриваются: относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к ней (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия, реализация функции самостоятельного субъекта социального действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов [Зборовский, Щуклина 2013: 80–91].

С другой стороны, детско-юношескую миграцию можно рассматривать как потенциальных абитуриентов в российские вузы в целом, и Екатеринбурга, в частности. Данный факт особенно важен в связи со сложившейся демографической ситуацией и падением числа абитуриентов. В перспективе выпускники вузов из среды мигрантов, оставшиеся в определенных регионах России, могут стать значимым человеческим ресурсом, создающим и укрепляющим экономические основы территории. Однако данная проблема требует создания как привлекательного имиджа территории, так и предлагаемого высшего образования [Куприна 2017: 58–64].

Г. Е. Зборовский и Е. А. Щуклина предлагают трехуровневую модель адаптации обучающихся детей мигрантов, включающую учебную, социально-психологическую и культурную составляющие. *Учебная адаптация* означает усвоение предписываемых норм и ценностей школьного поведения, особенности включения подростков в учебную и воспитательную деятельность, их участие во внеклассной работе. *Социально-психологическая адаптация* отражает процессы межличностного взаимодействия с одноклассниками, широту и глубину складывающихся внутри класса связей, их гармоничность, удовлетворенность ими. *Культурная адаптация* выступает как развитие творческих способностей учащихся, знание ими истории и современной жизни принимающего общества, готовность следовать предписываемым подросткам и молодежи культурным образцам. Другая сторона этого процесса – включение в местную подростковую и молодежную культуру. Оно происходит на фоне трансформации этнической и языковой среды мигрантов [Зборовский, Щуклина 2013: 80–91].

Причем, наиболее значимыми проблемами обучения детей мигрантов считаются языковая и социокультурная адаптация. Это связано с тем, что дети мигрантов, как правило, слабо владеют языком принимающей страны. Данная проблема решается в школах чаще всего самостоятельно: за счет индивидуальных или групповых занятий, т. е. введением дополнительных часов на языковую подготовку.

Создание специальных классов также имеет ряд проблем. Во-первых, дети являются представителями различных национальностей, что, возможно, требует различных методик обучения русскому языку. Следует учитывать и тот факт, что даже при успешном освоении устной речи, остается большая проблема обучения письменной речи. Большая проблема и в отсутствии широкой практики общения на новом языке, т. к. общение в кругу семьи и внутри определенного анклава мигрантов происходит, как правило, на национальном языке. Во-вторых, численный состав данных классов не стабилен из-за постоянного перемещения семей мигрантов: дети могут появляться и уходить в любое время учебного года. В-третьих, уровень знаний детей мигрантов часто не соответствует нормативным образовательным стандартам страны пребывания. Указанные проблемы усиливают состояние, так называемого, кросс-культурного шока [Куприна 2017: 58–64].

Слабое владение новым иностранным языком ведет к более серьезной проблеме социокультурной адаптации детей мигрантов в процессе обучения, связанной с непониманием иной культуры, ее смысловых, ценностно-нормативных особенностей, а следовательно, и содержания образования.

Результаты ряда исследований показывают, что понимание особенностей национальной культуры детей мигрантов может способствовать выстраиванию отношений не только с ними, но и с их родителями. «Нет сомнений в том, что специальная психолого-педагогическая и социокультурная подготовка была бы чрезвычайно полезной педагогам, укрепила, расширила и обосновала бы те педагогические интуитивные находки, которые составляют основу социально-педагогического взаимодействия с детьми мигрантов» [Зборовский, Щуклина 2013: 80–91].

Таким образом, говоря об учебной миграции можно выделить две малоизученные проблемы: во-первых, разработка поликультурных обучающих и воспитательных программ, способствующих своевременной и качественной адаптации в принимающем обществе. Во-вторых, проблема адаптации коренного населения к меняющимся условиям поликультурной среды. Данные проблемы требуют комплексного подхода со стороны всех заинтересованных сторон, совершенствования нормативно-правовой базы, финансирования, взаимодействия с учреждениями дополнительного образования и культуры, семьями мигрантов, имеющих детей, их диаспорами, структурами ФМС и др.

Целью настоящего исследования является выявление языковых и социокультурных проблем детей мигрантов, их родителей и учителей, работающих с ними. Для реализации поставленной цели нами был использован **метод анкетирования** учителей школ Екатеринбурга и г. Прешов в Словакии. Затем осуществ-

влен **сравнительно-сопоставительный анализ** полученных результатов, обозначивших ключевые языковые и социокультурные проблемы.

Обсуждение и результаты.

Анализ и результаты социологического опроса работников системы образования Свердловской области. Для выявления реальных проблем в школах г. Екатеринбурга был проведен опрос учителей и воспитателей детских дошкольных учреждений. Всего в опросе приняли участие 160 респондентов из г. Екатеринбурга и Свердловской области, из них мужчин – 3,1 %, женщин – 96,9 % в возрасте от 20 до 65 лет, со стажем работы от 0 до 44 лет. Личный опыт преподавания детям мигрантов есть у 50 % респондентов, представляющих весь спектр школьных дисциплин. Тип учебно-воспитательных учреждений распределился следующим образом: общеобразовательная школа – 56,9 %, лицей – 6,9 %, гимназия – 2,5 %, детский сад – 20,6 %, другие – 8,8. Из общего количества респондентов 70,4 % отмечают, что в их школах и детских садах присутствуют дети мигрантов.

Со словацкой стороны для определения проблем детей украинских мигрантов был проведен опрос преподавателей билингвальной основной школы, гимназии с украинским языком обучения и колледжа для подготовки будущих предпринимателей города Прешов, Словакия.

Всего в опросе приняли участие 27 человек: 5 мужчин и 22 женщины в возрасте от 30 до 60 лет и стажем работы в сфере образования от 1 года до 35 лет. Предметная область распределилась следующим образом: начальная школа, украинский язык – по 3 человека; словацкий язык – 4 человека; математика, информатика, биология, география, история, русский язык, немецкий язык, профпредметы – по 2 человека; физика, экономика, обществоведение, риторика, английский язык – по 1 человеку; предмет не обозначен – 4 человека.

При опросе учителя могли дать несколько вариантов ответов на один вопрос. В результате опроса был выделен ряд проблем, с которыми сталкиваются педагогические работники (Таблица 1).

Интерпретация данных, полученных в школах Екатеринбурга и Свердловской области. Наибольшей проблемой является слабое владение русским языком (82,6 %), плохие знания или их отсутствие по отдельным предметам программы (68,8 %). Однако, на наш взгляд, эти проблемы взаимосвязаны, т. к. незнание языка преподавания приводит и к непониманию и незнанию учебного предмета. Незнание языка и последующие проблемы также связаны с таким показателем, как сложности в общении с их родителями, в том числе, незнание родителями русского языка (50,9 %). Непонимание учебных требований родителями также не способствует налаживанию контактов с детьми с целью повлиять или помочь в освоении того или иного предмета.

Более половины респондентов отмечают необходимость введения дополнительных (факультативных) занятий, чтобы «подтянуть» приехавших детей (61,4 %). Причем, из наших дополнительных исследований эти занятия, прежде всего, связаны с изучением русского языка как языка межнационального общения в России.

Важным показателем для успешной адаптации является знание национальных обычаев и традиций. По данным нашего исследования, незнание детьми местных традиций, общепринятых правил поведения отмечают 39,1 %. Данный факт также указывает на невозможность обоюдной адаптации субъектов учебного процесса: учитель-ученик.

Наименьший процент получен по таким проблемам, как конфликтные отношения с другими детьми из класса, школы (24,1 %) и конфликтные отношения между приехавшими и местными родителями (23,7 %).

Таблица 1

Проблемы, возникающие при обучении детей мигрантов (степень важности)

ПРОБЛЕМА	Россия, %	Словакия, %
1. Плохое знание русского языка отмечают	82,6	3,7
2. Плохие знания или их отсутствие по отдельным предметам программы	68,8	3,7
3. Отсутствие или неполный комплект необходимых документов у детей	41,8	33,3
4. Поступление в школу во время учебного процесса	46,3	11,1
5. Частые пропуски занятий без уважительной причины	26,8	25,9
6. Незнание детьми местных традиций, общепринятых правил поведения	39,1	18,5
7. Неусидчивость, плохое поведение на уроках	34,2	55,6
8. Конфликтные отношения с другими детьми из класса, школы	24,1	59,3
9. Необходимость введения дополнительных (факультативных) занятий, чтобы «подтянуть» приехавших детей	61,4	18,5
10. Конфликтные отношения между приехавшими и местными родителями	23,7	74,07
11. Сложности в общении с их родителями, в том числе, незнание родителями русского/ словацкого языка	50,9	48,1
12. Нежелание родителей участвовать в жизни школы, оказывать поддержку в вопросах ремонта и приобретения оборудования	29,2	51,9

Возможно, это связано с многонациональностью российского общества в целом и привычкой находиться рядом с представителями различных национальностей. Учитывать можно и тот факт, что социально-бытовую коммуникацию осуществлять проще, в том числе и с помощью невербальных средств общения, чем предметную, связанную с более глубокими знаниями терминологических систем того или иного учебного предмета (математики, физики, химии и т. п.) на русском языке. Кроме того, по нашим дополнительным исследованиям известно, что в школах с большим количеством детей мигрантов (30–50 %) проводится высокопрофессиональная воспитательная работа.

Неусидчивость, плохое поведение на уроках (34,2 %) и частые пропуски занятий без уважительной причины (26,8 %) можно объяснить особенностями развития детской психики и необходимостью мотивации, которая основывается на понимании предмета и, соответственно, интереса к нему, что в полной мере невозможно из-за недостаточного владения русским языком, на котором проводятся занятия. С другой стороны, для предупреждения девиантного поведения необходим постоянный контакт с родителями, осведомленными о местонахождении детей.

Что касается таких проблем как поступление в школу во время учебного процесса (46,3 %), отсутствие или неполный комплект необходимых документов у детей (41,8 %), то данные проблемы связаны с процессом миграции семьи и недостаточной осведомленностью родителей о требованиях к пребыванию на территории РФ в целом, и оформления документации для поступления детей в детские учреждения, в частности. Однако данные проблемы должны решаться на уровне миграционных служб, формирующих пакет документов будущих мигрантов с учетом прав не только взрослых, но и детей, которые во многом зависимы от решений родителей.

Что касается нежелания родителей мигрантов участвовать в жизни школы, оказывать поддержку в вопросах ремонта и приобретения оборудования (29,2 %), то эта проблема касается не только семей мигрантов. В настоящее время многие коренные жители рассматривают эту проблему как необоснованные поборы школ на бытовые нужды.

Интерпретация данных, полученных в школах г. Прешов, Словакия (на примере украинской миграции). Наибольшей проблемой являются конфликтные ситуации между приехавшими и местными родителями (74,07 %) и между детьми в классе (59,3 %). Далее обращает на себя внимание плохое поведение приехавших детей (55,6 %), частые пропуски занятий (25,9 %). Затем снова указываются проблемы с родителями: нежелание участвовать в жизни школы (51,9 %) и сложности в общении (48,1 %). Отсутствие документов или неполный пакет (33,3 %), поступление в школу во время учебного процесса (11,1 %). Таким образом, основные проблемы поведенческого характера, причем, как детей, так и их родителей, также связаны с незнанием правил оформления необходимых документов.

Что касается знаниевого компонента, то он получил минимальный процент. Незнание детьми местных традиций и правил и проведение дополнительных за-

нятий составили по 18,5 % каждое. Минимальный процент получили плохие знания словацкого языка и других предметов (по 3,7 %).

Таким образом, в большинстве случаев отмечается, скорее всего, следствие, а не причина плохого поведения. С нашей точки зрения, а также по данным многих исследований, для адаптации в новой культурной среде требуется, прежде всего, знание языка принимающей стороны и ее обычаев и традиций. Отсутствие подобных знаний может привести к девиантному поведению без осознания его таковым. Реакцию родителей можно объяснить как защитную для своих детей. Учитывая особенности детской психики, потеря интереса к занятиям, например, при недостаточном понимании нового языка, приводит к неусидчивости и пропускам занятий. Хотя и считается, что украинский язык близок к словацкому, все-таки каждый из них имеет свои особенности, часто непонятные для иностранцев. Однако для окончательных выводов необходимо дальнейшее проведение глубинных исследований в указанной области.

Предполагаемые и желаемые последствия приема детей мигрантов в детские учреждения отражены в таблице 2.

Как видно из полученных данных, наиболее желаемые последствия связаны с увеличением финансирования (97,3 % и 37,03 %). На втором месте для российской стороны находится рост престижа школы (94,7 %). Хотя для словацкой стороны эти показатели равнозначны (37,7 %) с увеличением финансирования. Успехи школы во внеклассных мероприятиях находятся на 3 месте (90,0 % и 14,8 %), в возможность повысить квалификацию на 4 месте для российской стороны (84,7 %) и 2 месте (22,2 %) для словацкой. Примерно половина опрошенных (52,7 % и 14,8 %) ответили отрицательно об изменениях, происходящих в учебных заведениях.

Следовательно, недостаточное финансирование образовательного процесса ощущается в обеих странах, а рост престижа школы связан со сложными условиями работы в межкультурной среде. Успехи школы во внеклассных мероприятиях высоко оцениваются российскими учителями, которые сами организуют эти мероприятия и чувствуют их благоприятное влияние при сплочении детского коллектива. Однако эти мероприятия недооцениваются словацкими учителями, что связано, возможно, с небольшим опытом работы

Таблица 2

Желаемые последствия приема детей мигрантов в детские учреждения

Последствия	Россия, %	Словакия, %
Увеличение финансирования	97,3	37,03
Возможности повысить квалификацию	84,7	22,2
Рост престижа школы	94,7	37,03
Успехи школы в спортивных и внеклассных мероприятиях	90,0	14,8
Ничего не меняется	52,7	14,8

с детьми мигрантов. У российских учителей возможность повышения квалификации занимает 4 место, хотя и это довольно высокий процент, что, возможно, связано с уже длительной работой в смешанных детских коллективах и приобретением опыта межкультурной работы непосредственно в школах. Высокий уровень востребованности повышения квалификации у словацких коллег можно объяснить их интуитивным чувством необходимости перестройки работы в новой межкультурной среде.

Данная проблема тесно связана с ответами на вопрос, что должно делать государство, если в школе учится большое количество детей, приехавших из других стран (Таблица 3).

Таблица 3

Меры государства, направленные на помощь школам с большим количеством детей мигрантов

МЕРЫ	Россия, %	Словакия, %
Дополнительное финансирование	54,1	37,03
Курсы повышения квалификации	75,8	37,03
Доплаты учителям	57,3	74,07
Психологическая поддержка учителям	35,7	37,03

С российской стороны процентное соотношение курсов повышения квалификации (75,8 %) и психологической поддержки учителей (35,7 %) превышает дополнительное финансирование (54,1 %), что говорит о высокой значимости данных показателей для коллективов детских образовательных учреждений. Одновременно, более половины респондентов (57,3 %) считают необходимым ввести дополнительную оплату учителям, работающим с детьми мигрантов. С нашей точки зрения, это вполне обосновано, т. к. данным детям требуется уделять больше времени с привлечением дополнительных технических ресурсов для успешного усвоения, прежде всего, русского языка в кратчайшие сроки и проведения адаптационных мероприятий (внеклассной работы).

Что касается словацкой стороны, то такие параметры, как дополнительное финансирование, курсы повышения квалификации, психологическая поддержка учителям набрали по значимости одинаковое количество процентов (37,03 %). На первом месте находится показатель по доплатам учителям (74,07 %), что связано с недостаточным финансированием учебного процесса и, возможно, нехваткой средств на покупку дополнительного оснащения, необходимого для проведения занятий на уровне межкультурной среды. Один ответ содержал дополнительный параметр: тесты на уровень общих и языковых знаний для определения возможности обучения в Словакии. Данный ответ также можно определить как интуитивный, связанный с чувством необходимости адаптации детей мигрантов в новой межкультурной среде (Ср.: ответы на 2 вопрос).

Выводы и рекомендации

Таким образом, принимая во внимание теоретические положения обсуждаемой темы и полученные результаты социологических опросов в России и Словакии, можно сделать следующие выводы:

1. Миграционные процессы сложны и многообразны. Особого внимания требует учебная миграция, включающая как устройство детей мигрантов в учебные заведения, так и проблемы их обучения. С учетом сложной демографической ситуации данный вид миграции можно рассматривать как потенциальных абитуриентов университетов, а в дальнейшем и как человеческий капитал, способный внести определенный вклад в развитие экономики страны.

2. Для успешной адаптации и мотивации учебной миграции необходимо создание определенных условий успешности уже на стадии школьного обучения и, возможно, дошкольного воспитания.

3. По данным проведенного нами социологического опроса учителей и работников дошкольных учреждений Екатеринбурга и области, наибольшую проблему при работе с детьми мигрантов и их родителями представляет незнание русского языка как языка межнационального общения. Как следствие, возникает ряд проблем при освоении предметов школьного цикла, пропуски занятий при недостаточной мотивации, невозможность налаживания контакта с родителями.

Следует отметить, что в РФ знание русского языка носит тотальный характер, владение русским языком означает возможность получить образование, социальное продвижение, мобильность в масштабах страны. Свободное владение русским языком, наряду со знанием иностранных языков, рассматривается как критерий образованности. Причем, престиж русского языка не требует, чтобы его освоение происходило за счет забвения родного языка [Kuprina, Minasyan 2014: 2–20].

4. Следовательно, анализ социокультурной составляющей языкового образования заслуживает особого внимания, и обучение с социокультурных позиций представляется наиболее эффективной моделью формирования иноязычной личности как субъекта диалога культур. Для построения адекватной модели обучения в рамках социокультурного подхода необходимо предварительное изучение социокультурного контекста, его дидактически ориентированный анализ в конкретной стране и в конкретной национальной среде, который направлен на изучение: ситуации обучения языку, т. е. изучается ли язык в качестве второго языка или как иностранный; школьной или университетской среды: задач и уровней владения в конкретном учебном заведении; семейной среды: возможности помощи родителям для стимулирования работы над языком; локальной и региональной среды проживания (регион, город, село); экономической ситуации в обществе. Таким образом, основным принципом обучения языку в рамках социокультурного подхода может стать принцип «диалога культур», целью которого является воспитание языковой толерантности [Мэн Ся 2011: 111–114].

5. Для выравнивания ситуации, как отмечают респонденты обеих стран, необходимо введение дополнительных занятий (курсы адаптации, национальный язык принимающей стороны как неродной и т. п.) как

для обучаемых, так и для родителей. Кроме того, необходимы курсы повышения квалификации для учителей, работающих с детьми мигрантов.

6. Перспективным является решение вопроса о статусе полиэтнических школ. Однако это может повлечь дополнительные государственные и региональные расходы, которые могут быть направлены на оснащение этих школ (например, лингафонными и компьютерными кабинетами для изучения иностранных языков), получение дополнительной квалификации в области межкультурных коммуникаций учителями и воспитателями, оказание психологической поддержки как сотрудникам, так и детям и их родителям.

7. Одновременно, по мнению респондентов, необходимо ввести дополнительную оплату учителям, работающим с детьми мигрантов, что является вполне обоснованным, т. к. работа с данными детьми требует больше времени с привлечением дополнительных технических ресурсов.

8. В настоящее время, несмотря на усиление миграционных процессов и смену их качественных параметров, в области образования работа ведется на уровне энтузиазма самих учителей и воспитателей школ и дошкольных учреждений. На практике отсутствуют значительные административные изменения и специальная поддержка: дополнительное финансирование, профессиональная поддержка, в том числе и психологическая, повышение престижа школ, обучающихся детей мигрантов, техническое оснащение учебного процесса.

Следовательно, решение проблем обучения и адаптации детей мигрантов, возможно вместе с их родителями, является комплексной задачей не только для администрации школ, но и администрации государственного и регионального уровней. В результате совершенствования работы в образовательном про-

странстве в структуре дошкольные учреждения – школа – вуз можно создать учебные комплексы, ведущие подготовку адаптированных и мотивированных абитуриентов, успешно осуществляющих коммуникацию на русском языке, а в дальнейшем, являющихся тем человеческим потенциалом, который будет принимать участие в экономическом развитии стран.

9. С целью совершенствования работы с учебной миграцией и повышения квалификации учителей, преподавателей вузов, подготовки студентов педагогических специальностей нами разработаны различные учебно-методические комплексы и пособия, который успешно прошли апробацию, получили хорошие отклики и рецензии как в России, так и за рубежом (Словакии, Армении, Великобритании, Германии, Иране, Италии, Нидерландах, Польше, Хорватии, Чехии, Южной Кореи, Японии): Введение в дидактику русского языка и межкультурную коммуникацию [Петрикова, Куприна, Галло 2013]; Практикум по межкультурной коммуникации [Куприна, Петрикова, Галло 2013]; Didaktika ruštiny. I [Петрикова, Куприна, Галло 2013]; Didaktika ruštiny. II [Петрикова, Куприна, Галло 2013]; Основы межкультурной дидактики [Петрикова, Куприна, Галло 2015]; Гипертекстуальный практикум по межкультурной коммуникации [Петрикова, Куприна, Галло 2015].

В рамках диссертационных исследований под руководством Т. В. Куприной также ведется разработка новых адаптационных курсов: Five Lessons for Developing Tolerance (Пять уроков развития толерантности) [Бекетова, Куприна 2016]. Данное учебно-методическое пособие рекомендовано методическим советом Уральского федерального университета для студентов всех направлений подготовки, имеющих в учебных планах дисциплину «Иностранный (английский) язык».

ЛИТЕРАТУРА

Бекетова А. П., Куприна Т. В. Five Lessons for Developing Tolerance (Пять уроков развития толерантности). – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – 168 с.

Бесплатное образование в Словакии для украинцев [Электронный ресурс]. – Освіта. UA. – Режим доступа: ru.osvita.ua/abroad/higher_school/46858 (дата обращения: 07.11.2018).

Житнев А. Будущие русские [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mn.ru/society/2011125/307640404.html (дата обращения: 30.10.2108).

Житникова Т. В Словакии растет количество трудовых мигрантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rsi.rtv.ssk/russkiy/clanky/tema-dnja/161313/v-slovakii-rastet-chislo-trudovyh-migrantov (дата обращения: 07.11.2018).

Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 80–91.

Куприна Т. В. Детско-юношеская миграция: проблемы и новые направления поликультурного образования и воспитания // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – С. 91–98.

Куприна Т. В. Оценка проблем и потенциала учебной миграции на территории г. Екатеринбурга и Свердловской области // Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России. Оценка факторов и эффектов: монография. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. – С. 58–64.

REFERENCES

Beketova A. P., Kuprina T. V. Five Lessons for Developing Tolerance. – Ekaterinburg: UFU, 2016. – 168 p.

Free education in Slovakia for Ukrainians [Electronic resource]. – Osbita.UA. – Mode of access: ru.osvita.ua/abroad/higher_school/46858 (date of access: 07.11.2018).

Zhitnev A. Future Russians [Electronic resource]. – Mode of access: www.mn.ru/society/2011125/307640404.html (date of access: 30.10.2108).

Zhitnikova T. The number of labor migrants is increasing in Slovakia [Electronic resource]. – Mode of access: rsi.rtv.ssk/russkiy/clanky/tema-dnja/161313/v-slovakii-rastet-chislo-trudovyh-migrantov (date of access: 07.11.2018).

Zborovskiy G. E., Shchuklina E. A. Education of migrant children as a problem of their social adaptation // Sociological studies. – 2013. – № 2. – P. 80–91.

Kuprina T. V. Children and youth migration: problems and new directions of multicultural education and upbringing // Socio-economic and spatial-temporal features of the development of demographic processes in the regions of Russia: collection of materials of the VI Ural demographic forum with international participation. – Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of RAS, 2015. – P. 91–98.

Kuprina T. V. Assessment of problems and potential of educational migration in the territory of Ekaterinburg and the Sverdlovsk region // Regional aspects of international labor migration in modern Russia. Evaluation of factors and effects: monograph – Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of RAS, 2017. – P. 58–64.

Kuprina T., Petrikova A., Gallo J. Intercultural communication workshop. – Preshov: Faculty of Philosophy, 2013.

Куприна Т., Петрикова А., Галло Я. Практикум по межкультурной коммуникации. – Прешов: Философский факультет, 2013.

Мэн Ся. Обучение русскому языку в КНР как социокультурная проблема // XII конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. – С. 111–114.

Петрикова А., Куприна Т., Галло Я. Введение в дидактику русского языка и межкультурную коммуникацию. – Прешов: Фило-софский факультет, 2013. – 365 с.

Петрикова А., Куприна Т., Галло Я. Основы межкультурной дидактики. – М.: Русский язык. Курсы, 2015. – 376 с.

Петрикова А., Куприна Т., Галло Я. Гипертекстуальный практикум по межкультурной коммуникации: приложение к учебнику «Основы межкультурной дидактики». – М.: Русский язык. Курсы, 2015.

Поток мигрантов на Урал в 2017 году вырос на 20 % [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.mail.ru/politic (дата обращения: 28.10.2018).

International Organization for Migration (IOM) [Electronic resource]. – Mode of access: iom.sk/sk/migracia/migracia-na-slovensku (date of access: 10.09.2018).

Kuprina T., Minasyan S. Geouristics as New Branch of Geocultural Space // XLinguae. European Scientific Language Journal. – 2014, October. – Vol. 7. – Issue 4. – P. 2–20.

Kuprina T. V., Sandler M. Common and Specific Features of Migration Flows in Russia, CIS and Far Abroad // Экономика региона. – 2015. – № 2 (42). – С. 194–207.

Migračné informačné centrum IOM. Bezplatné poradenstvo a služby pre cudzincov [Electronic resource]. – Mode of access: mic.iom.sk/atlas/ukrajinska-komunita (date of access: 10.09.2018).

Petrikova A., Kuprina T., Gallo J. Didaktika ruštiny. I. 1. vyd. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013. – 175 s.

Petrikova A., Kuprina T., Gallo J. Didaktika ruštiny. II. 1. vyd. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013. – 174 s.

Rozšírená Európa a migrácia [Electronic resource]. – Mode of access: euractiv.sk/section/socialna-politika/opinion/rozsirena-europa-a-migracia (date of access: 10.10.2018).

Štefančík R. Úroveň migračnej politiky [Electronic resource] // Politické vedy. Banská Bystrica: Fakulta politických vied a medzinárodných vzťahov. Univerzita Mateja Bela. Ročník 14, číslo 3. – 2011. – S. 6–34. – Mode of access: www.fpvmv.umb.sk/politickevedy (date of access 10.10.2018).

Zajac Lukáš – Návojský Andrej. Jeden svet na školách III. Metodická príručka pre učiteľov stredných škôl. – Bratislava: Vydavateľstvo Lúč, 2009. – 106 s.

Meng Xia. Teaching Russian in China as a socio-cultural problem // XII Congress of the International Association of Russian Language and Literature Teachers. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. – P. 111–114.

Petrikova A., Kuprina T., Gallo J. Introduction to the didactics of the Russian language and intercultural communication – Preshov: Faculty of Philosophy, 2013. – 365 p.

Petrikova A., Kuprina T., Gallo J. Basics of intercultural didactics. – M.: Russian language. Courses, 2015. – 376 p.

Petrikova A., Kuprina T., Gallo J. Hypertextual Intercultural Workshop: Annex to the textbook “Fundamentals of intercultural didactics”. – M.: Russian language. Courses, 2015.

The flow of migrants to the Urals in 2017 increased by 20 % [Electronic resource]. – Mode of access: news.mail.ru/politic (date of access: 28.10.2018).

International Organization for Migration (IOM) [Electronic resource]. – Mode of access: iom.sk/sk/migracia/migracia-na-slovensku (date of access: 10.09.2018).

Kuprina T., Minasyan S. Geouristics as New Branch of Geocultural Space // XLinguae. European Scientific Language Journal. – 2014, October. – Vol. 7. – Issue 4. – P. 2–20.

Kuprina T. V., Sandler M. Common and Specific Features of Migration Flows in Russia, CIS and Far Abroad // Economy of the region. – 2015. – № 2 (42). – P. 194–207.

Migračné informačné centrum IOM. Bezplatné poradenstvo a služby pre cudzincov [Electronic resource]. – Mode of access: mic.iom.sk/atlas/ukrajinska-komunita (date of access: 10.09.2018).

Petrikova A., Kuprina T., Gallo J. Didaktika ruštiny. I. 1. vyd. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013. – 175 s.

Petrikova A., Kuprina T., Gallo J. Didaktika ruštiny. II. 1. vyd. – Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013. – 174 s.

Rozšírená Európa a migrácia [Electronic resource]. – Mode of access: euractiv.sk/section/socialna-politika/opinion/rozsirena-europa-a-migracia (date of access: 10.10.2018).

Štefančík R. Úroveň migračnej politiky [Electronic resource] // Politické vedy. Banská Bystrica: Fakulta politických vied a medzinárodných vzťahov. Univerzita Mateja Bela. Ročník 14, číslo 3. – 2011. – S. 6–34. – Mode of access: www.fpvmv.umb.sk/politickevedy (date of access 10.10.2018).

Zajac Lukáš – Návojský Andrej. Jeden svet na školách III. Metodická príručka pre učiteľov stredných škôl. – Bratislava: Vydavateľstvo Lúč, 2009. – 106 s.

Данные об авторах

Куприна Тамара Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
E-mail: tvkuprina@mail.ru.

Петрикова Анна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики, Прешовский университет (Прешов).

Адрес: Domáňská 29, 08006, Lubotice, Slovakia.
E-mail: anna.petrikova@unipo.sk.

Мишенкова Михаэла – магистр, кафедра русистики, Прешовский университет (Прешов).

Адрес: 08001, Словакия, Прешов, ул. 17. ноября 1.
E-mail: michaela.misenkova@gmail.com

Author's information

Kuprina Tamara Vladimirovna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Translation, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Petrikova Anna – PhD, Associate Professor, Department of Russian Studies, University of Preshov (Preshov, Slovak Republic).

Mishenkova Michaela – Master of Arts, Department of Russian Studies, University of Preshov (Preshov, Slovak Republic).

УЧЕБНАЯ КНИГА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Бочкарева Н. С.
Пермь, Россия
ORCID ID: –
E-mail: bochk@psu.ru

УДК 378.016:82
DOI 10.26170/FK19-01-13
ББК Ш33(4)Р
ГСНТИ 14.35.07
КОД ВАК 13.00.02

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНТИЗМА В ВУЗОВСКОМ КУРСЕ (УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ Р. Ф. ЯШЕНЬКИНОЙ)

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов методической деятельности Р. Ф. Яшенкиной, работавшей до 2010 г. в должности профессора кафедры мировой литературы и культуры (до 1999 г. – кафедра зарубежной литературы) Пермского государственного университета. Рассматривается проблематика десяти учебных пособий Яшенкиной, среди которых особое место отведено зарубежной прозе и поэзии XIX века (западноевропейскому романтизму и реализму). Доказывается актуальность осмысления методических подходов к преподаванию зарубежной литературы XIX века, и западноевропейского романтизма в частности, на основании сравнительного анализа различных (в том числе коллективных) учебных пособий, вышедших в издательствах Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Таким образом, учебные пособия Яшенкиной «Проза французского романтизма» (2000) и «Проза немецкого романтизма» (2006) рассматриваются в контексте современных учебных пособий по истории зарубежной литературы XIX в. (раздел «Романтизм»). Объясняется авторский подход к организации материала, акцент на жанровой специфике романа, новеллы и повести, эстетических и поэтологических принципах романтической типизации, христианской проблематике и других аспектах. Особое внимание уделяется самостоятельной работе студента, соединению учебной и научной деятельности. В соответствии с жанром лекции каждый раздел предваряется планом и завершается выводами, перечнем основных понятий и вопросами для повторения. В отличие от большинства современных учебных пособий, тексты лекций Яшенкиной сопровождаются ссылками на художественные и научные источники, которые включаются в список использованной литературы. Это ориентирует студента на самостоятельную научную деятельность и корректное использование источников. В соответствии с основными научными направлениями кафедры делается акцент на детальном исследовании жанровой поэтики прозы французских и немецких романтиков. Включение специального анализа прозы в учебный курс западноевропейского романтизма компенсирует традиционный акцент на изучении в основном романтической поэзии и позволяет студентам самостоятельно проследить значение романтических и реалистических тенденций в становлении жанровой поэтики прозы XIX в.

Ключевые слова: методика преподавания литературы; методика литературы в вузе; история зарубежной литературы; романтизм; эстетика; поэтика; литературные жанры.

Bochkareva N. S.
Perm, Russia

TO THE ISSUE OF TEACHING WEST EUROPEAN ROMANTICISM AT UNIVERSITY (USING TEACHING GUIDES BY R. F. YASHEN'KINA)

Abstract. The article deals with one of the aspects of educational activity of R. F. Yashen'kina. Until 2010 she worked as a Professor at Department of World Literature and Culture (the former Department of Foreign Literature) of Perm State University. The article examines the problems touched upon in ten teaching guides published by R. F. Yashen'kina. Among them, special attention is given to the 19th century foreign prose and poetry (West European Romanticism and Critical Realism). The author proves the urgency of theoretical interpretation of the methodological approaches to teaching 19th century foreign literature, and specifically West European Romanticism, on the basis of comparative analysis of various (including multi-authored) teaching guides published in Moscow, Saint-Petersburg and other cities. Thus, R. F. Yashen'kina's teaching guides "French Romantic Prose" (2000) and "German Romantic Prose" (2006) are considered in the context of contemporary textbooks in the History of Foreign Literature of the 19th century (Chapter "Romanticism"). The article explains the author's approaches to material structure and the accent on genre characteristics of a novel, novella, and short story, on aesthetic and poetological principles of romantic typification, on Christian problems, and other aspects. Special attention is drawn to the students' self-learning, as well as to the combination of their academic studies and research activity. In accordance with the genre of lecture, every part of her teaching guides is preceded by a plan and ends with a conclusion, list of main terms and concepts, and with questions for revision. Unlike most contemporary textbooks, R. F. Yashen'kina's lecture courses are provided with references to fiction and scientific sources included in the list of literature used. This orients students towards individual scientific research activity and correct use of sources of information. In agreement with the main areas of scientific activity of the department, focus is made on the detailed study of the prose genre poetics of French and German Romanticists. The inclusion of specialized prose analysis into the academic course of West European Romanticism compensates for the traditional emphasis on studying mostly Romantic poetry and helps the students to follow the role of Romantic and Realistic Movements in the genesis of the 19th century prose genre poetics independently.

Keywords: methods of teaching literature; methodology of literature in high school; history of the foreign literature; romanticism; aesthetics; poetics; literary genre.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-412-590005p_a «Пермские филологи-зарубежники: биографии, труды, ученики»

Acknowledgments: Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Perm Krai within scientific project № 18-412-590005p_a "Perm Philologists Abroad: Biographies, Works, Students"

Для цитирования: Бочкарева, Н. С. К проблеме изучения западноевропейского романтизма в вузовском курсе (учебные пособия Р. Ф. Яшенкиной) / Н. С. Бочкарева // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 97–101. DOI 10.26170/fk19-01-13.

For citation: Bochkareva, N. S. To the Issue of Teaching West European Romanticism at University (using teaching guides by R. F. Yashen'kina) / N. S. Bochkareva // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 97–101. DOI 10.26170/fk19-01-13.

Изучение западноевропейского романтизма в вузовском курсе оснащено ставшими уже классическими монографиями по отдельным национальным литературам: немецкой («Романтизм в Германии» [Берковский 1973]), английской («Английский романтизм: проблемы эстетики» [Дьяконова 1978]) и др., а также коллективными учебниками и учебными пособиями по истории зарубежной литературы XIX века. Опираясь на учебные программы и созданные ранее образцы [Елизарова 1972; Дмитриев 1979; Засурский, Тураев 1982 и др.], редакторы учебников и учебных пособий 1990-х [Михальская 1991; Соловьева 1991] размещали разнонациональный романтизм в специальном разделе, отделяя его от критического реализма и литературы второй половины XIX в.

В XXI в. появилась тенденция к обособлению истории национальных литератур с целью проследить предметность внутри каждой из них на протяжении всего XIX столетия [Соколова 2003, Сидорченко, Бутова 2004; Березина 2005; Соловьева 2013; Апенко 2017 и др.]. Во многом это связано с «взаимопроникновением различных художественных методов, сложным взаимодействием реализма и романтизма, наличием пограничных явлений в творчестве отдельных писателей» [Поляков 2006]. При этом неизбежно ослабляется связь между отдельными национальными литературами, теряется представление о единстве изучаемого курса западноевропейского и американского романтизма.

В начале 2000-х гг. в издательстве «Флинта» появляются учебные пособия, по-разному осмысляющие целостность литературы романтизма («История зарубежной литературы: Западноевропейский и американский романтизм» [Храповицкая, Коровин 2002], «Зарубежная и русская литература XIX в.: Романтизм» [Шумкова 2002] и др.). Несмотря на множество учебников и учебных пособий, у каждого лектора, читающего курс истории зарубежной литературы XIX в. (романтизм), возникает необходимость по-новому осмыслить его структуру, расставить акценты, предложить свой анализ и интерпретацию отдельных произведений. Не всегда это отражается в публикациях, но за последнее десятилетие (в соответствии с требованиями к учебно-методическим комплексам) как в столичных, так и в университетских издательствах опубликованы разнообразные учебные пособия, дополняющие или адаптирующие традиционный курс в соответствии с опытом лекторов [Тихонова 2008; Кудрина, Модина 2010; Галева, Хабибуллина, Зигнатуллина 2014; Рабинович 2014 и др.]. Их объем и содержание варьируются от развернутых конспектов лекций до комментированных учебных планов и методических указаний с приложениями.

Раиса Федоровна Яшенкина преподавала историю зарубежной литературы XIX в. в Пермском государственном университете до 2010 г., уйдя на пенсию в должности профессора кафедры мировой литературы и культуры (до 1999 г. – кафедра зарубежной литературы). За годы работы в университете она опубликова-

ла десять учебных пособий, в основном посвященных эстетике и поэтике зарубежной литературы XIX–XX вв. Эти пособия отразили основные научные направления кафедры зарубежной литературы, сформированные вокруг сборников «Традиции и взаимодействия в зарубежных литературах» и «Проблемы метода и поэтики в зарубежных литературах» (об истоках научной деятельности кафедры см.: [Проскурнин 2016]).

Широкий диапазон научно-методических интересов Яшенкиной, обусловленный особым вниманием к эстетике литературного творчества, отразился уже в первых учебных пособиях «Эстетика Иоганнеса Бехера» [Яшенкина 1968] и «Гомеровский эпос в эстетике Гегеля» [Яшенкина 1975]. Поскольку результаты научной деятельности кафедры в то время, как правило, отражались не в монографиях, а в учебных пособиях по спецкурсу, сложился высокий уровень требований к их содержанию и форме (см. также об учебных пособиях Н. С. Лейтес: [Бочкарева 2011]). Все они носили ярко выраженный авторский характер и сопровождались, как научные статьи и монографии, библиографическими ссылками на цитируемые источники.

Особое место в учебно-методической деятельности Яшенкиной отведено зарубежной прозе и поэзии XIX в. (западноевропейскому романтизму и реализму). Уже в 1970-х гг. она читает спецкурс «Становление историзма в западноевропейской литературе XIX века» на материале немецкой и французской литератур. Учебное пособие по этому спецкурсу [Яшенкина 1978] посвящено ее учителю и мужу, специалисту по английской литературе XIX в. (в частности историческим романам В. Скотта), профессору А. А. Бельскому. Многолетний опыт преподавания зарубежной литературы XIX века привел в 1990–2000-х гг. к публикации целой серии учебных пособий по западноевропейской и американской прозе и поэзии после 1830 г. в соавторстве со специалистом по английской литературе (в частности по викторианскому роману), профессором Б. М. Проскурниным [Проскурнин, Яшенкина 1993, 1996; Яшенкина, Проскурнин 2010]. Одно из них, посвященное западноевропейской реалистической прозе, несколько раз переиздавалось во «Флинте» [Проскурнин, Яшенкина 2008].

Западноевропейскому романтизму полностью посвящены два учебных пособия Р. Ф. Яшенкиной «Проза французского романтизма» [Яшенкина 2000] и «Проза немецкого романтизма» [Яшенкина 2006], расширенно представившие тексты ее лекций по курсу «История литературы 1789–1830 гг. Романтизм». Особенностью этих пособий является, во-первых, акцент на романтической прозе, дополняющий традиционное представление о преобладании романтической поэзии, во-вторых, жанровый принцип организации и осмысления материала. Пособия не исчерпывают весь лекционный курс, но демонстрируют актуальные принципы учебной и научной деятельности.

Единство пособий оговаривается уже в предисловии к «Прозе французского романтизма», где форму-

лируются три основные задачи: «1) изложить учебный программный материал; 2) соединить его изложение с рассмотрением теоретико-методологических проблем современного литературоведения и эстетики; 3) дать поэтологический анализ программных художественных текстов» [Яшенькина 2000: 3]. Оба пособия должны организовать самостоятельную работу студентов, поэтому каждый раздел открывается планом лекции, а завершается краткими выводами, перечнем основных категорий и понятий, вопросами для самоконтроля.

Схожа и структура изложения лекционного материала: сначала предлагается общая лекция по особенностям национально-исторического развития романтизма во Франции и Германии соответственно (исторические, культурные и литературные предпосылки, эстетико-художественные принципы, периодизация, объединения и творческие индивидуальности), а затем анализируются своеобразие отдельных произведений в контексте творчества писателей и романтической поэтики (отношение идеала и действительности, романтический характер и принципы романтической типизации, повествовательные жанры). В первом пособии акцент делается на разновидностях романа (личный, аналитический, исторический и др.), во втором – на характере романа, новеллы, повести. Жанровый принцип соединяется с историческим (сопоставление произведений разных периодов специально оговаривается) и личностным (много внимания уделяется творческой индивидуальности каждого автора, взаимоотношению писателей, их критическим высказываниям).

Анализ прозы французского романтизма традиционно начинается с творчества Шатобриана. Программные повести «Атала» и «Рене» вписываются в контекст других произведений (эссе «Опыт о революциях...», трактат «Гений христианства», роман «Мученики»). Акцентирование христианской проблематики, сравнение с Руссо (концепция «естественного человека»), Байроном (образ романтического героя), Бальзаком и Стендалем (тема страстей) подчеркивают своеобразие повестей Шатобриана. Специально рассматриваются поэтика жанра (повесть и роман), образы главных героев и отношение к ним автора, особенности повествования, изображение природы, афористичность стиля.

Переходный характер эстетики раннего романтизма по-разному проявился в творчестве Шатобриана и Ж. де Сталь, которой посвящена следующая лекция. В поэтической системе Шатобриана становление романтизма соединилось с его приверженностью к нормативной эстетике классического искусства [Яшенькина 2000: 51]. Для Ж. де Сталь эстетика романтизма выразила свободу человеческого духа, независимость и гордость, что свидетельствовало о «возвращении писательницы к философским основам Просвещения» [там же: 74]. Роман «Коринна, или Италия» последовательно рассматривается через жанровую поэтику романа идеи, личного романа, «романа с ключом» и романа о художнике (см. об этом также: [Бочкарева 2000: 96–100]). В выводах к этой лекции определяется получивший широкое развитие во Франции периода раннего романтизма «так называемый личный роман, формировавшийся в значительной мере на биографической основе и связанный с проникновением в глуби-

ны судеб героев, их внутреннюю и интимную жизнь» [Яшенькина 2000: 74].

Своеобразие жанровой формы романа Б. Констан «Адольф», в котором, по словам самого автора, «всего два действующих лица» и «ситуация остается неизменной», раскрывается Яшенькиной через поэтику лирической исповеди, личного романа, «эгоцентричного романа» (Н. С. Шрейдер), наконец, аналитического романа [Яшенькина 2000: 79]. Причем основным предметом психологического анализа становится любовь как «конфликт двух сердец». Автобиографизм сюжета «Адольфа» (отношения Констан с Ж. де Сталь) может послужить для студентов дополнительным стимулом к сравнению двух романов, а оценка А. С. Пушкина («И современный человек изображен довольно верно...») не теряет своей актуальности и в наше время.

Такие разные произведения, как «Оберман» Э.-П. де Сенанкура и «Жан Сбогар» Ш. Нодье, соединяются в следующей лекции для того, чтобы сопоставить варианты французских романтических романов с личностной доминантой героя. Основным сюжетом обоих романов становится исповедь героя, движение его чувств и мыслей. Но если у Обермана «отсутствие характера и воли» соединяется с «негражданственностью» взгляда на общественную активность, то Лотарио-Сбогар активно и беспощадно действует против общества в качестве разбойника. У Сенанкура «роман-монология» (Ж. Санд), выраженная в эпистолярной форме, содержит элементы метаромана («эстетические комментарии Сенанкура к собственной книге» [Яшенькина 2000: 99]). У Нодье элементы личностного романа-исповеди и «разбойничьего романа» соединяются в многоголосии «чужих текстов» (эпиграфы, морлакские песни, описательные фрагменты, записки Лотарио, рассказ иностранного гостя) [там же: 118].

Последняя лекция «Прозы французского романтизма» посвящена национальному историческому роману и обращается к сопоставительному анализу произведений «Сен-Мар» А. де Виньи и «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго. Детально анализируются традиция В. Скотта, образ народа (толпы), реальные (исторические) и вымышленные персонажи, романтическая поэтика. Особенно подробно и глубоко анализируется характер Клода Фролло. Общий для обеих книг Яшенькиной принцип движения от монографических лекций (посвященных произведениям одного писателя) к сопоставительным во второй части пособий соответствует важному методологическому принципу развития компетенций от анализа отдельного произведения (или автора) к более сложному навыку сравнительного анализа.

Второе пособие «Проза немецкого романтизма», не считая введения, делится на шесть глав (лекций). Первая из них посвящена роману Гельдерлина «Гиперион» и акцентирует внимание на становлении романтического героя и жанра. С самого начала указывается на близость героев «французского личностного романа» и Гипериона Гельдерлина как «наследников Вертера». При анализе романа акцент делается на соединении «романа воспитания» и «личного романа», на влиянии философии Платона и на раскрытии темы судьбы. Более того, утверждается, что тема судьбы «становится его доминантным жанрообразующим признаком,

подчиняющим себе все другие жанровые аспекты» [Яшенькина 2006: 22].

Как «роман судьбы» анализируется в следующей главе и незаконченное произведение Новалиса «Генрих фон Офтердинген». Указывается на полемику с романом Гете о Вильгельме Майстере. Раскрывается смысл «эстетической утопии» Новалиса. При характеристике элементов жанра «романа о художнике» Яшенькина ссылается на позицию М. М. Бахтина, относившего немецкий роман о художнике к типу «испытания на художественную гениальность и параллельно на жизненную пригодность художника» [Бахтин 1979: 195], однако в выводах она утверждает, что сюжетная основа романа Новалиса – «становление личности героя». На наш взгляд, герой Новалиса «становится» как поэт в своей внутренней творчески-созерцательной деятельности, которая определяет содержание и форму романа, предвосхищая «самопорождающийся роман» [Бочкарева 2000: 74–81].

Натурфилософская проблематика сближает роман Новалиса с новеллами Л. Тика «Белокурый Экберт» и «Руненберг». В третьей главе пособия подчеркивается «жесткая определенность» структуры новеллы как жанра, ее драматизация и психологизм. Драматические взаимоотношения человека с природой определяют конфликт романтических натурфилософских новелл Тика. Поэтика жанра характеризуется особенностями композиции, формами повествования, сказочными элементами и др.

Относящиеся к одному периоду развития романтизма в Германии и к разным эстетическим школам «Михаэль Кольхаас» Г. Клейста и «Повесть о славном Касперле и прекрасной Аннерль» К. Брентано соединяет в одной главе «концептуальная общность в истолковании национального народного характера, судьба которого определяется трагической диалектикой свободы и необходимости, личностным выбором» (курсив Р. Ф. Яшенькиной. – Н. Б.) [Яшенькина 2006: 73]. Повесть Клейста рассматривается в контексте творчества автора и влияния на него идей Канта. Утверждается, что конфликт и развитие сюжета определяются не столько историческим характером эпохи, сколько самой природой личности героя. В повести гейдельбергского романтика Брентано Яшенькина анализирует близость к иенской эстетике,

жанровые черты новеллы и повести, мотивную и повествовательную структуры.

Прозе Э. Т. А. Гофмана посвящена самая большая глава пособия, разделенная на введение и четыре параграфа. В двух первых параграфах проблематизируется жанровая природа новелл «Золотой горшок» и «Крошка Цахес», аргументируется их близость к повести, рассматривается система образов и поэтика «двоемирия». В третьем параграфе, напротив, обосновывается новеллистический характер таких «ночных повестей», как «Церковь иезуитов в Г.» и «Майорат». Четвертый параграф посвящен жанровым особенностям романов Гофмана «Эликсир сатаны» и «Житейские воззрения кота Мурра...» с акцентом на типе героя и концепции личности.

В последней шестой главе пособия «Проза немецкого романтизма» объединяются произведения «Удивительная история Петера Шлемиля» А. Шамиссо, «Из жизни одного бездельника» И. Эйхендорфа и «Путешествие по Гарцу» Г. Гейне как «романтические повести о молодом герое». Жанровая поэтика, в частности, обосновывается типом героя («утверждение самоценной значимости романтической личности, ее духовной свободы») и сюжета («в повесть вошла жизнь не как событие или действие, а как целостность»). При всем различии «эстетических образцов и традиций», повесть объединяет «открытость» сюжета, последовательно-хроникальное изображение событий, процесс становления героя и «поэтическое мышление» автора.

Таким образом, в обоих пособиях жанровая природа рассматриваемых произведений не представляется чем-то однозначным и очевидным, а ориентирует студентов на самостоятельный анализ текста и размышления над романтической поэтикой. Polemika опирается на научные работы литературоведов и философов, критические высказывания писателей, художественные тексты. Это не только стимулирует будущую научно-исследовательскую работу студентов, но и формирует соответствующие компетенции. Все цитаты и ссылки оформляются в соответствии с правилами научных статей и монографий. В результате студенты уже в процессе чтения пособия усваивают навыки работы с источниками, необходимые в их собственной учебной и научной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Апенко Е. М. История зарубежной литературы XIX века: учебник / Е. М. Апенко, А. В. Белобратов, И. И. Бурова, Л. Н. Полубояринова [и др.]. – 2 изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 418 с.

Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 188–236.

Березина А. Г. История западноевропейской литературы. XIX век: Германия, Австрия, Швейцария: учебное пособие / А. Г. Березина, А. В. Белобратов, Л. Н. Полубояринова. – СПб.; М.: Академия, 2005. – 240 с.

Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. – Л.: Худож. лит., 1973. – 568 с.

Бочкарева Н. С. «Конечное и бесконечное» в литературе переходной эпохи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 1 (13). – С. 187–190.

Бочкарева Н. С. Роман о художнике как «роман творения»: генезис и поэтика. – Пермь, 2000. – 252 с.

Галеева Р. И., Хабидуллина Л. Ф., Зиннатуллина З. Р. История зарубежной литературы XIX века: конспект лекций. – Казань, 2014. – 178 с.

REFERENCES

Apenko E. M. The history of foreign literature of the XIX century: textbook / E. M. Apenko, A. V. Belobratov, I. I. Burova, L. N. Poluboyarinova [et al.]. – 2nd edition, reworked and enlarged – M.: Jurait, 2017. – 418 p.

Bakhtin M. M. The novel of education and its significance in the history of realism // Aesthetics of verbal creativity. – M.: Iskusstvo, 1979. – P. 188–236.

Berezina A. G. History of Western European Literature. XIX century: Germany, Austria, Switzerland: study guide / A. G. Berezina, A. V. Belobratov, L. N. Poluboyarinova. – SPb.; M.: Academy, 2005. – 240 p.

Berkovsky N. Y. Romanticism in Germany. – L.: Imaginative literature., 1973. – 568 p.

Bochkareva N. S. "Finite and Infinite" in Transition Era Literature // Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. – 2011. – Issue 1 (13). – P. 187–190.

Bochkareva N. S. The novel about the artist as a "novel of creation": the genesis and poetics. – Perm, 2000. – 252 p.

Galeeva R. I., Khabibullina L. F., Zinnatullina Z. R. The history of foreign literature of the XIX century: lecture notes. – Kazan, 2014. – 178 p.

- Дмитриев А. С. История зарубежной литературы XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – Ч. 1. – 572 с.
- Дьяконова Н. Я. Английский романтизм: проблемы эстетики. – М.: Наука, 1978. – 208 с.
- Елизарова М. Е. История зарубежной литературы XIX века / М. Е. Елизарова, Б. И. Колесников, С. П. Гиждеу, Н. П. Михальская. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 1972. – 623 с.
- Засурский Я. Н., Тураев С. В. История зарубежной литературы XIX века: учебное пособие. – М.: Просвещение, 1982. – 320 с.
- Курдина Ж. В., Модина Г. И. История зарубежной литературы XIX века: Романтизм: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 208 с.
- Михальская Н. П. История зарубежной литературы XIX века: учебник: в 2 ч. / Н. П. Михальская, В. А. Луков, А. А. Завьялова [и др.]; под ред. Н. П. Михальской. – М.: Просвещение, 1991. – Ч. 1. – 254 с.
- Поляков О. Ю. От Остин до Киплинга: учебник нового поколения для филологов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2006. – № 15. – С. 163–164.
- Проскурнин Б. М. Изучение мировой литературы в Пермском государственном университете: исторический взгляд в будущее // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – Вып. 4 (36). – С. 156–165.
- Проскурнин Б. М., Яшенькина Р. Ф. Из истории зарубежной литературы 1830–1850-х гг. Западноевропейский реализм после 1848 года: текст лекций. – Пермь, 1996. – 228 с.
- Проскурнин Б. М., Яшенькина Р. Ф. Из истории зарубежной литературы 1830–1850-х гг. (французские реалисты): текст лекций. – Пермь, 1993. – 80 с.
- Проскурнин Б. М., Яшенькина Р. Ф. История зарубежной литературы XIX века: Западноевропейская реалистическая проза: учебное пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 411 с.
- Рабинович В. С. История зарубежной литературы XIX века: Романтизм: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 88 с.
- Сидорченко Л. В., Бурова И. И. История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: учебное пособие / Л. В. Сидорченко, И. И. Бурова, А. А. Аствацатуров [и др.]. – СПб.; М.: Академия, 2004. – 544 с.
- Соколова Т. В. История западноевропейской литературы. XIX век: Франция, Италия, Испания, Бельгия: учебник / Т. В. Соколова, А. И. Владимирова, З. И. Плавский [и др.]. – СПб.; М.: Академия, 2003. – 336 с.
- Соловьева Н. А. История зарубежной литературы XIX века: учебник / В. Н. Богословский, А. Ф. Головенченко, А. С. Дмитриев [и др.]. – М.: Высш. шк., 1991. – 636 с.
- Соловьева Н. А. Зарубежная литература XIX века: учебное пособие / Н. А. Соловьева [и др.]. – М.: Академия, 2013. – 474 с.
- Тихонова О. В. История западноевропейской литературы XIX века (романтизм и реализм): учебное пособие для вузов. – Воронеж, 2008. – 44 с.
- Храповицкая Г. Н., Коровин А. В. История зарубежной литературы. Западноевропейский и американский романтизм: учебник. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 408 с.
- Шумкова Т. Л. Зарубежная и русская литература XIX века. Романтизм: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 237 с.
- Яшенькина Р. Ф. Гомеровский эпос в эстетике Гегеля: учебное пособие по спецкурсу. – Пермь, 1975. – 40 с.
- Яшенькина Р. Ф. Из истории зарубежной литературы. Проза французского романтизма: текст лекций. – Пермь, 2000. – 148 с.
- Яшенькина Р. Ф. Проза немецкого романтизма: текст лекций. – Пермь, 2006. – 156 с.
- Яшенькина Р. Ф. Становление историзма в западноевропейской литературе XIX века: учебное пособие по спецкурсу. – Пермь, 1978. – 92 с.
- Яшенькина Р. Ф. Эстетика Иоганнеса Бехера: учебное пособие по спецкурсу. – Пермь, 1968. – 143 с.
- Яшенькина Р. Ф., Проскурнин Б. М. Из истории зарубежной литературы 1830–1870-х годов. Зарубежная поэзия 1830–1870-х годов (Генрих Гейне, Шарль Бодлер, Уолт Уитмен): учебное пособие. – Пермь, 2009. – 154 с.
- Dmitriev A. S. The history of foreign literature of the XIX century. – M.: Publishing house of the MSU, 1979. – Vol. 1. – 572 p.
- Dyakonova N. Ya. English romanticism: problems of aesthetics. – M.: Nauka, 1978. – 208 p.
- Elizarova M. E. The history of foreign literature of the XIX century / M. E. Elizarova, B. I. Kolesnikov, S. P. Gizhdeu, N. P. Mikhalskaya. – 4th edition. – M.: Prosveshenie, 1972. – 623 p.
- Zasursky Ya. N., Turaev S. V. The history of foreign literature of the XIX century: study guide. – M.: Prosveshenie, 1982. – 320 p.
- Kurdin Zh. V., Modina G. I. The history of foreign literature of the XIX century: Romanticism: study guide. – M.: Flinta: Nauka, 2010. – 208 p.
- Mikhalskaya N. P. The history of foreign literature of the XIX century: study guide: in 2 vol. / N. P. Mikhalskaya, V. A. Lukov, A. A. Zavyalova [et al.]; ed. by N. P. Mikhalskaya. – M.: Prosveshenie, 1991. – Vol. 1. – 254 p.
- Polyakov O. Yu. From Austin to Kipling: a new generation textbook for philologists // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. – 2006. – № 15. – P. 163–164.
- Prockurnin B. M. Studying World Literature at Perm State University: A Historical Look into the Future // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. – 2016. – Issue 4 (36). – P. 156–165.
- Prockurnin B. M., Yashen'kina R. F. From the history of foreign literature in 1830–1850. Western European realism after 1848: texts of lectures. – Perm, 1996. – 228 p.
- Prockurnin B. M., Yashen'kina R. F. From the history of foreign literature in 1830–1850. (French realists): texts of lectures. – Perm, 1993. – 80 p.
- Prockurnin B. M., Yashen'kina R. F. The history of foreign literature of the XIX century: Western European realistic prose: study guide. – 4th edition. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 411 p.
- Rabinovich V. S. The history of foreign literature of the XIX century: Romanticism: study guide. – M.: Flinta: Nauka, 2014. – 88 p.
- Sidorchenko L. V., Burova I. I. History of Western European Literature. XIX century: England: study guide / L. V. Sidorchenko, I. I. Burova, A. A. Astivatsaturov et al.]. – SPb.; M.: Academy, 2004. – 544 p.
- Sokolova T. V. History of Western European Literature. XIX century: France, Italy, Spain, Belgium: textbook / T. V. Sokolova, A. I. Vladimirova, Z. I. Plavskin [et al.]. – SPb.; M.: Academy, 2003. – 336 p.
- Solov'eva N. A. The history of foreign literature of the XIX century: textbook / V. N. Bogoslovskiy, A. F. Golovenchenko, A. S. Dmitriev [et al.]. – M.: Higher school, 1991. – 636 p.
- Solov'eva N. A. Foreign literature of the XIX century: textbook / N. A. Solov'eva [et al.]. – M.: Academy, 2013. – 474 p.
- Tihonova O. V. History of Western European literature of the XIX century (romanticism and realism): study guide for universities. – Voronezh, 2008. – 44 p.
- Khrapovitskaya G. N., Korovin A. V. History of foreign literature. Western European and American Romanticism: textbook. – M.: Flinta: Nauka, 2002. – 408 p.
- Shumkova T. L. Foreign and Russian literature of the XIX century. Romanticism: study guide. – M.: Flinta: Nauka, 2002. – 237 p.
- Yashen'kina R. F. Homeric epic in Hegel's aesthetics: study guide for special courses. – Perm, 1975. – 40 p.
- Yashen'kina R. F. From the history of foreign literature. French romantic prose: texts of lectures. – Perm, 2000. – 148 p.
- Yashen'kina R. F. Prose German Romanticism: texts of lectures. – Perm, 2006. – 156 p.
- Yashen'kina R. F. Formation of historicism in the Western European literature of the XIX century: study guide for special courses. – Perm, 1978. – 92 p.
- Yashen'kina R. F. Aesthetics of Johannes Becher: study guide for special courses. – Perm, 1968. – 143 p.
- Yashen'kina R. F., Prockurnin B. M. From the history of foreign literature of the 1830–1870^s. Foreign poetry of the 1830–1870^s (Heinrich Heine, Charles Baudelaire, Walt Whitman): study guide. – Perm, 2009. – 154 p.

Данные об авторе

Бочкарева Нина Станиславна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь).

Адрес: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: bochk@psu.ru.

Author's information

Bochkareva Nina Stanislavna – Doctor of Philology, Professor of the Department of World Literature and Culture, Perm State University (Perm).

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ГИМНАЗИЧЕСКИХ УЧЕБНИКОВ ПО «ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»: К ВОПРОСУ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению учебников по «Истории русской словесности» А. Д. Галахова, А. И. Незеленова и В. В. Сиповского на предмет выявления принципов их составления с целью обобщения опыта отечественной педагогической мысли второй половины XIX – начала XX столетий. Выбор учебников именно этой эпохи обусловлен интенсивностью реформирования системы народного просвещения, а также кардинальной сменой акцентов в организации учебно-воспитательного процесса, повлекшей за собой пересмотр учебных планов и содержательного наполнения изучаемых дисциплин. Полемика между представителями классического и реального образования, достигшая апогея в российской педагогике к началу XX в., оказала важное влияние на развитие системы среднего образования на протяжении всего предшествующего столетия. Сочетание историко-культурного и сравнительно-исторического подходов позволило выявить разные педагогические установки авторов учебников, продуктивные для решения различных комплексов образовательных задач. Так, сочетание принципов научности, историзма, сжатости изложения материала, использованных в учебнике А. Д. Галахова, способствовало более прочному усвоению гимназистами полученных знаний, ставя во главу угла образовательного процесса ценность факта и умение видеть его взаимосвязь с другими. Сочетание принципов научности, историзма и занимательности изложения в учебнике А. И. Незеленова позволило автору помимо сохранения ценности знаниевого компонента сделать акцент на развитии интереса учащихся к предмету и способствовать формированию воображения. Пересмотр возможностей методического применения традиционных принципов составления учебников в книге В. В. Сиповского открыл перспективы развивающего обучения. Актуальность обращения к традициям обеспечения преподавания русской словесности учебной литературой видится в возможности применения накопленного в отечественной педагогике опыта при составлении учебно-методических комплексов по литературе в современной школе. Это тем более важно, что опыт российских педагогов-словесников рубежа XIX–XX вв. демонстрирует эффективность использования различных по своим методическим установкам учебников для подготовки учащихся к экзамену на аттестат зрелости, который функционально сопоставим с современным единым государственным экзаменом.

Ключевые слова:
русская словесность;
учебники; гимназии;
педагогические тра-
диции; история учеб-
ников.

Nalegach N. V.
Kemerovo, Russia

PRINCIPLES OF COMPILING GYMNASIUM TEXTBOOKS ON THE “HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE”: ON THE ISSUE OF DOMESTIC PEDAGOGICAL TRADITIONS

Abstract. The article is devoted to the consideration of textbooks on the “History of Russian Literature” by A. D. Galakhov, A. I. Nezelenov and V. V. Sipovsky in order to identify the principles of their compilation in order to summarize the experience of national pedagogical thought in the second half of the 19th – early 20th centuries. The choice of textbooks of this particular era is due to the intensity of the reform of the public education system, as well as the cardinal change of emphasis in the organization of the educational process, which resulted in the revision of curricula and content of the disciplines studied. The controversy between representatives of classical and real education, which reached its apogee in Russian pedagogy by the beginning of the twentieth century, had an important influence on the development of the system of secondary education throughout the preceding century. The combination of historical, cultural and comparative historical approaches allowed us to identify different pedagogical attitudes of the authors of textbooks that are productive for solving various sets of educational tasks. Thus, the combination of the principles of science, historicism, brevity of presentation of the material used in the textbook by A. D. Galakhov contributed to a better mastery of the knowledge gained by high school students, putting the value of fact and the ability to see its relationship with others at the heart of the educational process. The combination of the principles of science, historicism and interesting presentation in the textbook by A. I. Nezelenov allowed the author, in addition to preserving the value of the knowledge component, to focus on the development of students' interest in the subject and contribute to the formation of imagination. The revision of the possibilities of the methodical application of the traditional principles of the compilation of textbooks in the book of V. V. Sipovsky opened up the prospects for developmental learning. The relevance of referring to the traditions of ensuring the teaching of Russian literature with educational literature is seen in the possibility of using the experience accumulated in the national pedagogy in the compilation of educational and methodical complexes on literature in the modern school. This is all the more important because the experience of Russian language and literature teachers of the turn of the XIX–XX centuries, demonstrates the effectiveness of using textbooks that are different in their methodological guidelines to prepare students for the exam for the certificate of maturity, which is functionally comparable to the modern unified state exam.

Keywords:
Russian literature; text-
books; gymnasiums;
pedagogical traditions;
history of textbooks.

Для цитирования: Налегач, Н. В. Принципы составления гимназических учебников по «Истории русской словесности»: к вопросу об отечественных педагогических традициях / Н. В. Налегач // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 102–107. DOI 10.26170/fk19-01-14.

For citation: Nalegach, N. V. Principles of Compiling Gymnasium Textbooks on the “History of Russian Literature”: on the Issue of Domestic Pedagogical Traditions / N. V. Nalegach // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 102–107. DOI 10.26170/fk19-01-14.

На рубеже XIX–XX вв. усилился спор между двумя концептуальными моделями образования: классической и реальной, что привело к идее соединить традиции гимназических и реальных учебных заведений в создании новых стандартов для средней общеобразовательной школы. Так, комментируя письмо И. Ф. Анненского А. В. Бородиной, написанное во второй половине августа 1900 г., А. И. Червяков указывает, что по вопросу реформирования среднего образования была высочайше учреждена комиссия, созданная министром народного просвещения Н. П. Боголеповым в соответствии с циркуляром от 8.07.1899. Комиссия работала с 7.01.1900 по 7.03.1901. Исследователь приводит фрагмент доклада И. Ф. Анненского, который был произнесен на заседании этой комиссии 10 января 1900 г. В нем высказано однозначное убеждение, что соединение двух моделей в одну приведет не к их синтезу, а к поглощению одним типом другого: «Школа типа гуманитарного имеет в основе своей *филологию*, а реальная – *естественные науки*, сообразно с этим две идеальных цели. Школа гуманитарная стремится методически приобщить учащихся к общечеловеческой культуре, поскольку она связана с истинной нашей сущностью, т. е. с философией, творчеством и практической моралью, заставляя учащихся самостоятельной умственной работой усваивать их элементы из единственных и определяющих для нашей культуры образов и положений.

Реальная школа ставит себе целью *методическое приобщение подрастающего поколения к общечеловеческой культуре путем постепенного введения его в область эмпирической работы над природой*. Для гуманитарной школы человек homo, откуда humanus, для реальной он *άνθρωπος*, откуда слово *антропология*.

Эти два принципа представляются исключаящими друг друга. Один из них может только искусственно развиваться за счет другого» [Анненский 2007: 252–253]. При этом в начале XX столетия была обозначена тенденция на вытеснение классической модели реальной, чем и объясняется горькая реплика из письма к А. В. Бородиной: «Вы спросите меня: „Зачем Вы не уйдете?“ О, сколько я думал об этом... Сколько я об этом мечтал... Может быть, это было бы и не так трудно... Но знаете, как Вы думаете серьезно? Имеет ли нравственное право убежденный защитник классицизма [речь идет о классической модели образования – Н. Н.] бросить его зная в такой момент, когда оно со всех сторон окружено злыми неприятелями? Бежать не будет стыдно?» [Анненский 2007: 248]. И хотя в начале прошлого века речь шла об исключении из школы только преподавания древних языков, остальные гуманитарные дисциплины тоже подверглись пересмотру.

В классической модели образования «История русской словесности», равно как и другие дисциплины гуманитарной направленности, являлась фундаментом обучения и воспитания учащихся гимназий и прогимназий. И если до разгоревшихся споров преимущественно был в употреблении учебник А. Д. Галахова (первое издание 1879), по сути, дающий представление о классическом образце этого типа издания, то на рубеже веков учебные комплексы стали существенно пополняться новыми идеями. Так, в учебнике А. И. Незеленова (первое издание 1893) можно видеть установку

на занимательность, повышение интереса и развитие воображения учащихся, а в учебнике В. В. Сиповского (первое издание 1906–1909) принципиальную смену работы с учебником – отказ от конспектирования в пользу расширения учеником полученных из учебника знаний посредством чтения и осмысления не только текстов из хрестоматии, но и дополнительной литературы.

Три выбранных учебника относятся к трем периодам становления и развития учебной книги в российском книгоиздании, выделенным в исследовании А. Э. Снитовского: «...– период становления русской учебной книги нового типа (1864–1887), – период интенсивного развития учебной книги нового типа в России (1887–1905), – период расцвета русской учебной книги нового типа (начало XX в.)» [Снитовский 2008: 7]. Сравнение этих ведущих учебников по «Истории русской словесности» позволяет комплексно представить возможный спектр принципов их составления и выявить динамику их изменения.

О строгом подходе к отбору рекомендуемых в качестве учебников текстов свидетельствуют министерские рецензии, например, И. Ф. Анненского, собранные и опубликованные в 4-х томах А. И. Червяковым. Тем не менее, можно видеть, что с конца XIX в. разнообразие учебников и пособий для изучения курса неуклонно увеличивается, что обусловлено не только полемикой между сторонниками классического и реального образования, но и внутренними причинами содержательного развития дисциплины. Во-первых, реформируется взаимосвязанный с «Историей русской словесности» курс «Теории словесности» и его место в учебном плане гимназий и прогимназий. Во-вторых, периодически поднимается вопрос о включении в дисциплину «История русской словесности» новейшей русской литературы, т. е. творчества тех авторов, которые создавали свои произведения во второй половине XIX в., а именно И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. Н. Островского, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и др. Это повлекло за собой корректирование принципов составления учебников, а также устаревание зарекомендовавших себя учебных изданий. Так, учебник А. Д. Галахова был переведен в статус вспомогательного учебного пособия, а учебник А. И. Незеленова дополнен соответствующим разделом уже другим автором, проф. А. И. Кирпичниковым, под чьей редакцией он начал выходить с 8-го издания. В-третьих, непрекращающиеся споры в профессиональном сообществе о том, что и как преподавать в рамках изучения «Истории русской словесности»: «В настоящее время в педагогическом мире ни в каком кружке нет такого разногласия, как между преподавателями русской словесности. Они не могут единодушно согласиться ни в материале, ни в цели, ни в способах преподавания» [Стоюнин 1879: 2]. Проблема, озвученная методистом рубежа XIX–XX вв., остается актуальной и до сих пор, каждый раз обостряясь при обсуждении новых образовательных стандартов и приводя к отсутствию единых подходов к созданию учебников.

При этом, как в Российской Империи условием поступления в университет было испытание на аттестат зрелости, предполагавшее определенное согла-

сии в цели и результатах образовательного процесса, так и в современной России ту же роль играет единый государственный экзамен. В силу такого созвучия обстоятельств представляется важным рассмотреть опыт составления учебников по «Истории русской словесности» на рубеже предыдущих столетий. Об актуальности педагогического опыта той эпохи для современной системы образования свидетельствует целый ряд недавно проведенных исследований А. Н. Бренчугиной-Романовой, Е. В. Гетманской, Л. В. Кипнес, Е. Ю. Ромашиной, Ю. А. Филоновой. Значимость педагогического наследия И. Ф. Анненского и его роль в отстаивании гуманитарного подхода к образованию раскрыта в трудах А. И. Червякова и О. Н. Черновой, что позволяет нам прибегать к его мнению как авторитетному по вопросам классического образования в Российской империи рубежа XIX–XX вв.

Следует оговорить, что в гимназических учебниках того периода, в отличие от учебных пособий (см., например, издание П. Смирновского), отсутствовали фрагменты и тексты изучаемых произведений благодаря хрестоматиям, которые составлялись в комплекте с учебником, что позволяло представить весь учебный курс для нескольких классов изучения в обозримом объеме. Например, И. Ф. Анненский, рецензируя 8-е издание учебника А. И. Незеленова, делает замечание за расширенное представление литературного памятника посредством элементов пересказа: «...передавая содержание читаемого, учебник напрасно берет на себя задачи хрестоматии. Это замечание равномерно относится ко всем тем произведениям, которые должны читаться и разрабатываться в классах. Учебник должен приводить их в систему и ставить, так сказать, на историческую почву, но излагать их содержание значит бесцельно увеличивать объем учебника» [Анненский 2000, 1: 157]. Такой компактный книжный формат издания, с одной стороны, обозначает общий необходимый для сдачи экзамена на аттестат зрелости минимум, который обнаруживается во всех альтернативных учебниках, с другой – дает свободу гимназическому учителю в выборе разнообразных методов и способов прочтения рекомендуемых произведений на школьных уроках. В учебный комплекс по изучению дисциплины «История русской словесности» входил также ежегодно утверждаемый приказом Министерства Народного Просвещения список обязательных тем сочинений. Учебник же был ориентирован на самостоятельную работу гимназистов и предполагал заучивание или конспектирование с последующим пересказом его основного содержания учеником на уроке в ходе проверки домашнего задания. В этом смысле образцовым можно признать учебник А. Д. Галахова, представляющий собой существенно сокращенный для учебных целей средней общеобразовательной школы вариант (одна книга объемом менее 300 страниц) его труда «История русской словесности, древней и новой», первое издание которого выходило с 1863 по 1875 в двух томах.

Если же мы обратимся к учебнику А. И. Незеленова, то увидим, что принципы научности и историзма коррелируют с идеей эстетизации изложения учебного материала, опирающейся на элементы художествен-

ности, пробуждающей воображение гимназистов. Это проявляется в нескольких свойствах. Обращает на себя внимание установка на сквозной «сюжет», проходящий через различные главы и материалы учебника, обозначенная А. И. Незеленовым с самого начала еще во введении: «История русской словесности есть наука о словесных произведениях русского народа. Он располагает эти произведения в хронологической последовательности, и таким путем раскрывает ход духовного развития народа и его идей»¹ [Незеленов 1900: 1]. Суть этого концептуального «сюжета» – духовное развитие народа, воплощающееся посредством жизни и творчества выдающихся художников слова, так как подлинные произведения искусства, с точки зрения автора учебника, «...удовлетворяют высшим стремлениям человека, – к истине, благу и красоте» [Незеленов 1900: 1].

Принцип условно обозначенной «сюжетности» сочетается с научностью благодаря опоре на сравнительно-историческое литературоведение с его тезисом о том, что «История литературы, в широком смысле этого слова, – это история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом. Если, как мне кажется, в истории литературы следует обратить особенное внимание на поэзию, то сравнительный метод откроет ей в этой более тесной сфере совершенно новую задачу – проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливало всякое предыдущее развитие» [Веселовский 1989: 41]. Таким образом, связь «сюжетности» и научности изложения достигается строгим следованием историко-литературному подходу, что позволяет А. И. Незеленову сначала дать краткую характеристику эпохи, сочетая фактографичность с эмоциональной образной подачей материала, а затем перейти к рассмотрению ведущих жанров литературы рассматриваемого периода, акцентировав внимание учащихся на выдающихся авторах и их произведениях. Каждый характеризуемый литературный период завершается обстоятельным системно оформленным заключением, в котором обобщены основные его особенности. Избранный подход позволяет автору учебника, переходя к характеристике очередного этапа развития отечественной литературы, обнаружить перед учениками и некую устойчивую смысловую доминанту, характерную для русской литературы, и то новое, что появляется под воздействием различных причин – культурного диалога с соседними народами, творчества талантливых поэтов и писателей, исторических событий общенародного масштаба, изменяющих жизнь как всего общества, так и отдельного человека, и т. д. Следует отметить, что эти процессы, которые можно обозначить как взаимодействие традиции и новаторства, не изучаются в виде самостоятельных тематически оформленных учебных блоков, но систематически применяются в раскрытии каждой темы, способствуя формированию в сознании

¹ Здесь и далее перевод цитат из дореволюционных изданий, а также их библиографического описания в современную орфографию наш – Н. Н.

учащихся достаточно четких представлений о закономерностях историко-литературного процесса.

Эта стратегия способствует занимательности, с которой написан учебник. По замыслу автора он должен захватывать воображение ученика, чему способствует не только живость изложения, риторические фигуры, образные сравнения, но и попытка «воскресить» образ жизни древних людей в раскрытии тем раздела устной словесности или, что не менее показательно, живые зарисовки характеров русских писателей и поэтов, вплоть до попыток изображения их внутренней жизни. При этом текст учебника не перегружен терминами, хотя в ходе изложения материала все необходимые понятия вводятся по мере их появления, сопровождаясь внятным пояснением. А. И. Незеленов избегает предлагать гимназистам многозначные или спорные определения, ограничиваясь лишь минимальным общепринятым объемом понятия, необходимым для разъяснения учебного материала. Плюсом такого способа введения понятийного аппарата становится легкость овладения им со стороны учеников. Минусом может стать уверенность ученика в полноте усвоения полученных знаний и отказ от дальнейшего постижения нюансов выражения той или иной категории. Тем не менее, учитывая, что речь идет о гимназическом, а не университетском учебнике, такой подход выглядит оправданным и способствует поступенчатому освоению научных знаний, связывая между собой звенья среднего и высшего образования.

От учебников А. Д. Галахова и А. И. Незеленова несколько отличается издание В. В. Сиповского, автор которого сам в предисловии к заключительному тому обозначил принципы своей работы: историзм, схематичность, сжатость изложения, компилятивность. На первый взгляд, здесь указан узнаваемый комплекс установок для составителя учебника, однако пояснения, которые дает В. В. Сиповский, позволяют увидеть разницу. Так, принцип историзма провозглашается главным условием научности предлагаемого содержания учебника и раскрывается следующим образом: «Цель моей работы – была поставить изучение русской литературы на *строго-историческую*, – по возможности, научную точку зрения. Для этого необходимым казалось мне – 1) слить всю массу поэтического материала (народную поэзию, древнюю и новую литературу) в *одно органическое целое*; для этого нужно было – а) указать, что есть тесная связь между «старым» и «новым», – «старое» вошло в «новое» (перекрестные влияния – α) народной поэзии, древней письменности и новой литературы; – β) идеалов древней Руси, простого русского народа и русской интеллигенции XIX в.); – «новое» часто в зачатках сказывается в «старом» (напр., прояснение индивидуализма в древней Руси); – 2) выяснить, что есть постоянная, прочная связь между всяким историческим моментом и творчеством этого момента» [Сиповский 1909: V]. Подобно проф. А. И. Незеленову, В. В. Сиповский здесь опирается на труды В. О. Ключевского и А. Н. Веселовского, но делает принцип историзма более артикулированным и очевидным, нежели его предшественники, не ограничиваясь указанием, а отсылая к определенным концепциям этих ученых.

Под схематичностью в учебнике В. В. Сиповского подразумевается концептуальный подход к изложению материала посредством создания классификаций и типологических описаний рассматриваемых явлений историко-литературного процесса. В этом смысле он идет дальше своих предшественников на путях структурирования материала по истории русской словесности: «Устанавливая „схемы“ в моем сочинении, пользовался я, отчасти, сочинением акад. Ключевского (исторические моменты русской истории), отчасти работами акад. Веселовского (литературные „жанры“). Большею самостоятельностью отличается сделанная мною схема для русской литературы XIX ст. (деление всех писателей на две школы: пушкинскую и гоголевскую, – затем деление их на подгруппы)» [Сиповский 1909: VI].

Сжатость изложения объединяет учебник Сиповского с изданиями Галахова и Незеленова, однако и здесь есть отличия. И речь не столько о том, что заявленная сжатость тем не менее, увеличивает объем его учебника по сравнению с предыдущими, сколько о принципиально новой методической установке по работе ученика с учебным руководством: «...не к сокращению надо приучить ученика, а к расширению, к самостоятельному *развитию сжатого в расширенное*... Для этой цели сжатое изложение, конечно, представляет больше удобств. Пусть, не довольствуясь учебником, ученик каждую черту сделанной там характеристики сам проверит на самом сочинении; пусть он выдержками из романа сам иллюстрирует мысль, высказанную сжато, пусть он даже постарается *опровергнуть* эту мысль, – во всем этом для дела будет большая польза: разовьется самостоятельность ученика, подымется интерес к занятиям в классе, возникнет живая перекрестная беседа. Только при таком методе изучения новой литературы найдет ученик свои мысли, свои слова – чего не будет, когда он станет из чужих „разглагольствований“ выжимать то, что, почему-нибудь, ему показалось „дельным“...» [Сиповский 1909: VII]. Таким образом, мы видим четко обозначенную установку на развитие самостоятельности мышления учащегося.

Наконец, последний из заявленных в предисловии принципов – компилятивность – тоже по-своему методологически интерпретирован В. В. Сиповским. Он применяется как способ избежать субъективности интерпретаций при изучении русской литературы XIX столетия: «считая, что и так достаточно разногласия в оценке произведений русской литературы этого века, я в своей книге старался избегать слишком оригинальных суждений и, напротив, старательно придерживался общепринятых мнений. Вот почему, как и предыдущие выпуски, так и этот последний отличается компилятивным характером...» [Сиповский 1909: VIII].

Подводя итог сопоставительному рассмотрению трех учебников по «Истории русской словесности», можно заметить разницу методологических акцентов, которые избрали их авторы. Если А. Д. Галахов рассматривал сжатость как условие обозримости необходимого для усвоения учеником материала, А. И. Незеленов не акцентировал на этом принципе внимание, то В. В. Сиповский кладет его в основу развития самостоятельного критического мышления учащихся, ко-

торое и представляется, с его точки зрения, одним из важнейших результатов гимназического образования в целом. В каком-то смысле, это одна из первых существенных попыток создания учебника развивающего типа, в то время как учебник А. Д. Галахова вел к другой основной ценности образовательного про-

цесса – глубине и прочности усвоенных знаний. Промежуточным между ними может быть обозначен учебник А. И. Незеленова, в котором установка на закрепление знаний сопровождается идеей развития воображения и пробуждения интереса к изучаемому предмету.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненский И. Ф. Учено-комитетские рецензии 1899–1900 годов / сост., подгот. текста, предисл., приложение, примеч. и указатель А. И. Червякова. – Иваново, 2000. – 332 с. – (Инокентий Федорович Анненский: Материалы и исследования / под ред. А. И. Червякова. Вып. I).
- Анненский И. Ф. Учено-комитетские рецензии 1901–1903 годов / сост., подгот. текста, предисл., приложение, примеч. и указатель А. И. Червякова. – Иваново, 2000. – 368 с. – (Инокентий Федорович Анненский: Материалы и исследования / под ред. А. И. Червякова. Вып. II).
- Анненский И. Ф. Учено-комитетские рецензии 1904–1906 годов / сост., подгот. текста, предисл., приложение, примеч. и указатель А. И. Червякова. – Иваново, 2001. – 320 с. – (Инокентий Федорович Анненский: Материалы и исследования / под ред. А. И. Червякова. Вып. III).
- Анненский И. Ф. Учено-комитетские рецензии 1907–1909 годов / сост., подгот. текста, предисл., приложение, примеч. и указатель А. И. Червякова. – Иваново, 2002. – 424 с. – (Инокентий Федорович Анненский: Материалы и исследования / под ред. А. И. Червякова. Вып. IV).
- Анненский И. Ф. Письма: в 2-х т. / сост., предисл., коммент. и указатели А. И. Червякова. – СПб., 2007. – Т. 1. 1879–1905. – 480 с. – (Русский эпистолярный архив. Вып. 1. Т. 1 = Инокентий Федорович Анненский: Материалы и исследования / под ред. А. И. Червякова. Вып. VIII).
- Бренчугина-Романова А. Н. Вопросы самостоятельной работы школьников по литературе в трудах методистов конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – М., 2000. – 164 с.
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М., 1989. – 648 с.
- Галахов А. История русской словесности, древней и новой. Т. 1. История древней русской словесности. – История новой русской до Карамзина. – СПб., 1863. – X, 596 с.
- Галахов А. История русской словесности, древней и новой. Т. 2. История новой русской словесности от Карамзина до Пушкина. В 2-х кн. – СПб., 1868–1875. – IV, 472, VII с.
- Галахов А. История русской словесности: учебник для средних учебных заведений. – Изд-е 20-е. – М., 1913. – XXX, 243 с.
- Гегманская Е. В. Преемственность среднего и высшего литературного образования в российской традиции: спецкурс. – М., 2012. – 67 с.
- Журавлев В. П. От азбуки до учебно-методического комплекта: (к истории создания учебно-методических комплектов по литературе для общеобразовательной школы): монография. – М., 2011. – 135 с.
- Кипнес Л. В. Развитие литературного образования в учебных заведениях среднего типа России второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / С.-Петербург. ун-т МВД РФ. – СПб., 2004. – 22 с.
- Незеленов А. И. История русской словесности для средних учебных заведений: в 2-х ч. – Изд. 8-е. – М., 1900. – Ч. I. С древнейших времен до Карамзина. – IV, 239 с.
- Ромашина Е. Ю. Становление гуманитарного подхода к среднему образованию в педагогической теории и практике учебных заведений России второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2006. – 345 с.
- Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. I. Вып. I. Народная словесность. – Изд-е 2-е. – СПб., 1907. – VI, 145 с.
- Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. I. Вып. II. История русской письменности от начала до XVIII в. – Изд-е 5. – СПб., 1911. – VII, 251 с.
- Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. III. Вып. II. Очерки русской литературы XIX ст. 40 – 60-х годов. – СПб., 1909. – VIII, 334 с.
- Смирновский П. Пособие при изучении Истории русской словесности. Курс старших классов мужских и женских гимна-

REFERENCES

- Annensky I. F. Scientific and committee reviews of 1899–1900 / compilation, preparation of the text, preface, annex, notes and index by A. I. Chervyakov. – Ivanovo, 2000. – 332 p. – (Innokenty Fedorovich Annensky: Materials and research / ed. by A. I. Chervyakov. Issue I).
- Annensky I. F. Scientific and committee reviews of 1901–1903 / compilation, preparation of the text, preface, annex, notes and index by A. I. Chervyakov. – Ivanovo, 2000. – 368 p. – (Innokenty Fedorovich Annensky: Materials and research / ed. by A. I. Chervyakov. Issue II).
- Annensky I. F. Scientific and committee reviews of 1904–1906 / compilation, preparation of the text, preface, annex, notes and index by A. I. Chervyakov. – Ivanovo, 2001. – 320 p. – (Innokenty Fedorovich Annensky: Materials and research / ed. by A. I. Chervyakov. Issue III).
- Annensky I. F. Scientific and committee reviews of 1907–1909 / compilation, preparation of the text, preface, annex, notes and index by A. I. Chervyakov. – Ivanovo, 2002. – 424 p. – (Innokenty Fedorovich Annensky: Materials and research / ed. by A. I. Chervyakov. Issue IV).
- Annensky I. F. Letters: in 2 vol. / compilation, preparation of the text, preface, notes and index by A. I. Chervyakov. – SPb., 2007. – Vol. 1. 1879–1905. – 480 p. – (Russian epistolary archive. Issue. Vol. 1 = Innokenty Fedorovich Annensky: Materials and research / ed. by A. I. Chervyakov. Issue VIII).
- Brenchugina-Romanova A. N. Questions of independent work of students in literature in the works of methodologists of the late XIX – early XX centuries.: dis. ... Candidate of Pedagogy: 13.00.02. – M., 2000. – 164 p.
- Veselovsky A. N. Historical poetics. – M., 1989. – 648 p.
- Galakhov A. History of Russian literature, ancient and new. Vol. 1. History of ancient Russian literature. – History of the new Russian to Karamzin. – SPb., 1863. – X, 596 p.
- Galakhov A. History of Russian literature, ancient and new. Vol. 2. History of new literature from Karamzin to Pushkin. In 2 books. – SPb., 1868-1875. – IV, 472, VII p.
- Galakhov A. History of Russian Literature: textbook for secondary schools. – 20th edition. – M., 1913. – XXX, 243 p.
- Getmanskaya E. V. Continuity of secondary and higher literary education in the Russian tradition: special course. – M., 2012. – 67 p.
- Zhuravlev V. P. From alphabet to teaching kit: (to the history of the formation of educational and methodical kits in literature for secondary schools): monograph. – M., 2011. – 135 p.
- Kipnes L. V. The development of literary education in secondary schools of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: abstract of thesis ... Candidate of Pedagogy: 13.00.01 / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – SPb., 2004. – 22 p.
- Nezelenov A. I. History of Russian literature for secondary schools: in 2 vol. – 8th edition. – M., 1900. – Vol. I. From ancient times to Karamzin. – IV, 239 p.
- Romashina E. Yu. Formation of a humanitarian approach to secondary education in the pedagogical theory and practice of educational institutions in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries.: dis. ... Doctor of Pedagogy: 13.00.01 / Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. – Tula, 2006. – 345 p.
- Sipovskiy V. V. History of Russian Literature. Vol. I. Issue I. Folk literature. – 2nd edition. – SPb., 1907. – VI, 145 p.
- Sipovskiy V. V. History of Russian Literature. Vol. I. Issue II. History of Russian writing from the beginning to the XVIII century. – 5th edition. – SPb., 1911. – VII, 251 c.
- Sipovskiy V. V. History of Russian Literature. Vol. III. Issue II. Sketches of Russian literature XIX century 40s – 60s. – SPb., 1909. – VIII, 334 p.
- Smirnovsky P. Handbook for the study of the History of Russian literature. The course of senior classes of male and female gymnasiums. Vol. I. Ancient and Middle periods. – 12th edition. – M., 1909. – 375 p.
- Snitovskiy A. E. Educational book on Russian literature in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: experience and

зий. Ч. I. Древний и средний периоды. – Изд-е 12-е. – М., 1909. – 375 с.

Снитовский А. Э. Учебная книга по русской словесности в России второй половины XIX – начала XX веков: опыт и традиции подготовки издания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 05.25.03 / Моск. гос. ун-т печати. – М., 2008. – 21 с.

Стоюнин В. Я. О преподавании русской литературы: сочинение Владимира Стоюнина (с 2-мя доп. главами). – 4-е изд. – СПб., 1879. – IV, 449 с.

Филонова Ю. А. Возможности использования опыта русских педагогов-словесников второй половины XIX века для развития творческих качеств современных школьников: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Ярославль, 2003. – 304 с.

Чернова О. Н. Проблема гуманитарного образования в педагогическом наследии И.Ф. Анненского: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Смоленск, 2004. – 307 с.

traditions of publishing preparation: abstract of thesis ... Candidate of Philology: 05.25.03 / Moscow State University of Press. – М., 2008. – 21 p.

Stoyunin V. Ya. On the teaching of Russian literature: the essay of Vladimir Stoyunin (with 2 additional chapters). – 4th edition. – SPb., 1879. – IV, 449 p.

Filonova Yu. A. The possibilities of using the experience of Russian language teachers of the second half of the XIX century to develop the creative qualities of modern schoolchildren: dis. ... Candidate of Pedagogy: 13.00.02. – Yaroslavl, 2003. – 304 p.

Chernova O. N. The problem of humanitarian education in the pedagogical heritage of I.F. Annensky: dis. ... Candidate of Pedagogy: 13.00.01. – Smolensk, 2004. – 307 p.

Данные об авторе

Налегач Наталья Валерьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века, Кемеровский государственный университет (Кемерово).

Адрес: 650043, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
E-mail: nalegach@list.ru.

Author's information

Nalegach Natalya Valerievna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University (Kemerovo).

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ: ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Когут К. С.
Екатеринбург, Россия

ORCID ID: –
E-mail: kosfunpix@yandex.ru

УДК 372.882.161.1:371.321
DOI 10.26170/fk19-01-15
ББК Ч426.839(=411.2)-270
ГСНТИ 14.25.09
КОД ВАК 13.00.02

ДУХОВНЫЕ ОДЫ Г. Р. ДЕРЖАВИНА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В 9 КЛАССЕ

Аннотация. Статья предлагает возможный урок по изучению творчества Г. Р. Державина в школе. Предлагается материал, который может быть использован учителем при составлении как собственных уроков, так и факультативных занятий по литературе XVIII века в гуманитарных классах. Указано место предлагаемого урока в системе занятий по творчеству поэта: от уже изученных «государственных» од учащихся переходят к его духовным одам, вдумчивое чтение которых расширит представление девятиклассников об этом жанре. Обоснован отбор произведений художника («Ласточка», «На смерть князя Мещерского», «На тленность»). Рассмотрение духовных од Державина ведется с учетом их идейно-тематического родства: произведения объединены мучительностью размышлений поэта над феноменом человеческой смерти, которые приводят его к пониманию смысла и предназначения земной жизни. Ода «На тленность» рассматривается как подготовительный этап «Памятника». Раздумья поэта относительно смысла творчества в этой оде проявляют мужество его сопротивления непреложному закону человеческого существования, выводят разговор о творчестве Державина на вневременной уровень. Предлагаются вопросы и задания для урока и самостоятельной работы школьников.

Ключевые слова: духовные оды; русская поэзия; русская литература; русские поэты; поэтическое творчество; методика преподавания литературы; методика литературы в школе; уроки литературы; девятиклассники.

Kogut K. S.
Ekaterinburg, Russia

G. R. DERZHAVIN'S SPIRITUAL ODES IN LITERATURE LESSONS IN THE 9TH GRADE

Abstract. The article offers a possible lesson for the study of creativity of Gavriil Romanovich Derzhavin in school. We offer material, which can be used by teacher to prepare their own lessons or used in optional lessons of literature of XVIII century in the humanitarian classes. The place of a presumed lesson on the poet's works is noted; from already studied 'governmental' odes the students switch to his spiritual odes, deep reading of which broaden the 9 grade students idea of the genre.

Justified collection of works by the artist: ("Swallow", "On death of prince Meschersky", "The River of Time in its Course..."). Consideration of Derzhavin's spiritual odes is tailored to their subject matter, ideas: the works are United by the torment of contemplation of the poet on the phenomenon of human death, which lead him to understand the meaning and purpose of life on Earth. The ode "The River of Time in its Course..." is considered as the preparatory stage of "Monument". The meditations of poet relative to the sense of creation in this ode manifest courage of his resistance to the immutable law of human existence. They derive conversation about the creation of Derzhavin to the symbolic level. Questions and tasks for the lesson and the independent work of schoolboys are proposed.

Keywords: spiritual odes; Russian poetry; Russian literature; Russian poets; poetic creativity; literature teaching methods; methodology of literature at school; literature lessons; ninth graders.

Для цитирования: Когут, К. С. Духовные оды Г. Р. Державина на уроках литературы в 9 классе / К. С. Когут // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 108–113. DOI 10.26170/fk19-01-15.

For citation: Kogut, K. S. G. R. Derzhavin's Spiritual Odes in Literature Lessons in the 9th Grade / K. S. Kogut // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 108–113. DOI 10.26170/fk19-01-15.

Обращение к личности и творчеству Г. Р. Державина на уроках литературы, как правило, строится вокруг известных стихотворных шедевров поэта, в частности, «Фелицы» (1782), «Властителям и судиям» (1780–1787), «Памятника» (1795) и других хрестоматийных произведений. Мы предлагаем урок, посвященный духовным одам поэта, который может существенно дополнить

представление учащихся о поэте. Он выполняет две важных связующих задачи. С одной стороны, девятиклассники уже познакомились с жанром оды и прочли у М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния», «Утреннее размышление о Божием Величестве», «Оду, выбранную из Иова». И потому урок по одам Дер-

жавина позволяет продолжить изучение традиции духовной оды в русской литературе XVIII века. С другой стороны, произведения Державина на этом уроке рассматриваются как подготовительный этап, своеобразная художественная «мастерская» его будущих шедевров. Возможно, для некоторых ребят этот урок станет ключом для понимания «Памятника».

Мы выделяем на изучение творчества Г. Р. Державина 5 уроков. Последовательность тем следующая:

1. Личность Г. Р. Державина. Ода «Властителям и судиям».

2–3. Новая ода Г. Р. Державина («Фелица», «Бог»).

4. Духовные оды Г. Р. Державина.

5. «Памятник» как итог творческого пути поэта.

Уроки в такой системе выстраиваются по идейно-тематическому принципу. От «государственной» оды учащиеся переходят к различным «вариантам» этого жанра (сатирической – в «Фелице» и философской – в «Боге»). Занятие по духовным одам «укрупняет» представление девятиклассников о новой оде Державина: «Ласточка», «На смерть князя Мещерского», «На тленность» затрагивают глубокие темы, касающиеся существования каждого человека. Их внимательное прочтение ведет к неизбежным вопросам о жизни и ее ценностях. Эти вопросы и ответы на них, как нам кажется, важны для школьников, соответствуют «философствованию», присущему юности. Подобного рода диалог позволит сократить дистанцию между классицизмом и современностью, ощутить вневременное значение литературы XVIII века. Если ребята поймут, что эта литература не об абстрактной и непонятной эпохе, а о том, что волнует их тоже, что писатели и поэты когда-то задавали себе все те же вопросы, которые важны и для современного человека, – то тогда у них получится «перешагнуть» через трудности языка и стиля произведений классицизма.

Более того, в основе «Ласточки» и «На смерть князя Мещерского» лежат события частной жизни поэта, что позволяет не только сделать их понятными ребятам, но и углубить их представления о личности поэта, о связи поэзии и биографии, литературы и жизни.

Мы приводим материал, который может помочь учителю при подготовке не только к урокам в гуманитарном классе, но и к дополнительным занятиям по литературе. Таким образом, мы оставляем за учителем-словесником выбор произведений для анализа на уроке.

Подобного рода урок рекомендуется выстраивать с опорой на уже существующие литературоведческие исследования жанра оды в классицизме. Среди ключевых работ по этой теме – глава «Новая ода Державина» в монографии Н. Ю. Алексеевой [Алексеева 2005: 308–354]. Духовным одам поэта посвящена обширная литература: [Грифцов 1914: 111–125; Машевский 2014: 212–217; Ходсевич 1988; Эткин 1995: 163–184; Эйдельман 1985: 32–34]. Возьмем за основу урока общее определение жанра духовной оды. Духовная ода – это оригинальное стихотворное произведение, посвященное рассуждению на философскую тему.

Материалы для подготовки к урокам по творчеству Державина в школе представлены в учебно-методическом пособии Л. С. Соболевой [Соболева 2005], статье М. Смусиной в журнале «Литература» [Смусина 2017: 8–9].

Наиболее подходящей методической формой занятия на тему «Духовные оды Г. Р. Державина» видится «медленное чтение», нацеливающее ребят на вдумчивое погружение в державинский текст. Работа над каждой духовной одой начинается с ее прочтения вслух (учителем или учеником). Затем задается первый вопрос, который, как правило, вызывает у ребят трудности, но играет ключевую роль в осмыслении текста: он указывает на то, что далеко не всё в оде можно понять с первого раза и ориентирует учащихся на перечитывание и поиск ответа. В этом поиске наравне с ребятами участвует и учитель.

Начинаем урок с чтения эпитафии, которую Державин сам сочинил за несколько лет до смерти:

Здесь лежит Державин,
который поддерживал правосудие,
но, подавленный неправдою,
пал, защищая законы. [Западов 1958: 228]

Мужественное сопротивление человека «неправде» государственного строя оказалось безрезультатным. Но что осталось от человека?.. Обратим внимание ребят на то, что в прочитанных строках нет ни слова о литературных заслугах Державина как поэта. Надпись на его могиле в Хутынском монастыре также ограничивается только подробностями его государственной службы: «Гаврила Романович Державин, действительный тайный советник и многих орденов кавалер». Запишем эти две надписи в тетрадах и зададим вопрос: почему в обеих эпитафиях ничего не сообщается о Державине-поэте? Связано ли это с его оценкой собственной поэзии? При ответе на данный вопрос следует учитывать особое понимание смысла государственной службы людьми XVIII века. «Тогда все поэты служили – звание писателя не существовало, – пишет В. Ф. Ходсевич в очерке о Державине. – Общественное значение литературы уже признавалось, но на занятие литературой смотрели, как на частное дело, а не общественное. Что касается Державина, то в его понятиях поэзия и служба были связаны особым образом. <...> Поэзия и служба сделались для него как бы двумя поприщами единого гражданского подвига» [Ходсевич 1988: 123–124]. Более того, жанр эпитафии предполагает соотнесенность размышлений поэта относительно собственной смерти с прожитой жизнью, о желании сохранить в веках самое важное о себе. Отсюда следующий вопрос: какой смысл Державин вкладывает в понятие памяти? Каким личностным смыслом он его наполняет? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к стихотворению «Ласточка» (1792–1794).

После прочтения вслух даем ребятам следующее задание. Начертите в тетради две оси: вертикальную (высота) и горизонтальную (время). Перечитайте стихотворение и нарисуйте траекторию полёта ласточки от первой до последней строки. Такое задание ориентирует ребят на медленное чтение стихотворения, в ходе которого они отмечают, что получившаяся траектория «скачкообразна»: ласточка у Державина «то по кровлям щебечет», «по воздуху вьется, в нем смелые круги даешь», «иль стелется долу», «иль в небе, простряся, плывет», то «прячется в бездны подземны», «во мраке лежит бездыханна», после чего «встает... от смертного

сна... Сизы расправя косицы» [Державин 1985: 167–168]¹. Скрупулезно воссоздавая каждый взмах крыла ласточки на протяжении всех времен года (летний полет, предчувствие осени, спасение от зимы, возвращение на небо после наступления весны), поэт в 1792 году ставит точку в получившемся стихотворении. В 1794 году он возвращается к нему и дописывает еще шесть строк:

Душа моя! гостья ты мира!
 Не ты ли перната сия!
 Воспой же бессмертие, лира!
 Восстану, восстану и я;
 Восстану – и в бездне эфира
 Увижу ль тебя я, Пленира? (168)

Задаем следующий вопрос: как получившаяся схема-траектория соотносится с этими последними шестью стихами? Свою точку зрения необходимо доказать текстом стихотворения. Поставленный вопрос довольно труден и является ключевым для понимания как смысла названия стихотворения, так и полета ласточки. По ходу размышлений ребята неизбежно зададутся и другим вопросом: почему из всех птиц Державин выбирает именно ласточку? Выясняется, что образ ласточки у поэта очеловечен: «гостья», «видишь», «лежишь», «встаешь», «поёшь» и т. д. С одной стороны, птица близка земле, на которой живет человек, а с другой – принадлежит небесам («Но видишь там всю ты вселенну»). Более того, в стихотворении два обращения: к ласточке в начале («О домовитая ласточка!») и к человеку в конце («Увижу ль тебя, Пленира?»).

Здесь учитель должен помочь девятиклассникам, сказав о том, что Пленирой Державин называл свою первую жену Катерину Яковлевну. 1794 год – это год ее смерти. Не лишним было бы зачитать детям фрагмент из письма Державина близкому другу И. И. Дмитриеву того же года:

Ну, мой друг Иван Иванович, радость твоя о выздоровлении Катерины Яковлевны была напрасна. Я лишился ея 15-го числа сего месяца. Погружен в совершенную горечь и отчаяние. Не знаю, что с собою делать. Не стало любезной моей Пленеры! (И. И. Дмитриеву от 24 июля 1794 г.) [Сочинения Державина 1871: 14].

В ответ на это письмо Дмитриев напишет стихотворение «К Г. Р. Державину (по случаю кончины первой супруги его)» (1794):

Блажен ты, добрый муж! ты ангела снискал!
 И где ж сей ангел днес? и где твое блаженство?
 Увы! всё в мире сем мечта, несовершенство!
 Твой ангел к своему началу воспарил,
 И рок печаль и плач в храм счастья поселил!

[Дмитриев 1967: 117]

Стихотворное послание наполнено состраданием горю близкого человека, пониманием невосполнимости его утраты. Катерина Яковлевна наделяется ангельским «чином», а ее смерть приносит печаль и несчастье всему роду людскому. Державин отвечает Дмитриеву:

М. г. мой Иван Иванович. Дружеское твое письмо и при нем две пиесы я получил. За обе благодарю. Первая хотя мне стоила слёз и не могу ее теперь без рыдания читать; но что делать! коль переменить нечем, то

плакать будем; плакать и кончать век мой в унынии. Так судьбе угодно! Я было хотел сам писать; но, или чувствуя чрезмерно мою горечь, не могу привести в порядок моих мыслей, или, как окаменелый, ничего и мыслить не в состоянии бываю (И. И. Дмитриеву от 17 октября 1794 г.) [Сочинения Державина 1871: 17–18].

Образ «воспарившего» к небесам ангела в стихотворном послании Дмитриева, которое Державин «не мог... без рыдания читать», как и прямое обращение к умершей Пленере, восходит к полету ласточки. Девятиклассники могут попытаться осмыслить «двойную символику» «Ласточки». С одной стороны, ее образ подобен «воспарившей» к небесам душе Катерины Яковлевны и потому полон надежды на ее будущую жизнь после смерти – ту, в которой она обретет покой:

И прячешься в бездны подземны,
 Хладея зимою как лед.
 Во мраке лежишь бездыханна;
 Но только лишь придет весна,
 И роза вздохнет лишь румяна,
 Встаешь ты от смертного сна... (168)

«Бездыханная» птица в «безднах подземных» – образ безысходности, обреченности на гибель всего живого и радостного – оживает на наших глазах, вспарывая к «новому солнцу» жизни, становясь неопровержимым доказательством бессмертия. Мысль о бессмертии человеческой души не только утешает Державина, но и ослабляет его горе².

С другой стороны, заключительные строки «Ласточки» содержат обещание поэта: «Восстану, восстану и я». Предошущая конец своей земной жизни, лирический герой, подобно воспарившей к небу ласточке, надеется на встречу с любимой женой. Смерть не заглушает чувства любви и благодарности Пленере, а напротив, обостряет его. И потому даже прощание под пером поэта несет идею воссоединения любящих сердец. Образ ласточки, таким образом, связан одновременно с образами умершей жены и лирического героя, что и предопределяет символическую глубину стихотворения в целом.

Державинская «Ласточка» позволит девятиклассникам приблизиться к пониманию сущности подлинного литературного произведения – такого, которое итальянский исследователь Р. Калассо назвал «абсолютной литературой»: «Литературой – потому что речь идет о знании, которое, как считается, невозможно получить иначе, как через литературные сочинения; абсолютной – потому что это знание подобно поиску абсолюта, а значит, оно охватывает не больше и не меньше чем всё» [Калассо 2018: 185].

«Ласточку» интересно сравнить с ранним стихотворением Державина «На смерть князя Мещерского»

² Б. А. Грифцов пишет: «Полет ласточки с непривычной быстротой породил полет фантазии над миром, по-своему воспринятым. Умершая жена? Нет – реющая ласточка, для которой мир стал кровом играющих красок. И этот блеск красок служит ручательством за то, что есть „новое солнце“, есть бессмертие, которое может быть изображено лишь так ослепительно. <...> Логически это доказательство бессмертия непонятно. Но сложная связь жизненного случая с отдельным и приобретающим абсолютность образом и постижение бессмертия через фантастическую светопись явились свободно, произвольно, – здесь заключены все постоянные и существенные элементы поэзии Державина» [Грифцов 1914: 113–114].

¹ Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

(1779). Беседу необходимо начать с комментария учителя по поводу смысла названия. Внезапная смерть богатого и известного друга – Александра Ивановича Мещерского – потрясла поэта. Читателю изначально дается установка на то, что ода будет преисполнена печалью от осознания конечности отведенного человеку срока на земле. Работу над стихотворением организуем следующими вопросами.

1. Первоначально в название было вынесено обращение: «К Степану Васильевичу Перфильеву, на смерть князя Александра Ивановича Мещерского»¹. Запишем в тетрадах оба варианта названия. Как вы думаете, почему в последней редакции Державин снял обращение?

2. Традиционно ода посвящается великому государственному деятелю. Стихотворение посвящено ничем не прославившемуся частному лицу. Что связывает это стихотворение с жанром оды?

Учащиеся, вчитываясь в стихотворный текст, могут осознать, что снятое автором обращение к С. В. Перфильеву, другу А. И. Мещерского, генералу-майору, одному из воспитателей великого князя, будущего императора Павла I, связано с отношением не к человеку, а к самому характеру события – самому великому акту в жизни человека. Державин обращается не к одному другу, а ко всем нам – к каждому читателю оды и к каждому живущему на земле человеку:

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:
Монарх и узник – снедь червей;
Гробницы злость стихий снедает... (39)

Все живущие на земле уравниваются неизбежностью смерти². Факт смерти А. И. Мещерского, таким образом, становится отправной точкой в размышлениях поэта. Причем осознание смертности человека ведет его лирического героя к пониманию итога собственной жизни. Задаем следующий вопрос: какой увиделась ему прожитая жизнь?

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость... (41)

Почему жизнь уподобилась сну? Более того, слово «сон» повторяется и в предшествующей строфе: «И весь, как сон, прошел твой век» (41). Повтор одного и того же слова в пределах нескольких строф сигнализирует о его важности для поэта. У ребят может появиться следующее предположение: собственная жизнь, как и существование Мещерского, подобны сну в силу своей кратковременности по сравнению с вечностью. С одной стороны, Мещерский – «сын роскоши, прохлада и нег» (40), а с другой – «бледна Смерть на всех глядит» (40). Но что значат богатства, обретенные им на земле? В тот великий момент, когда пребывание человека в земном мире подходит к концу, он неизбежно задумывается над тем, чем его жизнь была наполнена. И тогда обретенные им богатства теряют для него свою былую значимость. Комментируя антиномичность державинской оды, А. Г. Машевский пишет: «Обнаруживается, что пред лицом единственной константы в мирозда-

нии – смерти – любая сущность, вне зависимости от продолжительности ее существования, иллюзорна и сомнительна, она как бы не обладает истинным бытием» [Машевский 2014: 213].

Образ смерти, которая уносит все дела людей, усилен каскадом олицетворений: «зовет», «зубами Смерть скрежещет», «косою блещет», «глодает царства алчна Смерть»³. Что испытывает лирический герой, открывший для себя закон вселенной?

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся... (39)

Чем рожден этот ужас? Его причины кроются в осознании лирическим героем бесследности всякого существования. Для понимания этого переживания проведем со школьниками простую аналогию. Если мы зададим девятиклассникам вопрос о том, что доказывает их присутствие здесь и сейчас в конкретном классе, то они приведут массу доводов. А если мы зададимся вопросом: что доказывало бы их присутствие в классе тогда, когда они его покинут, например, к вечеру? Здесь также нетрудно отыскать доказательства: отпечатки пальцев, свидетельства других людей и т. д. Теперь усложним вопрос: что будет доказывать их присутствие спустя 15 000 лет и более? А миллионы лет спустя? Ужас перед полным исчезновением и испытывает лирический герой Державина. То, что не оставило ни одного, даже мельчайшего следа, фактически не существовало никогда.

Отсюда следующие вопросы: что нового вносит Державин в осмысление человеческой смертности? Какую вневременную точку отсчета находит лирический герой? Что противостоит смерти в оде? «Вы все премежны здесь и ложны; // Я в дверях вечности стою» (42). Человек, осознавший вечный закон бытия, поднимается на новую ступень осмысления мироздания и вступает в «двери вечности». Мысль о смерти избавляет его от суетности жизни, приподнимает над ней и делает равновеликим вечности. Всё временное и земное, будь то богатство, слава или наслаждение, теряет свое былое значение. Осознание смертности ведет к отказу от сиюминутного и преходящего. Как ни странно, именно мысль о смерти делает человека не только человеком плоти, но и человеком духа. И потому Державин, нарушая установку классицизма на жесткое противопоставление жизни и смерти, заставляет своего героя отважно заглянуть в лицо неизбежному финалу человеческого существования, что ведет к пониманию им важнейших истин, к преобразению души:

Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар (42).

Спросим учащихся, как они понимают смысл последней строфы. Здесь возможны разные варианты ответов и прочтений. Осознание жизни как удивительного дара, приятие даже самых трудных испытаний

¹ См. об этом комментарий А. В. Западова в издании [Державин 1957: 369].

² Интересные наблюдения над мотивом смерти в рассматриваемом стихотворении Державина содержатся в учебно-методическом пособии Л. С. Соболевой [Соболева 2005: 55–56].

³ «В центре оды – Смерть; для ее изображения Державин использовал все, когда-либо изобретенные (и ему известные) средства: Библию (известно, что „дни мои, как злак, сечет“ восходит к псалму 102, стих 15), латинскую поэзию (прежде всего, Горация...), средневековые „пляски смерти“ (Totentanz), песенный фольклор, просветительскую метафизику» [Эткинд 1995: 179].

и сохранение душевной чистоты – вот составляющие личности, однажды осознавшей собственную смертность. Этот ряд можно продолжить вместе с девятиклассниками. Отсюда следует еще один вопрос ребятам. Если бы вы знали о смерти изначально, то что бы вы выбрали: родиться или не родиться? Державин-поэт решительно отвечает: родиться и жить несмотря ни на что. Так обращение к смерти сменяется глубоким размышлением о смысле существования человека.

Для того, чтобы проиллюстрировать смысл оды, запишем на доске дробь $\frac{1}{\infty}$ и спросим ребят, чему она равна? С точки зрения математики, она равна нулю. Закон смерти, о котором ведет речь Державин, подразумевает, что на месте единицы в этом уравнении и находится человек. Стоящий перед неотвратимостью всеобщего закона, он превращается в ноль. Открытие Державина-поэта заключается в том, что он находит те вневременные ориентиры, которые способны сделать человека соразмерным вечности, и потому кардинальным образом изменить значение уравнения: $\frac{\infty}{\infty} = 1$.

Теперь вернемся к изначальному вопросу: что сближает «Ласточку» с прочитанной нами одой? Диалог этих двух произведений обусловлен напряженными размышлениями Державина над феноменом человеческой смерти, толкающим на поиск смысла жизни. Пафос этого диалога определяется противостоянием лирического героя забвению: в первом случае посредством веры в бессмертие души, а во втором случае открытием вневременных ценностей человеческой жизни. По-видимому, ода «На смерть князя Мещерского» во многом подготовила появление «Ласточки», что подтверждается в том числе датами их написания.

Итогом размышлений поэта над темой смерти является его последнее стихотворение. 6 июля 1816 г. в Званке он записывает восемь строк на черной грифельной доске. Через день Державина не станет.

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы! (317)

Неизвестно, закончена ли ода «На тленность» (так Державин, по словам близких людей, хотел ее назвать). В кабинете Державина на стене висела известная историческая карта «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории», составленная Страссом. Истории государств на ней изображены реками от Сотворения мира до 1800 г. Было бы не лишним познакомить детей с этой картой. Согласно заметке в «Сыне отечества», Державин смотрел на эту карту, когда писал свое восьмистишие. Следует учитывать, что перед нами акrostих: первые буквы оды образуют фразу «Руина чтн»¹. Пусть ребята попытаются

понять, что эта фраза может значить. Обращение к руине, а значит и ко всему тому, что погибло в «реке времен»? Или древняя форма родительного падежа слова «честь», проявляющая отношение поэта к неумолимому ходу времен? Или знак того, что ода не была окончена и акrostих обрывается на полуслове? Н. Я. Эйдельману принадлежит блестящий разбор этого последнего стихотворения, с которым стоит познакомить ребят [Эйдельман 1985: 32-34]. Поставим перед ними задачу: сравнить отношение поэта к смерти в одах «На тленность» и в уже изученной «На смерть князя Мещерского». Что противопоставляет смерти в последних стихах Державина? Учащиеся без затруднений видят пессимизм относительно движения времени в этой оде: все сущее обречено на забвение в «реке времен». Нет спасения от «пропасти забвенья». Обнадешивает лишь тот факт, что «звуки лиры и трубы» не сразу будут побеждены «жерлом вечности». Речь, конечно же, о творчестве, которое способно противостоять забвению. Но и творчество спустя века также будет забыто и уничтожено временем. Эта державинская мысль кажется парадоксальной: с одной стороны, творчество «общей не уйдет судьбы», с другой – перед нами стихи, написанные более 200 лет назад и вопреки времени дошедшие до нас. Комментируя этот парадокс, Н. Я. Эйдельман пишет: «Державин жил в ту пору, когда делалось немало открытий, наводивших на мысль о „бренности и тленности“. „Слово о полку Игореве“ – чудесный аноним, всего на два десятилетия вынырнувший из „пропасти“, чтобы затем, в смуте и пламени 1812 года, исчезнуть; впрочем, исчезнуть, оставшись; но неведомый автор в первых же строках представляет своего абсолютно неведомого предшественника, учителя: „Боянь же, братие...“.

Еще и еще великие творения – и рядом пустоты. Библия – но уж давно понятно, что самые древние списки священной книги на много веков моложе первоначального текста, и сколько же пропало, отсеялось по дороге!.. Даже то, что остается потомкам, вдруг кажется случайный, эфемерным... <...>

Марк Блок, прекрасный французский историк, убитый фашистами, имел основание сомневаться в том, что мы в самом деле получаем от прошлого „главные вещи“; кто же поручится, что мы не судим, например,

он не заладил, и Державин махнул рукой. Через несколько лет об этом акrostихе появилась статья М. Холле: он тоже заметил „руину“ и вдобавок доказывал (не очень убедительно), что „чтн“ значит „честь“. Я подумал: вот какие бывают хозяйственные филологи: заметил то же, что и я, а сделал целую статью. Но это еще не чудо. У хороших латинистов есть развлечение: переводить стихи Пушкина (и др.) латинскими стихами. Я этого не умею, а одна моя коллега умела. Мы летели с ней на античную конференцию в Тбилиси, я был еще кандидатом, она – аспиранткой, ей хотелось показать себя с лучшей стороны; сидя в самолете, она вынула и показала мне листки с такими латинскими стихами. Среди них был перевод „Реки времен“, две Алкеевы строфы. Я посмотрел на них и не поверил себе. Потом осторожно спросил: „А не можете ли вы переделать последние две строчки так, чтобы вот эта начиналась не с F, а с T?“ Она быстро заменила flumine на turbine. „Знаете ли вы, что у Державина здесь акrostих?“ Нет, конечно, не знала, „Тогда посмотрите ваш перевод“. Начальные буквы в нем твердо складывались в слова AMOR STAT, любовь переживает руину. Случайным совпадением это быть не могло ни по какой теории вероятностей. Скрытым умыслом тоже быть не могло: тогда пришлось бы исправлять stef на stat. „Чудо“ – слово не из моего словаря, но иначе назвать это я не могу. Перевод этот был потом напечатан в одном сборнике статей по теории культуры в 1978 г.» [Гаспаров 2001: 132–133].

¹ Еще большую загадочность эти стихи приобретают с учетом воспоминаний М. Л. Гаспарова: «Свидетелем настоящего чуда я был один раз в жизни. У Державина есть знаменитое восьмистишие: „Река времен в своем стремленьи...“ Глядя на эти стихи, я однажды заметил в них акrostих „РУИНА“, дальше шло бессмысленное „ЧТИ“. Я подумал: вероятно, Державин начал писать акrostих, но

о литературе целой эпохи по сочинениям второстепенным, а о материальной культуре – по остаткам более или менее случайным?

Державин, можно сказать, пессимист: „А если что и остается...“» [Эйдельман 1985].

Но если и допускать мысль о пессимизме, то в «Реке времен...» он, как нам видится, если не снят полностью, то уравновешен мужественностью взгляда поэта на человеческую жизнь и мироздание. Размышления Державина над соотношением временного и вечного с человеческой судьбой рождают две концепции времени: «Общей не уйдет судьбы» против знаменитого афоризма «Рукописи не горят». Выведенные из сравнения двух стихотворений эти два взгляда будут особенно

важны на следующем уроке, посвященном изучению «Памятника»: ребятам важно будет увидеть спор Державина последних стихов, преисполненных отчаяния, с Державиным «Памятника» («Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...»). Однажды произнесенное, подлинное Слово не сможет исчезнуть окончательно. Какая из двух концепций звучит убедительнее – пища для размышлений не только учителя, но и, в первую очередь, девятиклассников.

Итоги урока подводятся заполнением таблицы по изученным стихотворениям Державина. Она позволит учащимся не только обобщить обширный материал, но и увидеть логику движения мысли художника. Дома девятиклассники продолжают работу с таблицей.

КРИТЕРИЙ СОПОСТАВЛЕНИЯ	«Ласточка»	«НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО»	«НА ТЛЕННОСТЬ»
1. Смысл названия оды			
2. Как изображена смерть в оде?			
3. Что лирический герой противопоставляет смерти?			

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб., 2005.
- Гаспаров М. Л. Записи и выписки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.
- Грифцов Б. А. Державин // София. – 1914. – № 1. – С. 111–125.
- Державин Г. Р. Оды / сост., вступ. статья и примечания С. С. Аверинцева; художник С. М. Харламов. – Л.: Лениздат, 1985. – 334 с.
- Державин Г. Р. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 465 с.
- Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / сост., вступ. ст. и комментарии Г. П. Макогоненко. – Л.: Советский писатель, 1967. – 502 с.
- Западов А. В. Державин. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 236 с.
- Калассо Роберто. Литература и боги / пер. с итал. А. В. Ямпольской. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.
- Машевский А. Г. Ода Державина «На смерть князя Мещерского» как опыт осмысления смерти // Нева. – 2014. – № 7. – С. 212–217.
- Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. IV. Гаврила Державин, 1743–1816. – Нортфилд, Вермонт, 1995. – 415 с.
- Смусина М. Преждевременный поэт // Литература. – 2017. – № 2. – С. 8–9.
- Соболева Л. С. Русская литература XVIII века. Материалы к урокам в средней школе: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – 102 с. – Серия «Школьная филология».
- Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6. Переписка (1794–1816) и «Записки». – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1871. – 905 с.
- Ходасевич В. Ф. Державин. – М.: Книга, 1988. – 384 с.
- Эйдельман Н. Я. Последние стихи // Знание-сила. – 1985. – № 8. – С. 32–34.

Данные об авторе

Когут Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, учитель филологии в СУНЦ УрФУ (Екатеринбург).
Адрес: 620137, Россия, Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30.
E-mail: kosfunpix@yandex.ru.

REFERENCES

- Alekseeva N. Yu. Russian ode: The development of the odic form in the XVII–XVIII centuries. – SPb., 2005.
- Gasparov M. L. Records and extracts. – M.: New Literary Review, 2001. – 416 p.
- Griftsov B. A. Derzhavin // Sofia. – 1914. – № 1. – P. 111–125.
- Derzhavin G. R. Odes / composition, introductory article and notes by S. S. Averintsev; artist S. M. Kharlamov. – L.: Lenizdat, 1985. – 334 p.
- Derzhavin G. R. Poems. – L.: Soviet writer, 1957. – 465 p.
- Dmitriev I. I. Complete collection of poems / composition, introductory article and notes by G. P. Makogonenko. – L.: Soviet writer, 1967. – 502 p.
- Zapadov A. V. Derzhavin. – M.: Young guard, 1958. – 236 p.
- Calasso Roberto. Literature and Gods / translation from Italian by A. V. Yampolskaya. – SPb.: Ivan Limbach Publishing House, 2018.
- Mashevsky A. G. Derzhavin's Ode "On the Death of Prince Meshchersky" as an experience of understanding death // Neva. – 2014. – № 7. – P. 212–217.
- Norwic symposiums on Russian literature and culture. Vol. IV. Gavrila Derzhavin, 1743–1816. – Northfield, Vermont, 1995. – 415 p.
- Smusina M. Premature poet // Literature. – 2017. – № 2. – P. 8–9.
- Soboleva L. S. Russian literature of the XVIII century. Materials for lessons in high school: study guide. – Ekaterinburg: Eral State Pedagogical University, 2005. – 102 p. – Series "School philology".
- Derzhavin's writings with explanatory notes by Ya. Grot. Vol. 6. Correspondence (1794–1816) and "Notes". – SPb.: Edition of the Imperial Academy of Sciences, 1871. – 905 p.
- Khodasevich V. F. Derzhavin. – M.: Book, 1988. – 384 p.
- Adelman N. Ya. Last poems // Knowledge is power. – 1985. – № 8. – P. 32–34.

Author's information

Kogut Konstantin Sergeevich – Candidate of Philology, Teacher of Philology, SESC UrFU (Ekaterinburg).

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Аннотация. Статья обращена к рассмотрению современных методов и приемов аналитической работы с произведениями новейшей русской поэзии в старших классах. На примере разбора стихотворений Алексея Цветкова «однажды солнце село навсегда...» и «он рассказал что там у них внизу...», Иосифа Бродского «Я обнял эти плечи и взглянул...», Сергея Гандлевского «Стоит одиноко на севере диком...» показаны методики использования мозгового штурма, сюжетного прогнозирования, коллективного обсуждения аргументов и контраргументов к предложенным тезисам, описывающим структурные и содержательные особенности текста. Путь анализа определяется с учетом поэтической логики конкретного произведения, его композиционных особенностей, специфики сюжетного развертывания или, наоборот, характера описательности; предлагаемые в статье приемы работы следует рассматривать не как универсальные методы анализа лирического произведения, а как обусловленные в каждом конкретном случае особенностями его поэтики. Так, парадоксальность решения «хрестоматийных» тем русской поэзии XIX века (поэт-пророк, власть слова, поэт и общество) в стихотворении А. Цветкова «однажды солнце село навсегда...» осмысливается школьниками в процессе пошагового сюжетного прогнозирования, когда почти каждый раз их предположения расходятся с авторской логикой лирического повествования. Несовпадение горизонта читательских ожиданий и лирического сюжета – отличительная черта стихотворения И. Бродского «Я обнял эти плечи и взглянул...»; осознать, каким же образом текст-«каталог» с описанием ветшающей материи (комнаты и находящейся в ней мебели) превращается в метафизическое прозрение – о человеческом одиночестве, ускользающем времени, невозвратимости прошлого, как и почему вещное переходит в экзистенциальное, школьникам помогает эксперимент с прогнозированием возможных сюжетных ситуаций, которые могли бы следовать за первой строкой. Мозговой штурм хорошо работает как прием организации аналитической деятельности при рассмотрении стихотворения А. Цветкова «он рассказал что там у них внизу...» и позволяет сопоставить, дополнить, конкретизировать предлагаемые каждой подгруппой участников истолкования стихотворения. Наконец, обсуждение проблемных вопросов и сформулированных учителем тезисов, характеризующих стихотворение С. Гандлевского «Стоит одиноко на севере диком...», позволяет увидеть текст в разных ракурсах (субъектная структура, интертекстуальный фон, особенности стилистики) и активизирует самостоятельные интеллектуальные поиски школьников.

Ключевые слова: мозговой штурм; литературные сюжеты; старшеклассники; методика преподавания литературы; методика литературы в школе; русская литература; русские поэты; поэтическое творчество.

Kuchina T. G.
Yaroslavl, Russia

METHODS AND WAYS USED FOR THE ANALYSIS OF CONTEMPORARY RUSSIAN POETRY IN SENIOR SCHOOL

Abstract. The subject of this article is using contemporary methods of analysis in teaching modern Russian poetry in high school: brainstorming, plot forecasting, problem questions and discussion. The poems of Alexsey Tsvetkov (“once the sun set forever...” and “he told that there they have down...”), J. Brodsky (“I Embraced these Shoulders”), S. Gandlevsky (“There Stands Alone in the Wild North”) are considered in the paper. The methods of analysis are chosen according to poetical logic of a text given, peculiarities of its composition, specific character of plot development or, on the contrary, its descriptive nature. The methods suggested in this article are not to be seen as universal approach to analyzing lyrics, but instead should be used with regard to distinctive features of every given poem. For instance, paradoxical interpretation of classic “common places” of Russian poetry (such as a poet as a prophet, the power of a word, a poet and the society) in A. Tsvetkov’s poem “once the sun set forever...” is comprehended by students during stepwise plot forecasting where all their assumptions differ from the author’s logic of lyrical narrative. The difference between readers’ horizon of expectation and a lyrical narration is a distinctive feature of J. Brodsky’s poem “I Embraced these Shoulders”. Students try to predict possible plot twists following the first line and thus tend to understand how a catalogue-like text consisting of enumeration of decrepit things (furniture and the room itself) turns into a metaphysical insight about human loneliness, irrevocability of the past and transforming physical matter into existential. Brainstorm might be helpful while studying A. Tsvetkov’s poem “he told that there they have down...” as it allows to compare, supplement and make precise interpretations suggested by every subgroup of participants. Finally, discussing problem questions and points about S. Gandlevsky’s poem “There Stands Alone in the Wild North”, suggested by the teacher, allows students to look at the text from different angles (subject structure of lyrical narrative, intertextual background, features of style) and encourages their independent intellectual work.

Keywords: brainstorm; literary plots; high school students; literature teaching methods; methodology of literature at school; Russian literature; Russian poets; poetic creativity.

Для цитирования: Кучина, Т. Г. Методы и приемы аналитической работы с произведениями современной русской поэзии в старших классах / Т. Г. Кучина // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 114–118. DOI 10.26170/fk19-01-16.

For citation: Kuchina, T. G. Methods and Ways Used for the Analysis of Contemporary Russian Poetry in Senior School / T. G. Kuchina // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 114–118. DOI 10.26170/fk19-01-16.

Изучение современной поэзии в старших классах школы неизбежно связано как с организационными трудностями (на внепрограммные произведения никогда не хватает учебного времени), так и с собственно литературоведческими (новейшая поэзия не успевает обрасти аналитическими обзорами, разборами, выверенными методическими разработками, которыми можно было бы пользоваться при подготовке уроков). Парадоксальным образом нередко приходится сталкиваться с ситуацией, когда школьники проявляют интерес к необычным, «неклассическим» по своей поэтической структуре и языку стихотворениям современных авторов, а учителя признаются в том, что им самим для понимания нестандартных, в непривычной художественной логике написанных произведений требуется посредник-толкователь. В ситуации, когда устоявшиеся репутации есть лишь у современных поэтов старшего поколения (И. Бродский, Л. Лосев, С. Гандлевский, А. Цветков, Б. Кенжеев, Е. Шварц, Т. Кибиров, О. Седакова, О. Николаева и др.), а «текущая» журнальная или интернетовская поэзия пребывает в дискуссионном поле, где вкусовые оценки доминируют над взвешенным анализом, учителю бывает непросто выбрать «хорошие» тексты для занятий – тем более что на шкале «хорошо-плохо» все давно относительно. Но если выбор состоялся, остается вопрос: а как с этими текстами работать на уроке?

В последние пять лет центральная предметно-методическая комиссия олимпиады по литературе многократно предлагала на региональном и заключительном этапах произведения современных поэтов. Это были «Элегия о плюшевом медведе» Алексея Цветкова, «Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий...» Ивана Жданова, «Под переплетом» Инны Лиснянской, «Трубач и осень» Бориса Рыжего и т. д. И выполненные школьниками разборы показывали умение понимать художественный язык авторов, видеть оригинальные ассоциативные переходы от одного образа к другому, адекватно истолковывать важнейшие смыслы текста, в лучших работах – встраивать его в литературные контексты и устанавливать интертекстуальные связи. В 2018 году разбор стихотворения И. Жданова на 1 туре заключительного этапа олимпиады по литературе превзошел все ожидания: 11-классники блестяще справились с целостным анализом – из более чем 100 участников только двое набрали чуть меньше половины баллов за задание, а все остальные оказались выше уровня медианы. И это означает, что даже с самыми трудными текстами современных авторов старшеклассники вполне способны интерпретационно продуктивно работать.

В образовательном центре «Сириус» (г. Сочи) современной литературе посвящаются целые смены, и работа с поэтическими произведениями (как серьезных современных авторов, так и юных поэтов – стажеров направления «Литературное творчество») – большая и значимая часть учебного процесса. (Замечу, что в «Сириусе» мой спецкурс по современной поэзии включал 28 часов аудиторной работы, в то время как на филологических факультетах вузов весь курс новейшей отечественной литературы вместе с прозой и драматургией редко превышает 30–36 часов). Рассмотренные в данной статье методы и приемы аналитической ра-

боты с разными стихотворениями современных поэтов во многом сложились именно на неформатных и неформальных занятиях с продвинутыми школьниками – разборах заданий и работ заключительного этапа всероссийской олимпиады по литературе, семинарах и мастер-классах в «Сириусе», факультативных занятиях с участниками олимпиад.

Одним из самых ярких и самых трагически звучащих поэтов современности является Алексей Цветков. Его лирика не входит в обязательную часть школьной программы, да и в обзорах современной литературы в учебниках для 11 класса сколько-нибудь подробно не представлена. Однако без рассмотрения стихотворений Алексея Цветкова характеристика отечественной поэзии рубежа XX–XXI вв. окажется явно неполной. При вручении А. Цветкову премии Андрея Белого (2007) критик Дмитрий Кузьмин подчеркнул: при смене поэтических эпох «возникает возможность появления *центральной фигуры современной русской поэзии* – и Алексей Цветков за три года активной творческой деятельности в нынешнем контексте успешно занял эту вакансию. Идея центральной фигуры не имеет ничего общего со статусом „первого поэта эпохи“ <...> Речь не о том, что автор пишет лучше других или значит для литературы больше. Речь о том, что поэтика этого автора – благодаря апелляции к наибольшему числу длящихся традиций, благодаря разнообразию инструментария – располагается в центре национального литературного пространства» [Кузьмин 2007: 39]. Конечно же, центр и периферия – понятия «нестойкие» и со временем меняющиеся местами, однако встроенность поэтики А. Цветкова в традицию и при этом очень современный художественный язык всегда делают его тексты интереснейшим объектом «пристального чтения».

Со старшеклассниками мы разбирали два стихотворения А. Цветкова – «однажды солнце село навсегда...»¹ и «он рассказал что там у них внизу...». Разбор первого произведения – вопреки методической традиции – начинался не с прочтения вслух, а с построчного знакомства с текстом на слух и прогнозирования дальнейшего развертывания лирического сюжета.

Итак, первая строчка стихотворения – «однажды солнце село навсегда». Поскольку школьники не видят ее печатного варианта, все вопросы об отсутствии знаков препинания и заглавных букв остаются на конец занятия и не мешают пониманию смысловой структуры текста. Начинаем обсуждение с вопроса о том, что же случилось в том мире, который представлен в стихотворении. Предположения старшеклассников обычно выстраиваются в двух направлениях: либо это апокалиптическая картина космической катастрофы (вариации: с затмением солнца, с погасшей звездой, остановкой времени и т. п.), либо это личная трагедия (обычно школьники говорят о крахе любовных отношений, потере возлюбленного/ой, которая приравнивается к исчезновению из жизни света). Пожалуй, самый экзотический вариант был в шутку предложен од-

¹ Детальный литературоведческий разбор стихотворения дан в статье «Слова „живые“ и „мертвые“: о метапоэтической проблематике лирики Алексея Цветкова» [Кучина, Бокарев 2013: 214–216]. Кроме того, к стихотворению обращается в своей статье «Все выживает, в фонах камня...» Е. Пестерева [Пестерева 2012: 99–114].

ним из школьников на занятии в «Сириусе»: «Пушкин умер». (Подразумеваемый контекст: Пушкин – солнце русской поэзии).

Однако, когда мы прочитываем следующую строку и получаем «однажды солнце село навсегда / особенно неистовствовал дворник» [Цветков 2015, 1: 275], предшествующие предложения как будто бы опрокидываются неожиданным явлением дворника и кажущейся резкой прозаизацией поэтического сюжета. Чаще всего дети интерпретируют стихотворение уже не как апокалиптическое, а как шуточное и объясняют реакцию дворника необходимостью для него подниматься на работу вместе с солнцем – а исчезновение светила означает крушение всего привычного миропорядка. Остановки и осмысления требует и сама сила эмоции – «особенно неистовствовал»: у дворника, судя по контексту, есть какие-то особые права на солнце – а оно внезапно вышло из-под его контроля.

Далее дочитываем первый катрен до конца:

однажды солнце село навсегда
особенно неистовствовал дворник
он клялся что взойдёт-таки во вторник
но не взошло а ведь уже среда.

Получает подтверждение гипотеза об особых полномочиях дворника – и о возмущившемся, непокорном (в иных версиях – «сломавшемся») солнце. В любом случае школьники отчетливо ощущают, что дворник и солнце – центральные фигуры в этом стихотворении (а вот «лирического героя» в этом поэтическом повествовании нет). Попутно есть смысл обратить их внимание на маркеры времени: от мгновения («однажды») – через счет дней («вторник», «среда») – к вечности («навсегда») – а в финале и вовсе к безвременью (там появится упоминание о Лете – а с ним проявится мотив забвения, бесследного ухода в небытие, когда жизнь человека стирается, словно рисунок на песке).

Обсудив основные смысловые векторы первого четверостишия, можно прочитать второй катрен целиком:

мы сначала стали делать вид
что в сущности не тяготимся этим
и лицемерно объясняли детям
что солнце есть и что оно горит.

Как правило, предчувствие неминуемой катастрофы возвращается (и усугубляется попытками коллективного «мы» из стихотворения выстроить подложный мир взамен утраченного); школьники обычно говорят, что в финале сюжет должен разрешиться трагически. Чтение стихотворения целиком полностью подтверждает это предположение, а заключительное двустишие не оставляет никаких иллюзий:

но вот работник лома и метлы
отчаявшись терпеть и как бы в шутку
нам объявил сложив приборы в будку
что жизнь прошла что мы теперь мертвы

и стало жалко тратить пот и труд
и стало слышно в тихом плеске леты
как маленькие детские скелеты
в песочнице совочками скребут.

Разумеется, когда текст предъявлен полностью, мы можем продолжить его анализ, отметив взаимодействие слова и реальности в стихотворении. Дворник

сказал: жизнь прошла и все мертвы – и все стали мертвы; пророческая сила слова оказывается направлена не на жизнь, а на вскрытие ее изначальной ненадежности, обманчивого правдоподобия. Сообщение дворника обнажает тщету и заведомую бессмысленность существования тех, кто считал себя живыми; их «лицемерные» слова, призванные оправдать фантомный мир (в котором нет солнца, но «оно горит»), отменены Словом дворника. Тем самым «классическая» миссия пророка в русской поэзии (пробуждения к осознанной, духовно насыщенной жизни – «глаголом жги сердца людей») в стихотворении А. Цветкова сменяется трагическим предназначением – объявить о прибытии в потусторонность.

Что дает в работе со стихотворением сюжетное прогнозирование? Во-первых, школьники лучше понимают трагическую иронию поэта (они помнят свое удивление от появления дворника – обычно после второй строчки все смеются – и осознают, что проза жизни встроена у А. Цветкова в высокую метафизику, но серьезность смыслов обходится без патетики). Во-вторых, отчетливее видят соединение предметного и символического планов (уличный дворник и библейский пророк; вторник-среда – и Лета). В-третьих, замечают нестандартность смысловых поворотов, придуманных автором: почти всегда предлагаемые читателями событийные варианты не срабатывают – а это позволяет оценить оригинальность авторского мировидения.

Подобный же принцип работы мы использовали и при разборе стихотворения И. Бродского «Я обнял эти плечи и взглянул...» (1962). Не останавливаясь подробно на этом произведении¹, отметим лишь, что первая строчка, как правило, провоцирует читателя на его интерпретацию в рамках любовной лирики: начальный стих словно бы задает условия встречи или расставания, и кажется, что продолжение строфы должно предъявить образ той девушки, которой принадлежат «эти плечи».

Однако весь дальнейший текст стихотворения И. Бродского представляет собой перечень мебели («диван в углу», «выдвинутый стул», «стол пустовал», «буфет казался... одушевленным» [Бродский 1992: 163]) и деталей интерьера (лампочка, стена, паркет, печка, рама). Восприятие стихотворения проблематизируется: каким образом текст-«каталог» (к тому же начинавшийся как история двоих) превращается в метафизическое прозрение – о человеческом одиночестве, ускользающем времени, невозвратимости прошлого? Как вещное переходит в экзистенциальное? А ведь это важнейшая черта поэтики И. Бродского, и раннее – вполне акмеистическое – стихотворение уже явно ее обозначает. Дальнейший анализ стихотворения теперь можно строить, отталкиваясь от осмысленных в ходе прогностического эксперимента впечатлений. Можно с уверенностью сказать, что, зацепив внимание читателя парадоксом, его мыслительную работу мы делаем значительно более интенсивной и мотивированной.

¹ Подробный разбор стихотворения можно найти в статье В. А. Суханова «Принципы создания художественной реальности в поэзии И. Бродского 1960-х годов («Я обнял эти плечи и взглянул...»)» [Суханов 2004: 99–103].

Однако вернемся к произведениям А. Цветкова. В работе со вторым упомянутым стихотворением – «он рассказал что там у них внизу...» – можно использовать мозговой штурм. Школьники получают текст и делятся на подгруппы в 4–7 человек (впрочем, кому-то бывает удобно работать в парах, а кто-то организует большую команду вокруг себя). При этом мы исходим из представления о том, что у стихотворения нет (и не будет на уроке) итогового, «правильного» истолкования. Неизбежно останутся лакуны и обязательно появятся наслаивающиеся друг на друга объяснения одних и тех же реалий, но подвижность и неопределенность смыслов вполне отвечают семантическому строю произведения.

Стихотворение А. Цветкова – непрозрачное, «темное», не поддающееся моментальной «дешифровке»; для его понимания требуется мыслительное усилие, концентрация внимания, удержание в поле зрения нарративной перспективы, в которой выстраивается изображаемый мир.

он рассказал что там у них внизу
 есть галерея лиц и эти лица
 свисают с веток в призрачном лесу
 как сон который никому не снится
 архив моделей древних глин замес
 порожних матриц прошлая затрата
 и каждый выселенный в этот лес
 узнает в каждой друга или брата
 поскольку здесь извлечены из тьмы
 на высвеченном как луна манеже
 не то чтобы одни и те же мы
 но для других всегда одни и те же
 в пределах этой временной луны
 поверх плеча в последний раз отмечу
 короткую дистанцию любви
 а дальше лес и гроздь глаз навстречу
 но в них уже ни горя ни вреда
 мне лодочник рассказывал об этом
 пока он отвозил меня туда
 откуда возвращенье под запретом

[Цветков 2015, 2: 154].

Задача каждой подгруппы – предложить свое истолкование стихотворения (на это уходит примерно 40–45 минут); каждая интерпретация представляется на общее обсуждение (еще около 20–25 минут). Обычно срабатывает кумулятивный принцип: каждое следующее выступление, как правило, уточняет, детализирует, дополняет предыдущее, развивает идеи, высказанные участниками предыдущей команды (но, разумеется, нельзя исключать и «перпендикулярных» прочтений, не стыкующихся с остальными, такие провокативные трактовки обычно позволяют увидеть сильные и слабые места уже сложившихся интерпретаций).

Для работы можно выдать школьникам большие листы бумаги и фломастеры: ребята лучше понимают устройство художественного пространства стихотворения, когда рисуют персонажей в лодке, располагают их относительно леса и реки, пытаются вписать их в опредмеченный потусторонний фон («галерея лиц», «призрачный лес», «архив моделей» и т. д.). Рисунки и схемы помогают выстроить затем и выступление – уйти от построчного комментария и последовательно

го объяснения отдельных строк и представить целостную картину мысленно «увиденного» в стихотворении.

Как правило, старшеклассники быстро считывают мифологические отсылки (лодочник Харон), вспоминают о «Божественной комедии» Данте (но можно им подсказать, что стоит обратиться к «Песне III» из «Ада» – образные переключки с ней стихотворения А. Цветкова достаточно отчетливы: сумрачная река, лодочник, череда людей, устремленных к водному потоку; нарушившая запреты живая душа среди мертвых и, наконец, мотив сна – «Я упал, как тот, кто схвачен сном»). От упоминания о «древней глине» и «порожних матрицах» школьники обычно выходят к библейской истории сотворения человека – словом, раздумывая над стихотворением, проходят путь от «Ада» до Адама.

Визуальные соответствия, в которых отражается восприятие стихотворения, нередко получают в стилистике кубизма: у А. Цветкова «галерея лиц» существует отдельно от «гроздьев глаз» (несмотря на паронимическое притяжение лексем), а «заготовки» людей (те самые «порожние матрицы») отделились от душ. Школьники, иногда не сумев еще сформулировать словами свои ощущения, фиксируют на бумаге трагическое отчуждение человека от самого себя, совпадающее с перемещением в потусторонние пределы.

Со стихотворением еще одного современного поэта – «Стоит одиноко на севере диком...» Сергея Гандлевского¹ – можно также работать в группах, но опираясь на проблемные вопросы (после коллективного обсуждения каждая группа выставляет одного спикера для краткого доклада). Приведем произведение целиком:

Стоит одиноко на севере диком
 Писатель с обросшею шеей и тиком
 Щеки, собирается выть.
 Один-одинешенек он на дорогу
 Выходит, внимают окраины Богу,
 Беседуют звезды; кавычки закрыть

[Гандлевский 2000: 84].

Чаще всего первое знакомство с текстом вызывает у старшеклассников замешательство – все слова знакомы, контексты прозрачны, а стилистика сбивает с толку смешением иронии («писатель с обросшею шеей и тиком»), псевдофольклорных причитаний («один-одинешенек»), высокой поэтической риторики («внимают окраины Богу» – очевидная отсылка к Лермонтову) и речевых клише («кавычки закрыть»). Смысл несколько проясняется, если рядом появляются тексты стихотворений Лермонтова, формирующих реминисцентный фон, – «На севере диком стоит одиноко...» и «Выхожу один я на дорогу...». Художественное пространство в них расширяется и размыкается вовне: от севера до юга в снах сосны, от земных пределов – до космических просторов («В небесах торжественно и чудно! / Спит земля в сиянье голубом...») в путешествии лермонтовского странника в «Выхожу один я на дорогу...». В стихотворении С. Гандлевского, наоборот, пространство замкнуто («кавычки закрыть»): вне текста мира нет. Нет и собственных слов у поэта: все имею-

¹ Подробный литературоведческий разбор стихотворения есть в нашей статье [Кучина 2014: 200–201].

щиеся – чужие (лермонтовские и в кавычках), а вместо своих – только намерение «выть».

Однако чтобы школьники самостоятельно пришли к интерпретации стихотворения, мы предлагали обсудить тезисы, которые намеренно были сформулированы категорично, жестко – они частично отвечали поэтике текста, но при этом требовали и аргументированных возражений. Варианты формулировок можно предложить такие:

- Стихотворение С. Гандлевского – пародия на произведения М. Ю. Лермонтова.
- Фигура поэта/писателя в стихотворении С. Гандлевского – объект сатирического изображения.
- Стилевая пестрота текста – следствие писательской несостоятельности субъекта лирического высказывания.
- Почему в стихотворении нет лирического «я»?

Работа в небольших группах позволяет собрать наиболее убедительные аргументы «за» и «против». В каждом тезисе есть уязвимое звено: стихотворение С. Гандлевского не имеет специальной цели пародировать Лермонтова, но по приемам построения, по принципам использования стиливых кодов оказывается сходно с пародией. Фигура писателя изображена в ореоле комических деталей (обросшая шея, тик, выть) – но они же одновременно получают и траги-

ческую подсветку: С. Гандлевский пишет о поэте, мужественно переживающем немоту и в поисках слова блуждающем в лабиринтах чужих текстов (слова Лермонтова, стихи Гандлевского). Стиливая пестрота текста, разумеется, намеренная – и она призвана подчеркнуть присутствие в стихотворении разных голосов (для короткого произведения из 6 строк реминисцентный слой в нем перенасыщен). Грамматическое отсутствие лирического «я» компенсируется метапоэтической рефлексией: «писатель с обросшею шеей и тиком» – его отражение в иронических зеркалах текста.

В чем плюсы и минусы описанных приемов аналитической работы? Несомненные преимущества – постоянная мыслительная активность школьников: они все время находятся в поиске (ответа, смысла, гипотезы), им разрешается пользоваться всеми доступными источниками информации – но эта информация лишь направляет их работу, не являясь готовой интерпретацией стихотворения. Высока и степень самостоятельности в осмыслении обсуждаемых аспектов поэтики. Однако в конце занятия неизбежно остается зона неопределенности: мы не настаиваем на «итоговом» смысле текста, на единственно достоверной его трактовке, на «окончательных» ответах на все вопросы. Впрочем, для современного гуманитарного знания, как нам представляется, это и есть норма.

ЛИТЕРАТУРА

- Бродский И. А. Сочинения в 4 томах. – СПб., 1992. – Т. 1. – 479 с.
Гандлевский С. М. Порядок слов: стихи, повесть, пьеса, эссе. – Екатеринбург, 2000. – 432 с.
Кузьмин Д. Речь об Алексее Цветкове // Премия Андрея Белого (2007–2008): Альманах / сост. Б. Останин. – М.; СПб., 2011. – С. 36–39.
Кучина Т. Г. Мотивы лирики М. Ю. Лермонтова в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 199–202.
Кучина Т. Г., Бокарев А. С. Слова «живые» и «мертвые»: о метапоэтической проблематике лирики Алексея Цветкова // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 1. – № 4. – С. 212–216.
Пестерева Е. «Все выживет, в фонамах камня...» Алексей Цветков // Вопросы литературы. – 2012. – № 6. – С. 99–114.
Суханов В. А. Принципы создания художественной реальности в поэзии И. Бродского 1960-х годов («Я обнял эти плечи и взглянул...») // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – Вып. 3 (40). – С. 99–103.
Цветков А. П. Все это или это все. Собрание стихотворений в двух томах. – N. Y.: Ailuros publishing, 2015.

Данные об авторе

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль).
Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108.
E-mail: tgkuchina@mail.ru.

REFERENCES

- Brodsky I. A. Writings in 4 volumes. – SPb., 1992. – Vol. 1. – 479 p.
Gandlevsky S. M. Word order: poems, story, play, essay. – Ekaterinburg, 2000. – 432 p.
Kuzmin D. Speech about Alexey Tsvetkov // Andrei Bely Prize (2007–2008): Almanac / compiler B. Ostanin. – M.; SPb., 2011. – P. 36–39.
Kuchina T. G. Motives of the lyrics of M. Yu. Lermontov in Russian poetry of the turn of the XX–XXI centuries // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Humanitarian sciences. – 2014. – Vol. 1. – № 2. – P. 199–202.
Kuchina T. G., Bokarev A. S. The words “living” and “dead”: on the meta-poetic problem of the lyrics of Alexei Tsvetkov // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Humanitarian sciences. – 2013. – Vol. 1. – № 4. – P. 212–216.
Pestereva E. “Everything will survive, in the kameney phone-mes...” by Alexey Tsvetkov // Questions Literature. – 2012. – № 6. – P. 99–114.
Sukhanov V. A. Principles of creating artistic reality in the poetry of I. Brodsky of the 1960s («I hugged those shoulders and looked...») // Bulletin of TSPU. Series: Humanities (Philology). – 2004. – Issue 3 (40). – P. 99–103.
Tsvetkov A. P. All this or this all. Collection of poems in two volumes. – N. Y.: Ailuros publishing, 2015.

Author's information

Kuchina Tatiana Gennadievna – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl).

ГОЛОСА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Брюханова Ю. М.
Иркутск, Россия

ORCID ID: –
E-mail: okt28@yandex.ru

УДК 821.161.1-31(Пастернак Б.)
DOI 10.26170/fk19-01-17
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44
ГСНТИ 17.07.29
КОД ВАК 10.01.01

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ: СУЩНОСТЬ КРАСОТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Аннотация. В статье рассматривается концептуальное понятие красоты в художественном творчестве Бориса Пастернака в аспекте соотношения формы и содержания. Анализ проводится на основе лирики Б. Пастернака, повести «Охранная грамота», романа «Доктор Живаго». Раскрытие специфики интерпретации красоты поэтом актуализирует ряд задач. Во-первых, демонстрируются психологические предпосылки восприятия прекрасного, выраженные в резонирующей с миром чуткости художника, а также в укорененном в сознании Б. Пастернака ощущении вины за отягченную страданием женскую судьбу. Во-вторых, обосновываются философские положения эстетики поэта. Говорится о родственном пересечении философии Анри Бергсона и художественно-философских идей Б. Пастернака как отражении культурно-исторического «диалога», носящего интуитивный, а не преднамеренный характер. В-третьих, анализ характеристик формы и содержания в отношении категории прекрасного выявляет оппозицию «создаваемой» красоты, связанной с «плодотворным» существованием, и красоты «совершенной», соотносящейся с «пассивным» растрачиванием жизни. Открытие красоты в узнаваемом образе дает импульс творческому обновлению, что усиливает витальный потенциал и тем самым утверждает главную ценность эстетического начала. В-четвертых, обосновывается взаимодействие этической и эстетической категорий в художественной системе Б. Пастернака, утверждается характеристика красоты как производного от онтологических категорий («силы» жизни), а не аксиологических.

Ключевые слова:
русская литература;
красота; этика; эстетика; русские писатели; литературное творчество.

Bryukhanova Yu. M.
Irkutsk, Russia

FORM AND CONTENT: THE ESSENCE OF BEAUTY IN THE WORKS OF BORIS PASTERNAK

Abstract. The article deals with the conceptual idea of beauty in the works of Boris Pasternak in the aspect of the ratio of form and content. The analysis is based on the lyrics of B. Pasternak, "Safe Conduct" and the novel "Doctor Zhivago". Revealing the specifics of the poet's interpretation of beauty actualizes a number of tasks. First, the psychological preconditions of perception of beauty, expressed in the artist's sensitivity to the world, as well as in the feeling of guilt for the woman's fate aggravated by suffering, are demonstrated. Secondly, the philosophical positions of the poet's aesthetics are substantiated. It is said about the relative intersection of the philosophy of Henri Bergson and the artistic and philosophical ideas of Pasternak as a reflection of the cultural and historical "dialogue", which is intuitive, not intentional. Third, the analysis of the characteristics of form and content in relation to the category of beauty reveals the opposition between "creating" ("forming") beauty associated with "prolific" existence and "created" ("formed") beauty correlating with "passive" waste of life. The discovery of beauty in a recognizable image gives impulsion to creative renewal, which enhances the vital potential and thus affirms the main value of the aesthetic principle. Fourthly, the author substantiates the interaction of the ethical and aesthetic categories in the works of B. Pasternak, and asserts the characteristic of beauty as a derivative of ontological categories ("power" of life), not axiological ones.

Keywords:
Russian literature;
beauty; ethics; aesthetics; Russian writers;
literary creativity.

Для цитирования: Брюханова, Ю. М. Форма и содержание: сущность красоты в творчестве Бориса Пастернака / Ю. М. Брюханова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 119–124. DOI 10.26170/fk19-01-17.

For citation: Bryukhanova, Yu. M. G. R. Form and Content: the Essence of Beauty in the Works of Boris Pasternak / Yu. M. Bryukhanova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 119–124. DOI 10.26170/fk19-01-17.

Тема красоты в творчестве Б. Л. Пастернака раскрывается, как и другие темы, мотивы, образы его поэзии и прозы, с позиции художественно-философского осмысления бытия, утверждающего всеединство всего

сущего на основе энергетического импульса жизни. Но целостность художественной системы (отмеченная, например, в работах Л. Озерова [Озеров 1990], А. Газизовой [Газизова 1990], В. Альфонсова [Альфонсов 2001],

С. Витт [Витт 2000], Н. Фатеевой [Фатеева 2003] и др.) не исключает парадоксальных сочетаний и возникающих в связи с ними вопросов. Отчего поэт видит свою «вину» в том, что «весь мир заставил плакать над красой земли» своей («Нобелевская премия», 1959)? Почему «прелести... секрет», ни больше ни меньше, «разгадке жизни равносильна» («Любить иных – тяжелый крест...», 1931)?

Философия красоты, не являясь единственным элементом эстетики, формирует парадигматические отношения всех эстетических категорий в поэзии и прозе Б. Л. Пастернака. Об этом говорит, в частности, А. В. Молчанова в диссертационном исследовании «Художественная концепция красоты в творчестве Б. Пастернака» [Молчанова 2010], ориентированном на концептуализацию феномена красоты в художественном и эпистолярном наследии писателя и рассмотрение этого явления как основания единого структурного и мировоззренческого пространства поэзии и прозы. Учитывая эти положения, мы отмечаем необходимость более детального анализа обозначенного предмета. Цель данной статьи – изучить специфику восприятия красоты поэтом в сравнении с классической эстетикой, проследить преемственность и особенности рецепции. Для раскрытия творческого осмысления категории красоты необходимо решить следующие задачи: показать психологические предпосылки восприятия прекрасного; выяснить философские основания эстетики; проследить решение проблем соотношения формы и содержания; выявить отношения нормативного и эвристического в корреляции этики и эстетики.

Психологические предпосылки восприятия прекрасного (чуткость и вина)

Неоднозначность отражения категории прекрасного в поэзии и прозе Б. Пастернака связана с художественно-философскими основаниями его творчества. Красота воспринимается Б. Пастернаком как одна из характеристик жизни, и, как сама жизнь, она изменчива в своем постоянном движении, не детерминирована. Другими словами, она обладает той же внутренней стихийностью, что и жизненная сила. Чаще всего амбивалентная, пугающе притягивающая красота представлена в поэзии и прозе Б. Пастернака в образах природы и женских образах, рождающих оксюморонные (или близкие к ним) определения: «убийственная красота» («Из поэмы (два отрывка)», 1917), «страшная красота» («Так начинают. Годы в два...», 1921), «дикая красота» («Высокая болезнь», 1923, 1928) и др. Категория красоты у Б. Пастернака – прежде всего категория витальная, а не эстетическая или этическая. Корень красоты – это не гармония формы и не безусловность нравственного императива, а «отвага» («Осень» («Я дал разъехаться домашним»), 1949), то есть движение, борьба, преодоление. Такая интерпретация классической эстетической категории имеет во многом психологическую обусловленность. Но прежде чем обратиться к этому вопросу подробнее, следует сказать, что философия прекрасного у Бориса Пастернака преимущественно раскрывается через интерпретацию понятий формы и содержания. Примечательны рассуждения «alter ego» писателя – Юрия Живаго, который отмечал,

что «искусство всегда служит красоте, а красота есть счастье обладания формой, форма же есть органический ключ существования, формой должно владеть все живущее, чтобы существовать, и, таким образом, искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования» [Пастернак 2004, IV: 452]. Интересно, что в этом контексте сочетаются материалистические и идеалистические взгляды. Форма признается первичной, если рассматривать исторически заданный временной континуум, то есть в координатах «здесь и сейчас» существование невозможно без материального воплощения. В то же время форма не регламентируется характеристиками категории прекрасного. Красота имманентно присуща носителю формы, но это еще не объясняет ее аксиологической значимости. Ценность она обретает благодаря волевому посылу стороннего субъекта – в данном случае творца, художника. Построенное на субъективных ощущениях определение красоты дает объективную картину всеединства мира, транслируемую поэтическим сознанием.

Важным является то, что Б. Пастернак в слова Юрия Живаго вкладывает определение красоты именно как «счастье обладания формой». При этом слово «обладание» раскрывает в данном контексте богатый семантический потенциал. Прежде всего, речь идет о том, что важно не только присвоить себе какую-либо форму или открыть ее, но и сделать ее частью себя, одним из своих свойств наряду с обладанием голосом, обладанием талантом и т. д. Кроме того, слово «обладание» влечет за собой целый ряд ассоциаций, связанных в творчестве Пастернака с концептом красоты и образом женщины: обладание – сила – власть – подчинение – страдание.

Восприятие женственности как воплощенной красоты через страдание и принуждение было заложено у поэта еще в детстве и имеет психологические предпосылки. Пастернак в «Охранной грамоте» вспоминает, «как весной девятьсот первого года в Зоологическом саду показывали отряд дагомейских амазонок», что оказало глубокое впечатление на детское сознание, уловившее единство обнаженной женской формы и боли: «...раньше, чем надо, стал я невольником форм, потому что слишком рано увидел на них форму невольниц» [Пастернак 2004, III: 149]. Вот почему истинная женская красота, по Пастернаку, это та, которая изначально осознает не только свои взлеты, но и падения. Отсюда и стремление Пастернака, его лирического героя броситься спасти красоту женщины от «захватчиков», губителей, ревнителей, собственников – это распространенный мотив в его лирике, выходящий на первый план, например, в стихотворениях «Памяти Рейснер» (1926), «Весенню порою льда...» (1932), в образах революционерок и самой революции в поэме «Девятьсот пятый год» (1925–1926), а также в романе «Доктор Живаго» (1945–1955): в первую очередь, в образе Лары и в лирических текстах «Объяснение» (1947) и «Сказка» (1953) из «Стихотворений Юрия Живаго».

Предопределенность страданий в женской судьбе очевидна для поэта, и страдания эти чаще всего связаны с мужчиной – тем, кто завладевает красотой. Однако способность сохранять и усиливать привлекательность, проходя через горнило жизненных невзгод, свойственна не каждой женщине. Здесь следует обра-

тяться к рассуждению Пастернака о двух типах женской красоты, которое входит в послесловье к «Охранной грамоте» (оно не было включено в окончательную редакцию текста).

Говоря о Евгении Пастернак (Лурье), поэт отмечает связь между ее красотой, рождающей ассоциации с Итальянским Возрождением, и счастьем, без которого невозможно было внутреннее освещение. Другими словами, облик обретал совершенную форму только в определенные, радостью озаренные минуты, и тогда «улыбка колобком округляла подбородок молодой художницы, заливая ей светом щеки и глаза» [Пастернак 2004, III: 522].

Иной тип красоты, подмеченный Пастернаком, связан с безусловностью принятия жизни в любой момент, что подчеркивает более тесную родственную связь с ее стихийным началом, лишенным заданности и предопределенности. Лицо Зинаиды Пастернак (Нейгауз), по словам поэта, «равно разит и режет и в горе и в радости и становится тем прекрасней, чем чаще застаешь его в положениях, в которых потухла бы другая красота» [Пастернак 2004, III: 523]. Это тот случай, когда осознанной становится гармония между формой внешней и внутренним принятием жизни. Источник красоты приходит не извне, он коренится в глубине миропонимания. Именно поэтому Зинаиде Николаевне «нужно что бы то ни было на земле гораздо меньше, чем сама она нужна земле, потому что это сама женственность, грубым куском небьющейся гордости целиком вынутая из каменоломен творенья» [Там же]. Истинная красота, по Пастернаку, раскрывается в полном принятии жизни во всех ее противоречивых, антиномичных связях. Именно поэтому такое понимание красоты связано с мотивом борьбы и самоутверждения, ее источник – «небьющаяся гордость».

Другими словами, красота в безусловной степени присуща женскому началу, но она может либо освещать лицо женщины в редкие минуты счастья, либо наполнять светом полного, абсолютного принятия жизни в любой момент существования. Такое сопоставление отчетливо воплотилось в художественных образах романа «Доктор Живаго» – их олицетворением стали Тоня и Лара.

Философские основания эстетики Б. Пастернака

Жертвенность, самоотдача, связанные в представлении Пастернака с подвигом женской судьбы, рождали в поэте «несколько чрезмерное, гипертрофированное восхищение женской красотой и попытку заранее, *a priori* завоевать прощение» [Сергеева-Кляцис 2015: 86]. Однако гипертрофированным это восхищение было только с точки зрения стороннего наблюдателя, но не самого художника, видевшего в женской красоте потенциал незавершенного, длящегося творческого акта («ты создана как бы вчерне», «Ева», 1956), что было так созвучно всей его художественно-философской системе. Ценным для Бориса Пастернака было осознание значимости формы при возможности осуществлять «жизненный порыв», говоря словами Анри Бергсона (1859–1941). Обращение к французскому мыслителю и его идеям в данном контексте не случайно: сопряжение философских постулатов с художественным мировоз-

зрением Пастернака обуславливается их связью с философией жизни, со стремлением дать универсальную энергичную формулу мирового процесса (См.: [Брюханова 2010]).

Занятой философией Пастернака и сохранившийся в его домашней библиотеке сборник трудов А. Бергсона «Choix de textes» свидетельствуют о знакомстве поэта с этой версией философии жизни. Однако данный факт не является безусловным основанием для поиска прямых соответствий и пересечений. Сближение художественно-философской картины мира Бориса Пастернака с положениями философии жизни носит характер интуитивного, внутреннего выбора единого пути осознания действительности, но не может быть объяснено с точки зрения интеллектуального заимствования идей.

Бергсон в своем труде «Творческая эволюция» (1907) представил свое понимание формы. Для него форма (взятая вне каких бы то ни было оценочных категорий) ассоциируется с материей, т. е. пределом, завершенностью, и оказывается по другую сторону от процесса, т. е. творчества, движения. Основой жизни, по Бергсону, является жизненный *порыв*, который «состоит по существу в потребности творчества. Он не может творить без ограничения, потому что он сталкивается с материей, то есть с движением, обратным его собственному. Но он завладевает этой материей, которая есть сама необходимость, и стремится ввести в нее возможно большую сумму неопределенности и свободы» [Бергсон 1998: 248]. Борьба формы (материи) и движения (*порыва*) рассматривается в системе, исключая моральные координаты, поскольку это столкновение носит онтологический характер.

Жизненный порыв (в представлении А. Бергсона) – первоначальный импульс, давший толчок развитию всего живого; иными словами, это основа творческой эволюции мира. В этих мировоззренческих координатах художественное творчество расценивается как надежда на прогресс, на продолжение порыва. Жизненный порыв – это та сила, которая преодолевает материю, форму, конечность, остановку, смерть, это сила, которая ассоциируется со свободой (свободой от формы в том числе), импровизацией. Но эта свобода и импровизация ведут не к хаосу и распаду связей, а, напротив, к утверждению единства сущего и в то же время установлению закономерностей свободного развития жизненных форм.

Соотношение художественно-философской концепции Пастернака с теорией Бергсона позволяет выявить важные нюансы в понимании поэтом прекрасного. Самобытность красоты кроется, по Пастернаку, в ее изменчивости, недетерминированности, независимости от внешних догм и способности подчиняться только своим внутренним законам. Другими словами, это проявление жизненной силы, преодолевающей конечную форму.

Так, например, природа прекрасна у Пастернака не сама по себе, а в своей причастности движению годового цикла, общего течения жизни. Мы не найдем в лирике поэта статичного пейзажа. Он неуловим как законченная форма, хотя ощутим как жизненный процесс: «...Весна моя, не сетуй. // Печали час твоей совпал //

С преображением света» («Весеннею порою льда...», 1932). Художник должен уловить это преображение, запечатлеть не отдельный фрагмент всеобщего процесса, а сложить целую картину, одухотворенную ежесекундным обновлением. Смена времен года является доказательством неосознанного «счастья обладания формой», когда жизненный поток приводит в движение и преобразует все вокруг. Это до невозможности просто и естественно, и это до боли прекрасно, потому что позволяет «избежать легко достижимой отчетливости очертаний» [Пастернак 2005], к чему так стремился Пастернак в своем романе «Доктор Живаго».

Примечательно, что понимание всеединства на основе причастности к общему потоку жизни формирует и особый метонимический принцип поэтики Б. Пастернака (одним из первых о преобладании метонимии над метафорой в творчестве Пастернака заговорил Р. Якобсон [Якобсон 1987: 324–338]). В стихотворении «Женщины в детстве» (1958) не описание внешних примет, а раскрытие женской чувственности как пульсации жизни вскрывает завороченность лирического героя красотой женщины. Метонимический принцип срабатывает тем искуснее, чем более явно поэт выделяет основание для выявления «смежности» понятий – им становится стихийное начало, пугающее и манящее одновременно: «За калитку дорожки глухие // Уводили в запущенный сад, // И присутствие женской стихии // Облекало загадкой уклад».

Нормативное и эвристическое в корреляции этики и эстетики

Как уже было сказано, истоком красоты (в образах природы, женщины) становится витальная энергия. Но, сохраняя импульс жизненной силы, красота сама по себе не всегда может передавать творческий потенциал, как это явствует из художественно-философской системы поэта. Речь идет о том, что все существующее априори «жизненно», поскольку жизнь является онтологической основой мира. Это так называемая «пассивная» причастность бытию, поскольку человек тратит, но не преумножает дарованную ему силу, энергию. Но есть и «плодотворное» существование, суть которого, прежде всего, связывается с творчеством.

Выявленная антитеза играет важную роль в определении красоты в поэзии и прозе Пастернака. Универсализация собственного витально-нравственного чувства, продиктованная различными социально-историческими, культурологическими, личностно-психологическими установками, в художественной концепции поэта реализует оппозицию «совершенной» красоты и красоты «совершаемой» (см. подробно: [Брюханова 2013: 141–148]). «Совершенная» красота – это воплощение законченного жизненного порыва, преобразовавшегося в форму и не имеющего продолжения. Это то, что регламентируется принципами и правилами, то, что легко поддается рациональному критическому взгляду. Красота «совершаемая», напротив, преодолевает законченность, воплощаясь в творческом порыве, поиске, движении. Она ассоциируется не с формой, а с энергией, способной претворять некрасивое (с точки зрения классической эстетики) в притягательное и прекрасное.

В то же самое время отказаться от формы невозможно (и не нужно), но задачей истинного художника является не создание новых форм (что бесполезно и нарочито искусственно), а открытие уже существующих. Именно их узнавание становится условием творческого продолжения, когда красота воспринимается как импульс акта творения: «Красавица моя, вся стать, // Вся суть твоя мне по сердцу, // Вся рвется музыкою стать, // И вся на рифму просится» («Красавица моя, вся стать...», 1931). В лирическом тексте, отрывок из которого здесь приведен, стремление поэта «оформить» красоту рифмой может трактоваться также как попытка уловить красоту, присвоить ее, овладеть ею (снова возвращаемся к исходному посылу о «счастье обладания формой»), сделав частью своего бытия. Поэтому строки «Дай запру я твою красоту // В темном тереме стихотворенья» («Без названия», 1956) не выглядят странными, а отсылают нас к архетипическим образам пленницы и освободителя. Несмотря на кажущееся противоречие, обращение «дай запру я твою красоту...» связано более со спасением, нежели с пленением, потому что, с одной стороны, нужно обуздать стихию («Ты сейчас вся огонь, вся горенье»), с другой – только в темноте, как в недрах земли, может созреть нечто новое, плодотворное. Творческий порыв, инициированный обладанием красотой, становится условием обновления восприятия знакомых форм. Поэтому красота и творчество существуют в едином энергетическом поле, а сила умножения творческого потенциала – главная ценность эстетического начала. Эти утверждения актуализируют широкий историко-культурный контекст, в котором складывалась художественная философия Б. Пастернака. Так, J. W. Dyck говорит о восприятии поэтом красоты как одной из самых мощных сил в процессе становления человеческой личности, указывая на связь между миропониманием Б. Пастернака и традицией Платона, Канта, Шиллера и др.: «...it can be seen how Pasternak – in aesthetic kinship with Plato, Kant, Schiller, and others – recognized beauty as one of the most potent forces in man's process of becoming, and furthermore, how he saw beauty, in spite of its capricious nature, as a possible harmonious oneness...» [Dyck 1974: 613].

Как мы увидели, подвижность формы и способность откликаться на импульсы, исходящие от окружающего мира, становятся определяющими характеристиками для «совершаемой» красоты, которая напрямую связана с «плодотворным» существованием. Вследствие этого в жизненном и творческом пространстве поэта актуализируется выбор между «пассивным» и «плодотворным» бытием.

Поэт (и каждый человек) должен пройти свой путь, но это будет возможно только в случае свободного выбора своего (именно своего) пути. Здесь не нарушается логическая связь и нет противоречия из-за сопряжения антиномичных понятий «свобода» и «предопределенность». Свобода выявляется по отношению ко всем заданным условиям существования человека (прежде всего социальным и историческим), а предназначенность – это выбор самой жизни. Освободившись от навязываемых моделей поведения, можно ощутить единство с миром и свободу предначертанного пути, т. е. «жить, не засоряясь впредь» («Любить иных – тя-

желый крест...», 1931). В религиозной интерпретации это прозвучит как «испить свою чашу до конца», что отражено в судьбе Юрия Живаго. Недаром последнюю главу романа, в которую вошли стихи главного героя, открывает стихотворение «Гамлет», посвященное теме избрания своего пути (сложность собственного выбора кроется в том, что он должен совпасть с «выбором» жизни). Важнейшее усилие Юрия Живаго заключается в осознанном принятии судьбы и следовании своему пути до конца, хотя действия главного героя, особенно в последних главах романа, могут трактоваться как проявление пассивности и инертности.

В свете идеи о «плодотворном» существовании особым образом высвечиваются те эпизоды финальных глав, которые часто остаются непроясненными, в частности, фрагмент, где появляется Танька Безочередева и возникает догадка о том, что она приходится дочерью Ларе и Юрию. Трудно понять, как союз гения и красавицы (а слова эти воспринимались Пастернаком почти как синонимы [Пастернак 2004, III: 233]) дал такой болезненный плод. Как рационально подмечает Гордон, «так было уже несколько раз в истории. Задуманное идеально, возвышенно, – грубело, овеществлялось. Так Греция стала Римом, так русское просвещение стало русской революцией» [Пастернак 2004, IV: 513]. Но можно ли говорить здесь о том, что форма подчинила себе творческую энергию, не дав ей продолжиться? Скорее всего, не стоит отвечать на этот вопрос однозначно. Недаром в Таньке есть нечто, напоминающее о Живаго: «У этой Тани манера улыбаться во все лицо, как была у Юрия <...> На минуту пропадает курносость, угловатость скул, лицо становится привлекательным, милостивым» [Пастернак 2004, IV: 505]. Безусловно, не может быть речи о сопоставлении отца и дочери в плане творческого потенциала, душевной чуткости и зоркости и т. д., но все же есть незавершенность созидательного акта, то есть возможность развития. Сложно представить, что судьба Таньки удивительным образом изменится и примет совершенно иные очертания, хотя предполагаемое вмешательство брата Юрия Живаго – Евграфа – дает основание так думать. Важнее то, насколько она осознанно сделает свой «свободный выбор», даже если этот выбор оставит ее в прежнем положении бельевщицы. И потому она не отличается красотой Лары, что новое время и новые условия еще больше, чем ранее, требуют от человека витального

и нравственного выбора, поиска и утверждения своей «формы», своего пути. Но в этом и трагедия: личная (зерно красоты не прорастет без жизненной воли и творческих сил) и всеобщая (война коверкает форму и истощает содержание).

Выводы

Итак, красота в художественно-философской концепции Б. Пастернака не свойство, не качество, это одна из ипостасей проявления силы жизни, и, как и сама жизнь, она носит амбивалентный характер. Поэтому красота не может оцениваться исключительно с эстетических или нравственных позиций.

Степень проявленности жизненной силы в существующих формах рождает оппозицию «совершенной» и «совершаемой» красоты. «Совершенная» красота – воплощенная в форме энергия жизни, прекратившая свое творческое развитие, в то время как красота «совершаемая» – это силовой импульс, обуславливающий творческий потенциал.

Растрачивание жизни, ее красоты, ее сил на служение ложным идеалам (то есть тому, что истощает витальное начало) противопоставлено «плодотворному» исполнению существования – умножению дарованной энергии, сотворчеству с самим бытием, когда человек осознает свое предназначение и следует ему до конца. Именно преумножение жизненных сил за счет своих собственных не дает творческому порыву остановиться. Происходит борьба с формой и материей, но не борьба со «злом», – это категории онтологического порядка, а не аксиологического. Материя есть «сама необходимость», то есть сила жизни не проявляла бы себя в полной мере без этого ограничительного фактора. Сила тем больше, чем больше сопротивление.

Как видим, содержание ставится Пастернаком выше формы, но форма признается безусловно значимой и необходимой для гармоничного воплощения любой идеи. Такая позиция отчасти тяготеет к идеалистическому вектору философского мышления, однако не может быть объяснена посредством аксиоматического утверждения первичности идеи по отношению к материи. Поэтому корреляция формы и содержания в художественной философии Бориса Пастернака находит точное выражение в тех художественных образах, которые связаны с категорией красоты.

ЛИТЕРАТУРА

- Альфонсов В. Поэзия Бориса Пастернака. – 2-е изд. – СПб.: САГА, 2001. – 384 с.
 Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 384 с.
 Брюханова Ю. М. Концепция красоты в художественно-философской системе Бориса Пастернака // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 141–148.
 Брюханова Ю. М. Творчество Бориса Пастернака как художественная версия философии жизни. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 209 с.
 Газизова А. А. Синтез живого со смыслом. – М.: Знание, 1990. – 48 с.
 Молчанова А. В. Художественная концепция красоты в творчестве Б. Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 155 с.

REFERENCES

- Al'fonsov V. Poetry of Boris Pasternak. – 2nd edition. – SPb.: SAGA, 2001. – 384 p.
 Bergson A. Creative evolution. – M.: KANON-press, Kuchkov pole, 1998. – 384 p.
 Bryukhanova Yu. M. Concept of beauty in the artistic and philosophical system of Boris Pasternak // Siberian Journal of Philology. – 2013. – № 2. – P. 141–148.
 Bryukhanova Yu. M. Creativity Boris Pasternak as an art version of the philosophy of life. – Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk State University, 2010. – 209 p.
 Gazizova A. A. Synthesis of the living with meaning. – M.: Znanie, 1990. – 48 p.
 Molchanova A. V. Artistic concept of beauty in the works of B. Pasternak: dis. ... Candidate of Philology. – Kazan, 2010. – 155 p.

- Озеров Л. А. О Борисе Пастернаке. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
- Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2004. – Т. III: Проза. – 632 с.
- Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2004. – Т. IV. Доктор Живаго, 1945–1955. – 760 с.
- Пастернак Е. Борис Пастернак. Переписка с американским издателем «Доктора Живаго» [Электронный ресурс] // Знамя. – 2005. – № 3. – Режим доступа: znamlit.ru/publication.php?id=2609 (дата обращения: 12.01.2019).
- Сергеева-Кляцис А. Ю. Пастернак. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 365 с.
- Фатеева Н. А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 400 с.
- Яacobson P. Заметки о прозе поэта Пастернака // P. Яacobson. Работы по поэтике: переводы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 324–338.
- Dyck J. W. Boris Pasternak: The Caprice of Beauty // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. – 1974. – Vol. 16. – № 4. – P. 612–626.
- Witt S. Creating Creation. Readings of Pasternak's Doktor Zivago. – Stockholm, 2000. – 157 p.
- Ozerov L. A. About Boris Pasternak. – M.: Znanie, 1990. – 64 p.
- Pasternak B. L. Complete Works: in 11 vol. – M.: SLOVO, 2004. – Vol. III: Prose. – 632 p.
- Pasternak B. L. Complete Works: in 11 vol. – M.: SLOVO, 2004. – Vol. IV. Doctor Zhivago, 1945–1955. – 760 p.
- Pasternak E. Boris Pasternak. Correspondence with the American publisher "Doctor Zhivago" [Electronic resource] // Znamya. – 2005. – № 3. – Mode of access: znamlit.ru/publication.php?id=2609 (date of access: 12.01.2019).
- Sergeeva-Klyatis A. Yu. Pasternak. – M.: Young guard, 2015. – 365 p.
- Fateeva N. A. Poet and Prose: Book about Pasternak. – M.: New Literary Review, 2003. – 400 p.
- Jacobson R. Notes on the prose of the poet Pasternak // R. Jacobson. Works on poetics: translations. – M.: Progress, 1987. – P. 324–338.
- Dyck J. W. Boris Pasternak: The Caprice of Beauty // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. – 1974. – Vol. 16. – № 4. – P. 612–626.
- Witt S. Creating Creation. Readings of Pasternak's Doktor Zivago. – Stockholm, 2000. – 157 p.

Данные об авторе

Брюханова Юлия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы, факультет филологии и журналистики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет (Иркутск).

Адрес: 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 8.
E-mail: okt28@yandex.ru.

Author's information

Bryukhanova Yuliya Mikhaylovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Modern Russian Literature, Faculty of Philology and Journalism, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk).

Пестова Н. В.
Екатеринбург, Россия

ORCID ID: –
E-mail: nv_pestova@mail.ru

УДК 821.112.2(436)-3(Кокошка О.)
DOI 10.26170/fk19-01-18
ББК ШЗЗ(4Авс)5-8,44
ГСНТИ 17.07.29
КОД ВАК 10.01.03

СТИХОТВОРЕНИЕ ОСКАРА КОКОШКИ «ГРЕЗЯЩИЕ ЮНОШИ» – МАЛЕНЬКИЙ ШЕДЕВР ЭКСПРЕССИОНИЗМА: СВОЕ И ЧУЖОЕ

Аннотация. В статье на примере стихотворения в прозе австрийского художника и писателя Оскара Кокошки (1886–1980) «Грезящие юноши» (1908) обсуждается проблема «своего и чужого» в творчестве этого «двойного дарования» в контексте европейского экспрессионизма. Данное стихотворение выбрано в качестве объекта исследования не случайно – во-первых, современное литературоведение считает его «первым новым немецким стихотворением», в котором отразились все возможные характеристики литературы раннего европейского модернизма, а во-вторых – оно представляет собой один из шедевров «синтетического искусства» – Gesamtkunstwerk, этой магистральной линии развития искусства начала XX века. О. Кокошка – один из выдающихся представителей Gesamtkunstwerk, пионер в области «семантического ремонта языка» (Ф. Ницше) и наследник традиций венского модерна в изобразительном искусстве. Проблема, обсуждаемая в статье, затрагивает позицию художника относительно оценки собственного творчества – степени его новаторства, его места в современном искусстве и литературе, его отношения к традициям. В этом вопросе личность О. Кокошки чрезвычайно показательна – поэт, демонстрирующий крайнюю степень неприятия любых параллелей с предшественниками и современниками в автобиографических высказываниях, противоречит себе в собственном творчестве. Художник настаивает на том, что завоевал право на самостоятельность и не подвержен чужому влиянию, но как житель Вены в период расцвета венского модерна, сознательно или бессознательно, впитывает все лучшие образцы литературы и искусства, представленные в известных во всем мире музеях города и обсуждаемые в классах одного из лучших учебных заведений Европы, в Школе ремесел при Музее искусства и индустрии (Kunstgewerbeschule), где учился юный Кокошка. И чем настойчивее он отрицает любое воздействие, особенно экспрессионистские веяния, тем любопытнее рассматривать эти «чужие следы» в его творчестве. Экспрессионизм также претендовал на роль первопроходца и радикального новатора в литературе и искусстве, но позже вынужден был признаться, что подпитывался энергией далеких предков – готикой, искусством Возрождения и примитивных народов, наивным искусством. Экспрессионистское стихотворение О. Кокошки демонстрирует процесс обращения чужого в свое.

Ключевые слова: экспрессионизм; модернизм; югендстиль; синтетическое искусство; литературные стили; австрийская литература; австрийские писатели; литературное творчество; стихотворения в прозе.

Pestova N. V.
Ekaterinburg, Russia

THE POEM “THE DREAMING BOYS” BY OSCAR KOKOSHKA AS A LITTLE MASTERPIECE OF EXPRESSIONISM: OWN AND ALIEN

Abstract. The article discusses the issue of “own and alien” in the creative activity of Oscar Kokoshka (1886–1980), an Austrian painter and writer and “a double genius”, in the context of European expressionism on the material of the prose poem “The Dreaming Boys” (1908). The poem has not been chosen as an object of research at random – first, modern literary studies consider it “the first new German poem” which reflects all possible characteristics of the literature of the early European modernism, and, second, it represents one of the masterpieces of the “synthetic art” – Gesamtkunstwerk, which is the central line of development of art of the early 20th century. O. Kokoshka is an outstanding representative of the Gesamtkunstwerk, a pioneer in the field of “semantic language repair” (F. Nietzsche) and the follower of the traditions of Viennese modernism in fine arts. The problem under discussion in the article touches upon the artist’s position towards assessment of his own creative activity – the degree of its novelty, its place in the modern art and literature, and its relation to the traditions. The personality of O. Kokoshka is rather significant in this respect – the poet demonstrating the highest degree of rejection of any comparison to the predecessors and contemporaries in autobiographical declarations contradicts himself in his own creative work. The artist insists that he has gained the right to independence and is not subject to any influence. But, as a resident of Vienna during the flourish of Viennese modernism he is imbued, either consciously or subconsciously, with the best works of literature and arts displayed in the world famous museums of the city and discussed in the auditoriums of one the best education institutions in Europe – the School of Arts and Crafts at the Museum of Art and Industry (Kunstgewerbeschule), where O. Kokoshka studied in his youth. And the more vehemently he rejects any intervention, especially expressionist influence, the more interesting it becomes to observe these “alien traces” in his creative activity. Expressionism also pretended on the pioneering role of a radical innovator in literature and fine arts, but later had to confess that it was supported by the energy of the far ancestors – the gothic art, the art of Renaissance and primitive peoples, and the naïve art. The expressionist poem by O. Kokoshka demonstrates the process of turning the alien into the own.

Keywords: expressionism; modernism; Art Nouveau, synthetic art; literary styles; Austrian literature; Austrian writers; literary creativity; poems in prose.

Для цитирования: Пестова, Н. В. Стихотворение Оскара Кокошки «Грезящие юноши» – маленький шедевр экспрессионизма: свое и чужое / Н. В. Пестова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 125–129. DOI 10.26170/fk19-01-18.

For citation: Pestova, N. V. The Poem “The Dreaming Boys” by Oscar Kokoshka as a Little Masterpiece of Expressionism: Own and Alien / N. V. Pestova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 125–129. DOI 10.26170/fk19-01-18.

Im vorliegenden Beitrag geht es um jene Einflüsse und Anregungen der europäischen und nicht europäischen Kunst und Literatur, die der österreichische Künstler und Dichter Oskar Kokoschka (1886–1980), eine der bedeutendsten Doppelbegabungen der Wiener Moderne und des frühen europäischen Expressionismus, bewusst oder unbewusst in sein Frühwerk, das Gedicht in Prosa „Die träumenden Knaben“, 1907/08 einmontiert hat. Es wird ein Versuch unternommen, offensichtliche und latente kunstgeschichtliche und literarische Parallelen zu ziehen, Verbindungen mit aktuellen zeitgenössischen sozialgeschichtlichen und naturwissenschaftlichen Diskursen aufzubauen und damit das hervorragende lyrische Ergebnis des jungen Dichters „zwischen dem Fremden und dem Eigenen“ genauer zu verorten. Es kommt darauf an, den Wert dieses Frühwerks als „des ersten neuen deutschen Gedichtes“ in diesem Spannungsfeld sich herauskristallisieren und gelten zu lassen.

Für eine intensive Aneignung des Fremden sowie für die rasche Entwicklung des Eigenen gab es im Fall Kokoschka einen ausgesprochen fruchtbaren Nährboden und einmalige Voraussetzungen. Die weltberühmten Meisterwerke solcher „Hausmuseen“ Wiens wie das Kunsthistorische Museum oder Belvedere, exotische Exponate der nicht europäischen Kulturen und erstarrte Fossilien des Naturhistorischen Museums, zahlreiche Kunstausstellungen moderner Künstler in der Metropole, die Kunststücke hoher Qualität der Lehrer und Mitschüler der Kunstgewerbeschule des Österreichischen Museums für Kunst und Industrie, die Kokoschka seit 1905/6 besuchte, zahlreiche Bestellungen der Wiener Werkstätten (wie z. B. Postkarten) und unterschiedliche Unterrichtsaufgaben waren eine unerschöpfliche Quelle der Inspiration und eine Herausforderung für den eigensinnigen und ehrgeizigen jungen Künstler, der sich am Anfang ohne besondere Förderung oder Gönner durchsetzen musste. Man badete in der Aura des Jugendstils, im fließenden Gold von Gustav Klimt und in der einzigartigen grünen Farbe von Otto Wagner. Die ganze Stadt vibrierte und füllte einfühlsame Menschen mit ihrer Energie und ihrem Glanz. Solche Phänomene wie „Sigmund Freud“ oder „Otto Weininger“ Anfang des XX. Jhs. waren im damaligen Wien nicht nur große Mode, sondern Leitsterne für sehr empfindliche schöpferische Geister und wichtige Denkfiguren der modernen Literatur und Kunst in ganz Europa. Und trotzdem weisen mehrere Stellen in Kokoschka's Autobiographie „Mein Leben“ darauf hin, wie beharrlich er sich von diesen wirkungsvollen Mustern und der Turbulenz der Hauptstadt distanzierte, wie angeblich weit, ja „unberührt“, er sich „von allen geistigen und politischen Strömungen fühlte“ [Kokoschka 2008: 55]. „Erstens verstand ich nichts davon und dann wollte ich einfach nichts damit zu tun haben. Mit einer mir angeborenen Beharrlichkeit verfolgte ich, was mich selber betraf; für das Weltgeschehen hatte ich kein Organ“ [ebd.: 55–56]. Diese Behauptung galt auch im vollen Maße dem Expressionismus, der sich wie „durch Osmose“ [Paulsen 1960: 104] über Europa Ende des ersten Jahrzehnts des XX. Jhs. verbreitete. Kokoschka stellte sich aber davon nicht im Geringsten hingerissen und bestand darauf, dass er nur wenige der Künstler des „Sturm“-Kreises persönlich gekannt und sich kaum für ihre Formprobleme noch für ihre moralischen Ideen interessiert hatte. Wichtig war ihm auch hervorzuheben, dass er keine Manifeste verfasst oder signiert hatte. So

verstand er seine „hart errungene Selbständigkeit“, die er nicht mehr von anderen kontrollieren lassen wollte – „Dies ist Freiheit, wie ich sie verstehe“ [Kokoschka 2008: 115]. Es sieht so aus, als hätte er sich während seiner Schulzeit in der Kunstgewerbeschule für immer gegen jeden fremden Einfluss impfen lassen: einer seiner damaligen Lieblingslehrer, Carl Otto Czeschka (1878–1960), hat ihm 1906 vorgeworfen, er ahme den Stil eines anderen Mitschülers, Rudolf Kalvach (1883–1932), nach: „Bald machte Koko solche Sachen wie Kalvach! Gott! Ich musste dieser Mimose von Koko langsam beibringen, dass er auf ganz falschem Wege sei – dass man so etwas nicht tun soll – sondern sein inneres Ich finden solle“ [Zit. nach: Neuwirth 2012: 59–60]. Nun kommt die Rache erst später, als Kalvach längst nicht mehr lebte: der Name Kalvach taucht bei Kokoschka nirgends auf, weder in der Autobiographie, noch in vielen Briefen, lebenslang keine einzige Erwähnung! Kokoschka degradiert den Künstler Kalvach gnadenlos zu einer belanglosen Episode, die nicht der Rede wert sei. Doch Kalvach fehlt zu Recht in keiner wichtigen Publikation über den frühen Kokoschka [Tiddia 2012; Natter 2012]. „Zu offensichtlich sind die Auseinandersetzungen und Einflusszonen der beiden jungen Künstler. Gerade diese Nähe mag für Kokoschka im Nachhinein irritierend gewesen sein“ [Neuwirth 2012: 57]. Kam Kokoschka nie auf die Idee z. B. seine «Windbraut» aus dem Jahre 1913 mit der „Meerjungfrau“ von Kalvach, die ein Jahr früher, 1912 entstand, zu vergleichen (R. Kalvach. Meerjungfrau (1909/1912). Email auf Kupfer)? Dieses komplizierte Beziehungsgeflecht seiner Schulzeit, das immer wieder in seinem frühen Werk zum Schein kommt und Diskussionen anregt, bewegt ihn wahrscheinlich später, jede Art von „fremden Spuren“ definitiv abzusagen. So ließ er 1913 seinen Freund und bekannten Musik-Kritiker Paul Stefan in der Einleitung zu seinem Buch „Dramen und Bilder“, das von K. Wolff 1913 in Leipzig veröffentlicht wurde, verkünden, dass Kokoschka „niemandem nie nichts nachgemacht habe“ [Zit. nach: Wolff 1965: 93]. Anlässlich der skandalösen Erstaufführung seines Theaterstücks „Mörder, Hoffnung der Frauen“ bei der Kunstschau Wien (1909) sagte er Jahre später: „Es hat trotz aller gelehrten Referate nichts mit einer Absage an die Gesellschaft oder mit irgendwelchen Weltverbesserungsplänen zu tun, wie sie dem literarischen Umbruch und Stilwandel eigen sind, den man Expressionismus nennt“ [Kokoschka 2008: 65]. Wir lassen da seine zu einseitige und etwas unreife Auffassung der Kunstbewegung als „eine Absage an die Gesellschaft“ außer Acht (dafür scheint er damals in der Tat „kein Organ“ zu haben bzw. haben zu wollen), wobei er diese Worte Jahrzehnte später fallen ließ, als sich der Expressionismus längst sowohl in Wien, als auch in ganz Europa etabliert hatte. Aber wir würden ihm doch nicht so sehr gern glauben, wenn er sich im turbulenten Zentrum der Wiener Moderne als „unberührt“ erklärt. Ist denn so was möglich? Für den Schüler einer der fortschrittlichsten Kunstschulen Europas, dieser künstlerisch vibrierenden Gemeinschaft, die alles Neue in sich konzentrierte, ja fast beschwor und willkommen hieß, wäre eine Verleugnung so einer unverkennbaren Tatsache wie ein allumfassender Stil- und Gefühlswandel Anfang des XX. Jhs. fast zu naiv und infantil. Da bestreitet aber Kokoschka die grundlegende These der Theoretiker des Expressionismus, dass der „nun eine ganze Generation ergreift. Eine ganze Generation Europas“ [Edschmid 1994:

66]. Die talentvolle Doppelbegabung Oskar Kokoschka ist nicht ein passiver Teil dieser Generation, er ist einer seiner hervorragenden Vertreter und ein echter Bahnbrecher. Übrigens hat er seine eigenen Äußerungen mehrmals widerlegt (und solche Selbstwiderlegungen müssen wir ja in Kauf nehmen, genauso wie seine Egomane) – sein Plakat zur berühmten Aufführung vom Einakter „Mörder, Hoffnung der Frauen“ kommentierte er folgenderweise: „Das Plakat, das ich sofort in Farben ausführte und drucken ließ, zeigte den Inhalt des Stückes: Der Mann ist blutig rot, das ist die Lebensfarbe, aber tot liegt er im Schoß einer Frau, die weiß ist; das ist die Todesfarbe. Wenn das Schlagwort Expressionismus einen Sinn hat, hier ist eine der frühesten Kundgebungen in diesem Sinn“ [Kokoschka 2008: 62]. Da irrt er sich aber, denn das früheste Muster solcher Kundgebung von seiner Hand ist etwa ein Jahr jünger und heißt „Die träumenden Knaben“, ein wunderschönes Gedichtbüchlein, das der 22-jährige Kokoschka zur Kunstschau Wien 1908 vorbereitet und Gustav Klimt gewidmet hat. Die feinste Buchausführung im Geiste der Sezession, der Wiener Werkstätten und des Jugendstils schlechthin zusammen mit aktuellster Problematik der Moderne sowie mit den neusten poetischen und graphischen Tendenzen machen es zu einem der ersten Gesamtkunstwerke des Expressionismus. Aber ausgerechnet dieses bahnbrechende Frühwerk zeigt am deutlichsten, wie tief die Kultur, ja die ganze Atmosphäre der Wiener Moderne in diesem poetischen Kleinod wurzelt und es bestimmt.

Wie es aus seiner Autobiographie hervorkommt, ändert sich seine Einschätzung vom Expressionismus mit der Zeit grundsätzlich, auch wenn er sich selbst immer noch nicht „im Banne“ dieser Kunstströmung anzuerkennen vermag. Nun meint er Jahrzehnte später, der Expressionismus „war eine Zeiterscheinung, keine Kunstmode“ [Kokoschka 2008: 114]. Noch mehr – er „sollte konkurrieren mit der Entdeckung von Psychoanalyse von Sigmund Freud und der Quantentheorie von Max Plank“ [ebd.]. Zu ähnlichen Schlussfolgerungen in Bezug auf eine enge Verbindung des Expressionismus mit dem wissenschaftlichen Diskurs kamen viele Theoretiker der Kunstbewegung, darunter solche Kokoschka's Landsleute, wie die zwei berühmten Wiener Paul Hatvani (1892–1975) und Robert Müller (1887–1924). P. Hatvani nannte diese Konstellation bereits im Jahre 1917 „ein beachtenswertes Zusammentreffen geistiger Erlebnisse: gleichzeitig fast mit der Geburt der neuen expressionistischen Kunst begann sich die neue Relativitätstheorie (vor Allem Einstein) der Naturwissenschaften zu bemächtigen“ [Hatvani 1994: 71]. Die gleichen Ideen des neuen naturwissenschaftlichen und philosophischen Weltbildes, die sich in der expressionistischen Kunst widerspiegelten und noch mehr – sie bestimmten, fasste R. Müller eben auch 1917 in solche Begriffe, wie „Relativitätsmensch“, „elastische Systeme“ und behauptete: „Die Maßstäbe sind relativ, sie federn“ oder „Wir gehen zu den elastischen Systemen über. Die klassischen starren Systeme sind Grenzfall und befriedigen nur fallweise“ <...> Der Kommende ist ein Relativitätsmensch...“ [Müller 1920: 7, 9]. Eine Brücke von der Naturwissenschaft zur Kunst schlagend, ruft er auf: „Das Bild des Malers schaukelt. Schaukeln Sie mit, geben Sie Ihre eigene Starre auf – das ist Expressionismus“ [ebd.]. „Seine eigene Starre“ hat O. Kokoschka sowohl in seinem malerischen als auch in seinem lyrischen Frühwerk offen-

sichtlich für immer aufgegeben. Er sieht ja sogar weiter als die genannten Theoretiker, indem er sagt, dass im Expressionismus „jedoch eine Chance für das geistige Überleben Europas gelegen <wäre>, die man noch heute übersieht“ [Kokoschka 2008: 114]. Hut ab! Welch eine weise Prophezeiung! Er anerkannte den Expressionismus viele Jahre später „als ein moralisches und kulturelles Aufschließen des Inneren des Menschen“ und als „eine Transformation des geistigen Lebens“ [ebd.]. Kaum jemand anderer seiner nicht theoretisch tätigen Zeitgenossen hat das schicksalhafte Wesen der Kunsterscheinung eingesehen und so triftig, in so einer knappen Form den Sinn der auf die Zukunft gerichteten Kunst festgelegt. Nun gibt uns wohl so ein tiefes Eindringen des Künstlers in den Bedeutungskern der Erscheinung das Recht, trotz seinem heftig bekundeten Nichtwollen, ihn doch der expressionistischen Generation zuzuzählen. Eigentlich überlegte er sich es anders, als er in seinem Autobiographie-Buch später behauptete, er „bestimmte wesentlich mit seinen graphischen Werken den „Sturm“ in seinem ersten Jahrgang 1910, auch noch im nächsten und übernächsten Jahr“ [ebd.: 103]. Ob der Herausgeber der Zeitschrift, der große Literaturpolitiker und der Motor der Kunstbewegung, Herwarth Walden (1878–1941), ihm auch zustimmen würde, wissen wir nicht. Aber davon gehen wir auch aus, wenn wir „Die träumenden Knaben“ im expressionistischen Diskurs sowie im großen kulturellen Kontext Wiens der Jahrhundertwende zu platzieren versuchen.

Das Gedicht besteht aus einem Prolog und sieben Träumen [Huysman 1991– 92], jeder von denen ein vollendetes Fragment mit eigenem Titel darstellt. Das Büchlein war mit acht Farblithographien und zwei schwarz-weißen Illustrationen ausgestattet. Diese Dichtung, die ursprünglich als ein Märchenbuch für Kinder gedacht und als ein Liebesbrief geschrieben wurde, weist eine Verschmelzung von seiner privaten, persönlichen Mythologie [Kokoschka 1984: 7], einer Kette von Visionen und märchenhaften Bildern, die nicht leicht zu deuten sind, mit vielen bekannten literarischen Motiven und dekadenten Themen auf. Die Literaturhistoriker haben auf die Parallelen mit Schöpfungen von J. W. von Goethe, A. Rimbaud, G. Apollinaire, H. von Hofmannsthal, F. Dostojewski, F. Wedekind, S. George, P. Altenberg etc. hingewiesen [Oskar Kokoschka 2008: 80]. In den Lithographien sind die Anregungen von vielen alten und zeitgenössischen Malern und Bildhauern stark zu spüren: L. Cranach, P. Bruegel d. Ä., P. Gauguin, A. Rodin, G. Minne, G. Klimt, F. Hodler, R. Kalvach, E. Luksch-Markowska u.a., deren Werke zu den Schätzen der weltberühmten Wiener Museen zählten. Man konnte das alles ohne weiteres „zu Hause“ einsaugen und verarbeiten. Dieses künstlerische Umfeld fand seinen unmittelbaren oder getarnten Ausdruck in vielen Hinsichten. So könnte man die wichtigsten Strukturprinzipien des behandelten Werks dem Einfluss von Gauguins Buch „Noa Noa“ zuschreiben: dieses entstand in Form eines Tagebuches nach dem Aufenthalt des Malers auf Tahiti 1893/94. Kokoschka wusste darüber Bescheid dank einer ausführlichen Rezension von Ludwig Havesi, die er anlässlich der Gauguin-Ausstellung in der Wiener Galerie Miethke im Mai 1907 verfasste. Bei Kokoschka, wie auch bei Gauguin, besteht zwischen dem Text und den Lithographien kein direkter Zusammenhang [Oskar Kokoschka 2008: 101–102], kein einziges Textfrag-

ment am Rande des Blattes entspricht genau der darauf dargestellten Geschichte. Die, so Freud, „Gedanken des Traumes“ und der „Inhalt des Traumes“ gehen auseinander, indem sie die Mechanismen des Traums und der Traumdeutung widerspiegeln. Diese Tatsache eröffnet einen sehr weiten suggestiven Raum der eventuellen Interpretation und Deutung, der durch Mechanismen der „Verschiebung“ und der „Verdichtung“ durchdrungen ist. Diese Mechanismen sind von Freud in seinem Werk „Traumdeutung“ (1900) dargelegt worden. Sollte Kokoschka diesen Zusammenhang als eine „freie Deutung“ erklären, so würde er in einem anderen Fall kaum eine Anspielung auf etwas Fremdes und zwar sehr Bekanntes wie „Röslein, Röslein, Röslein rot“ leugnen – der Prolog des Gedichtes beginnt folgenderweise:

rot fischlein
fischlein rot
stech dich mit dem dreischneidigen messer tot
reiß dich mit meinen fingern entzwei
daß dem stummen kreisen ein ende sei

rot fischlein
fischlein rot
mein messerlein ist rot
meine fingerlein sind rot
in der schale sinkt ein fischlein tot [Kokoschka 1996: 9]

«Der wilde Knabe» von Goethe begehrt sein Röslein («war so jung und morgenschön»), genauso, wie der „träumende Knabe“ Kokoschka seine wunderschöne Mitschülerin Lilith Lang begehrt, der er im Gedicht seine heimliche Liebe gesteht. Auch die Reaktion „der beiden Geliebten“ hat etwas Ähnliches: „Röslein sagt / Ich steche dich, dass du ewig denkst an mich.../ Röslein wehrte sich und stach, / Half ihm doch kein Weh und Ach, / Mußt es eben leiden“. Der abgewiesene junge Kokoschka litt sehr und konnte seine erotischen Visionen, seine heißen Träume und „kranke Nächte“ nur in dichterischer Form loswerden: «zu viel hitze überkam mich in der nacht» [Kokoschka 1996: 36]. Nun sehen wir sowohl im Text als auch in den Lithographien die am Tage nicht erfüllten und vertriebenen Wünsche, die sich aber im Traum vollkommen verwirklichen: „und ich war ein taumelnder / als ich mein fleisch erkannte / und ein allesliebender / als ich mit einem mädchen sprach“ [Kokoschka 1996: 37]. Nur im Traum wagt der scheue Junge das Objekt seiner Begierde anzusprechen und den Trieb seines Fleisches zu stillen. Er zitiert ja förmlich die Grundideen von S. Freud, dessen Einfluss er so leidenschaftlich leugnet. Ist das nicht seltsam? Ganz Europa stand zu jener Zeit unter dem Motto „Traum“. So ist das Schlüsselwort des Gedichtes das Verb „träumen“, das sich in allerlei semantischer und syntaktischer Umgebung wiederholt und die narrative Struktur des Ganzen bestimmt:

und ich fiel nieder und träumte
und ich fiel und träumte die kranke nacht
und ich fiel nieder und träumte von unaufhaltbaren änderungen
in mir träumt es und meine träume sind wie der norden
bange stunden träume ich schluchzend und zuckend wie kinder
und ich fiel nieder und träumte die liebe
und ich träumte wie ein zungenfeuchter baum ist mein leib
und ich fiel nieder und träumte dem morgen zu
und wieder fiel ich nieder und träumte [Kokoschka 1996: 9–37]

Der erotische Kontext ist „ein typisches Produkt des Wiener Jugendstils in seiner schönsten Ausformung und

auf seinem Höhepunkt“ [Oskar Kokoschka 2008:102], aber auch gleichzeitig ein typisches Beispiel der expressionistischen Behandlung einer Frau wie eines fremden Wesens: bald erscheint sie als ein rotes Fischlein, bald als eine Rentierreiterin, bald als ein Rentier mit Gehörn, bald als Maria mit dem Kinde oder eine blaue Blume – man kann nur staunen, wie verschieden sie sein kann – «schneewälder stehen um dich wie staunende knaben» [Kokoschka 1996: 33]. Kokoschka experimentiert mit der Sprache ganz und gar auf expressionistische Art – auf der Suche nach einem tieferen oder anderen Sinn des Wortes vermeidet er die starren Regeln der semantischen und syntaktischen Kongruenz, er ändert ganz willkürlich den Satzbau der Ausdruckskraft halber, kreiert neue Lexeme, die z. B. auf die Gestalten von G. Klimt hinweisen. So werden Klimt's berühmte «Wasserschlangen» in Kokoschka's Gedicht zu „blutraserinnen“, die sich wie „geisterschlangen“ um „wassersäulen“ ringeln. Für die Auswahl der Wörter, die „wie aus dem Unterbewusstsein auftauchen“, verglich A. Ehrenstein die Sprache des Gedichtes mit der „Schmetterlingsprache“ und behauptete: seine „Rhythmen atmen buchfremde Poesie“ [Ehrenstein 1925: 111]. Das Mädchen Li und der träumende Knabe selbst, so wie die zweitrangigen Figuren, „tanzen“ auf den Lithographien einen Ausdruckstanz, der zu jener Zeit in allen expressionistischen Kreisen und nicht nur in denen große Mode geworden ist. Dabei erinnern alle männlichen und weiblichen Figuren an die ausdrucksvollen mageren Knabenfiguren von dem belgischen Bildhauer G. Minne. Der ist wohl der einzige Künstler, dessen Einfluss Kokoschka offen gesteht, der junge Künstler bewunderte den Belgier und seinen schlanken, großen und sehr gebrechlichen Knabentyp, der in die „Träumenden Knaben“ direkt übernommen wurde.

Das Werk ist unverkennbar von allen Seiten von expressionistischen Grundgedanken, Topoi und Farblichtern bestrahlt und befruchtet: sei es Psychoanalyse oder Sprachphilosophie, Ethik oder Ästhetik, besonderes Weltgefühl oder Farbempfindung, Einfühlungsvermögen oder sozial-gesellschaftliche Problematik. Je deutlicher sich all diese Züge in Kokoschka's Schaffen abzeichnen, desto seltsamer erscheint sein Rebell gegen alle eventuellen Vorbilder. Kokoschka hasste nichts mehr, als wenn Kunsthistoriker in seinem Werk Einflüsse zeitgenössischer Künstler aufzuzeigen versuchten. So wehrte sich Kokoschka zeitlebens dagegen, „in einem Atemzuge mit Schiele genannt zu werden, den er als ‘Wiener Pornograph und Nachahmer’ zu beschimpfen pflegte“ [Bonneto 2018: 53]. Egon Schiele ginge „ihm auf die Nerven, wie alle <seine> Nachahmer“ [ebd.]. In seinem Bestreben, der Erste gewesen zu sein, scheute er nicht mal vor irritierenden Fälschungen, indem er seine Werke vordatierte, wie z. B. das Stück, das ihn zum Bürgerschreck in Wien machte – er behauptete, dass „Mörder, Hoffnung der Frauen“ bereits 1907 im Kunstschautheater aufgeführt wurde [ebd.:51], was bekanntlich nicht stimmt. Die Reaktion des Publikums und die der Kritik begründete er wie folgt: „Ich begreife wohl, dass die Wiener Gesellschaft damals, wie später nach dem Krieg auch die Berliner, meine Stücke nicht verstehen konnte. In der jüngsten Zeit erst versucht man aus ihnen Einflüsse von Sigmund Freud oder Claudel herauszulesen oder sie als Sonne-und-Mond-Mythos zu deuten; aber solche Interpretationen gefallen mir nicht“ [Kokoschka 2008: 67].

O. Kokoschka ist nicht der einzige Vertreter der expressionistischen Generation, der auf der Ansicht beharrte, jedes Suchen nach den Vorfahren in seinem Schaffen wäre vergebens bzw. spekulativ. So wehrte sich Ernst Ludwig Kirchner, einer der Begründer der Dresdener Künstlergruppe „Die Brücke“, zeitlebens gegen Behauptungen, dass sein Werk von französischen Künstlern wie beispielsweise Matisse abhängig sei [Bonnefoit 2018: 50]. Wie R. Bonnefoit solches hartnäckige Leugnen von Vorbildern kommentiert, ging Kirchner auf diesem Weg der Verneinung jeglicher Einflüsse bekanntlich so weit, dass er sogar einen angeblich französischen Kunstkritiker namens Louis de Marsalle erfand, den er unter diesem Pseudonym in etwa sechs Aufsätzen sein eigenes Werk als ein unabhängiges sehr loben ließ. Kirchner hoffte sehr „mit Hilfe dieses Franzosen beweisen zu können“, dass seine Arbeit „rein von der zeitgenössischen französischen Kunst entstand und sich entwickelt hat“ [Zit. nach: Bonnefoit 2018: 50].

Solche Hartnäckigkeit erscheint ja grundlos und fast unbegreiflich, wenn man die zeitgenössischen theoretischen Auslegungen zu eventuellen Herkunftsquellen des Expressionismus näher betrachtet. So behauptete Franz Marc, einer der Begründer der Münchener Künstlergruppe „Der Blaue Reiter“, dessen Namen man immer in einem Atemzug mit dem Leiter der Dresdener „Brücke“ Kirchner ausspricht: „Wir wissen, dass die Grundideen von dem, was heute gefühlt und geschaffen wird, schon vor uns bestanden haben, und weisen mit Betonung darauf hin, dass sie in ihrem Wesen *nicht neu* sind; aber die Tatsache, dass neue Formen heute an allen Enden Europas hervorsprossen wie eine schöne, ungeahnte Saat, das muss verkündet werden und auf allen Stellen hingewiesen werden, wo Neues entsteht“ [Zit. nach: Tobien 1996: 7]. K. Edschmid be-

fasste sich ganz speziell mit dieser Frage und bereits 1918 stellte er fest: „Der Expressionismus hat vielerlei Ahnen, gemäß dem Großen und Totalen, das seiner Idee zugrunde liegt, in aller Welt, in aller Zeit“ [Edschmid 1994: 55]. Die eingehenden Studien der Kunst vergangener Jahrhunderte so wie allerlei Ausdrucksformen des lebendigen Expressionismus selbst führten ihn zur folgenden Schlussfolgerung: „Es gab Expressionismus in jeder Zeit. <...> Ausgebaut in großen Zeiten mächtiger Ergriffenheit, gespeist aus tiefen Schichten harmonisch gesteigerten Lebens, einer breit ins Hohe wachsenden, in Harmonie gebildeter Tradition wurde er Stil der Gesamtheit: Assyrer, Perser, Griechen, die Gotik, Ägypter, die Primitiven, altdeutsche Maler hatten ihn“ [ebd.: 65–66]. Nun versuchte K. Edschmid diese Feststellung nach den genaueren Gründen dieser Gesamtheit zu überprüfen und diese möglichst eindeutig zu formulieren: „Bei ganz tiefen Völkern <...> wurde er *anonymer Ausdruck der Angst und Ehrfurcht*. Großen einzelnen Meistern, deren Seele von Fruchtbarkeit übertoll war, heftete er sich *als natürlicher Ausdruck* in ihr Werk. Er war in der dramatischen Ekstase bei Grünewald, lyrisch in den Jesuliedern der Nonne, bewegt bei Shakespeare, in der Starre bei Strindberg, unerbittlich in der Weichheit bei den Märchen der Chinesen“ [ebd.: 66]. Also als „natürlicher anonymer Ausdruck“ des tiefsten Inneren des Menschen wohnten die expressionistischen Züge in der Kunst seit jeher inne. Aber trotz der programmatischen Erklärungen der Theoretiker der Kunstbewegung kam es für viele expressionistische Künstler darauf an, ihre Unabhängigkeit von fremden Einflüssen – ob zeitgenössischen oder denen der Vergangenheit – auf verschiedene Art und Weise zu bekunden und zu betonen. Am Beispiel des Gedichtes von Kokoschka könnte man das Gegenteil exemplarisch vorführen.

LITERATURVERZEICHNIS

Bonnefoit R. Ernst Ludwig Kirchner und Oskar Kokoschka Im Kirchner Museum Davos // Ernst Ludwig Kirchner & Oskar Kokoschka / hrsg. von R. Bonnefoit, Th. Sadowsky. – Kirchner Museum Davos: KEHRER, 2018. – S. 13–129.

Edschmid K. Über den dichterischen Expressionismus // Theorie des Expressionismus / hrsg. von O. F. Best. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1994. – S. 55–66.

Ehrenstein A. Oskar Kokoschka // Menschen und Affen. – Berlin: Rowohlt Verlag, 1925. – 120 S.

Hatvani P. Versuch über den Expressionismus // Theorie des Expressionismus. – 1994. – S. 68–73.

Huysman L. Kein Märchenbuch für Philisterkinder. Die «Träumenden Knaben» von Oskar Kokoschka: eine Gedichtanalyse. Lizentiatsarbeit. – Gent: 1991–1992. – 120 S.

Kokoschka O. Die träumenden Knaben. Geschrieben und gezeichnet von Oskar Kokoschka. – Frankfurt/Main; Leipzig: Insel Verlag, 1996. – 54 S.

Kokoschka O. Mein Leben. – Wien: metroverlag, 2008. – 335 S.

Kokoschka O. Briefe / hrsg. von Olda Kokoschka und H. Spielmann. – Düsseldorf: Claassen, 1984. – Bd. I: 1905–1919.

Müller R. Die Zeitrasse // Der Anbruch: Ein Jahrbuch neuer Jugend / hrsg. von O. Schneider; A. E. Ruthra. – München: Roland Verlag, 1920. – S. 5–9.

Natter T. G. Rudolf Kalvach: Ikarus zwischen Jugendstil und Expressionismus // Fantastisch! Rudolf Kalvach: Wien und Triest um 1900. Katalog der Ausstellung im Leopold Museum. – Wien: by Leopold Museum-Privatstiftung im MQ, 2012. – S. 7–12.

Neuwirth M. Kokoschka und Kalvach // Fantastisch! Rudolf Kalvach: Wien und Triest um 1900. Katalog der Ausstellung im Leopold Museum. – Wien: by Leopold Museum-Privatstiftung im MQ, 2012. – S. 55–65.

Oskar Kokoschka. Träumender Knabe – Enfant terrible, 1906 bis 1922 / hrsg. von A. Husslein-Arco, F. Weidinger. Katalog der Ausstellung in Belvedere 24. Januar – 12. Mai 2008. – Weitra: Verlag Bibliothek der Provinz, 2008. – 297 S.

Paulsen W. Georg Kaiser. Die Perspektiven seines Werkes. Mit einem Anhang: Das dichterische und das essayistische Werk Georg Kaisers. Eine historisch-kritische Bibliographie. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1960. 184 S.

Tiddia A. «Wie ein Stern an unserem Kunsthimmel»: Rudolf Kalvach zwischen Wien und Triest // Fantastisch! Rudolf Kalvach. – 2012. S. 15–31.

Tobien F. Der Blaue Reiter. – Kirchdorf a. Inn: Berghaus, 1996. – 140 S.

Wolff K. Autoren, Bücher, Abenteuer, Betrachtungen und Erinnerungen eines Verlegers. Mit einem Anhang: K. Wolff. Lebensdaten, und einer Bibliographie: Bücher in den Verlagen Kurt Wolffs / zusammengest. von Helen Wolff. – Berlin: Verlag Klaus Wagenbach, 1965. – 117 S.

Данные об авторе

Пестова Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Екатеринбург).
E-mail: nv_pestova@mail.ru

Author's information

Pestova Natalia Vasilievna – Doctor of Philology, Professor, independent researcher (Ekaterinburg).

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ В ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «ФОМА ГОРДЕЕВ»

Аннотация. В статье выявляются и анализируются различные точки зрения героев повести М. Горького «Фома Гордеев», рассматривается их сложное соотношение, поддерживаемое определенными мотивами: труда или дела, разобщенности, одиночества, обогащения и поиска своего места в жизни. Доказывается, что соотношение точек зрения героев, понимаемых автором как позиции, с которых рассматриваются события, является одним из ярких художественных приемов раннего творчества Горького. Этот прием в эпоху рубежа веков, время переворота всего и нового осмысления многих понятий мог быть использован в связи с нежеланием открытого выражения Горьким своего авторского мнения. Слагая причудливый сюжет, сталкивая героев, писатель не ставит акцентов, предлагая выбор правды читателю. Голос повествователя является доминирующим, начинающим и завершающим эпическое повествование, а вместе с тем лишь обрамляющим различные точки зрения персонажей. Многоголосие повести и продуманное соотношение между автором, повествователем и героями позволило Горькому создать галерею живых, стереоскопических персонажей, подчеркнуть драматические основы русской жизни изображаемого периода и свести все голоса к единому знаменателю. Соотношение точек зрения героев становится одной из основ композиции произведения и приводит к осознанию причин неудач многих персонажей. Автор статьи анализирует способы введения в художественный текст образов говорящих людей, подчеркивает наличие в произведении особых емких выражений, призванных воздействовать на реципиента путем предложения ему «формул мудрости», которые должны оцениваться читателем критически. Вероятнее всего, соотношение точек зрения в повести как особый прием, с одной стороны, уже было обусловлено, а, с другой стороны, могло повлиять на своеобразную мозаичность становящегося художественного метода Горького. Кроме того, особенности повествования и содержательные аспекты композиции позволяют нам говорить о том, что в повести «Фома Гордеев» Горький творчески осваивает и активно использует находки русских классиков второй половины XIX века.

Ключевые слова:
точка зрения; многоголосие; литературные мотивы; русские писатели; литературное творчество; повесть.

Andreeva V. G.
Kostroma, Russia

PROBLEM OF A RATIO OF THE POINTS OF VIEW IN THE NOVEL "FOMA GORDEYEV" BY MAXIM GORKY

Abstract. Various points of view of the characters of the novel "Foma Gordeyev" by Maxim Gorky come to light and are analysed in the article, their complicated ratio supported by certain motives – work or business, dissociation, loneliness, enrichment and search of the place in life – is considered. It is proved that the ratio of the characters' points of view understood by the author as positions, from which events are considered, is among the bright artistic touches of early works of Maxim Gorky. This inclusion in the Fin de siècle era, time of the overall overturn and of the new judgement of many concepts could be used in connection with unwillingness of Maxim Gorky's open expression of his author's opinion. Composing a fancy plot, bringing heroes together, the writer offers the sooth at the reader's discretion rather than making emphases. The narrator's voice is dominating, beginning and finishing the epic narration, at the same time only framing various points of view of the characters. The polyphony of the novel and the thought-over ratio between the author, the storyteller and the heroes allowed Maxim Gorky creating gallery of living, spatial characters, emphasising dramatic bases of the Russian life of the represented period and reducing all voices to a uniform denominator. The ratio of the heroes' points of view becomes one of the bases of the work's composition and leads to understanding of the reasons of failures of many characters. The author of the article analyses ways of introducing the speaking people's images to the artistic text, emphasises existence of the special sayings for all occasions in the text designed to influence the recipient by the offer of "wisdom formulas" to it, only to be taken stock of by the reader. Most likely, the ratio of the points of view in the novel as a special device had, on the one hand, already been preconditioned, and, on the other hand, could affect a peculiar mosaicity of the upcoming Maxim Gorky's personal artistic method. Moreover, features of the narration and substantial aspects of composition allow us saying that in the novel "Foma Gordeyev", Maxim Gorky creatively masters and actively uses findings of the Russian classics of the second half of the 19th century.

Keywords:
point of view; polyphony; literary motives; Russian writers; literary creativity; tales.

Для цитирования: Андреева, В. Г. Проблема соотношения точек зрения в повести М. Горького «Фома Гордеев» / В. Г. Андреева // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 130–135. DOI 10.26170/fk19-01-19.

For citation: Andreeva, V. G. Problem of a Ratio of the Points of View in the Novel "Foma Gordeyev" by Maxim Gorky / V. G. Andreeva // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 130–135. DOI 10.26170/fk19-01-19.

Повесть М. Горького «Фома Гордеев» чрезвычайно интересна и сложна для восприятия, что связано, в том числе, с особенностями композиции произведения и

типом повествования в повести. Сначала реципиенту представляется, что повествователь подобен «всезнающему и всеведущему автору» Л. Н. Толстого. Отчасти

это так, но всезнание нарратора простирается исключительно до характеристик и оценок героев. Повествователь Горького все видит, слышит и знает, однако он не представляет читателю своего отношения к происходящему и никаким образом не намекает на свое понимание правды и истины.

Повествователь у Горького в течение повести наблюдает за Фомой Гордеевым, за другими героями, он всегда рядом с ними и показывает читателю причудливую мозаику жизни, складывающуюся из мнений, убеждений, поступков, ценностей людей. По классификации соотношения точек зрения автора, повествователя и героя Б. А. Успенского, у Горького мы видим тот случай, когда «автор следует за персонажем, но не перевоплощается в него». «...В частности, авторское описание может быть не субъективно, а надличностно. В этом случае авторская позиция совпадает с позицией данного персонажа в плане пространственной характеристики, но расходится с ней в плане оценки, фразеологии и т. п. Поскольку автор не перевоплощается в данного персонажа, а как бы становится его спутником – он может давать и описание этого персонажа», – отмечает Б. А. Успенский [Успенский 1970: 77].

Многоголосие повести является основой ее архитектоники и одним из ведущих смысловых принципов построения. Горький представляет стереоскопические портреты персонажей, сложные и противоречивые, однако его повествователь ни на толику не передает авторского предпочтения. Голос повествователя является доминирующим, начинающим и завершающим эпическое повествование, а вместе с тем обрамляющим различные точки зрения персонажей, присутствующие в произведении. Под точкой зрения мы понимаем «позицию, с которой рассказывается история или с которой воспринимается событие истории героем повествования» [Stanzel 1989: 23]. Столкновение голосов и позиций передает особый драматизм повести. Получается, что эпическая доминанта, ассоциирующаяся с голосом нарратора, объединяет драматическое по своей сути повествование.

«...В одном случае автор при повествовании занимает позицию заведомо внешнюю по отношению к изображаемым событиям – описывая их как бы со стороны. В другом случае, напротив, он может помещать себя в некоторую внутреннюю по отношению к повествованию позицию: в частности, он может принимать точку зрения того или иного участника повествуемых событий или же он может занимать позицию человека, находящегося на поле действия, но не принимающего в нем участия», – пишет Б. А. Успенский [Успенский 1970: 171]. Повествователь у Горького не встает на один уровень с героями, хотя он подмечает малейшие детали не со стороны, не издали, а находясь рядом со своими персонажами. Конечно, лучшее доказательство этому – описания работающего народа, представленные в произведении.

В самом начале повести явлен мотив нездоровой расколотости человека. Повесть начинается с описания природы Игната Гордеева – личности эпического масштаба, обладающей не столько талантом или трудолюбием (хотя и они у него есть), столько «огромным запасом энергии» [Горький 1950: 9]. Автор отмечает, что «было

как бы трое Гордеев – в теле Игната жили три души» [Горький 1950: 9]. Каждая из трех душ Игната представляет свой особый мир, для каждой свойственен определенный взгляд на жизнь. Так, первая душа – это душа страстного работника, увлеченного своим делом, вторая – душа «буйная и похотливая», «душа раздраженного голодом зверя», наконец, третья – душа кающегося человека. Такое описание внутреннего мира Игната Гордеева не только характеризует внутренние противоречия персонажа, сложность и дисгармоничность натуры, не только передает особую наследственность, получаемую Фомой от отца, но и подсказывает читателю, что многих героев Горького нельзя рассматривать однолинейно.

Вместе с различными точками зрения на жизнь входит в повесть и мотив разлада, нарастания драматических начал в жизни. Центром произведения является антитеза позиций Фомы Гордеева и Якова Маякина. После смерти Игната Маякин, крестный отец Фомы, говорит ему: «Ежели мой ум присовокупить к твоей молодой силе – хорошую победу можно одержать» [Горький 1950: 89]. Однако этому желанию Маякина не суждено сбыться. Фома постепенно все более и более отдаляется от крестного, сначала желая проявить самостоятельность, а затем и просто противоречия ненавистному ему человеку.

Фома возражает, конечно же, точке зрения Маякина, абсолютно лишено жалости и сострадания, стремления понять человека, неспособного подняться над мирскими заботами о лишних копейках, умножающих капитал. Фому отталкивает в Маякине его абсолютная приземленность. Герой, только что потерявший отца, является еще наполовину романтиком, не случайно до этого автор заостряет внимание на романтической стороне натуры Фомы, жившей в нем с детства: «Он все еще жил в мире сказок, но безжалостная рука действительности уже ревностно рвала красивую паутину чудесного, сквозь которую мальчик смотрел на все вокруг него» [Горький 1950: 34].

Интересно, что сопоставление позиций и точек зрения героев в художественном мире повести позволяет оценить и метод писателя. «Как бы ни определять творческий метод Горького, ясно, что он был новаторским, ибо соединял воедино реализм, романтизм и социалистическое мифотворчество» [Спиридонова 2016: 431]. Не Фома Гордеев выражает точку зрения автора, позиция самого Горького становится ясна только после соотношения позиций героев. Однако Фома дорог Горькому, ведь в его уста он влагает такие ценные для себя слова о человеке: «Человек – жизнь, и, кроме человека, никакой еще жизни нет...» [Горький 1950: 124]. «Осваивая традиции русской и мировой литературы, Горький с самого начала творческого пути искал свою дорогу, отвергая существующую жизнь, несправедливую и безобразную, и утверждая величие подвига во имя счастья людей. <...> Проблема личности в ее отношении к обществу и миру, столь характерная для европейского „нового искусства“, превратилась у Горького в прославление Человека с большой буквы», – отмечает Л. А. Спиридонова [Спиридонова 2018: 216].

Сразу после смерти Игната Маякин начинает учить Фому. Однако сила противоречия в Фоме проявляется

с самого начала, в целом готовый поддаваться на различные уговоры, с Маякиным Фома черств и неприступен. Такая резкая антипатия к крестному возникает у героя в том числе из-за его попытки навязать молодому человеку свою точку зрения. Лучше всего неспособность Маякина понять Фому видна в сцене разговора в трактире. Главной идеей Фомы становится мысль о свободе: «Это всего лучше! Возьмите все и – шабаш! А я – на все четыре стороны!.. Я этак жить не могу... Точно гири на меня навешаны... Я хочу жить свободно... чтобы самому все знать...» [Горький 1950: 187], но Яков Маякин упорно противоречит Фоме, сразу же пресекая все его попытки уйти от ненавистного ему дела и окружения: «Живешь ты своей жизнью и – живи! И не лопочи, не лезь, куда не надо! Делай жизнь свою – в своем роде!» [Горький 1950: 187].

Разумеется, Горький тут на стороне своего молодого героя. Яков Маякин, упорно служащий делу и презренному металлу, к сожалению, не думает о том, что свобода делает человека личностью, дает ему право выбора, что все капиталы второстепенны, что дело невысказано без человека.

Яков Маякин не столько живет, сколько, по его же выражению, «делает жизнь». Однобокость точки зрения этого трудолюбивого, упорного и умного пожилого человека очень хорошо видна при соотношении его позиции со взглядами Любы. Взаимоотношения Маякина и Любы показывают неспособность первого жить сердцем, чувствовать другого человека, даже свою дочь. Рассуждая об образе этого героя, В. А. Ханов справедливо пишет: «Разумеется, Яков Маякин не является у Горького образом классически законченного злодея. В отличие от консервативного „фабриканта грехов“ Анания Щурова он понимает необходимость технического прогресса, рассуждает о высоком назначении человека. <...> Как человек деятельный, понимающий силу ума, идеолог купечества радуется торжеству мысли. <...> Однако и своей алчностью к наживе, и своим презрением к „слабым“ людям Яков Маякин таков же, как Ананий Щуров, Игнат Гордеев» [Ханов 2012: 797–798].

Слабость характера Фомы, отсутствие у него трезвого взгляда на жизнь и людей очень хорошо просматривается при сопоставлении Фомы и Любы, которая с ходу замечает отцу, что тот учит Фому лакейничать. Главный герой Горького не готов действовать, он учится жить по подсказкам других, более опытных людей, которые только поселяют в его душе сомнения. Криком боли и отчаяния становятся следующие слова героя, обращенные к товарищу детства Ежову: «Я, брат, ничего не понимаю... Я думать не умею... мне тошно... один говорит то, другой – другое» [Горький 1950: 148].

Примечательно, что поучения Маякина Фоме нередко приобретают форму кратких наставлений и образных выражений. Однако если абстрагироваться от направленности данных реплик и вообще посмотреть на наличие в тексте повести кратких поучений героев, так скажем, открытых ими «жизненных формул», мы увидим, что их немало, причем принадлежат они разным персонажам. А на фоне диалогов и описаний эти яркие реплики сразу особо воспринимаются читателем. Однако они не формируют, как может показаться

на первый взгляд, собрание мудрых мыслей купечества. Наоборот, эти жизненные формулы становятся в художественном мире повести однобокими убеждениями людей, тщетно пытающихся жить мудро и счастливо.

Благодаря этим кратким высказываниям, нередко поучениям, в которые герои влагают большой смысл, в повести очень хорошо просматривается сложное соотношение разных точек зрения, разных правд. Не случайно однажды Яков Маякин заявил: «Орут только все на разные голоса. А кому чего надо – никто не понимает!» [Горький 1950: 164]. И так, точки зрения людей, поучающих Фому, вступают в противоречие, приводят героя к хаосу и фактически сумасшествию. «Жалеть людей надо... это ты хорошо делаешь! Только – нужно с разумом жалеть... Сначала посмотри на человека, узнай, какой в нем толк, какая от него может быть польза? И, ежели видишь – сильный, способный к делу человек – пожалей, помоги ему», – учит сына Игнат [Горький 1950: 36]. «...Береги свою молодость! Нет ничего на свете лучше ее. Ничего-то нет дороже ее! Молодостью, ровно золотом, все, что захочешь, то и сделаешь»; «Товарищей выбирай себе с оглядкой, потому что есть люди, которые заразны, как болезнь...», – наставляет Фому его первая любовница [Горький 1950: 70]; «Жизнь очень просто поставлена: или всех грызи, или лежи в грязи», – говорит Маякин [Горький 1950: 111] «Труда ему нет, а без труда – гибель человеку! <...> От свободы – погибнет человек, как червь, житель недр земных, гибнет на солнце...», – констатирует Щуров [Горький 1950: 131].

Нередко читателю кажется, что позиция повествователя совпадает с различными высказываниями героев. Однако по мере чтения текста становится ясно, что это не так. Горький мастерски представляет позиции героев и даже намечает основные линии их соотношения. Мотив дела или труда, мотив одиночества, мотив обогащения и мотив поиска своего места в жизни лежат в основе сопоставления всех персонажей повести. И тут, конечно, уместно сказать об авторской точке зрения, определяющей то, как сложится сюжет произведения, куда повернет история. Рассуждая о точке зрения как об «образуемом внутренними и внешними факторами узле условий, влияющих на восприятие и передачу событий», В. Шмид рассматривает данное определение в трех аспектах: основы для описания определенных событий, их восприятия и передачи, отношения к разным планам, в которых точка зрения может проявляться [Шмид 2003: 67–68]. Ученый справедливо пишет о том, что именно «точка зрения» определяет ход истории: «В отличие от большинства моделей нарративных операций, которые подразумевают существование истории без перспективы, я исхожу из того, что точка зрения применяется не к „готовой“ уже истории, а к лежащим в ее основе „событиям“. Без точки зрения нет истории. Истории самой по себе не существует, пока нарративный материал не становится объектом „зрения“ или „перспективы“. История создается только отбором отдельных элементов из принципиально безграничного множества элементов, присутствующих событиям. А отбор всегда руководствуется некоей точкой зрения» [Шмид 2003: 68].

В. Шмид немало рассуждает о типах нарратора, а также о наличии или отсутствии в произведении трезвых акцентов, расставляемых для выражения определенной точки зрения повествующего. В этом плане повесть «Фома Гордеев» и представляется очень интересной. Слагая причудливый сюжет, сталкивая героев, Горький не расставляет акцентов, предлагая выбор правды читателю. Позицию самого автора мы понимаем благодаря соотношению точек зрения героев и повествователя: «В произведении, где весь текст, за исключением реплик героев, принадлежит повествователю, авторская позиция выражается преимущественно через повествовательный текст. Но даже в этих случаях автор и повествователь не совпадают. Авторская позиция богаче позиции повествователя, поскольку она во всей полноте выражается не отдельным субъектом речи, как бы он ни был близок к автору, а всей субъектной организацией произведения» [Корман 1972: 43]. Начиная рассуждать о позиции автора, читатель осознает, что Горький сочувствует фактически каждому из своих героев, даже Ананию Щурову, не случайно и Фома уходит от этого героя с двойственным чувством: «Щуров и нравился ему и в то же время был противен» [Горький 1950: 135].

Особенность соотношения автора, рассказчика и героев в повести «Фома Гордеев» является показателем художественного мастерства писателя, становится одной из ведущих в определении творческого метода Горького. Даже в этой ранней повести писателя уже видна присущая творчеству Горького своеобразная мозаичность. И. В. Кондаков в статье «М. Горький у истоков постмодернизма» пишет о своеобразном плюрализме писателя: «Противоречиво „множилась“ фигура самого Горького: он был одновременно Максимом Горьким, Алексеем Пешковым, любым из своих персонажей, включая нередкого рассказчика от первого лица... Авторский стиль постоянно колебался между автором, повествователем и рассказчиками. Неудивительно, что реальность, преломленная через столь различную „оптику“ повествований, казалась не только расщепленной различными влияниями, но и в целом – пестрой, мозаичной картиной мира, где было место и романтизму, и реализму, и символизму, и натурализму, и декадансу, и будущему соцреализму» [Кондаков 2018: 238].

Любой человек стремится к счастью, жадно ищет его и герои повести Горького. Объясняя маленькому Фоме зависть людей, Игнат Гордеев замечает: «Они про меня много могут худого сказать, – это потому они скажут, что я им – полный господин. Тут все дело в том завязло, что я удачливый и богатый, а богатому все завидуют. Счастливый человек – всем людям враг...» [Горький 1950: 33]. Эта ситуация и фраза о счастье перекликается в повести с эпизодом подъема баржи. Однако все складывается совсем не так, как говорил Фоме отец. Фома, «красивый и стройный, в коротком драповом пиджаке и в высоких сапогах» наблюдает за работой мужиков. И тот факт, что Фома хозяин, господин, не приносит ему никакой радости. Наоборот, он хочет работать вместе с мужиками, «заставить всех обратить на себя внимание и показать всем свою силу, ловкость, живую душу в себе» [Горь-

кий 1950: 174], однако хозяину не полагается работать, и Фома даже испытывает стыд.

Получается совсем не так, как говорит Игнат: совсем не важно в данном случае, завидуют ли работники Фоме или нет (вряд ли мужики завидуют, поскольку они занимаются конкретным делом, а Фома для них человек далекий), но очень значимо, что завидует мужикам сам удачливый и богатый герой. Здесь есть и рассуждение о счастье. Глядя на русого и кудрявого парня, умело и ловко работающего рядом, Фома думает: «Счастливый, должно быть» [Горький 1950: 175]. Так, точка зрения Игната Гордеева в художественном мире повести зеркально переворачивается. Его сын, здоровый, сильный, богатый, умный, чувствует себя несчастным, лишним среди людей.

Н. Ю. Толмачева, рассматривая город и Волгу в повести «Фома Гордеев», очень хорошо рассуждает о наличии в произведении образа народа, веселых трудящихся людей: «Участники трудового процесса бодры и веселы, трудятся с азартом, ритмично. Мужики непременно в ярких рубашках (в большинстве случаев в красных). Причем автор описывает вдохновенную работу не отдельно взятого человека, а труд коллектива, рабочей артели. Эпизоды работы артели мужиков на пароходе, во время движения, чередуются в повести с развернутыми картинами реки, массовыми сценами коллективного труда на пристанях» [Толмачева 2008: 308]. Это единение народа во время работы по контрасту соотносится с преобладающим в повести настроением Фомы: почти за всеми его словами скрывается «большое, серьезное горе» [Горький 1950: 148].

Обида Фомы потихоньку перерастает в ненависть, которая сначала проявляется по отношению к Маякину, далее ко всей его семье, наконец, – к городскому купечеству. На долю Якова Маякина достается позднее семейное счастье, раздражающее одинокого и несчастного Фому: «Ему не хотелось идти туда за стол, где сидят трое счастливых людей. Он слышал их веселые голоса, довольный смех, звон посуды и понимал, что ему, с тяжестью на сердце, не место рядом с ними» [Горький 1950: 240].

Примечательно, что вместе с разными голосами входит в повесть и мотив равнодушия, становящийся символом и приметой времени рубежа XIX–XX веков. Герои Горького не понимают и не слышат друг друга, писатель не раз акцентирует на этом внимание. Разрозненность, несоотнесенность сознаний людей очень хорошо видна в диалогах Фомы и Саши. Несколько раз Горький использует чеховский прием иллюстрации глухоты людей, и два самых ярких проявления этого приема реализованы писателем на примере взаимоотношений как будто бы любящих друг друга героев. Сцены равнодушия и непонимания иллюстрируют отсутствие не только настоящего чувства, но и малейшего интереса к другой личности.

«– И я тоже чувствую – растет у меня в душе что-то... Эх, заговорю и я своими словами, придет время.

– Против кого это? – небрежно спросила Саша.

– Против всех! – воскликнул Фома, вскакивая на ноги. – Против фальши!.. Я спрошу...

– Спроси-ка: самовар готов? – равнодушно приказала ему Саша» [Горький 1950: 173].

Очень интересно, что мотив одиночества, разобщенности со всеми роднит Фому, Любу и ее отца. И Люба, и Маякин в разное время говорят о людях разное, но используя одни и те же знаковые образы. «...Как будто между мной и людьми туман стоит... густой, густой туман», – говорит Люба [Горький 1950: 138]. И Маякин, характеризуя общество, констатирует то же: «Туман на всем... туманом все дышат, оттого и кровь протухла у людей» [Горький 1950: 164].

Как показывают ряд исследователей творчества М. Горького, мотив одиночества является одним из самых частотных, глубоких и по своей основе философских мотивов раннего творчества писателя. В осмыслении взаимоотношений человека и мира мотив одиночества оказывается в художественных мирах писателя, как правило, результатом ошибок героя, отгораживающегося от мира [Захарова 2018: 40; Спиридонова 2017: 24].

В разговорах Фомы и Саши есть еще один пример непонимания во времени и планах:

«– Что же будем делать? – спросил Фома.

– Обедать надо.

– Нет, вообще? Потом?» [Горький 1950: 183].

Фома не находит для себя ответа на важнейшие вопросы жизни. Неудачи ломают его, интрига с Медынской становится одной из жизненных драм («до нее не достиг...»), и гимн человеку постепенно трансформируется в уничижение, умаление, оскорбление человека: «Эх ты, человек! Подлец ты, если по совести сказать...» [Горький 1950: 182].

Апофеозом многоголосия становится финал повести. Фома в состоянии особого внутреннего подъема пытается докричаться до окружающих его купцов, говорит им колкую правду и гневно обличает всех и каждого. Примечательно, что слова о правде появляются

в повести не только из уст Фомы, маленький седой старичок вдруг «пропевает», что слова Фомы «от совести», что «правду надо говорить...» [Горький 1950: 269].

Анализ состояния героя во время его гневных речей позволяет сделать вывод о том, что это полубезумство Фомы оказывается одним из немногих позитивно окрашенных состояний героя. Обличает купечество Фома с «веселой яростью», «обезумевший от радости». Но это состояние недолго, его вновь сменяют обида, стыд, неловкость.

Таким образом, прием соотнесения и драматического столкновения позиций, убеждений, точек зрения героев является ведущим в организации художественного мира и архитектоники повести «Фома Гордеев». В несколько ином виде этот же художественный ход писатель использует потом в романе «Дело Артамоновых» – произведении о трех поколениях русских предпринимателей, задуманном, между прочим, еще в самом начале XX века [Андреева 2018: 7–8]. Нельзя не оговориться о том, что многоголосие художественного мира повести «Фома Гордеев» роднит ее с принципом построения «полифонических» романов Ф. М. Достоевского, это еще один из поводов для «исследования произведений двух писателей с точки зрения преемственности в плане поэтики» [Сухих 2001: 100].

Иллюстрация разных точек зрения дала Горькому возможность не сообщать читателю свое мнение прямо, а позволить ему выбрать свою правду. Вероятно, такое художественное решение возникло у писателя в связи с существованием к этому времени достаточно определенных взглядов на человека, на ход истории, однако ощущением несвоевременности их прямого выражения. Кроме того, представление точек зрения персонажей очень логично стало частью становящегося синтетического художественного метода Горького.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева В. Г. Образ Тихона Вялова в романе М. Горького «Дело Артамоновых» // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2018. – Т. 8. – № 2. – С. 6–13.
- Горький М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Худ. лит., 1950. – Т. 4. – 448 с.
- Захарова В. Т. Ранний Горький: мир и человек в художественном постижении писателя // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2018. – Т. 8. – № 2. – С. 37–43.
- Кондаков И. В. М. Горький у истоков постмодернизма // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 4. – С. 236–240.
- Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения: учебное пособие. – М.: Просвещение, 1972. – 112 с.
- Спиридонова Л. А. Горьковедение на современном этапе развития // Studia Litterarum. – 2016. – Т. 1. – № 3–4. – С. 419–433.
- Спиридонова Л. А. М. Горький: новый взгляд. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 264 с.
- Спиридонова Л. А. М. Горький и философия пессимизма // Нижегородский текст русской словесности. – Н. Новгород: Мининский университет, 2017. – С. 23–28.
- Спиридонова Л. А. Творчество Горького и возникновение социалистического реализма // Studia Litterarum. – 2018. – Т. 3. – № 1. – С. 212–233.
- Сухих О. С. Методологические проблемы сравнительного анализа творчества Горького и Достоевского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. – 2001. – № 1. – С. 100–106.

REFERENCES

- Andreeva V. G. The image of Tikhon Vylov in M. Gorky's novel "The Case of Artamonovs" // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy. – 2018. – Т. 8. – № 2. – P. 6–13.
- Gorky M. Collected Works: in 30 vol. – M.: Imaginative Literature, 1950. – Vol. 4. – 448 p.
- Zakharova V. T. Early Gorky: the world and man in the artistic comprehension of the writer // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy. – 2018. – Vol. 8. – № 2. – P. 37–43.
- Kondakov I. V. M. Gorky at the origins of postmodernism // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2018. – № 4. – P. 236–240.
- Korman B. O. Examining the text of a work of art: study guide. – M.: Prosveshenie, 1972. – 112 p.
- Spiridonova L. A. Gorkovedenie at the present stage of development // Studia Litterarum. – 2016. – Vol. 1. – № 3–4. – P. 419–433.
- Spiridonova L. A. M. Gorky: a new look. – M.: IMLI RAS, 2004. – 264 p.
- Spiridonova L. A. M. Gorky and pessimistic philosophy // Nizhny Novgorod text of Russian literature. – N. Novgorod: Minin University, 2017. – P. 23–28.
- Spiridonova L. A. Gorky's creativity and the emergence of socialist realism // Studia Litterarum. – 2018. – Vol. 3. – № 1. – P. 212–233.
- Sukhikh O. S. Methodological problems of the comparative analysis of creativity of Gorky and Dostoevsky // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Philology. – 2001. – № 1. – P. 100–106.

Толмачева Н. Ю. Образ города в повести М. Горького «Фома Гордеев» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 5. – С. 304–309.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. – М.: Искусство, 1970. – 256 с.

Ханов В. А. Архетипическая основа образа Якова Маякина в повести М. Горького «Фома Гордеев» // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. – 2012. – № 2 (3). – С. 797–801.

Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Stanzel K. F. Theorie des Erzählens. – Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. – 339 p.

Tolmacheva N. Yu. The image of the city in the novel by M. Gorky "Foma Gordeev" // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2008. – № 5. – P. 304–309.

Uspenskiy B. A. Poetics of composition. – M.: Iskusstvo, 1970. – 256 p.

Khanov V. A. Archetypical basis of the image of Jacob Mayakin in the novel by M. Gorky "Foma Gordeev" // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2012. – № 2 (3). – P. 797–801.

Schmid V. Narratology. – M.: Languages of Slavic culture, 2003. – 312 p.

Stanzel K. F. Theorie des Erzählens. – Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. – 339 p.

Данные об авторе

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры Отечественной филологии, Костромской государственной университет (Кострома); ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук (Москва).

Адрес: 156961, Россия, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14.

E-mail: lanfra87@mail.ru.

Author's information

Andreeva Valeria Gennadievna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Domestic Philology, Kostroma State University (Kostroma); Leading Scientific Associate, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦУ: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ АЛЛЮЗИИ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ Т. С. ЭЛИОТА («СМЕРТЬ СВЯТОГО НАРЦИССА», «ПОДАВЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС»)

Аннотация. В статье «Приглашение к танцу: интермедиальные аллюзии в ранней поэзии Т. С. Элиота («Смерть святого Нарцисса», «Подавленный комплекс») исследуются некоторые особенности раннего творчества Т. С. Элиота. Предметом изучения являются связи между танцем, изобразительным искусством и модернистской поэзией, послужившие основой поэтического эксперимента. Стихотворения Т. С. Элиота «Смерть святого Нарцисса» и «Подавленный комплекс» интерпретируются как образцы синтетической поэтической модели («стихотворение-танец»). Поэтический текст соотносится с изобразительным и пластическими искусствами не только на тематическом уровне, но и сама текстовая вербальная структура видоизменяется, претерпев специфическую интермедиальную метаморфозу. В качестве важных источников формирования и создания новаторских поэтических текстов нами рассматриваются такие парижские постановки Русского балета, как «Нарцисс» и «Видение розы», а также представление мистериального действия «Мученичество святого Себастьяна» (1911). Помимо этого, мы обращаемся к нескольким живописным артефактам как возможным источникам интермедиальных аллюзий в элиотовских текстах (эскизы костюмов и рисунки Льва Бакста, картины Анри Матисса и др.). Методологические подходы исследования определяются теорией интермедиальности и опираются на понятие «интермедиальной аллюзии», особенно актуальных в контексте исследований модернизма. В работе решаются следующие задачи: выявить интермедиальную природу поэтических аллюзий Элиота, определить, каким образом изобразительное искусство и балет повлияли на его раннее творчество, рассмотреть динамику взаимодействий между различными видами искусства в диахронном и синхронном ракурсах. В предлагаемой статье исследуется история создания Элиотом поэтических текстов, культурно-исторический и биографический контексты, особенности композиции стихотворений, ключевые образы и темы и т. п. Мы выясняем, каким образом интертекстуальные, интермедиальные и другие элементы художественного синтеза способствуют читательскому переосмыслению изначального текстового материала, включению читателя в процесс коллективного сотворчества и формированию нового интермедиального художественного пространства. Материалы статьи могут быть использованы в преподавании и научном изучении истории английской и американской поэзии, истории и теории модернизма, в исследованиях по компаративистике (теория интермедиальности, рецепция русской культуры за рубежом и др.).

Ключевые слова:
танцы; модернизм;
русский балет; интермедиальные аллюзии; поэтическое творчество; английская литература; английские поэты.

Ushakova O. M.
Tyumen, Russia

INVITATION TO THE DANCE: INTERMEDIAL ALLUSIONS IN T. S. ELIOT'S EARLY POETRY ("THE DEATH OF SAINT NARCISSUS", "SUPPRESSED COMPLEX")

Abstract. The paper "Invitation to the Dance: Intermedial Allusions in T. S. Eliot's Early Poetry (*The Death of Saint Narcissus*, *'Suppressed Complex'*)" deals with some aspects of the early works by T. S. Eliot. The author examines relationships between dance, visual art and experiments in modernist poetry. The poems *"The Death of Saint Narcissus"* and *"Suppressed Complex"* are interpreted as the samples of a "dance-poem". The poetic text incorporates the visual and plastic arts not only in a thematic way but poetic structure itself tends to the specific intermedial metamorphosis. The paper discusses the Ballet Russes Parisian productions of *"Narcisse"*, *"Le Spectre de la Rose"* and the performance of a mystery play *"Le Martyre de Saint Sebastien"* (1911) as the important sources for creation of the innovative poetic texts. The author also turns to some artifacts as the visual sources of intermedial allusions (the costume sketches and drawings by Leon Bakst, paintings by Henri Matisse's, etc.). The main research argument is founded on the concepts of intermediality and intermedial allusions as important issues of modernist studies. The paper aims to prove the intermedial nature of Eliot's poetic allusions, to examine in what way the visual arts and ballet influenced his texts and reveal the dynamic interactions between different kinds of art in the diachronic and synchronous perspectives. The paper presents a study of history of the creative process, cultural-historical and biographical contexts, peculiarities of the composition, the key images and themes, etc. The paper demonstrates in what way the intertextual, intermedial and other accompanying elements force the reader to reframe the original material and be included into the process of co-creation and formation a new intermedial narration. The results of this study could be helpful in teaching and research of history of English poetry, history and theory of modernism, in comparative studies (intermediality, reception of Russian culture abroad. etc.).

Keywords:
dance; modernism;
Russian ballet; intermedial allusions; poetic creativity; English literature; English poets.

Для цитирования: Ушакова, О. М. Приглашение к танцу: интермедиальные аллюзии в ранней поэзии Т. С. Элиота («Смерть святого Нарцисса», «Подавленный комплекс») / О. М. Ушакова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 136–143. DOI 10.26170/fk19-01-20.

For citation: Ushakova, O. M. Invitation to the Dance: Intermedial Allusions in T. S. Eliot's Early Poetry (*The Death of Saint Narcissus*, *"Suppressed Complex"*) / O. M. Ushakova // *Philological Class.* – 2019. – № 1 (55). – P. 136–143. DOI 10.26170/fk19-01-20.

The modernist aesthetics is characterized by an increasing tendency to transgress and displace the boundaries of different genres and art forms, a tendency conducive to post-modernist forms of intermediality. Most works of modernist writers are interspersed with numerous references to visual arts, music, theatre, etc. But the modernists didn't refer to visual arts in the classical, ekphrastic way nor limited themselves by using one-dimensional linear references (quotations and direct allusions) to music or other arts in the texts. Their writing strategies and techniques were based on the new types of interactions between literary texts and arts. The arts influence the structure and content of the text in an ongoing process of incorporating alien components resulted in a complex synthetic amalgam and evoking new artistic emotions and effects.

This paper examines in what way the visual arts and ballet as a synthetic art influenced the texts of T. S. Eliot (1888–1965), a classic of high modernism. In this paper the analysis focuses on two early texts: poems “*The Death of Saint Narcissus*” (circa 1915) and “*Suppressed Complex*” (1915). The paper also presents a study of cultural-historical and biographical contexts of the creative process as well as the contexts of visual and dancing references. One of the research aims is to prove the intermedial nature of Eliot's poetic allusions revealing the dynamic interactions between different kinds of art. While intermediality draws our attention to the aesthetic presence of other arts we also turn to some artifacts as the visual sources of poetic allusions (paintings by Andrea Mantegna, Henri Matisse's, costume sketches and drawings by Leon Bakst). Under consideration there are also the materials (historical data, musical pieces, the drafts of scenery and costumes, photos, etc.) connected to Paris performances of the ballets “*Narcisse*” (1911), “*Le Spectre de la Rose*” (1911) of Diaghilev's Ballet Russes and a mystery play “*Le Martyre de Saint Sebastien*” (1911) as the important sources for performative allusions in Eliot's poems.

This problem has not been studied in a systematic way. However, the poem “*The Death of Saint Narcissus*” attracted the attention of the Russian researchers. Moscow scholars Vasilii Tolmatchoff and Natalya Lavrova analysed the philosophic aspects of the poem, intertextual connections (Oscar Wilde's “*The Picture of Dorian Gray*”, André Gide' “*Le traite du narcissisme: theorie du symbole*”, etc.), the theme of the poetic narcissism, homoerotic and Dionysian dimensions of the text, etc. [Толмачев 2014; Лаврова 2010]. These poems were also considered in connection to the theme of a mystic “burnt dancer” in my essay “*A Dandy, Bully and Mystic: The School of Poetic Play in T. S. Eliot's 'Inventions of the March Hare'*” [Ушакова 2016].

This paper addresses the methodologies connected to the intertextual and inter-art theories and intermediality studies. The main research argument will be founded on the concepts of intermediality and intermedial allusions as important issues of modernist studies. The intermedial studies are one of the most productive trends in the Humanities nowadays. As a Hungarian scholar Ágnes Petho mentioned in her paper devoted to intermediality in cinema: “The other factor that propelled “intermediality” to a wider attention was most likely the fact that it emerged on an interdisciplinary basis that made it possible for scholars from a great number of fields (theories of literature, art history, music, communication and cultural studies,

philosophy, cinema studies, etc.) to participate in the discourse around questions of intermediality” [Ágnes Petho 2010: 40]. While the notion “intermediality” (“intermedial”) appeared as a literary term and an explicit theoretical concept only in 1960-s it might be applied to the earlier cultural phenomena.

In recent years the studies concerning the relations between the arts have become one of the major research areas in literary studies in Russia and abroad. In Russian literary studies the problem of intermediality has been studied in theoretical (aesthetic) and historical fields as well in practical criticism from the position of discursive analysis (N. N. Gasheva, N. M. Myshiakova, N. V. Tishunina, E. V. Sedykh and others)¹.

Abroad the field of intermediality research has been ever-expanding since the 1980s. In her Introduction to a highly helpful collection of papers “*Handbook of Intermediality. Literature – Image – Sound – Music*” (2015) a Swiss scholar Gabriele Rippl, the author of the anthology, explains the prevalence and emphasizes the topicality of literary intermedial studies: “The popularity and increasing importance of intermediality studies and other related fields can be attributed to the fact that in our digital age many works of art, cultural artifacts, literary texts and other cultural configurations either combine and juxtapose different media, genres and styles or refer to other media in a plethora of ways” [Handbook of Intermediality. Literature – Image – Sound – Music 2015: 1]. The listing of studies investigating intermediality would take a lot of space and time therefore we will limit ourselves to mentioning several recent publications that could be interesting and stimulating in the context of the proposed study. The works of such authors as Jørgen Bruhn, Renate Brosch, Lars Elleström, Erik Hedling, Linda Hutcheon. Maria Marcsek Fuchs, Ana Cristina Mendes, Michael Meyer, Irina Rajewsky, Peter Wagner, Werner Wolf might be intensively circulated and included into the domestic academic context².

¹ Гашева Н. Н. Динамика синтетических форм в русской культуре и литературе XIX и XX веков. – Пермь, 2004; Мышьякова Н. М. Опыт интермедального анализа (музыкальность лирики А. А. Фета) // Вестник Оренб. ун-та. – 2002. – № 6. – С. 55–58; Тишунина Н. В. Западноевропейский символизм и проблема синтеза искусств: опыт интермедального анализа. – СПб., 1998; Седых Э. В. К проблеме интермедальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – № 3–2. – С. 210–214.

² Brosch, Renate, ed. *Moving Images – Mobile Viewers: 20th Century Visuality*. Berlin: LIT Verlag, 2011; Bruhn, Jørgen. *The Intermediality of Narrative Literature*. London: Palgrave Macmillan, UK, 2016; *Media Borders, Multimodality and Intermediality*. Ed. Lars Elleström. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010; Hedling, Erik, and Ulla-Britta Lagerroth, eds. *Cultural Functions of Intermedial Exploration*. Amsterdam and New York: Rodopi, 2002; Hutcheon, Linda. *A Theory of Adaptation*. New York: Routledge, 2006; Marcsek Fuchs, Maria. *Dance and British Literature: An Intermedial Encounter: (Theory – Typology – Case Studies)*. Leiden, Netherlands. Brill, 2015; Mendes, Ana Cristina, ed. *Salman Rushdie and Visual Culture*. New York and London: Routledge, 2012; Meyer, Michael, ed. *Word & Image in Colonial and Postcolonial Literatures and Cultures*. Amsterdam: Rodopi, 2009; Rajewsky, Irina O. *Intermedialität*. Tübingen and Basel: Francke, 2002; Wagner, Peter. *Icons – Texts – Iconotexts. Essays on Ekphrasis and Intermediality*. Berlin: De Gruyter, 1996; Wolf, Werner. *Metareference across Media: Theory and Case Studies: Dedicated to Walter Bernhart on the Occasion of his Retirement*. Leiden, Netherlands: Brill, 2009; Wolf, Werner. *The Musicalization of Fiction: A Study in the Theory and History of Intermediality*. Amsterdam: Rodopi, 1999; *Selected Essays on Intermediality by Werner Wolf (1992–2014): Theory and Typology, Literature-Music Relations, Transmedial Narratology, Miscellaneous Transmedial Phenomena*. Leiden, Netherlands: Brill, 2017, etc.

It should be noted that the theoretical constructs of Russian and foreign researchers of intermediality are united by the common methodological basis, Mikhail Bakhtin's concept of dialogue and dialogism. A Finnish scholar Leena Eilittä, the editor of the book "Intermedial Arts: Disrupting, Remembering and Transforming Media" (2012) emphasizes that the basis of modern theories is rooted in the ideas of Bakhtin developed by Julia Kristeva: "Julia Kristeva's notion of intertextuality, which focuses on the relations between texts, is the most relevant theory for intermediality. For Kristeva, the text is a dynamic mosaic of quotations that includes absorptions and transformations of other texts. Kristeva's theory develops the ideas of Bakhtin's principle of dialogicity, which assumes that words are filled with dialogic overtones and with echoes and reverberations of other utterances. Bakhtin's theory allows the view that verbal expressions are not only influenced by expressions of a similar art but also by other media and their structures. However, although Bakhtin's and Kristeva's theories have been important for intermediality to come into being, neither of these theories has really taken into consideration the perspective" [Eilittä 2012: vii-viii]. Considering the last thesis of this statement I would suggest that the methodological potential of Bakhtin's theory is quite universal to generate the necessary tools for studying various dialogic relationships both in the earlier and latter literary texts.

To solve our research problems, we took a grounded theoretical approach to analyze the particular issues and better understand how different media combinations, transformations and references contribute the content and change the reception of Eliot's early poetry. The term "an intermedial allusion" relevant to the aims of our research has been already used in the works of the Russian researchers focusing on the intermedial nature of Vladimir Nabokov's prose. The author from Saint-Petersburg Olga Dmitrienko analyzing such novels as "Mary" ("Mashen'ka"), "Glory", "Invitation to the Beheading" emphasized the receptive and creative aspects of intermedial correlations in Nabokov's texts: "Nabokov chooses the forms of interaction between literature and visual arts more free than ekphrastic: his intermedial allusions and correlations were designed for recognition, guessing and active co-creation of the reader" [Дмитриенко 2013: 36].

Historical and Cultural contexts of T. S. Eliot's Poetry of the 1910^s

The modernist authors (James Joyce, Virginia Woolf, T. S. Eliot, Roger Fry, Ezra Pound, Hilda Doolittle and others) successfully merged literary works with the oeuvres, techniques and instruments of different arts. There is some sense to refrain from delineation of modernist allusions into different groups (musical, visual, plastic, performative, etc.). Modernists were experimenting with pluralistic approaches to art and very reluctantly explained the sources of their images (the author's comments to "The Waste Land" rather submit an exception in a post-modernist manner). Any modernist text represents a quiz, complicated allusive complex suggesting the reader to engage into a risky and fascinating play. Hunting for allusions the researcher not only expands the field of understanding of the text but steps in the process of recreation and reconstruction receiving a new dynamic structure open to new transforma-

tions. The disclosure and analysis of intermedial allusions in modernist texts contributes to reveal their innovative and transgressive potential that articulate their message in the interstices between different arts.

As Ágnes Petho thoughtfully pointed out: "Intermediality as an object of research can only be examined within its context, within the framework of concrete time and place coordinates" [Ágnes Petho 2010: 49]. The cultural context of Eliot's early poetry is symbolic, decadent, bohemian, psychoanalytic, Parisian and extremely intermedial. Thus one of the main cultural appeals of the time formulated by Stéphane Mallarmé was a creation of an ideal "total work of art" which should be conceived as *consonant with* music, painting and plastic representation" [Verna 2015: 3].

Eliot discovered the fascinating art treasures and cultural opportunities at the time when Paris was the cultural and intellectual capital of the world. He came to Paris in October 1910 and stayed there till September 1911. This Eliot's "annus mirabilis" has been brilliantly presented in the highly stimulating and informative monograph "T. S. Eliot's Parisian Year" by a prominent American scholar Nancy Duvall Hargrove. I would totally agree with the thesis of Professor Hargrove that Eliot's "Parisian year gave him the foundation to become a major writer of the twentieth century and the inspiration to produce his first masterpiece at the age of twenty-two" [Hargrove 2010: 58].

Within our topic there is a sense to narrow the panorama of cultural events attractive and interesting for a young American intellectual thirsty for artistic impressions and life experiences. The outline and characters of the protagonists (Narcissus and a "red dancer") in both poems might be inspired by certain pictorial and scenic images. In our case the turn to historical cultural data is necessary because Eliot's biographical documents (letters, notes, commentaries) of this period are not numerous. Thus the main documentary and factographic basis could be the poetic texts themselves and the Paris cultural chronicles of the time. The figures of dancers in the poems directly refer to the main choreography events of 1910-1911, the performances of the Diaghilev's *Ballets Russes*.

Russian culture was an important factor of forming modernist aesthetic discourse, the Diaghilev's seasons were echoed in modernist literature for many years (E. Pound, V. Woolf, D. H. Lawrence, and others). Eliot attended the performances of the Ballet Russes first in 1911 in Paris and then in 1919 and 1921 in London. The letters or the direct memoir evidences (Eliot's Paris fellows, Jean Verdenal and Alain-Fournier died in 1915 and 1914 at the Great War) confirming the fact of visiting the performances haven't been found. Nevertheless, we can't but agree to Nancy Hargrove's logics: "Eliot's connections with the Ballet Russes, which are clearly verifiable in the late 1910^s and 1920^s, seem to have begun in 1911 when this famous company returned to Paris for its third season, giving eight performances at the Théâtre du Châtelet from June 6-17, with Nijinsky and Karsavina as its lead dances. Eliot would have been attracted to its performances for a number of reasons: its enormous popularity among the intellectual and artistic elite of Paris; its innovations in dance; its ideal of fusing various art forms into one artistic whole; the opportunity to see the most acclaimed male dancer of the day; and the chance to learn more about the culture of Russia in con-

junction with the reading of Dostoevsky under the tutelage of Alain-Fournier" [Hargrove 2010: 169].

Interested in all elements of the Parisian cultural scene Eliot no doubt was greatly attracted by these fabulous innovative performances. There are the direct indications that he knew and was influenced by "*Le Spectre de la Rose*"¹ [Gardner 1978: 202] and "*Petrouchka*" (according to the words of Valerie Eliot cited in a few publications), Two another performative sources of inspiration for Eliot's early poetry might have been the ballet "*Narcisse*"² and the mystery-show "*Le Martyre de Saint Sebastien*"³ which caused a sensation in Paris in May 1911.

The performances of the Russian Ballet being the fashionable epicenter of the Parisian artistic world represented the very aesthetic ideal of the epoch, a "total work of art" synthesizing music, painting and plastic representation. And it can be assumed that the other impressions and art-tours (visits to Louvre and established art institutions, acquaintance with the innovative pictorial art in the Salon d'Automne and Salon des Indépendants) were superimposed on this performative basis generating the breeding ground for the individual creativity and new multiply perspectives of poetic development. After identification the main media sources of the poems we could localize the presence of their elements in the texts and define their importance for the certain texts and Eliot's works in total.

A "Dancer to God": Heterogeneous Mode of "The Death of Saint Narcissus"

According to Valerie Eliot (1926–2012), the widow of the poet, "Eliot could not remember when he wrote this poem, but it may have been early in 1915 [Eliot 1971: 129]. The history of the publications of the text of "*The Death of Saint Narcissus*" is presented in several sources, e.g. in the book "*Eliot's Poetry and Plays. A Study in Sources and Meaning*" by a distinguished Eliot scholar Grover Smith [Smith 1967:34]. The poem was submitted through Ezra Pound to "*Poetry: A Magazine of Verse*" in 1915 but was withdrawn after proof sheets were ready. After a long period of time it was published in the collection "*Poems Written in Early Youth*" privately printed (12 copies) with the author permission at Stockholm in 1950. The editor John Hayward used as a source the gallery proof for "*Poetry*" magazine in the Harriet Monroe Collection (University of Chicago). Now this text is available in the volume edited in 1967 [Eliot 1967], its reissues and other editions. The drafts to the poem were published in "*The*

Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts, Including the Annotations of Ezra Pound" (1971).

From the first sight at the title of the poem it refers the reader to Saint Narcissus (AD c. 99–216), an early patriarch or bishop of Jerusalem. But the first lines of the poem transfer us to a different story, another reality and atmosphere:

*Come under the shadow of this gray rock –
Come in under the shadow of this gray rock,
And I will show you something different from either
Your shadow sprawling over the sand at daybreak, or
Your shadow leaping behind the fire against the red rock:
I will show you his bloody cloth and limbs
And the gray shadow on his lips* [Eliot 1977: 605].

The scene presents the shadow leaping in an ecstatic dance and passing through a series of metamorphoses coming to death. Most researchers interpret this ghost dancing like a symbol of the conflict of body and soul, ecstasy of suffering, an expression of a sense of horror when "certain desires and temptations rise to frighten the soul" [Schuchard 1999: 10], explicit madness, erotic tortures, nightmares, masochistic complexes, etc. The sensual mode of the text could be caused by the personal inner traumas of the poet (the death of his close Parisian friends at the War, unsuccessful marriage to Vivienne Haigh-Wood, etc.), deep spiritual crisis, historical tragedy of the Great War, etc. At the same time the spatiotemporal mode, the type of psychodynamics and the graphic outline of dance movements were influenced by the artistic paradigm of the time.

The chain of metamorphoses that follow the first stanza remind about the classical mythological roots of Narcissus (Ovid's "*Metamorphoses*"), they present a sequence of snapshots consisting of separate dance scenes like in Cherepnin-Fokine's ballet "*Narcisse*". The composition of the ballet included the following ten scenes: pantheistic landscape; the forest spirit playing the flute; dance of Boeotian girls and youths; Bacchae dance; distant voices; dance of Narcisse; Echo's Dance; Narcisse at the stream; disappearance of Echo; death of Narcisse turning into a flower. The text of "*The Death of Saint Narcissus*" also includes ten consecutive fragments (subplots): hero as a shadow at the grey rock in the opening stanza; his travelling between the sea and the cliff; walking at the meadow; moving by his own rhythm in the river; walking in city streets; arrival to the rock and start to transformations; a fish metamorphose; a tree metamorphose; a young girl metamorphose; turning into Saint Sebastian and birth of "a dancer to God"; the last transformation – the death of Narcissus. All these fragments are united into a series of connected motion scenes including sensual events and body-and-soul transformations.

The text has been constructed in the montage technique close to the aesthetics of old photo albums or early cinema. This composition corresponds to the contextual and intertextual elements: merging the constructive principles of Ovid's "*Metamorphoses*" based on comparing the adjacent cadres with the methods of Bakst organizing the ballet scenes as alternation of costume spots placing against the backdrop of scenery. The whole poetic text by Eliot was also organized like a choreographic set with change of masks (costumes) reminding Cherepnin-Bakst's libretto, Bakst's scenography and Fokine's choreographic patterns in "*Narcisse*".

¹ The ballet "*Le Spectre de la Rose*" («Призрак розы», «Видение розы», "Spirit of the Rose") – a one-act ballet to music by Carl Maria von Weber orchestrated by Hector Berlioz, libretto by Jean-Louis Vaudoyer on the poem by Théophile Gautier; sets and costumes by Lev (Léon) Bakst; choreography by Mikhail Fokine; the role of the Spirit of a Rose by Vatslav Nijinsky. The ballet was premiered on 19 April 1911, Théâtre Casino de Monte-Carlo. The first Paris performance took place in Théâtre du Châtelet on 6 June 1911 (the factual data hereinafter has been verified by the dictionary "Diaghilev and Music" [Парфенова; Пешкова 2017]).

² The ballet "*Narcisse*" («Нарцисс и эхо») – a one-act ballet to music by Nikolay Cherepnin, libretto by Bakst and Cherepnin; sets and costumes by Bakst; choreography by Mikhail Fokine; the role of Narcisse by Vatslav Nijinsky was premiered on 26 April 1911, Théâtre Casino de Monte-Carlo. The first Paris performance took place in Théâtre du Châtelet on 6 June 1911.

³ The mystery-show "*Le Martyre de Saint Sebastien*" («Мученичество св. Себастьяна») – a five-act musical mystery play to music by Claude Debussy, text by Gabriele D'Annunzio; sets and costumes by Bakst; choreography by Mikhail Fokine; St. Sebastian as Ida Rubinstein was premiered in Paris, Théâtre du Châtelet on 22 May 1911.

The *Ballets Russes* produced a revolution in movement based on the freedom of movement when movement comes from within the body and is expressed through the entire body not just hands and feet. Nijinsky as a Narcisse spoke with his body creating universal artistic language. The protagonist of “*The Death of Saint Narcissus*” also speaks through this innovative and scandalous body language modifying and transforming his masks and nature and expressing through plastics the complex metaphysical ideas and feelings. The verbal structure of the poem presents the dance moves and sweeps: “sprawling over”, “leaping”, “his limbs smoothly passing each other”, “his arms crossed over his breast”, “stifled and soothed by his own rhythm”, “his hands aware of the pointed tips of his fingers”, “to tread on faces, convulsive thighs and knees”, “twisting”, “tangling”, “writhing in his own clutch”, etc. The poetic text discloses the hidden meaning of intermediality transforming a verbal structure into a synthetic form of “*a dance-poem*”.

There are no records or reconstructions of the 1911 version of the ballet: in most latter ballet performances Fokine’s setting has been replaced by Kasyan Goleizovsky’s choreography. But impressionistic music by Cherepnin, the original scenario plan, Bakst’s magnificent sketches of costumes and decorations, some rare photos witness the emotional intensity, colorful expressiveness and ecstatic Dionysian character of the 1911 production. The turn to the illustrations of Bakst’s sketches could contribute the reader’s reception of the coloristic decision and landscape architectonics in Eliot’s poem. The grey and red rocks in the text allude to the imagery of Bakst’s gloomy scenery of “*Narcisse*” and ominous red rocks in “*Le Martyre de Saint Sebastien*”. The progression of colors in the last stanza: from white skin to redness of blood and to green could be also explained by reference to Bakst’s drawings. The penultimate line of the last stanza “*now he is green, dry and stained*” refers to a famous drawing of Rubinstein bound to a laurel tree: Ida (St. Sebastian) dressed in a green chiton is tied with gray ropes to a tree with the stain of blood glowing at the heart. The green color could also refer to the foot garters and sandals of Nijinsky-Narcisse (in the draft of the poem we see “the green limbs” [Eliot 1971; 91]) as the symbol of plant metamorphosis and rebirth pattern in both poem and ballet.

The poem ends with Narcissus’s ecstatic dance on the hot sand:

*So he became a dancer to God,
Because his flesh was in love with the burning arrows
He danced on the hot sand
Until the arrows came.
As he embraced them his white skin surrendered itself
to the redness of blood, and satisfied him [Eliot 1977: 608].*

This scene of dancing on the hot sand and transforming Narcissus into a Christian saint reminds one more fabulous theatre event of 1911: the performance of a mystery “*Le Martyre de Saint Sebastien*”.

St. Sebastian, an early Christian saint and martyr (died circa AD 287–288) became the popular object of the decadent and modernist imagination, e.g. he appeared in the innovative works of European painters (Odilon Redon, Gustave Moreau, Egon Scheele, etc.), literature (Oscar Wilde, John Gray, R. M. Rilke, J. Cocteau, W. Stevens, etc.), photography (the sequence of images of martyr modelled

on working-class youths by an American Photographer F. Holland Day, 1906, etc.). According to the literary legend the idea of the performance of a modern mystery with orchestra, choir and dancers came to Gabriel D’Annunzio when he saw Ida Rubinstein in the title role of “*Cléopâtre*” at the Théâtre du Châtelet (1909). D’Annunzio thought: “She has the legs of Saint Sebastian”. Nancy Hargrove suggests that Eliot could visit the performance and reflect his feelings in the poem inspired by art of Rubinstein: “The speaker’s description of his dancing on the burning sand while waiting for flaming arrows of lust and/or physical chastisement to penetrate his flesh (34–36) reflects rather directly both Saint Sébastien’s walking on burning coals in the first act and his agonizing but ecstatic death in the fourth act of the former” [Hargrove 2010: 12].

Eliot’s interest to Saint Sebastian was also resulted in his poem “*The Love Song of St. Sebastian*” (1914). In his letter from Marburg to Conrad Aiken (25 July 1914) Eliot explains that he didn’t share the homoerotic reception of the saint popular in the decadent and avant-garde circles nevertheless the letter confirmed his lively interest to various artistic interpretations of St. Sebastian: “<...> *I have studied S. Sebastians – why should anyone paint a beautiful youth and stick him full of pins (or arrows) unless he felt a little as a hero of my verse? Only there’s no homosexual about this – rather an important difference perhaps – but no one painted a female Sebastian, did they? So I give this title faute de mieux*” [Eliot 1988: 44]. Evidently Eliot’s interests extended not only to the paintings of Andrea Mantegna, Antonello da Messina, Hans Memling (“*three great Sebastians*” as he wrote in another letter to Aiken). Rubinstein’s female image and exotic interpretation of Sebastian could influence Eliot’s perception and thought resulting in an androgynous image of dancing Narcissus – Sebastian in the poem. It could be assumed mentioning the date of writing that “*The Death of Saint Narcissus*” would have written as an epitaph for his dead Parisian friends as well. In this case the erotic themes would recede into the background bringing to the fore the mourning for premature deaths of beautiful young men. The death on the battlefield as the last tragic metamorphosis and senseless sacrifice could have been interpreted in terms of martyrdom of “*tall and handsome*” youths, beauty disintegration as it was later embodied in “*Gerontion*” and “*The Waste Land*” (“*Death by Water*”).

The poem “*The Death of Saint Narcissus*” could be considered as one of the key works by Eliot. The first five lines of the poem became lines 26–29 of “*The Waste Land*” (1922) and thus Bakst’s decorations became the part of “*The Waste Land*” macabre landscape. I would assume that the image of a “*hyacinth girl*” in line 36 of the same stanza of “*The Waste Land*” whose image is usually interpreted in the Wagnerian context might be considered as the color reference to a famous Bakst’s image of nymph Echo (also named as “*a hyacinth girl*”). The main rebirth pattern of the “*The Waste Land*” is intertextually connected to the early poems and the neo-mythological anthropological cultural context of the time.

Eliot returned to the images of “*The Death of Saint Narcissus*” and integral aesthetics of the Russian ballet more than once later. The image of a “*dancer to God*” will be enriched with new meanings and expand to the important aesthetic and philosophic concept in his poetry, literary criticism

and drama. It would be interesting to add that the poem contributed to other arts, e.g. inspired the British composer Benjamin Britten to create the canticle *"The Death of St. Narcissus"* for tenor and harp (op. 89, 1974). Thus the process of intermedial transformations is being in progress and should be discussed in a media-comparative perspective.

**"Dancing joyously":
the Fauvist Mood of "Suppressed Complex"**

The text of *"Suppressed Complex"* first appeared in Eliot's letter to Ezra Pound on 2 February 1915. He wrote: "I enclose one small verse. I know it is not good, but everything else I have done is worse. Besides, I am constipated and have a cold on the chest. Burn it" [Eliot 1988: 87]. Later the text of the poem was included into the collection of early poetry *"Inventions of the March Hare: Poems. 1909–1917"* [Eliot 1997: 54]. The text of the poem is quite small that there is a sense to present here the whole text:

*She lay very still in bed with stubborn eyes
Holding her breath lest she begin to think
I was a shadow upright in the corner
Dancing joyously in the firelight.*

*She stirred in her sleep and clutched the blanket with her fingers
She was pale and breathed hard.
When the morning shook the long nasturtium creeper
in the tawny bowl
I passed joyously through the window [Eliot 1997: 54].*

The title of the poem corresponds to the psychoanalytical context and implies the content related to repressed instincts, fears and desires. The figure of a dancer symbolizes hidden impulses and probably unacceptable thoughts and emotions toward a sleeping girl. Hysterical behavior, "nerves", suppressed erotic impulses were typical subjects of the early Eliot's poetry and his famous neurotic monologues being "a manifestation of a modern sensibility and of the vibrating, supersubtle perceptual mechanisms necessary to the avant-garde poet" [Jenkins 1997]. The poem is based on the contrast of a moving bright figure of a dancer and a static still pale girl. The new thrilling unexpected artistic perspectives open up when we turn to the possible "sources of inspiration" rooted in the cultural context of 1910–1911⁸.

It is interesting to disclose the hidden meaning of the intermediality in the poem under scrutiny taking into account the impact of contextual, historical, intertextual and other accompanying elements and dimensions, that will inevitably force to reframe the material. In this case such nonverbal media important for a closer reading of the text were the clue events of the Parisian artistic life puzzling and shocking the audience and echoed over the years: Henri Matisse's *"Dance"* debuted at the Salon d'Automne in 1910 and the premiere of ballet *"Le Spectre de la Rose"* in June 1911.

That's fabulous that nobody hasn't noted before that the model of the plot in this Eliot's poem reminds the libretto of Fokine's ballet: a sleeping girl, and a ghost dancing in her room and leaping out through the window. The idea of the ballet came from Jean-Louis Vaudoyer who wrote the story based on a verse by Théophile Gautier. Eliot keeps on the plot but transforms the romantic story interpreting it in the spirit of the epoch, psychoanalytical and expressionistic. The history of transformations of the orig-

inal idea could become the object of the special research. In 1819 Weber composed the piano piece, a concert waltz (orchestrated by Hector Berlioz in 1841) and dedicated it to his wife. He labelled his work "rondeau brillante" and devised a program for the piece: *"First approach of the dancer to whom the lady gives an evasive answer. His more pressing invitation; her acceptance of his request. Now they converse in greater detail; he begins; she answers; he with heightened expression; she responds more warmly; now for the dance! His remarks concerning it; her answer; their coming together; their going forward; expectation of the beginning of the dance. The Dance. End; his thanks, her reply and their parting. Silence"* [Samson 2010]. One can hardly see in this cute story the perspective of further development of the story, however, the dance canvas is preserved in all further transformations.

This Eliot's poem could be also defined as a "dance-poem" retentively keeping the spatiotemporal and psychodynamic modes of Fokine's ballet. The action takes place at the night in the room with the large window, like in Bakst's scenery we can see the bed and flowers. Bakst's contrast colors of the costumes of the ghost and the girl, white and pink, are embodied in "pale" and "firelight" in Eliot's poem. At last the main attraction of the ballet, a famous Nijinsky's leap, "a leap into madness", corresponds to the leap of the protagonist in *"Suppressed Complex"*. The spirit of the rose will become also one of the through key images in Eliot's poetry. And in the light of *"Suppressed Complex"* the line "to summon the spectre of a Rose" (*"Little Gidding"*) acquires new shades of meaning.

The joyous ecstatic character of the dance of "suppressed complex" and the peculiarities of spatial and coloristic organization and entourage demand to refer to one more possible visual pretext of Eliot's poem; Henri Matisse's paintings *"Dance"* (1910) and *"Nasturtiums and the 'Dance'"* (1912). This allows for the self-reflexive revealing of the intermedial status and performative potential of the painting as a captivating, sensual event and understanding the process of synesthesia causing the text to function as a visual artwork in itself. The primitive, hedonistic character of Matisse's dancing figures allows viewers to experience the simple, pure joy that results from the act of dancing. Matisse's *"Dance"* is one of the few wholly convincing images of physical ecstasy made in the twentieth century. The red-orange figure of Eliot's dancer devoid of any individual features and sublimating the unconscious emotions, physiological tension and chthonic energy could be imagined among ecstatic dancers by Matisse

In turn the themes and character of these paintings were the result of the Matisse's passion for the dance culture of his time. Like his contemporaries Matisse found in dance and dancers a source of inspiration for his work. Forbidding, menacing, tribal, ritualistic mood of *"Dance"* coordinated to the modernist interest for the archaic and primitive art forms. One of the possible intermedial pretexts of Matisse's "pagan bacchanalia" could be the performances of the Ballet Russes in 1909–10s and first of all oriental and Dionysian *"Polovtsian Dances"* (*"Danse polovtsiennes du Prince Igor"*). A British scholar Olga Taxidou underlined this total intermedial importance of dance for Modernity: "Dance offers a laboratory where the discourses of Hellenism, Orientalism, Primitivism, technology, and gender interact, fuse with, and contradict each other, creating the

movement that has come to be known as Modern Dance, but also inflecting the broader aesthetics of modernism" [Taxidou 2017: 111].

No doubt that Eliot arriving to Paris visited the Salon d'Automne to see a new work of Matisse which had acquired expressive resonance. It is difficult to say when exactly Eliot knew Matisse's works but in the notes to his letters we found the following fact: "He <Okakura Kakuzo> took TSE to meet Matisse in 1910" [Eliot 1988: 93]. To answer the question of what kind that meeting could be should become the task of the future study, by now we can confirm that in 1910 Eliot was definitely interested in Matisse's works.

The composition and entourage of the other Matisse's painting "Nasturtiums and the 'Dance'" corresponds to the décor of the room in which the action of "Suppressed Complex" took place. In the second version of the picture we can see the chair, table with flowers and dancing figures in the painted landscape at the background. Matisse's inclusion of this landscape in an interior creates an intriguing ambiguity by bringing the outdoors inside. Also there is the illusion that the figures are dancing outside the window. A few sprigs of nasturtium in a vase might trigger Eliot's line: "the long nasturtium creeper in the tawny bowl" [Eliot 1997:

54]. Thus the poem could be illustrated by this Matisse's picture. And in this case it is not a traditional ekphrasis: the poem is connecting to different intermedial sources through a very complex and dynamic system of references.

The analysis of the early Eliot's poems proves that modernist texts install relations of equivalence with other arts by applying all sorts of literary techniques. The poetic text incorporates the visual and plastic arts not only in a thematic way the text tends to the specific intermedial metamorphosis. The intertextual, intermedial and other accompanying elements force the reader to reframe the original material and be included into the process of co-creation and formation a new intermedial narration.

The turn to the historical context demonstrates that experiments in dance and painting inspired the experiments in poetry. The creative interface between moving modernisms and literary modernism clearly exhibits how the intermedial allusions help to state relations between different arts and texts and to expand semantic field of the recipient text. In his poems "The Death of St. Narcissus" and "Suppressed Complex" Eliot responding to the specific socio-cultural context and individual artistic impulses renewed genre conventions and produced innovative hybrid literary forms, new imagery and original poetic concepts.

ЛИТЕРАТУРА

- Eilittä L. From Interdisciplinarity to Intermediality // *Intermedial Arts: Disrupting, Remembering and Transforming Media*. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – vii–xiii.
- Eliot T. S. *Poems Written in Early Youth*. – London: Faber and Faber, 1967.
- Eliot T. S. *The Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts, Including the Annotations of Ezra Pound* / ed. by V. Eliot. – San Diego; New York; London: A Harvest Book; Harcourt Inc., 1971.
- Eliot T. S. *Complete Poems and Plays*. – L.: Faber and Faber, 1977.
- Eliot T. S. *The Letters of T. S. Eliot*. Vol. 1 (1898–1922). – N. Y.; San Diego; London, Harcourt Brace Jovanovich, Publishers, 1988.
- Eliot T. S. *Inventions of the March Hare: Poems 1909–1917*. – N. Y.; San Diego; London, Harcourt Brace & Company, 1997.
- Gardner H. *The Composition of "Four Quartets"*. – N. Y.: Oxford University Press, 1978.
- Handbook of Intermediality. Literature – Image – Sound – Music*. – Berlin; Boston, Mass.: De Gruyter, 2015.
- Hargrove N. D. T. S. *Eliot's Parisian Year*. – Gainesville: University Press of Florida, 2010.
- Jenkins N. More American Than We Knew [Electronic resource] // *New York Times*. – 1997. – April 20. – Mode of access: www.nytimes.com/books/97/04/20/reviews/970420.20jenkint.html.
- Schuchard R. *Eliot's Dark Angel. Intersections of Life and Art*. – N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Smith G. T. S. *Eliot's Poetry and Plays. A Study in Sources and Meaning*. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1967.
- Petho Á. *Intermediality in Film: A Historiography of Methodologies* // *Acta Univ. Sapientiae, Film and Media Studies*. – 2010. – № 2. – P. 39–72.
- Samson C. *Weber Invitation to the Dance* [Electronic resource] // *Colorado Public Radio*. – 2010. – May 2. – Mode of access: web.archive.org/web/20110718034610; www.cpr.org/article/Weber_Invitation_to_the_Dance.
- Taxidou O. 'Do Not Call Me a Dancer' (Isadora Duncan, 1929): *Dance and Modernist Experimentation // Moving Modernisms: Motion, Technology, and Modernity* / ed. by D. Bradshaw, L. Marcus, R. Roach. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 110–123.
- Verna M. The correspondence of the arts in a *Fin de Siècle Magazine*. The "Livres d'Art" at the crossroads of Modernism [Electronic resource] // *Nouvelle Fribourg*, n. 1, juin 2015. – Mode of access: www.nouvellefribourg.com/universite/the-correspondence-of-the-arts-in-a-fin-de-siecle-magazine-the-livre-dart-at-the-crossroads-of-modernism.

REFERENCES

- Eilittä L. From Interdisciplinarity to Intermediality // *Intermedial Arts: Disrupting, Remembering and Transforming Media*. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – vii–xiii.
- Eliot T. S. *Poems Written in Early Youth*. – L.: Faber and Faber, 1967.
- Eliot T. S. *The Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts, Including the Annotations of Ezra Pound* / ed. by V. Eliot. – San Diego; New York; London: A Harvest Book; Harcourt Inc., 1971.
- Eliot T. S. *Complete Poems and Plays*. – L.: Faber and Faber, 1977.
- Eliot T. S. *The Letters of T. S. Eliot*. Vol. 1 (1898–1922). – N. Y.; San Diego; London, Harcourt Brace Jovanovich, Publishers, 1988.
- Eliot T. S. *Inventions of the March Hare: Poems 1909–1917*. – N. Y.; San Diego; London, Harcourt Brace & Company, 1997.
- Gardner H. *The Composition of "Four Quartets"*. – N. Y.: Oxford University Press, 1978.
- Handbook of Intermediality. Literature – Image – Sound – Music*. – Berlin; Boston, Mass.: De Gruyter, 2015.
- Hargrove N. D. T. S. *Eliot's Parisian Year*. – Gainesville: University Press of Florida, 2010.
- Jenkins N. More American Than We Knew [Electronic resource] // *New York Times*. – 1997. – April 20. – Mode of access: www.nytimes.com/books/97/04/20/reviews/970420.20jenkint.html.
- Schuchard R. *Eliot's Dark Angel. Intersections of Life and Art*. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Smith G. T. S. *Eliot's Poetry and Plays. A Study in Sources and Meaning*. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1967.
- Petho Á. *Intermediality in Film: A Historiography of Methodologies* // *Acta Univ. Sapientiae, Film and Media Studies*. – 2010. – № 2. – P. 39–72.
- Samson C. *Weber Invitation to the Dance* [Electronic resource] // *Colorado Public Radio*. – 2010. – May 2. – Mode of access: web.archive.org/web/20110718034610; www.cpr.org/article/Weber_Invitation_to_the_Dance.
- Taxidou O. 'Do Not Call Me a Dancer' (Isadora Duncan, 1929): *Dance and Modernist Experimentation // Moving Modernisms: Motion, Technology, and Modernity* / ed. by D. Bradshaw, L. Marcus, R. Roach. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 110–123.
- Verna M. The correspondence of the arts in a *Fin de Siècle Magazine*. The "Livres d'Art" at the crossroads of Modernism [Electronic resource] // *Nouvelle Fribourg*, n. 1, juin 2015. – Mode of access: www.nouvellefribourg.com/universite/the-correspondence-of-the-arts-in-a-fin-de-siecle-magazine-the-livre-dart-at-the-crossroads-of-modernism.

Дмитриенко О. А. Набоков – Гойя: интермедиаьные корреляции в романе «Приглашение на казнь» (1938) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 32–36.

Лаврова Н. Л. Мотив Нарцисса в неотрадиционалистской практике художественного письма // Новый филологический вестник. – 2010. – № 3 (14). – С. 89–102.

Парфенова И. Н., Пешкова И. М. Дягилев и музыка. Словарь. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2017.

Толмачев В. М. Т. С. Элиот, поэт «Бесплодной земли» // Элиот Т. С. Бесплодная земля. – М.: Ладомир; Наука, 2014. – С. 273–378.

Ушакова О. М. Денди, хулиган и мистик: школа поэтической игры в «Инвенциях мартовского зайца» Т. С. Элиота // Литература двух Америк. – 2016. – № 1. – С. 50–79.

Dmitrienko O. A. Nabokov – Goya: intermedial correlations in the novel “Invitation to the execution” (1938) Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism. – 2013. – № 1. – P. 32–36.

Lavrova N. L. Motif of Narcissus in the non-traditionalist practice of artistic writing // New philological messenger. – 2010. – № 3 (14). – P. 89–102.

Parfenova I. N., Peshkova I. M. Dyagilev and music. Vocabulary. – M.: Artist. Producer. Theater, 2017.

Tolmachev V. M. T.S. Eliot, the poet of the “Barren Land” // Eliot T. S. Barren Land. – M.: Lodomir; Nauka, 2014. – P. 273–378.

Ushakova O. M. Dandy, Hooligan and Mystic: School of Poetry in the Inventions of the March Hare by T. S. Eliot // The literature of the two Americas. – 2016. – № 1. – P. 50–79.

Данные об авторе

Ушакова Ольга Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (Тюмень).

Адрес: 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: olmiva@yandex.ru

Author's information

Ushakova Olga Michailovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University (Tyumen).

ТРАЕКТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Казакова Е. В.
Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: –

Шарыпина Т. А.
Нижний Новгород, Россия
ORCID ID: –
E-mail : kazakova.e.v@gmail.com

УДК 82-93
DOI 10.26170/FK19-01-21
ББК Ш380.112
ГСНТИ 17.09.09
КОД ВАК 10.01.03

ОБРАЗ ЛИСА РЕНАРА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ И ЛЮКСЕМБУРГА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Аннотация. Предметом исследования в статье являются варианты репрезентации и авторского видения главного образа средневекового «Романа о Лисе» Лиса Ренара, в детской литературе трех стран. Функционирование сюжета о Лисе в литературном сознании Франции, Германии и Люксембурга показательны. Традиционные сюжеты и образы средневекового фольклора германских народов, о чем свидетельствует имя главного героя, восходящее к общегерманским корням *regin* 'совет' и *hart* 'крепкий', оказали влияние на формирование образа персонажа-трикстера и впоследствии нашли воплощение не только во Франции XII–XIII вв. в «Романе о Лисе», но и у соседних с французами германских народов (фламандцев, голландцев, немцев). В XIX в. благодаря поэме М. Роданжа «Рейнерт» (1872) средневековый герой «переходит» в Люксембург, находящийся на пересечении культурных традиций, и, наконец, получает разнообразные интерпретации в современной литературе XX и XXI вв.

Ключевые слова:
Лис Ренар; архетипы; детская литература; литературные герои; французская литература; немецкая литература; литературные образы.

Для изучения отобранных произведения, созданные в период с 60-х гг. XX в. по 2018 год, предлагающие интерпретацию образа главного персонажа «Романа о Лисе» в литературе для детей и подростков. Из проведенного анализа следует, что интерпретации «Романа о Лисе» не только знакомят подрастающее поколение с литературной классикой, но и выступают, по аналогии со сказками, в роли своеобразного дидактического пособия. Интерпретации сюжета о Лисе Ренаре в новых социокультурных условиях служат социальной адаптации детей и подростков к сложностям жизни в обществе. С одной стороны, ребенок должен впитать основные христианские ценности, с другой стороны, опасаясь того, что он станет легкой жертвой, его приобщают, при помощи литературных образов, к такому поведению, которое поможет стать победителем в различных ситуациях. Наряду с хитростями и шалостями сказочных персонажей, таких как Мальчик-с-пальчик и Красная Шапочка, ребенку предлагаются истории о проделках Лиса Ренара. Полисемантность и смысловая многослойность «Романа о Лисе» определили последующее обращение к средневековому сюжету с целью реализации его в иных культурно-исторических рамках, в литературном сознании иных эпох. Французская детская литература указанного периода, интерпретирующая образ Лиса, остается в данной группе произведений более консервативной, чем немецкая и люксембургская. Разнообразие интерпретаций произведения-оригинала, географическое и временное, подтверждают несомненный архетипичный характер произведения как на сюжетно-композиционном уровне, так и на уровне создания системы образов.

Kazakova E. V.
Sharypina T. A.
Nizhniy Novgorod, Russia

THE CHARACTER OF REYNARD THE FOX IN THE CHILDREN'S LITERATURE OF FRANCE, GERMANY AND LUXEMBURG (SECOND HALF OF THE 20th – BEGINNING OF THE 21st CENTURIES)

Abstract. The article focuses on the variants of representation and author's interpretation of the title character of the medieval fables "Reynard the Fox" in the children's literature of three countries. The functioning of the plot about the Fox in the literary consciousness of France, Germany and Luxembourg is rather significant. The traditional plots and characters of the medieval folklore of the Germanic peoples, as indicated by the name of the main character, originating from the common Germanic roots *regin* 'sovet' and *hart* 'krepkiy' had influenced the formation of the character of a trickster, and were later introduced not only in the novel "Roman de Renard" in France in the 12th–13th centuries but also in the literature of the neighboring Germanic peoples (the Flemish, the Dutch, and the Germans). Thanks to the 19th century poem by Michel Rodange "Renert" (1872), the medieval character "moves" to Luxembourg, which is situated at the crossroads of cultural traditions, and, finally, receives various interpretations in the modern literature of the 20th and 21st centuries.

Keywords:
Lis Reynard; archetypes; children's literature; literary heroes; French literature; German literature; literary images.

The study is based on the literary works created over the period from the 1960^s to 2018 and interpreting the image of the main character of "Reynard the Fox" in the literature for children and teenagers. The analysis shows that the interpretations of the "Reynard the Fox" do not only acquaint the growing generation with the literary classics but also function, the same as fables do, as certain didactic aids. The need for social adaptation of children and teenagers to the problems of life in society explains the interest in the plot about Reynard the Fox under new socio-cultural conditions. On the one hand, the children must acquire the main Christian values; and, on

the other hand, in view of the threat of falling prey to false beliefs, they are acquainted, with the help of literary characters, with the kind of behavior that can help them become winners in various life situations. Alongside with the cunning and tricks of the fable characters, such as Tom Thumb and Little Red Riding Hood, the children are offered stories about the tricks of Reynard the Fox. The polysemantic nature and the multilayered structure of the "Reynard the Fox" have determined the use of the medieval plot with the purpose of its realization within new cultural-historical frames, or literary consciousness of other epochs. French children's literature of the given period interpreting the character of the Fox remains to be more conservative than that of Germany and Luxembourg. The geographic and temporal variety of interpretations of the original work of literature corroborates the saliently archetypal nature of the novel both on the level of the plot and composition, and on the level of creation of the system of characters.

Для цитирования: Казакова, Е. В. Образ Лиса Ренара в детской литературе Франции, Германии и Люксембурга (вторая половина XX – начало XXI века) / Е. В. Казакова, Т. А. Шарыпина // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 144–151. DOI 10.26170/fk19-01-21.

For citation: Kazakova, E. V. The Character of Reynard the Fox in the Children's Literature of France, Germany and Luxembourg (second half of the 20th – beginning of the 21st centuries) / E. V. Kazakova, T. A. Sharypina // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 144–151. DOI 10.26170/fk19-01-21.

Le folklore servait pendant plusieurs siècles de littérature pour enfants, étant accompagné des contes d'auteurs à partir du XVIIIe siècle. La littérature pour enfants connaît son épanouissement incontestable au XXe siècle grâce à l'apparition d'un grand nombre d'écrivains intéressés aux jeunes lecteurs et à une variété considérable d'intrigues et formes de narration. La littérature d'enfance, c'est le domaine où les données constantes de culture se révèlent le mieux ; elles restent étroitement liées au folklore ce qui permet l'interprétation des intrigues devenues classiques en les introduisant dans le contexte géographique, social et culturel correspondant à l'idée de l'œuvre. Le « Roman de Renart » français, exemple éminent de la littérature satirique médiévale des XIIe – XIIIe siècles, reste une source des intrigues et des personnages ce qui s'explique par sa popularité et le caractère universel de son contenu au niveau de idées exprimées et des personnages types, ce qui le rapproche à un recueil folklorique [Kazakova 2013: 237].

L'objectif de l'étude est de révéler, par l'intermédiaire de l'analyse comparative, stylistique et linguistique, les transformations de la base archétypique de l'intrigue du « Roman de Renart » dans la littérature enfance et jeunesse européenne. Ce sont principalement les allusions littéraires et les variations du « Roman de Renart » dans la littérature allemande, luxembourgeoise et française à partir des années 1960 du XXe jusqu'à l'année 2018. L'objectif de l'étude consiste également en dégagement de l'identité nationale à partir des variations de l'image de Renart dans la conscience littéraire des pays mentionnés.

« Roman de Renart » en tant qu'une œuvre littéraire pour enfants assume deux fonctions : présente les classiques de la littérature française et sert de livre didactique de manière similaire à des contes. Les réécritures des aventures de Renart dans les nouvelles conditions socioculturelles visent l'adaptation des enfants et des adolescents aux difficultés de la vie en société.

D'une part, l'enfant doit s'initier aux valeurs chrétiennes, d'autre part, afin de ne pas se trouver une victime crédule, on lui apprend, par l'intermédiaire des images littéraires, un tel comportement qui lui permettra de sortir vainqueur des diverses situations compliquées. Outre les tours et les difficultés des personnages de contes, tels que, par exemple, le Petit Poucet ou le Petit Chaperon rouge, l'enfant s'initie à des histoires des fourberies de Renart.

L'intérêt porté pour le Roman dès la création de ses premières branches ne passe pas au fil des siècles, ce qui résulte en traduction en d'autres langues européennes et, plus tard, en parution des œuvres s'inspirant de l'intrigue et des personnages principaux du « Roman de Renart » qui complètent la littérature enfance et jeunesse en Allemagne, au Luxembourg et en France. À cet égard, il est intéressant de se référer à l'intrigue et au personnage principal du roman médiéval français et à ses interprétations classiques ultérieures du XIXe siècle (I. V. Goethe « Reineke-Fuchs » (1793) et M. Rodange « Reinert » (1872)) pour déterminer dans quelle mesure influencent-ils la création des images modernes de Renart dans la littérature enfance et jeunesse des trois pays dans la période indiquée. Pour révéler et juger de l'influence que le Roman de Renart porte sur les œuvres contemporaines de la littérature pour enfance et jeunesse, nous nous servirons des approches biographique, historique, culturelle, comparatiste à la littérature et de l'analyse lexicosemantique des textes en question.

Les transcriptions et les adaptations du « Roman de Renart », aussi bien que les variations et les allusions littéraires sont différentes et nombreuses en Europe : livres imprimés, bandes dessinées, dessins animés, conçus pour différents groupes d'âge, où, progressivement avec l'âge du lecteur, l'auteur augmente le volume d'événements, élargit la thématique (relations amoureuses, discours antireligieux) et introduit le vocabulaire tabou.

La reproduction de l'image de Renart dans la conscience littéraire des trois pays est significative. Les intrigues et les images traditionnelles du folklore germanique médiéval, comme en témoigne le nom du personnage principal (remontant à la racine allemande *regin* 'conseil' et *hart* 'dur', c'est à dire 'fort en conseil'), influencent la création d'un personnage rusé ce qui se réalise ensuite non seulement en France aux XIIe – XIIIe siècles, dans «Le roman de Renart», mais aussi dans la littérature des peuples germaniques voisins (flamand, néerlandais, allemand). Au XIXe siècle, grâce au poème « Reinert » de M. Rodange (1872) le personnage médiéval apparaît au Luxembourg, situé au carrefour des traditions culturelles. Enfin, Renart reçoit diverses interprétations dans la littérature des XXe et XXIe siècles dans ces trois pays.

Le nombre d'ouvrages consacrés au « Roman de Renart » médiéval est en augmentation constante. Cela indique l'ampleur de l'œuvre et son influence active sur

la conscience artistique mondiale. La plupart des travaux consacrés directement au « Roman de Renart » dans le cadre d'études littéraires et linguistiques ont été réalisés aux XIXe et XXe siècles. Dans la critique littéraire française, on propose l'analyse de la réception du « Roman de Renart » dans des époques différentes, du paradigme culturel du Moyen Âge, de l'Époque Moderne et du XXe siècle, on y étudie également la mise en œuvre du principe d'anthropomorphisme et sa transformation avec le changement d'époque (A. Rothe, L. Sudre, J. Flinn, J. Batany, J. R. Scheidegger, Cl. Reichler, K. Varty, J. Dufournet, J. Grimm, P. Paris, E. Martin, G. Paris, R. Bossuat, G. Bianciotto, R. Bellon, A. Crépin, M. Combarieu du Grès, N. Fukumoto, N. Harano, J. Subrenat). Parmi les scientifiques russes, A. D. Mikhailov, E. M. Meletinsky, L. Kolmachevsky, E. A. Kostyukhin ont apporté leurs remarquables interprétations du Roman médiéval ; à prendre également en considération des thèses consacrées au « Roman de Renart », l'illustrant comme exemple éminent de la littérature urbaine du Moyen Âge français, (Yu. S. Orekhova, E. A. Kostyukhin, E. V. Kazakova).

Le poème « Reineke Fuchs » (1793) de Johann Wolfgang Goethe [Goethe 1973] occupe une place particulière parmi les variations sur l'histoire de Renart, mais ne fait pas l'objet d'une attention particulière des philologues spécialisés en œuvre du poète et n'est que rarement mentionné dans les ouvrages généraux. Il en est de même pour l'adaptation « Reineke Fuchs » (1964) réalisée par l'écrivain allemand Franz Fühmann [Fühmann 1964] qui n'est mentionnée que dans les travaux de caractère général sur son parcours créatif. « Reinert » ou « De Renert oder de Fuuß am Frack an a Ma'nsgrëßt » (1872) de l'auteur luxembourgeois Michel Rodange, qui n'a pas de traduction en d'autres langues, fait par conséquent l'objet de l'intérêt d'un cercle restreint de spécialistes [Rodange 1921].

Le poème de M. Rodange devient l'objet d'études des spécialistes de la culture et de la littérature luxembourgeoises, réunis dans un recueil consacré aux œuvres de M. Rodange [Baden 1977], et également analysé et comparé au poème de Goethe et au « Roman de Renart » médiéval par J. Dufournet [Dufournet 2007]. En ce qui concerne la question de l'adaptation de l'intrigue et des personnages types du « Roman de Renart » dans la littérature enfance et jeunesse récente des pays mentionnés, elle n'a pas été largement étudiée. Pourtant, ce thème reste intéressant et fait l'objet des colloques¹ sur la réécriture et adaptations pour les enfants de la littérature médiévale destinées à l'origine aux adultes et recherches individuelles sur le même thème [White-Le Goff 2010].

Par les variations ou œuvres inspirées du « Roman de Renart » nous comprenons des œuvres présentant une variété de structures, de genres et de degrés d'utilisation des intrigues et des images de l'œuvre originale. Nous nous limiterons à ceux qui empruntent directement le personnage principal, Renart, ou se servent de l'image du même animal, sans mentionner son appartenance à l'épopée médié-

vale. Pourtant, les caractéristiques inhérentes au personnage emmènent facilement le jeune lecteur au prototype, car Renart représente un invariant culturel de la littérature européenne. Dans la plupart des cas, Renart (*Renard*, si on parle de l'orthographe dans la littérature contemporaine, ou même *renard* si un personnage ne reçoit pas de nom propre) est toujours l'un des principaux acteurs qui est en interaction avec un animal ou un humain. Les littératures allemande et française pour enfants sont unanimes au niveau de l'organisation de la trame narrative et de la manière d'utiliser les caractères animaliers². Néanmoins, les ouvrages examinés (une soixantaine) se différencient par une variété de sujets et d'objectifs didactiques des auteurs. La nécessité de préserver et de transmettre l'image constante d'un Renard rusé au jeune public détermine la reproduction de certaines situations et caractéristiques propres à la culture médiévale.

La littérature enfance et jeunesse française de cette période reste plus conservatrice : le renard est toujours rusé et perfide, mais en finale ou tout au long du récit, il s'en trouve être puni. Il convient de noter que la littérature pour enfants utilise largement le modèle type de Renart, avec ses caractéristiques, formé par la tradition culturelle, mais bien différent de celui de Renart (en original) ; son nom propre Renart (qui remonte à la racine allemande *regin* 'conseil' et *hart* 'dur', c'est à dire 'fort en conseil') étant passé dans la catégorie des noms communs est actuellement accompagné d'un nom propre ou désigne un animal en général.

Ces travaux se distinguent par une variété d'intrigues inattendues et d'objectifs didactiques des auteurs. Tout d'abord, la nécessité de préserver et de transmettre au jeune public l'image constante du personnage rusé détermine la reproduction de certaines caractéristiques et situations traditionnelles. Par exemple, dans le livre d'Eric Battut « Le renard et la poulette », la jeune Poule échange imprudemment son premier œuf contre un gros ver de terre, et ensuite tous les animaux de la ferme conjuguent leurs efforts pour déjouer le Renard³ et ravoir l'œuf [Battut 2008]. Dans une autre édition, celle d'Annie Caldirac, intitulée « Histoires de renards », le lecteur est invité à apprendre la réputation du Renard dans le monde [Caldirac 2014]. Après une brève analyse des qualités du Renart, traditionnelles pour la culture européenne (rusé, diabolique, feint, intelligent), l'auteur envoie le héros dans un voyage dans de différents pays où le Renard se trouve souvent trompé (par exemple, en Argentine, puisque dans la culture de ce pays le renard n'est pas le plus rusé des animaux).

Un des éléments stables des intrigues dans les livres français en question est l'attribution des caractéristiques renardiennes stéréotypées à un personnage humain afin d'établir un contact entre les deux. L'édition de Florence Reynaud « Le Renard et l'Enfant » doublée d'un film peut en servir d'exemple. Les personnages sont placés dans des conditions réelles, l'histoire est accompagnée d'une riche

¹ « L'édition pour la jeunesse entre héritage et culture de masse ». Le colloque du 21 au 24 juin 2004 co-organisé par l'Institut International Charles Perrault, l'Université Paris 13, l'Afrelco.

« Le moyen âge et la littérature de jeunesse : créations, récréations ». Colloque du 10 et 11 septembre 2008 organisé par le centre « Archives, textes et sciences des textes » de l'Université de Franche-Comté.

² Dans la plupart des œuvres, on utilise l'image d'un renardeau en tant qu'un animal ordinaire qui, tout comme les autres petits, apprend le monde (part à la recherche de sa maman, apprend à chasser et distinguer les odeurs, se trouve des amis). De tels exemples de la littérature pour enfants ne font pas l'objet d'analyse de notre étude.

³ (orthographe modernisée, la variante Renart n'étant utilisée que par rapport au roman médiéval et son personnage principal ou à l'archétype du trompeur universel qui y remonte).

description de la nature locale. Ayant rencontré un jeune renard une fois à la lisière de la forêt, la jeune fille veut voir l'animal sauvage qui l'intéresse. La fille est déjà munie des caractéristiques stéréotypées sur la ruse et l'ingéniosité de l'animal et elle essaie de cultiver les mêmes qualités en elle-même pour comprendre et se sentir comme un renard et devenir son ami ; la fille y parvient finalement. Mais l'idée principale de l'œuvre est en nécessité de reconnaître le monde de l'animal comme autonome et de limiter l'égoïsme humain [Reynaud 2007].

Le groupe d'essais le plus volumineux sur le Renard dans la littérature française du début du XXIe siècle se caractérise par le désir de réfuter les idées stéréotypées concernant l'animal en question (fourbe, intelligent, inventif, mercenaire). Ainsi, du livre de Didier Lévy « Le problème quand on est un renard », le lecteur apprend que le Renard est entravé par sa réputation d'un sournois : il voudrait être différent, mais personne ne lui fait confiance [Lévy 2006] ; de l'album de Catherine Parmentier-Blancard « Renard et les trois œufs » – que le Renard peut vraiment être ami à la Poule et protéger ses futurs poussins alors qu'elle se rend chez le coiffeur [Parmentier-Blancard 2009] ; de l'édition de Loufane « Pou-Poule ! » – que le Renard peut être un bien-aimé de la Poule, cette dernière se rendant à la recherche du Renard malgré la désapprobation de ses proches [Loufane 2003].

Le travail de Benjamin Renner « Le grand méchant renard », lauréat de trois prix littéraires en France, édité en 2015 et porté à l'écran en 2017, présente un intérêt particulier pour l'étude. L'histoire de Renard, dont l'auteur est en même temps l'illustrateur, est présentée dans un genre de bande dessinée relativement nouveau [Renner 2015].

Les caractéristiques basiques de Renart sont le point de départ du développement du personnage principal de la bande dessinée. Le Renard est bien connu des animaux de la ferme, parmi lesquels on rencontre un lapin stupide, un cochon jardinier, un chien paresseux et une poule audacieuse et caractérielle. Le Renard chétif tente avec tous les moyens possibles de prendre la place du prédateur légendaire qui lui est traditionnellement attribuée par le folklore. Presque toujours, Renard échoue : la Poule est plus brave que lui, le Loup est plus persistant et plus cruel. En raison du manque d'efficacité de ses méthodes, Renard décide de voler les œufs de la Poule, de les laisser pousser, puis de les manger. Et à nouveau, l'intrigue est soumise à la conscience contemporaine déterminant les particularités de la littérature pour enfants du début du XXIe siècle. Le projet de Renard ne se réalise pas : malgré l'autosuggestion et les tentatives de faire croire les poulets que c'est lui, le grand méchant Renart, aucun des personnages ne l'accepte. Les poulets sont convaincus que Renard est leur mère et s'il insiste sur le fait qu'il est un renard, ils sont donc de jeunes renards et mangeront les poulets quand ils seront grands. En conséquence, après de nombreuses tentatives, Renard se découvre un instinct maternel et se laisse guider par lui.

En ce qui concerne les variations de l'image de Renart, proposées au public jeune, nous concluons que seules les caractéristiques principales du personnage sont utilisées. Des qualités telles que la cruauté et l'arrogance ne complètent pas encore l'image de Renart, mais seront connues dès leur première rencontre avec les adaptations du « Ro-

man de Renart » même destinées aux enfants et aux adolescents. L'âge du lecteur détermine le recours fréquent des auteurs au procédé de l'anthropomorphisme, une des techniques du folklore et du genre de fable, ainsi que du « Roman de Renart » médiéval.

L'analyse des variations de l'intrigue et du personnage du Roman français médiéval dans l'espace littéraire allemand commence par l'adaptation « Renard le goupil » (Reineke Fuchs. Neu erzählt) de l'écrivain est-allemand Franz Fühmann (Franz Antonia Josef Rudolf Maria Fühmann, 1922–1984) [Fühmann 1964].

Il convient de noter une orientation didactique et éducative particulière de l'ouvrage mentionné, ce qui découle de la spécificité de la conscience littéraire allemande. Depuis le XVIIIe siècle, les meilleurs représentants de la culture allemande croyaient au pouvoir didactique de l'art et de la parole artistique, étant influencés par l'œuvre de Goethe et Schiller, puis celui de Richard Wagner, avec son idée de créer un art du futur, capable d'éduquer une nouvelle société humaine. Franz Fühmann s'est intéressé très tôt au patrimoine folklorique qui a été réutilisé ensuite dans ses travaux. Ce fait est lié au lieu de naissance de l'écrivain, qui a laissé une empreinte indélébile sur sa vision du monde : au pied des montagnes des Sudètes (Riesengebirge), où les traditions des cultures allemande, autrichienne et slave, notamment leur folklore, ont été longtemps reliées. Après avoir obtenu son diplôme de l'école antifasciste et repensé les valeurs et les événements de l'histoire et de la culture allemande du XXe siècle, F. Fühmann réévaluera l'expérience culturelle de son enfance. C'est peut-être à ce moment-là que l'idée a surgi dans l'esprit de F. Fühmann de libérer l'héritage classique du passé (mythes, légendes et contes des peuples européens et surtout germaniques) des interprétations fausses et des spéculations des idéologues nazis. F. Fühmann localisera le travail dans l'éducation des enfants et des adolescents, car, de son point de vue, les tragédies humaines pressent leurs origines dans cette période de vie. Faisons attention à la prédilection de F. Fühmann au début de son chemin pour l'opposition binaire des contes, ce qui deviendra plus tard un intérêt stable pour la polysémie du mythe. Depuis 1959, après la naissance de sa fille, l'écrivain réalise des œuvres pour enfants. Sous une forme vivante et fascinante, l'écrivain expose non seulement des intrigues connues, mais permet également aux lecteurs, qui se trouvent dans les nouvelles conditions culturelles et historiques, de comprendre leur signification sous-jacente qui y est donnée : « Renart le goupil », (Reineke Fuchs. Neu erzählt, 1964), « Le cheval de bois » (Das Hölzerne Pferd. Die Sage vom Untergang Trojas und von den Irrfahrten des Odysseus. Nach Homer und anderen Quellen neu erzählt, 1968), « Les contes de Shakespeare » (Shakespeare-Märchen, 1968), « Une chanson des Nibelungen » (Das Nibelungenlied. Neu erzählt, 1971), « Les cous fumants des chevaux dans la tour de Babel » (Die dämpfenden Hälsen der Pferde im Turm von Babel, 1978), etc. Ces livres sont conçus non seulement pour les enfants, mais également pour les lecteurs adultes : ils représentent une collection unique des intrigues et des thèmes de littérature classique et de folklore révisés de manière didactique. Dans le même temps, ces travaux servent de support à l'analyse des principes et méthodes émergentes de lecture et de transformation des intrigues et des images du passé dans un nouveau système éthico-esthé-

tique. Sous une forme accessible et émotionnelle, l'écrivain tente de présenter au jeune lecteur le trésor de valeurs morales ancrées dans les mythes antiques et les intrigues de la littérature ancienne et médiévale et d'apporter l'expérience multiséculaire de l'humanité au monde spirituel de la génération moderne.

À l'exemple de son collègue Bertolt Brecht, l'écrivain se demandait quels groupes de la société contemporaine allemande avaient-ils le plus besoin d'éducation, ce que les deux hommes de lettres voyaient indispensable. Pour eux, les jeunes étaient le groupe le plus vulnérable sur le plan intellectuel et mental car leurs valeurs spirituelles et leur comportement quotidien étaient remarquablement hitlériens. Poursuivant des objectifs éducatifs, B. Brecht traite les pièces du répertoire classique et crée un certain nombre de pièces dites modèles qui contribuent à la formation d'exemples de comportement corrects. La transformation des classiques chez F. Fühmann poursuit des objectifs similaires. Au début des années 1960, Fühmann répond avec enthousiasme à la nouvelle tâche assignée aux artistes par le gouvernement de la RDA (République Démocratique Allemande) consistant à rapprocher l'art, la littérature et la production industrielle. Cependant, la crise de la politique culturelle, au milieu des années 1950, provoquée par l'incompatibilité du développement indépendant de la littérature et de la culture avec le fonctionnement de la politique autoritaire de la RDA dans le domaine de l'art, conduit l'auteur à une crise créatrice profonde. À la veille de la deuxième conférence de Bitterfeld (avril 1964), F. Fühmann écrit une lettre ouverte au ministre de la Culture où il parle les erreurs dans la politique culturelle de la RDA.

Reineke Fuchs inspiré du « Roman de Renart » français et raconté par F. Fühmann occupe une place particulière parmi les œuvres de l'écrivain puisque ce livre résulte d'un changement considérable dans sa conscience. Le protagoniste de la transcription ne peut en aucun cas servir de modèle à suivre. Fühmann conserve tout ce que l'on sait sur le Renart depuis le Moyen Âge, ses péchés associés à la méchanceté et à la tromperie : offenses apportées au loup (*Isegrim, der Wolf*), à l'ours (*Braun, der Bär*), au chat (*Hinz, der Kater*), épisodes repoussantes de traitement de la poule (*Kratzfuß, die Henne*) et du lièvre (*Lamprecht, der Hase*). L'éditeur du livre a même demandé à exclure certaines scènes et certains épisodes grossiers du texte, ce que l'auteur a fait. Cette transcription n'a pas un seul personnage positif capable de remplir des objectifs didactiques. C'est un ouvrage (rappel ou avertissement) qui invite le jeune lecteur à repenser le passé totalitaire de l'Allemagne. Le « Roman de Renart », à l'instar des mythes et légendes grecs et germaniques, a été utilisé à plusieurs reprises dans les adaptations et allusions littéraires pour enfants dans l'Allemagne hitlérienne à des fins de propagande antisémite. En fait, Fühmann repense l'intrigue médiévale de la même manière que Thomas Mann pour qui le travail d'humanisation des mythes dans ses romans intellectuels est comparable aux armes de l'ennemi capturées au combat et dirigées vers l'ennemi. À la fin de cette variation, l'écrivain donne une allusion transparente aux événements de l'histoire pas si lointaine, lorsque les nationaux-socialistes ont remporté les élections du parlement allemand en 1932, et Hitler a exigé que le président du pays Hindenburg le nomme chancelier. Fühmann utilise magistralement le motif du trésor

fictif du roi Ermanaric tiré du roman médiéval : Renart a apporté des mensonges sur le trésor et a réussi à sauver sa vie et à s'élever à la cour du lion Noble. Ce scénario devait rappeler l'affaire financière avec des subventions de l'État réalisée par le fils de Hindenburg. Le futur führer, étant au courant, a tourné cet affaire en sa faveur. Malgré tous ses crimes et ses déceptions, Renart de Fühmann devient non seulement un conseiller du roi, comme dans le poème de Goethe, et reçoit non seulement le sceau de l'État, mais est nommé chancelier du Reich.

Une telle variante du « Roman de Renart » médiéval aurait été influencée par le documentaire primé aux Oscars (*Black fox. The Rise and Fall of Adolf Hitler*, 1962) dans lequel Marlene Dietrich raconte la biographie de Hitler, décrit son chemin vers le pouvoir, les raisons de ses victoires et de ses défaites. L'intrigue du film contient des allusions aux rebondissements du « Roman de Renart », qui ont contribué à la représentation satirique de l'ancien dictateur.

La polysémie du « Roman de Renart » a déterminé l'appel ultérieur à l'intrigue médiévale dans le but de le réaliser dans un cadre culturel et historique différent, dans la conscience littéraire d'autres époques. Ainsi, la tonalité des variations du « Roman de Renart » pour enfants et adolescents de l'Allemagne unie change complètement. Parmi les œuvres analysées, la plupart reflètent telles qualités de l'archétype du Renart comme la ruse, la dextérité et la violence. Dans le livre de Kathrin Schärer « Quand le renard et le lapin se disent bonne nuit » (*Wenn Fuchs und Hase sich Gute Nacht sagen*) Renard chasse un lapin pour le manger et la victime tente d'expliquer pourquoi cela ne devrait pas être fait [Schärer 2007]. À noter que cette œuvre contient une tournure idiomatique légèrement modifiée de « *Wo Fuchs und Hase sich Gute Nacht sagen* » avec le sens de 'coin perdu, province profonde, terre patriarcale'. Dans le livre de Lorenz Pauli et Kathrin Schärer « Pippiloteca ??? La bibliothèque fait des merveilles » (*Pippilothek ??? Eine Bibliothek wirkt Wunder*) Renard poursuit la souris et se trouve dans la bibliothèque. Une fois tombé amoureux des livres, il devient pacifique et se lie d'amitié avec ceux qu'il a chassés auparavant [Pauli 2011]. Le plus proche de l'original s'avère l'histoire d'Ulrich Hub « Le renard ne ment pas » (*Füchse lügen nicht. Gebundenes Buch*) où un rusé Renard tente de voler les passeports de ses compagnons de voyage à l'aéroport, il s'intéresse particulièrement au passeport de Panda avec le sceau des espèces protégées. Les personnages anthropomorphes de ces œuvres reflètent leurs prototypes humains stéréotypés. L'auteur y arrive par l'intermédiaire de leur apparence, leur comportement et leurs noms. Renard, à son tour, utilise de nombreuses techniques connues pour réaliser son propre objectif [Hub 2014].

L'anthropomorphisme en tant que procédé littéraire n'est certainement pas typique des tendances littéraires modernes, mais dans le contexte de la littérature enfance et jeunesse, il semble plus naturel et est donc largement répandu, surtout dans la littérature destinée aux enfants d'âge préscolaire. Néanmoins, de nombreuses variations du « Roman de Renart », ainsi que celles analysées dans cet article, sont destinées aux lecteurs du primaire ou du secondaire qui ont une idée des tendances littéraires modernes. Tout cela donne au lecteur une idée des particulari-

tés de l'épopée médiévale en général et des façons de représentation des personnages en particulier.

Un groupe à part peut être constitué des œuvres où un renard en tant que personnage principal n'est point comparable à Renart type d'après ses caractéristiques ou son mode d'action. Pourtant, ce renard représente une caractéristique distinctive qui ne contredit pas l'image d'origine : inventif, ingénieux, ambitieux, résolu. Evidemment, cette caractéristique est héritée de l'archétype. Soit, le personnage du livre « Renard et les lettres perdues » de Pamela Zagarenski (*Der Fuchs und die verlorenen Buchstaben*) Renard aide une petite fille qui a perdu toutes les lettres du livre magique à attraper des mots volant dans l'air et à en inventer des histoires [Zagarenski 2016]. Il est à noter que toutes les œuvres de la période de l'Allemagne unie mentionnées ci-dessus, faisant appel à l'archétype de Renart, contrairement à la variante de F. Fühmann précédemment analysée, prennent fin par le refus de la part de Renart de ses intentions malveillantes. Ainsi, les histoires maintiennent-elles l'intérêt porté à l'image traditionnelle de Renart et attirent-elles l'attention du lecteur sur l'issue pacifique possible et souhaitable du conflit entre les personnages-animaux (voire humains) dans la société moderne. Dans le même temps, l'idée du refus de l'image traditionnelle constante de Renart (rusées, ingénieux, mercenaire) se manifeste clairement.

Un contexte socioculturel différent définit les variations luxembourgeoises de l'intrigue et des personnages. Depuis les années 1980, le monde de la littérature luxembourgeoise a considérablement évolué : l'allemand, qui remplissait la fonction du code principal de communication entre l'auteur et le lecteur, cède la place au luxembourgeois. Le regain d'intérêt pour la langue nationale [Hausemer 2008 : 8] aussi bien que la popularité croissante du thème de l'homme dans son environnement social contribuent au développement du marché de la littérature et à la conversion d'auteurs déjà connus en luxembourgeois [Littérature et écrivains luxembourgeois].

La littérature jeunesse au Luxembourg est un domaine important et en développement rapide. Notons qu'au cours des 30 dernières années, le nombre de publications pour enfants en luxembourgeois a considérablement augmenté, ce qui lui a permis de prendre une position de leader. Ainsi, le manque d'utilisation « artistique » de la langue nationale est comblé.

La littérature luxembourgeoise est représentée par une variété de genres et de thèmes. Les animaux, y compris le renard, en tant que personnages principaux, sont souvent soit des représentants du monde animalier naturel, soit des personnages anthropomorphes qui n'interagissent pas avec les humains. Malgré la renommée de « Reinert ou le Renart dans l'apparence humaine » de Michel Rodange (*De Renert oder de Fuuß am Frack an a Ma'nsgrëßt*, 1872), le Renard ne reste que le héros de ce poème satirique et de deux œuvres ultérieures interprétant des faits historiques importants au Luxembourg. Après le poème de Rodange, Renard apparaît dans la littérature luxembourgeoise du XXe siècle, participant toujours aux divers événements politiques et sociaux, tout en conservant le même image d'un personnage à deux envers. En 1968, l'écrivain luxembourgeois Leo Moulin publie le roman « Renard » (*De Fuus*, 1968), qui raconte les troubles du Luxembourg pendant l'occupation nazie (1940–

1944), où le personnage principal Renard, ancien élève de ce fameux Renard, est présenté comme un brave membre du mouvement Résistance. Et dans l'œuvre d'Emil Colling « Renard pendant la guerre » (*De Fuus am Krich*, 1978), le protagoniste est accusé d'avoir collaboré avec les nazis, ou tout au moins d'avoir accepté ce régime trop facilement et sans condition. Une telle organisation de l'intrigue laisse faire une analogie avec l'adaptation de Franz Fühmann « Renard le goupil » (*Reineke Fuchs. Neu erzählt*, 1964) et le documentaire « Renard noir. La montée et la chute d'Adolf Hitler » (*Black fox. The Rise and Fall of Adolf Hitler*, 1962). De toute évidence, l'intrigue et les personnages empruntés au poème de Goethe ne font pas partie de la base culturelle du Luxembourg. Et pourtant, le fonds paneuropéen de personnages se reflète de temps en temps dans la littérature pour enfants de ce pays sous forme de la négation des caractéristiques stables de tel ou tel animal : Vanessa Staudt « Je ne suis pas un loup méchant » (*Ech si kee beise Wollef*) [Staudt 2007]. Les principaux thèmes de la littérature luxembourgeoise pour enfants sont les suivants : droits des enfants à l'autodétermination (reflet de la construction d'une idée nationale), différences entre les nations et acceptation des gens qui ne sont pas comme les autres, recherche d'amis.

Et pourtant, la littérature jeunesse luxembourgeoise reste un sujet d'étude intéressant. Tout d'abord, elle est créée pour un cercle restreint de lecteurs, elle initie la jeune génération à la langue nationale et inculque la notion d'identité nationale [Kazakova 2014 : 56–57]. Une telle intimité se reflète également dans la conception artistique des livres : les livres sont illustrés par leurs auteurs mêmes (par exemple M. Bous-Castellani, R. Braun-Baustert, T. Gorza, V. Staudt, C. Clement) ou les élèves des écoles locales (R. Estgen-Mertens, G. Kraus).

Ainsi, après avoir examiné les variations du « Roman de Renart » dans la littérature pour enfance et jeunesse française, allemande et luxembourgeoise, créées depuis les années 60 du XXe siècle jusqu'à l'an 2018, on peut affirmer que l'image du Renart dans les œuvres étudiées est déterminée en grande partie par les particularités nationales de la conscience littéraire, le contexte historique, politique et socioculturel de l'époque et les préférences esthétiques de l'auteur.

En ce qui concerne les adaptations et les variations de l'image de Renart, on conclue que chacune des images a un caractère individuel et spécifique ; n'est pas toujours proche de Renart médiéval, mais conserve certaines caractéristiques inhérentes en raison de la stabilité des idées culturelles sur ce personnage. Dans la littérature pour enfants, seules les caractéristiques principales du personnage sont empruntées, vu qu'elles sont compréhensibles et acceptables pour le public cible. Des qualités telles que la cruauté et l'arrogance ne complètent pas encore l'image de Renard auprès des enfants d'âge préscolaire et scolaire, mais seront apprises lorsque les adolescents feront leur première connaissance avec l'adaptation du « Roman de Renart ». On observe dans la littérature enfance et jeunesse l'abandon de l'image traditionnelle du tricheur contre lequel les autres personnages se révoltent. Les auteurs laissent Renard contemporain repenser son comportement et le rôle que lui attribuent les traditions culturelles et de choisir en connaissance de cause sa place dans la société.

L'âge du lecteur détermine la présence des traits anthropomorphiques dans l'image de Renard, caractéristique venant du folklore et des fables, ainsi que du « Roman de Renart » médiéval.

Il est à noter que si la variation de l'écrivain est-allemand F. Fühmann est un avertissement qui pousse le jeune lecteur à se rendre compte du passé totalitaire récent de son pays, des ouvrages de littérature de jeunesse allemande de l'Allemagne unie, réutilisant l'archétype de Renart, finissent par le rejet de ses intentions malveillantes et le changement considérable de son caractère. Les écrivains s'efforcent d'attirer l'attention du lecteur sur l'issue pacifique possible et souhaitable du conflit entre les personnages de la société contemporaine.

L'analyse des variations de l'image de Renard et des causes des transformations survenues au cours des siècles sous l'influence de la mutation de la vision du monde et de la conscience littéraire permet de constater que les Renards de la littérature enfance et jeunesse française restent conformes à la tradition classique, tandis que les mêmes personnages de la littérature allemande de l'époque de l'Allemagne unie tentent d'apprendre à reconnaître ses erreurs et défauts. Ce n'est pas fortuit, évidemment, que Martin Baltscheit choisit l'image de Renard pour son livre « L'histoire du Renard qui a perdu son esprit » (*Die Geschichte vom Fuchs, der den Verstand verlor*) pour expliquer à la jeune génération le caractère inévitable du vieillissement et les symptômes d'Alzheimer [Baltscheit 2010]¹.

En général, il n'est pas typique pour la littérature luxembourgeoise, d'utiliser les idées constantes paneuropéennes, y compris des images stables des personnages universels, ce qui se produit souvent dans la littérature allemande et française. La particularité nationale luxembourgeoise, qui se manifeste dans la littérature, ainsi que dans d'autres do-

maines de la culture, consiste en l'orientation vers l'indépendance, le désir, dans un certain sens, de la ségrégation et de la sensibilisation de son identité personnelle aussi bien que de son identité nationale. Dans ce cas, la littérature ne reflète pas les constantes nationales, mais les crée.

Malgré toute la complexité de l'intrigue et l'incohérence du caractère du personnage principal, le « Roman de Renart » ne perd pas de sa pertinence et d'actualité au XXIe siècle. D'une part, il reste un classique, d'autre part, les motifs et les caractères, du fait de leur reconnaissance, sont perçus avec aisance et intérêt par le petit lecteur. Universels, ils s'intègrent avec succès aux réalités modernes et permettent aux enfants de se familiariser avec les vérités et les valeurs éternelles. L'image de Renart, ainsi que la dualité inhérente de son caractère, est préservée dans les adaptations et les variations ; seules certaines de ses actions sont exclues, ce qui ne transforme toutefois pas l'image conçue par les auteurs du Moyen Âge. Les variantes de l'image de Renard proposées par les écrivains contemporains sont basées sur les caractéristiques les plus stables du personnage et accompagnées de confirmation ou infirmation de leur pertinence pour la nouvelle époque par la mise en situation dans un scénario familier aux lecteurs actuels. La variété géographique et temporelle d'interprétations de l'original confirme le caractère archétypique incontestable de l'œuvre, tant au niveau de l'intrigue et de la composition que de la création d'un système de personnages. L'étude montre que les auteurs trouvent leur méthode particulière de l'intégration de l'histoire médiévale dans l'époque moderne, à la fois en actualisant les images stéréotypées et en adaptant l'histoire médiévale à l'espace culturel du lecteur contemporain. Dans la littérature des XXe et XXIe siècles, l'intrigue du « Roman de Renart » est un invariant que chaque auteur interprète à sa manière, non seulement dans des mondes différents, mais aussi dans des genres littéraires différents, en fonction de ses objectifs, ses attitudes culturelles et les questions d'une période historique.

¹ Le livre a reçu le prix de littérature pour les enfants en Allemagne en 2011.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

Baden G., Welter C., Zenner R. Livre d'or édité à l'occasion du 150e anniversaire de la naissance du poète national Michel Rodange et du 75e anniversaire de la Fanfare de Waldbillig. – Waldbillig, [Luxembourg]: Fanfare de Waldbillig, 1977. – 538 p.

Baltscheit M. *Die Geschichte vom Fuchs, der den Verstand verlor*. – Verlag: arsEdition, 2010. – 40 s.

Battut E. *Le renard et la poulette*. – Toulouse: Milan Jeunesse, 2008. – 26 p.

Caldirac A. *Histoires de renards*. – Paris: Edition Rue des Enfants, 2014. – 32 p.

Dufournet J. *Le Roman de Renart, entre réécriture et innovation*. – Orléans: Paradigme (Medievalia 64), 2007. – 248 p.

Fühmann F. *Reineke Fuchs. Neu erzählt von Franz Fühmann. Erzählt nach dem Niederdeutschen und nach Simrock. Mit Bildern von Werner Klemke*. – Berlin: Kinderbuchverlag, 1964. – 78 s.

Goethe J. W. von. *Reineke Fuchs*. – Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1973. – 172 s.

Hausemer G. *À propos... de la littérature au Luxembourg* [Electronic resource]. – Mode of access: www.luxembourg.public.lu/fr/publications/a/propos-litterature/ap-litterature-2008-FR.pdf (date of access: 20.05.2017).

Hub U. *Füchse lügen Nicht*. – Hamburg: Carlsen Verlag, 2014. – 144 s.

Kazakova E. V. *Genèse du « Roman de Renart » médiéval français // Actual problems of the humanities and natural sciences*. – Moscow, 2013. – N° 06 (53). – S. 236–238.

Kazakova E. V. *Code national luxembourgeois à la réception de la tradition satirique européenne sur l'exemple du « Roman de Renart » // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. – 2014. – N° 2 (3). – S. 56–59.

Kolmachevskiy L. *Epopée animale à l'ouest et chez les Slaves*. – Kazan: Typography of the Imperial University, 1882. – 318 s.

Kostyukhin E. A. *Types et formes d'épopée animale*. – M.: Nauka, 1987. – 269 s.

Lévy D. *Le problème quand on est un renard / D. Lévy, F. Stehr*. – Paris: L'École des Loisirs, 2006. – 23 p.

Littérature et écrivains luxembourgeois [Electronic resource]. – Mode of access: www.luxembourg.public.lu/fr/le-grand-duche-se-presente/culture/litterature/le-grand-duche-se-presente/culture/litterature-ecrivains/index.html (date of access: 17.05.2017).

Loufane. *Pou-Poule!* – Paris: L'École des Loisirs, 2003. – 32 p.

Meletinskiy E. M. *Roman médiéval : l'origine et les formes classiques*. – M.: Nauka, 1983. – 304 s.

Mikhaylov A. D. *Fabliau français de Moyen Âge et spécificités de la parodie et la satire médiévales*. – M.: Nauka, 1986. – 348 s.

Mikhaylov A. D. *« Roman de Renart » et les problèmes de l'épopée animale médiévale // Roman o Lise*. – M.: Nauka, 1987. – S. 3–34.

Orehova Yu. S. *Littérature animale de France : les traditions et leur transformation dans les œuvres de S.-G. Colette: dis. ... Candidate of Philology: 10.01.03*. – Kaliningrad, 2008. – 199 s.

Parmentier-Blancard C. *Renard et les trois oeufs*. – Paris: Editions Auzou, 2009. – 32 p.

Pauli L. *Pippilothek??? Eine Bibliothek wirkt Wunder*. – Verlag: Atlantis-Verlag, 2011. – 32 s.

- Renner B. Le grand méchant renard. – Delcourt (Champoning), 2015. – 192 p.
- Reynaud F. Le Renard et L'Enfant / F. Reynaud, L. Jacquet. – Paris: Hachette Roman, 2007. – 152 p.
- Rodange M. De Renert oder de Fuuß am Frack an a Ma'nsgrëßt. – Letzeburg: Linden & Hansen, 1921. – 89 p.
- Schärer K. Wenn Fuchs und Hase. – Verlag: Atlantis Orell Füssli Erscheinungsjahr, 2004. – 32 s.
- Sharypina T. A. Franz Fühman : une manière créative dans le contexte de l'époque [Electronic resource] // New Russian Humanities Studies. – 2011. – № 6. – S. 4. – Mode of access: library.ru/contents.asp?id=33554949 (date of access 05.01.2019).
- Staudt V. Ech si kee beise Wollef. – Luxembourg: Editions Guy Binsfeld, 2007. – 1 vol. (non paginé).
- White-Le Goff M. « Quel Moyen Âge dans l'édition pour la jeunesse ? » // Itinéraires [En ligne]. – 2010-3, mis en ligne le 01 novembre 2010, consulté le 29 janvier 2019. – Mode of access : journals.openedition.org/itineraires/1822. DOI: 10.4000/itineraires.1822.
- Zagarenski P. Der Fuchs und die verlorenen Buchstaben. – Verlag: Knesebeck, 2016. – 40 s.

Данные об авторах

Казакова Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород).

Адрес: 603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.

E-mail : kazakova.e.v@gmail.com.

Шарыпина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород).

Адрес: 603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.

E-mail: swawa@yandex.ru.

Author's information

Kazakova Ekaterina Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Linguistics, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod).

Sharypina Tatiana Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor and Head of the Department of Foreign Linguistics, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod).

ФИГУРА КОЛЛЕКЦИОНЕРА КАК ТВОРЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ РОМАНЕ ПОСЛЕ 1980

Аннотация. Тема статьи определяется актуальной в поле литературного постмодернизма проблемой творческого субъекта, решающего вопрос о самоидентификации. Позиция постмодернистского «раздробленного» субъекта предполагает ситуацию поиска «Я» в актах «собираения себя». Для реализации проекта «собираения себя» постмодернистский субъект переключает решение творческой задачи в регистр составления коллекции. Яркое проявление творческого субъекта – это фигура художника-коллекционера, который творит свою субъективность в поле особого напряжения.

Постмодернистский роман о художнике-коллекционере художественно осмысляет процессы и способы «сборки» творческим субъектом самого себя, передает драматический момент и динамику поиска современным человеком новых схем самоидентификации.

Предметом исследования выступает фигура коллекционера в постмодернистском романе о художнике. Существование коллекционера, маргинального художника (аутсайдера, фанатика, циника) на пределе своих сил и возможностей обнаруживается как в духовной конструкции героя, так и в сюжете героя (его путь инициации).

В поле исследования включены наиболее показательные в этом отношении постмодернистские романы о коллекционере. В романах немецких писателей Патрика Зюскинда «Парфюмер» (*Das Parfum*, 1985), Марселя Байера «Летучие собаки» (*Flughunde*, 1995) и русского автора Дины Рубиной «Синдром Петрушки» (2013) обозначена центральная фигура коллекционера, выделен «творческий хронотоп», представлены разные стратегии коллекционирования, эстетического собирания и разные модели маргинального художника.

В постмодернистском романе о художнике писатели предлагают альтернативную онтологическую модель мира, реализуемую в необычном сюжете истории коллекционера, «собирающего себя» в необычных обстоятельствах.

Предложенная методология рассмотрения фигуры коллекционера и исследования стратегий коллекционирования в новейшем романе может быть применима и к другим постмодернистским романам о художнике.

Ключевые слова:
творческий субъект;
постмодернизм;
романы; коллекционеры; литературные образы; литературное творчество; немецкая литература; немецкие писатели; русская литература; русские писатели.

Kuchumova G. V.
Samara, Russia

THE CHARACTER OF THE COLLECTOR AS A CREATIVE SUBJECT IN THE GERMAN AND RUSSIAN NOVELS AFTER 1980

Abstract. The article deals with the actual problem of creative subject in the field of literary postmodernism, which solves the problem of self-identification. The postmodern “fragmented” subject is in the situation of “I-searching” in the “self-collection”. The collection strategy is as “collection of one’s own self”. In the postmodern novel the genuine artistic creation is replaced by the collection process. A typical example of the postmodern artist subject is the character of the collector, who creates his subjectivity in the field of special forces stress. The postmodern novel about the artist-collector reflects on the processes and methods of the collecting by the creative subject of himself, describes the dramatic moment and dynamics of modern man’s search for new schemes of self-identification.

The subject of the study is the character of a collector in a postmodern novel about the artist. The existence of the collector as a marginal artist (outsider, fanatic, cynic) at the limit of their strength and capabilities consists in the spiritual structure of the protagonist and in the story of the protagonist (his path of initiation).

The examples are based on the postmodern German and Russian language respect novels about the collector. “Das Parfum” (1985) by Patrick Süskind, “Flughunde” (1995) by Marcel Bayer and “Petrushka Syndrome” (“Синдром Петрушки”, 2013) by Dina Rubina present the central character of the collector and different models of marginal artist. The study is focused on the creative chronotope and different collection patterns.

The postmodern authors describe an alternative ontological model of the world, implemented in an unusual story of a collector “collecting himself” in unusual circumstances. The proposed methodology of considering the collector’s character and studying the strategies of collecting in the postmodern novel can be applied to other postmodern novels about the artist.

Keywords:
creative subject; postmodernism; novels; collectors; literary images; literary creativity; German literature; German writers; Russian literature; Russian writers.

Для цитирования: Кучумова, Г. В. Фигура коллекционера как творческого субъекта в немецком и русском романе после 1980 / Г. В. Кучумова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 152–157. DOI 10.26170/fk19-01-22.

For citation: Kuchumova, G. V. The Character of the Collector as a Creative Subject in the German and Russian Novels after 1980 / G. V. Kuchumova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 152–157. DOI 10.26170/fk19-01-22.

In den letzten Jahrzehnten geht es um einen grundlegenden Wandel in allen Bereichen: Wandel der Werte und Einstellungen, der gesellschaftlichen und kulturellen Bedingungen. Diese als eine postmoderne bezeichnete Situation ruft Unsicherheit und Desorientierung, Verlust der alten, lieb gewordenen Orientierungen und Denkmuster, das Verschwimmen der Schwellen, die traditionell für unverrückbar gehalten werden, hervor. Heute kann eine scharfe Trennungslinie zwischen Subjekt und Objekt, Gut und Böse, Körper und Geist, Mann und Frau, Mensch und Tier u.a., nicht mehr gezogen werden.

Die Verschiebung der tradierten Schwellen verändert das Selbstverständnis und Selbsterleben des Subjekts, sowie seine Schwellenerfahrung. Problematisiert werden auch die Position des postmodernen Subjekts und seine Identifikationsformen. Der französische Philosoph Baudrillard stellt fest: „Die Position des Subjekts [ist heute] schlichtweg unhaltbar geworden. <...> Wir erleben die letzten Zuckungen dieser Subjektivität, und dabei werden immer noch neue Subjektivität erfunden“ [Baudrillard 1985: 140]. Derrida mit seiner Idee der Dekonstruktion lässt das metaphysisch-hierarchische System und das Subjekt selbst radikal dekonstruieren (vom Verschwinden des Subjekts, „Tod des Subjekts“), die zur Rekonstruktion des Subjekts, zum Rückkehr des Subjekts in Postmoderne führt [Zima 1994: 194–219].

Das „zerspaltete“ und ontologisch unsichere Subjekt mit fließender Identität muss seine persönlichen Grenzen, die verschwommen sind, neu bauen, sich an „einem kontinuierlichen und kreativen Prozess der Selbstorganisation teilnehmen“ [Hitzler, Honer 1994: 311] und durch das Sich-Selbst-Sammeln (Foucaults Projekt der Selbst-Konstituierung) neu konstituieren bzw. subjektivieren. Das postmoderne Subjekt ist also „verurteilt zur endlosen Suche nach einem festen Punkt in sich selbst“ [Baumann 1992: 244]. Darin zeigt sich die Suche des postmodernen Menschen nach neuen Formen der Selbstidentifizierung.

In den literarischen und theoretischen Diskursen ist die Figur des Sammlers von besonderem Interesse. Mit seiner verschwommenen Identität ist der Sammler dazu gezwungen, sein „eigenes Leben“ zu entwerfen, und „Lebenscollage“ zu gestalten, aus einzelnen Elementen sich selbst sammeln (das sogenannte „Patchwork-Identität“-Projekt) [Keupp 2006: 82]. Wie ein Dada-Kind sammelt das postmoderne „Ich“ in sich einfache, willkürliche Elemente, Aktionen oder Dinge, die seine Identität sichern und schützen können [Hitzler, Honer 1994: 308]. Es muss durch seine Praktiken (Archivieren und Sammeln) sich selbst neu konstituieren, indem er sich mit einer „alltäglichen Identitätsarbeit“ beschäftigt [Bückmann 2007: 171]. In der postmodernen Kultur, die aus der Perspektive der Peripherie zu interpretieren ist, ist also das marginale Subjekt (Außen-seiter, Grenzgänger, Verrückter, Clown, Narr, Zyniker u.a.) wieder im Spiel [Fuko 1997: 42–52].

Das Phänomen des „zerspalteten“ Subjekts signalisiert von der Marginalisierung des ganzen soziokulturellen Systems. Marginale Elemente und Randstrukturen treten so wie der Topos des „Fremden“ in den Vordergrund [Bataillon 1992: 89–116]. Es geschieht ein Rollenspielwechsel: die Marginalen als Kulturträger zeigen ihr kreatives Potential und spielen im kulturellen Transformationsprozess eine wesentliche Rolle. Sie häufen ein bestimmtes kritisches

Reflexionsmaterial an, das sich nicht sozial, sondern „nach innen“ orientiert. Alle Schwellen überschritten, dekonstruieren die Marginalen die Geschlossenheit der altgewordenen epistemologischen Systeme und schaffen neue kulturelle Phänomene. Die Existenzform eines postmodernen Subjekts wird vor allem von jenen Regeln der Selbstregierung oder Selbstregulierung bestimmt, die der freien Wahl überlassen sind. Das zeugt von der vollständigen Destruktion des Subjekts, das eine „unmögliche Erfahrung“ macht.

Das postmoderne Subjekt hat mit der «unmöglichen Erfahrung» vieles zu tun. Im philosophischen Diskurs (G. Bataillon, M. Foucault, J. Derrida u.a.) geht es um das Konzept der «Transgression» (lat. Übergang in einer extremen Situation, dt. „Aufhebung“, Hegel) [Fuko 1994: 111–133]. Der Begriff der Transgression bezeichnet die Überschreitung und Auflösung der Schwellen. Foucault nennt die Transgression eine „Geste, die auf die Grenze des Unmöglichen gerichtet ist“. In einer Extremsituation kann das künstlerische Subjekt das Unmögliche erschließen, eine «unmögliche Erfahrung» davon machen, eine neue Subjektivität bzw. eine Ganzheitlichkeit neu konstruieren [Fuko 1997: 42–52].

Mit der Figur des Sammlers als eines künstlerischen Subjekts werden neue Subjektivierungsformen in der Literatur des neuen Jahrtausends erarbeitet. Aus dem „Zeitgeist“ entsteht eine gattungsspezifische Romanform, die dem künstlerischen Subjekt entspricht, und zwar „der postmoderne Künstlerroman“ [Zima 2008]. Die Suche des Sammlers nach seiner eigenen Identität ist synonym der Suche des Künstlers nach der wahren Kunst und der ihr entsprechenden Subjektivität. Der postmoderne Künstlerroman bietet eine neue Sicht auf das Thema des Künstlers und demonstriert ein alternatives ontologisches Weltmodell, in dem sich der phänomenale Protagonist unter ungewöhnlichen Bedingungen seine neue Subjektivität sonderweise konstruiert.

Im postmodernen Künstlerroman wird eine spezifische künstlerische Tätigkeit als ein Sich-Sammeln-Prozess gezeigt. Die Analogie zwischen einem Sammler und einem Künstler ist klar und deutlich. Die „Ästhetik der Existenz“ des Sammlers ist insgesamt einer Künstlerexistenz ähnlich. Er sammelt die ästhetischen Elemente in sich und bastelt davon seine Gesamteinheit [Hitzler, Honer 1994]. (Nicht von ungefähr wird der Sammler im postmodernen Künstlerroman mit einem spielenden Kind verglichen.)

Im Mittelpunkt unserer Forschung stehen die deutsch- und russischsprachigen Romane von Patrick Süskind (geb. 1949) „Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders“ (1985), Marcel Beyer (geb. 1965) „Flughunde“ (1995), Dina Rubina (geb. 1953) «Синдром Петрушки» (Syndrom Petrushki, 2013)¹, in denen die Figur des Sammlers zum perspektivischen Zentrum des Romans wird. Die drei monadischen Protagonisten besitzen eine phänomenale Begabung, dank deren sie die Welt in sich sammeln und sie auf eine spezifische Weise entdecken können. So schafft Patrick Süskind in seinem Roman „Das Parfum“ das Porträt eines marginalen Sammlers. Das olfaktorische Genie Grenouille entwickelt sich von dem wissensbegierigen Naturwissenschaftler zum Künstler mit poetischem Verständnis.

¹ „Das Angelmann Syndrom“ oder das Syndrom der „glücklichen Marionette“, das Petruschka Syndrom“, eine seltene angeborene Erkrankung.

Marcel Beyer erzählt die Geschichte von einem Geräuschsammler und Schallforscher im Dritten Reich. Als ein begabter Toningenieur mit dem poetischen Verständnis verändert er sich durch die Technik in *homo faber*. Die neuste Technik sieht er als Möglichkeit, die Welt akustisch zu erschließen.

Dina Rubina stellt in ihrem Roman den Typ des genialen Puppenspielers und -sammlers Peter Uksussow dar. Ihn lockt das faszinierende Reich der Puppen an, wo sich Mensch und Puppe in einander einleben und einander ersetzen können.

Die Grenzexistenz des marginalen Sammlers macht ihn frei von der Macht der konventionellen Sprache. Die postmoderne Dekonstruktion der Sprache lässt neue alternativen Formen der Kommunikation aktualisieren, die im Bereich des Unsagbaren liegen. In der Postmoderne steht die Sprache nicht in einem Abbildungsverhältnis zu einer gegebenen Wirklichkeit und ist kein Königsweg zur Wahrheit. Der letzte Grund der Sprache bleibt das Unsagbare, das Unhörbare und das Untastbare.

So ist in Süskinds Roman alles olfaktorisch kodifiziert. Der Hauptprotagonist Grenouille kann ausschließlich die olfaktorische Sprache verstehen. Der feine Geruchssinn wird für ihn zur einzigen Orientierungshilfe. Grenouille wächst sprachlos auf. Sein erstes Wort spricht er mit vier Jahren, als Erwachsene kann er nur unartikulierte Laute vor sich geben. Sein Lexikon ist sehr begrenzt. „<...> mit abstrakten Begriffen also, vor allem ethischer und moralischer Natur, hatte er die größten Schwierigkeiten“ [Süskind 1985: 33]. Beyers Karnau ist im Umgang mit den anderen immer wortkarg. Für ihn ist Akustik das einzige Orientierungsmittel. Perfekt beherrscht er nur die Sprache der Technik. Der Puppensammler Peter ist menschenfeindlich. Mit seinen Schulkameraden unterhält er sich sehr wenig. Wenn er an die Tafel gerufen wird, so verschlägt ihm die Angst die Sprache. Um seinen Autismus irgendwie zu beseitigen, steckt ihm seine Mutter jedes Mal eine Puppe in die Hand. Die Puppensprache kann er einwandfrei verstehen.

Die Autoren der genannten Romane greifen zu spezifischer Optik. Süskind erzählt die Geschichte eines Sammlers aus der olfaktorischen Perspektive. „Das Parfum“ reduziert sich ausschließlich auf die olfaktorische Weltansicht. Die Romanwelt bei Beyer ist akustisch zentriert. Das menschliche Universum wird hier durch Stimmen und Töne, Laute und Geräusche kodifiziert. Der Roman von Dina Rubina steht unter dem Zeichen der Puppe.

Der Sammler als ein künstlerisches Subjekt wird im Licht seiner individuellen Genialität gesehen. Er hat ein angeborenes Talent, eine phänomenale Begabung, für deren Realisierung er eine große Verantwortung trägt. Solche «Spezialisierung», so betont C. Weimann, ist leicht zu erklären. Die Dekonstruktion der Sprache führt zur „Rehabilitierung menschlicher Sinnlichkeit“ [Vayman 1999: 229], die in der postmodernen Welt „vergessen“ und durch Simulationsformen ersetzt wird. Die Verschärfung eines der Sinneskanäle lässt den marginalen Sammler seine Wahrnehmungskapazität erweitern, die erschließungskräftigeren Perspektiven eröffnen, intensive und authentische Erfahrung machen, in das Tiefste des Seins greifen [Welsch 1990: 35].

So konzentriert sich Grenouille bei Süskind ausschließlich auf die olfaktorische Wahrnehmung. Er kann die Ge-

samtheit des Duftgemenges nicht nur riechen, sondern es analytisch in seine kleinsten und entferntesten Teile und Teilchen aufspalten.

„Seine feine Nase entwirrt das Knäuel aus Dunst und Gestank zu einzelnen Fäden von Grundgerüchen, die nicht mehr weiter zerlegen waren. Es machte ihn unsägliches Vergnügen, diese Fäden aufzudröseln und aufzuspinnen“ [Süskind 1985: 44].

Der Geräuschsammler Hermann Karnau aus dem Roman „Flughunde“ hat einen feinen Hörsinn. Er sammelt menschliche Lautäußerungen auf Tondokumenten, um eine Karte sämtlicher menschlicher Töne anzufertigen. Er benutzt die neuen Medien, Radio und Aufnahmetechnik, um ins Innerste der Natur, ins Herz eines Menschen einzudringen, das eigentlich Unerhörte zu entdecken und es zu archivieren. Einerseits vertieft sich Karnau in die tierische Welt der Flughunde, andererseits strebt er sich nach den „göttlichen Stimmen“ der Kinder. Einen weißen Fleck in seiner Stimmkartographie bildet der Ultraschall, nie hörbare Töne in der Welt, die nur die Tiere kennen [Beyer 1996: 179]. Sein Schallarchiv zählt verschiedenartige Aufzeichnungen, z.B. „Der Führer hustet“, die Geräusche, „welche die Absonderungen der Bauchspeicheldrüse verursachen, oder das extrem verstärkte Klappen von Augenlidern“ [Beyer 1996: 219, 222].

Der Sammler bei Rubina hat einen raffinierten Sinn für Puppen. Peters einziger wachgebliebene Sinn, durch den er mit der Außenwelt verkehren kann, ist das Tastgefühl der Hände, während Gesichts-, Gehörs-, Geruchs- und Geschmackssinn bei ihm schlummern. Peter beherrscht die Puppensprache perfekt. Im Marionettentheater und Straßentheater lernt er die Kunst der Puppenaufführung. Er versteht es, verschiedene Puppenarten aus den Kasperletheater (Finger-, Hand-, Faden-, Stab-, Marionetten-, Kasperpuppen) umzugehen, bis er seine Hauptpuppe Alice konstruiert, eine feine Gebilde in Form einer menschlichen Gestalt.

«Мальчик уже знал, что мир кукол так же необъятен, густонаселён, как и целый земной шар. С его станами, народами, цветами и деревьями, животными и птицами, облаками, снегом и дождем. Что в нем есть тайна жизни, какой-то другой жизни, что эту тайну следует неустанного искать и извлекать и что открывается она далеко не всем, отнюдь не всем даже профессионалам, а только избранным, зачарованным, себя забывшим людям» [Kursivdruck: Rubina] [Rubina 2011: 169].

„Der Junge wusste schon, dass die Welt der Puppen ebenso weit und reich ist, wie die Welt der Menschen. Mit ihren Dörfern und Städten, mit vielen Völkern, mit Blumen und Bäumen, Tieren und Vögeln, Wolken, Schnee und Regen. Dass hinter der Puppenwelt das Geheimnis des Lebens, eines *anderen Lebens* steckt, dass er dieses Geheimnis unermüdlichen suchen muss und dass dieses Geheimnis bei weitem nicht jedem offen steht und es ausschließlich nur einem Eingeweihten erschlossen wird <...>“ [Übersetzung: G.K.].

Der marginale Sammler gerät in den Nullpunkt seiner Existenz. Von diesem Anfangspunkt beginnt seine Entwicklung (Geburt, Aufwachsen, Lehr-, Wander- und Meisterjahre). In den vorliegenden Romanen scheint der Sammler wie ein Hohlkörper, wie ein konturloser Mensch „ohne Schatten“ dargestellt.

So besitzt der Toningenieur Karnau aus Beyers „Flughunde“ praktisch keine eigene stimmliche Identität. Er ist charakterloses Wesen, gesichts- und körperlos, ohne Identität und Eigenschaften („Mann ohne Eigenschaften“, R. Musil). In der Jugendzeit erlebte er keinen Stimmbruch, sein Sprechorgan ist „von Unbeweglichkeit geprägt“. Entsprechend ist er „ein Mensch, über den es nichts zu berichten gibt“, „eine glatte Wachsmatrize“ [Künzig 1998: 132]. Eine etwas ähnlich gelagerte Figur stellt interessanterweise der mörderische Jean-Baptiste Grenouille aus Süskinds „Das Parfum“ dar. Grenouille hat „keinen Raum, keine Schatten“ [Süskind 1985: 194], sowie keinen Eigengeruch, wohl aber einen absoluten Geruchssinn.

Das Motto zum Roman «Синдром Петрушки» informiert den Leser, dass Peters Körper von einem dämonischen Geist aus Luft geschaffen war, der die Seele des Neugeborenen zu sich nahm.

«Однажды, силою своей превращая воздух в воду, а воду в кровь и уплотняя в плоть, создал я человеческое существо – мальчика, тем самым сотворив нечто более возвышенное, чем изделие Создателя. Ибо тот создал человека из земли, а я – из воздуха, что много труднее <...>. Тут мы поняли, что он (Симон Волхв) говорил о мальчике, которого убил, а душу его взял к себе на службу» [Kursivdruck: Rubina] [Rubina 2011: 5]¹.

Das „Sich-Sammeln-Projekt“ benötigt auch die Differenz zum Anderen. Als Außenseiter sucht der Sammler nach sinnvoller und ihn ausfüllender privater Existenz. Er braucht einen individuellen Raum, in dem er nach einer Grundlage für seine neue Subjektivität erfolgreich suchen kann. Hier am Indifferenzpunkt, wo Zeit und Raum, die Gegenstände und die irdischen Koordinate aufgehoben sind, schafft der Sammler sein künstlerisches Paradies.

Die Selbstisolierung des künstlerischen Bereichs wird von den Autoren der vorliegenden Romane mit besonderem Nachdruck betont. Dank der absoluten Geruchlosigkeit von Grenouille werden die festen Grenzen zwischen ihm und einem Anderen gezogen. Er ist also durch den phantastischen Geruchssinn und zugleich durch die Geruchlosigkeit von anderen Menschen abgesondert. Niemand bemerkt ihn. Seine Absonderlichkeit hilft ihm sich vollständig auf seine olfaktorische Arbeit konzentrieren.

Beyer garantiert dem Geräuschsammler die Unverletzlichkeit seines privaten Raumes. Der Toningenieur Karnau arbeitet nachts in seinem Aufnahmestudio, in einem gekachelten, neonbeleuchteten Raum, so wie in einem Operationssaal, wo er verschiedenartige Körpergeräusche sortiert. Sein Arbeitszimmer ist sauber und steril, denn „Staub ist tödlich und tötet jeden Klang“ [Beyer 1996: 21]. In der Nachtruhe spult er die am Tage aufgenommenen Stimmen vor- und zurück. „Niemand stört ihn. Niemand kann gemeinsam mit Karnau die akustische Karte betrachten und seine Erklärungen lauschen“ [Beyer 1996: 124].

Im Roman von Rubina wird Peters Behinderung durch seinen Autismus mehrmals betont. Er ist immer geschlos-

sen und in sich versunken. Oft gerät er in einen Verpuppungszustand, wenn er in seiner Werkstatt alleine arbeitet. Die selbstgewählte Isolierung macht Peter frei und unabhängig von der Macht der Anderen. In seinem „Puppenreich“ arbeitet er immer in der Nachtruhe, damit kein Geräusch von draußen ihn stören konnte. Seine Frau Lise spricht von ihm im bitterbösen Ton:

«В его империи нет места живой женщине» [Rubina 2011: 267].

«В своей империи он был могущественен и абсолютно счастлив. Самый счастливый властелин самой счастливой из всех когда-либо существовавших на свете империй» [Rubina 2011: 399]².

Die Grenzexistenz bereitet dem Sammler anstrengende Arbeit und exaltierte Euphorie zugleich. Die Autoren der Romane beschreiben die Schwellenerfahrung ihrer Protagonisten wie eine lebenslange Besessenheit. Die Analogie mit der Inspiration des Künstlers ist hier klar. Der Sammler als Demiurg hat Sinn für das Eigentümliche und Geheimnisvolle, stellt das Undarstellbare dar, sieht das Unsichtbare, hört das Unhörbare etc. So entsteht eine wunderliche Einheit von Sichtbarem und Unsichtbarem, Nahem und Fernem, Rationalem und Emotionalem. Der Sammler macht sich auf seine so vollkommen verschiedene Art selbst zu fanatischen Erforschern, der seiner Begabung folgt. Die Inspiration des Künstlers, seine poetische Kraft und seine schöpferische Tätigkeit, die gestreuten ästhetischen Bedeutungen der Welt in sich zu sammeln, werden im postmodernen Roman durch den Forscherwahn, das Kinderfieber oder durch die atavistische Lust des Jägers ersetzt.

Der Duftkünstler Grenouille wird mit einem Raubtier, der mit geblähten Nüstern auf sein Opfer wartet, oder mit einem Raubfisch im dunklen Wasser verglichen. Grenouille jagt noch unbekannte Gerüche „mit der Leidenschaft und Geduld eines Anglers und sammelte sie in sich“ [Süskind 1985: 45]. Wie im Kinderfieber „hielt er sie fest, zog sie in sich hinein und bewahrte sie in sich für alle Zeit“ [Süskind 1985: 44].

Karnaus menschenverachtenden Versuche lassen sich vielmehr auf einen privaten Wahn zurückführen. Er sammelt akustische Grenzphänomene in sich, jagt die hilflosen, gefolterten Körpern im KZ oder an der Ostfront, sammelt die Leidenslaute der Soldaten und KZ-Häftlinge sowie die Opfer medizinischer Experimente. Wie besessen nimmt Karnau die von Soldaten ausgestoßenen Schmerzensschreie und Stöhne auf. Auf dem Schlachtfeld tarnt er seine Apparatur, steckt das Mikrophon in die feuchte Erde, rollt Kabel ab, dreht die Spule durch. Er ist voll von Begeisterung:

“Welche Erscheinungen <...> Jetzt kehren die Stimmen <...> an ihren Ursprung, die Sterbenden, da sie die Stimme nicht mehr halten können und sich die Schreie einen Weg bahnen nach draußen. <...> animalische Töne, sie werden jetzt nicht mehr geformt im Kehlkopf, und werden nicht

¹ „Durch meine magische Kraft bei der Umwandlung von Luft in Wasser, Wasser in Blut und diese in das Fleisch verdichtet, kreierte ich einmal ein Lebewesen – einen kleinen Jungen, also schuf ich etwas Höheres und Erhabenes, als die Gottes Schöpfung. Denn der Gott schuf den Menschen aus der Erde und ich aus der Luft, was viel schwieriger ist <...>. Da verstanden wir, dass er (der Heilige Simon) von dem Jungen sprach, den er tötete und seine Seele sich zum Dienst nahm“. – Übersetzung: G.K.

² „Durch meine magische Kraft bei der Umwandlung von Luft in Wasser, Wasser in Blut und diese in das Fleisch verdichtet, kreierte ich einmal ein Lebewesen – einen kleinen Jungen, also schuf ich etwas Höheres und Erhabenes, als die Gottes Schöpfung. Denn der Gott schuf den Menschen aus der Erde und ich aus der Luft, was viel schwieriger ist <...>. Da verstanden wir, dass er (der Heilige Simon) von dem Jungen sprach, den er tötete und seine Seele sich zum Dienst nahm“.

gedämpft im Hals, sie erfüllen den gesamten Rachenraum <...> Welch ein Geschehen. Welch ein Panorama“ [Beyer 1996: 114–115].

Mit dem Perfektionswahn lernt Peter die Puppen auf-führen.

«Лишь спустя много лет Петя понял, что их роднило с Казимиром Матвеевичем. Тот тоже был и охотником, и ищейкой, чей нюх натаскан на тусклый чарующий запах инобытия; следопытом был в пожизненной экспедиции, в вечных поисках прорехи в нездешний мир» [Rubina 2011:144]¹.

Das Verschwimmen der tradierten Schwellen ermöglicht die Rückkehr des Zynismus, so behauptet der deutsche Philosoph Peter Sloterdijk („Kritik der zynischen Vernunft“, 1983) [Sloterdijk 2001]. Die Rückkehr des Zynismus zeugt deutlich davon, dass die bisherigen Identifikationsformen nicht mehr relevant sind und dass man beim Sich-Selbst-Konstruieren die ethischen Grenzen überschreiten darf.

Im postmodernen Roman wird die Inspiration eines Künstlers durch den unersättlichen und kaltblütigen Forschergeist kompensatorisch und vollständig ersetzt. Der Sammler archiviert und ordnet Leiden und Schmerzen der Anderen auf zynischer Weise auf. Der Sammler ist Schöpfer und Mörder zugleich.

Im Roman „Das Parfum“ mit dem Untertitel „Die Geschichte eines Mörders“ führt die erste Tötungshandlung eines Hundes zum Serienmord unschuldiger Mädchen, bis Grenouille das fehlende Element in seiner Sammlung mit dem Mord von Laura nicht entdeckt.

Der Hörsammler Karnau zeichnet sich durch eine zynische Denk- und Handlungsweise sowie einen zynischen Charakter aus. Liebe und Mitleid sind ihm total fremd. In seiner zynischen Verachtung überschreitet Karnau rasch die Grenze von Wissenschaft und Moral [Künzig 1998: 134]. Anfangs experimentiert er noch mit Pferdeköpfen, dann aber macht er die Menschen zu bloßen Versuchsobjekten. Die aufgenommenen Stimmen und Laute werden für ihn nur Elemente seines Schallarchivs. Er freut sich über „ganz neue Konstellation von Lauten“ [Beyer 1996: 124], als er den letzten Schrei der sterbenden Soldaten aufnimmt und diesen für die Geschichte konserviert. Zunächst als ein harmloser Forscher denkt er über die ethischen Grenzen seiner Sammlung nach. „Hat meine Karte sämtlicher Stimmfärbungen ihre Grenzen? Gibt es Ausnahmen, die ich nicht durchführen würde?“ [Beyer 1996: 62]. Er bezeichnet sich selbst als „Stimmstehler“: „Ich bin zu einem Stimmstehler geworden“ [Beyer 1996: 123]. Als ein kalter Beobachter und ein leidenschaftlicher Geräuschsammler darf er sich das intimste Teilchen eines Anderen, d.h. seine Seele ohne Gewissensbisse nehmen.

Für Peter bei Rubina besitzen die ethischen Grenzen ihre Überzeugungskraft auch nicht mehr. In bestimmten Angelegenheiten und Situationen missachtet er die Interessen der Anderen, vor allem seiner Frau. Peters zynische Handlungsweise erklärt der alte Puppenmeister Kasimir Matwejewitsch folgenderweise:

¹ Erst nach dem Tode seines Lehrers verstand Peter, dass er und Kasimir Matwejewitsch verwandtschaftliche Naturen waren. Die beiden konnten wie ein Jäger und ein Spürhund unermüdlich nach neuen, ihnen noch unbekanntem Puppen weltweit laufen und sie in ihre Sammlung leidenschaftlich bringen.

«Он такой персонаж <...> Мораль и честь – это не про него. Он – трикстер! Это такое вечное существо из подземного мира. Он плут, разрушитель. Ему все дозволено <...> Им движут другие силы, нелюдские» [Rubina 2011: 150]².

Die Romanautoren greifen gerne zum Groteske als eine der Darstellungsformen im postmodernen Künstlerroman. In monströser Übertreibung reißt das Grotesk Menschen und Dinge aus ihren ursprünglichen Existenzgrenzen, vermengt das Geistliche und das Materiale, verfremdet durch diesen Zusammenprall des Heterogenen die Welt. Der Sammler als ein Träger der „sinnlich-künstlerischen Kultur“ wird auf der somatischen Ebene übertrieben gezeigt. Die groteske Figur kann solche Gegensätze wie Gut und Böse, Grauen und Komik, Lächerlichkeit und Bedrohung, Zierlichkeit und Monstrosität in eine Einheit bringen. Der Sammler überschreitet alle möglichen Grenzen und macht die „unmögliche Erfahrung“, um seine Selbstverwirklichung zu ermöglichen.

Die Sammler bei Süskind und bei Rubina sind die hervorragenden Beispiele grotesker Figuren, die gleichzeitig Abscheu und Mitleid bei dem Leser erregen können. Die phänomenalen Protagonisten besitzen einen spezifisch markierten Körper, den Träger ihrer angeborenen Begabung *datis grata*. So ist Süskinds Grenouille körperlich abnorm, bucklig wie der Glöckner von Notre-Dame. Sein Gesicht hat „<...> die Narben der großen schwarzen Karbunkel hinter den Ohren“ [Süskind 1985: 42].

Auffallend hässlich ist auch Peter Uksussow. Von seinem abwesenden Blick wurde es immer unheimlich.

«<...> странный дяденька, похожий на индейца: впалые щёки, орлиный нос, вытянутый подбородок, косичка на воротнике куртки. Самыми странными были глаза: цвета густого тумана» [Rubina 2011: 11]³.

Im postmodernen Künstlerroman tritt die deutlich ausgeprägte Ambivalenz in den Vordergrund. Die Umwandlungen Objekt-in-Subjekt und Subjekt-in-Objekt zeugen von den fließenden Existenzgrenzen des Sammlers. Das Geistige und Dämonische, Mensch und Tier zusammengeführt, beschreibt der postmoderne Autor eigentlich den Karnevalisierungsprozess. Die Masken der Ambivalenz sind im postmodernen Künstlerroman vorhanden. Oft ist die Figur des Sammlers mit dem tierischen Bereich verknüpft. Süskinds Grenouille ist ein animalischer Mensch, der eine Doppelnatur hat (Zeck, Frosch, Kröte, eine Mischung aus einem Menschen und einem Bären, eine Art Waldwesen u.a.). In der ambivalenten Einheit ist Grenouille auch ein teuflischer Mensch und ein Heiliger zugleich.

Die ambivalente Gestalt bei Beyer ist der Geräuschsammler. Herr Karnau zeigt absolute Liebesfähigkeit zu seinem Objekt und die kühle Berechnung zugleich. Am Tage ist er ein anständiger Toningenieur, sittsam im Umgang mit den anderen, sorgsam für die Kinder, nachts aber „präpariert“ er blutbegierig die Stimmen der Sterbenden

² So ist Peter <...>. Er macht sich keine Gedanken darüber, was Gut und was Böse ist. Er ist Trickster! Er hat vieles vom Trickster, der Hauptfigur im Puppentheater. Er ist Schöpfer und Zerstörer zugleich. Peter wird vom Dämonischen aus der Zwischenwelt, wo Grenzen zwischen Gut und Böse verschwommen sind, selbst verführt und verführt die anderen.

³ <...> ein komischer Mann sah wie ein Indianer aus: er hatte eingefallene Wangen, eine Adlernase, langes kräftiges Kinn, Zopf am Kragen der Jacke. Am seltsamsten bei ihm waren seine Augen in Farben des dichten Nebels.

und leidenden Menschen (Vergleich: blutsaugende Flughunde).

Peter Uksussow hat vieles vom Trickster, der Hauptfigur im Puppentheater. So verwandelte er sich oft in eine seiner Puppen und man wusste nicht genau, ob er eine Puppe führte oder sie ihn. Peters Meisterwerk ist seine Hauptpuppe Alice, eine vollkommene Gebilde in Frauengestalt. Er konstruierte den feinen Mechanismus, hauchte in die Puppe die Seele seiner Frau ein, so dass Lisa und ihr Doppelgänger Alica absolut identisch waren. Wenn er mit seiner Puppe tanzte, konnte niemand das Original von der Kopie unterscheiden.

Der Sammler als ein künstlerisches Subjekt macht seine „unmögliche Erfahrung“, die er anfangs „ohne erkennbares schöpferisches Prinzip“ archiviert und verarbeitet. Dann aber entdeckt er den ästhetischen Schlüssel zur „Ordnung aller Dinge“, so wird seine Sammlung bald voll. Er triumphiert, dass er seine sichere Existenzform, die ursprüngliche Totalität der als Kontinuum wahrgenommenen Welt und seine Einheit im Sammeln erreichen konnte.

Die vollendete Sammlung erweist sich aber als eine illusorische Einheit, nur das nachgeahmte Sein, das Imperium von Spuren der Realität. Die Schein-Sammlung (bzw. Schein-Identität) ist destruktiv und schließt deshalb Selbstmord und Selbstverstörung ein. Die fatale Verkettung von Ereignissen im postmodernen Künstlerroman führt also zum Scheitern. So endet Grenouilles Geschichte mit einer völligen Desillusionierung. Im Friedhof provoziert er seinen Mord, begeht das olfaktorische „Autodafe“, inszeniert den „Tod eines Künstlers“.

LITERATUR

- Baudrillard J. Die fatalen Strategien. – München: Matthes und Seitz, 1991. – 469 s.
- Baumann Z. Moderne und Ambivalenz. – Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1992. – 254 s.
- Beyer M. Flughunde. Roman. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. – 301 s.
- Bückmann E. Dem Fremden auf der Spur. Postmoderne Identität zwischen Eigenem und Fremdem. – Marburg: Tectum Verlag, 2007. – 171 s.
- Hitzler R., Honer A. Bastelexistenz. Über subjektive Konsequenzen der Individualisierung // Beck Ulrich, Beck-Gernsheim Elisabeth. Riskante Freiheiten. – Frankfurt am Main, 1994. – 307 s.
- Keupp H. u.a. Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne. 2. Aufl. Reinbeck bei. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2002. – 352 s.
- Künzig B. Schreie und Flüster – Marcel Beyers Roman „Flughunde“ // Erb, Andreas. Baustelle Gegenwartsliteratur: Die neunziger Jahre. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. – S. 122–153.
- Lützeler P. M. Spätmoderne und Postmoderne. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1991. – 265 s.

Данные об авторе

Кучумова Галина Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии, факультет филологии и журналистики, социально-гуманитарный институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва (Самара).
 Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.
 E-mail: gal-kuchumova@mail.ru.

Peters Sammeln ist auch gescheitert. Sein Triumph, das letzte Auftreten des „einsamen Wahnsinnigen“ («танец одинокого безумца») [Rubina 2011: 426] ist für alle überraschend. Traurig und begeistert zugleich tanzt er mit dem Phantom seiner Hauptpuppe Alice, die seine Frau einige Tage zuvor in Wut zerstückelt und vernichtet hat. Mit diesem Tanz verabschiedet er sich für immer von der Puppenwelt. Ab nun fühlt er sich in die menschliche Welt verliebt. Er wird jedes Mal böse, wenn jemand seine neugeborene Tochter (schon ohne Angelmann- Syndrom) eine schöne Puppe nennt.

Die Suche des Geräuschsammlers im Roman „Flughunde“ nach sinnvoller Existenz in der Welt des Hörens und nach einem Weltbild, das komplett klanglich geordnet sein kann, scheiterte auch.

Zusammenfassung. Mit der Figur des Sammlers als eines künstlerischen Subjekts schafft der postmoderne Autor „das Porträt des Künstlers als toten Mann“ [Lützeler 1991: 96]. Das klingt in lautlicher und inhaltlicher Anlehnung an den Titel des Romans von James Joyce „Ein Porträt des Künstlers als junger Mann“ („A Portrait of the Artist as a Young Man“, 1916). Die wahre Kunst wird also in das Sammeln sublimiert. Im postmodernen Künstlerroman entfaltet sich die gesamte innerliche Entwicklung des Protagonisten von junger Kindheit an bis ins Erwachsenenalter im ständigen Sammeln von seinem Ich. Aufgrund seiner Erfahrungen kann er nicht zu einem Individuum werden. Die vollendete Sammlung führt zum Tode des Künstlers. Seine geistig-seelische Entwicklung wird *ex negativo* dargestellt, in der ewigen Umwandlung Sein-in-Schein und Schein-in-Sein.

- Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. – Zürich: Diogenes Verlag, 1985. – 320 s.
- Welsch W. Das Ästhetische – eine Schlüsselkategorie unserer Zeit? // Die Aktualität des Ästhetischen (Hrsg.). – Wien: Passagen-Verlag, 1990. – S. 237–270.
- Zima P. V. Die Dekonstruktion: Einführung und Kritik. – Tübingen; Basel: F. Francke Verlag, 1994. – 251 s.
- Zima P. V. Der Europäische Künstlerroman. Von der romantischen Utopie zur postmodernen Parodie. – Tübingen; Basel: F. Francke Verlag, 2008. – 517 s.
- Bataille J. Sad and ordinary man // Marquis de Sade and the XX century. – M.: RIK «Kul'tura», 1992. – P. 89–116.
- Vaiman S. Flickering meanings. – M.: Nasledie, 1999. – 398 p.
- Rubina D. Parsley Syndrome. – M.: Eksmo, 2013. – 512 p.
- Sloterdike P. Criticism of the cynical mind / translation from German by A. Pertsev. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural State University, 2001. – 584 p.
- Foucault M. About transgression // Tanatografiya Eros: Georges Bataille and the French thought of the XX century. – SPb.: Mifril, 1994. – P. 111–131.
- Foucault M. History of madness in the classical era. – SPb.: Book of light, 1997. – 576 p.

Author's information

Kuchumova Galina Vasil'evna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of German Philology, Faculty of Philology and Journalism, Social and Humanitarian Institute, Samara National Research University named after S. P. Koroleva (Samara).

Сидорова О. Г.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: –

УДК 81'255.2
DOI 10.26170/fk19-01-23
ББК Ш307
ГСНТИ 17.07.29
КОД ВАК 10.01.08

Кузнецова Т. С.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: –
E-mail: ogs531@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам литературного перевода, рецепции переводного текста, трансформации национального литературного канона и – как следствие – судьбе литературного произведения в переводящей культуре. При анализе материала сочетаются методы теории перевода и методы литературоведения и истории с привлечением сопоставительного анализа литературных текстов, а также сравнительного анализа текстов оригинала и перевода с учетом специфики принимающей культуры. Предметом изучения в статье становятся «программные» произведения классической русской литературы (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и др.) в английском переводе, их восприятие и оценка на Западе, а также произведения британской (Дж. Остин, Дж. К. Джемс, О. Уайлда и др.) и американской (М. Митчелл и др.) литературы в их переводе на русский язык.

Ключевые слова: литературный перевод; литературный канон; переводная литература; художественные тексты; закономерности искажений.

Сопоставление русского национального литературного канона и его компонентов (литературных произведений) в оригинале с теми же произведениями в переводе позволяет выявить ряд регулярных изменений, которые эти произведения претерпевают, попадая в культуру переводящего языка, связанных, в частности, с приобретением при переводе писателем значимости в принимающей культуре, отсутствующей у него в культуре-источнике, и наоборот, выходом творчества писателя из центра на периферию и временными сдвигами, вызванными запоздалым/несвоевременным появлением переводов текстов того или иного писателя на другой язык и обусловленным конъюнктурными, политическими, идеологическими и иными причинами. В статье с опорой на ряд примеров рассматриваются эти закономерности. Предполагается, что исследуемые закономерности и описание причин их возникновения могут внести вклад как в теорию литературного перевода и сопоставительный анализ переводов, так и в историю отдельных национальных литератур и теорию литературных и культурных контактов. Подобные закономерности выявляются также при сопоставлении художественных произведений британской и американской литературы в русском переводе, приводящем к их искажению при попадании в культурную среду переводящего языка.

Sidorova O. G.
Kuznetsova T. S.
Ekaterinburg, Russia

NATIONAL LITERARY CANON UNDER TRANSLATION

Abstract. This study focuses on problems of literary translation and of national literary canon transformation in a target culture, and, as a result, the fate of the original text in the receiving culture. The authors refer to a number of methods, namely, comparative literary studies methods, and contrastive analysis in national translation history and in cross-cultural communication. They attempt to combine translation studies with literary theory and history. Case studies of classical Russian literature (A. S. Pushkin, N. V. Gogol, M. Yu. Lermontov, etc.) in translation, its reception and evaluation in the West, as well as the British (J. Austen, J. K. Jerome, O. Wilde, etc.) and American (M. Mitchell, etc.) literature in Russian, are studied and explored. A comparison of the Russian national literary canon and its components (literary texts) in the original with the same elements in translation reveals a number of displacement regularities, namely, priority acquisition, i. e. the transfer of the writer of the translated text into the category of primary authors of the language inexistent in the original culture; priority loss characterized by the author of the original losing their status and transferring to the periphery, and time shift, caused by a belated/untimely translation. These regularities are studied in detail and supported by a number of examples. The authors believe that the regularities under investigation can make a useful contribution not only to the theory of literary translation and translation comparative studies, but also to the history of particular national literatures and to literary-cultural contacts theory. The same regularities are clearly observed in comparison of the British and the American books of fiction in Russian translation, their displacement in the target environment and the target cultural evaluation.

Keywords: literary translation; literary canon; translation literature; artistic texts; displacement regularities.

Для цитирования: Сидорова, О. Г. Национальный литературный канон в переводе / О. Г. Сидорова, Т. С. Кузнецова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 158–164. DOI 10.26170/fk19-01-23.

For citation: Sidorova, O. G. National Literary Canon under Translation / O. G. Sidorova, T. S. Kuznetsova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 158–164. DOI 10.26170/fk19-01-23.

Literary translation has always been considered a literary pursuit in its own right. What is more, a translated work of literature can make a powerful impact on the target literature and culture – examples of this sort are numerous in any national literature. Translation is also viewed as communication across cultures: being primarily a linguistic act where two languages are involved, it is also a cultural interchange since language and culture cannot be separated – language is a culturally embedded phenomenon. There is no doubt that translators have «to link the source text in its cultural context to the target communicative-cultural conditions... into which the translation is to be 'fitted'» [House 2013: 12–13].

How do literary texts of some culture function in another culture? This question often arises when books of fiction are translated into foreign languages, and then, just as the adherents of the Reader Response theory maintain, the readers' reaction becomes extremely important to the meaning the text acquires in a new context. Beyond all doubt, the reader's response is an integral part of a book functioning in its native culture – but almost any translation can acquire some unexpected new understanding in target languages and cultures – «how many lives, after all, have been deeply affected by translations of the Bible and *Capital*?» [Lefevre 1982: 240].

Discussing the 'enabling function of translation', Theo Herman claims that a finished translation «is deemed to offer the user a reliable image of its parent text because it bears a close and pertinent resemblance to that which itself remains beyond reach. ...A statement like 'I have read Dostoyevsky' ..., when we unpack it, means something like: what I read was actually a translation of Dostoyevsky, but because it was a sound translation, it was, to all intents and purposes, as good as reading the original» [Herman 2002: 11].

But was it really? Did it provide the same reader response as the original text provided?

There is little doubt that a body of texts of fiction translated from different languages makes an inseparable and influential part of every national literary and cultural background. It is obvious that this body is in constant flux since new translations constantly appear – their interrelations with the older translations, as well as with the national texts of fiction become complicated and interwoven; besides the very reception and evaluation of translated texts in the target culture seems to be complicated, characterized by many circumstances. However, as I. Even-Zohar stressed, «there is no awareness of the possible existence of translated literature as a particular literary system» [Even-Zohar 1990: 199].

As far back as in 1982 André Lefevre, aiming at establishing theoretical links between translation and theory/history of literature, claimed that «translation studies can hardly be said to have occupied a central position in much theoretical thinking about literature» [Lefevre 1982: 23]. True, relatively little research has been carried out so far in this area, that is why we will try to make an attempt to bridge the two.

So – what really happens to a text of fiction after it is translated into a foreign language? Does it immediately occupy the same place and get the status it used to have in its native culture? Are there any patterns and regularities

of a translated text of fiction occurrence and functioning in a target culture? What factors are these regularities determined by? To answer the questions and to make reliable conclusions, several methods are used, namely, comparative literary studies methods, contrastive analysis in national translation history and in cross-cultural communication.

To investigate the problem, we are going to operate the concept of canon in the way it was suggested and defined by H. Bloom in his much-debated book *The Western Canon: The Books and School of the Ages* (1994). As it is well known, the Western canon is a term denoting a list of books, as well as the greatest works of art, that were influential enough to form, to shape and to define – collectively in their interaction – Western culture. Thus, the canon is commonly believed to embrace the greatest works of national culture.

According to H. Bloom, canon tends to have a well-defined center and diffused margins or periphery – thus, W. Shakespeare's works were proclaimed to have formed the Western canon core since his plays and poetry are at the very center of Western creativity. The scholar proclaimed that it was in the Bard's plays that a special introspective view of a man was first introduced that led to the modern understanding of human nature.

No doubt, canon can be and is often viewed as a constant competition that should result in designing special institutional, educational, and cultural policy. Not surprisingly, in the Russian tradition, where the very term canon (Rus. канон) is popular only with the scholars in the field of European studies and literatures, the corresponding term will be программное произведение. It should be stressed that canon is often understood as a variable notion, since one can easily imagine national canons, group canons, generation canons, etc. However, bearing this in mind, we have every ground to believe that every national literary canon is clearly constructed by the majority of readers – in collective national memory it remains stable and mainly non-controversial, though sometimes existing on the intuitive level of public perception.

The aim of our analysis can be formulated in the following way: to investigate the translated works of Western literature in Russian culture and of Russian works of literature in Western culture from the point of view of places they occupy in target cultures. The idea «that the translated text has its own independent significance... seen as particularly relevant to the translation of literature» [House 2013: 23] leads to different speculations on «how translated texts fit into and affect the target literary system» [House 2013: 24]. Was Vladimir Nabokov right when he stated translation to be only a handful of «reflected words» that shiver on the «black mirror of the river» [Nabokov 1955], words that have no dazzle of their own, or, conversely, are we justified to state that translated texts acquire new places and qualities in target cultures?

Naturally, when translated works of fiction function in a different cultural environment, a whole range of attendant circumstances are to be taken into consideration:

«Let us accept that refractions – the adaptation of a work of literature to a different audience – have always been with us in literature. Refractions are to be found in the obvious form of translation, or in the less obvious of criticism, ...commentary, historiography (of the plot

summary of famous works cum evaluation type, in which the evaluation is unabashedly based on the current concept of what 'good' literature should be), teaching, the collection of works in anthologies, the production of plays» [Lefevere 1982: 241].

Studying the long history of Russian literary translation, one cannot but notice a number of regularities. We believe that any national literary canon undergoes several transformations of different orders when its components (texts of fiction) are translated (refracted) into some foreign language. We also consider the most notable regularities under investigation to be the following: priority loss; priority acquisition; time shift. Each transformation will be discussed and supported with examples.

By this transformation, we mean cases when a text or an author central to a national literary canon loses its main/central place after translation. The history of the Russian literature of the nineteenth century provides several examples of the above-mentioned phenomena: though L. Tolstoy's, F. Dostoyevsky's, A. Chekhov's works are widely popular both with the Russian and with the Western readers and public, works by A. Pushkin, M. Lermontov, and N. Gogol are less known and often much less popular in the West. Meanwhile, it goes without saying that any Russian person will immediately name them as the most remarkable representatives of the Russian literature of the period and will be able to immediately quote their works. What is more, the books by these authors have been translated into English more than once by translators who proved their professional status and whose translations of different authors are widely acclaimed.

Both Russian and Western critics and commentators have drawn much attention to Alexander Pushkin's specific reception in the West. While Pushkin is widely read and remembered in the Russian-speaking community with almost everyone being able to quote a line or two on the spot, the poet seems to enjoy respectable reputation of a classic author whose works are read and studied mainly by specialists in the field of Russian literature abroad. Thus, the first chapter in A. D. P. Briggs's well-known volume *Alexander Pushkin: A Critical Study* is significantly entitled *The Problem of Pushkin* and its first part is devoted to *The Doubts Surrounding Pushkin's Reputation*. To give something of the author's debate, we will quote a passage that seems to be relevant to the above-stated argument:

«The extraordinary achievements of Alexander Pushkin, Russia's foremost poet (some would say leading writer) still requires a good deal of explanation. His position in Russian history is without parallel in any other country. ...By changing the course of the literature and the language, he passed on to his successors not only a fund of artistic potential but also the means of its practical realization. The results are known to the world, ironically better than his own works, in those of Tolstoy, Dostoyevsky, Turgenev, Gogol, Chekhov and many other famous Russian writers» [Briggs 1982: 17].

In this context, it is perhaps quite telling that, according to A. D. G. Briggs, numerous studies, articles, and books on Pushkin and his works have been written and published in the West – «this was neatly expressed by Donald Davie: "We continue to learn everything about Pushkin the poet

except his poetry." ...The worst part... is that as the years go by and Pushkin remains inadequately explained, those who began by taking him on trust are going to have their doubts» [Briggs 1982: 18].

Professor S. Ter-Minasova analyzed the Pushkin-in-the-West phenomenon in her article expressively entitled *Why cannot the Non-Russian World Evaluate Pushkin?* [Ter-Минасова 1999] in which she makes a conclusion that does not contradict, but rather supports A. D. G. Briggs's idea. The scholar claims: «The main reason for Pushkin's under-evaluation and non-recognition as the greatest Russian writer lies in the conflict of cultures, of mentalities, even of souls. I can easily anticipate questions like: But Dostoyevsky? Tolstoy? Chekhov? The answer is the following: the whole situation shows they are more international and less national» [Ter-Минасова 1999: 36]¹.

The same is true about works by N. Gogol translated into English. Some time ago, when asked a question about Gogol's status with the English readers, Karen Hewitt, who had been teaching Russian literature in Oxford for many years, answered:

«This is tricky. The answer is while MANY educated readers will expect to read Tolstoy and Dostoyevsky, and even more will see Chekhov plays, Gogol comes way behind them and behind Turgenev. Those who read Gogol do so either because they are studying Russian at university, or because they are, for one reason or another, particularly keen on reading all Russian literature that they can.

When I do courses on 19th century Russian literature, I begin with stories by Pushkin (I refuse to study poetry in translation – it just comes out as banality); then I do short stories by Gogol – which most readers enjoy (The Overcoat, The Nose, perhaps Diary of a Madman) – but they are stories they have NEVER come across before. Gogol is available in our Penguin Classics series and in the OUP World's Classic Series; but I don't think many copies are sold» [Hewitt 2009].

The case with English literature in Russian translation and perception clearly demonstrates similar, if not parallel tendencies, of priority loss. Thus, a mere comparison of the native British canonical list of authors of the nineteenth and twentieth centuries with that of English literature in Russian translation clearly shows a marked discrepancy. To demonstrate this discrepancy, we will analyze a popular Soviet *English Literature Textbook for the IX Form of English Language Schools* by M. Hecker, T. Volosova and A. Doroshevich (Moscow, Prosveshcheniye Publishers, 1975) – a textbook for high school students. The textbook was recommended by the USSR Ministry of Education (the recommendation is printed on the front page), widely used and several times reprinted. The textbook is devoted to nineteenth and twentieth centuries English literature. The contents part includes several chapters. Chapter One *Critical Realism in England* gives an overview of the political background and characteristic features of the literary trend under investigation. The chapter opens with the following quotation from Karl Marx: «The present brilliant school

¹ Translated from Russian by the authors of the article.

of novelists in England, whose graphic and eloquent descriptions have revealed more political and social truths to the world that have all the politicians, publicists and moralists added together, has pictured all sections of the middle class... How have they been described by Dickens, Thackeray, Charlotte Bronte and Mrs. Gaskell?» [Marx 1854]. Of the four novelists named by K. Marx, Charlotte Bronte is only mentioned once on page 10, much like Elizabeth Gaskell on page 11 in the following context: «*Hard Times* by Charles Dickens and *Mary Barton* by Elizabeth Gaskell are among the best works of 19th century Critical Realism in which the Chartists movement is described» [Hecker et al 1975: 11]. The two remaining authors, namely, Ch. Dickens and W. M. Thackeray, are given much more attention: each writer's life and works are described in a separate chapter. Thus, the canon center was inherently outlined in the Russian students' minds, where Dickens and Thackeray were supposed to occupy a more important place than Ch. Bronte and E. Gaskell. By extension, marginal places were given to different authors who had not been mentioned in the textbook. George Eliot, A. Trollope and E. Bronte are among them – the writers who unquestionably belong to the central figures of the native canon, but do not enjoy the same status with the Russian readers. However, novels of all these writers have been translated into Russian.

What is more, though the English literary canon in Russian imagination was outlined by numerous textbooks, in real practice it could undergo certain diffusion. Though ideologically correct and approved by K. Marx, E. Gaskell was never very popular with the Russian readers, while Ch. Dickens enjoyed «the same phenomenal success as at home or in the United States» [Gifford 2015] from the very beginning. According to H. Gifford, «no foreign writer of that time (or since) ever became so thoroughly domiciled in the Russian imagination» [Ibid.].

Overall, as is known, Charles Dickens, W. M. Thackeray, and Charlotte Bronte were read and enjoyed by the Soviet and Russian readers, A. Trollope's, George Eliot's, Elizabeth Gaskell's novels remained – and, to a certain degree, still remain primarily within the domain of scholarly research. As we can easily understand, the reason is not only ideological (Karl Marx's indisputable authority was a valid argument for the Soviet publishers and curricular designers to advertise the writers in question), but, rather, mental and cultural, similar to the Pushkin-in-the-West case.

This transformation presupposes a shift of a peripheral, sometimes even marginal literary text to the central position after its translation into a foreign language and transplantation into a foreign culture.

Not infrequently, some secondary literary texts of a national culture become much more influential in a target culture and are often viewed as sample texts of a national literature from which they have been rendered. There are several reasons to explain the shifts in question. L. Volodarskaya [Володарская 2003] stressed that a literary interaction is impossible without two factors that are to meet – one nation creates some literary text of value that another nation is predisposed to accept – or, by extension, to reject it. Boris Pasternak [Пастернак 2004] supported the point, claiming translation to be not just rendering of separate books or texts into a foreign culture, but, rather, nations and cultures encountering. If this is the case, then

translatability/non-translatability is vastly determined by the fact of the target culture's deep interest in an author or work of literature, not just in its plot, but, rather, in its existential and metaphorical meaning for the target culture. Alternatively, if put in different words, «the degree to which the foreign writer is accepted into the native system will... be determined by the need the native system in a certain phase of its evolution» [Lefevre 1982: 243].

Russian literary history can provide several examples of the phenomenon in question. New Russian literature as opposed to Old Russian literature appeared in the eighteenth century after Peter I and his successors promoted the development of secular culture and education in Russia. Vassily Trediakovsky, one of the leading men of letters of the period, who was educated at the Sorbonne in Paris, in 1730 translated into Russian a French novel *Le Voyage de l'Isle d'Amour* by French writer Paul Tallemant (1642–1712). As a result, the book became the first novel of the new type in Russia and immediately won immense popularity with the reading public. Yury Lotman, who analyzed the role of the novel in his article, made the following conclusion: «Trediakovsky's translation was close to the original. But, being transplanted from the French cultural context into the Russian one, his *Voyage*... changed both its meaning and its cultural role... The text that had been an inseparable part of the French cultural space, became isolated and closed in itself... it became the Only Novel (in Russia – authors). A novel of modest value became a sample text» [Лотман 1992] that every author was eager to follow. The factor that determined the novel's role was, primarily, the precise historic moment – Russia was pursuing new modes of cultural westernization and seeking new cultural models to follow, engage, and emulate. Thus, the novel and other literary translations from French and German into Russian that immediately followed suggested examples of etiquette, behavior, social interaction, etc. for the rapidly growing group of the Russian reading public.

Another example to demonstrate priority acquisition in the target culture is *Three Men in a Boat* by Jerome K. Jerome in Russian translation. A comic travelogue occupying a modest place in English literature, *Three Men in a Boat* (1889) has been translated into Russian nine times starting from the 1890^s. Jerome's book in different Russian translations has been published in millions of copies. Several generations of Russian readers considered the book to be an example of English humour and of Englishness itself. Stories from the English original were included into school textbooks, and thousands of people during the Soviet period were able to quote the text. In 1979, a Russian adaptation (director N. Birman) was made with three lady-travelers in a different boat to encounter the original men added by the film director, and, as is well-known, the film was very popular and is still well-remembered.

The same is true about Oscar Wilde and W. Somerset Maugham and the place their works occupy in the Russian readers' estimation. Both authors were popular with the Russian readers during the Soviet period in the English original and in translation. It is true that not so many foreign writers were translated in the USSR due to strict censorship based, primarily, on ideological reasons – the fact that many critics were inclined to use as an explanation of the popularity of the officially licensed few. Though

tempting, the explanation turned out to be not exhaustive, because Oscar Wilde remains to be very popular with contemporary readers, high school and college students irrespective of the fact that a vast quantity of the best works of literature are available in the original and Russian translation now. We can state that Oscar Wilde's books have never lost their appeal for the Russian reader. The tradition of reception can be said to be playing a certain role in this particular case of Oscar Wilde in Russian estimation when his works seem to occupy a much more central place in Russian readers' perception than in the English public evaluation.

So, due to the shift of translated books from the periphery to the center the English canon in Russian translation becomes different from the English canon in the original.

Time shift is a general term to describe a belated translation of a work of literature in a target culture caused by a number of reasons, with ideology, censorship, publishers' policy being the most obvious among them, not to mention accidental circumstances such as translators' preference and random choice.

The results of the above-mentioned late appearance of some important and influential source texts in a new cultural context can lead to a distortion of objective national literary history. Consequently, a new, imaginative canon of a foreign literature appears in the target culture – a canon characterized by a marked discrepancy as compared with the original canon.

Russian literary history provides numerous examples of the above-mentioned discrepancy. Some of them will be discussed in detail to clarify the point.

The reception history of Jane Austen's novels in Russia is, undoubtedly, a special case, though not a unique one. As C. Nepomnyashchy states in the chapter devoted to Russian reception of Austen in *The Reception of Jane Austen in Europe* volume, «the posthumous response to Austen's works across Europe has followed a rough pattern of discovery and appreciation by the educated elite and later adoption by a popular audience. This has made Austen's reception a bellwether for rival claims both by keepers of high culture and devotees of mass culture» [Nepomnyashchy 2007: 345].

Yet the pattern was slightly different in Russia – mostly due to the late translation of the author's works into Russian, which happened only in the late twentieth century.

Many leading English authors were well known in Russia in the eighteenth – nineteenth centuries, though there was an obvious shortage of translators from the English language at the beginning of the period, as French and German were the dominant European foreign languages in Russia. Most English works of literature used to come to the Russian reading public via the so-called Interlingua, the French language making the main mediator of the epoch, when English literary works were rendered into Russian from their French translations. Not surprisingly, Pushkin, a real Russian-French bilingual person (as many Russian aristocrats of the epoch) was first acquainted with the English works of literature in French. Only by the last decade of his life, Pushkin had learned English to be able to read English literature in the original.

Generally, though, it was not until the mid-nineteenth century when English books of fiction were translated into Russian directly from their originals en masse. Significantly, English works of fiction of the period were immediately

translated into Russian and published in the Russian journals that had gained immense popularity by the 1840s. Paradoxically, though, Jane Austen was neither translated nor reviewed for the whole period of the nineteenth – the most part of the twentieth centuries in Russia. *Pride and Prejudice* was first published in the USSR in English in 1961, and only after that in the Russian translation made by I. Marshak, which happened in 1967. Though the circulation of the volume with I. Marshak's translation and an introductory article by eminent scholar Nina Demurova was 20 000 copies (not a very big one by the late-Soviet standards), it was published by the academic publishing house of the Academy of Sciences of the USSR – we will agree that «Austen remained largely the property of the hide-bound Soviet scholarly establishment; very much, that is, in the realm of the academic» [Nepomnyashchy 2007: 346].

Undoubtedly, there exists a strong temptation to explain the Austen case – her absence in Russia – by political reasons, namely, the prevailing and oppressive domineering of the so-called socialist realism as the state-approved literary movement in the USSR, as T. Kenney does in her article entitled *Jane Austen, Revolution, Socialist Realism and Reception* (2011). The author states that «socialist realism was the only accepted artistic style in most Communist countries: abstract impressionism, the bourgeois novel, love stories, domestic comedy – all were considered decadent if not counter-revolutionary» [Kenney 2011: 98]. From our point of view, this is only partly true – though Soviet literary history is full of real drama when ideology dominated and suppressed creativity, officialdom with its socialist realism theory did not fully subdue the real literary development. Paradoxically, Jane Austen's novels were not just disapproved by the Soviet censors and critics but were generally overlooked by nineteenth century Russian critics, translators, and the public. It is a well-known fact that Jane Austen's name was mentioned in the Russian journals only twice, in 1854 and 1871, both times in passing, among other English women novelists, – and critically enough, since these writers' works were «not in the spirit of contemporary Russian literature: that is, novels that adopt strong social and political stances» [Nepomnyashchy 2007: 343]. Therefore, the Soviet neglect can be logically and with good reason viewed as a long-lasting reception tradition. The neglect showed not only in the absence of Jane Austen's books in Russian, but also in the total absence of her name in the Soviet textbooks on English literature, the situation that lasted almost until the end of the twentieth century. When all her novels were finally translated into Russian in the last decades of the twentieth century, their appearance coincided with the numerous Austen's screen-versions popularity, thus Austen's reception history in Russia did not fully follow the route suggested by C. Nepomnyashchy: Jane Austen's novels were appropriated by mass culture almost immediately after their translation into Russian. Thus, Jane Austen fell out of the Russian history of the English novel, which clearly shows in the shortage, almost lack of profound scholarly research of her works in Russian (with a few exceptions mentioned by C. Nepomnyashchy). It is true that Jane Austen's works have found their way to contemporary Russian textbooks of English literature, but the process is far from being complete. Significantly, the first Austen's biography in Russian was only released

in 2013 – Colibri Publishers in Moscow made a translation of *Jane Austen: A Life* by Claire Tomalin, a well-acclaimed biography that was first published in England in 2000.

From our point of view, the Austen case in Russia can vividly demonstrate that non-translation of some important text or texts of fiction results in different consequences. First, the original national canon (English in this case) is distorted in the target (Russian) culture. Besides, the belatedly translated books of fiction are displaced (more often than not) as compared with the place they occupy in the original canon, Jane Austen in Russian translation making a good example of the phenomenon.

A similar absence not only of individual English authors, but also of literary movements can be clearly seen in twentieth century English literature in Russian translation. To clarify the point, we suggest looking at the Contents of the *English Literature Textbook* by M. Hecker, T. Volosova, and A. Doroshevich, that reads in the following way (there are no omissions or changes):

«Periods in English 20th century Literature»

«William Somerset Maugham. *The Luncheon*» (*the text of the short story is given unabridged*)

«Katherine Mansfield. *A Cup of Tea*» (*the text of the short story is given unabridged*)

«Richard Aldington. *Death of a Hero*»

«Archibald Joseph Cronin. *The Citadel*»

«Graham Greene. *Life of Graham Greene. Literary work. The Quiet American*»

«James Aldridge» [Hecker et al 1975: 175]

There are clearly several points that attract the reader's attention: first, the names of all the English modernists are left out and never mentioned in the book; besides, the names of great authors (Graham Greene, who was much published and widely read in the USSR) go side by side with authors of more modest achievements. Though James Aldridge was much approved by the Soviet officials due to his political views, widely published, and awarded with the Lenin Prize in 1972, his books, except, probably, for *The Last Inch*, were never extremely popular with the readers.

Sometimes the absence of translation that has long lasting consequences can be explained by political reasons. To clarify the point, we will make a digression and suggest some examples from American literature in the Russian translation history. The Civil War of 1861–1865 in America is considered to have become one of the central events in the country's collective memory, where both sides, the Unionists and the Confederates are present and reflected by their own images. It is a well-known fact that during the American Civil War and immediately after it the Russian intelligentsia and broad public opinion ardently supported the Unionists (the North). The support applied to different spheres, including literature and translation, when books written from the Northern perspective were immediately translated and culturally appropriated, while the South-

ern perspective was rarely, if ever, mentioned. A famous anti-slavery novel *Uncle Tom's Cabin* by Harriet Beecher Stowe, which was first published in 1852, became immediately popular with the Russian intelligentsia, first in the English original, and later – in the Russian translation that followed in 1858. The translation was not easily published, since the Russian censors found too many correlations between the novel's plot and the Russian peasant revolts and disturbances – the 1850s were turbulent years, when Russian serfdom was much debated. During the second half of the nineteenth and the twentieth centuries, *Uncle Tom's Cabin* was translated into Russian several times, and its popularity constantly grew. By the late Soviet period, it got a status of a young adult historic fiction book enjoyed by a vast majority of the Soviet young adult readers. Conversely, the Southern perspective was crystallized in the myth of the 'Lost Cause', shaped Southern regional identity and was subsequently reflected in a number of books of fiction. The most famous of them *Gone with the Wind* by Margaret Mitchell appeared in print in 1936 and was an immediate and enormous success.

Despite its worldwide fame, the novel only appeared in Russian translation by Tatyana Ozerskaya in 1991. In the preface to the first Russian edition of M. Mitchell's novel, an eminent critic Peter Palievsky stated: «Scarlett O'Hara... has finally come to us dressed up in a new attire, which she liked so much, – in the Russian language» [Палиевский 1991: 7]¹. The Russian translation appeared only three years after the famous 1939 Hollywood film *Gone with the Wind* was released in the Soviet Union, and millions of people speaking Russian enjoyed it for the first time in history. Thus, both the book and the film reception were delayed for more than half a century due to political preferences and reasoning, and the picture of the American literature objective development in the Russian perception was clearly distorted.

One might claim that literary translation is a specific field with its own target audience. What is more, other spheres of translation outnumber it vastly. However, it is this sphere that plays an extremely important role in cross-cultural communication since it shapes the foreign culture image in a target environment. The influence and interaction are far from being unidirectional, that is why a literary canon under translation undergoes a series of transformations. We have analyzed transformations in question using the Russian – English literary translations case and formulated a number of regularities to accompany this process, their reasons and consequences. The Russian – English case is certain to be not a unique one, though every interaction between cultures and literatures is characterized by specific regularities. These regularities can make a valuable contribution to the history of objective evaluation of a particular national literature and to literary/cultural contacts theory.

¹ Translated from Russian by the authors of the article.

ЛИТЕРАТУРА

Bloom H. *The Western Canon: The Books and School of the Ages*. – N. Y.: Riverhead Books, 1994.

REFERENCES

Bloom H. *The Western Canon: The Books and School of the Ages*. – N. Y.: Riverhead Books, 1994.

- Briggs A. D. P. *Alexander Pushkin: A critical Study*. – London and Canberra: Croom Helm, 1983.
- Even-Zohar I. *The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem // The Translation Studies Reader (2nd ed.)*. – 2004. – P. 199–204.
- Gillford H. *Dickens in Russia: The Initial Stage [Electronic resource] // Forum for Modern Language Studies*. – 1968, 1 January. – Vol. IV. – Issue 1. – P. 45–52. – Mode of access: doi.org/10.1093/fmls/IV.1.45.
- Hecker M., Volosova T., Doroshevich A. *English Literature Textbook for the IX form of English Language Schools*. – М.: Prosveshenie, 1975.
- Hermans T. *Paradoxes and Aporias in Translation Studies // Translation Studies: Perspectives on an Emerging Discipline*. – 2002. – P. 8–16.
- Hewitt K. *A Letter to Olga Sidorova as of March 23, 2009*. House J. Translation. – Oxford: OUP, 2013.
- Kenney T. *Jane Austen, Revolution, Socialist Realism, and Reception: A Response to Helong Zhang's 'Jane Austen: 100 years in China' [Electronic resource] // Persuasions: The Jane Austen Journal*. – Iss. 1. – Mode of access: www.thefreelibrary.com/_print/Print article.aspx.
- Lefevere A. *Mother Courage's Cucumbers: Text, System and Refraction in a Theory of Literature // The Translation Studies Reader (2nd ed.)*. – 2004. – P. 238–255.
- Marx K. K. *Marx and F. Engels on Literature and Art*. – М.: Progress Publishers, 1976.
- Nepomnyashchy C. *Jane Austen in Russia: Hidden Presence and Belated Bloom // The Reception of Jane Austen in Europe*. – 2007. – P. 334–349.
- Nabokov V. *On Translating Eugene Onegin // Inostrannaya Literatura*. – 2001. – № 10. – P. 131.
- Володарская Л. *Три вехи в истории русского поэтического перевода [Электронный ресурс] // Toronto Slavic Quarterly: Academic Electronic Journal in Slavic Studies*. – 2004. – № 8. – Режим доступа: www.utoronto.ca/tsq/08/volodarskaya08.shtml (дата обращения: 20.09.2016).
- Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Третьяковского и функции переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Лотман Ю. М. *Избранные статьи в трех томах*. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 2. – С. 22–29.
- Палиевский П. В. *Маргарет Митчелл и ее книга // Митчелл М. Унесенные ветром / пер. Т. Озерской*. – М.: Правда. – С. 7–15.
- Пастернак Б. Л. *Заметки переводчика (в порядке обсуждения) // Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 томах*. – М.: Слово, 2004. – Т. 5. – С. 51–54.
- Тер-Минасова С. Г. *Почему Пушкина не может оценить нерусский мир? // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 1999. – № 2. – С. 36–42.
- Briggs A. D. P. *Alexander Pushkin: A critical Study*. – London and Canberra: Croom Helm, 1983.
- Even-Zohar I. *The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem // The Translation Studies Reader (2nd ed.)*. – 2004. – P. 199–204.
- Gillford H. *Dickens in Russia: The Initial Stage [Electronic resource] // Forum for Modern Language Studies*. – 1968, 1 January. – Vol. IV. – Issue 1. – P. 45–52. – Mode of access: doi.org/10.1093/fmls/IV.1.45.
- Hecker M., Volosova T., Doroshevich A. *English Literature Textbook for the IX form of English Language Schools*. – М.: Prosveshenie, 1975.
- Hermans T. *Paradoxes and Aporias in Translation Studies // Translation Studies: Perspectives on an Emerging Discipline*. – 2002. – P. 8–16.
- Hewitt K. *A Letter to Olga Sidorova as of March 23, 2009*. House J. Translation. – Oxford: OUP, 2013.
- Kenney T. *Jane Austen, Revolution, Socialist Realism, and Reception: A Response to Helong Zhang's 'Jane Austen: 100 years in China' [Electronic resource] // Persuasions: The Jane Austen Journal*. – Iss. 1. – Mode of access: www.thefreelibrary.com/_print/Print article.aspx.
- Lefevere A. *Mother Courage's Cucumbers: Text, System and Refraction in a Theory of Literature // The Translation Studies Reader (2nd ed.)*. – 2004. – P. 238–255.
- Marx K. K. *Marx and F. Engels on Literature and Art*. – М.: Progress Publishers, 1976.
- Nepomnyashchy C. *Jane Austen in Russia: Hidden Presence and Belated Bloom // The Reception of Jane Austen in Europe*. – 2007. – P. 334–349.
- Nabokov V. *On Translating Eugene Onegin // Inostrannaya Literatura*. – 2001. – № 10. – P. 131.
- Volodarskaya L. *Three milestones in the history of Russian poetic translation [Electronic resource] // Toronto Slavic Quarterly: Academic Electronic Journal in Slavic Studies*. – 2004. – № 8. – Mode of access: www.utoronto.ca/tsq/08/volodarskaya08.shtml (date of access: 20.09.2016).
- Lotman Yu. M. *"Riding to the island of love" by Trediakovsky and the functions of translated literature in the Russian culture of the first half of the XVIII century // Yu. M. Lotman Selected articles in three volumes*. – Tallinn: Alexandra, 1992. – Vol. 2. – P. 22–29.
- Palievsky P. V. *Margaret Mitchell and her book // Mitchell M. Gone With the Wind / translation by T. Ozerskoy*. – М.: Pravda. – P. 7–15.
- Pasternak B. L. *Translator's notes (in order of discussion) // Pasternak B. L. Complete Works: in 11 volumes*. – М.: Slovo, 2004. – Vol. 5. – P. 51–54.
- Ter-Minasova S. G. *Why Pushkin can not appreciate the non-Russian world? // Bulletin of Moscow State University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. – 1999. – № 2. – P. 36–42.

Данные об авторах

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской филологии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 208.
E-mail: ogs531@mail.ru.

Кузнецова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 208.
E-mail: tatiana.s.kuznetsova@gmail.com.

Author's information

Sidorova Olga Grigoryevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Germany Philology, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Kuznetsova Tatiana Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Germany Philology, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

С РАБОЧЕГО СТОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Харламова С. А.
Тюмень, Россия
Сиракьюз, США

УДК 821.111-3
DOI 10.26170/fk19-01-24
ББК Ш33(4Вел)63-44
ГСНТИ 17.07.25
КОД ВАК 10.01.03

ORCID ID: –

E-mail: kharlamovasophia@gmail.com

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЭТИКИ НОНСЕНСА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX В.: ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ И ДЖОН ЛЕННОН

Аннотация. В настоящей статье автор анализирует художественную прозу всемирно известного музыканта Джона Леннона с точки зрения литературного направления нонсенса. Несмотря на общепризнанное и неоднократно упомянутое критиками и исследователями влияние на творчество Дж. Леннона текстов Л. Кэрролла, настоящая статья ставит целью найти существенные отличия в прозе Дж. Леннона и Л. Кэрролла и таким образом ответить на вопрос, является ли художественная проза музыканта продолжением традиции английского «чистого» нонсенса, трансформирует ли она данную традицию или представляет собой совершенно отличное литературное направление. В рамках компаративного анализа сравниваются жанры и формы, сюжеты, персонажи, стиль, приемы словотворчества, а также пространственно-временные хронотопы произведений Л. Кэрролла и Дж. Леннона. Автор статьи учитывает также и то, что определение понятия «нонсенс» имеет свою сложную историю и проблематику, а также в целях анализа обращается к творчеству Д. Хармса, в связи с чем автор не исключает возможности изучения прозаического творчества Дж. Леннона в рамках литературного направления абсурда. Несмотря на то, что Леннон был вдохновлен творчеством Кэрролла и неосуществившейся мечтой его жизни было написать аналогичную детскую сказку, литературные опыты музыканта не ограничиваются приемами нонсенса и представляют собой уникальный литературный феномен, который некоторые исследователи сравнивают с романом Дж. Джойса «Поминки по Финнегану», в связи с чем в статье уделяется внимание и оригинальному художественному стилю музыканта, который называют «эрративным нарративом», «поэтикой ошибки», «бессмысленным правописанием» или «вербальным нонсенсом».

Ключевые слова:
проза; рок-музыка;
рок-музыканты;
нонсенс; абсурд; ан-
глийская литература;
английские писатели;
литературное твор-
чество.

Kharlamova S. A.
Tyumen, Russia
Syracuse, USA

TRANSFORMATION OF ENGLISH VICTORIAN NONSENSE IN THE 20th CENTURY: LEWIS CARROLL AND JOHN LENNON

Abstract. The author of this article analyzes the fiction by the world famous musician John Lennon from the perspective of the literary nonsense. Despite the fact that the influence of L. Carroll's texts on the works by J. Lennon is universally recognized and frequently mentioned by critics, this article aims to explore significant differences between the prose by J. Lennon and L. Carroll and thus answer the question whether the musician's fiction is a continuation of English "pure" nonsense tradition, whether it transforms this tradition or represents a completely different literary genre. Within the framework of the comparative analysis, the author compares genres and forms, plots, characters, style, word creation technics, and chronotopes of texts by L. Carroll and J. Lennon. The author takes into account the fact that the definition of the concept of "nonsense" has its own complex history and several interpretations. In addition, for the purposes of the analysis, the author refers to the oeuvre of D. Kharmas and, in this connection, concludes that it is possible to study J. Lennon's prose in the framework of literary absurd. Despite the fact that Lennon's texts were inspired by Carroll's books and the unfulfilled dream of his life was to write a similar children's fairy tale, the musician's literary work is not limited to nonsense techniques and represents a unique literary phenomenon, which is comparable to J. Joyce's *Finnegans Wake*. In this connection, the author pays attention to this distinguished style, which is called "erratic narrative", "poetics of mistake", "nonsensical spelling", or "verbal nonsense".

Keywords:
prose; rock music; rock
musicians; nonsense;
absurd; English liter-
ature; English writers;
literary creativity.

Для цитирования: Харламова, С. А. К вопросу о трансформации поэтики нонсенса в английской литературе XX в.: Льюис Кэрролл и Джон Леннон / С. А. Харламова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 165–169. DOI 10.26170/fk19-01-24.

For citation: Kharlamova, S. A. Transformation of English Victorian Nonsense in the 20th Century: Lewis Carroll and John Lennon / S. A. Kharlamova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 165–169. DOI 10.26170/fk19-01-24.

A whole century separates the publication of the first Alice story and John Lennon's literary debut. *Alice's Adventures in Wonderland* was prepared for publication in 1864 and published in 1865, and a hundred years later, English nonsense incarnated in a new and unexpected way in the books by J. Lennon *In His Own Write* (1964) and *A Spaniard in the Works* (1965). However, is the fiction by J. Lennon really a continuation of English nonsense tradition? How much did the oeuvre of L. Carroll influence the musician's writing style? This article aims to answer these questions.

Many of Lennon's biographers mention the tale of Alice as one of Lennon's favorite books in his childhood [Studencheskiy meridian 1991: 9]. The reviewers, translators and researchers repeatedly mention influence of Lewis Carroll's stories on Lennon's fiction. Writing about the first publication of Lennon's books and the striking contrast that they made with the lyrics of *The Beatles*, J. Savage notes: "Here he could find an outlet for his obsession with the Goons and Lewis Carroll" [Lennon 2010: ix]. In the preface to the Russian edition of Lennon's collections, the translator A. Kurbanovsky summarizes: "All reviewers noted that the word-making technique and images of the stories betray the influence of Lewis Carroll and Edward Lear..." [Lennon 2003: 10]. It is a well-known fact that the portrait of Professor C. L. Dodgson is on the cover of *The Beatles* concept album *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band* [Novak 2016: 31]. For the album's collage, the band members independently compiled lists of those famous personalities that they would like to see on the cover [Goldman 2000: 243]: "Lennon insisted on the photo of his favorite writer" [Novak 2016: 31]. Moreover, Lennon himself noted the influence of Carroll's works. Biographers, including A. Goldman, often quote his confession about the history of the song *I Am the Walrus* – a direct reference to the text of *Through the Looking-Glass*: "Only later I realized that the Walrus was a big capitalist that ate all the bleeping oysters" [Goldman 2000: 266]. There is one curious coincidence connected with this song. Lennon wrote it, "having inserted a sheet of paper into a typewriter, on which from time to time, when he was inspired, typed one or several lines" [Goldman 2000: 264]. Let us compare it with the description made by J. Pudney, who, telling about the creation of the poem *The Hunting of the Snark*, cites the author himself: "<...> and so by degrees, at odd moments during the next year or two, the rest of the poem pieced itself together <...>" [Padni 1982: 96]. Leaving no doubt for philology researchers, Lennon told about the song *Lucy in the Sky with Diamonds*: "These were the images from the book *Alice in Wonderland*. The imagery was Alice in the boat" [Sheff 2014: 213].

The experience of analyzing Carroll allusions and his influence on Lennon's work already exists in Russian literary studies: these works are devoted to the musician's songs and poetic works (depending on the terminology used by a researcher). Thus, the author of the complete collection of *The Beatles* songs in Russian I. Poluyakhtov points to references to Carroll's works and gives a detailed analysis of them in the comments to the translation of the songs *I Am the Walrus* and *Cry, Baby, Cry* [Poluyakhtov 1996, 2: 60, 124]. He also notes the influence of nonsense poetry in the song *Norwegian Wood* [Poluyakhtov 1996, 1: 254]. A researcher from Samara E. V. Morozova devotes a paragraph of her dissertation *The Poetic Works by J. Lennon and P. McCartney*

1960-1970 to this issue, where, despite the title, there are also fragments of the analysis of Lennon's prose [Morozova 2009: 93-114]. In the article, we analyze only the influence of the Alice dilogy, since, according to Lennon himself, he was not familiar with other Carroll's works [John Lennon Interview].

Certainly, between the life of the humble honorable Oxford Professor of the 19th century and the life of the world famous and eccentric rock musician of the 20th century (Lennon's collections were published at the peak of the Beatlemania), any similarity is unlikely. Nevertheless, one can draw several curious parallels. Like C. L. Dodgson, Lennon "published" his first literary experiments when he was a child [Demurova 1979: 16]. Like the hand-written magazines of the young Dodgson, so the self-made magazines by Lennon were of a humorous nature. Carroll dreamed of becoming an artist [Demurova 1979: 20], and Lennon enrolled at an art college: both authors had their books illustrated and the illustrations play an important role in the understanding of the text [Galanov 1990: 204]. Carroll loved children and spent a lot of time with them. It is also a well-known fact that the stories about Alice happened thanks to Alice Liddell, the middle daughter of the Dean of Christ Church [Padni 1996: 14-18]. In 1963, Lennon became a father and, in this connection, some critics suggest that children's poems and fairy tale motifs in his collections owe their appearance to his son Julian [Shabanov 2009]. However, in contrast to this opinion, some biographers believe that during this period Lennon neglected his parental responsibilities [Goldman 2000: 135]. Therefore, it is likely that children's poems and fairy tales were not addressed to children.

A comparative analysis of Alice stories and the works by Lennon presents a certain difficulty because their forms and genres are significantly different. If in one case we are dealing with two "literary tales" (according to N. M. Demurova), then in the second one there are so-called "miniatures"¹ [Lennon 1988: 182], [Lennon 1983: 229]. Critics, translators, and researchers when referring to Lennon's prose often use this term since his collections represent a significant genre diversity: prose, drama, and poetry, which, however, because of their small size can hardly be considered stories, novels or plays. Nevertheless, in this connection I would like to add that some researchers of Carroll's oeuvre note the "discreteness" of the fairy-tale narrative, pointing out that Alice's encounters do not have strict causal relationships and can change places without serious damage to the plot [Demurova 1979: 144]. At the same time, Lennon's miniatures, despite their genre diversity, represent a stylistic unity.

An analysis of the studies indicating Carroll's influence on Lennon's prose has led me to several conclusions. First, most of them note only similarities, ignoring the problem of the development or transformation of the nonsense literature techniques, second, they innumerate same several resemblances. These are above all the portmanteau words: compare *slithy* (*lithe* + *slimy*) in Carroll, *safairy* (*safari* + *fairy*), *singularge* (*singular* + *large*), *ellifitzgerald* (*elementary* + *Ella*

¹ Perhaps, due to the significant similarity of form and content, one can borrow the term from studies on D. Kharms' stories (e.g. "сценки", Eng. *little scenes*).

Fitzgerald) in Lennon and соскрючились (соскучились + скрючились), пассакалия (пасквиль + вакханалия), упадание (упадок + падение) in D. Kharms. However, one cannot limit oneself to such a comparison since Carroll uses many other devices (a literal interpretation of a phraseological unit, puns, neologisms, a personification of English folklore images). Lennon favors some devices, while rarely or not at all using others. We believe that this attitude to language is one of the fundamental differences. Apparently, Carroll's *writhing* instead of *writing*, *ambition* instead of *addition*, *Laughing* and *Grief* instead of *Latin* and *Greek* inspired Lennon in his literary experiments much more than other techniques. If one borrows the terminology by V. Nabokov, used in the analysis of the works by J. Joyce [Nabokov 2015: 368], then Carroll's books will be considered "transparent" compared to the texts by Lennon. T. Schultheiss ironically noted in the preface to the book *The Literary Lennon*: "Of the many who doubtless know that Lennon wrote two¹ books, a small percentage have perhaps read them through (with still fewer understanding what they read) <...>" [Sauceda 1983: x]. Lennon replaced the clear, logical, and open Carroll's narration with the so-called "erratic narrative"²: an abundance of spelling and punctuation errors, the use of similar sounding words and homophones, imitation of Cockney Rhyming Slang, and the distortion of words often make it difficult to understand the text. Once again one notes the similarity to the works of the OBERIU writers: there is an abundance of mistakes in Kharms' texts, who used the concept "poetics of mistake", and especially his early poems were highly vague and absurd [Kharms 2009].

Many researchers do not differentiate between the concepts of "nonsense" and "absurd", not to mention the concept of "pure nonsense" [Tigges 1988: 126], [Charskaya-Boyko 2009]. Nevertheless, I believe that for our research the distinction between these concepts is fundamentally crucial, because this could help to understand what the most important differences between *Alice* stories and Lennon's prose are. Morozova argues that "unlike E. Lear, who softens or even successfully resolves the conflict between the protagonist and the society, J. Lennon reveals a contradiction and, as a rule, ends the story tragically" [Morozova 2010: 95]. It is the abundance of tragedies and unmotivated cruelty in Lennon's books that makes it difficult to identify his prose with nonsense. Again, one cannot but notice the similarities to the works of Kharms, where the characters tear off each other's hands and ears, pull out the old women's jaws, and suggest throwing out children into the cesspool, etc. [Kharms 2009]. Following the opinion of G. M. Krushkov, who believes that nonsense is a bright joyful game, while absurd points to the meaninglessness of life and the world, the similarity with the 20th-century avant-garde is more obvious [Krushkov 2005]. In other words, "in nonsense, language *creates* a reality, in the absurd, language *represents* a senseless reality" [Tigges 1988: 128]. On the one hand, we see an abundance of eccentric characters (according to Demurova, "madmen, aberrations, monsters") and their "eccentricities", but, on the other hand, it turns out that Lennon's prose is a Wonderland

without Alice, without the "romantic ideal", that rational and reasonable character who would contrast with the surrounding absurdity [Demurova 1979: 142]. Returning to the indicated above problem of the form and genre of Lennon's prose I would like to remark that some stories of the collections relate more to nonsense (*I Sat Belonely*, *The Fat Budgie* according to W. Tigges [Tigges 1988: 172]), while others to absurd (*Randolf's Party*, *Araminta Ditch* and *Last Will and Testicle* according to N. Cornwell [Cornwell 2006: 299–300]).

However, let us dwell a bit more on the phenomena of the "poetics of mistake" and "errative narrative". I consider these deviations from the language norms solely as a creative writing device and would like to abandon emotion tinged epithets with negative connotations, which are often used, albeit unintentionally, for informational purposes, when analyzing Lennon's prose. To characterize and define the author's original and at the same time deeply rooted in English literary traditions style researchers use the following phrases: e.g., "ill-formed sentences", "un-English forms", "distorted English" [Deweese 1969: 290], "odd and inconsistent spelling" [Tigges 1988: 171]. I believe that one should view these so-called "errors" precisely as "tools" and "mechanisms", each having its own expressive functions in the text, and therefore such expressions as "nonsensical spelling" and "verbal nonsense" are more appropriate [Tigges 1988: 172]. For example, J. Dewees in his article *Ill-Formed Sentences* analyzes the errors formation mechanisms and provides with their detailed classification: distortions at the graphemic, phonological, morphological, and syntactic levels. It is very remarkable that the article pays attention to the functions these techniques have in the text, which are black humor, satire, and parody. In addition, in the article, Dewees comes to a very curious, though perhaps not fully justified conclusion: since Lennon is a native speaker, the deviations from the norms in his prose are superficial from the point of the grammatical structure and sentence construction. In other words, native language intuition prevents the author from experimenting with the deeper levels of grammar. The author of another article analyzing Lennon's stories also uses the word "*warped*" and develops the disease metaphor, saying that Lennon's text is "sick" and "contagious" (*a malady of language* instead of *a melody of language*) [Kaplan 1990: 530]. However, this description fits in the author's dwelling on the nature of a pun and his conception of Lennon's story *Araminta Ditch*. According to this conception the main character of the story, a "distorted" language of the story, and its author are insane and oppose the authoritarianism of the crowd opinion, well-formed grammatical language, unambiguity and canon [Kaplan 1990]. These articles represent two approaches to the study of Lennon's style: a strict linguistic analysis within the framework of grammar and literary-philosophical analysis within the framework of the established concepts and traditions. In my opinion, they perfectly complement each other. An example of such combination is W. Tigges' interpretation of the spelling in the story *Araminta Ditch*. Thus, he argues that the consistent spelling of the main character's name and her laughing disease (*larf*, *larfing*) is a sign of her "stolid personality" as opposed to the society (*people*, *peofle*, *peokle*, etc.) which is considered to be "a vague and fickle crowd" [Tigges 1988: 76].

¹ Since the book was published in 1983, it considers only collections of stories published antemortem.

² My term based on the concept of "errative" by G. Guseynov.

Let us compare space and time chronotopes, one of which Demurova analyzed in detail in her book *Lewis Carroll. Essay on Life and Works* [Demurova 1979: 96–144]. As for Lennon's collections, one notes that the two most typical types of time indicators are the usual "morning" and the fairy-tale "once upon a time". The most unbelievable, unexpected, fantastic and absurd things happen exactly on an ordinary morning: "There were no flies on Frank that morning", but this did not prevent the character from killing his wife later that day so that she would not see him "like this <...> not at all fat" [Lennon 2010: 11, 13]. Another character wakes up "one fat morning" to find out that a pleasant company in the person of a "fat growth friend" grew up on his head [Lennon 2010: 18]. Another type of time indicator introduces an obvious fairy-tale element into the structure of the narrative, stylistically, together with other elements, transforming a miniature into a short fairy tale: "One upon a tom a far off distant land ..." [Lennon 2010: 20].

In connection with the analysis of chronotopes, one cannot but mention such an important motif of Carroll's stories as a dream. The *Alice* diology is based on the protagonist's dreams. The author immerses a reader into Alice's dream discreetly and unobtrusively: the readers learn that they witness a child sleeping not until the end [Carroll 2015]. We see the exact opposite in Lennon's books: the characters of his stories, on the contrary, do not fall asleep but wake up. The nonsense and absurdity that occur in the miniatures are not a dream but the reality surrounding the characters, the reality of life and society. If we assume that the respectable and dogmatic Victorian society lacked the "childish" attitude and abstract humor akin to children's imagination and dreams, then, probably, in the second half of the 20th century there was no longer a need to fall asleep. For the society on the threshold of globalization and the emergence of popular culture to see a "topsy-turvy world", it was enough to look around.

Nevertheless, I consider it important to mention a few more resemblances between the texts by Carroll and Lennon. Demurova, dwelling on the impact of Charles Dickens on Carroll, compares an excerpt from *Our Mutual Friend* with Carroll's letter and discovers the usage of the same technique – the "alphabetic alliterative" enumeration of proper names; Carroll in his letter, which is a short story in the spirit of nonsense, calls the same person by different names [Demurova 1979: 68–69]. Lennon used this technique, but with a different function, in the miniature *The Singular Experience of Miss Anne Duffield*: the pastiched popular quote

attributed to Sherlock Holmes "elementary, my dear Watson" changes several times – "ellifitzgerald, my dear Whopper", "harrybellafonte, my dear Whopper" [Lennon 2010: 98]. A very curious fact is that, though this technique is used in a different function in the original, the translator F. Urnov used it in his translation: "Комплементарно, Ваксон", "Нет, Навигатсон, не угадалее!", "Алиментарно, Позватсон!" [Studencheskiy meridian 1991: 43], while another translator A. Kurbanovsky translated as close as possible to the original: "эллэфитцджеральдно", "гаррибеллафонтабельно" [Lennon 2003: 120–122].

I would like to draw another curious parallel between *Pig and Pepper*, the sixth chapter of *Alice in Wonderland*, and *I Sat Belonely*, a poem from Lennon's first collection. In both texts, the writers surprise a reader: unexpectedly the characters who, according to their description and actions, would have to be a child (Carroll) or a beautiful fairy (Lennon), suddenly turn out to be pigs. I assume that this image may have folklore roots and is probably associated with English idiom *a pig in a poke* (Rus. «кот в мешке», «подложить свинью»).

There is no doubt that Lennon's fiction is no longer the "childish", so to speak, "innocent" nonsense of the Victorian era (although some researchers especially note that sometimes Carroll and Lear's "pure nonsense" can be cruel) and is not its stylized imitation, either. Taking into account that many researchers associate this literary phenomenon exclusively with the 19th century, one cannot relate Lennon's works to nonsense; however, even using the broader interpretation of the term, one cannot but notice distinctive and significant differences. On the other hand, one also cannot deny that Lennon's works are imbued with the spirit of Carroll's stories, and undoubtedly are inspired by the images and language of Alice's adventures. Thus, one can regard the works by Lennon as a revival of English literary nonsense tradition in the 20th century, but in a new vein, with their own distinctive face and character, prompted by the new England, the 20th century and by the rapidly changing world. Further analysis of Lennon's prose, as well as a comparative analysis of his works in relation to other writers of the 20th century, set up promising research objectives. Lennon's experimental books, despite the fact they are under a strong influence of the literature of English nonsense and other English literary traditions, however, do not imitate but rather transform in the new cultural environment of the 20th century, and once again prove a unique author's style that is hardly amenable to any strict categorization.

ЛИТЕРАТУРА

- Галанов Б. Е. Платье для Алисы: диалог писателя и художника. – М.: Книга, 1990. – 302 с.
 Голдман А. Джон Леннон / пер. с англ. В. И. Григорьева. – М.: Молодая гвардия, 2000. – 615 с.
 Демурова Н. М. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. – М.: Наука, 1979. – 200 с.
 Кружков Г. М. Во-первых, во-вторых, в-третьих... О некоторых лейтмотивах сказки Льюиса Кэрролла // Звезда. – 2005. – № 7. – С. 201–207.
 Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье: книга для чтения на английском языке. – СПб.: КАРО, 2015. – 416 с.

REFERENCES

- Galanov B. E. Dress for Alice: the dialogue of the writer and artist. – M.: Kniga, 1990. – 302 p.
 Goldman A. John Lennon / translation from English by V. I. Grigor'ev. – M.: Young guard, 2000. – 615 p.
 Demurova N. M. Lewis Carroll. Essay on Life and Works. – M.: Nauka, 1979. – 200 p.
 Krzhukov G. M. Firstly, secondly, thirdly ... About some leitmotifs of the fairy tale of Lewis Carroll // Zvezda. – 2005. – № 7. – P. 201–207.
 Carroll L. Alice in Wonderland. Alice Through the Looking Glass: A book to read in English. – SPb.: KARO, 2015. – 416 p.

- Леннон Дж. Из книги миниатюр «От себя писатель» / пер. с англ. Ф. Урнова // Литературная учеба. – 1988. – № 5. – С. 182–185.
- Леннон Дж. Испанец в колесе / пер. с англ. А. Курбановского. – М.: Эксмо, 2003. – 192 с.
- Леннон Дж. Миниатюры / пер. с англ. В. Бошняка, М. Стефанского // Иностранная литература. – 1983. – № 12. – С. 229–232.
- Морозова Е. В. Поэтическое творчество Дж. Леннона и П. МакКартни 1960–1970 гг.: дис. ... канд. филол. наук. – Самара: Самарск. гос. соц.-гум. академия, 2010. – 222 с.
- Набоков В. Джеймс Джойс «Улисс» // Лекции по зарубежной литературе. – СПб.: Азбука, 2015. – С. 363–459.
- Новак С. Четыре гуру клуба одиноких сердец // Вокруг света. – 2016. – № 4. – С. 30–32.
- Падни Дж. Льюис Кэрролл и его мир / пер. с англ. и прим. В. Харитоновой, Е. Сквайрс, предисл. Д. Урнова. – М.: Радуга, 1982. – 142 с.
- Полуяхтов И. Полное собрание песен Битлз: в 2 т. – М.: Янус, 1996. – 288 с.
- Студенческий меридиан: Спецвыпуск «The Beatles». – М.: Молодая гвардия, 1991. – 100 с.
- Хармс Д. Век Даниила Хармса. – М.: Зебра Е, 2009. – 910 с.
- Чарская-Бойко В. Ю. К вопросу о концепции абсурда и нон-сенса в европейской традиции // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 110. – С. 215–218.
- Шабанов Л. Джон Леннон. Перевод книги «In His Own Wright» [Электронный ресурс] // Proza.ru. – 2009. – Режим доступа: www.proza.ru/2009/11/09/1453.
- Шефф Д. Джон Леннон. Все, что я хочу сказать: последнее большое интервью журналу Playboy, записанное в 1981 г. Дэвидом Шеффом / пер. с англ. В. И. Ильинского. – Екатеринбург: Гонзо, 2014. – 272 с.
- Cornwell N. The Absurd in Literature. – Manchester: Manchester University Press, 2006. – 368 p.
- Deweese J. Ill-Formed Sentences // College English. – 1969. – № 31 (3). – P. 290–299.
- John Lennon Interview: World of Books [Electronic resource] // Beatles Interview Database. – 1965. – Mode of access: www.beatlesinterviews.org/db1965.0616.beatles.html.
- Kaplan L. P. Lennon's Larfter: Treating "Araminta Ditch" // Modern Fiction Studies. – 1990. – № 36 (4). – P. 529–534.
- Lennon J. In His Own Write. A Spaniard in the Works. – L.: Vintage Books, 2010. – 167 p.
- Sauceda J. The Literary Lennon: A Comedy of Letters. – Ann Arbor: The Pierian Press, 1983. – 199 p.
- Tigges W. An Anatomy of Literary Nonsense. – Amsterdam: Rodopi, 1988. – 298 p.
- Lennon J. From the book of miniatures "In His Own Write" / translation from English by F. Urnov // Literary Studies. – 1988. – № 5. – P. 182–185.
- Lennon J. A Spaniard in the Works / translation from English by A. Kurbanovsky. – M.: Eksmo, 2003. – 192 p.
- Lennon J. Miniatures / translation from English by V. Boshnyal, M. Stefansky // Foreign Literature. – 1983. – № 12. – P. 229–232.
- Morozova E. V. The Poetic works by J. Lennon and P. McCartney 1960–1970: dis. ... Candidate of Philology. – Samara: Samara State Social and Humanitarian Academy, 2010. – 222 p.
- Nabokov V. James Joyce "Ulysses" // Lectures on foreign literature. – SPb.: Azbuka, 2015. – P. 363–459.
- Novak S. Four gurus of the lonely hearts club // Around the world. – 2016. – № 4. – P. 30–32.
- Padni J. Lewis Carroll and his world / translation from English and notes by V. Kharitonov, E. Squires, foreword by D. Urnov. – M.: Raduga, 1982. – 142 p.
- Poluyakhtov I. The Beatles Complete Songs Lyrics: in 2 vol. – M.: Yanus, 1996. – 288 p.
- Студенcheskiy meridian: Special edition «The Beatles». – М.: Young guard, 1991. – 100 p.
- Kharms D. The Century of Daniil Kharms. – M.: Zebra E, 2009. – 910 p.
- Charskaya-Boyko V. Yu. On the concept of the absurd and nonsense in the European tradition // News of the Herzen Russian State Pedagogical University. – 2009. – № 110. – P. 215–218.
- Shabanov L. John Lennon. Translation of the book «In His Own Wright» [Electronic resource] // Proza.ru. – 2009. – Mode of access: www.proza.ru/2009/11/09/1453.
- Scheff D. John Lennon. All I want to say: the last great interview with Playboy Magazine, recorded in 1981 by David Shef / translation from English by V. I. Ilyinsky. – Ekaterinburg: Gonzo, 2014. – 272 p.
- Cornwell N. The Absurd in Literature. – Manchester: Manchester University Press, 2006. – 368 p.
- Deweese J. Ill-Formed Sentences // College English. – 1969. – № 31 (3). – P. 290–299.
- John Lennon Interview: World of Books [Electronic resource] // Beatles Interview Database. – 1965. – Mode of access: <http://www.beatlesinterviews.org/db1965.0616.beatles.html>.
- Kaplan L. P. Lennon's Larfter: Treating "Araminta Ditch" // Modern Fiction Studies. – 1990. – № 36 (4). – P. 529–534.
- Lennon J. In His Own Write. A Spaniard in the Works. – L.: Vintage Books, 2010. – 167 p.
- Sauceda J. The Literary Lennon: A Comedy of Letters. – Ann Arbor: The Pierian Press, 1983. – 199 p.
- Tigges W. An Anatomy of Literary Nonsense. – Amsterdam: Rodopi, 1988. – 298 p.

Данные об авторе

Харламова София Анатольевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (Тюмень); приглашенный исследователь кафедры истории искусства и музыки, Сиракьюзский университет (Сиракьюз, США).

Адрес: 13244, США, г. Сиракьюз, Сиракьюзский университет, Боун Холл, 308.

E-mail: kharlamovasophia@gmail.com.

Author's information

Kharlamova Sophia Anatolyevna – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign Literatures, Tyumen State University (Tyumen); Visiting Student Researcher at Art and Music Histories Department, Syracuse University (Syracuse, USA).

ОБРАЗ РЕБЕНКА В ЛИРИКЕ ИРИНЫ КНОРРИНГ

Аннотация. Предмет исследования – образ родного ребенка в зрелой лирике поэтессы первой волны русской эмиграции Ирины Кнорринг. Лирика Ирины Кнорринг автобиографична и исповедальна. Главной темой творчества является семья, любовь к мужу – поэту Юрию Софиеву и сыну Игорю. Материнство выступает спасением в трагическом безрадостном эмигрантском существовании и единственным смыслом жизни на чужбине. Источниками анализа послужили дневниковые и биографические материалы.

Лирика И. Кнорринг репрезентирует повседневную жизнь, будничную обстановку, банальность и обыкновенность. В анализируемых стихотворениях представлены оппозиции «свое/чужое», «быт/бытие», «обустроенность/необустроенность», «уют/отсутствие уюта». Пристальное внимание Ирины Кнорринг к быту объясняется и литературными, и личностными факторами. Сахарный диабет заставил поэтессу отдалиться от поэтического круга, она вела замкнутый образ жизни, ограниченный только «домашними заботами».

В стихотворениях представлены непривлекательные образы супругов Кнорринг. В маленьком сыне, напротив, подчеркиваются внешняя красота и нравственная чистота. Часто лирическая героиня описывает спящего сына. Она любит наблюдать за ним, лежащим в колыбели, и хочет продлить детство сына. Нежелание взросления сына, страх опустевшего дома-гнезда связаны с напоминанием о приближающейся смерти. В стихотворениях показана тесная духовная связь матери и маленького сына, безусловная и жертвенная любовь к ребенку, которая сильнее требовательной любви к мужу.

Результаты исследования позволяют прийти к выводам, что лирика Кнорринг развивалась в русле классической русской поэзии XVIII–XIX вв., в которой материнство является главным предназначением женщины. Изображая в стихотворениях бытовые проблемы, предметность и материальность, Кнорринг подчеркивает близость к акмеистическому мировидению. Также она вписывается в эмигрантскую поэтику «парижской ноты» темами обреченности и пессимизма, скитальчества и болезни.

Лирика Кнорринг показывает неустроенный быт эмигранта, судьба которого и осложнена и спасена заботой о сыне. Представленный материал может быть использован в вузовском преподавании при чтении курсов по литературе русского зарубежья.

Ключевые слова:
образ ребенка; ли-
тературные образы;
русская литература;
русские поэтессы; по-
этическое творчество;
материнство; семей-
ное воспитание.

THE IMAGE OF A CHILD IN THE LYRICS OF IRINA KNORRING

Abstract. Object of research – an image of the own child in lyrics of the poetess of the first wave of the Russian emigration Irina Knorring.

Irina Knorring's lyrics are autobiographical. The main theme – is the family, love for her husband-poet Yuri Sofiev and son Igor. Motherhood is the salvation in the tragic, joyless emigre existence and the only meaning of life in a foreign land. The sources of the analysis were diaries and biographical materials.

I. Knorring's lyrics represent everyday life and banality. Irina Knorring's close attention to everyday life is explained by both literary and personal factors. Diabetes mellitus caused the poetess to move away from the poetic circle, she led a closed life, limited only by "household chores".

The poems present unattractive images of the spouses Knorring. In the little son, on the contrary, external beauty and moral purity are emphasized. Often the lyrical heroine describes a sleeping son. She likes to watch him lying in the cradle and wants to extend her son's childhood. The fear of the empty nest-house is connected with the reminder of the approaching death. The poems show a close spiritual connection between a mother and a young son, unconditional and sacrificial love for a child, which is stronger than demanding love for her husband.

The results of the study allow us to conclude that the lyrics of Knorring developed in line with the classical Russian poetry of the XVIII–XIX centuries, in which motherhood is the main purpose of women. In the poems depicting domestic problems, the objectivity and the materiality Knorring emphasizes the proximity to acmeism. It also fits into the émigré poetics of the Paris note with themes of doom and pessimism, wandering and disease.

The lyrics of Knorring shows the unsettled life of the emigrant, whose fate is complicated and saved by the care of his son. The presented material can be used in University teaching when reading courses on literature of Russian abroad.

Keywords:
image of a child; lit-
erary images; Russian
literature; Russian po-
etess; poetic creativity;
motherhood; family
education.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-00017-ОГН «Версии бытия / небытия в литературе русского зарубежья: пространственная поэтика»

Acknowledgments: The research is accomplished under financial support of Russian Foundation for Basic Research, project № 17-34-00017-OGN "Versions of Being / Non-Being in Russian Foreign Literature: Spatial Poetics"

Для цитирования: Сафонова, Е. А. Образ ребенка в лирике Ирины Кнорринг / Е. А. Сафонова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 170–174. DOI 10.26170/fk19-01-25.

For citation: Safonova, E. A. The Image of a Child in the Lyrics of Irina Knorring / E. A. Safonova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 170–174. DOI 10.26170/fk19-01-25.

«Родительская парадигма» не получила широкого распространения в женской поэзии эмиграции первой волны [Сваровская 2008: 67]. Можно лишь упомянуть «Стихи к сыну» Марины Цветаевой [Цветаева 2016: 58]; трагичные стихотворения, написанные на смерть дочери Е. Ю. Кузьминой-Караваевой [Монахиня Мария 1994: 85]; стихотворения о желанном, но невозможном материнстве Е. Бакуниной [Ходасевич 1931: 3] и Л. Червинской:

*«Холодно. Тоска бездетная
Вновь протягивает руку
Под октябрьским, под дождем...*

*А цыганское, рассветное
Предвещает ту разлуку,
Для которой все живем» [Червинская http].*

Особое место в поэзии молодого поколения первой волны русской эмиграции занимает творчество Ирины Кнорринг, в лирике которой темы любви и семьи, напротив, являются репрезентативными.

Недолгий жизненный путь поэтессы был полон драматизма. В 1919 г. ее семья была вынуждена бежать из России, в 1925 г. после многочисленных переездов Кнорринги оказались в Париже. В 1928 г. Ирина вышла замуж за Юрия Бек-Софиева – русского поэта, а в 1929 г. у пары родился сын Игорь. Незадолго до этого у Ирины диагностировали сахарный диабет, с которым она боролась до конца жизни. Ирина умерла в 1943 г. в возрасте 36 лет [Крейд 2004].

В работе мы рассмотрим зрелое творчество И. Кнорринг, в котором тема материнства и образ родного ребенка являются ключевыми [Кнорринг 2009]. Изучение темы исследования основывается на применении следующих методов: культурно-исторического, биографического, структурно-семиотического.

В основе стихотворений – биографическая судьба самой поэтессы, поэтому мы можем говорить о максимальном сближении автора и лирической героини [См.: Демидова 2015]. Сын Игорь появился на свет в тот момент, когда Ирина уже успела заявить о себе как поэтесса, однако обострение болезни отдалило ее от поэтического круга, отныне она занималась лишь «домом». Лирика Кнорринг отражает патриархальное понимание супружеских отношений. Лирическая героиня говорит о счастливых моментах семейной жизни, о простых вещах, составляющих ее домашний очаг:

*«Просто, без слез и проклятий,
С горстью наивных стихов,
В стареньком ситцевом платье,
В темной тоске вечеров,
С запахом лука и супа,
В кухонном едком чаду –
Женщиной слабой и глухой
Тихо к тебе подойду» [Кнорринг 2014: 500].*

Обращает на себя внимание, что «наивные стихи» не выделяются из ряда других деталей домашнего быта,

составляющих жизненное пространство. Будильник, остывший ужин, холодный суп, немытая посуда, иголки, газета передают прозаичность обстановки (стихотворения «Рассвет», «Сентиментальностей не нужно», «Так – кружусь в назойливом круженье», «Жизнь идет – и, слава Богу»).

Многие стихотворения посвящены мужу – Юрию Софиеву. С годами в них усиливаются мотивы невозможности личного счастья, обреченности существования и скорого конца. Лирическая героиня отчаянно ищет понимания любимого человека, но ее болезнь отдаляет их друг от друга:

*«Бледной, неряшливой, очень и очень усталой
Снова, как прежде, я молча к тебе подошла.
Видишь, какой я теперь некрасивою стала.
Жизнь обтрепала, обжулила и – предала»*

[Кнорринг 2014: 593].

Обострение печальных мотивов обусловлено горестным осознанием того, что болезнь уродует тело, лишает красоты. Героиня пытается принять свое нынешнее состояние. Ей оскорбительно сочувствие к себе, но в то же время раздражает и отсутствие сострадания со стороны мужа.

Образ мужа в стихотворениях не привлекателен, впрочем, как и собственный образ; требовательная любовь к мужу сопряжена с мотивами разочарования и страдания. Любовь к сыну, напротив, придает смысл жизни, делает ее насыщенной:

*«Пар над чашками, тетрадь, вязанье...
Вечер скуден, как огонь свечи.
– Ну, поговорим о «несказанном»,
Или так стихи побормочи. <...>*

*Голос твой – нерадостный, не звонкий,
Взгляд усталый, скучный и больной.
Если б не было у нас ребенка,
Мы давно бы умерли с тобой» [Кнорринг 2014: 491].*

Творчество притеснено бытовыми проблемами, стихи не декламируют, а бормочут, как будто им нет места. Вспоминается стихотворение другого эмигранта – А. Штейгера: «Не до стихов... Здесь слишком много слез» [Поэзия русского зарубежья 2001: 292].

В тексте нет ярких метафор, что подчеркивает блеклость и серость окружающего мира. Беспросветность эмигрантской семейно-бытовой жизни может привести к распаду брака, духовной связи и физической смерти героев, но супруги видят спасение в своем родительском назначении.

При рождении сына любовь к мужу у Кнорринг отходит на второй план. Своего сына она любит безусловной любовью и дарит ему заботу и ласку. Известно, что врачи запрещали поэтессе иметь детей, опасаясь за ее жизнь. Материнство поэтесса считает «призрачным и зыбким счастьем», «чудом», «сном наяву». Не случайно Ю. С. Степанов видел этимологическую близость слов «радость» и «родить» [Степанов 1997: 311]. И. Кнорринг

не мечется между ребенком и творчеством, ведь материнство – главная ценность:

*«Мне ничего не жаль. И я готова
Закрывать навеки заветную тетрадь.
Чтоб больше никогда не раскрывать
Дневник существования пустого.*

*За тихое, коротенькое слово,
За самое простое слово – мать»* [Кнорринг [http](http://)].

(«Еще до рождения 1928).

Сыну посвящены многочисленные стихотворения: «Дождь», «Все о том же – о мутных глазах», «Награда», «Я знаю, как печальны звезды», «В деревне», «Все это я, еще быть может», «Жужжит комар назойливо и звонко» и др.

Во внешности маленького сына часто подчеркиваются голубые глаза, белокурые волосы, пухлые губы:

«Неразрывный и замкнутый круг.

Кроме этого синего взгляда,

Этих детских беспомощных рук –

Ничего мне на свете не надо» [Кнорринг 2014: 479].

Поэтесса показывает не только визуальную красоту ребенка и его беспомощность, но и его духовную сущность, акцентируя внимание на чистоте сына. Она говорит о пока еще «нерасцветшей душе ребенка», нравственно его идеализируя.

Мир гармонии и позитива воссоздан в стихотворении «В деревне». На лоне природы ощущается тесная духовная взаимосвязь матери и сына.

С рождением сына весь мир преображается, неуютное пространство становится родным:

«Вечерами в комнате отельной,

Всю ее внезапно люблю,

Я ласкаю песней колыбельной

Слабого и нежного тебя» [Кнорринг [http](http://)].

Уют дому придают абжур, старые незатейливые игрушки: волчок, мячик, бесхвостый облупленный конь («Я люблю заводные игрушки»).

В стихотворении «Пока грят на елке свечи» детство ассоциируется с запахом новогодней елки и воском свечей. Однако детскость противопоставляется взрослости. Если сын в новогодний праздник «впадает в веселую лень», то мать – в «старческую лень». Описание контрастное: у него – горящие восторженные глаза, у нее – сгорбленные под тяжестью плечи.

С годами И. Кнорринг все больше переживает о судьбе сына, которого может рано покинуть. В стихотворении «Мне приснился опять ряд больничных кроватей» она молит о том, чтобы жизнь ее продлилась:

«Не боюсь я тупой, одинокой кончины

(Ведь и жизнь веселей не была).

Только мысль о беспомощно брошенном сыне...

Только... Ночь я, всю ночь не спала.

Все смотрела на пухлые детские губы,

Суеверно крестила кровать.

Нет, сейчас, в этой жизни, и стыдной, и грубой,

Не хочу, не могу умирать» [Кнорринг [http](http://)].

В стихотворении негативно представлено замкнутое пространство больницы, ограниченное и телесной немощью, и душевным состоянием героини. Кнорринг – не религиозный поэт, она не искала утешения в

вере, и здесь молитвенный жест назван предрассудком. Однако сон и болезнь являются переходными состояниями между жизнью и смертью; именно в этой пограничной кризисной ситуации у лирической героини спонтанно появляется потребность в защите высшей силы.

Желание защитить сына прослеживается в стихотворении «Помню, – поезд бесшумно рвануло» о поезде сына к морю. Для поэтессы даже краткое расставание с ребенком болезненно. В разлуке она ощущает «гнетущую пустоту», понимая, что вскоре разлучится с ним навсегда.

Лирическая героиня, вспоминая сына, представляет его спящим. Стихотворение предваряет эпиграф «Стану думать, что скучаешь / Ты в чужом краю» из «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. Мотивная логика лермонтовской колыбельной следует логике традиционных колыбельных песен. В народных же представлениях ребенок был до срока огражден сакрально охраняемым пространством колыбели [Сахарова 2016: 50]. Часто упоминаемый образ спящего ребенка говорит о подсознательном желании Кнорринг защитить сына.

Образ ребенка у Лермонтова уподобляется ангелу, но есть и антитетичный ему демонологический образ из чужого мира – «злой чечен». В стихотворении И. Кнорринг ребенок также находится в чужом краю – чуждом пространстве, даже его французская речь – неродная. С этим связаны переживания героини, она понимает, что пространство Франции для ее ребенка вдвойне опасно.

Лирическая героиня переживает, что своей преждевременной смертью причинит сыну боль:

«Что скажу я маленькому сыну?

Чем себя посмею оправдать?

– Если я сейчас тебя покину,

Значит, я была плохая мать» [Кнорринг [http](http://)].

Поэтесса боится, что сын осудит ее бессилие, в то же время она понимает, что сыновья нуждаются в матери лишь, когда они маленькие. Вырастая, дети живут своей жизнью. Часто лирическая героиня мысленно представляет себе взрослого сына:

«С каждым годом – все дальше и дальше.

Так и будет – больней и больней,

Сероглазый, беспомощный мальчик

Скоро выйдет из жизни моей» [Кнорринг [http](http://)].

Поэтесса не пишет, что сын скоро выйдет из родительского дома, она использует перифразу «выйдет из жизни моей». Образ дома-гнезда семантически сближается с жизнью лирической героини. С возрастом духовная связь между сыном и матерью стирается, поэтому в стихотворении большой своенравный сын противопоставлен маленькому беспомощному мальчику. Покинутый ребенком дом назван «холодным, безмолвным, пустынным», его не заполняют памятные вещи. Это безжизненное пространство сопоставимо и с самой лирической героиней – молчащей и пустой. Так в стихотворении воссоздается ассоциативная цепочка: «я – дом – сын – жизнь».

Желание продлить детство сына, поскольку его взросление напоминает о приближающейся смерти, актуализируется и в других стихотворениях:

«А я? А все – мои – затеи?»

О чем грустить? О чем молчать?»

Чем старше сын, чем он сильнее, –
Тем больше умирает мать» [Кнорринг http]
(«Вот это я еще, быть может»).

В лирике военного периода своему повзрослевшему сыну И. Кнорринг дает последние наставления:

«Живи не так, как я, как твой отец,
Как все мы здесь, – вне времени и жизни.
Придет такое время, наконец, –
Ты помянешь нас горькой укоризной.

Что дали мы бессильному, тебе?
Ни твердых прав, ни родины, ни дома.
Пойдешь один дорогой незнакомой
Навстречу странной и слепой судьбе» [Кнорринг http].

Следует отметить, что традиционно в женской военной лирике часто подчеркивается сходство сына с отцом, сын является продолжателем дела отца, наследует его внутренние и внешние качества, следует модели его поведения. И. Кнорринг, напротив, не желает, чтобы сын походил на отца, несмотря на то, что Ю. Софиев принимал участие во Французском Сопротивлении [Денисова http].

Лирическая героиня подчеркивает, что ее существование было похоже на пограничное состояние вне времени и жизни. Она понимает, что сын упрекнет ее за оставленную Россию и скитальчество в чужой стране. Поэтесса представляет мир детства как отгороженное от бед время и пространство, и она знает, что выходя во взрослую жизнь, сыну предстоит пройти много испытаний. Кнорринг не пишет, чтобы сын вернулся в Россию, но предполагает, что свой новый дом он может обрести в другой стране. Она уверена, что для нового поколения границы расширятся, и судьба сына сложится лучше, чем ее собственная. Сын освоит традиции межкультурного общения, преодолет закрытость и изоляцию.

В последние два с половиной года жизни Ирина Кнорринг стихов практически не писала, но незадолго до смерти она составила отдельную тетрадь со стихами, посвященными сыну – «Стихи о тебе и для тебя» с надписью «Игорю – мама». Последнее стихотворение в тетради – «Жизнь прошла, отошла, отшумела...»:

«Больше нет ни желанья, ни силы...
Значит – кончено все. Ну, – и что ж?
– А когда-нибудь, мальчик мой милый,
Ты стихи мои все перечтешь.

После радости, и катастрофы, –
После гибели, – после всего, –

Весь мой опыт – в беспомощных строфах.
Я тебе завещаю его» [Кнорринг http].

Это стихотворение создает ощущение исчерпанности жизни. В 33 года Ирина Кнорринг чувствовала себя старухой. Она не оставила сыну наследства, но наградила его бесконечной жертвенной любовью¹.

Таким образом, лирика Ирины Кнорринг развивалась в русле классической русской поэзии. Скорее, она продолжает традиции женской поэзии XVIII–XIX вв., в которой представлен устойчивый образ материнства. Изображая в стихотворениях реальный мир, бытовые проблемы, предметность и материальность, придавая большое значение ясности и завершенности произведения, точности реалистической художественной детали, Кнорринг подчеркивает свою склонность к акмеизму. Не случайно ее лирику высоко оценила А. Ахматова: «Это простые, хорошие и честные стихи» [Цит. по: Соколова 2010: 63]. Также она вписывается в эмигрантскую поэтику «парижской ноты» темами обреченности и равнодушия, максимальной откровенностью, дневниковостью, исповедальностью, составляющими эстетику «человеческого документа» [Ратников http].

Авторитетный критик русского зарубежья В. Ходасевич ругал «женскую поэзию» И. Кнорринг за излишнюю автобиографичность, но в то же время ценил ее за человечность: «...женщинам свойственно более полагаться на личный опыт, нежели на доводы, созданные теорией. Отсюда – почти неизбывный интимизм женского стихотворства, так же как его формальный дилетантизм, нередко подчеркиваемый умышленно, не без капризного оттенка. Не отрицаю, во всем этом есть нечто подкупающее, ибо всякая непосредственность подкупает» [Ходасевич 1931: 3].

Лирика Ирины Кнорринг занимает уникальное место среди женской поэзии эмиграции. Она отражает человека эпохи – забытого эмигранта, погибающего от тоски, социальных и бытовых проблем, судьба которого одновременно осложнена и спасена семейной жизнью и заботой о ребенке. Внешняя простота стихотворений не умаляет достоинства поэзии Кнорринг, главные из которых искренность и душевность.

¹ Следует сказать о судьбе сына Игоря. В возрасте 26 лет, через 12 лет после смерти И. Кнорринг, он уехал вместе с женой, сыном, отцом и дедом в Советский Союз и обосновался в Алма-Ате. Игорь Юрьевич Софиев был известным переводчиком, публицистом, увлекался этнографией. Умер в 2005 году. В настоящее время семейный архив Кнорринг хранит вдова Игоря Софиева – Надежда Чернова, русская поэтесса и публицист, издавшая книги о любви И. Кнорринг и Ю. Бек-Софиева [Чернова 2006; Чернова 2011].

ЛИТЕРАТУРА

- Демидова О. Р. Дневник Ирины Кнорринг как женская исповедь // Slavica Wratislaviensis. CLX. Wrocław. – 2015. – 11 с.
Денисова О. Е. Жизнь и творчество Ю. Б. Софиева: историко-литературный аспект: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Орел, 2015. – 23 с.
Кнорринг И. Н. Золотые миры / сост. Н. Кнорринг; вступит. статья Н. Черновой. – Алматы: Б.и., 2014. – 807 с.
Кнорринг Ирина. Стихи о тебе и для тебя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: amkob113.ru/knorring (дата обращения: 28.08.2018).

REFERENCES

- Demidova O. R. Diary of Irina Knorring as a women's confession // Slavica Wratislaviensis. CLX. Wrocław. – 2015. – 11 p.
Denisova O. E. The life and work of Yu. B. Sofieva: historical and literary aspect: thesis abstract ... Candidate of Philology: 10.01.01. – Orel, 2015. – 23 p.
Knorring I. N. Golden worlds / compiler N. Knorring; introductory article by N. Chernova. – Алматы: B.i., 2014. – 807 p.
Knorring Irina. Poems about you and for you [Electronic resource]. – Mode of access: amkob113.ru/knorring (date of access: 28.08.2018).

- Кнорринг И. Н. Повесть из собственной жизни: в 2 т. – М.: Аграф, 2009. – 608 с.
- Крейд В. П. Кнорринг Ирина Николаевна (1906–1943) // Новый исторический вестник. – 2004. – № 10. – С. 137–140.
- Монахиня Мария. Стихи. – Берлин: Петрополис, 1936 (1994). – 103 с. – (Репринтное издание).
- Поэзия русского Зарубежья / сост. О. И. Дарк. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2001. – 800 с.
- Ратников К. В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья: монография. – Челябинск, 1998. – 168 с.
- Сахарова О. В. Религиозно-поэтическое мирозерцание М. Ю. Лермонтова: образ ангела: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М.: МГУ, 2016. – 295 с.
- Сваровская А. С. Чувство родовой сопричастности в лирике первой волны русской эмиграции // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – 2008. – № 9. – С. 67–91.
- Соколова В. А. Мотивы лирики И. Ф. Анненского и А. А. Ахматовой в творчестве Ирины Кнорринг (разветвленность поэтической родословной) // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 56. – С. 62–66.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 324 с.
- Ходасевич В. «Женские стихи» (Кнорринг и Бакунина) // Возрождение. – 1931, 25 июня. – № 2214. – С. 3.
- Цветаева М. Летящие листья. Стихи. – М.: Искатель, 2016. – 64 с.
- Червинская Л. Стихотворения из книги «Рассветы» 1937 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: litresp.ru/chitat/ru/Ч/chervinskaya-lidiya-davidovna/stihotvoreniya (дата обращения: 28.10.2018).
- Чернова Н. М. Поговорим о несказанном: фантазии о любви Ирины Кнорринг и Юрия Софиева. – Алматы: Небесный дом, 2006. – С. 393–354.
- Чернова Н. М. Птица, залетевшая к ангелам: документальный роман. – Алматы: Седьмая верста, 2011. – 388 с.
- Knorring I. N. Tale of his own life: in 2 vol. – М.: Аграф, 2009. – 608 p.
- Kreid V. P. Knorring Irina Nikolaevna (1906-1943) // New Historical Messenger. – 2004. – № 10. – P. 137–140.
- The nun Maria. Poems. – Berlin: Petropolis, 1936 (1994). – 103 p. – (Reprint Edition).
- Russian poetry abroad / compiler O. I. Dark. – М.: SLOVO, 2001. – 800 p.
- Ratnikov K. V. "Paris Note" in the poetry of Russian emigre: monograph. – Chelyabinsk, 1998. – 168 p.
- Sakharova O. V. The religious-poetic outlook of M. Yu. Lermontov: the image of an angel: dis. ... Candidate of Philology: 10.01.01. – М.: MSU, 2016. – 295 p.
- Svarovskaya A. S. Sense of generic involvement in the lyrics of the first wave of Russian emigration // Russian literature in the 20th century: names, problems, cultural dialogue. – 2008. – № 9. – P. 67–91.
- Sokolova V. A. Motives of the lyrics by I. F. Annensky and A. A. Akhmatova in the works of Irina Knorring (branched poetic pedigree) // Bulletin of Novgorod State University. – 2010. – № 56. – P. 62–66.
- Stepanov Yu. S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. – М.: School "Languages of Russian Culture", 1997. – 324 p.
- Khodasevich V. "Women's Poems" (Knorring and Bakunin) // Revival. – 1931, June 25. – № 2214. – P. 3.
- Tsvetaeva M. Flying leaves. Poems. – М.: Iskatel', 2016. – 64 p.
- Chervinskaya L. Poems from the book "Sunrises" 1937 [Electronic resource]. – Mode of access: litresp.ru/chitat/ru/Ч/chervinskaya-lidiya-davidovna/stihotvoreniya (date of access: 28.10.2018).
- Chernova N. M. Let's talk about the inexpressible: fantasies about love by Irina Knorring and Yuri Sofiyev. – Almaty: Heavenly House, 2006. – P. 393–354.
- Chernova N. M. The Bird Flown to the Angels: A Documentary Novel. – Almaty: Seventh milestone, 2011. – 388 p.

Данные об авторе

Сафонова Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы историко-филологического факультета, Томский государственный педагогический университет (Томск).

Адрес: 634057, Россия, г. Томск, ул. Карла Ильмера 15/1.

E-mail: Safonova_k@mail.ru.

Author's information

Safonova Ekaterina Anatol'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk).

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Барковская Н. В.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9131-5937

УДК 821.161.1-6
DOI 10.26170/FK19-01-26
ББК Ш33(2Рос=Рус)-449
ГСНТИ 17.82.09
КОД ВАК 10.01.08

Джулиано Д.
Салерно, Италия
ORCID ID: –

Люцканов Й.
София, Болгария
ORCID ID: –

E-mail: n_barkovskaya@list.ru

ЭМИГРАЦИЯ, ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ, ССЫЛКА, ЛАГЕРЬ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В САМОСОЗНАНИИ ЛИТЕРАТОРА

(Международная научная конференция «Ссылка, изгнанничество, эмиграция: самосознание, ответственность и сочувствие в зеркале эго-документов и фикциональной литературы». 27–30 сентября 2018 г. Тюмень, Тюменский государственный университет, Институт литературы Болгарской Академии наук, Департамент гуманитарных наук Университета Салерно, Институт специальной и межкультурной коммуникации Варшавского университета)

Аннотация. Обзор конференционных докладов сгруппирован вокруг нескольких тематических узлов: жизнотворчество ссыльных декабристов, проблема чувства вины и ответственности вольных или невольных эмигрантов, а также авторов, оказавшихся в положении «внутренних эмигрантов», специфика саморефлексии в эго-документах, миф о Данте-изгнаннике в русской литературе советского периода, стратегии мифотворчества людей в ситуации «инонаходимости». Специальное внимание обращается на те несколько работ, которые публикуются в настоящем выпуске журнала.

Ключевые слова: декабристы; письма; литература эмиграции; лагерная литература; внутренняя эмиграция; мемуары; эго-документы; художественная саморефлексия; современная русская литература.

Barkovskaya N. V.
Ekaterinburg, Russia

Giuliano G.
Salerno, Italy

Ljuckanov J.
Sofia, Bulgaria

EMIGRATION, INNER EMIGRATION, EXILE, CAMP: THE COMMON AND THE SPECIFIC IN THE WRITER'S SELF-CONSCIOUSNESS

(International scientific conference “Exile, Expulsion, Emigration: Self-consciousness, Responsibility and Sympathy in the Mirror of Ego-documents and Functional Literature”. September 27–30, 2018, Tumen, Tumen State University, Institute of Literature of Bulgarian Academy of Sciences, the Humanities Department of Salerno University, Institute of Special and Intercultural Communication of Warsaw University)

Abstract. The paper presents a review of the conference reports grouped around several thematic blocks: creative life of the Decembrists in exile, the problem of the feeling of self-guilt and responsibility of voluntary or involuntary emigrants, as well as the authors who found themselves to be “inner emigrants”, the specificity of self-reflection in ego-documents, the myth of Dante's exile in the Russian literature of the Soviet period, and the myth creating strategies of the people in the situation of being estranged. Special attention is paid to the several works published in the current issue of the journal.

Keywords: Decembrists; letters; emigration literature; camp literature; internal emigration; memoirs; ego documents; artistic self-reflection; modern Russian literature.

Для цитирования: Барковская, Н. В. Эмиграция, внутренняя эмиграция, ссылка, лагерь: общее и различное в самосознании литератора / Н. В. Барковская, Д. Джулиано, Й. Люцканов // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 175–179. DOI 10.26170/fk19-01-26.

For citation: Barkovskaya, N. V. Emigration, Inner Emigration, Exile, Camp: the Common and the Specific in the Writer's Self-consciousness / N. V. Barkovskaya, G. Giuliano, J. Ljuckanov // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 175–179. DOI 10.26170/fk19-01-26.

27–30 сентября 2018 г. в Тюменском государственном университете состоялась международная конференция «Ссылка, изгнанничество, эмиграция: самосознание, ответственность и сочувствие в зеркале эго-документов и фикциональной литературы». Она продолжила рассмотрение «сюжета» геокультурной зависимости практик саморефлексии литератора/литературоведа, начатое на нескольких предыдущих конференциях (см. [L]ocusconscientiae [2015–2018]), организованных Институтом литературы Болгарской академии наук, Варшавским университетом и российскими коллегами; в 2017 г. к организаторам присоединился Университет Салерно.

В задачи тюменской конференции входило сопоставление опыта переживаний-и-состояний вынужденной перемещенности (эмиграции, ссылки, внутренней эмиграции, острожного/лагерного заключения, жизни в спецпоселении) в терминах теории лиминальности. Авторами конференционной концепции было предложено, помимо прочего, проанализировать опыт литературской «инонаходимости» (относительно понятия/термина см. [Pieralli 2013: 222–223]) с учетом разности таких жизненных установок, как: автотерапия, саморазрушение, адаптация, ассимиляция, спасение. Материалом для докладов послужили воспоминания, дневники, письма декабристов и иностранных военнопленных в России, произведения эмигрантов и «внутренних эмигрантов», отражающие существование людей в условиях «сокращенной/жертвовой автономности».

Первый блок докладов был посвящен вынужденному пребыванию ссыльных в Сибири. О. П. Еланцева (Тюмень), обратившись к воспоминаниям, запискам и очеркам декабристов, осветила уклад повседневной жизни ссыльных декабристов: их стремление реконструировать тот собственный мир, к которому они привыкли ранее, воплотить «готовые формы поведения». Из практики повседневного взаимодействия складывался ментальный комплекс метаобщности людей (особенно – кружок в Ялуторовске). Декабристы, приняв свое положение ссыльных, стремились бороться с окружающим невежеством, руководствуясь идеями Просвещения. Таким образом, по мнению докладчика, бытовое поведение декабристов оказывалось идеологически значимым.

Тему продолжил доклад тюменских коллег Н. А. Рогачевой и Е. Н. Эртнер «„Политэкономия сочувствия“ в эго-документах ялуторовской колонии ссыльных декабристов». Всесторонне был освещен «ялуторовский рай» (И. Д. Якушкин), «земля обетованная» (М. И. Муравьев-Апостол), показано, как декабристы сумели создать в условиях сибирской ссылки разные формы общего дела (обмен знаниями, педагогическими идеями) и формы единения в быту (в частности, организовав артель). Доминирование установки на сочувствие по-

могло не утратить смысл существования, однако все же не избавило дневники, письма, записки декабристов от иронии и трагического гротеска при характеристике своего сибирского «Союза спасения».

В докладе Г. В. Шебалдиной (Москва) характеризовались мемуары и письма шведских (XVIII в.) и французских (XIX в.) военнопленных в Сибири. Эти источники не только повествуют об исторических событиях (свидетельские мемуары), но и показывают состояние военнопленного, соотносящего *себя-прежнего* и *себя-нового*. Мемуары как житийное повествование рисуют условия прежней службы, обстоятельства пленения, годы ссылки и возвращение домой. Письма, в которых отсутствует продолжительная временная дистанция между событием и рассказом о нем, более эмоциональны и конкретны.

Второй блок докладов касался вопросов вины и ответственности эмигрантов. Й. Люцканов (София) в докладе «Вина и ответственность литератора в социуме и в истории» исследовал на материале русской эмигрантской прессы Болгарии 1920–1940-х гг. функционирование дискурса ответственности (частотность артикуляции, присутствие в разговоре о важнейших событиях, степень эмоциональной заразительности). Были представлены следующие грани проблемы: ответственность как символический ресурс и ответственность в персональном аспекте; ответственность как вина и ответственность как долг, ответственность-служение и ответственность-самопожертвование. Газетные материалы наглядно демонстрируют дифференциацию взглядов и позиций в эмигрантской среде, особенно – в связи со сменой поколений («новопоколенцы»). Идея ответственности эмигрантов за сохранение русской культуры сменилась практицизмом и активизмом молодых, склонных рассматривать эмиграцию в плане ответственности за будущее России, освободившейся от большевиков. Право-либеральные взгляды, господствующие в прессе 1920-х гг., сменились в 1930-х право-авангардными; 1931–1933 гг., по мнению докладчика, ознаменовались поворотом к консервативной революции.

О. В. Трофимова (Тюмень) в докладе «„Свой“ и „чужой“: переосмысление ценностей (по материалам дневника и воспоминаний Эвы Фелиньской 1839–1841 гг. о ссылке в Берёзов)» охарактеризовала сценарии «вымышленной родины» и «вымышленной чужбины». Эва Фелиньска принимает ссылку как страдание и испытание, просветляющие душу, вполне в руссоистском духе она моделирует в дневнике свою «землю обетованную», описывая красоту, движение, радость сибирской земли, в противовес угнетенной Польше.

В докладе Александра Панова (София) «Мотив „отверженные“ в болгарской литературе последней четверти XIX века» доказывалось, что для Ивана Вазова, Христо Ботева родная земля, «присвоенная» Ос-

манами, становилась чужой. Это был доклад, наиболее серьезно рассмотревший виды «инонаходимости» (в частности, эмиграцию) как лиминальные состояния, т. е. сквозь призму теории «ритуалов перехода» Арнольда ван Геннеппа и Виктора Тэрнера.

Третий блок докладов был посвящен рассмотрению попыток преодолеть состояние отчужденности от своего местобитания, в т. ч. «внутреннюю эмиграцию». Л. А. Закс (Екатеринбург) проанализировал стремление О. Мандельштама совместить «логику поэзии» с «логикой общества». В творчестве Мандельштама советского периода докладчик выявил сочетание двух модусов социальности: реальная (общество) и идеальная, культурная общность. Драматическое напряжение возникло между двумя векторами, первый из которых представлен в стихотворении «Декабрист» (1917), а второй – в стихотворении «Прославим, братья, сумерки свободы» (1918). Сознвая гибель старой культуры, Мандельштам делал драматические попытки вживания в новую социальность, не теряя из виду мир высокой культуры.

В. В. Борисова (Уфа) посвятила доклад переписке Ф. М. Достоевского с родными в период каторги и ссылки, заострив моменты, выражающие эмпатию и сочувствие к ссылке писателю. Сибирский эпистолярный Достоевского, проанализированный В. В. Борисовой, проясняет слова писателя, что его «спасла» каторга, открыв ему не только русского Христа, но и доброту многих близких и дальних людей.

Г. И. Данилина (Тюмень) обратилась к мемуарам, письмам, дневникам Л. К. Чуковской и А. С. Эфрон в докладе «„Внутренняя эмиграция“ как авторефлексивный литературный дискурс».

Социолого-исторической рефлексии над состояниями ссылки, эмиграции был посвящен следующий блок докладов. О. В. Богданова (Москва) подробно проанализировала перипетии истории изучения творчества Достоевского в советском литературоведении 1920-х – 1930-х гг. и последовательную маргинализацию как сообщества достоевсковедов, так и объекта их изучения (доклад «„Хлам“ для „гибнущей“ буржуазии: исследователи Достоевского в СССР 1920–1930-х годов»). Т. А. Круглова (Екатеринбург) прочитала доклад «Георг Лукач в период советской эмиграции: интеллектуальная рефлексия эстетика-марксиста в ситуации притяжения-отталкивания к советской культурной политике. Факты биографии Лукача проясняли выбор, сделанный эстетиком в пользу сталинского «большого стиля», его стремление развивать антимодернистскую теорию искусства. Однако диссертация Лукача, посвященная «великому консерватору» Гегелю (1943), содержала переоценку Сталина-«реформатора».

Отдельный блок докладов касался вопроса о (не) сообщимости опыта «инонаходимости» (ГУЛАГа, ссылки) «внешнему миру», о его трагической и вместе с тем закономерной не востребуемости. Эти доклады продолжили ранее начатый разговор о причудливых судьбах людей, оказавшихся по той или иной причине в зоне испытаний. Марко Саббатини (Пиза) поведал о судьбе Густава Херлинга-Грудзинского и восприятии его книги «Иной мир» в Италии. Участник польского Сопротивления, он вскоре попал в советский плен,

в 1942 г. был освобожден, затем вступил в Польскую армию, воевал в Палестине, Ираке, Италии. Встречался с Б. Кроче (впоследствии женился на его дочери). После войны переехал в Лондон. Пережитое в России не отпускало его, он издал книгу «Иной мир», не имевшую, однако, успеха. Активно пропагандировал в Италии произведения А. Солженицына, В. Шаламова.

Доклад Н. П. Дворцовой «Возвращение из ссылки: опыт Панкратия Сумарокова» познакомил с «языками», в которых интерпретировался опыт возвращения из ссылки (мифологический, правовой, финансово-экономический, биографический, литературно-художественный) и охарактеризовал жизненное поведение человека, которому, после возвращения в родительский дом, было не на что жить (тогда как в Тобольске он был женат, имел дом, ему покровительствовал губернатор А. А. Алябьев). Заслуга П. Сумарокова – основание двух первых сибирских журналов: «Иртыш» и «Библиотека ученой». Возвращение из ссылки вызвало кризис библиофильского мифа, и Сумароков выбрал идею домостроительства, которую реализовывал и в практической деятельности, и в литературной.

Марко Саббатини представил также доклад Клаудии Пьералли (Флоренция) «Изображение границы (*Limes*) в лагерной и тюремной поэзии в СССР: типология инопространства в литературном поле». Итальянская исследовательница коснулась типологии «инонаходимости», обозначила аналогии между эмиграцией и заключением в лагерь, предприняла мотивный анализ «поэзии зоны». Этот доклад был в наибольшей степени озабочен теоретической проблемой рассмотрения эмиграции, внутренней эмиграции, лагерного и тюремного заключения, ссылки как разновидностей одного и того же психо-физического типа состояний. Присутствие докладчика на конференции поспособствовало бы желаемому авторами конференционной концепции ходу обсуждения данной проблемы.

Н. Б. Грамматчикова (Екатеринбург) исследовала комплекс документов, оставшихся от заповедника в Северном Приобье (ныне заповедник «Малая Сосьва»). Как показал доклад «Заповедник: от следственного дела до жития (Северный Урал и Приобье, 1920–1940-е гг.)», для сотрудников работа в заповеднике была вариантом эскапизма, способом выйти из неблагоприятного социально-политического контекста, своего рода монастырем. Не жалуясь, они переносили все трудности таежного существования. Их эго-документы показывают, как реализовывалась возможность избежать насильственного биографизма, сообщают о способах обживания этнически-чуждого пространства. В докладе приводились стихи и проза Горновского, указывалось на агиографический канон в писаниях Штильмарка. Интересно интерпретирован факт захоронения Раевского в заповеднике – как акт невербальной коммуникации.

Мифологизации изгнания был посвящен отдельный блок докладов: Джузеппина Джулиано (Салерно) «Вариации мифа изгнания в русских переводах стихов Микеланджело в XX веке», Кристина Ланда (Болонья) «Образы Данте-изгоя в акмеистском творчестве сталинской эпохи. Поэзия, эссеистика, перевод (1933–1953)», А. А. Медведев (Тюмень) «„Река скрыва-

лась в городе степном»: катакомбный дискурс в поэзии XX века (А. Ахматова, А. Цветаева, А. Тарковский)». Так, Дж. Джулиано отметила, что слова, связанные с религиозной традицией (*добродетель, меланхолия*) не переводил никто из переводчиков, ни Эфрос, ни Вознесенский, в переводах происходила двойная модернизация стихов Микеланджело: в советском языке и в духе оппозиционного дискурса.

Кристина Ланда показала, что во Франции сложился свой вариант Дантовского мифа: интерес к части «Ад», мотив Данте-изгнанника и мистика. В творчестве символистов были важны идеи одиночества Данте и модель Пути. После революции отверженность Данте приобрела бытовой смысл. Далее на материале произведений поэтов из круга акмеистов прослеживался процесс «апроприации» Данте, в частности, подчеркивание его гражданской позиции; мысль об унижении изгнанника и надежда на признание Родиной. Мандельштаму была близка дантовская любовь-ненависть к родному городу и т. д. Таким образом, акмеисты выстраивают автобиографические модели с оглядкой на Данте.

А. А. Медведев возводит «катакомбный дискурс» поэтов советского времени к созданию катакомбной церкви в послереволюционной России, возникшей как антитеза слиянию церкви и государства. В докладе приводились примеры использования «катакомбного дискурса» Ахматовой, А. Цветаевой, Мандельштамом, а также делались наблюдения над мифологизацией образов, использованием идей розенкрейцеров, эзотерики, православия.

Писательская саморефлексия стала темой докладов еще одного блока. С. Доценко (Таллин) исследовал саморефлексию и самоидентификацию А. М. Ремизова-эмигранта. Ремизов, считая Париж провинцией для русских, выполнял роль посредника между эмигрантской и советской литературой, пропагандируя Бабеля, Пильняка, Замятина, Зощенко, Сельвинского. Преодоление «каторги»-эмиграции он находил в мифотворчестве и мистификациях, игровом поведении.

В докладе Ольги Табачниковой (Престон) «Бескомпромиссный компромисс Сергея Довлатова: от „Наших“ к ненашим» говорилось о трагизме советского писателя, вынужденного эмигрировать, экзистенциальном одиночестве, саморазрушении. Сочувствие возможно только к близкой группе людей, но не к эмиграции в целом. Отмечается, что Довлатов лучше всего писал на ностальгическом материале прошлого.

Н. А. Никулина, В. Я. Темплинг (Тюмень) в докладе «„Интенция служения истине чрезвычайной“ в опыте мыслителя-одиночки из сибирской провинции» обратились к творческому наследию В. А. Шмидта. Архив эго-документов Шмидта выявляет избранную им стратегию служения истине – не подвергая сомнению справедливость социалистического устройства, этот человек обрел в своем «двойном изгнании» религиозную веру, составившую основу его существования.

В докладе А. А. Арустамовой, Б. В. Кондакова (Пермь) «Стратегии творческого самоопределения в лирике О. Скопиченко, М. Визи, Е. Грот» прослеживалось начало творческого пути трех поэтов русской эмиграции, принадлежавших и к дальневосточной,

и к западной (американской) ее ветвям. Была показана зависимость их раннего творчества от традиций Серебряного века, особенно – А. А. Блока. В творчестве М. Визи самоопределение связано с поисками духовного пути, О. Скопиченко мечтает вернуться на родину, Е. Грот сосредоточена на тяготах изгнания и ощущении безысходности.

Завершивший конференцию доклад Н. В. Барковской (Екатеринбург) «Право на голос: образ мигранта в современной русской поэзии» в качестве смыслового центра имел понятие «гибридной идентичности». Авторы, принадлежащие к разным языковым и национальным традициям, могут выполнять функцию культурного посредничества. Русскоязычные авторы, передающие инокультурный образ мира, способствуют преодолению отчуждения и ксенофобии.

Обсуждение докладов показало, что поднятый на конференции комплекс проблем нуждается в дальнейшем изучении, тема далеко не исчерпана.

Публикуемые в настоящем номере пять статей исследуют четыре вида «инонаходимости», или четыре вида психо-соматического состояния потери дома (эмиграцию, внутреннюю эмиграцию, острожное / лагерное заключение, ссылку), на примере частных случаев Айн Рэнд, Осипа Мандельштама, Федора Достоевского и Вольдемара Шмидта, а также на коллективном примере мемуаристов российской эмиграции первой волны.

Русские эмигранты «первой волны», как показывает Т. Мегрелишвили, осмыслили свою судьбу через библейские символы «изгнание» и «исход», возводя свои испытания к прамифу. Достоевский же в период каторги и ссылки пришел к мифу о «русском Христе», что показано В. В. Борисовой на эпистолярной писателем. В творчестве Айн Рэнд (Алисы Розенбаум) со временем формируется гибридная идентичность, сочетающая русскую и американскую ментальности; исследование А. В. Григоровской свидетельствует, что в поздних романах писательница стремилась предупредить принявшую ее страну об опасности российского сценария. Л. А. Зак доказывает, что О. Мандельштаму соиздание в поэзии особого «социального мира», «виртуального сообщества» помогало преодолевать характерное для «внутреннего эмигранта» состояние отчуждения и изгойства, сохранение мира культуры давало поэту хрупкую надежду на обретения связи с народом.

Сквозная тема статей, присутствующая с разной степенью отчетливости, – инонаходимость как объект преодоления, что касается почти исключительно ее психической составляющей. Иными словами – борьба за обретение (нового) дома для души, а по смежной возможности – и для тела. Гипотетическое стремление эмигрантов и ссыльного Шмидта вернуться на родину / в родное место в статьях не обсуждается. Рядоположение тем более полезно, что протагонисты статей обнаруживают стратегию на адаптацию к новой социальной среде, за вычетом Айн Рэнд, ориентировавшейся на ассимиляцию (разность установок на ассимиляцию и адаптацию четко проступает в свете следующих работ: [Йеротич 1997; Samuels, Shorter, Plaut: 1986; Fromm 1955; 1973]). Случай Шмидта, а также угол зре-

ния, выбранный исследователем мемуаров эмигрантов (и в меньшей степени – случаи Мандельштама и Айн Рэнд), дают возможность выделить стержневую «стратегему» преодолевающих-но-и-адаптирующихся к инонаходимости: мессианизм / мессианство или [Duncan 2003: 3] миф о собственном спасении-через-страдание в сочетании с мифом о собственной избранности. Обрета метафизическое измерение, установка на адаптацию перерастает в установку на спасение, что наиболее рельефно видно в случае Достоевского. Допущение, что обозначенное нами как стратегия преодоления-и-

адаптации-к-инонаходимости есть не что иное, как комбинация двух из пяти основных форм самоотнесения индивида к миру, «чувства укорененности» и «чувства единства» [Fromm 1973: 232–234] и, следовательно, является универсалией человеческого психического опыта, не упраздняет необходимость исследования этой универсалии на материале, закономерно способствующем ее более сильному проявлению, или выдвиганию вперед; т. е. на материале опыта эмиграции, внутренней эмиграции, ссылки, где потенциальная краеугольность названной стратегии становится актуальной.

ЛИТЕРАТУРА

- Duncan Peter J. S. *Russian Messianism: Third Rome, revolution, Communism and after.* – London; New York: Routledge. – 261 p.
Fromm E. *The Anatomy of Destructiveness.* – New York; Chicago; San Francisco: Holt, Rinehart and Winston, 1973. – 534 p.
Fromm E. *The Sane Society.* – New York: Rinehart & Company, 1955. – 370 p.
Јеротић В. Хришћанство и психолошки проблеми човека. – Београд: Богословски факултет СПЦ, 1997.

- [L]ocusconscientiae [2015-2018]. locusconscientiae rusistiki rusistiki [научно-информационный сайт]. – Mode of access: <https://sites.google.com/site/locusconscientiae/home> (date of access: 26.02.2019).
Pieralli C. “La lirica nella ‘zona’: poesia femminile nei Gulag staliniani e nelle carceri” // *Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo*, a cura di Giovanna Moracci, Alberto Alberti. – Firenze: Firenze University Press, 2013. – P. 221-246.
Samuels A., Shorter B., Plaut F. *A Critical Dictionary of Jungian Analysis.* – London; New York: Routledge & Kegan Paul, 1986. – 170 p.

Данные об авторах

Барковская Нина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Джулиано Джузеппина – PhD, профессор русского языка и литературы, департамент гуманитарных исследований, кафедра русского языка и литературы, Университет г. Салерно (Салерно, Италия).

Адрес: Via Giovanni Paolo II, 132, 84084 Fisciano SA, Италия.
E-mail: geppinagiuliano@hotmail.com.

Люцканов Йордан – PhD, доцент, Институт литературы Болгарской АН (София, Болгария).

Адрес: София, бул. Шипченски проход 52, бл. 17, Болгария.
E-mail: yljuckanov@gmail.com.

Author's information

Barkovskaya Nina Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and Methodology of its Teaching, Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Giuliano Giuseppina – PhD, Professor of Russian Language and Literature, Department of Human studies, Chair of Russian Language and Literature, University of Salerno (Salerno, Italy).

Ljuckanov Jordan – PhD, Associate Professor, Institute for Literature at the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria).

E-mail: Oaleinikov@yandex.ru

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА 1920–1940 ГОДОВ: РАЗЫСКАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ

(Рецензия на книгу Н. М. Малыгиной «Андрей Платонов и литературная Москва». М.; СПб.: Нестор – История, 2018. 592 с.: ил.)

Аннотация. В рецензии определяется и истолковывается суть сделанного автором книги в процессе изучения литературного окружения и творческих связей А. Платонова в московский период его жизни. Прорисовывается специфика бытования устных нарративов о писателе, уточняются задачи синхронизации документов и фактов с «персональным временем» творческого человека на разных этапах изучения его художественно-публицистического наследия. Уточняются источники информации о контактах Платонова с литературными группами Москвы. Выявляются «линии притяжения, отталкивания и отчуждения», возникавшие между творческими установками писателя и его современников, а также специфика взаимодействия «биографического и эстетического» в художественной стратегии и практике Платонова и других писателей. Приводятся примеры удачных разысканий и реконструкций.

Ключевые слова: литературные связи; творческие контакты; литературоведческие реконструкции; русская литература; русские писатели; рецензии.

Aleynikov O. Yu.
Voronezh, Russia

ANDREY PLATONOV AND LITERARY MOSCOW OF THE 1920^s–1940^s: RESEARCH AND RECONSTRUCTION

(A Review of the Book by N. M. Malygina “Andrey Platonov and Literary Moscow”. Moscow, St. Petersburg: Nestor – Istoriya, 2018. 592 p. with illustrations)

Abstract. The review defines and interprets the essence of the author’s contribution to the study of the literary environment and creative ties of Platonov during the Muscovite period of his life and professional activity. The article outlines the specific nature of oral narratives about the writer and specifies the tasks of synchronizing the documents and facts with the “personal time” of the creative person at different stages of the study of his literary and journalistic heritage. The reviewer reveals the sources of information about Platonov’s contacts with literary groups of Moscow and explores the “lines of attraction, repulsion and alienation” between the creative goals of the writer and his contemporaries, as well as the specificity of the interaction between “the biographical and the aesthetic” in the artistic strategy and practice of Platonov and other writers. The review contains examples of felicitous findings and literary reconstructions.

Keywords: literary connections; creative contacts; literary reconstruction; Russian literature; Russian writers; reviews.

Для цитирования: Алейников, О. Ю. Андрей Платонов и литературная Москва 1920–1940 годов: разыскания и реконструкции / О. Ю. Алейников // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 180–183. DOI 10.26170/fk19-01-27.

For citation: Aleynikov, O. Yu. Andrey Platonov and Literary Moscow of the 1920^s–1940^s: Research and Reconstruction / O. Yu. Aleynikov // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 180–183. DOI 10.26170/fk19-01-27.

Вышла в свет новая книга Н. М. Малыгиной, более сорока лет работающей над осмыслением событий, документов и фактов, относящихся к «воронежскому» и «московскому» периодам творческой биографии Платонова. Исследование подводит определенный итог давно начатым спорам [Малыгина 2018: 560–568].

Подкупает подход автора к трудам предшественников, которые учитываются добросовестно и тщательно. Впечатляет именней указатель, иллюстративный материал и объем издания. Но главное, разумеется, не это: даже многолетние усилия, предпринятые одним ученым, в наши дни редко приводят к таким зна-

чительным результатам – и по охвату анализируемых проблем, и по содержательной четкости мысли. Одним из факторов этой результативности, очевидно, является переход от систематизации выявленного в течение многих лет фактического материала, его проблемно-хронологического изучения [Малыгина 2008: 255–263] к осмыслению контекстов и процессов творчества, причинно-следственных связей, концептуально значимых проблем литературной жизни.

Большое внимание в книге уделяется вопросам самоидентификации и авторского поведения Платонова, следовавшего своему писательскому «кодексу

чести» в условиях ожесточенной литературной борьбы, развернувшейся в Москве 1920–1930-х годов. Обращение к этой проблематике позволяет увидеть не учтенные ранее событийные узлы и мотивы, повлиявшие на отношения создателя «Сокровенного человека» и «Усомнившегося Макара» с такими значительными фигурами тех лет, как Горький, Воронский, Пильняк. Уточняется роль Сталина и Троцкого в разыгравшемся трагическом развороте событий [Малыгина 2018: 195–199, 368–376, 563]. Предложенная реконструкция убеждает, что полоса отчуждения, надолго возникшая вокруг Платонова, в значительной степени была вызвана приписанной ему репутацией прозаика из так называемой «школы Пильняка», за которым, как и за Воронским, многие видели тень Троцкого. Положение Платонова усугубил очерк «Че-Че-О», опубликованный в соавторстве с главой этой «школы». Воссоздание реального «контекста и подтекста» событий обеспечивает сравнительный анализ «отречений» Б. Пильняка, его соавтора и «любимого ученика» П. Павленко с заявлением А. Платонова «Против халтурных судий (Ответ В. Стрельниковой)», взявшего на себя ответственность за раскритикованный в печати очерк. Документы и факты красноречиво свидетельствуют о «нравах» литературной Москвы. Легко узнаваемы герои платоновской пьесы «14 красных избышек» – литераторы Уборняк и Фушенко, напоминающие персонажей народного театра (как известно, Мария и Андрей Платоновы именовали Петра Павленко «Петрушкой»).

В обстановке первой половины 1930-х годов образ Горького, стоящего с устрашающей дубиной над столом современной русской литературы (этот шарж 1923 года воспроизведен на форзаце книги Н. М. Малыгиной), пытался оживить редактор газеты «Правда» Л. З. Мехлис, сообщив «властителю дум и чувств», уже не свободному в принятии многих решений, негативную информацию о Платонове и других неугодных писателях. Ответ Горького: «Андрей Платонов – даровитый человек, испорчен влиянием Пильняка и сотрудничеством с ним» [Примочкина 1998: 62–63], – едва ли следует однозначно истолковывать как согласие с редактором «Правды». Для дальнейшей судьбы Платонова важна была оценка его профессионального мастерства: «даровитый человек». Сталин придавал подобным аттестациям особое значение (уместно напомнить, как настойчиво спрашивал он Пастернака о мастерстве Мандельштама). Слова Горького, его прямо не сформулированный отказ выступать с разоблачением уже «изъятого» из литературы писателя, возможно, сохранили тому жизнь. Как убедительно показывает Н. М. Малыгина, без Горького Платонов не смог бы отправиться в Туркмению, написать и опубликовать рассказ «Такыр», вступить в Союз советских писателей [Малыгина 2018: 565].

Источники информации о контактах Платонова с писателями Москвы открывались непросто. Интерес к литературному окружению Андрея Платонова возник у отечественных исследователей в первой половине 1950-х годов, когда молодые сторонники «нового взгляда» на историю русской литературы тщетно пытались обсуждать так называемые «трудные темы» с литературоведами старшего поколения. Любопыт-

ный эпизод мне запомнился по рассказу В. П. Скобелева. Ученый заканчивал аспирантуру Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР вскоре после смерти Сталина, когда синхронизация биографии и творчества «неблагополучного» писателя с литературной жизнью Москвы осложнялась обстоятельствами «почти непреодолимой силы»: обнародование имен, событий, фактов, не согласованное с ЛИТОм, грозило исключением из профессии, другими непредсказуемыми последствиями. Тридцать лет спустя профессор вспоминал: «Ходили вокруг меня старики. Узнав об интересе к „почти забытому“ прозаику, каким многим виделся Платонов, они готовы были обсуждать „всё, что угодно“, кроме Воронского и Пильняка, „Литературного критика“, послевоенных нападок на „Семью Иванова“. Ссылались на неосведомленность. В конце 1960-х один из тех же радетелей “взвешенных суждений”, смеясь, вспомнил о моем давнем интересе и рассказал, как нелегко было Платонову доказывать редакторам московских газет и журналов, что не подходивший для “стальной” эпохи псевдоним Ф.[ома] Человеков, которым в 1930-е годы тот иногда подписывал свои литературно-критические статьи, – не выдумка, а фамилия друга, погибшего на Гражданской войне. Не все верили, требовали подтверждений, но сочиненный „мемориальный“ псевдоним все-таки появлялся в печати».

В подцензурную эпоху устные нарративы, восполняя отсутствие достоверной информации о личных и творческих контактах А. Платонова, способствовали мифологизации образа и «пространства жизни» писателя. Переходящие из статьи в статью «общие места» [Нонака 2004: 50] об «учебе у Горького» породили наивное предание о том, что старинное письменное бюро, за которым трудился опальный прозаик, «подарил ему сам Алексей Максимович» (об этом невероятном «событии» сообщил воронежцам С. П. Климентов). Бывшие соседи по «дому литераторов» на Тверском бульваре распространяли «версии», далекие от реальности [Ласунский 2007: 112–113].

Вдова А. Платонова не любила рассказывать о писателях [Свительский 1999: 196] и не составляла списка приходивших «по средам» почитателей творчества мужа, но подтверждала его знакомство с репрессированными С. Буданцевым, К. Большаковым, «начинавшими как футуристы» [Толстая 2002: 337], а также А. Весёлым [Малыгина 2018: 329]. В одной из первых публикаций ее воспоминаний упоминалась фамилия А. Новикова [...Живя главной жизнью 1975: 172, 177]. Однако в семейных бумагах так и не обнаружены письма А. Воронского, очевидно, уничтоженные еще в 1930-е годы [Малыгина 2018: 179]. О расстрелянных знакомых мужа М. А. Платонова говорила скупно, редко и не со всеми. Но характеристики А. Фадеева и М. Шолохова, отмеченные печатью забытых обид [Свительский 1999: 196], видимо, были рассчитаны на публичность: время от времени Мария Александровна принималась работать над книгой своих воспоминаний без «надежды», что сможет опубликовать написанное [Письма М. А. Платоновой воронежцам 2009: 29].

Литературные и творческие контакты А. Платонова в течение ряда десятилетий были обозначены лишь пунктирно. Это мешало изучению «линий притяже-

ния, отталкивания и отчуждения», возникавших между творческими взглядами писателя и его современников. Л. А. Шубин собирался говорить о путях изучения этой сложной проблемы уже на воронежской научной конференции 1969 года (его докладом планировалось открыть пленарное заседание), но конференция была запрещена, и первый сборник статей о творчестве А. Платонова вышел без работы ученого, стоявшего у истоков научного платоноведения. И много лет спустя приходилось пояснять, что «исследователям той поры не была доступна вся полнота фактов и не была разрешена полнота истины» [Свительский 1998: 3]. Неопубликованные произведения писателя не разрешалось даже упоминать, многие единицы хранения находились в архивах под «специальным» надзором. Предпринятая на исходе 1960-х годов работа с фондами напоминала «литературные раскопки» [Ласунский 1972: 5] и осуществлялась энтузиастами, решившими восстановить «начало пути» писателя. Эти разыскания, как и глубокие статьи Л. А. Шубина [Шубин 1967: 26–54], [Шубин 1970: 3–18], открывали перспективы исследования взаимодействия «биографического и эстетического» в его художественной практике разных лет. Эти задачи остаются актуальными и решаются в наши дни на новом материале [Алейников 2016: 11–16], [Дырдин 2017: 67–74], [Малыгина 2010: 130–154], [Хрящева 2014: 346–369].

Уже в 1970-е годы предметом критики становились предания и заблуждения былых лет. В том числе получившее широкое распространение «мнение» о периферийной роли А. Платонова, «прозаика, в полной мере не раскрывшего себя», в историко-литературном процессе – об этом не раз «сетовал» профессор Г. В. Антюхин, организовавший в 1979 году на факультете журналистики ВГУ конференцию «Андрей Платонов – писатель и публицист», на этот раз не отмененную. Едва ли случайно материалы состоявшихся докладов и выступлений почти не были осмыслены и, очевидно, не планировались к изданию. В провинции и Москве сторонники консервативных взглядов замалчивали подлинный масштаб писателя, пытались приспособить его биографию и творчество к идеологической модели, согласно которой ему приходилось преодолевать «внеисторический подход» к социальной реальности, изживать «мировоззренческие ошибки» и т. п.

Ученые, не принимавшие догматических версий, доказывали, что «исторический опыт развития искусства не укладывается в традиционную модель», что «ее решающим опровержением служит творчество ряда крупных художников нашего времени... М. Горького, М. Шолохова, А. Платонова» [Белая 1977: 13]. С. Г. Бочаров рассматривал соотносительность художественных решений А. Платонова с прозой И. Бабеля, А. Веселого, Вс. Иванова, Ю. Олеши (1971); [Бочаров 1985: 249–296]. Однако направление работы, предложенное Л. А. Шубиным, С. Г. Бочаровым, Г. А. Белой, В. П. Скобелевым, привлекало не всех. На исходе 1970-х годов родилось социокультурное предание о «тотальном одиночестве» Платонова в русской литературе, его почти экзистенциальной склонности к письму, «непроницаемому» для любых влияний и созвучий. Сходные рассуждения привлекательны и для современной эссеистики. Зачастую не принимаются к сведению труды исследователей [Ма-

лыгина 1977: 158–164], [Толстая¹ 2002: 272–323, 352–365], [Малыгина 1995: 68–75], [Скобелев 1995: 172–186]. Не всегда услышан и понят призыв устранить диахронические «напластования», искажающие наши знания о писателе и его окружении [Свительский 1993: 81–82, 90, 97].

В последние годы ведётся большая работа по комментированию эпистолярного наследия участников литературного процесса 1930-х годов.

Упоминания Платонова в письмах современников, избегавших называть по переписке фамилию «политически неблагонадежного» человека, – большая редкость, требующая особого внимания.

Из «звена неизвестного сюжета» – письма Б. Пастернака, сообщавшего А. Ахматовой о Платонове, вырастает одна из самых удачных глав новой книги Н. М. Малыгиной. Документы и события, систематизированные в этой части исследования, высвечивают реальные проблемы литературного процесса 1930–1940-х годов: рецензии, написанные в форме доносов, отклоненные и арестованные рукописи, проработки, вырванные страницы, рассыпанные наборы книг, закрытие журналов. Предложенный исследователем анализ убеждает, что «честная русская литература», вынужденная и прежде «ютиться где-то на задворках» (А. Воронский), в 1930-е годы не считала себя маргинальной частью общественного самосознания. Исторические и эстетические параллели, сопоставление судеб и текстов позволяют в новом свете прочитать опубликованные в эти годы произведения Платонова и стихотворения Пастернака, романы «Чевенгур» и «Доктор Живаго».

Установлены семантические созвучия в поэтике Артема Веселого и Андрея Платонова, проявившиеся в обнаруженных автором переключках «Босой правды», «Усомнившегося Макара», «Страны родной», «Сокровенного человека» и «Чевенгура». Продолжено исследование соотношения языковой стихии в произведениях прозаиков с экспериментами авангардного искусства начала XX века [Малыгина 1995: 68–75].

Представленный в исследовании Н. М. Малыгиной материал позволяет иначе, чем прежде, увидеть московский круг близких знакомых Платонова, включавший С. Буданцева, В. Бокова, В. Гроссмана, Л. Гумилевского, А. Новикова, не похожих на «гонимого друга», но высоко ценимых им. Документы, извлеченные из архивов, свидетельствуют о несостоятельности существовавшей когда-то версии о выпавшем из литературы и жизни «дезориентированном» Платонове: его суждения о текущей литературе, философии, технике, задачах творчества подтверждают обратное.

История творческого сотрудничества Платонова и Гроссмана, участие последнего в жизни и посмертной судьбе писателя показывает, что книга Н. М. Малыгиной – в ряде разделов, аттестаций и характеристик – представляет собой прообраз энциклопедии о писателе. Эта глубокая работа, в которой реконструирована творческая биография писателя и его литературного окружения, позволит научному сообществу перейти к обсуждению будущей Платоновской энциклопедии, требующей коллективных усилий.

¹ Статьи исследователя впервые публиковались в 1978 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Алейников О. Ю. «Сочинители» в рассказах А. Платонова начала 1920-х годов // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 2. – С. 11–16.
- Белая Г. А. Закономерности стилистического развития советской прозы. – М.: Наука, 1977. – 254 с.
- Бочаров С. Г. О художественных мирах. – М.: Советская Россия, 1985. – 296 с.
- Дырдин А. А. «В стране трудного счастья» (этимология имен героев в повести А. Платонова «Ювенильное море») // Филологический класс. – 2017. – № 2. – С. 67–74.
- ...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах жене, документах и очерках) // Волга. – 1975. – С. 160–178.
- Ласунский О. Литературные раскопки. Рассказы литературоведа. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1972. – 255 с.
- Ласунский О. Г. Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова. 1899–1926: монография. – Изд. 2-е, доп. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. – 280 с.
- Мальгина Н. М. Идеино-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах») // Русская литература. – 1977. – № 4. – С. 158–164.
- Мальгина Н. М. Эстетические принципы авангарда в художественной системе Андрея Платонова // Русская литература XX века. – Екатеринбург, 1995. – Вып. 2. – С. 68–75.
- Мальгина Н. М. Сияние света во тьме: Андрей Платонов в 1939 году // Творчество Андрея Платонова. – СПб.: Наука, 2008. – С. 255–263.
- Мальгина Н. М. «Истинного себя я ещё никогда и никому не показывал...». Материалы к биографии Андрея Платонова // Вопросы литературы. – 2010. – № 4. – С. 130–154.
- Мальгина Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артём Весёлый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. – М.: Нестор-История, 2018. – 590 с.
- Нонака С. Как читать воспоминания об А. Платонове (Методологический очерк) // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж: ВГУ, 2004. – Вып. 22. – С. 43–60.
- Письма М. А. Платоновой воронежцам / публикация и предисловие О. Ю. Алейникова // Платоновский вестник. – Воронеж, 2009. – № 4. – С. 23–31.
- Примочкина Н. Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 302 с.
- Свительский В. А. Факты и домыслы: о проблемах освоения платоновского наследия // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Сб. трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – С. 80–102.
- Свительский В. А. Из бесед и переписки с родственниками А. Платонова // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж: ВГУ, 1999. – Вып. 13. – С. 185–202.
- Свительский В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе. – Воронеж: Полиграф, 1998. – 156 с.
- Скобелев В. П. Андрей Платонов и Борис Пильняк (Романы «Чевенгур» и «Волга впадает в Каспийское море») // Борис Пильняк. Опыт сегодняшнего прочтения. – М.: Наследие, 1995. – С. 172–185.
- Толстая Е. Д. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. – М.: РГГУ, 2002. – 511 с.
- Хрящева Н. П. Функция «чужих» текстов в «Чевенгуре» А. Платонова // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности. Сер. «Универсалии культуры» / отв. редактор Н. В. Ковтун. – М.: ФЛИНТА, 2014. – С. 346–369.
- Шубин Л. А. Андрей Платонов // Вопросы литературы. – 1967. – № 6. – С. 26–54.
- Шубин Л. А. Критическая проза Андрея Платонова // Платонов А. Размышления читателя. Статьи. – М.: Советский писатель, 1970. – С. 3–18.

Данные об авторе

Алейников Олег Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора, Воронежский государственный университет (Воронеж).

Адрес: 394693, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10.
E-mail: Oaleinikov@yandex.ru.

REFERENCES

- Aleynikov O. Yu. "Writers" in the stories of A. Platonov in the early 1920^s // Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism. – 2016. – № 2. – P. 11–16.
- Belaya G. A. Patterns of stylistic development of Soviet prose. – M.: Nauka, 1977. – 254 p.
- Bocharov S. G. About the art worlds. – M.: Soviet Russia, 1985. – 296 p.
- Dyrdin A. A. "In a country of difficult happiness" (etymology of the names of the characters in the story of A. Platonov "Juvenile Sea") // Philological Class. – 2017. – № 2. – P. 67–74.
- ...Living the main life (A. Platonov in letters to his wife, documents and essays) // Volga. – 1975. – P. 160–178.
- Lasunsky O. Literary excavations. Literary Stories. – Voronezh: Central Black Earth Book Publishing, 1972. – 255 p.
- Lasunsky O. G. A resident of his native city. Voronezh years of Andrei Platonov. 1899–1926: monograph. – 2nd edition, additional. – Voronezh: Center for the spiritual revival of the Black Earth region, 2007. – 280 p.
- Malygina N. M. Ideological and aesthetic searches of A. Platonov in the early 20^s ("A story about many interesting things") // Russian literature. – 1977. – № 4. – P. 158–164.
- Malygina N. M. Aesthetic principles of avant-garde in the art system of Andrei Platonov // Russian literature of the 20th century. – Ekaterinburg, 1995. – Issue 2. – P. 68–75.
- Malygina N. M. Light shining in darkness: Andrei Platonov in 1939 // Creativity Andrei Platonov. – SPb.: Nauka, 2008. – P. 255–263.
- Malygina N. M. "I have never shown myself true to anyone...". Materials to the biography of Andrei Platonov // Literature questions. – 2010. – № 4. – P. 130–154.
- Malygina N. M. Andrei Platonov and Literary Moscow: A. K. Voronsky, A. M. Gorky, B. A. Pilnyak, B. L. Pasternak, Artyom Vesely, S. F. Budantsev, V. S. Grossman. – M.: Nestor-History, 2018. – 590 p.
- Nonaka S. How to read memories about A. Platonov (Methodological essay) // Philological notes. Bulletin of literature and linguistics. – Voronezh: VSU, 2004. – Issue 22. – P. 43–60.
- Letters of M. A. Platonova to Voronezh citizens / Publication and Foreword by O. Yu. Aleinikov // Platonovskiy bulletin. – Voronezh, 2009. – № 4. – P. 23–31.
- Primochkina N. Writer and power. M. Gorky in the literary movement of the 20^s. – M.: ROSSPEN, 1998. – 302 p.
- Svitel'skiy V. A. Facts and conjectures: about the problems of the development of the Platonic heritage // Andrei Platonov: Research and materials. Collected Works. – Voronezh: VSU, 1993. – P. 80–102.
- Svitel'skiy V. A. From conversations and correspondence with relatives of A. Platonov // Philological notes. Bulletin of literature and linguistics. – Voronezh: VSU, 1999. – Issue 13. – P. 185–202.
- Svitel'skiy V. A. Andrei Platonov yesterday and today. Writer Articles. – Voronezh: Poligraph, 1998. – 156 p.
- Skobelev V. P. Andrei Platonov and Boris Pilnyak (novels "Chevengur" and "Volga flows into the Caspian Sea") // Boris Pilnyak. Experience of today's reading. – M.: Nasledie, 1995. – P. 172–185.
- Tolstaya E. D. Mirposlekonetsa: Works on Russian literature of the 20th century. – M.: RSHU, 2002. – 511 p.
- Khryacheva N. P. The function of "foreign" texts in the "Chevengur" A. Platonov // The crisis of literature-centrism. Loss of identity vs. new opportunities. Ser. "Universals of Culture" / Executive Editor N. V. Kovtun. – M.: FLINTA, 2014. – P. 346–369.
- Shubin L. A. Andrei Platonov // Literature questions. – 1967. – № 6. – P. 26–54.
- Shubin L. A. Andrei Platonov's Critical Prose // Platonov A. Reflections of the reader. Articles. – M.: Soviet writer, 1970. – P. 3–18.

Author's information

Aleynikov Oleg Jur'evich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature of XX and XXI centuries, Theory of Literature and Folklore, Voronezh State University (Voronezh).

Доценко Е. Г.
Екатеринбург, Россия

ORCID ID: –
E-mail: eldot@mail.ru

УДК 821.111-2(Шекспир У.)
DOI 10.26170/fk19-01-28
ББК ШЗЗ(4Вел)511-8,446
ГСНТИ 17.07.29
КОД ВАК 10.01.01

ШЕКСПИР И ЭКВИВОКИ

(Рецензия: Егорова Л. В. «Эквивокация в „Макбете“: речевая природа трагедии»: монография. Вологда: ВоГУ, 2018. 164 с.)

Аннотация. В монографии Л. В. Егоровой шекспировский «Макбет» рассматривается в связи с историческим контекстом создания трагедии – временем правления короля Якова I Стюарта, когда после раскрытия в 1605 г. Порохового заговора в Англии начались гонения на католиков. «Уклончивость» языка трагедии У. Шекспира, написанной в 1606 г., напрямую, как показывает монография, может быть объяснена политической ситуацией якобинской Англии начала XVII в.: не только вхождение в число заговорщиков, но и принадлежность к не англиканской христианской конфессии безопаснее было не разглашать. «Эквивокация воспринимается как историческая кульминация неоднозначных событий», а детальный анализ драматического диалога, предложенный Л. В. Егоровой, позволяет раскрыть в шекспировской трагедии «новые» смыслы.

Ключевые слова: эквивокация; иносказания; художественный перевод; рецензии; английская литература; английские драматурги; драматургия; литературное творчество; исторические пьесы.

Dotsenko E. G.
Ekaterinburg, Russia

SHAKESPEARE AND EQUIVOCATION

(A review on the monograph: Egorova L.V. Equivocation in “Macbeth”: The Nature of Speech in the Tragedy. Vologda: Vologda State University, 2018. 164 p.)

Abstract. The monograph by L. V. Egorova considers Shakespeare’s “Macbeth” on the historical background of the time of James I, the first Stuart king of England. When the Gunpowder plot was uncovered in 1605, the Catholic conspirators were subsequently executed. Equivocation is mentioned in “Macbeth” (1606) and could be explained – according to the monograph – by the political situation. In England of the beginning of the 17th century it was dangerous to be not only a conspirator, but a Roman Catholic as well. As equivocation is regarded as the culmination of historical events of the time, the detail analysis of dramatic dialogue, connected with equivocation, helps to understand additional meanings of Shakespeare’s tragedy.

Keywords: equivocation; allegories; literary translation; reviews; English literature; English playwrights; dramaturgy; literary creativity; historical plays.

Для цитирования: Доценко, Е. Г. Шекспир и эквивоки / Е. Г. Доценко // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 184–187. DOI 10.26170/fk19-01-28.

For citation: Dotsenko, E. G. Shakespeare and Equivocation / E. G. Dotsenko // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 184–187. DOI 10.26170/fk19-01-28.

Шекспировские юбилеи, отшумев новаторскими спектаклями и плодотворными научными конференциями в 2014-м (450 лет со дня рождения Шекспира) и 2016-м (400 лет со дня смерти – бессмертия – поэта), стали стимулом и для новых размышлений на «шекспировские» темы, и серьезных исследовательских работ по проблемам, всегда неисчерпаемым, когда речь идет о Барде. О значительном вкладе «юбилейных лет», имея в виду, прежде всего, отечественное шекспировведение, говорит буквально в первых строках своей книги Л. В. Егорова: «В юбилейные шекспировские годы вышло несколько ценных изданий, среди них – шеститомник „Великие трагедии в русских переводах“ под общей редакцией доктора филологических наук,

профессора Игоря Олеговича Шайтанова» [Егорова 2018: 8]¹. Составителем и автором предисловия и комментариев к «макбетовскому» тому названной серии является Людмила Егорова [Шекспир 2015], а рецензируемая монография «Эквивокация в „Макбете“: речевая природа трагедии» может рассматриваться как своего рода продолжение и подготовленного тома «Великих трагедий...», и посвященной «Макбету» главы биографического труда И. О. Шайтанова «Шекспир» (в главе «Полные шума и ярости» автор биографии очень кратко упоминает историю Порохового заговора и саму

¹ Далее ссылки на монографию даются в скобках с указанием страниц.

эквивокацию – в связи с «Макбетом» [Шайтанов 2014: 399–400]). Но функцией «продолжения» книга Людмилы Владимировны Егоровой ни в коем случае не ограничивается; это солидный и оригинальный труд, впечатляющий той самой «постюбилейной» значимостью и актуальностью.

От актуальности собственно и отталкивается автор монографии, рассматривая исторический контекст создания шекспировского «Макбета». Основная, «справочная», версия написания и первой постановки трагедии У. Шекспира – 1606 г.: в 1603 г. на английский трон взошел шотландский король Яков I Стюарт; в 1605 году был раскрыт Пороховой заговор, и начались гонения на католиков. «Макбет» как «шотландская» трагедия о разрушающей тяге к власти приобретает в таком случае политический акцент, не менее значимый, чем обязательная для великой трагедии философская коллизия. «Одним из принципиальных для рассмотрения стал момент смыкания трагедии с эпизодом истории, когда характер языка становится политическим вопросом: эквивокация воспринимается как историческая кульминация неоднозначных событий» (12).

Людмила Владимировна анализирует и несколько других, отличных от общепринятой, дат/версий создания трагедии, последовательно отказываясь от более поздних (например, 1611 г.) и объясняя допустимость более ранних – вплоть до 1601–1602 гг., когда предположительно «Шекспир мог скрываться несколько месяцев в Шотландии» (17). В пользу «елизаветинского» (до-«стюартовского») происхождения пьесы доводы тоже выглядят достаточно убедительными. Но, даже «если предположить, что Шекспир написал ее раньше, то теперь [в 1606 г.] он вернулся к тексту, чтобы насытить его актуальными намеками» [Шайтанов 2014: 399]. Намеков и смыслов в самой мистической из трагедий Шекспира, где «вещие сестры» – среди важнейших действующих лиц, можно уловить (и улавливают!) множество, и не зная исторического контекста. Тем интереснее «дешифровать» произведение, погружаясь в соответствующие времени политические и языковые реалии.

«Уклончивость» языка трагедии, как показывает монография, напрямую может быть объяснена политической ситуацией якобинской Англии начала XVII в., когда не столько вхождение в число заговорщиков, но и принадлежность к «неправильной» (не англиканской) христианской конфессии безопаснее было не разглашать. Одним из знаковых (хотя вряд ли сегодня широко известных даже в Великобритании) трудов эпохи стал «Трактат об эквивокации» (1598) Генри Гарнета. В посвященной «двуосмысленности» книге, впрочем, оспаривается принадлежность трактата Гарнету: возможно, он «продолжил работу своего единомышленника» Роберта Саутвелла после его смерти (49). Какой неоднозначной ни была бы история трактата, Л. В. Егорова подробно, с симпатией и сочувствием, приближающем к читателям, казалось бы, ушедшие навсегда проблемы далекого прошлого, рассказывает не только об особом языке эквивокации, но и о людях, на нем разговаривавших. Генри Гарнета, «префекта английских иезуитов», судили и казнили не за (недоказанное) участие в Пороховом заговоре, а именно за эк-

вивокацию и ложь – «как увиливавшего человека» (56). «Увиливать» в Англии начала стюартовского правления Гарнету приходилось, чтобы защитить не столько себя, но свои убеждения (веру) и своих единомышленников.

Эквивокация, как отмечает Л. В. Егорова, известна со времен Боэция, а в рецензируемой монографии «эквивокация как мыслительная процедура» описывается с опорой на труды современных специалистов по философии: «феномен речевой деятельности, форма тропологического мышления, роль которого [...] будет возрастать по мере усиления интегративных процессов культуры, освобождения от жесткого доминирования формально-логического метода в ментальных процессах и привлечения метафорических моделей» (12). В связи с «Трактатом» Гарнета перечисляются конкретные «способы эквивокации», «пути укрытия истины словами» и приводятся примеры, в основном (глава 3 исследования – «Эквивокация в „Макбете“ и исторический контекст») пока далекие от литературы. «Драматургически» сохраняя основную интригу работы, ее автор несколько раз просит своего читателя (76, 81) подождать детального рассмотрения трагедии – и это тоже вполне в духе эквивокации, или уклончивости.

В отношении литературы, говоря о сумме приемов, связанных с уклончивостью, мы обычно используем выражение «эзопов язык»: «Как реакция на запрет касаться определенных идей, тем, событий, имен, эзопов язык выработал, например в русской печати (кон. 18 – нач. 20 вв.), систему „обманных средств“, приемов шифровки (и дешифровки) свободной мысли» [Кузнецов 1987: 504]. Эквивокация и не выдается в книге Л. В. Егоровой за художественный прием или сумму приемов; дело в том, что «доктрина эквивокации» к художественной литературе, собственно, вообще не имеет отношения, находя множественную реализацию в сфере религии и политической, общественной жизни. И, наоборот, когда очередь в монографии Людмилы Владимировны доходит до анализа «Макбета», и мы получаем оправданно долгожданный, буквально словный блестящий разбор классического текста, речь в связи с многозначностью реплик шекспировских героев совсем не обязательно идет об эквивокации.

Раздел монографии «Неизреченные дела» (Глава 5. «Вглубь шекспировского текста») дает и толкование отдельных слов и высказываний участников диалога, и характеристику задействованных тропов: эвфемизмы, парафразы, каламбуры... Например, рассмотрев употребление в «Макбете» в связи с убийством короля Дункана «многосложного существительного *assassination*, введенного Шекспиром», исследователь резюмирует: «Этот случай не единственный, когда Шекспир дает многосложные слова, им образованные, Макбету. Но специфически шекспировская словесная ткань определяется не отдельными словами, необычно им созданными, а целым комплексом средств, среди которых – риторические формы неоднозначности и каламбуры, повторы и эхо, эвфемизмы и парафразы, иносказания и др.» (129). Герои «Макбета» лгут почти все, но с разными целями, и, если ведьмы не могут не лукавить по самой своей природе, а протагонист трагедии вынужден скрывать свое злодеяние, потому что он его уже совершил, то есть и герои, обманывающие друг

друга с «добрыми намерениями». В этом смысле очень интересно проведенное в монографии сопоставление диалога шекспировских Макдуфа и Малькольма, объединяющих силы в борьбе против Макбета, с «исходным текстом» хроники Холиншеда, где будущий король Шотландии – объяснимо дольше, чем у Шекспира, – «испытывает» своего сподвижника притворством: «У Холиншеда Малькольм называет испытание Макдуфа шуткой: (I) *have jested with thee in this manner, only to prove thy mind*. Шекспир в полной мере дает нам возможность почувствовать, как разрушительно существование в атмосфере, требующей такого рода „шутки“-проверок» (93).

Шекспировские средства «умножения» (мультипликации) значений не могут не восхищать. Л. В. Егорова, например, чрезвычайно внимательно и хорошо (автору работы очевидно нравится именно оценка «хорошо») рассматривает многозначность – в отличие от полифункциональности – «простого» глагола *to do*, который, оказывается, привычно замещая другие глаголы, тоже умеет играть и становится эвфемизмом. Например, «остальные мысли и разговоры об убийстве прикрыты ненавязчивыми эвфемизмами общего плана, как в начале данной цитаты:

If it were done, when 'tis done, then 'twere well
It were done quickly» (127).

Причем, если в приведенной цитате из монолога Макбета в 7 сцене I акта трагедии значение «замещающего» слова успешно восстанавливается из контекста, то настоящей загадкой становится (тоже в акте I, сцена 3) обещание «обиженной» вещей сестры «отомстить жене моряка, аппетитно поедавшей каштаны, но отказавшей в этом ей [...]:

But in a sieve I'll thither sail,
And like a rat without a tail,
I'll do, I'll do, and I'll do» (125).

Л. В. Егорова анализирует ситуацию возможной будущей мести персонажа, сопоставляя оригинальный текст с языковыми находками переводчиков: «Русские переводы тяготеют к противоположному: приданию той или иной определенности, осмысленности нарочито уклончивым фразам» (125).

Тема «„Макбет“ в освоении русскими переводчиками» является для исследования, как сообщает еще во Введении к работе автор, одной из центральных (12), и реализована очень полно. Людмила Владимировна привлекает едва ли не все (а перечисляет – все) существующие на сегодняшний день переводы шекспировской трагедии на русский язык, и, не скрывая своих предпочтений (переводы М. Лозинского, С. Соловьева, Г. Шпета), предельно корректно приводит и анализирует также варианты А. Кроненберга, Б. Пастернака, А. Радловой. Правда, советы будущим переводчикам иногда выглядят в работе несколько чужеродным пластом: «в переводе следует идти в направлении уклончивости Шекспира» (123). Зато обращение к разным переводам помогает прояснить и отдельные языковые нюансы текста пьесы, тонкости словоупотребления, множественность коннотаций тех или иных концептов, но и, например, концепцию времени, всегда важную для шекспировского театра, который Л. Е. Пинский называл «театром Времени» [Пинский 1971: 598].

Жанр монографии представляется чрезвычайно адекватным данной работе Л. В. Егоровой. Несмотря на многообразие трудов о Шекспире, созданных отечественными учеными, монография о конкретной трагедии – для нас редкость. Монографическое исследование позволило его автору сосредоточиться именно на тексте «Макбета», его истории и контекстах создания, скрупулезно проанализировать «речевую природу» одной трагедии Шекспира, но и не помешало обращаться к другим необходимым для сопоставления произведениям, например, хронике «Генрих VI, ч. 2» или пьесам-«откликам» других драматургов «позднешекспировского» периода. Особо хотелось бы выделить раздел монографии, посвященный Роберту Саутвеллу, чья поэзия представлена и проанализирована едва ли не наиболее вдохновенно, создавая перекличку с другими, посвященными английской поэзии работами Л. В. Егоровой («„О героическом энтузиазме“, или Рождение метафизического стиля» [Егорова 2009]). Рецензируемая монография о Шекспире – работа современная и по источникам, и по методологии (включающей и лингвистические, и литературоведческие подходы), и по безупречному стилю. Книга, наверняка, найдет своего читателя как среди ученых-филологов, театральных деятелей, работающих над постановками по пьесам Шекспира, так и среди непрофессионалов, интересующихся историей, театром, драмой.

Возвращаясь к эквивокации, хотелось бы уточнить место «доктрины» в структуре трагедии, поскольку ни о структурообразующей метафоре, ни о сумме приемов, связанных с иносказанием, речи справедливо не идет. Объяснение роли эквивокации не только не спрятано в монографии «эквивоками», но наглядно вынесено в название: это «речевая природа» данной трагедии. Великие трагедии Шекспира, как и положено по канону со времен Аристотеля, завершаются катарсисом. Но каков катарсис в «Макбете»? «Пьеса заканчивается восстановлением порядка, в том числе и временного. Внося проклятую голову узурпатора, Макдуф, обращаясь к Малькольму, как к королю, сообщает о том, что „время свободно“» (114). В ходе восстановления/освобождения/излечения времени, как это было и в «Гамлете», и в «Короле Лире», протагонист погибает, а зло наказано. Но в «Макбете» протагонист и «зло» в конце концов уравниваются, а новая шотландская власть торопится расстаться с прошлым, не вызывая у зрителя безусловной солидарности со своими намерениями. «Новый монарх убедителен в своих обещаниях [...] Верим ли мы очередной риторике? – обращается к нам с вопросом исследователь. – Она воспринимается как финал представления» (116). Время Макбета и его спектакля закончилось, но «время эквивокации», очевидно, нет, поскольку в финале сохраняется многозначность (в том числе и многозначность толкования самого финала), характерная для «шотландской» трагедии в целом. Благодаря подробному и аргументированному сопоставлению речевых и контекстных аспектов «Макбета» в книге Л. В. Егоровой, эквивокацию в пьесе хочется теперь воспринимать как самоцель – как цель трагедии наряду с катарсисом. А за «новые смыслы» «Макбета» и монографии, и ее автору нельзя было бы не выразить признательность.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 645–680.
- Егорова Л. В. «О героическом энтузиазме», или Рождение метафизического стиля: монография. – Вологда: ВГПУ, 2009. – 168 с.
- Егорова Л. В. Эквивокация в «Макбете»: речевая природа трагедии: монография. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 164 с.
- Кузнецов В. П. Эзопов язык // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. М. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 504–505.
- Пинский Л. Е. Шекспир. Основные начала драматургии. – М.: Художественная литература, 1971. – 606 с.
- Уильям Шекспир: великие трагедии в русских переводах. Макбет / пер. с англ. С. Соловьева, М. Лозинского, Б. Пастернака; сост., предисл., коммент. Л. Егоровой. – М.: ПРОЗАиК, 2015. – 431 с.
- Шайтанов И. О. Шекспир. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 474 с.
- Shapiro J. 1606. Shakespeare and the Year of “Lear”. – L.: Faber and Faber, 2015. – 423 p.

Данные об авторе

Доценко Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 279.
E-mail: eldot@mail.ru.

REFERENCES

- Aristotle. Poetics / translation by M. L. Gasparov // Aristotle. Writings: in 4 vol. – M.: Mysl', 1984. – Vol. 4. – P. 645–680.
- Egorova L. V. “On Heroic Enthusiasm,” or the Birth of Metaphysical Style: monograph. – Vologda: VSPU, 2009. – 168 p.
- Egorova L. V. Equivocation in Macbeth: the nature of the tragedy: monograph. – Vologda: VSU, 2018. – 164 p.
- Kuznetsov V. P. Aesop language // Literary Encyclopedic Dictionary / general editorship by V. M. Kozhevnikov and P. M. Nikolaev. – M.: Soviet Encyclopedia, 1987. – P. 504–505.
- Pinsky L. E. Shakespeare. The main beginnings of drama. – M.: Imaginative Literature, 1971. – 606 p.
- William Shakespeare: Great Tragedies in Russian Translations. Macbeth / translation from English by S. Solovyov, M. Lozinsky, B. Pasternak; compilation, preface, comments. L. Egorova. – M.: PROZAIK, 2015. – 431 p.
- Shaitanov I. O. Shakespeare. – M.: Molodaya gvardiya, 2013. – 474 p.
- Shapiro J. 1606. Shakespeare and the Year of “Lear”. – L.: Faber and Faber, 2015. – 423 p.

Author's information

Dotsenko Elena Georgiievna – Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methodics of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Егорова Л. В.
Вологда, Россия

УДК 821.111-1(Шекспир У.)
DOI 10.26170/fk19-01-29
ББК ШЗЗ(4Вел)511-8,445
ГСНТИ 17.07.29
КОД ВАК 10.01.01

ORCID ID: –
E-mail: lveg@yandex.ru

РУССКИЙ СОНЕТНЫЙ ШЕКСПИР

(Рецензия на книгу в серии «Литературные памятники»: Уильям Шекспир. Сонеты / подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; [отв. ред. А. Н. Горбунов]. М.: Наука, 2016. 884 с.)

Аннотация. Это двуязычное издание представляет пять полных сводов переводов сонетов Шекспира: М. Чайковского (1914), С. Маршака (1948), А. Финкеля (1976), И. Ивановского (2001), В. Микушевича (2004), – и избранные (разные по качеству) переводы почти 50 авторов XIX–XXI веков. Комментарий к оригинальному тексту сонетов сделал В. Макаров. А. Горбунов приобщил к «загадкам и гипотезам» сонетов. В. Флорова рассказала об основных тенденциях и подходах к изучению шекспировских сонетов в английской критике XVII–XX веков. Е. Первушина представила обзор переводческой истории сонетов в России. Е. Халтрин-Халтурина расширила и углубила рамки разговора до узрения сонетных вставок в пьесах Шекспира.

Ключевые слова: литературные памятники; остроумие; сонеты; рецензии; английская литература; английские драматурги; драматургия; поэтическое творчество.

Egorova L. V.
Vologda, Russia

SHAKESPEARE'S SONNETS IN RUSSIAN

(A review of the book in the series “Literaturnye pamyatniki” (Literary monuments): William Shakespeare. Sonnets / prepared by A. N. Gorbunov, V. S. Makarov, E. A. Pervushina, V. S. Florova, E. V. Khaltrin-Khalturina; ed. by A. N. Gorbunov. M.: Nauka Publ., 2016. 884 p.)

Abstract. The bilingual edition comprises five full translations of Shakespeare's sonnet cycle: by Modest Chaikovskiy (1914), Samuil Marshak (1948), Aleksandr Finkel' (1976), Ignatij Ivanovskiy (2001), Vladimir Mikushevich (2004), as well as additional versions (of varied quality) by about 50 translators of the XIX–XXI centuries. V. Makarov provided commentary to the original sonnets. A. Gorbunov involves the reader in the mysteries of the sonnets and the hypotheses surrounding them. V. Florova discusses the main tendencies and approaches to Shakespeare sonnets studies in English criticism in the XVII–XX centuries. E. Pervushina surveys the translation-history of the sonnets in Russia. E. Khaltrin-Khalturina enlarges and deepens the frame of reference through an examination of the sonnets that were inserted into Shakespeare's plays.

Keywords: literary monuments; wit; sonnets; reviews; English literature; English playwrights; dramaturgy; poetic creativity.

Для цитирования: Егорова, Л. В. Русский сонетный Шекспир / Л. В. Егорова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 188–192. DOI 10.26170/fk19-01-29.

For citation: Egorova, L. V. Shakespeare's Sonnets in Russian / L. V. Egorova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 188–192. DOI 10.26170/fk19-01-29.

Русский сонетный Шекспир – большая тема, и работавшие над этим томом «Литературных памятников» поставили перед собой цель не только представить читателям самые разнообразные переводы, но и «охватить под одной обложкой круг вопросов и загадок, связанных с сонетами Шекспира, а также очертить культурно-исторический фон его эпохи и разные приемы прочтения „Сонетов“» (с. 5).

В издании воспроизведен оригинальный английский текст сонетов – по Оксфордскому изданию 2002 года (с. 7–85). Он сопровождается специально подготовленным Владимиром Сергеевичем Макаровым комментарием – более основательным и подробным,

чем когда-либо по-русски (с. 770–857). Компактность 14 строк сонета требует комментария логической структуры, игры слов и «спрессованных» концептов. Цикличность предполагает видение глубинных связей между сонетами, разговор о нарративной логике, своеобразной системе персонажей. Шекспир целен во всем своем творчестве, и переклички сонетов с ранними поэмами, пьесами – еще один важный пласт комментария. Следующий – созвучия с современниками, близкими и отдаленными предшественниками. Ограниченность формата ощущается: жалеешь, что В. С. Макарову пришлось излагать богатейшую информацию предельно сжато. Комментарий к каждой стро-

ке может быть развернут, например, к 1-й строке: «*From fairest creatures we desire increase... – Ср. Платон, «Пир», 206 С и заповедь в Быт. 1: 22. Г. Б. Эванс [Evans 40]*» отмечает также влияние на сонеты 1–17 «Искусства риторики» (*The Art of Rhetorique*, 1559) Томаса Уилсона. Д. Каллаган (и ряд других авторов) также уточняют, что приведенный Уилсоном текст – перевод эпистолы Эразма Роттердамского, убеждающей адресата вступить в брак...» (с. 772).

Английский текст и комментарий к нему составляют единый блок.

Следующий блок посвящен сонетам на русском языке. В разделе «Дополнения» приведена основная информация о переводчиках и первой публикации переводов (с. 857–868). Полных переводов сонетов представлено пять: Модеста Ильича Чайковского (1914), Самуила Яковлевича Маршака (1948), Александра Моисеевича Финкеля (1976), Игнатия Михайловича Ивановского (2001), Владимира Борисовича Микушевича (2004). За ними следуют избранные переводы XIX–XXI веков: почти 50 авторов, некоторые – впервые. Их (не)адекватность оригиналу осталась необсужденной. Достаточно просмотреть оглавление книги, чтобы по приведенной первой строке ощутить, что многим здесь не место: уровню серии «Литературные памятники» они не соответствуют. Сонет 2 («*When forty winters shall besiege thy brow...*») дан в переводе А. Ю. Милитарева – «Когда твой лоб обсадят сорок зим...» (в тексте окажется, что зимы всё же «осадят») и А. С. Либермана – «За сорок лет твой лоб затопчут годы». Снова испытываешь потребность взглянуть на текст, нет ли и здесь опечатки, но нет, в 3-й строке появится «И яркий плащ, законодатель моды...» (в оригинале «*Thy youth's proud livery so gazed on now...*»). Переводы Милитарева почти всякий раз вызывают недоумение, и знаменитый сонет 116 – не исключение: «Поверить, что не прогнетса под судьбой / союз двух верных душ, не дай мне Бог...» («*Let me not to the marriage of true minds / Admit impediments...*»).

Составителями сборника указаны В. С. Флорова и Е. А. Первушина, и это их ответственность – не публиковать переводы тех, кто свидетельствует, что видит половину значений слова из тех, которыми играет автор, причем игра слов получается неостроумной (в данном случае я говорю о переводах парных сонетов 135 и 136 Ирины Евгеньевны Чупис – см. ее примечание на с. 582). После переводов такого рода хочется вернуться к основным сводам – убедиться, что можно (только Чайковский оставил эти 2 сонета без перевода), не уходя исключительно в скабрзность, задействовать все 6 значений слова «*Will*», упомянутых в комментарии В. С. Макарова (с. 849–850).

Если говорить о профессиональном уровне перевода, главные потери – утрата остроумия/остроумия и богатых возможностей многоосмысленности, шекспировской уклончивости. Говоря о переводах Финкеля, например, я бы не стала акцентировать «отчуждающий анализ», как это делает Первушина (с. 710), скорее – (отмеченное еще А. А. Аникстом) осознанное стремление Финкеля «как можно полнее передать всю многосложность шекспировской лирики» (с. 708).

Составители книги предпочли качеству количество – не только в огромном числе «избранного» (с. 473–604), но и в помещении под одну обложку пяти полных сводов (с. 89–472). Я рада книге, где собраны пять сводов, но многие считают, что следовало дать один и на его основе детально показать, чем русский сонетный Шекспир отличается от оригинального и в каком направлении продуктивно продолжать поиск. «Литературными памятниками», безусловно, стали сонеты Маршака. Полезно было бы прокомментировать и сонеты Финкеля, ушедшего от простоты и ясности поэтических образов Маршака к многосложности Шекспира. Сонеты Ивановского и Микушевича едва ли успели стать «памятниками», но заслуживают глубинного обсуждения.

В «Приложения» вошли 4 статьи. Андрей Николаевич Горбунов вводит в круг проблем шекспировской лирики, приобщает к «загадкам и гипотезам» сонетов: дата публикации известна, время написания/редактирования сонетов – спорный вопрос, не менее спорный, чем порядок расположения сонетов, действующие лица цикла, связь сюжетного элемента с жизнью поэта, характер и смысл любви, о которой идет речь. Сонеты представлены в контексте сонетной культуры того времени. В финале особое внимание уделено 146 сонету, по мнению исследователя, написанному как эпилог к книге: «Единственное религиозное стихотворение среди остальных чисто светских, оно, очевидно, и должно было стать последним. Эти строки не требуют продолжения» (с. 648). Интересная гипотеза (ее поддерживает в книге Е. А. Первушина), но мне представляется, Шекспир в творческой готовности устремиться вперед – не приверженец эпилогов, и это вполне по-шекспировски – написать религиозный сонет и поставить его не в сильную позицию (если вообще закрепить за ним определенное место).

Валерия Сергеевна Флорова рассказала об основных тенденциях и подходах к изучению шекспировских сонетов в английской критике XVII–XX веков. Особенно много загадок в ранней истории. Исходя из того, что уцелело всего 13 копий, следует ли, что квартто 1609 года было изъято из продажи почти сразу после публикации? Если да, то кем: Шекспиром, Саутгемптонном, третьей стороной? По каким причинам? Почему не последовало переиздание?

Следующее издание – 1640 года – сфальсифицировано: «Стихотворения, написанные Уильямом Шекспиром». Джон Бенсон добавил к сонетам стихотворения из «Страстного пилигрима», поэмы «Феникс и голубь» и «Жалоба влюбленной», нешекспировские стихи, две песни из шекспировских пьес, потерял 8 сонетов, остальные 146 переделал в 72 стихотворения и дал им названия. Он старался навести читателя на мысль, что «его» сборник едва ли не последнее творение Шекспира, и обман удался. В течение почти всего XVIII века сонеты Шекспира воспроизводились главным образом по его редакции. Честь создания первого научного комментированного издания принадлежит Эдмонду Малоуну. В 1780 году он выпустил сонеты в 1-м томе в качестве «Приложения» к изданию шекспировских пьес 1778 года (Сэмюэла Джонсона и Джорджа Стивенса). В конце XVIII века восстановление

первопечатного текста сопровождалось резким неприятием того факта, что большая часть сонетов посвящена мужчине. Критика XIX века предложила несколько гипотез объяснения этой «странности», включая метафорические и «герметические» толкования, вплоть до абсурдных. Был рассмотрен вопрос о влиянии платонических и неоплатонических теорий любви и дружбы на поэзию Шекспира. Любопытен и «перестановочный бум» (расстановки порядка сонетов) рубежа веков.

В 1944 году вышел «Новый Вариорум» под редакцией Хайдера Эдварда Роллинса: 1-й том – собственно эстетическая критика, 2-й – «окололитературные» проблемы (Приложения посвящены биографическим теориям). Роллинс первым из редакторов воспроизвел современными средствами исходный текст Кварто без исправлений и модернизаций.

Начиная с 1960-х выходят комментированные издания «Сонетов», и они охарактеризованы В. С. Флоровой вплоть до арденовского издания (*Shakespeare's Sonnets / ed. by K. Duncan-Jones. London, 1997*) и книги Хелен Вендлер «Мастерство шекспировских сонетов» (*Vendler H. The Art of Shakespeare's Sonnets. Cambridge, Mass.; London, 1997*). Отмечу лишь один из привлекательных для меня моментов книги Вендлер: она отказалась от подстрочного комментария, предпочтя краткие научные эссе, посвященные каждому из сонетов.

В статье Елены Александровны Первушиной «„Но смерть поправ, до будущих времен дойдет мой стих“ (Сонеты Шекспира в русских переводах)» представлен обзор переводческой истории сонетов в России. Разговор идет скорее об отдельных удачах, с ее точки зрения, чем о принципах перевода, переводе жанра. С конца 1830-х до начала 1850-х выходили в большей степени подражания, чем переводы. В. С. Межевич передал 71 сонет в 20-и поэтических строках (1839). М. Н. Островский, брат драматурга, – в 16-и (1852). П. К. Кусков остановился на нерифмованном верлибре. У В. П. Боткина, А. Л. Соколовского – прозаические переводы. Посвятивший жизнь переводам Шекспира и удостоенный за них Пушкинской премии Академии наук Соколовский полагал, что сонетная форма – не более чем «стихотворный хлам» (с. 688).

Ситуация изменилась только в конце 1850-х с появлением переводов И. А. Мамуны: он укладывался в 14 строк, сохраняя строфику и рифмовку (от преобладания мужских рифм отказывался в пользу чередования мужских и женских). При приближении к исходному жанру, как отмечает Первушина, «русские авторы противопоставляли синтаксическому витийству Шекспира ясность поэтических конструкций, а сложно сформулированной авторской поэтической мысли – романтическую неопределенность выражений» (с. 688).

Н. В. Гербель первым перевел полный корпус сонетов (1880), и отныне сонеты воспринимались как «Сонеты». Следующий полный перевод был сделан коллективно: в 1902–1905 годы С. А. Венгеров поручил переводы сонетов 18-и участникам подготовки СС Шекспира – результаты не оправдали ожиданий. Третьим все сонеты перевел М. И. Чайковский – именно его труд открывает раздел переводов рецензируемой книги. В издании 1914 года перевод впервые дан в сопоставлении с оригинальным текстом.

Е. А. Первушина подробно останавливается на хорошо знакомом материале – переводах О. Б. Румера, Л. Б. Пастернака, С. Я. Маршака, А. М. Финкеля. Интересен разговор об Игн. М. Ивановском. Его переводы полного корпуса сонетов появились в 1994 году, переизданы в 2001-м. Работу он посвятил памяти М. Л. Лозинского. Ивановский увидел в сонетах авторские откровения, связанные со смертью сына Гамлета, и – своеобразный выход из катастрофы утраты: «У близкого по духу и прекрасного по физической природе человека должен родиться сын!» (с. 713). По мнению Ивановского, «сонеты, прямо обращенные к другу, создавались уже после смерти Гамлета. Общий гениальный замысел сонетов уже существовал, сонеты были обращены к женщине. Сонеты к другу – лишь позднее дополнение к замыслу» (с. 714). Так или иначе, все предположения и утверждения относительно Шекспира являются авторскими гипотезами и/или автохарактеристиками, и Ивановский – не исключение. «В сонетах Шекспира нет ни общего замысла, ни композиции. Это нечто среднее между дневником и пачкой писем» (с. 714). Последнее утверждение, пожалуй, наиболее уязвимо для критики, но переходам Первушиной не пересташь удивляться. Следующим предложением этого абзаца она вроде как опровергает Ивановского, но каким образом? «Однако И. З. Фрадкин иначе трактует шекспировский сборник, уверенно называя его циклом» (с. 714). Может ли трактовка Фрадкина стать опровержением гипотезы Ивановского? «Знаток и опытный переводчик сонетов, Фрадкин построил из собрания шекспировских сонетов – сонет! Точнее говоря, развернутую сонетную композицию. Формально она аранжирована самостоятельно разработанной переводчиком рамочной конструкцией. Это заголовки к каждой из семи частей, на которые разбит шекспировский сонетный сборник» (с. 714). Самодетельность Фрадкина вызывает энтузиазм Первушиной, но его трудно разделить. Перевод 144 сонета (с его переключением с библейского лексического регистра на сказочный) только углубляет скепсис: «...Друг белокурый – нежный херувим – / И смуглая подруга – злая фея» (с. 715).

Энтузиазм Первушиной сохраняется в рассказе о переводах В. Б. Микушевича, Г. М. Кружкова, Б. А. Кушнера и др., и эта восторженность контрастирует с критичной аналитичностью предшествовавшей статьи. В. С. Флорова была строга к редактору арденовского издания: «Легко увидеть, что вся концепция Данкан-Джонс базируется на цепочке недосказанных допущений, отправным пунктом которой является мысль об авторизованности Кварто. Из этого исследовательница некритично вывела, что все сонеты написаны или пересмотрены в 1600-х годах, что совершенно не очевидно. Более того: в ряде случаев она вступает в противоречие сама с собой...» (с. 678). Е. А. Первушина, даже когда можно проблематизировать ситуацию (например, она приводит критические высказывания о переводах Пастернака), предпочитает «дипломатичные» концовки (далее не даю сноски к цитатам – см. книгу): «...„Величественная речь Шекспира, – считает Б. А. Кушнер, – превращается у Пастернака в заурядный разговор, порою кажется, что разговор этот происходит у какой-нибудь булочной“». Еще более жестко вы-

разил А. П. Цветков, назвавший Пастернака палачом в ораве русских разбойников, убивающих Шекспира своими переводами. Но с другой стороны, еще больше тех, кто с восторгом принял переводы Пастернака как конгениальные оригиналу» (с. 700). Очевидно, что критерий «больше тех...» сомнителен, особенно когда исследователь бесконечно щедр на похвалы: «„Блистательными“ и „виртуозно точными в следовании за образцами подлинника“ назвал их А. Л. Зорин в обстоятельной статье, сопровождавшей одно из лучших отечественных изданий сонетов Шекспира. <...> Один из лучших современных переводчиков Г. М. Кружков заявил: „Невозможно объяснить, что совершает Пастернак в своих переводах, но его работы пробивают сердечную корку писателя до самых глубин“» (с. 700).

Новаторская статья Елены Владимировны Халтрин-Халтуриной «Сонетные вставки в пьесах Шекспира» расширяет рамки разговора. Исходя из того, что «Сонеты» окутаны тайнами, в пьесах же для толкования вставных сонетов есть все условия, исследователь рассматривает функционирование сонетных вставок в четырех пьесах: «Бесплодные усилия любви» (ок. 1594–1595), «Ромео и Джульетта» (1595), «Много шума из ничего» (ок. 1598–1600), «Все хорошо, что хорошо кончается» (ок. 1604). Халтрин-Халтурина предлагает взглянуть на пьесы с избранного ею ракурса – воспринимая «полный текст как фон, необходимый для понимания сонетного костяка, глубоко внедренного в „комедию идей“» (с. 735).

Комедии «Бесплодные усилия любви» посвящен раздел под названием «Испытание сонетосложением». Впервые не только в отечественном, но и мировом литературоведении рассмотрены 8 сонетных вставок. Убедительно показано, как придворные дамы испытывают кавалеров на искренность и грациозность в делах и речах. «Дамы остаются глухи к напыщенным фразам и „ходульным“ сонетам. Серьезным испытанием для кавалеров становится создание совершенной поэтической формы в живой непринужденной беседе. Такого испытания в „Бесплодных усилиях любви“ не смог выдержать ни один герой» (с. 754).

В разделе «Сонет как формула любви», посвященном «Ромео и Джульетте», исследователь, напомнив о множестве разножанровых и разностилевых вставок (панегирик, словесное сражение, эпиграмма, альба, элегия, клятвы, речи на смертном одре, приговор, предсмертная речь, проклятие, брань, изречения нравоучительного характера), отмечает ведущую роль сонета «как поэтической формы, как театрального жеста и как способа организации мысли и пространства внутри пьесы» (с. 754). О сонетах-прологах и сонете-диалоге Ромео и Джульетты известно давно. Интересный вопрос исследователя: а нет ли у Париса, кавалера, которого родители Джульетты прочат ей в мужья, какого-либо сонетного подношения Джульетте? Неожиданный ответ: «Его поэтическим голосом становится

будущая теща – мать Джульетты. В объеме 14 строк леди Капулетти старается нарисовать для своей дочери лестный портрет посватавшегося Париса – „Читай, как книгу, юный лик Париса“. Написан этот неправильный „сонет“ куплетами пятистопного ямба» (с. 762–763). Е. В. Халтрин-Халтурина обращает внимание и на «сонетные заготовки» (с. 764), из которых принципиально важен оборванный прозаической репликой Кормилицы второй диалог Ромео и Джульетты. Складывавшийся на наших глазах, но прерванный сонет-диалог становится символом недолговечности этой любви. «Два сонета-диалога Ромео и Джульетты – законченный и оборванный – становятся формулой истории их жизни и всей пьесы» (с. 764).

В основе раздела «Сонет в роли важного документа» лежат две пьесы. В комедии «Много шума из ничего» сонеты как таковые отсутствуют, но герои говорят о существовании двух сонетов, написанных Бенедиктом и Беатриче. Прилюдной демонстрации этих листов оказывается достаточно, чтобы герои примирились, и комедия увенчалась их свадьбой. В роли важных грамот выступают и сонеты в проблемной пьесе «Все хорошо, что хорошо кончается». Дефектный сонет Пароля и правильный сонет Елены являют собой письма, открывающие истинный характер пишущих (с. 766).

Вглядываясь в пьесы, Е. В. Халтрин-Халтурина расширяет «галерею персонажей, от лица которых – и в адрес которых – Шекспир писал сонеты» (с. 769). Как она и обозначила в начале статьи, соприкосновение с сонетным пластом драматического творчества Шекспира – «особое наслаждение, гурманство, или „словесное пиршество“ (feast of language)» (с. 730).

Традиционно для серии «Литературные памятники» книга сопровождается богатым иллюстративным материалом: факсимиле титульных страниц первого издания Т. Торпа, факсимиле книг с отзывами современников о лирике Шекспира и др. В альбоме-вклейке представлены портреты гипотетических адресатов шекспировской поэзии, поэтов соперников, виды Лондона XVI–XVII веков, предполагаемый портрет Шекспира, который считается единственным прижизненным изображением поэта-драматурга, и др.

Том получился объемным – 884 страницы, и, перелистывая их, вспоминаешь, как, получив из разных стран переводы нескольких сцен «Фауста», И. В. Гёте отметил: «...шотландец стремится проникнуть внутрь произведения, француз – понять его, а русский – сделать своим достоянием» (с. 5). Для русской рецепции сонетов Шекспира это замечание характерно в еще большей степени. Том в «Литературных памятниках» представляет читателям огромный выбор переводов, но мало помогает понять адекватность достижений переводчиков. О всестороннем усвоении шекспировских идей, образов, стиля и поэтических приемов говорить было бы преждевременно.

ЛИТЕРАТУРА

Горбунов А. Н. Сонеты Шекспира: Загадки и гипотезы // Шекспир У. Сонеты / изд. подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров,

REFERENCES

Gorbunov A. N. Shakespeare's Sonnets: Mysteries and Hypotheses // Shakespeare W. Sonnets / prepared by A. N. Gorbunov,

Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; отв. ред. А. Н. Горбунов. – М.: Наука, 2016. – С. 607–649.

Первушина Е. А. «Но смерть поправ, до будущих времен дойдет мой стих...» (Сонеты Шекспира в русских переводах) // Шекспир У. Сонеты / изд. подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; отв. ред. А. Н. Горбунов. – М.: Наука, 2016. – С. 686–724.

Примечания / сост. В. С. Макаров // Шекспир У. Сонеты / изд. подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; отв. ред. А. Н. Горбунов. – М.: Наука, 2016. – С. 770–868.

Флорова В. С. Основные тенденции и подходы к изучению шекспировских сонетов в английской критике XVII–XX веков // Шекспир У. Сонеты / изд. подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; отв. ред. А. Н. Горбунов. – М.: Наука, 2016. – С. 650–685.

Халтрин-Халтурина Е. В. Сонетные вставки в пьесах Шекспира // Шекспир У. Сонеты / изд. подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; отв. ред. А. Н. Горбунов. – М.: Наука, 2016. – С. 725–769.

V. S. Makarov, E. A. Pervushina, V. S. Florov, E. V. Khaltrin-Khalturina; edited by A. N. Gorbunov. – M.: Nauka, 2016. – P. 607–649.

Pervushina E. A. “And yet to times in hope my verse shall stand...” (Shakespeare’s Sonnets in Russian translations) // Shakespeare W. Sonnets / prepared by A. N. Gorbunov, V. S. Makarov, E. A. Pervushina, V. S. Florov, E. V. Khaltrin-Khalturina; edited by A. N. Gorbunov. – M.: Nauka, 2016. – P. 686–724.

Notes / compiled by V. S. Makarov // Shakespeare W. Sonnets / prepared by A. N. Gorbunov, V. S. Makarov, E. A. Pervushina, V. S. Florov, E. V. Khaltrin-Khalturina; edited by A. N. Gorbunov. – M.: Nauka, 2016. – P. 770–868.

Florova V. S. The main trends and approaches to the study of Shakespeare’s sonnets in the English critic of the XVII–XX centuries // Shakespeare W. Sonnets / prepared by A. N. Gorbunov, V. S. Makarov, E. A. Pervushina, V. S. Florov, E. V. Khaltrin-Khalturina; edited by A. N. Gorbunov. – M.: Nauka, 2016. – P. 650–685.

Khaltrin-Khalturina E. V. Sonnet inserts in Shakespeare’s plays // Shakespeare W. Sonnets / prepared by A. N. Gorbunov, V. S. Makarov, E. A. Pervushina, V. S. Florov, E. V. Khaltrin-Khalturina; edited by A. N. Gorbunov. – M.: Nauka, 2016. – P. 725–769.

Данные об авторе

Егорова Людмила Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Вологодский государственный университет (Вологда).

Адрес: 160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15.

E-mail: lveg@yandex.ru.

Author’s information

Egorova Liudmila Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Language, Vologda State University (Vologda).

Зверева Т. В.
Ижевск, Россия

ORCID ID: –
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

УДК 82.0
DOI 10.26170/FK19-01-30
ББК Ш300
ГСНТИ 17.01.33
КОД ВАК 10.01.08

«ИМПЕРИЯ ЭКФРАСИСА», ИЛИ РАЗГОВОР ОБ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ

(Рецензия на сборник: Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce, 2018. 703 с.)

Аннотация. В данной статье представлен развернутый анализ сборника, вышедшего по результатам конференции «Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения» (Польша, Седльце, 25–26 мая 2017). Автор статьи обращает внимание на то, что термин «экфрасис» обладает расширительным смысловым потенциалом, вследствие чего в современной филологической науке размываются границы термина. Реферируемый сборник статей обнажает научные проблемы, связанные с пониманием термина. Будучи «описанием описания» экфрасис обнаруживает притязания на универсальность, стремясь подменить собой другие понятия. Вместе с тем, несмотря на свою противоречивость, данный термин востребован современной литературоведческой наукой, так как позволяет описывать те структуры текста, которые прежде ускользали от исследовательского внимания.

Ключевые слова:
теория литературы;
русская литература;
зарубежная литература;
экфрасис; рецензии.

Zvereva T. V.
Izhevsk, Russia

“EMPIRE OF THE EKPHRASIS”, OR CONVERSATION ABOUT INTERMEDIAL

(The Review of the collection: the Theory and history of the ecphrasis: results and studying prospects. Siedlce, 2018. 703 p.)

Abstract. The developed analysis of the collection (conference “The theory and history ecphrasis: results and studying prospects” [Poland, Siedlce, 25–on May, 26th 2017]) are in given article. The author of research has paid attention not discrepancy of the term “ecphrasis”. The term “ecphrasis” possesses the big semantic potential, therefore term borders are absent in a modern philological science. The reviewed collection reveals scientific problems, these problems are connected with understanding of the term. Ecphrasis finds out “imperial ambitions” and aspires to replace with itself other concepts. The difficult structure of the collection finds out impossibility of classification of a material. However the term is claimed modern литературоведческой by a science because ecphrasis describes the latent structure of the text. In the review the author addresses to the most important researches which have entered into various sections of the collective monography.

Keywords:
literature theory; Russian literature; foreign literature; ecphrasis; reviews.

Для цитирования: Зверева, Т. В. «Империя экфрасиса», или разговор об интермедиальности / Т. В. Егорова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 193–196. DOI 10.26170/fk19-01-30.

For citation: Zvereva, T. V. “Empire of the Ekphrasis”, or Conversation about Intermedial / T. V. Zvereva // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 193–196. DOI 10.26170/fk19-01-30.

Еще лет пятнадцать-двадцать назад выход сборника «Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения», вне сомнения, имел бы широкий научный резонанс. Сегодня это очень значимое с точки зрения филологического и культурологического знания событие прошло почти незаметно, поскольку современная наука функционирует в пространстве информационной избыточности. Небольшие тиражи научных изданий также не способствуют их распространению. Вместе с тем коллективная монография под редакцией Татьяны Автухович (при участии Романа Мниха и Татьяны Бовсунской) – итоговый труд целой плеяды блестящих ученых (Н. Брагинская, Н. Костенко, Р. Мних,

Р. Тименчик, Л. Геллер, Н. Гвоздецкая, Д. Магомедова, А. Марков и пр.). Изданная по итогам конференции с одноименным названием (Польша, Седльце, 2017 г.) эта монография подводит предварительные итоги изучения экфрасиса, продолжая серию таких значимых для теории визуальности изданий, как «Экфрасис в русской литературе» [Геллер 2002], «„Невыразимо выразимое“: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте» [Токарев 2013].

Почему возникла необходимость обращения к данной проблематике? Еще Август Бёк определил цель филологии как «Erkennen des Erkenntnen» («познание познанного») [Бёк 2013: 8], т. е. гуманитарные науки

возвращаются к изученному не только для того, чтобы углубить свои представления об объекте, но и для того, чтобы разобраться в своей способности познавать и понимать окружающий мир. Кроме того, польский сборник решает важнейшую проблему интермедальных связей в искусстве, способствуя формированию единого исследовательского языка. Отметим, что философия видения, эпохальная и авторская оптика – это то, благодаря чему текст существует как пространство смысла. Искусство вообще и литература в частности – всегда камера-обскура, таинственный механизм, данный человечеству для разглядывания мира. Не случайно в последние годы резко возросло число исследований, обращенных к философии видения.

Уже сама структура монографии, включающей в себя целых шесть разделов, указывает на многообразие аспектов – несводимость термина «экфрасис» («экфраза») к строгим категориальным границам, его расширительный потенциал. Сборник включает в себя 45 статей, в его создании приняли участие ученые из разных стран (Польша, Россия, Франция, Чехия, Израиль, США, Венгрия, Канада, Испания, Украина, Беларусь и т. д.). Подобная география еще раз доказывает актуальность заявленной проблемы для современного гуманитарного знания. Не случайно В. Дж. Т. Митчелл говорил об «имперских амбициях» данного термина.

Первый раздел («Из истории изучения экфрасиса») включает в себя публикуемые впервые архивные материалы О. М. Фрейденберг: «Показ, каталог, сравнение, экфраза», «Происхождение литературного описания», «Фрагмент рукописи». Публикация сопровождается развернутыми примечаниями Натальи Костенко (при участии Нины Брагинской). На сегодняшний день изучение экфрасиса продвинулось настолько, что оказываются важными мельчайшие дефиниции термина, едва различимые оттенки смысла, вследствие чего обнаружение черновых записей Фрейденберг представляет собой огромную значимость. Не меньшую важность представляют и комментарии к рукописи, данные специалистами в области классической традиции. В этот же раздел помещена и статья Р. Мниха «Дмитрий Чижевский и визуальные искусства», также обращенная к исторической поэтике. Р. Мних убедительно доказал, что, не ставя перед собой задачи постижения экфрасиса, Дмитрий Чижевский решал важнейшие методологические проблемы, связанные с соотношением слова, изображения, текста и картины.

Во второй раздел («Теория экфрасиса: новый взгляд») входят исследования, направленные на изучение теоретических аспектов. Важной с точки зрения современного культурологического знания является статья Л. Геллера («Вагинов и экфрасис как путь к кинописью») – исследователя, с которого и начиналось «воскрешение экфрасиса» в 2002 году. На этот раз ученый обратился к проблеме киноэкфрасиса, предложив такие дефиниции термина как кинографизм и киноморфизм. Если в первом случае речь идет об усвоении поэтическим искусством визуальных и нарративных киноэффектов, то во втором случае писатели реализуют в тексте «внутреннюю логику модернистского видения мира, ту самую логику, что ложится в основу кинопоэтики» (126). В творчестве Константина Ваги-

нова ученый усматривает не только принципы нового видения мира и способов его описания, но и синтез кинографичности и киноморфичности. В русле теоретической поэтики написана и работа Н. Абиевой («Межсемиотический перевод на основе экфрастического текста»). В этой статье экфрасис рассмотрен в контексте когнитивной лингвистики. По мнению исследовательницы, «явление экфрасиса обусловлено естественными когнитивными механизмами по перекодированию информации с образно-холистских репрезентаций на вербально-логические и наоборот» (205). В работах О. Червинской («Экфрастический текст на полях и в пространстве пушкинского письма») и С. Э. Демента («Жизнеподобие статуй Овидия и православие Пушкина») изучение экфрасиса привело к обнаружению принципиально новых смыслов в таких хрестоматийных произведениях Пушкина, как повесть «Станционный смотритель» и стихотворение «Памятник». В разделе также выделяются статьи Т. Автухович («„Никто не подыскал названья...“: Н. Пуссен, К. Лоррен и А. Ватто в поэзии Вячеслава Иванова и Георгия Иванова») и М. Маршалэк («Прочие картины сновидений. Экфрасисы живописи Марка Шагала в свете теории Уильяма Дж. Т. Митчелла и Дж. Эльснера»). Несмотря на разный материал эти две работы обнаруживают внутреннее сходство, поскольку направлены на выявление авторского мировидения. Одна из продуктивных научных идей Т. Автухович заключается в том, что «интрига экфрастического нарратива состоит не столько в интерпретационном усилии автора, направленном на толкование артефакта <...>, сколько в осмыслении через призму культуры своей собственной судьбы или проблем метафизического, эстетического свойства» (224). Привлекая поэтов, принадлежащих разным поэтическим течениям начала XX века, Т. Автухович показывает, как решаются в экфрастических стихотворениях Вяч. Иванова и Г. Иванова собственно эстетические задачи. В этом же направлении движется и мысль М. Маршалэк, в статье которой поэтическая рецепция живописи Марка Шагала представлена как психотерапевтический опыт изживания травмы.

Третий раздел («Экфрасис и нарратив») обращен к повествовательным структурам. Здесь хотелось бы обратить внимание на две работы – Т. Сабо («„Икона Хвалите Господа с небес“ в романе Л. Улицкой “Даниэль Штайн переводчик“») и Е. Асташенко («Развитие экфрасисов Ст. Пшибышевского в прозе А. Белого и М. Булгакова»). В исследовании Т. Сабо не только установлен возможный прототип героини Улицкой – матери Иоанны (это Юлия Николаевна Рейтлингер), но и расшифрована последняя сцена романа, где, по мнению исследовательницы, описана действительно существующая икона «Хвалите Господа с небес», созданная Ю. Рейтлингер. При этом Т. Сабо попутно решает проблему межсемиотического перевода, поскольку данная икона восходит к Псалму 148, т. е. речь идет о взаимодействии словесной и живописной (инокописной) образности. В статье Е. Асташенко впервые выявлен возможный генезис экфрастических описаний в прозе А. Белого и М. Булгакова – это романы С. Пшибышевского, которые в свою очередь отсылают

к полотнам Ф. Ропса, Э. Мунка, Фр. Фон Штука, Г. Моро, В. Котарбинского и пр. Обозначенный аспект проблемы чрезвычайно интересен, поскольку в данном случае можно говорить об «отраженном экфрасисе». Все эти исследования еще раз подтверждают известную мысль У. Эко о том, что понимание текста сегодня всецело зависит от объема текстовой памяти ученого-интерпретатора [Эко 1998].

В четвертую часть сборника («Писатель и живопись») входят всего три статьи (Ю. Левинг «Музеи Иосифа Бродского». Т. Зверева «Динамика портретных изображений Ф. М. Достоевского в русской живописи», Г. Шапиро «Два примера экфрасиса у Владимира Набокова»). Данные исследования объединяет выход за пределы собственно поэтического пространства. Объектом исследовательского внимания Ю. Левинга стали реальные встречи И. Бродского с художественными галереями и та рефлексия, которая отражена в его творчестве. Т. Зверева прослеживает историю портретов Ф. М. Достоевского в отечественной живописи и делает вывод о том, как изменялось во времени само представление о писателе и его художественных открытиях. Г. Шапиро реконструирует взгляд В. Набокова на петербургский городской пейзаж, показывая, что данное восприятие было обусловлено живописными опытами В. Добужинского.

Типологии экфрасиса посвящен еще один – пятый – раздел коллективной монографии. Среди дефиниций термина, предлагаемых исследователями, – музыкальный (Т. Бовсуновская «Экфрастические жанры в литературе XXI века: Эрик-Эммануэль Шмитт и Гивер купер», Л. Шевченко «„Соната Прокофьева“ Ивана Драча: Номо creator против Номо faber»), фотографический (В. Малкина «Фотоэкфрасис в лирическом стихотворении: постановка проблемы»), театральный (М. Черкашина «Способы репрезентации в поэзии Ива Бонфуа: от театрализации к экфрасису»), религиозный (Е. Шкапа «Религиозный экфрасис в повести “Запечатлённый ангел” Н. Лескова [на примера христианский песнопений] и пр. Во всех этих определениях экфрасиса важен объект описания – тот артефакт, к которому обращена авторская рефлексия. И. Заярная («Типы экфрастичности в творчестве обэриутов») расширяет сферу экфрастичности до логического предела, предлагая даже такое неожиданное определение как кулинарный экфрасис. Однако подобное исследовательское решение обусловлено тем, что творчество обэриутов, ориентированное не только на игру с реальностью, но и на игру с понятийными категориями, являет собой «коллекцию разных типов экфрастичности» (407). Именно данный раздел обнаруживает «имперские амбиции» экфрасиса, поскольку термин стремится вырваться за свои собственные пределы и стать описанием как таковым.

Заключает сборник последний раздел – «Страницы истории экфрасиса: динамика функций, типов, поэтики описания». Как следует из названия, в данную часть вошли статьи, проблематика которых выходит за рамки предшествующих разделов. И это еще раз свидетельствует о тех трудностях, с которыми сталкиваются исследователи и составители, пытаясь привести экфрасис к единому знаменателю. В этой – самой объемной

по содержанию части – обращают на себя внимание исследования, посвященные истории экфрасиса. Так, в статье Ю. Коварской («Традиция вотивных даров в экфрасисах античной поэзии») утверждается продуктивная мысль о том, что у истоков возникновения экфрасических описаний лежит вотивная традиция: в античных текстах представлен «обширный каталог вотивных даров» (510). В связи с этим выдвигается гипотеза о связи «надписей к вотивным изображениям и ранних форм экфрасиса» (512). Н. Гвоздецкая («Экфрасис в древнеанглийской поэзии: описание волшебного меча в “Беовульфе”») скрупулезно исследует феномен английской героико-эпической поэмы, обращаясь к ее визуальным аспектам. В статье дано не только описание одной из исторических форм экфрасиса, но и выявлена семантика визуальных образов, а также сделан вывод о том, что в подобных фрагментах осуществлялось «слияние греко-римской и германской мифологии с библейски преданием» (530). На грани литературоведения и лингвистики написана статья Ю. Дядищевой-Росовецкой («Своеобразие экфрасиса в Мефодиевом переводе „Песни песней“»). Исследовательница выявила изначальную семантическую глубину и историческую многослойность библейского текста. Поскольку экфрасис связан с описанием, то, соответственно, именно в описаниях подобного типа читатель сталкивается с предельной неоднозначностью: в Мефодиевом переводе «порфира и виссон древнееврейских этнически окрашенных тропов просвечивают как бы сквозь кисею славянской речи и славянской ментальности» (533). Очень свежим и необычным выглядит исследование А. Маркова («Между викторианством, ар-нуво и ар-деко. Экфрасис в блоковской линии поэзии русской эмиграции»). Объектом внимания ученого становятся тексты, практически не привлекавшие внимания отечественной филологии (А. Биск, М. Визи, Д. Кленовский, Б. Филиппов, В. Смоленский, П. Ставров и С. Маковский). Все эти поэты увидены сквозь призму блоковской поэзии в ее отношении к живописи. Следует также заметить, что в данной работе впервые вводится и обосновывается понятие «тотального экфрасиса», нацеленного на описание катастрофического мира.

Таким образом, коллективная монография еще раз выявила, с одной стороны, проблематичность термина «экфрасис» в контексте современной филологической науки, с другой – его продуктивность и перспективность. Утверждая принципиальную непереводаемость языков и кодов, экфрасис оказывается тем соединяющим мостом, на котором происходит встреча смыслов и «культурный взрыв» [Лотман 1992].

В заключение отметим визуальную составляющую сборника. Очевидно, что книга является знаком не только духовной, но и материальной культуры. Исключительность рецензируемого труда заключается еще и в том, что он демонстрирует образец высочайшей издательской культуры (все статьи сопровождаются цветными иллюстрациями, выполненными на очень высоком полиграфическом уровне), т. е. читатель имеет дело не только с воскрешением экфрасиса, но и с воскрешением Книги.

ЛИТЕРАТУРА

- Бёк А. Энциклопедия и методология филологических наук: В изложении П. И. Аландского. – М.: URSS, 2013. – 208 с.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – 272 с.
- «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сборник статей / сост. Д. В. Токарев. – М.: НЛО, 2013. – 572 с.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
- Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. – М.: МИК, 2002. – 216 с.

Данные об авторе

Зверева Татьяна Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор, кафедра истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (Ижевск).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

REFERENCES

- Beck A. Encyclopedia and Methodology of Philological Sciences: Presented by P. I. Aland. – M.: URSS, 2013. – 208 p.
- Lotman Yu. M. Culture and explosion. – M.: Gnozis, 1992. – 272 p.
- “Inexpressibly expressible”: ecphrasis and problems of visual representation in artistic text: collection of articles / compiler D. V. Tokarev. – M.: NLO, 2013. – 572 p.
- Eco W. Missing structure. Introduction to semiology. – SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998. – 432 p.
- Ekphrasis in Russian literature. Proceedings of the Lausanne Symposium / ed. by L. Geller. – M.: MIK, 2002. – 216 p.

Author's information

Zvereva Tatyana Vjacheslavovna – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Literature and the Literature Theory, Udmurt State University (Izhevsk).

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

«Да и к чему было говорить...»:
безмолвие в системе средств выражения авторской позиции
(«Дворянское гнездо» И. С. Тургенева)

Образ немецкого рыцаря
в художественной картине мира Средневековья

Бескомпромиссный компромисс Сергея Довлатова –
от «наших» к ненашим

Индивидуальный стиль политика
сквозь призму комического

Книга Алексея Мельникова
«Борис Рыжий. Введение в мифологию»
в контексте формирования
литературной репутации поэта

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ

Поступившие в редакцию рукописи должны удовлетворять установленным требованиям (строгое соответствие тематике журнала; теоретическая и методологическая оснащенность; научная новизна, теоретическая и практическая значимость; достаточность данных для анализа и надежность источников материала; полнота описываемого материала; корректность анализа; следование научной этике; соответствие Требованиям к оформлению статей в журнал; качество иллюстративного материала – при наличии).

Рукописи принимаются на 4-х языках (русском, английском, французском, немецком). Статьи публикуются на 4-х языках (русском, английском, французском, немецком).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

1. После получения рукописи ученый секретарь редакции определяет степень соответствия рукописи критериям публикации. Рукописи, оформленные с нарушением указанных критериев, не рассматриваются. К публикации допускаются рукописи с оценкой оригинальности в системе «Антиплагиат» не ниже 75%. Материалы, опубликованные в других изданиях (или одновременно поданные в другие издания), не принимаются.
2. Статьи, в которых обнаружены неправомерные заимствования, отклоняются. Редакция оставляет за собой право не вступать с авторами и другими представляющими их лицами в полемику по этому вопросу и в дальнейшем не рассматривать рукописи данных авторов, поступающие для публикации.
3. В случае положительного рецензирования редакция выносит заключение о возможности публикации рукописи в журнале, определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. Редакция оставляет за собой право не предоставлять полную версию отрицательной рецензии и не раскрывать имя рецензента.
4. Редакция не берет на себя обязательства по публикации статьи в сроки, указываемые автором. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правку и сокращение рукописи, не искажающие ее содержание.
5. Статьи проходят двойное слепое рецензирование. По результатам рецензирования рукопись может быть принята к публикации без существенной доработки; принята к публикации при условии внесения изменений и исправлений; отклонена.
6. В случае если рукопись возвращается на доработку, автор после внесения соответствующих изменений вновь направляет ее в редакцию. Рукопись в этом случае, как правило, оценивается теми же рецензентами.
7. На всех стадиях работы с рукописями, а также для общения с авторами редакция использует электронную почту.
8. В период отпусков редакции (с 1 июля по 25 августа) статьи не принимаются и не рецензируются. Уведомление о приеме к рассмотрению статей, присланных в этот период, редакция направляет автору после 25 августа. С этой же даты начинается отсчет сроков рассмотрения и рецензирования.
9. Журнал не вступает в полемику с авторами относительно сделанных рецензентами замечаний, а также по другим вопросам, касающимся установленного порядка представления, оформления, рецензирования и публикации статей.
10. За неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) публикации.
11. Перед сдачей номера в печать автору предоставляется оттиск его статьи. Существенная правка в макете не допускается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ

1. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии с распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат doc или rtf), шрифт Times New Roman, кегль основного текста 14-й, интервал – 1,5, абзац 0,7 (установленный через меню). Если вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму файл с шрифтом, а также приложите копию статьи в формате PDF. Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются кавычки ', ' при цитировании – угловые кавычки (« »), при цитировании внутри цитаты – французские двойные кавычки („ “), смысловые выделения можно подчеркнуть разрядкой.
2. Объем исследовательских статей не должен быть менее 0,5 п.л. (20 000 знаков) и не может превышать 1 п.л. (40 000 знаков), но в отдельных случаях объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией. Обзоры, рецензии, хроники, краткие сообщения не должны превышать объем 0,5 п.л. (20 000 знаков). Нумерация страниц не требуется.
3. Основной текст статьи должен быть хорошо структурирован и содержать следующие рубрики: Введение, Методология исследования, Цель, Этапы исследования, Результаты, Выводы. Авторы должны дать краткий обзор предшествующих публикаций по теме статьи, эксплицитно сформулировать используемые методы и аналитические приемы, сформулировать цель работы, представить собственное исследование, снабдив его необходимым иллюстративным материалом, сформулировать выводы.
4. Примечания – подстрочные (даются в сносках внизу страницы), нумерация сквозная.
5. Библиографические ссылки – затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом – с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это необходимо) в квадратных скобках. Образец [Фамилия год: страница], пример: Необычность ситуации, садовые аллеи, о которых писал Д. С. Лихачев, что их сумеречность – основная черта русского сада, из которой «рождаются и жизнь, и животность, и Бог» [Лихачев 1998: 419–421].
6. Список литературы оформляется в конце статьи без нумерации в алфавитном порядке по ГОСТ 7.0.5-2008 (protect.gost.ru). Заголовок у списка: «Литература».
7. Список литературы должен быть объективным и академически полным, содержать не менее 15 источников. Русские источники необходимо транслитерировать, используя для автоматической транслитерации программу на сайте www.translit.ru, вариант BGN (Board of Geographic Names).
8. В оформлении статьи не рекомендуется использовать выделение прописными буквами и подчеркиванием.
9. Помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках:
 - 1) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество автора полностью; ученая степень, звание, должность; полное и точное место работы автора; подразделение организации;
 - 2) контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале);
 - 3) название статьи;
 - 4) аннотация (должна представлять собой краткое резюме статьи в объеме не менее 250 слов и включать следующие аспекты содержания статьи: предмет, тему, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты; область применения результатов; заключение/выводы). Аннотации не требуются для обзоров и рецензий, кроме тех случаев, когда они выполняются в жанре статьи. В этом случае нужна аннотация не менее 100 слов и список литературы;
 - 5) ключевые слова (5–10 слов).

НАПРАВЬТЕ РУКОПИСЬ СТАТЬИ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ
МОЖНО ЧЕРЕЗ САЙТ ИЛИ НАПРЯМУЮ НА ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС ЖУРНАЛА olga-skripova@mail.ru

С ВОПРОСАМИ, ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАЩАЙТЕСЬ К УЧЕНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЖУРНАЛА,
КАНДИДАТУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТУ ОЛЬГЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ СКРИПОВОЙ olga-skripova@mail.ru

SUBMISSION PROCESS

The articles submitted to the Editorial Board should meet the existing requirements (rigorous correspondence to the themes of the journal; theoretical and methodological foundation; scientific novelty, theoretical and practical significance; sufficiency of analysis data and reliability of material sources; comprehensiveness of the material described; reliability of analysis; adherence to scientific ethics; compliance with the Article Formatting Requirements; high quality of illustrations – if available).

MANUSCRIPT REVIEW PROCEDURE

1. On receiving the manuscript, the Academic secretary decides if it complies with the publication criteria (see: Publication Criteria). Manuscripts violating the said criteria are not subject to review. Articles with the threshold of originality less than 75 %, as tested by the "Antiplagiat" system, are not accepted for publication. Materials published elsewhere (or simultaneously sent to other publishers) are denied publication.
2. Papers with unlawful borrowings are rejected. The Editorial Board has the right not to open dispute with the author(s) or any other persons representing them on this issue and not to accept any prospective papers of the given author(s) for publication.
3. The articles submitted to the Editorial Board are subject to mandatory double blind peer review. In case of a positive review, the Editorial Board takes the decision about the publication of the manuscript, and determines the order of publication depending on the themes of the prospective issues of the journal. The Editorial Board reserves the right not to present the full text of a negative review and not to disclose the name of the reviewer.
4. The Editorial Board does not take an obligation upon itself to publish the article at the time designated by the author(s). The Editorial Board reserves the right to edit or shorten the text of the manuscript without distorting the content of the text.
5. On the basis of the manuscript review outcomes, the paper may be accepted for publication without significant revision; it may be accepted pending revisions and corrections; or it may be rejected.
6. If the manuscript is returned to the author(s) for revision, after certain corrections having been made, it is submitted by the author(s) to the Editorial Board again. As a rule, the manuscript is reviewed again by the same experts.
7. At all stages of the submission process, and for interaction with the author(s), the editors communicate via email.
8. During the vacations of the Editorial Board members (from July 1 to August 25), the manuscripts are not accepted and are not reviewed. Receipts about acceptance of the article sent during this period for consideration are emailed to the author(s) after August 25. The same date is considered to be the beginning of the review process.
9. The journal does not discuss the remarks made by reviewers and any other questions related to the rules of presentation, organization, review and publication of the articles.
10. The author(s) of the publication are responsible for mistakes of scientific and factual nature.
11. A preview of the article is sent to the author(s) before the issue goes to print. Significant correction of the preview should be avoided.

ARTICLE FORMATTING REQUIREMENTS

1. The authored original of the manuscript is submitted in both electronic and printed formats. Materials for publication should be sent by e-mail. All papers have to be written in Word 6.0/7.0 (.doc or .rtf formats), font Times New Roman, font size 14, line spacing 1.5, paragraph indentation 0.7 (selected in the menu). If you use a non-standard font, please, attach a file with the font to your email, and attach a PDF copy of the article. Language material used for illustration should be italicized. Single quotation marks (', ') are used to specify lexical meaning, angle quotes (« ») are used to mark quotations, French double quotation marks („ ") single out a quote inside a quotation, and semantic emphasis can be expressed by spacing.
2. Research papers are to be minimum 20,000 and maximum 40,000 characters with spaces; extra pages may be granted by the Editorial Board. Reviews, chronicles and short reports should not exceed the limit of 20,000 characters. Pages should not be numbered.
3. The main body of the text should be well structured and contain the following sections: Introduction, Research Methods, Research Aim, Discussion and Findings, Conclusions. Thus, the author(s) should provide a brief overview of the previous studies on the topic of the article, formulate research methods and analytical techniques explicitly, present their own research supplementing it with the necessary illustrations, and formulate the conclusions.
4. Footnotes should be given at the bottom of the page with continuous numbering.
5. References to the literature should be placed after the text (in alphabetical order). References in the body of the text and foot-notes are given in square brackets according to the model: [Name or title, year: page]. Sample:
Необычность ситуации, садовые аллеи, о которых писал Д. С. Лихачев, что их сумеречность – основная черта русского сада, из которой «рождаются и жизнь, и животность, и Бог» [Лихачев 1998: 419–421].
6. Additional Bibliography should come after the main body of the text in alphabetical order without numbering in accordance with GOST 7.0.5-2008 (protect.gost.ru) under the heading «Literature».
7. Reference List should be academically complete and contain at least 15 real sources. Russian sources should be transliterated via automatic Cyrillic converter at: www.translit.ru, variant BGN (Board of Geographic Names).
8. Capitalizing and underlining in the body of the text are not recommended.
9. In addition to the main body of the text, the following information should be provided in Russian and English:
 - 1) Information about the author(s): Full family name, first name and patronymic; scientific degree, rank and appointment; affiliation to organization; department;
 - 2) Contact information (e-mail, postal address for shipping and publication in the journal);
 - 3) Title of the article;
 - 4) Abstract (it should summarize the content of the article in min 250 words and should include the following aspects: scope and object, topic, aim, methods or methodology, findings, sphere of outcome application, conclusions). No abstract is needed for a review;
 - 5) Keywords (5–10 words).

MANUSCRIPTS CAN BE SUBMITTED VIA THE JOURNAL SITE OR EMAILED DIRECTLY TO OLGA-SKRIPOVA@MAIL.RU

ON ALL ISSUES, PLEASE, CONTACT THE ACADEMIC SECRETARY OF THE JOURNAL, CANDIDATE OF PHILOLOGY, ASSOCIATE PROFESSOR OL'GA ALEKSAN-DROVNA SKRIPOVA OLGA-SKRIPOVA@MAIL.RU

